МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЕГАЗОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ – 2015

Материалы Международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых учёных
(15 апреля 2015 г.)

Тюмень
ТюмГНГУ
2015

УДК 81′ 33 (06)
ББК 81.1
А 437

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор Х.С. Шагбанова

Редакционная коллегия:
Н.М. Уразова, Г.С. Галямова, Р.Ж. Саурбаев,
Н.М. Раковская, С.А. Фокина

Актуальные проблемы лингвистики – 2015: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 15 апреля / отв. ред. Х. С. Шагбанова. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2015. – 448 с.
ISBN 978-5-9961-1053-7

В издании представлены результаты научных исследований участников конференции, посвященные актуальным проблемам лингвистики, а именно, проблемы многоязычной коммуникации в современном меняющемся мире: языки и народная культура; инновационные направления развития прикладной лингвистики: автоматический перевод текстов; стратегии подготовки переводчиков-лингвистов; актуальные проблемы современного языкознания; проблемы теории и практики перевода; место перевода при обучении иностранным языкам; лингвистические и стилистические аспекты перевода.

Издание может представлять интерес для студентов, аспирантов, соискателей и научных работников.

In the present edition scientific findings of the conference participants researches covering contemporary problems of linguistics are published. These problems include problems of multilingual communication in the modern dynamic environment: languages and national culture; innovative tendencies of the applied linguistics development: machine translation of texts; strategies of translators-linguists training; position of translation at teaching foreign languages; linguistic and stylistic aspects of translation.

The edition can be of interest to students, graduate students, applicants for a degree and scientists.

УДК 26.343
ББК 553.98

ISBN 978-5-9961-1053-7

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Bob-Milliar Gaspard, Shagbanova H.S., Shatskih IS. Information technology in teaching and learning English language……...11

Duysekenov D.S. The internet “runglish” language ……...15

Абдулова И.С., Басырова Г.А. Проблема определения осложненного предложения в башкирском языке…….……... 19

Абзулдинова Г.К. О пословичных трансформациях в русском языке.....21

Абильдинова Ж.Б. Цели и содержание обучения иностранным языкам на современном этапе развития среднего образования…….26

Аблямитова А.Р., Карнаухова Т.А. Заимствования в русском языке на современном этапе...……32

Абсалямова Р.А., Кольцова К.А., Кректунова М.А. К вопросу перевода сложных существительных географической направленности……37

Абсалямова Р.А., Черепкова А.А. Проблема интернет – зависимости (на основе анализа немецких медиатекстов)……...39

Азылбекова Г О., Кенбаева Р.Д. Пословицы и поговорки, отражающие национальный характер немцев……...40

Акимова О.А., Галямова Г.С. Лингвистическое образование в техническом вузе……..43

Акмалова З. Ф. История развития татарской поэзии в оценке Талгата Галиуллина……...45

Аминова Л.А. К проблеме овладения государственным языком гражданами Республики Казахстан: социолингвистическая ситуация на примере Павлодарской области…….…….48

Андрющенко О.К. Эстетическая оценка в философском осмыслении…….55

Балабекян А.М. Фольклорная и мифопоэтическая основа мотива встречи с умершим супругом в «Метели» А.С. Пушкина……62

Балдина Е.А. Семантические свойства фразеологических единиц с компонентом – наименованием посуды……...69

Бараненко Ю.В. Жанровая специфика «писем столичного друга к провинциальному жениху» И.А. Гончарова……75

Беспалова В.К. Сюжетные мотивы в рассказе А.С. Грина «Элда и Анготэя»……...82

Бобрикова Е.П. К вопросу о переводе неологизмов, заканчивающихся на – illion……90

Бойко О. А. Актуализация белого цвета
в романе А.М. Ремизова «Пруд»……..93

Болдырева М.В. Семантика английских идиом с топонимами...…….....99

Велиева А.Э., Карнаухова Т.А. Проблемы современной акцентологии…..102

Гаврилов А.Ю., Полетаева О.Б. Значение иностранного языка
в современном обществе…….108

Гаврилова Е.Г. Семантические особенности не частотных компонентов –
числительных в структуре русских паремий……110

Гарифуллина Э.И., Карташова А.С. К вопросу об использовании
иноязычных слов……112

Гуливец Н.А. Ключевые слова культуры в определении миссии
компании……..114

Добробабина О.Ю., Бондарь Е.В. Нравоучение об истинной
и мнимой святости в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий»…….119

Должикова Л.В. Die methodologischen Gründungen der innovativen
Ausbildung in der technischen Hochschule……...……...126

Должикова Л.В. Закономерность инновационного обучения
гуманитарным дисциплинам в техническом вузе……131

Есенгалиев М.Е., Ахметжанова М.М., Кульбаева Б.Т. Integration of
education in Kazakhstan.……...133

Есенова А.Е. Типология дискурса……..139

Жумадильдин Н.Е., Кульбаева Б.Т. Interfaith and counteraction
to religious extremism……...144

Журавская А. Горизонты рецепции и литературной интерпретации
образа Сольвейг в лирике А. Блока……..……149

Зангиева З.Г., Темиргазина З.К. Сравнительный анализ
английских и русских пословиц и поговорок, выражающих
отношение человека к труду……..……155

Зангиева З.Г., Широкова Ж.К. The image of an english gentleman
in literature through the stereotypes (based on the material of literary
works by jane austen “emma” and “persuasion”)……..…...159

Ибрагимов Б.Х. Интеллектуальное направление в татарской
литературе рубежа XX - XXI вв. ……...162

Ивлева Н.Д. Мифопоэтическая основа истории портрета
в петербургской повести Н.В. Гоголя……...168

Имамбаева Г.Е., Ахметова А.Б. Сопоставительный анализ произведения Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» (оригинал и перевод)……173

Исмагилова Г.М. Образ города Казани в татарской поэзии в начале XX в. ……179

Камалов Р.Р., Саляхова З.И. Понятие «любовь» в башкирских народных пословицах и поговорках……..182

Капустина А.Б., Кашапова Т.Н. Использование игровых технологий при обучении английскому языку в средней школе……184

Каримова А.О. Семантические особенности фитонимов в интернет блогах на казахском, русском и английском языках……188

Карпова Н.С. Коннотативное значение названий деревьев в чувашском языке…….……191

Кенисханова А.С. Механизмы порождения би – и полилингвальной речи…….……...194

Kenzhetaev Kh. Prosodic pecularities of the political discourse (on the materials of the speeches of the prime minister of Great Britain David Cameron…….....199

Ким Е.С. Авторская модель мира в раннем творчестве С.Н. Сергеева-Ценского («Взмах крыльев»)……..202

Косенкова А.А. Трансформация любовного заговора в стихотворении И. Бродского «Для школьного возраста» в контексте авторского мифа поэта……...207

Кульбаева Б.Т. Лакуна как маркер национальной концептосферы……212

Кусаинова Д.А., Доронина С.В. Лозунг как речевой акт……..217

Лаврова А.А., Абсалямова Р.А Описание системы лексических значений географических названий Германии ……223

Ларцев С.К., Андрющенко О.К. Стилистические особенности футбольного репортажа……..……...225

Лач Д.В. Типы межъязыковых фразеологических параллелей в английском и русском языках……...…..232

Литвинова О. Специфика формирования и функционирования юридических терминов-аббревиатур в современном английском языке……238

Махметова А.Ж., Суюнова Г.С. Лексические средства выражения согласия в английском и русском языках...……..243

Митева Е. Интертекстуальность как маркер модели рыцарства в стихотворении М. Цветаевой «Семь мечей пронзали сердце»……247

Михайлова А.А. Роль А.С. Пушкина в развитии чувашской культуры…..253

Мустафин А.А. Развитие документной лингвистики и ее перспективы.....254

Никитина А.С. Отражение концепта «любовь» в чувашских пословицах ……..……...258

Никитина Ю.Д., Пьянкова И.А. Речевой этикет в профессиональной коммуникации современного работника сервиса……....261

Нордман И.Б. Коммуникативная направленность обучения иностранному языку как составляющая информационной культуры студентов..…….264

Нуртаза С.М., Азылбекова Г.О. Языковая репрезентация концептов «study» и «оқу» в английской и казахской лингвокультурах.....267

Петрова В.С. Традиционные народные представления чувашей о беременности…….....269

Полетаева О.Б. Проблема развития навыков перевода и беглости речи на начальном этапе обучения иностранным языкам..……270

Полетаева О.Б., Макаренко А.С. Актуальные задачи в обучении иностранным языкам в техническом вузе…….272

Рамазанова Е.А. Парадигматические связи фразеологизмов времени и пространства в английском и русском языках.....274

Руссева Т.Г. Образ лирического героя в цикле С. Есенина «Москва кабацкая»: система ценностных ориентиров …….282

Садыков К.Д., Галямова Г.С. Иностранный язык в технических вузах……..287

Саляхова З.И. Функционально-семантический подход к изучению категории залоговости в башкирском языке..……..289

Saurbayev R. Zh., Shagbanova Kh.S. On the issue of the tagseme as one of the components of structural-semantic composition of the sentence in modern English ……..291

Саурбаев Р.Ж. Осложненное предложение в современной синтаксической теории (на материале английского и татарского языков)….297

Саурбаев Р.Ж., Туляганова М.Б. Специфика научно-технического перевода..……..305

Сенина К.Я., Степанова Н.М. Языковая картина мира во фразеологизмах с частями тела «глаз» и «ухо» в русском и немецком языках……314

Стрельцова Е.Э. Криминальная проблематика в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»……318

Татиева А.Б., Суюнова Г.С. Концепт «речь» в русской паремиологии…….....323

Ташкеева Г.Х. Детская тематика в творчестве сибирскотатарской поэтессы Галии Абайдуллиной……..328

Ташкеева Г.Х. Музыкальный фольклор в романах Я.К. Занкиева..……...331

Таштимерова Д.Н, Басырова Г.А. Предложения, осложненные обособленными второстепенными членами в башкирском языке…….334

Текжанов К.Х., Комаров О.Е., Омаров Н.Р. Социологическое исследование языковой ситуации в Республике Казахстан (на примере города Астаны) ……..……338

Тимофеева И.А., Яковлева Н.А. Проблемы многоязычной коммуникации в современном меняющемся мире: языки и народная культура..……..352

Ткач С.А. Герменевтика жанра стихотворения В. Маяковского «Братья писатели»……...356

Ткачук С.С., Суюнова Г.С. Формирование языкового пространства города Павлодара……361

Трофимова О.П., Карпова Н.С. Концепт «Счастье» в чувашских и русских пословицах…….366

Улыбина С.В., Мухтарова Д.Р. Изучение иностранного языка в техническом вузе – обязательный компонент профильной подготовки специалиста……..…368

Уразова Н.М. Реализация прав сибирских татар на защиту, сохранение и развитие родного языка……...370

Уразова Н.М., Мурзин Ф.К. Английский язык для нефтяников в «Лингве» ТюмГНГУ ……375

Уразова Н.М., Мурзин Ф.К. Практические советы для изучающих технический английский……..…378

Файзуллина Г.Ч. Коннотативный аспект семантики номинаций человека в татарских народных говорах Тюменской области.....380

Федорова А.В. Безэквивалентная лексика чувашского языка, характеризующая национальные украшения.....384

Фокина С. А., Ломанченко Д.С. Интерпретация темы колдовства в цветаевской рецепции русского авангарда……389

Фокина С.А.,Митева Е.Н. Рецензия на Уральский филологический вестник № 5 от 2013 года, второй выпуск серии «Драфт: Молодая наука»……394

Хамитова И.Р. Лексические средства, обозначающие возраст людей в произведениях Мустая Карима.……..401

Хорошилова В.А. Авторское сознание А.И. Куприна как художника «рубежной эпохи» (повесть «Суламифь») ……...402

Шаймарданова С.К. Мир поэзии Павла Васильева……409

Шакаман Ы.Б. Стереотиптің тілтанымдық қызметі.....415

Шевчук Б.К. Лингвокультурологические вокативы терминов родства в казахском, русском, английском и китайском языках…….....419

Яковлева Н.А., Котельников В., Тимофеева И.А. Целесообразность изучения иностранных языков для специалистов технических специальностей……425

Яковлева Н.А., Кузакбердиева О.Х. Необходимость изучения иностранных языков для медицинских работников……428

Яркаева С.Ф, Басырова Г.А. Простые предложения, осложненные обстоятельственными оборотами в башкирском языке.....430

Ярмухаметов Ф.В., Басырова Г.А. Присоединительные конструкции в башкирском языке.....433

Яшина Л.И. Качество автоматического перевода текстов……..436

Сведения об авторах ……...440

NFORMATION TECHNOLOGY IN TEACHING AND LEARNING ENGLISH LANGUAGE

Bob-Milliar Gaspard, HS Shagbanova, IS Shatskih
Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Боб-Миллиар Гаспар, Х.С. Шагбанова, И.С. Шацких
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

The problem of learning languages is very important today. Foreign languages are socially demanded, especially at the present time, when science and technology has led to an explosion of knowledge and has contributed to an overflow of information. It is well know that our new life is highly affected by the era of information technology, and technology plays an important role in today's human society development. With regards to this fact, it is indispensable to take advantage of the modern technological facilities in aiding the test of english language education

Learning english language is not an easy thing. It is a long and slow process that takes a lot of time and patience [Rodinadze & Zarbazoia, 2012].

Students trying to learn English as a second language need further language support. They need ago practice in hearing/listening language, reading language, speaking language(verbal interaction) and writing language in order to develop their experience and skills [Ybarra & Green, 2003]. to make this process effective, they are in need of using various tools which can help them learn the language easily.

This article is about how English can be learned using all the necessary tools at your deposal at any moment and in any place you may find yourself. Sometimes the efforts of the learner depends how fast or how slow he can learn english language.

A revolution in language teaching philosophy took place towards the end of the late 1800s,that is seen by many as the dawn of modern foreign language teaching. Different methods appeared. e.g. Grammar Translation Method, The direct method, Audio- Lingual Method and others [Rodinadze & Zarbazoia, 2012]. Information technology helps the students as well as the teachers in studying the course material easily because of fast access. Studying the subjects with the help of online libraries and dictionaries has made grasping and increasing the knowledge easy for the students. The inclusion of information technology in the syllabus in schools, colleges and universities has helped them in grasping the subject well and getting their basics cleared. Since, many educational centres have the online grading system, it has been a boon for the parents of the children

to keep a tab on their performances. Parents can also get the details of the attendance record of their child.

In recent years, the speedy, effective and global communication of knowledge has created a new foundation for co-operation and teamwork, both nationally and internationally. The increasing role played by information technology in the development of society calls for an active reaction to the challenges of the information society [Rodinadze & Zarbazoia, 2012].

Information technology may assist in the facilitation of learning or serve as the actual educational structure allowing learning to occur. Information technology benefits both traditional education institutions and online educational models in fundamental ways. For example, multimedia presentations, knowledge-management software, video conferencing, cloud computing and collaborative document editing are notable information technology services benefiting education.

With more powerful software and applications, along with mobile devices such as tablet computers, personal digital assistants (PDAs) and laptops becoming more prevalent in the classroom, information technology offers many benefits to all aspects of education.Nowadays using of information technology at the English lessons is also very important.

Information technology provides teachers an endless choice of multimedia, software, applications and devices with which to create more exciting, interactive lessons. The traditional English lecture-based lesson, while effective to a point, does not stimulate every type of learner. By adding a dimension to their lessons, English teachers have the opportunity to engage more students and lead a more involved, energetic class

We are going to discuss how english can be learned in the classroom or at home using the available technology. As mentioned above we need a lot of practice to learn english.

First of all, we need listening or hearing language:

Listening is defined as the process of identifying and understanding the speech of the speakers. It involves understanding the speaker's accent or pronunciation, speaker's grammar and vocabulary, and comprehension of meaning [Saricoban, 1999]. The listener should be capable of doing these four things at the same time.

Listening is considered as a principal language skill. Through listening people can acquire a large portion of their education, their information, their ideas, and their understanding of the world.

There are several technical ways for improving the listening capability of the ELL (English Language Leaner) student, which are summarised below.

Use of Computers

The use of computers in listening problems provides students with visual and voice inputs which can enhance their information and ideas, and develop their listening skills [Hoven, 1999]. Computer-based listening tests are very im-

portant in reinforcing the understanding skills of the listener. Flash-card based learning films can also provide significant advantages over the traditional methods. Finally, Internet voice chatting using the second language may also aid the communication capabilities of the student.

Listening to TV and radio educational language programs is also another technical way for developing the understanding ability. However, News satellite TV channels, like the BBC, are also useful for practicing with audio and video media.

The use of MP3-player devices is another modern tool for listening comprehension. MP3-players are electronic instruments used specifically to run audio files. Lectures and listening examinations can be saved on audio files for latter use by the ELL student. Nowadays, these MP3-players can be used as recording devices to record audio and later playback for the listener

Reading

Moreover, Reading is an important process in language development. Reading is the process of understanding a written text by the learner. It is an important skill which depends on the vocabulary and background knowledge of the learner in the second language [Constantinescu, 2007]. During the reading process, the English language learner can improve his vocabulary and terms, acquire new information and ideas, and enhance his real-world knowledge.

The ELL student can use Computer Reading-Based Programs .This can enable ELL students to increase their interaction with texts, pay their attention to individual needs, and enhance their abilities to read texts they would not otherwise be able to read [Ybarra & Green, 2003].

Computers can raise the interest of reading for learners by the use of simple and easy to understand text. Reading-based computer programs can be used to improve the word vocabulary, fluency, and comprehension of the students.Computers can also be used to correct answers for the learners, and to simulate tests in an easy to understand manner [AlKahtani, 1999].

In present days, computers are designed so simple and portable. It is now more convenient and possible to carry around with you devices such as iPads, PDAs, and other tablets making learning more interesting. The ELL can download pdfs onto these devices and can always refer to the documents anywhere he finds himself.

Browsing the internet is certainly a modern technological way for persons who have the hope to develop their English language skills. There are many Internet web sites prepared solely to enhance the reading abilities of English language learners. There are also a huge number of resources available in the form of newspapers, magazines, journals, electronic libraries, dictionaries, encyclopaedias, and newsletters [Kenworthy, 2004]. Browsing these resources and sites will obviously enhance the learner's vocabulary and reading ability.

Speaking

Human communication can take place between the speaker and the listener if only they understand each other. The leaner should try as much as possible

to speak the language he is trying to learn. Speaking with people around you is a better way develop your language and not to forget what you have learned. Both speaker and listener have a positive function to perform in simple terms. The speaker has to convert his message into spoken language, while the listener has to understand the language of the speaker. Insertingtechnology in learning English language speaking can take several forms as the use of Internet Voice Chatting

Chatting is the process of voice communication between the speaker and the listener through the internet. This process may be very beneficial to the learner if the other side speaker is a native language talker.

Writing

The writing process can be very difficult for learners of English language as they must do tasks like generating ideas, organisation, and perfect use of grammar and vocabulary. Some of the technical ways for improving the writing skills for the ELL student are listed below.

Computers can be used to develop the writing skills of English language learners.Grammar skills can be improved with the aid of word processing programs. So, the use of the computer as a tool in studying grammar is much more motivating for the student than the process of traditional writing with a paper and a pencil [Ybarra & Green, 2003].

Writing E-mails

Electronic mail is a modern way for writing and transferring messages through the internet. Using e-mail can be a very effective means for improving writing skills. Students can use E-mails to learn how to respond to the incoming messages using some formal statements and meaningful language [Singhal, 1997].

Text chatting is another important technical method for developing writing ability. It provides an on-line and quick tool for writing and expressing thoughts, transferring ideas, and responding instantaneously with the other side writer. Nowadays there a lot of social networks where the ELL student can find friends who speak english language and text chat with them. This can also go a long way to developing the writing skills of the student.

Conclusions and Recommendations

The aid of technology in learning a second language has become a real necessity nowadays. It has been reviewed in this article briefly how technology can be utilised in developing the language skills of the learner. As a result, the following concluding remarks and recommendations can be recorded:

1. As technology has developed, the incorporation of this medium into the instruction process becomes necessary.

2. The computer is being viewed more as an integral part of the learning activity, and as a means by which skills are transferred to learners.

3. Theory and practice in second language learning can be matched together by the use of modern technology.

4. Modern technical ways should be followed for effective learning and teaching of the second language.

5. English language teachers should encourage their students to use technology in developing the language skills.

References

1. AlKahtani, S. (1999). Teaching ESL reading using computers. The Internet TESL Journal, 5 (11). Retrieved from http://iteslj.org/Techniques/AlKahtani-ComputerReading/
2. Rodinadze & Zarbazoia, (2012). The Advantages of Information Technology inTeaching English Language
3. Constantinescu, A. I. (2007). Using technology to assist in vocabulary acquisition and reading comprehension. The Internet TESL Journal, 13(2). Retrieved from http://iteslj.org/Articles/Constantinescu-Vocabulary.html
4. Davies, G., & Hewer, S. (2012). Introduction to new technologies and how they can contribute to language learning and teaching. Module 1.1 in Davies G. (ed.), Information and Communications Technology for Language Teachers (ICT4LT), Slough, Thames Valley University [Online]. Retrieved from http://www.ict4lt.org/en/en_mod1-1.htm
5. Hoven, D. (1999). A model for listening and viewing comprehension in multimedia environments. Language Learning & Technology, 3(1), 88-103. Retrieved from http://llt.msu.edu/vol3num1/hoven/index.html
6. Kenworthy, R. C. (2004). Developing writing skills in a foreign language via the internet. The Internet TESL Journal, 10(10). Retrieved from http://iteslj.org/Techniques/Kenworth-WritingSkills.html
7. Saricoban, A. (1999). The teaching of listening. The Internet TESL Journal, 5(12). Retrieved from http://iteslj.org/Articles/Saricoban-Listening.html
8. Seedhouse, P. (1994). Using newspapers on CD-ROM as a resource. TESL-EJ, 1(2). Retrieved from http://www.tesl-ej.org/wordpress/issues/volume1/ej02/ej02a3/.
9. Sharma, P. (2009, April 8). Controversies in using technology in language teaching Retrieved from http://www.teachingenglish.org.uk/articles/controversies-using-technology-language-teaching.

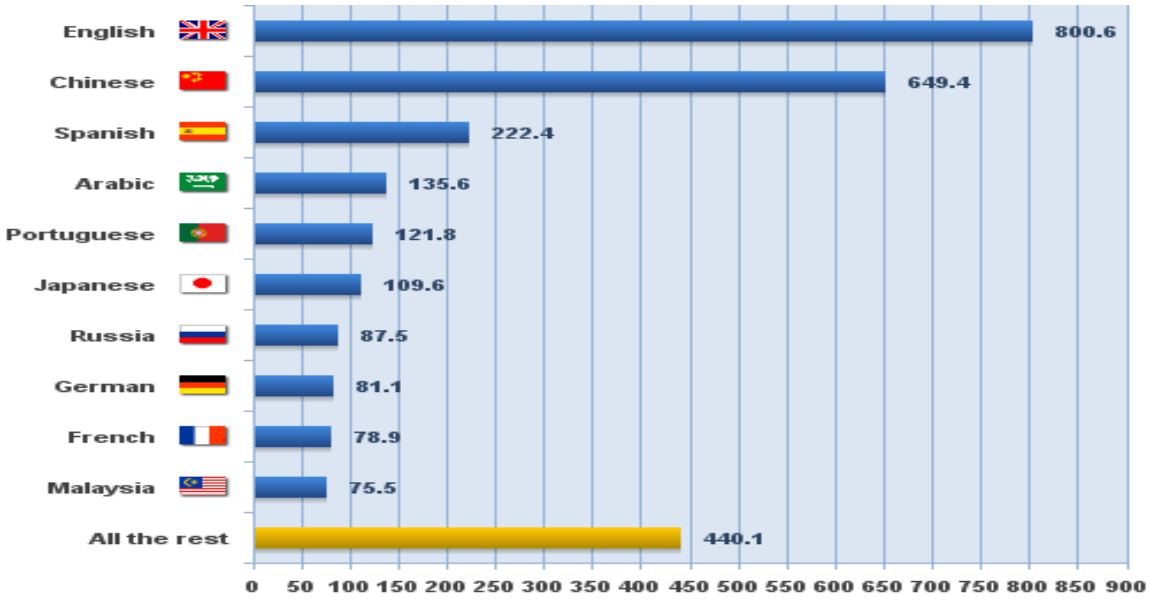
THE INTERNET “RUNGLISH” LANGUAGE

DS. Duysekenov
Pavlodar State Pedagogical Institute, Pavlodar, Kazakhstan

The Internet as a particularly communicative environment and which did not existed before, has brought new methods of communication, also stereotypes of speech behaviour and new forms of language as well.

After the Internet has come in sight, the way of thoughts exchanging in society has changed. In internet society the man became to be equal to the texting. This type of exchanging the thoughts was based on the internet chat communications. Moreover, these internet users had not got any timbre of voice, emotional colouring of words, diction, gestures and facial expressions. From that the quality of communication becomes in a very low level. According to some psychologists, in the real communication, the nonverbal-communication fills the whole process to the 55%. Today copying the foreign countries has become as the modernist practice. Especially replication their language, using their words, and also use them for filing their own speech. In a chase of something new, people ignore not only the grammar when they talk to each other in chats, but ignore their mistakes in spoken language as well.

According to “Internet Worlds Stats”, the most used language in internet is English, and on the second places are Chinese and Spanish.

New world and new style in the internet system, demanded the new style of communication or the transformation of old styles. The slangs, which was created in the internet, comes to people’s lexis, it also comes to their everyday speech, hurting their grammar, beauty of speech and et cetera. This is a common problem.

In these latter days, Russian language which is used in the internet, is exploring by many linguists. The changes in the secondly language personality, occurs with the practice of forming the virtual image of the world, and also the language image, which is represented the life virtual space with its specific features. There occur the changes of the values, for example. The education in the virtual world appreciates more than the education of language, it means that people can obtain the knowledge, without using difficult structure, constructions of the language, they can simplify it.

The changes of the personality in internet, can form the new style of life, new way of thinking and this is doubtless influences on their use of the correct language. Probably, we can say about the crating of new style in Russian language, about the style of communication in Russian. Today we have got a kind of style which describes the situation. This is can be called as the “Runglish”. The runglish is the use of English+Russian words. We can find it out, when we see the reconstructions in the word’s root, suffixes, and prefixes. The major role play on this practice, to add, to change the construction of Russian words with the English elements, for giving them the international status or use. The majority part of Runglish is used among the CIS. Often we can see the use of them between the IT-specialists, some words like: (*юзер, коннектиться, скриншот, софт, апгрейд*) and other examples of terms which are pronounced with English pronunciation. The creating of this style, way of communicating, might was made because of the spheres of life, new professions, technologies, cultural innovations, social changes and so on. That is why, if we compare the English and Russian terms which are used in IT-sphere, we can find no differences.

For instance, the meaning of “заасанить баг” is used in IT-technologies and means, that one need to choose in a system “bug” and push the “assign” button. The translation of this expression in Russian language («назначить дефект») can be not understood between co-workers.

Also, for example in England, we can observe the same situation in English language, adding there the words from different languages. This is called as the “Weblish” (Web+English), which is also outspreaded among the internet users around the world.

One must admit that that the internet is the greatest source of garnering the information, which the humanity beings have ever known. So, as was mentioned before, we can use the internet not only for exchanging text messages and also for obtaining the information. The latter days we can see also the huge use of slang among the virtual chats, forums etc. The slang also simplifies the structure of language, and make the communication more easy and effortless. Nowadays, we can find out the use of slang in mass media, and even in the literature. As the philologists notice, the developing of using the slang might bring a corrosion of language, erode the orthographical and grammatical basis and also can deform lexical units. Frequent use of this language, no doubt, reduce the grammar, reduce the construction of words, simplify the way of presenting thoughts, and one will be need to speak correctly and handsomely, one will not. The one reason of why this language became so popular among the internet users (youth), on the one hand is the poorness of vocabulary on the other hand at the same time the will of being original, and it looks like something new.

This is not a secret that the social media is one of the most popular phenomenon among the youth. Let us take a look on some sides of that. The communication there hurts the language as well. One of the terrible things, that as was said before, they want to stay anonymous. Lots of users refuse of their own

identical basis (name, surname etc.) The anonymity attracts their attention, during the communication, there is created new identical information. This is can be as one of the causes of losing the individuality and personality.

The text-messages can have lots of deformed features of phonetics, here is some examples:

Instead of: (Что – чё, чо), (Только – ток, токо), (Сейчас – ща, щас) (Вообще – вабще, ваще).

Also, sometimes the smiles, punctuation marks cannot be pretty enough for expressing the intonation and emotions during the chatting. Often they can be expressed by stretching the vowels. For example: (Ну-у-у-у, не зна-а-аю-я!) and also the attempts of representing by using replicas in dialogues, like: (Тайлер задумался, качает ногой) - хм-м-м").

Some graphical forms of several words are close toward the sounding, how words sounded and by that, they just use words for writing down the essential letters for illustrating this. For example: ("всю жизнь мечтала побывать в мужской шкуре, мона?" "эт-хрошо" "а ниччё, мило", "ну, чё?", или "оставь "Змейа-а-а---э-эээ!!!!!!!!!!!!!!!" "НЕ СПАААААААТЬ!".)

Also some examples like: феньк ю вери мач!", "нажала-а-а-а-а" или "штоля-а", так и традиционными, общепринятыми (в чатах). К последним можно отнести "чё", "щас", "чего-нить", "ваще", "эт" вместо "это".

The influence on the construction of words during the internet communication.

1. The direct borrowing. These words me meet in Russian language, with the almost similar meaning as was given in the original version (English). For example: (*уик-энд* - выходные; *блэк* – негр; *мани* – деньги, сайз- размер.)

2. Hybrids. These kinds of words were created by the adding to the structure of Russian words, foreign roots, prefixes, suffixes. Sometimes this practice can create several changing in the meaning, but they usually close to. Some examples: искейпнуть (escape), гамать (game), запостить (to post)

3. Kalka. These words had come from the foreign languages, which are used with the preservation of their graphical and phonetically form. Examples: *меню, пароль, диск, вирус, клуб, саркофаг.*

4. A half-Kalka. The words which are obey to the Russian language grammar by adding the suffixes. The examples of them: драйв – драйва (drive)

5. Exotisms. The words are characterized by the national features, which came from the non-Russian cultures. The main distinction of this type is that, it has not Russian synonyms. For example: чипсы (chips), хот-дог (hot-dog), чизбургер (cheeseburger)

6. Composits. These type of words consist of two English words. For example: *секонд-хенд* – a store which sells the utilized clothes; *видео-салон* - a room for watching the films; офф-топик- out of theme.

The researchers notice that the destiny of the slang and expressions is not similar. One of them because of the frequent use for a long time can be used in

the common speech. Other types of slang and expressions can be forgotten. Rest of them are able to stay in use for a long time among the young generation, and cannot be used in the common speech but cannot be forgotten as well.

Also among the internet users one of the popular quick method exchanging of messages is the excluding of vowels at all.

Because, in their opinion the use of only consonants is pretty enough for representing the meaning. For example:

Correct: Привет! Как твои дела?

Reversed: Првт! Кк тв дл?

Correct: Я бы сегодня хотел сходить в магазин

Reversed: Я б сёнь хтл схдть в мгзн

In the conclusion, one should admit that the internet communication, doubtless simplify the structure and accelerate the exchange of messages, e-mails. This practice is very close to the modern style of life, as something like “Faster and effortless”. The use of the “runglish” can be comfortable, but if we have analogues of these words in Russian language, it would be better if we would use them instead of Anglicism. One of the famous Kazakh poet and also writer Chingiz Aitmatov thought that: “The Immortality of the nation in their language”

If we want to preserve the culture, identity and uniqueness of our nation we need to preserve the uniqueness of the native language.

References

1. http://www.internetworldstats.com/stats7.htm
2. https://ru.wikipedia.org/wiki
3. http://ldpr.org/vlianie-interneta
4. http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2012/12/12/pozitivnoe-i-negativnoe-vliyanie-protsessa-zaimstvovannykh-slov-na-russkiy
5. http://www.bambinostory.com/obschenie-v-internete/

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

И.С. Абдулова, Г.А. Басырова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

Осложненное предложение по ряду признаков в той или иной степени сближается со сложным предложением. Многие типы осложненных предложений характеризуются дополнительной предикативностью, связанной с определенными способами ее синтаксического оформления. Тем не менее, осложненное предложение имеет одно предикативное ядро и этим отличается от сложного предложения.

Строгого определения осложненного предложения в синтаксической науке не выработано, существует лишь традиция употребления соответствующего термина: к осложненным обычно относят предложения с однородными и обособленными членами предложения. В некоторых грамматиках осложненными называют также предложения с обращением, и даже предложения с вводными словами. Вместе с тем многие ученые при описании соответствующих синтаксических явлений понятием «осложненное предложение» вообще не пользуются. Отказ от общего определения объясняется разнохарактерностью тех синтаксических явлений, которые практически подводятся под понятие «осложнение». Некоторые ученые пользуются термином «**усложненное предложение**». В казахской лингвистике для определения данного типа предложений употребляется понятие «**курделенген сойлемдер**». В свою очередь Г.Г.Саитбатталов их называет «**қатмарлаштырылған синтаксик конструкциялар**». Мы придерживаемся термина «**қатмарландырылған һөйләмдәр»**, данного Д.С.Тикеевым. Но эти слова қатмарландырылған и қатмарлаштырылған являются синонимами, переводятся и толкуются одинаково, поэтому мы считаем, что употребление того или другого термина не имеет принципиального значения.

Само понятие – осложненное предложение (қатмарландырылған һөйләмдәр) – означает, что предложение по своей структуре представляет собой осложненную организацию, но не выходит за рамки простого предложения.

Г.Г. Саитбатталов считает осложненными предложениями синтаксические конструкции, содержащие в себе обособленные второстепенные члены и деепричастные обороты. Он также в зависимости от контекста и коммуникативного задания осложняющими компонентами предложения рассматривает однородные главные и второстепенные члены.

Итак, границы понятия «осложненное предложение» очерчиваются недостаточно четко.

В данной работе мы будем придерживаться той точки зрения, по которой к простым осложненным предложениям относятся предложения с однородными членами, предложения с обособленными второстепенными членами, предложения с вводными и вставочными конструкциями и предложения с обращениями.

Выделение осложненного предложения из ряда простых и применение данного термина к определенному кругу фактов имеет своим основанием практическую деятельность говорящих. В речевой практике устанавливаются определенные функциональные соответствия, связывающие разные виды осложнения между собой – с одной стороны, и со сложным предложением – с другой. То, что в сложном предложении – полипредикативной структуре дано в явном, развернутом виде, в осложненном предложении – монопредикативной структуре – как бы свернуто, сжато. Семантические соответствия, а часто и возможность взаимной трансформации

находят между сложными предложениями и предложениями с обособленными и однородными членами. Есть осложненные предложения, настолько близкие к сложному, что их положение в синтаксической системе определяется как промежуточное.

Вместе с тем одна только возможность преобразования простого предложения в сложное не является признаком осложненного предложения, да и не всякое осложненное предложение обнаруживает такую возможность.

Итак, границы понятия «осложненное предложение» недостаточно определенные, точные. И это закономерно, так как есть разные ступени и разная мера осложнения.

Литература

1. Дмитриева Л.К. Осложненное предложение на шкале переходности // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. – Л.: ЛГПИ, 1984.– С.7.
2. Есенов Х.М. Основные вопросы синтаксиса осложненного предложения в современном казахском литературном языке: Автореф. дисс... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1982. – С.11.
3. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – С.7.
4. Русская грамматика. Том 2. – М., 1980. – С.176-178.
5. Сәйетбатталов F.F. Башҡорт теле. I том. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 1999. – 265-се бит.

О ПОСЛОВИЧНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г.К. Абзулдинова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Трансформация в пословицах и поговорках позволяет получить представление об актуальных процессах в культуре, экономике, политике, о роли некоторых сфер общественной жизни и об отношении носителей языка к происходящему. Пословичные трансформации (антипословицы) – это приближенное содержание пословиц и поговорок к нынешним реальным социально-политическим и экономическим условиям. Системный анализ таких трансформов в лингвокультурологическом аспекте пока не осуществлен. Между тем пословичные трансформы обладают значительным лингвокультурологическим потенциалом [1].

Активизация употребления трансформированных пословиц объясняется тем, что они выполняют особый «социальный заказ», «осовременивают» шаблонизированные многолетним (а часто и многовековым) употреблением паремии и отражают актуальные для носителей языка реалии.

Цель трансформов – это смеховой эффект или разрушение норм (моральных, утверждаемых традиционными пословицами, и языковых – введение в пословицу жаргонизмов, бранной лексики и т.п.), эффективный способ высмеивания и опровержения закрепленных в их прототипах общественных стереотипов. Антипословицы являются не только действенным средством для привлечения внимания в силу различных структурно-семантических преобразований, используемых для их создания, но и выступают орудием воздействия и управления аудиторией.

В настоящее время частотны трансформы, отражающие новые реалии из социально-политической сферы: медицина (*Лекарства дороже денег*), образование (*Образование дороже денег*), политика и государство (*Делу время – пикету час*), армия (*Не боевая техника красит воина, а воин боевую технику*), криминальная сфера и охрана правопорядка (*Язык до киллера доведет*), средства массовой информации (*Папарацци на выдумку хитра*); экономической сферы (*Свой бизнес карман не тянет*); научно-технической сферы: компьютерные технологии (*Хакерство хуже воровства*), космос (*«Мир» от «Челледжера» недалеко падает*); обиходно-бытовой сферы: алкоголь (*Водку пивом не испортишь*), наркомания (*Чем бы наркоман ни тешился, лишь бы кайф не ломал*), секс (*И для старухи найдется порнуха*); сферы досуга (*Рок попсы не слаще*; *Не так страшен пейнтбол, как его малюют*) [1].

Наименования многих реалий этих сфер являются лингвокультуремами нового времени, а выделение такого междисциплинарного направления, как лингвосоциокультурология, объектом которого является язык как знаковая система культуры определенного социума, позволяет называть их лингвосоциокультуремами, так как данные единицы являются национально детерминированными языковыми знаками, которые отражают явления социальных сфер.

Х. Вальтер и В.П. Мокиенко составили словарь антипословиц русского народа. Они определяют антипословицы как трансформации традиционных паремий, представляющие собой интересное явление. Это тексты, в которых контаминируются структурно-семантические единицы и модели традиционных паремий, лозунгов, рекламы, в том числе и политической. В них, в частности, отражается и подвергается оценке недавнее прошлое и современные реалии [2].

Следует отметить, что антипословицы характеризуются тем, что их понимание не зависит от контекста, и они могут функционировать как самостоятельные афоризмы.

В лингвокультурологических исследованиях связующим звеном языка и культуры выступает категория ценности, так как ценность признается основополагающим принципом культуры, а своеобразие систем ценностей – определяющим фактором различия культур.

Сопоставительное изучение традиционных пословиц и современных пословичных трансформов дает очень важные сведения о ценностных ориентирах культуры на определенном этапе ее развития.

Анализ семантики традиционных русских пословиц и пословичных трансформов, репрезентирующих концепт «учеба», позволил сделать выводы о динамических процессах в пословичной картине мира и, соответственно, в системе ценностей носителя русской лингвокультуры.

На современном этапе меняется политическое и экономическое положение страны. Укрепление межгосударственных отношений дает возможность получать образование, как в отечественных, так и зарубежных учебных заведениях. При этом с ростом качества образования растет и его стоимость: *Образование дороже денег.* Данная пословица обладает двойным смыслом, один из которых относит образование к духовным ценностям и подчеркивает его необходимость и значимость. Надо сказать, что человек, находящийся в данной социокультурной среде и зная стоимость образования, скорее всего, воспримет данную пословицу как ироничное высказывание, подтверждающее тот факт, что сегодня образование является дорогостоящим, и не каждый может себе позволить получить высшее образование в отечественном вузе, не говоря уже о зарубежном. Данная пословица получает подобное значение за счет гиперболического эффекта, так как в современном мире деньги являются мерой всех товаров и услуг, в том числе и образования, которое получают за деньги [2].

Несмотря на то, что образование играет важную роль в жизни современного человека, оно не всегда является залогом высокооплачиваемой работы и материальной обеспеченности жизни. Так подобное мнение отражается в антипословице *Чтобы мало зарабатывать, надо много учиться.*

Линия «учеба - деньги» проходит во многих трансформированных пословицах. Если в оригинальных пословицах деньгам уделялась малая роль, то в антипословицах их значение превосходит значение учебы.

Исследователь Н.О. Лосский отмечал такую черту русского народа, как лень, которая отражена во многих русских пословицах и поговорках. Как было сказано, для многих возрастных групп учеба – это работа. Данное мнение нашло свое подтверждение в пословицах *Учеба и труд до добра не доведут* или в следующем трансформе пословицы *Век живи…живи, живи, а учеба не волк, в лес не убежит*. Последняя антипословица является синтезом пословиц *Век живи, век учись* и *Работа не волк, в лес не убежит*, поэтому носитель данной лингвокультуры знает оригинальное значение данных паремий и, используя их трансформ, намеренно преуменьшает значение данного явления [3].

Следующая пословица отражает мнение, что человек получает знания в течение жизни, а не, как это принято считать, за партой: *Мы учимся всю жизнь, не считая десятка лет, проведенных в школе.* Безусловно, это выражение утрировано, так как известно, что азы человек постигает в школе, там формируется база, позволяющая ему строить свою профессиональную жизнь. Просто школьные годы считаются беззаботными, это определенный этап в жизни каждого человека, который он вспоминает с теплотой и войдя во взрослую жизнь, понимает, что теперь у него появляются другие обязанности, ответственность, заботы.

В русском языке появились антипословицы традиционной паремии *Ученье – свет, а неученье – тьма*. Они основаны: 1) на игре слов: *Ученье – свет, а неученых – тьма, Ученье – свет, а неучей – тьма.* Здесь использование лексемы «тьма» показывает количественное значение, в отличие от оригинальной пословицы, в которой это же слово означало отсутствие света и могло быть интерпретировано, как «отсутствие света в умах». Кроме того, замена «неученье» на «неученых, неучей» воспринимается как переход от абстрактного к конкретному; показывает имеющийся результат, а не предполагаемый; 2) на комическом эффекте *Ученье – свет, а неученье с утра на работу* (пословица, одобряющая учебу, знания выдвигающая общепринятое мнение, что человек без знаний, без учения годится на другую, более тяжелую, грубую работу) и *Ученье – свет, а неученье – приятный полумрак* (пословица, противоречиво объясняющая учебу и отношение к ней), которая в свою очередь, является обобщением из молодежного афоризма *Темнота – друг молодежи* [4].

В современных пословицах уже подчеркивается не ум, а смекалка, изворотливость: *Умными мы зовем людей, которые с нами соглашаются.* Появляется саркастичное определение интеллектуального человека: *Интеллектуал – человек слишком умный, чтобы помнить простейшие вещи.* Считается, что умный человек многое необоснованно усложняет, тем самым, создавая себе проблемы [4].

Анализируя антипословицы, можно прийти к следующим выводам: в современный период важно быть не знающим, грамотным, а находчивым, смышленым, сообразительным человеком, иметь качества, которые в традиционных поговорках осуждались. Сейчас такие черты характера считаются значимыми, необходимыми для достижения конкретных целей.

В настоящее время очень редко обращаются к субконцепту «книга». Это связано с тем, что телевидение, средства массовой информации, Интернет вытесняют книги с художественными произведениями, учебники, справочники, словари, энциклопедии. Множество литературных произведений сейчас экранизировано, появилась масса шпаргалок, которые в упрощенной форме передают сюжет художественных произведений, что, в свою очередь, привело к тому, что резко сократилось число читателей книг. Это суждение отражается и в пословице *Читайте книги – некоторые*

из них специально для этого написаны, где прослеживается призыв в ироничной форме о том, что, в век информационных технологий, книги предназначены для чтения.

Наряду с призывом читать книги бытует мнение об их бесполезности: *Сколько книги не читай – императором все равно не станешь,* которая подтверждает общепринятое мнение, что книга – это источник знаний, а знания не всегда важны в достижении цели, то и книга теряет свою значимость.

Таким образом, экономические, политические и социальные изменения в стране меняют отношение ко многим явлениям, формируют новое представление о ценностях отличное от предыдущего, складывающегося веками.

В результате анализа пословичной репрезентации познавательных, ментальных ценностей можно отметить, что, несмотря на важность науки, значимости учения, просвещения, разума, утверждаемых традиционными пословицами, в русских трансформах с сарказмом говорится о том, что выше оценивается смекалка, изворотливость, осмеивается усердие в учебе. Материальное благополучие приобретает большую силу, чем знания, обучение. Утрированно высказывается мнение, что даже знания могут быть куплены за деньги.

Пословицы и поговорки русского языка отражают события, которые имели место в конце прошлого столетия, когда происходили изменения в политической и экономической системах постсоветского пространства. В это время люди уделяли большое внимание материальной стороне жизни, на второй план ушли искусство, образование. Новые условия, в которые были поставлены люди, диктовали необходимость заниматься деятельностью, которая выведет их на новый уровень развития, менять свои профессии, искать способы выживания в новых экономических условиях. Все эти процессы нашли отражение в трансформах, которые высмеивают попытки изменения системы ценностей, те жизненные условия, в которые поместили народ, ту реальность, которая заставила людей поменять свои взгляды, жизненные позиции. Однако следует отметить, что со временем данные трансформы потеряют свою актуальность и, скорее всего, исчезнут в связи с появлением новых событий объективной реальности.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы: язык незамедлительно реагирует на события и изменения, происходящие в жизни общества. В языке появляются новые понятия, отражающие современное видение тех или иных явлений, происходящих в данный момент в мире, на изменяющиеся ценности.

Литература

1. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х.Вальтер, В.М.Мокиенко. СПб.: Нева, 2005. – 576с.
2. Вальтер Х., Мокиенко В.П. Антипословицы русского народа. – СПб.: Нева, 2005. – 576с.

3. Лосский Н.О. Характер русского народа. - М.,1991.
4. Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц. Автореф. дисс. …к.ф.н. – Великий Новгород, 2007.

ЦЕЛИ И СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ж.Б. Абильдинова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Цели обучения иностранному языку (ИЯ) в средней школе определяются общественными запросами, государственными интересами воспитания всесторонне развитого и образованного человека. Государственный общеобязательный стандарт образования в число целей обучения иностранному языку на базовом уровне включает воспитание у школьников «положительного отношения к иностранному языку, культуре народа, говорящего на этом языке. Образование средствами ИЯ предполагает … знание о культуре, истории, реалиях и традициях страны изучаемого языка … включение школьников в диалог культур… знакомство с достижениями национальных культур в развитии общечеловеческой культуры, осознание роли родного языка и культуры другого народа» [1].

Цель обучения ИЯ должна быть реальной для достижения в заданных условиях, а содержание и методы обучения адекватны целям и заданным условиям. Обучение иностранному языку в средней школе преследует комплексную реализацию практической, воспитательной, образовательной и развивающей целей, при этом воспитательная, образовательная и развивающая цели достигаются в процессе практического овладения иностранным языком. Иными словами, ведущей целью обучения иностранным языкам является практическое овладение иностранным языком как средством устной и письменной коммуникации.

Воспитательная цель может быть интерпретирована со следующей позиции:

- ориентация на гуманизацию образования;
- обучение в духе диалога культур;
- воспитание взаимопонимания и терпимости по отношению к чужой культуре, способность относится к ней с уважением, доверием, симпатией, но в то же время критически;
- воспитание ценностных ориентаций по отношению к культурному наследию своей страны (своего региона).

Толкование образовательной цели может быть сформулировано следующей формулировкой:

- более глубокое освоение родной (региональной) культуры посредством соприкосновения с чужой культурой и взаимоотношения с ней;
- расширение языкового, социального, эмоционального и интеллектуального горизонта обучающихся.

Достижение развивающей цели обучения иностранному языку и иноязычной культуре должно полагать:

- развитие способности «проникновения» в культуру страны изучаемого языка в ходе сопоставления общественных культурных и языковых реалий;
- развитие умения использовать социокультурный фон для понимания социокультурной принадлежности к национальному (региональному) и мировому сообществу;
- развитие способности ориентироваться в ценностных категориях собственного и чужого общества.

Необходимыми задачами в обучении иностранному языку в средней школе на современном этапе являются такие, как:

- приобщение учащихся к приобретению общеобразовательной информации (чтение периодической печати, просмотр познавательных телевизионных передач, прослушивания радиопередач на родном и где возможно, иностранном языках);
- использование общеобразовательных возможностей иностранного языка в урочной и внеурочной работе;
- формирование у школьников правильного представления об историко-культурном прошлом села, района республики, используя краеведческий материал;
- организация экскурсионных поездок по историко-архитектурным и культурно-просветительным местам [2, 4].

В педагогической литературе есть разные точки зрения на содержание обучения иностранным языкам. Согласно одной из них, в понятие «содержание обучения» входит только языковой материал, подлежащий усвоению, т.е. содержание и структура иноязычного учебного материала, обусловленного целями обучения», взаимосвязанного с процессами обучения и методами, реализуемыми в средствах обучения: программ, учебниках, учебных пособиях; другие методисты включают в это понятие и владение материалом, т.е. соответствующие навыки и умения.

Последняя точка зрения представляется более правильной применительно к иностранному языку, потому что учитывает специфику целей и задач преподавания. Наряду с неоднородностью, иностранный язык в сопоставлении с другими учебными дисциплинами характеризуется специфическим соотношением знаний и умений. По этому признаку иностранный язык занимает промежуточное место между дисциплинами гумани-

тарного, общественно-политического цикла (например, история, география, литература), естественно-научными дисциплинами, представляющими точные науки (например, математика, физика, химия) и дисциплинами эстетической, профессиональной, практической, трудовой, спортивной подготовки, (например, музыка, машинопись, шитье, гимнастика). Специфической особенностью иностранного языка как учебного предмета является также сформированное к нему негативное, субъективное отношение людей как к очень трудному, практически не поддающемуся в условиях школьного обучения овладению предметом.

В целом процесс обучения ИЯ призван сформировать у учащихся способность участвовать в непосредственном и опосредованном диалоге культур, совершенствоваться в иностранном языке и использовать его для углубления своих знаний в различных областях науки, техники и общественной жизни. В соответствии с принципом непрерывности и преемственности обучение иностранному языку на ступени основного образования предполагает дальнейшее более углубленное формирование и развитие иноязычных компетенций.

Познавательный процесс на данном этапе, как и на последующих этапах, организуется концентрически: сферы общения и тематика предыдущего этапа подхватываются, расширяются, к ним прибавляется ряд новых речевых тем. Развитие коммуникативно-речевой деятельности прогрессирует также поэтапно: от деятельности репродуктивного характера к репродуктивно-продуктивной и далее – к продуктивной.

Уровень иноязычной обученности в 5-7 классах должен обеспечивать учащимся: возможность общаться со своими зарубежными сверстниками и взрослыми в ограниченных стандартных ситуациях социально-бытовой, учебно-трудовой и социально-культурной сферах общения, понимать на слух и при чтении тексты, в том числе и тексты прагматического характера, построенные главным образом на знакомом языковом материале, написать открытку, заполнить анкету, написать письмо по аналогии с образцом.

В 8-10 классах идет дальнейшее развитие коммуникативно-межкультурной компетенции в составе всех ее компонентов: расширение грамматического и лексического минимумов, упрочение языковых и речевых навыков, развитие дискурсивных и социокультурных умений.

Содержание и технологии обучения должны обеспечивать школьникам:

- способность и готовность варьировать и комбинировать языковой материал, ориентируясь на решение конкретных коммуникативных задач в наиболее распространенных стандартных ситуациях общения, предусмотренных программой;

- умение вести ритуализированные диалоги, а также групповое обсуждение (унисон, спор); умение что-либо утверждать и обосновывать сказанное;

- делать краткое сообщение в русле основных сфер и тем общения;

- воспринимать на слух и понимать короткие аутентичные тексты информативного, описательного и прагматического характера;

- читать и понимать основное содержание легких аутентичных текстов разных жанров, выражать свое отношение к прочитанному;

- заполнить анкету, написать письмо, письменно подготовить краткую аннотацию с непосредственной опорой на текст [3, 51].

Обновление и развитие иноязычного образования в основной школе может быть направлено на:

- обучение иностранным языкам в контексте межкультурной парадигмы, имеющей большой личностно-развивающий потенциал;

- развитие умений представлять родную страну и культуру, а также культуру страны изучаемого языка в условиях иноязычного межкультурного общения;

- ознакомление школьников с основами самонаблюдения и самооценки в области владения иностранным языком;

- развитие самообразовательного потенциала, интеллектуальных и творческих способностей в процессе изучения языков и диалога культур – национальной и страны изучаемого языка [2, 8].

Иноязычное образование как один из компонентов общей системы республиканского образования не может рассматриваться вне связи со средой, в которой оно функционирует и развивается. Расширяющиеся интеграционные процессы, рост профессиональных и научных обменов, углубление международного взаимодействия и сотрудничества в последнее десятилетие стимулировали поступательное развитие иноязычного образования. В этой сфере в образовательной системе Казахстана произошли значительные позитивные изменения, как в содержательном, так и в организационном плане:

- изучение ИЯ признано социально значимым как залог обеспечения практической и профессиональной жизнедеятельности человека в современном мультилингвальном и мультикультурном глобализированном мире;

- определено место ИЯ как языка международного общения рядом с государственным (казахским) языком и русским – как языком межнационального общения;

- осознана необходимость введения раннего обучения ИЯ с дальнейшим совершенствованием и углублением овладения ими в вариативной преемственной структуре учебных учреждений основного, среднего профильного, послесреднего профессионального и высшего образования;

- содержательно и терминологически уточнены концептуально значимые понятия: «иноязычное образование» с проекцией на межкультурную коммуникацию; «уровень обученности» (конечный набор коммуникативно-речевых умений владения иностранным языком как результат взаимодействия деятельностей преподавания и учения); «язык для специальных целей» (LSP) как объект научения профессионально ориентированно-

му общению и «язык для академических целей» (LAP) наряду с «языком повседневного общения;

- разработан и экспериментально подтвержден концептуальный базис для внедрения международно-стандартных уровней обученности по LSP в республиканских школах международного типа и языковом вузе;

- осуществлено целезаданное внедрение новейших педагогических и информационных технологий (в том числе дистанционного) обучения иностранным языкам;

- составлены примерные типовые программы по практическому курсу ИЯ и LSP для языковых и неязыковых вузов;

- созданы пробные учебно-методические комплексы по трем европейским языкам (английский, французский, немецкий) для основной, средней профильной школ и второго курса языкового вуза;

- начата дифференцированно-специализированная подготовка иноязычных педагогических кадров для школ с углубленным изучением иностранного языка, средней профильной школы с экономическим, инженерно-техническим, естественно-научным и гуманитарным уклоном и сельских малокомплектных школ [4].

Однако, несмотря на обозначенные позитивные процессы, организация иноязычного образования в Республике характеризуется рядом негативных явлений.

Отсутствие единой методологической платформы для непрерывного и преемственно-вариативного иноязычного образования и унифицированного нормативного его обеспечения (госстандартных и программных требований) повлекло за собой произвольный выбор учебными заведениями зарубежных обучающих программ и учебных материалов без какого-либо их соотнесения с отечественными условиями преподавания иностранного языка, четкого представления о планируемых результатах деятельности обучаемых и критериях их оценки, рост стихийных инновационных экспериментов, развитие хаотичного рынка образовательных услуг по иностранным языкам для «восполнения» пробелов государственной иноязычной образовательной сферы.

Ситуация осложняется дефицитом кадрового состава, способного в полной мере обеспечивать обучение иностранному языку, LSP и LAP во всей палитре разноуровневого иноязычного образования, упразднением финансируемой государством системы переподготовки обучающих кадров по иностранным языкам, слабым их воспроизводством и как следствие – низким уровнем обеспеченности средних учебных заведений учителями иностранных языков. Все это отрицательно сказалось на качестве обученности иностранными языками на всех уровнях республиканского иноязычного образования: большая часть выпускников, имея в условиях суверенитета республики реальные возможности личных и профессиональных кон-

тактов с носителями языка, обнаруживают определенные трудности в реализации полноценного общения на иностранном языке.

Планируемое расширение временных границ и периодизации иноязычного образования для полного удовлетворения современного социального заказа на специалистов, владеющих практически и профессионально на международно-стандартном уровне одним или несколькими иностранными языками, требует серьезной модернизации системы управления качеством иноязычного образования, что, в свою очередь, предполагает необходимость:

- качественного пересмотра национальной иноязычной образовательной политики;
- существенного обновления методологических, содержательных, технологических и ресурсных основ иноязычного образования;
- создания единого, структурно и содержательно унифицированного иноязычного образовательного пространства для всех форм и уровней системы образования;
- системной организации подготовки и переподготовки кадров для каждой модели образования по иностранному языку (раннего, профильного, вариативно-профессионального);
- создания учебно-методических комплексов для каждой из названных образовательных программ на основе унифицирования нормативно-содержательной базы для каждого уровня;
- построения единой системы ранжирования и оценки уровней обученности иностранному языку, ориентированной на международные стандарты [4].

Таким образом, при реализации практической цели с учетом существующих в методике обучения новых теоретических подходов недостаточно рассматривать формирование только коммуникативной или только лингвистической компетенции учащихся. Необходимо вести речь о формировании межкультурной компетенции в процессе обучения иностранного языка в целом.

Литература

1. Государственный общеобязательный стандарт образования // Постановление Правительства от 23.08.2012 г. № 1080
2. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 1. – С.3-8.
3. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.
4. Концепция развития иноязычного образования Республики Казахстан. – Алматы, 2010. – 41с.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.Р. Аблямитова, Т.А. Карнаухова
Колледж отраслевых технологий и сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, Тюмень, Россия

Русская лексическая система появилась в ее современном виде не сразу. Процесс формирования словарного состава достаточно сложный и связан с историей развития русского народа. Историческая лексикология выделяет два основных пути развития лексической системы:

1) возникновение слов исконных;

2) заимствование слов из других языков [2].

Заимствование слов - естественный и необходимый процесс языкового развития. Заимствование обогащает язык, обычно не вредит его самобытности, потому что при этом сохраняется основной словарь и неизменным остается грамматический строй языка, не нарушаются внутренние законы языкового развития. Если заимствованные слова языком усваиваются по своим нормам, то это свидетельствует о творческой активности этого языка, о его силе. Заимствование слов - процесс развивающийся, живой, плодотворный - происходит и в наше время. Значительно активизировался он в эпоху НТР, когда мощный поток терминов хлынул в русский язык.

Тема данной работы выбрана в связи с ее актуальностью на современном этапе.

На протяжении истории русскому народу приходилось вступать в экономические, политические, научно-культурные, торговые связи с другими народами. В результате таких контактов русская лексика пополнялась иноязычными заимствованиями. Так, например, слова библиотека, тетрадь, огурец заимствованы из греческого языка; экзамен, студент - из латинского; кухня, картофель - из немецкого; гол, комбайн, фильм - из английского; помидор, опера, газета - из итальянского и т.д.

Процесс заимствования слов - явление неизбежное. Внедрение иноязычной лексики всегда обогащает словарный запас языка. Иностранные слова в современной лексике русского литературного языка представляют довольно большой пласт, но не превышающий 10% всего его словарного состава.

Сейчас мы говорим о том, что такие слова, как свекла, баня, сахар и другие, являются нашими родными, но мало кто знает, что они заимствованы из греческого языка. Также мы привыкли считать русскими такие слова, как костюм (из французского языка), школа (из латинского языка через польский), карандаш (из тюркских языков) и мн. др. От пополнения иноязычными словами национальная самобытность русского языка ничуть не изменилась, потому что заимствование считается закономерным спосо-

бом обогащения любого языка. Бесспорно, русский язык только обогатился за счет заимствованных слов, сохранив свою самостоятельность.

Выделяют два типа заимствований: 1) родственные заимствования (из славянской семьи языков) и 2) иноязычные заимствования (из языков иной языковой системы). Родственные заимствования – заимствования из родственного старославянского языка. Иноязычные - заимствования из латинского, греческого языков, скандинавские, тюркские, западноевропейские (романские, германские и др.).

По времени проникновения заимствованная лексика тоже неоднородна: одни слова в ней относятся к периоду индоевропейской языковой общности, другие – к общеславянскому единству, а третьи дополняли язык восточных славян во время существования древнерусского периода, и, конечно же, достаточно слов вошло в собственно русскую лексику [2].

К основным причинам заимствования относят следующие: исторические контакты народов, необходимость называния новых предметов и понятий, новшество нации в отдельной сфере деятельности, мода, экономия языковых средств. Это всё экстралингвистические причины.

К внутрилингвистическим причинам относят [4]:

1) недостаток в родном языке идентичного слова для нового предмета или понятия: плеер, хэпинг, импичмент и др. Эту причину называют основной при заимствовании;

2) стремление к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота, например: гостиница для автотуристов - мотель, короткая пресс-конференция для журналистов - брифинг, фигурное катание на лыжах и т.д.;

3) необходимость уточнения соответствующего значения, определение с помощью иноязычного слова некоторых предметов или понятий, которые когда-то назывались одним русским словом. Например, за обозначением слуги в гостинице закрепилось в русском языке французское слово портье;

4) необходимость пополнения экспрессивных средств, ведущих к появлению иноязычных стилистических синонимов: обслуживание - сервис, ограничение - лимит;

Во многих лингвистических исследованиях процессы заимствования полноценно описаны. Ведь не вызывает сомнений и давно известно то, что «…язык никогда не существует вне общества, ибо язык – это семиологическое явление», «…вне категории времени языковая реальность неполна...».

Распространившись сначала в профессиональной области (компьютерные технологии – файл, сайт, драйвер; виды спорта – виндсерфинг, скейтборд; экономика – дилер, маклер, маркетинг, бартер; политика – парламент, президент, импичмент; финансы – ваучер, фьючерсные кредиты), заимствования, а это, вероятно, лексика, достаточно легко перешли из профессиональной сферы и прочно вошли в разные области человеческой

деятельности: в прессу, радио- и телепрограммы, в устную речь любых носителей языка (тренд, имидж, ток- шоу, видео).

Необходимо подметить, что слова-заимствования - это не только знаки, вошедшие в наш словарный запас из жизни других социальных групп, принесшие с собой и определяющие их слово, но и символы. Невозможно отрицать утверждение Г.Г.Почепцова о том, что «символ коллективен, слово одновременно коллективно и индивидуально. Поэтому символ обладает более высоким статусом, чем слово» [1].

Слово является также символом в том случае, когда главным в нем будет не привычное для всех его «словарное» значение, а тот появившийся вновь смысл, который оно представляет. Можно, вероятно, утверждать, что на современном этапе пополнения иноязычной лексики не каждое из заимствованных слов является символом, а все вместе они, соответственно, - символ более цивилизованного, а, следовательно, и благополучного мира. Их постоянное употребление в речи, иногда и без учета значения или с неясным представлением о значении слова, не случайно и не так уж необходимо, особенно в таких случаях, когда иностранное слово вполне можно не употреблять. Безусловно, это не дань моде, это стремление носителей русского языка к совершенствованию, ощущение себя равными в мировом содружестве. Слова-заимствования в речи - это не только определение конкретных значений, реалий, но и определенный образ жизни, отличающийся от бывшего советского и приближенный к западному образцу.

Можно утверждать, что самые заметные изменения, происходящих в языке, – это появление новых слов – и, конечно же, – появление новых значений.

Максим Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва» подчеркивает по крайней мере три больших волны новых слов и значений, появившихся на рубеже веков - это бандитская, профессиональная и гламурная.

Вообще, можно говорить о том, что русский язык, если он испытывает недостаток в каких-то словах, просто заимствует их у других языков, прежде всего у английского. Ну, например, в области компьютеров и Интернета всегда так и происходит. Слова компьютер, принтер, монитор, сайт, процессор, блог и многие другие заимствованы из английского языка. Названия трех животных – мышь, собака и хомяк – получили новые «компьютерные» значения.

Вновь и вновь появляются всё новые и новые жаргонизмы. Наиболее распространенные из них связаны с электронной почтой: мыло (собственно электронная почта, или соответствующий адрес) и емелить (от личного имени Емеля; посылать электронную почту). Особенно часто происходит сближение с личными именами: аська (англ. ICQ) или клава (от клавиатура).

В настоящее время почти любая беседа о русском языке ведет к его порче. Появляется сейчас в русском языке большое количество «бандитских» слов. Достаточно часто в современном мире употребляются слова

отморозок, беспредел, стрелка наезд, кинуть, крыша и т.д. Среди них почти нет заимствований. Вспоминаются сразу только киллер и рэкет вместе с его рэкетиром. И это несмотря на то, что под влиянием американской гангстерской мифологии формировался «новый русский» бандитский [3].

Конечно, гламурные слова не такая распространенная область, как слова бандитские. Сложно провести определенную границу между гламурным и молодежным жаргонами. Само слово гламур заимствовано нами из английского языка – glamour – и успешно соревнуется со словом глянец, потихоньку вытесняя его из языка. Из немецкого языка было заимствовано раньше слово глянец, в котором существующее слово Glanz значило просто «блеск». Поэтому журналы с блестящей обложкой, определенного содержания стали называть глянцевыми. И это были журналы о моде, о новом стиле жизни [3].

Следующая лексическая волна – профессиональная. Одной из наиболее важных и интересных частей оказываются названия профессий. Иногда возникает желание спросить: «Зачем их столько?» Например, эйчар – это то же самое, что менеджер по персоналу, но, оказывается, ни в коем случае не кадровик. Есть еще и новые заимствованные слова хедхантер, мерчандайзер, бьюти-эдитор и медреп. Заменение менее престижных слов более престижными существовало испокон веков. В определенное время парикмахер сменил цирюльника и брадобрея. И, скорей всего, не потому, что стрижке стали уделять больше внимания и перестали ставить пиявки, а предпочтение стали отдавать парикам. Аура немецкого профессионализма смогла преодолеть даже такие трудности, как фонетические (русским достаточно непросто было выговаривать такие слова, как бухгалтер или парикмахер [3].

Лингвист Л. П. Крысин в своей работе «О русском языке наших дней» делает анализ иноязычной лексики на стыке 20 и 21 веков. Активизация научных, деловых, культурных, торговых связей, процветание зарубежного туризма- все это требовало необходимость общения с носителями иностранных слов. Поэтому, сначала в профессиональной, а потом и в других областях стали распространяться термины, относящиеся к компьютерной технике (например, процессор, веб-камера, компьютер, принтер и другие); финансовые и экономические термины (например, дилер, бартер, ваучер, брокер и другие); название видов спорта (армрестлинг, скейтборд, виндсёрфинг); в менее специализированных областях человеческой деятельности (шоу, спонсор, имидж, видео, презентация, номинация). Почти все эти слова уже прочно вошли и стали полновластными в русском языке. [3]

В настоящее время мы всё чаще и чаще для определения названий профессий обращаемся к заимствованиям из английского языка (небольшие исключения связаны с кухней, модой и другими узкими областями: например, сомелье или кутюрье.

Слово менеджер появилось не так давно, в словарях 90-х годов XX века его еще нет. В новых словарях оно трактуется как нанимаемый руко-

водитель предприятия. Но это не совсем верно (в этом значении, точнее, скажут топ-менеджер), и по существу слово менеджер означает почти любую наемную профессию. Почему же в русском языке возникла такая необходимость заимствовать такое слово? Объяснить это можно тем, что за этим словом скрывается не только профессия, но и образ жизни, целая культура, которую мы называем корпоративной. Менеджер – это стабильная зарплата, стабильная работа, стабильные привычки.

Название новых видов спорта – требование времени. Обойтись без таких заимствованных слов, как зорбинг, кайтинг, фрисби, банджи-джампинг, вейкобординг, просто невозможно.

В русском языке появилось совсем недавно такое заимствованное из английского слово бой-френд (кстати, герл-френд почти не употребляется, возможно, потому, что женщинам важнее зафиксировать статус мужчины), хотя используют его довольно избирательно. Вероятно, потому, что применимо оно только к молодым людям и не обязательно обозначает совместное житье-бытье.

В русском языке заимствований было всегда много, но сейчас их наплыв настолько велик, что очень часто испытываешь затруднение, читая тот или иной текст. Особое отношение вызывают те заимствования, которые подменяют уже существующие в русском языке слова. И это такие модные слова как лофт (вместо чердака), комьюнити (вместо сообщество), интервью (в новом значении вместо собеседования) и т.д. Сейчас невозможно представить себе современный мир без презентаций, хотя в русском языке существует почти полный синоним этого слова – слово представление.

Таким образом, анализируя труды Боженко Л.Н. и Чистяковой О.Н., Кронгауза Максима, которые представлены в работе, можно сделать вывод, что в русском языке заимствований из других языков не избежать, так как люди разных стран всегда активно сотрудничают друг с другом. Поэтому проблема состоит не в заимствованиях, а в том, кто и как их использует. Лексическая норма регулирует употребление иноязычных слов. Значит, выбирая слова, люди должны обращать внимание на стилистическую окраску, значение, употребительность, сочетаемость с другими словами. К речевой ошибке приводит даже небольшое нарушение одного из этих критериев [1].

Литература

1. Боженко Л.Н. Заимствованная лексика в современном русском языке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filologdirect.narod.ru/sra/sra_2006_19.html. – Загл. с экрана. – На рус. яз.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык. – Учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-005.htm – Загл. с экрана.

3. Кронгауз Максим. Русский язык на грани нервного срыва [Текст]: Книга. – М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. – 232 с.
4. Чистякова О.Н. Заимствования в современном русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kls.ksu.ru/boduen/bodart_1.php?id=8&num=26000000. – Загл. с экрана.

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Р.А. Абсалямова, К.А. Кольцова, М.А. Кректунова.
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

В немецком языке сложные существительные играют большую роль и являют собой немалую часть словарного запаса языка. В отличие от многих других языков именно немецкий язык может быть охарактеризован как благоприятный для образования сложных существительных.

В современном немецком языке они составляют преобладающую группу слов, в русском же языке количество сложных существительных несравненно меньше. Это и определяет особенности перевода сложных немецких существительных: немецкое сложное существительное не всегда переводится русским сложным существительным.

По теории перевода рекомендуются традиционные способы перевода сложных немецких существительных:

1) простым русским существительным (das Meßgerät - прибор);

2) сложным русским существительным (die Reliefbildung – рельефообразование);

3) словосочетанием русского прилагательного и существительного (der Gaseinschluß – газовые включения);

4) двумя русскими существительными, из которых одно в родительном падеже (der Lebensraum – среда обитания).

Эти приемы, вполне приемлемые для перевода художественных или общественно-политических текстов, оказываются часто непригодными для перевода специальной терминологии.

Анализируя ошибки, допущенные в переводе, можно сделать следующие выводы:

а) если термин – сложное существительное отсутствует в общем словаре, то в словаре отыскивается значение составных элементов слова, а затем, в соответствии с обычными правилами перевода сложных существительных, дается перевод данного термина; перевод этот в большинстве случаев бывает ошибочным;

б) знание специальности (в данном случае – экологии) не помогает сделать правильный перевод. Die Wetterlage – метеоусловия.

Das Wetter – погода + die Lage – местоположение –дословно: местоположение условий.

В современных работах по языкознанию почти не разработан вопрос о том, какими частями речи чаще всего выражаются термины. Поскольку термины соответствуют понятиям данной науки, то они, по-видимому, чаще всего выражаются существительными, но они могут выражаться также и глаголами, прилагательными, целыми словосочетаниями. Например, само по себе существительное «риск» не является экологическим термином, в сочетании же с другим существительным оно становится термином: «экологический риск». Количество таких терминов-словосочетаний в анализируемой немецкой терминологии очень велико. Причем перевод их на русский язык не всегда является «грамматической копией».

При работе со сложными терминами возникает необходимость в добавочных семантических компонентах (лексемах) для того, чтобы их перевод соответствовал норме родного языка. Это становится возможным только на основе структурно-семантического анализа терминологической лексемы.

Например, термин "Rauchschadenforschung" состоит из трех компонентов – "дым", "вред", "исследование". В немецком языке в этой смысловой цепочке отсутствует слово "воздействие", которое в русском выступает в виде добавочного семантического компонента.

В терминологическую систему языка входят и лексемы – прилагательные, которые несут большую информационную нагрузку, являясь компонентом составных терминов или входя в состав именного сказуемого (напр., Charakter der Strömungen ist turbulent – турбулентный характер потоков). При этом прилагательные могут иметь форму сложных слов: gebirgs-und forstmeteorologische Untersuchungsmethoden – метеорологические методы исследования горных и лесных массивов, angewandt-meteorologische Teildisziplinen – метеорологические частные дисциплины прикладного характера, technisch-meteorologische Probleme – технико-метеорологические проблемы.

Принципы перевода этого типа терминов основаны на семантическом анализе всех компонентов сочетаний и нахождении им аналогов в русском языке. Для обеспечения максимальной адекватности большую роль играет буквальный перевод (ср.: alte Stoffe – "старые материалы" – вторичное сырье; oeffentliche Klaranlagen – "общественные сооружения для осветления" – общественные очистительные сооружения).

Литература

1. Марфинская М.И, Монахова Н.И. Грамматика немецкого языка – М.: ЮРИСТЪ, 2001.
2. Михаленко А.О. Словообразование немецкого языка. Железногорск, 2010.
3. Михаленко А.О. Морфология немецкого языка. Железногорск, 2009.
4. http://dlib.eastview.com/browse/doc/4631995

ПРОБЛЕМА ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НЕМЕЦКИХ МЕДИАТЕКСТОВ)

Р.А. Абсалямова, А.А. Черепкова
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

В XXI веке на смену чуме, сибирской язве и холере пришли другие заболевания и проблемы, с которыми столкнулось человечество. И даже за последние 20 лет возникли такие проблемы, которые можно сравнить разве что с эпидемией. Одной из них, на мой взгляд, является интернет-зависимость и зависимость от гаджетов. Если в 1980-1990-х годах человечество даже не подозревало о существовании мобильных телефонов, интернета, электронной почты, то в 2010-х большинство людей уже не представляет себя без этих средств. Для многих это перерастает в жизненную необходимость, а детей с раннего возраста приучают к пользованию телефонами и компьютерами. По идее, использование IT-технологий во многом облегчает нашу жизнь, но чрезмерное использование гаджетов постепенно перерастает в зависимость и переходит в психическое заболевание. Например, в Германии проводились исследования, в результате которых выяснилось, что 560 000 человек страдают от интернет-зависимости, а это означает, что 1% всего населения страны в возрасте от 14 до 65 лет столкнулся с этой проблемой. А 4,6% всего населения ежедневно проводят в Интернете более 4 часов, что уже является симптомом этой зависимости [1]. При этом к категории риска, в основном, относятся подростки и молодые люди в возрасте до 24 лет. Помимо этого ещё от 0,3 до 0,5% (примерно 250 000) зависимы от компьютерных игр [2]. И это очень печальная статистика, так как люди, страдающие от такой зависимости, в конце концов, испытывают большое количество трудностей: потеря работы, ссоры с близкими и родными. Люди становятся асоциальными, теряют связь с обществом. И если они всё же поборют эту зависимость, то возвращение в общество и социализация будут весьма и весьма трудным процессом, а если же они не справятся с этой болезнью, то исход может быть очень плачевным – вплоть до самоубийства.

Интересно, что в Германии эта проблема уже давно рассматривается в масштабах страны. Существуют реабилитационные центры, направленные на то, чтобы помочь людям побороть эту зависимость. Многие приравнивают её к наркомании и алкоголизму. Уже давно прописана симптоматика, разрабатываются способы борьбы с интернет-зависимостью. Также проводится достаточно большое количество исследований, связанных с этим вопросом [3].

В России, к сожалению, подобных исследований не проводилось. Говорят о компьютерной зависимости, некоторые учёные пытаются выво-

дить какие-то симптомы интернет-зависимости, но как таковая проблема в масштабах страны интернет-зависимость не обозначена.

Нами был проведен опрос среди 100 человек в возрасте от 15 до 25 лет. В результате опроса выяснилось, что около 50% опрашиваемых проводят в интернете от 5 до 10 часов. А 6% пользуются всемирной паутиной более 20 часов в день. Также на вопрос: считаете ли вы себя зависимым от гаджетов? 30% ответили – да. 25% - да, но они пытаются с этим бороться. И только 1% из числа опрошенных людей – нет, с условием того, что они спокойно и в любой момент могут перестать использовать гаджеты. С одной стороны, опрос весьма субъективен и группа опрошенных людей очень и очень мала. Однако даже в этой небольшой группе можно выявить интернет-зависимых людей. Следовательно, в масштабах всей страны их количество будет только расти, что рано или поздно может стать национальной проблемой. И если такие люди не являются прямой угрозой для общества, то они прекрасно справляются с его разложением.

Литература

1. Die Welt – Internetsucht: 560 000 Menschen in Deutschland betroffen – 09.10.12http://www.welt.de/newsticker/news1/article109711126/Internetsucht-560-000-Menschen-in-Deutschland-betroffen.html
2. http://de.wikipedia.org/wiki/Internetabh%C3%A4ngigkeit
3. ttp://drogenbeauftragte.de/drogen-und-sucht/computerspiele-und-internetsucht.html

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР НЕМЦЕВ

Г.О. Азылбекова., Р.Д. Кенбаева
Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан

Владение языком, способность человека к адекватному взаимодействию с представителями другой культуры не могут состояться без освоения в должной степени семантического кода изучаемого языка, без освоения языковых реалий, составляющих основу фоновых знаний. Только человек, обладающий такими знаниями, владеет языком как средством межкультурной коммуникации.

Национально – культурная семантика присутствует на всех уровнях языка: и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе. Однако наиболее ярко она проявляется в лексике и пословицах, т.е. в языковых единицах, которые непосредственно отражают внеязыковую действительность, называя предметы и явления окружающего мира. Поскольку для пословиц харак-

терна образная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа – носителя языка [1, 75].

Несмотря на достаточную изученность единиц паремиологии в лингвистике, их описание остается актуальным, так как на современном этапе развития науки наблюдаются попытки рассмотрения пословиц с лингвокультурологических позиций как стереотипов народного сознания. Такое изучение паремии позволяет глубже и точнее отразить ее содержательный аспект, проследить источники, вскрыть мотивировку, рассмотреть вопрос о фоновых знаниях.

При лингвокультороло гическом подходе к исследованию пословиц главную роль играет содержание иноязычных единиц, обусловленное экстралингвистическими факторами. Их лингвострановедческий анализ немыслим без увязки с внешними факторами: с историей страны, ее культурой, бытом и т.д. Они конденсируют весь сложный комплекс культуры и психологии данного народа, неповторимый способ его образного мышления.

Человек способен понимать мир, самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт - как общечеловеческий, так и национальный. Интерес современного человека к своему прошлому, истокам своей культуры заставляет его внимательно всмотреться в язык. Отзвуки давно минувших лет сохраняются сегодня в пословицах. Это - своеобразные микромиры, содержащие в себе «и нравственный закон и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [2, 103]. Именно поэтому пословицы занимают особое положение в языке.

Пословицы и поговорки - достояние народа, «кладезь народной мудрости». Как полагает Т.Г. Бочина: «Не только по использованию, но и по своему возникновению пословица представляет собой диалогический процесс. За пословицей стоит многовековая история народа, она является «для прошлого результатом, а для будущего - возможным действием» [3, 64].

В.Н. Телия, рассматривая пословицы в контексте культурных традиций, считает, что они представляют собой «мощный источник интерпретации, поскольку они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками формировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все критерии и установки этой жизненной установки народа - носителя языка» [1, 80].

Осмысление исторического опыта уходящего столетия, анализ причин этнических конфликтов, переоценка внешнеполитических реалий современного мира возродили интерес к проблеме национального характера и национального менталитета.

Национальный характер - это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт нации, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ жизни людей, их отношение к труду, к другим народам, к своей культуре.

В нашей работе мы рассматриваем конкретно пословицы и поговорки, отражающие немецкий национальный характер.

«Трудно говорить о едином национальном характере немцев. Немцев много: это и баварцы, и швабы, и саксонцы, и гессенцы, и вестфальцы, и мекленбуржцы и др. Характер народа не поддаётся однозначному описанию. Он складывается из множества едва уловимых черт, тонких оттенков. Национальный характер непостоянен, он изменяется с течением времени, изменением исторических условий, в которых живёт нация» [4, 187].

Тем не менее, обобщив сведения, основанные на мнениях известных людей, также на результатах анкетирования на гетеростереотипные представления о немцах прослеживаются главные особенности немецкого характера.

Немцы трудолюбивы и готовы любое дело довести до конца, часто до победного. Считают, что такое отношение к делу возникло из любви к порядку: «alles in Ordnung», «Ordnung muss sein», «Ordnung ist das halbe Leben»

Если что немцам и нравится, так это труд. Он - основа основ. Характеризует немцев их отношение к делу: «Deutsch sein heisst, eine Sache um ihrer selbst willen treiben», «Arbeit gibt Brot, Faulheit gibt Not», «Guter Anfang ist halbe Arbeit», «Fleiß bringt Preis, Faulheit Not», «Arbeit adelt».

Отличительной чертой немцев является их аккуратность по отношению к деньгам, их бережливость: «Sparen ist verdienen», «Wer den Pfennig nicht spart, kommt nicht zum Groschen», «Spare was, dann hast du was», «Wer spart, wenn er hat, der hat, wenn er bedarf».

Стремление к совершенству - главная отличительная черта немецкого характера: «Sterben ist Leben».

Ф. Хайек сказал: «Немцы в целом - народ трудолюбивый и дисциплинированный, добросовестный и энергичный до безжалостности, честный и тщательно выполняющий любое дело; у немцев сильно развиты любовь к порядку, чувство долга и повиновение властям; они часто готовы на большие личные жертвы и выказывают незаурядное мужество в случае опасности».

Таким образом, пословицы играют большую роль в языковом сознании носителей языка, так как позволяют проникнуть в национально-культурные особенности языковой картины мира нации. Именно всестороннее изучение паремий дает возможность понимания специфики ментальности и культуры. Богатство паремиологического фонда открывает широкие перспективы дальнейшего изучения пословиц и поговорок.

Литература

1. Телия В.Н. Фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М, 1996.
2. Гаевая А.И. Структурно-семантическая характеристика пословиц качественной оценки лица современного русского языка/ Автореф. К.ф.н. – М., 1990.

3. Бочина Т.Г. Пословица как диалог времен. - СПб.: Политехника, 2003.
4. Архипкина Г.Д., Коляда Н.А. Страноведение. Германия: обычаи, традиции, праздники, этикет. – М, 2001.
5. Griesbach Heinz. 1000 deutsche Redensarten und Sprichwörter. – Berlin: Langenscheidt, 1993.
6. Afonkin J.U. Russisch - Deutsches Wörterbuch für geflügelten Worte. – M., 1990.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

О.А. Акимова, Г.С. Галямова
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Иностранный язык - это не только преимущество дипломатов, политиков, но и квалифицированных инженеров. Иностранный язык должен стать структурным компонентом для подготовки инженера нового поколения [1].

Считается, что каждые шесть лет общечеловеческие знания удваиваются. Языки являются главным и самым эффективным средством обмена информацией между людьми всей планеты. Современный мир переходит к двуязычию, и современные работодатели нуждаются в инженерах, знания которых основываются на теоретических утверждениях. Для работодателей самыми востребованными являются специалисты, обладающими знаниями и умениями работы с иноязычной информацией, коммуникативными навыками на различных иностранных языках [2]. Внедрение новых зарубежных технологий в производство обязывает компании в необходимости сотрудников со знанием иностранных языков. Такие сотрудники будут ценны и для деловых переговоров с зарубежными компаниями. В России востребовано не только изучение европейских языков, например, и китайский язык становится все более востребованным для изучения. Это связано с тем, что российские компании начали все больше сотрудничать с крупнейшей страной Азии.

Исследования показали, что в целом по стране только 49% выпускников российских вузов трудоустроены по специальности. Главными критериями при трудоустройстве являются: самопрезентация, базовые знания, знания иностранных языков и опыт работы. Причем знания иностранных языков является одним из основных критериев. А чтобы иметь конкурентное преимущество россияне стремятся освоить несколько иностранных языков.

Знание иностранного языка - основная составляющая образования в успешной карьере. Данное качество специалистов востребовано в современный период кадровыми службами государственных и других форм собственности. Специалисты, владеющие иностранным языком, имеют больше шансов устроиться на вакантную должность [5]. Это также способствует повышению личностного роста будущего специалиста, активизирует его мыслительную

деятельность. Также важно, чтобы специалисты владели знаниями о последних достижениях в мировой науке и технике, а для этого необходимо знание иностранных языков [1].

Также знание языка необходимо для обмена опытом с зарубежными компаниями, перевода необходимых для работы документов, инструкций и положений. Знание иностранных языков – это не только профессиональное развитие, но и духовное. Чтение литературы и просмотр художественных фильмов на языке оригинала позволяют нам глубже понять творчество писателей и режиссеров.

Факторы, обуславливающие изучение иностранных языков: карьера, наука и образование, эмиграция, путешествие, религия и личные мотивы. Знание иностранного языка упрощает жизнь человека и делает ее интереснее. Так, владея различными языками, мы можем с легкостью путешествовать, при этом прочувствовать страну, узнать быт людей, взглянуть на жизнь жителей их глазами, почувствовать то, что чувствуют они. Путешествия по разным странам дают возможность расширить свой круг друзей. И, возможно, кто-то из них, станет вашим компаньоном в дальнейшем. Изучение иностранного языка расширяет дополнительные горизонты в жизни - это дополнительный заработок, повышение своего личностного и социального роста.

Изучению иностранных языков при подготовке специалистов необходимо уделять большое внимание. В современный период большое количество фирм сотрудничают с иностранными компаниями и им необходимы сотрудники, знающие один или более иностранных языков. При знании иностранного языка есть перспектива стать сотрудником зарубежной компании. А также есть возможность получить опыт иностранных коллег и повысить уровень знания в своей отрасли. Я, как будущий специалист, нуждаюсь в изучении иностранных языков для того, чтобы найти престижную работу и стать более востребованным специалистом в своей отрасли.

Литература

1. Войтович И.К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования: монография / под ред. Т.И. Зелениной. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 212 с.
2. Воронова Е.М. Роль иностранного языка в подготовке инженеров XXI века / Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. – 2005. – №29.
3. Егорова К.А. Знание иностранных языков открывает большие возможности / К.А. Егорова // Корпоративная культура. – 2012. – С. 156-157.
4. Ильинский И.М. Куда идет отечественное образование / И.М. Ильинский // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – №1. – С. 45-48.
5. Тилене Л.П. Дополнительное лингвистическое образование должно развиваться на качественно новом уровне // Босс. – 2011. – № 2. – С. 5-7.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ В ОЦЕНКЕ ТАЛГАТА ГАЛИУЛЛИНА

З.Ф. Акмалова
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Данная статья посвящена исследованию литературно-критических работ ученого-литературоведа Талгата Галиуллина, в которых анализируется история развития татарской поэзии и дается оценка творчества отдельных поэтов. В рамках данной статьи мы попытаемся представить особенности подхода Т. Галиуллина к анализу как всего литературного процесса в целом, так и отдельных его проявлений на анализе материала сборника критических работ «Яктылык» (Просвет) [1, 319].

Литературная критика – один из видов литературного творчества, целью которой является оценка и истолкование художественного произведения, выявление и утверждение творческих принципов того или иного литературного направления. Она освещает процессы, происходящие, прежде всего, в литературном движении современности или интерпретирует классическое наследие с точки зрения современных общественных и художественных задач [9, 32-34].

Бурное развитие литературной критики приходится на начало XX в., который считается «золотым веком» в развитии татарской литературы: она начинает формироваться и за короткое время достигает наивысшего расцвета [2, 22]. Формирование татарской литературной критики связано с именами известных татарских литераторов, таких как Г. Тукай, С. Рамиев, Ф. Амирхан, Г. Ибрагимов, Г. Исхакый, Г. Камал, Г. Рафикый, М. Галяу, Дж. Валиди и др., внесших весомый вклад в становление национальной литературной критики, формирование ее методологии и определение основных принципов в решении важнейших задач.

После Октябрьской революции 1917 г. начинается новый, противоречивый этап развития как литературной, так и критической мысли. Период с 1917 г. до середины 1950-х гг. – время постепенного усиления и закрепления тоталитарных общественных установок, идеалогизации всех сфер жизни, в том числе литературы и критики. Произошла коренная перестройка методики и методологии анализа литературного процесса.

Известный татарский литературовед, посвятивший себя научному исследованию жанра поэзии в контексте национального литературного процесса, писатель – автор рассказов и социально-детективных романов, привлекших внимание многочисленных читателей-современников, Т.Н. Галиллин, внес также серьезный вклад в развитие татарской литературной критики.

Продолжая традиции, начатые в области критического анализа татарской поэзии известными литературоведами Х. Госмановым, Г. Халитом, Н. Юзиевым, И. Нуруллиным, Х. Хайри, он пишет объемные статьи, где

отражается аналитический ум исследователя, глубокое знание отечественного и зарубежного литературного процесса. Многочисленные статьи, посвященные актуальным проблемам татарской литературы, регулярно издававшиеся в популярном среди татарского читателя литературно-критическом журнале «Казан утлары» («Огни Казани», г. Казань), который имеет более чем 90-летнюю историю, делают его имя узнаваемым. Еще в начале научно-критической деятельности в этом журнале увидели свет статьи Т. Галиуллина “Балладаларыбыз турында” (О наших балладах), “Поэманың барыр юллары” (Пути развития поэмы), “Шигъри очышлар һәм югалтулар аша” (Через поэтические открытия и потери), а также обзорные статьи, посвященные творчеству корифеев национальной поэзии – М. Джалиля, С. Хакима, Х. Туфана, И. Юзеева, которые далее легли в основу объемных научных трудов. Как справедливо отмечается Ф. Сайфулиной, «Именно этот журнал является трибуной для критика, который высказывает свое мнение по поводу того или иного явления в современном татарском литературном процессе, а также излагает обоснованные мысли по отношению к истории ее развития в целом и отдельных ее явлений в частности» [7, 153-156].

Изучение деятельности Т. Галиуллина, как литературного критика, актуализируется в связи с тем, что в современный период необходимым становится вопрос о переоценке достижений национальной литературы и литературоведения в целом в период смены духовно-нравственных, общественно-эстетических ценностей, культурологических ориентиров, в свете современных научных парадигм, о чем пишут современные ученые в многочисленных научных статьях. При этом А. Закирзянов, подводя итоги исследований состояния литературно-критической мысли XX столетия, приходит к определению его как «кризисное» [4, 115-119]. Вместе с тем, в последние годы ведется определенная работа, в направлении анализа литературно-критических трудов, посвященных творчеству того или иного автора, оценки деятельности отдельных литературных критиков [5, 145-149; 6, 162-165].

Эта работа направлена на исследование современного состояния литературно-критической мысли, а также оценки деятельности Т. Галиуллина в области исследования жанра поэзии.

Объектом исследования в данной работе является сборник критических работ Т.Галиуллина «Яктылык» (Просвет) [1, 319]. Данная книга посвящена исследованию развития татарской поэзии на стыке двух столетий, также изучению и оценки отдельных его проявлений. Общая идея вошедших в сборник статей такова: поэтов разного поколения, сторонников разных направлений и стилей объединяет желание служить национальной литературе и искусству, отражая духовное состояние народа, его стремления и чаяния.

Книга включает в себя 17 статей литературно-критического характера, исходя из содержания анализируемого материала, объединенного в три главы. Начиная анализ татарской поэзии с творчества корифеев татарской поэзии начала XX века – Г.Тукая, Дардмэнда, Ш.Бабича, автор подчеркивает как но-

визну их творчества, так и традиционную основу, присущую татарской поэзии, средневековья.

Анализируя период становления татарской классической литературы, автор подчеркивает их роль в дальнейшем развитии национальной поэзии. Свет, озаривший путь поэтов последующих лет, исходит именно от созданных в начале XX века традиций – приходит к выводу автор – чем оправдывается также выбор названия книги. Как тонко подмечает критик, “В литературе, с одной стороны, находит словесно-образное отражение действительности своего времени, с другой стороны – она кладовая памяти. Поэтому отдельное рассмотрение текущей литературы от его истоков – в корне ошибочна, так как каждый период литературы связан с достижениями предшествующих “живыми нитями”, часто только осязаемыми тонкими ниточками”.

Анализируемая книга полностью посвящена изучению и оценке процесса развития татарской поэзии, анализу отдельных его проявлений. Структурно книга состоит из трех глав, где каждая глава обозначена отдельным заглавием и включает в себя материалы, раскрывающие данное название.

Привлекает к себе первая глава озаглавленная “Великие личности – величие нашей поэзии” отражает содержание включенных в главу материалов. В данной части представлены 10 статей ученого-литературоведа и критика Т.Галиуллина. Здесь история развития жанра поэзии исследуется в контексте татарского литературного процесса. Анализируя поэзию начала прошедшего века, автор труда рассматривает их как серьезную основу для последующего развития поэзии. Останавливаясь на творчестве Г. Тукая, Т.Галиуллин пишет: “Если бы он не написал ни одного произведения кроме “Туган тел ” (Родной язык), в котором как тонко отразилась вся красота и сила родного языка, близость к народному духу, он остался бы великим поэтом. Это стихотворение в трудные годы для нашего народа дало надежду на будущее, а в 90-е годы XX века – в период национального подъема – стало гимном татарского народа”. Творчество Г.Тукая оценивается критиком подобно луне, освещающей дорогу в темную ночь.

Не нужно забывать о том, напоминает ученый, что у нашего народа, кроме Тукая и Джалиля есть также поэзия Дардемэнда, покорившая душу ученых мира: “Сила современной поэзии, богатство ее поэтики, зависит от освоения того богатства, которая развивалась в течение многих веков, а также в продолжении их традиций,”- подчеркивает автор.

Анализируя развитие татарской поэзии как единый процесс, Т.Галиуллин дает свою оценку творчества поэтов более позднего периода – Р. Ахметзянова Р.Гаташа, Зульфата, М.Галиева, Р.Зайдуллы и др., которые отличаются поиском новых форм в отражении духовного мира современного человека. Изучая поэзию нового века в контексте всей истории развития татарской поэзии, татарский литературовед, посвятивший себя научному исследованию жанра поэзии Т.Н. Галиуллин, внес серьезный вклад также в развитие татарской литературной критики. Он определяет свою перспективу критиче-

скую деятельности, а также молодого поколения критиков. Данная работа обобщающего характера, является ориентиром для молодого ученого, изучающего татарскую поэзию.

Литература

1. Галиуллин Т. Яктылык. – Казан, – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 319 с.
2. Гилязов Т. Ш. Основные тенденции развития татарской литературной критики в 20-30-е годы (Проблема метода и героя): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1992. – 26 с.
3. Загидуллина Д. Ф. Во имя высоких целей и духовности (к 75-летию профессора Т.Н. Галиуллина) // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. №2 – (32). – С. 327-330.
4. Закирзянов А.М. Актуальные проблемы современного литературоведения (на примере татарской науки о литературе) // Вестник Вятского государственного университета. 2011. №1. С. 115-119.
5. Куракова Ч. М. Творчество татарского писателя А.М.Гилязова в оценке советских критиков 1960-1970-х гг. (на примере повести “Три аршина земли”) // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. №2 – (36). – С. 145-149.
6. Сагадуллина Г. Н. Р. Мустафин как литературный критик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 162-165.
7. Сайфулина Ф. С., Якупова Л. Т. Литературная критика на страницах журнала «Казан утлары» («Огни Казани») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 153-156.
8. Сайфулина Ф.С., Куракова Ч.М., Ибрагимов Б.Х. литературно-критическая деятельность Талгата Галиуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 151-154.
9. Словарь литературоведческих терминов и понятий / сост. Д.Ф. Зahидуллина, В.Р. Аминева и др. – Казань: Магариф, 2007. 231 с.

К ПРОБЛЕМЕ ОВЛАДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ ГРАЖДАНАМИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Л.А. Аминова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Результаты ежегодно проводимых социологических исследований демонстрируют постепенное расширение сферы применения казахского языка в социально-коммуникативной системе Павлодарской области. Овладение им является не только долгом и обязанностью каждого гражданина Казахстана, но и стимулом, определяющим личную конкурентоспособность и активное

участие в общественной жизни. Это ключевой приоритет, главный фактор духовного и национального единства народа Казахстана.

Однако, в казахстанском обществе по-прежнему еще достаточно высок процент некоренного населения, владеющего в недостаточной степени или совершенно не владеющего государственным языком.

Почти половина всех опрошенных граждан (41,1%) отмечает, что проблем (в том числе и по причине свободного владения языком) из-за незнания казахского языка не возникает (в 2011 г. - 48,2%, в 2012 г. - 43,2%).

При этом в отличие от казахов – 62% (в 2012 г. - 57,2%), среди русских (21,1%) и представителей других некоренных национальностей (31,5%) процент таких лиц несколько ниже, хотя при сравнении с данными прошлого года (12,9 и 24,8% соответственно) отмечается положительная тенденция в данном вопросе.

Как показано в Таблице 1, основную проблему для жителей Павлодарской области представляют трудности при составлении деловых писем на казахском языке – 31,8% (в 2012 г. - 28,4%). Наряду с этим, значительно увеличился процент представителей некоренных национальностей, ощущающих ограничения в продвижении по службе из-за незнания государственного языка. К этому следует добавить, что каждый четвертый опрошенный русский (24%) отмечает, что незнание казахского языка препятствует в получении работы, приносящей высокий заработок.

Таблица 1 – Проблемы, с которыми сталкиваются граждане разных национальностей из-за незнания казахского языка *(в % от числа опрошенных)*

№	Проблемы	Все в целом		Казахи		Русские		Другие нац-ти	
		2012	2013	2012	2013	2012	2013	2012	2013
1	составление деловых писем на казахском языке в делопроизводстве	28,4	31,8	23,9	24,9	37,0	41,2	40,6	35,3
2	ограничивает в продвижении по службе	17,9	21,8	14,1	12,2	26,7	35,4	20,6	25,4
3	препятствует в получении работы, приносящей высокий заработок	17,0	14,6	12,0	7,7	28,9	24,0	18,2	18,0
4	ограничивает круг общения, ведет к изоляции от общества	10,5	12,8	10,2	9,5	10,8	17,9	13,9	12,9
5	приводит к бытовым конфликтам	5,4	5,6	4,6	5,7	7,0	5,8	6,1	4,4
6	не возникает никаких проблем, так как владею казахским языком	43,2	35,3	57,2	52,8	12,9	13,6	24,8	17,6

Таким образом, проблемы незнания казахского языка существуют не только в сферах профессиональной деятельности и карьерного роста граждан, поскольку при занятии многих вакантных должностей нормой становится обязательное знание государственного языка, но и в социально-коммуникационной сфере. Поэтому жители Павлодарской области предпочитают дать своим детям образование на казахском языке (см. Таблицу 2).

Как видно из таблицы 2, наибольшие перспективы в будущем представляет казахскоязычное дошкольное образование, за которое отдает предпочтение 57,6% респондентов (85,3% - казахов; 22,2% - русских и 33,6% - представителей других национальностей).

Не менее перспективно и школьное образование на государственном языке, за которое высказало предпочтение 52,4% респондентов (80,2% - казахов; 17,8% - русских и 24,7% - представителей других национальностей).

В пользу среднеспециального образования на казахском языке высказалось 46,6% участников опроса (71,9% - казахов; 14,8% - русских и 23,4% - представителей других национальностей).

Желание дать своим детям высшее образование на казахском языке отмечает 44,9% опрошенных жителей Павлодарской области (70,7% - казахов; 12,3% - русских и 21,4% - представителей других национальностей).

Таблица 2 – Предпочтения респондентов в отношении образования детей *(в % от числа опрошенных)*

Язык обучения	**Все в целом**		**Казахи**		**Русские**		**Др. нац-ти**	
	2012	**2013**	**2012**	**2013**	**2012**	**2013**	**2012**	**2013**
Дошкольное образование								
Казахский	70,8	7,6	90,5	85,3	30,0	22,2	35,8	33,6
Русский	34,9	41,1	14,1	13,6	78,2	76,2	70,3	64,7
Английский	13,5	1,3	11,6	1,1	15,8	1,6	24,8	1,7
Школьное образование								
Казахский	69,6	52,4	88,5	80,2	30,0	17,8	37,0	24,7
Русский	38,1	44,3	17,3	17,5	81,6	78,4	72,7	68,1
Английский	18,6	3,3	16,3	2,3	22,7	3,8	24,8	7,1
Среднеспециальное образование								
Казахский	66,6	46,6	84,0	71,9	30,7	14,8	35,2	23,4
Русский	38,2	41,5	18,8	18,3	79,0	72,2	70,3	56,9
Английский	21,7	11,9	19,3	9,8	25,0	13,0	33,9	19,7
Высшее образование								
Казахский	65,2	44,9	81,4	70,7	31,9	12,3	34,5	21,4
Русский	35,5	36,7	18,0	13,8	72,2	67,3	63,6	50,8
Английский	28,7	18,4	24,9	15,5	35,6	20,3	40,0	27,8

Однако большинство опрошенных русских и представителей иных некоренных народов отдают предпочтение образованию на русском языке.

В отношении высшего образования у представителей всех народов Казахстана несколько снижены оценки в отношении предпочтения казахского и русского языков и возрастает влияние и значение английского языка.

Некоторое снижение предпочтительности казахскоязычного образования и рост предпочтительности русскоязычного в течение года можно объяснить трансформацией языковой конъюнктуры под влиянием формирования единого социально-экономического пространства в рамках Таможенного Союза России, Казахстана и Белоруссии, где русский язык является одним из факторов развития интеграционных процессов.

Злободневный вопрос, вызывающий тревогу – миграция населения. В ранее проведенных исследованиях однозначный ответ о том, что они собираются уехать из страны тогда дали – 10,2% респондентов (казахи - 7%; русские – 16,6%; представители других национальностей – 18,4%).

Чтобы выяснить, связаны ли миграционные настроения населения с языковой ситуацией, респондентам задавался вопрос, позволяющий узнать основные причины, по которым они планируют уехать из Казахстана. Так, к основным причинам желания покинуть Казахстан граждане отнесли семейные и социально-экономические проблемы. Ущемление национальных интересов чувствует 3,6% опрошенных русских и 0,6% представителей некоторых других некоренных национальностей. Среди причины отъезда из страны из-за незнания казахского языка отметило 6,3% опрошенных русских, хотя среди представителей малых народов Казахстана этот показатель ниже - 0,6%. Незнание государственного языка объективно мешает человеку, например, занять определенную вакансию, получить новую должность. Такое личностное несоответствие определенным должностным требованиям воспринимается ими как проявление дискриминации по языковому или национальному признаку.

Несколько прояснить ситуацию позволил вопрос: «Как Вы считаете, связан ли отток русскоязычного населения из Казахстана с проблемой незнания и нежелания изучать казахский язык?», на который ответы рапределились следующим образом (см. Диаграмму):

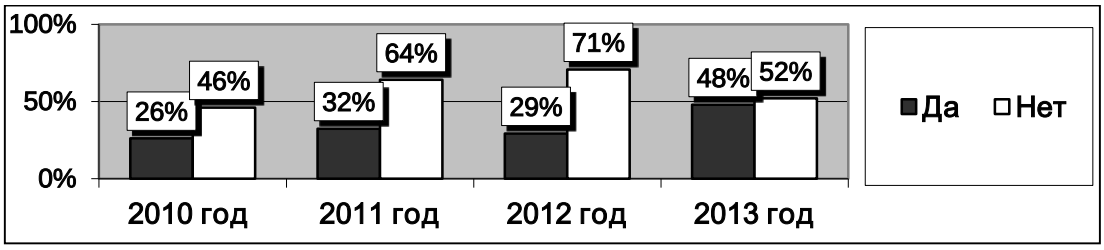

Диаграмма – Ответы респондентов на вопрос «Связан ли отток русскоязычного населения из Казахстана с проблемой незнания и нежелания изучать казахский язык?» *(в % от числа опрошенных)*

- «Да» – 47,9% (в 2010 г. - 26,2%, в 2011 г. - 32,4%, в 2012 г. - 29,2%), из них: казахи – 50,2%; русские – 44,5%; другие национальности – 47,5% (со-

ответственно: в 2010 г. – 24,3; 28,0 и 28,2%, в 2011 г. – 31,6; 36,6 и 29,1%, в 2012 г. - 29,6; 28,9 и 24,8%);

- «Нет» – 52,1% (в 2010 г. - 46%, в 2011 г. - 64%, в 2012 г. - 70,8%), из них: казахи – 49,8%; русские – 55,5%; другие национальности – 52,5% (соответственно: в 2010 г. – 42,7; 51,1 и 45,3%, в 2011 г. – 64,2; 61,3 и 68,4%, в 2012 г. - 70,4; 71,1 и 75,2%).

В оценках проводимой государством языковой политики опрашиваемые традиционно отмечают ее направленность на поддержание национального согласия.

При оценке перспектив развития языков в ближайшие 10 лет, 40,7% опрошенных граждан желает (в 2012 г. - 51,3%), чтобы все осталось по-прежнему без изменений (казахский язык - государственный, русский - официальный).

Во втором случае – казахский язык должен постепенно вытеснить русский из всех сфер регулирования государства и стать единственным государственным и официальным языком Республики Казахстан – 32,3% (в исследованиях прошлых лет соответственно - 39; 37,5; 33,2; 47 и 35,5%). Это мнение в большей степени выражает казахская молодёжь в отличие от толерантных других возрастных групп.

По нашему мнению, позиции о том, что казахский язык должен постепенно вытеснить русский из всех сфер регулирования государства или о том, что русский язык должен стать государственным языком Республики Казахстан, являются нежелательными для современного общества. Более того, такие мнения должны осуждаться многими гражданами, независимо от национальной принадлежности.

Таблица 3 – Ответы респондентов на вопрос «Как, по Вашему мнению, должно проходить развитие языков в Республике Казахстан?» *(в % от числа опрошенных)*

Варианты языкового строительства	**Все в целом**		**Казахи**		**Русские**		**Другие нац-ти**	
	2012	**2013**	**2012**	**2013**	**2012**	**2013**	**2012**	**2013**
Всё следует оставить без изменений (казахский язык – государственный, русский – официальный)	51,3	40,7	49,7	40,0	54,3	41,8	55,8	36,9
Единственным государственным и официальным языком должен стать казахский язык	35,5	32,3	44,5	48,1	14,9	11,8	29,1	20,0
Русский язык должен получить статус государственного языка	13,2	27,0	5,8	11,5	30,8	46,1	15,2	42,7

В настоящем исследовании в очередной раз получил подтверждение и показал позитивную динамику феномен толерантности и общественного согласия, выявленный в исследованиях прошлых лет. Так, 41,8% русских считают, что в вопросах языкового строительства всё следует оставить без изменений (казахский язык – государственный, русский – официальный).

Интересно, что небольшая часть русских по-прежнему полагает, что единственным государственным и официальным языком Республики Казахстан должен стать казахский язык – 11,8% (русские студенты в 2007 г. – 6,6%; русские рабочие в 2008 г. – 8,9%; русские горожане в 2009 г. – 14,5%, русские жители области в 2010 г. – 8%; в 2011 г. – 13,4% и в 2012 г. – 14,9%).

Таблица 3 показывает, что по прогнозу 40,4% (в 2009 г. - 50,5%, в 2010 г. - 42,6%, в 2011 г. – 60,9%, в 2012 г. - 48,2%) опрошенных граждан (казахи – 53,6%, русские – 23,9%% и другие национальности – 28,1%), в ближайшие 10 лет казахский язык станет доминирующим языком во всех сферах общественной жизни.

42,7% участников опроса убеждено, что в казахстанском социуме установится такая языковая среда, когда казахский и русский языки уравняются по степени употребления (в 2009 г. - 37,2%, в 2010 г. - 42,6%, в 2011 г. - 26,3%, в 2012 г. - 39,3%). В реальность такого прогноза с той или иной степенью убежденности верят среди опрошенных: казахов – 35,4%; русских – 53,2%; других национальностей – 44,1%.

Как и в ранее проведенных исследованиях (в частности, в 2010 г. - 11,5%, в 2011 г. - 10,4%, в 2012 г. - 24,8%), было выявлено незначительное число (16,9%) опрошенных, наивно полагающих, что в будущем будет доминировать русский язык, несмотря на государственный статус казахского. В национальном разрезе, в настоящее время так считает лишь 11% – граждан титульной национальности; 22,9% – русских и 27,8% – других национальностей.

Таблица 4 – Ответы респондентов «Как Вы оцениваете перспективы развития языков в ближайшие 10 лет?» *(в % от числа опрошенных)*

№	Прогнозируемые варианты	Все в целом		Казахи		Русские		Другие нац-ти	
		2012	2013	2012	2013	2012	2013	2012	2013
1	Казахский язык станет доминирующим языком во всех сферах общественной жизни	48,2	40,4	60,9	53,6	22,1	23,9	24,8	28,1
2	Казахский и русский языки уровняются по степени употребления	39,3	42,7	31,1	35,4	56,8	53,2	50,3	44,1
3	Русский язык будет преобладать, несмотря на государственный статус казахского языка	12,5	16,9	8,0	11,0	21,0	22,9	24,8	27,8

Одним из факторов миграции русскоязычного населения из Казахстана является государственная языковая политика, направленная на полное вытесение русского языка из сферы государственного регулирования. Несмотря на то, что русский язык в официальных документах прописан как язык межнационального общения и официальный язык, происходит постепенная замена русского языка казахским. Незнание государственнного языка является препятствием по продвижению по службе для лиц нетитульной нации, получение должности, высоких зарплат. Однако, как мы отмечали выше, это не основная причина миграции русскоязычного населения, а желание жить в привычом русскоязычном культурном и конфессиональном пространстве, а также социально-экономические условия, предоставляемые русским и другим этническим группам, имеющим государственное образование в составе Российской Федерации по государственой программе переселения соотечественников.

Таким образом, согласно социологическому опросу населения региона, мы пришли к следующим выводам:

1. Значительно увеличился процент русских и представителей других некоренных национальностей, ощущающих из-за незнания государственного языка ограничения в продвижении по службе и препятствия в получении работы, приносящей высокий заработок.

2. Наибольшую актуальность и перспективность в будущем представляет собой казахскоязычное образование. Однако большинство опрошенных русских и представителей иных некоренных народов все-таки отдают предпочтение образованию на русском языке. В отношении высшего образования у представителей всех народов Казахстана несколько снижены оценки в отношении предпочтения казахского и русского языков и возрастает значение английского языка.

3. Сохранение межэтнического согласия может осуществляться только на паритетном соотношении роли казахского и русского языков в казахстанском социуме.

Литература

1. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. Алматы, 2006 - 415с.
2. Saurbayev R.Zh., Komarov O.E., Vafeev R.A. 2013. On the Ethno-Political, Social-Demographic and Language Situation of the Tyumen Region (Russian Federation) and Pavlodar Region of Kazakhstan: State of the Problem and its Solution. Life Science. 10 (10s). pp: 41-51.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

О.К. Андрющенко
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Традиционная трактовка категории прекрасного развивалась под влиянием идей классической философии и эстетики, связывающих красоту с двумя другими фундаментальными понятиями, а именно: добром и истиной.

Теоретические положения о синкретичном характере данного триединства, сформулированные в трудах античных философов Аристотеля, Сократа, Гераклита, Платона, а особенно положения Сократа о предметно-антропологическом принципе в определении прекрасного, наиболее полно нашли свое продолжение в эстетике представителей немецкой классической философии (И. Кант, Ф. Шиллер, Г.-В.-Ф. Гегель), для которых эстетическое (прекрасное) приобретает еще более выраженный антропологический оттенок. Канту принадлежит также открытие опосредованного характера восприятия прекрасного суть, которого заключается в следующем: для наслаждения красотой нужно оценить достоинства предмета, который ею обладает. Таким образом, в круг проблем, связанных с дефиницией прекрасного, привносится вопрос о соотношении понятий прекрасное – ценность - оценка [1, 32]. Представление об эстетической оценке появилось задолго до того, как эстетика выделилась в виде самостоятельной науки из философии. Со времен античности до нас дошли трактаты, описывающие эстетическую действительность и позволяющие судить об эстетических вкусах наших предков. Лексика, с помощью которой осуществлялась эстетическая оценка, не возникла сама по себе, она является отражением практического отношения человека к окружающему миру, выражает его духовные потребности и стремления.

Характеризуя экстралингвистические категории прекрасного и безобразного, эстетическая лексика имеет свою специфику, состоящую прежде всего в том, что, как и всякая область знаний, она располагает определенной терминологией, на важность анализа которой не раз обращали внимание исследователи (А.Ф. Лосев, О. Духачек, Л. Столович, М.С. Каган). Так, А.Ф. Лосев отмечает, что «всякий научный подход к теории и истории эстетики должен в определенной мере основываться на терминологическом анализе» [2, 112].

Прежде чем приступить к такому анализу, мы считаем необходимым остановиться на некоторых общих положениях и, в частности, на определении эстетики, которую мы понимаем как философскую дисциплину «имеющую своим предметом область выразительных форм любой сферы деятельности (в том числе и художественной), данных как самостоятельная и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность», а эстетического как

«нечто выразительного, представляющего собой диалектическое единство внутреннего и внешнего, выражаемого и выражающего» [2, 115]. Возникшая как наука о чувственном познании, современная эстетика изучает, следовательно, два взаимосвязанных круга явлений: сферу эстетического как специфическое проявление ценностного отношения к миру и сферу художественной деятельности людей [3, 805] в отличие от этики, «объектом изучения которой является мораль, нравственность, как одна из важнейших, которая жизнедеятельности человека, специфическое явление общественной жизни» [3, 808]. Однако, несмотря на эти различия, в эстетической лексике часто отмечается совмещение эстетического и этического. Л.Н. Столович приходит к выводу, что такие термины возникают на пересечении слов и значений, определяющих вещественные свойства предметов и явлений, и слов и значений, выражающих практическое и эмоциональное, а, следовательно, ценностное отношение к этим предметам и явлениям [4, 77].

Одной из конкретных модификаций системы ценностных отношений в эстетике выступает и категория безобразного, которую отражает анализируемое нами лексическое единство. Учитывая расплывчатость и проблематику термина «ценность» в применении к эстетической категории безобразного, мы склонны, тем не менее, проанализировать взаимообусловленность отдельных элементов оценочного процесса с учетом его отношения к высшей системе, каковой является общественная практика. Тем более что эстетические категории, которые призвана отражать оценочная лексика «не априорны, не извечны, а возникли из опыта, из практики» [4, 464]. На основании практики, человечество выработало определенные норм, в которых сочетаются «единичное и общее, действительное и вымышленное, сущее и возможное, знание реального и выход за пределы реальности» [5, 115]. Практика выступает и как предпосылка эстетического чувства, создающая определенные критерии в оценке прекрасного и безобразного.

Исходным положением эстетической оценки является принцип чувственного восприятия объектов, их отражение как результат «практической человеческой деятельности, служащей основой эстетического отношения человека к миру» [3, 807]. И если собственно эстетическое восприятие – это не только чувственное, но «чувственно-интеллектуальное познание, возникающее лишь на логической ступени познания» [4, 67], то, тем не менее, «основу его составляет именно чувственный момент и уже в ощущении человеку дано ценностное в форме приятного» [4, 41]. В своей работе «Разновидности добра» фон Райт отмечает, что именно ощущения «лежат в основании значительной группы оценок», к которым до некоторой степени можно отнести и эстетическую. Эстетическая оценка представляется М.С.Каганом как «более или менее осознаваемое и более или менее точно формулируемое выражение испытанного при восприятии некоего объекта переживания-радости, восхищения, поклонения, сочувствия, отвращения и тому подобное» [6, 107]. Возможно в этом определении в

несколько гипертрофированном виде (без учета нормы) предстает субъективно-оценочный момент, однако его присутствие (хотя и в меньшей степени) в эстетической оценке несомненно.

Схема оценок в эстетической области передается оппозицией «эстетически хорошо - эстетически плохо», что сходно с логическим представлением оценки, которая характеризуется как умственный акт, являющийся результатом нашего оценочного отношения к предмету [7,13]. Оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Употребление в эстетических оценках особых оценочных терминов подчеркивает специфичность области, в которой осуществляется оценка, однако и ей присущи общие признаки всякого оценочного высказывания, включающего в качестве своих основных компонентов субъект, объект и основание оценки [8, 228].

Отношения между субъектом и объектом в момент оценки можно отразить в виде формулы SNO (субъект- норма- объект), поскольку субъектно-объектно-нормативная связь наиболее точно выражает природу эстетической оценки. Любой предмет оценивается субъектом на основании определенных представлений о норме, свойственной данному моменту, соответствия и несоответствия ей. В обозначенной связи, несомненно, как сказано выше, присутствие «чувственного момента», так как предпосылкой для вынесения любого вида оценки является восприятие, осуществляемое одним из наших органов чувств. При этом специфика эстетической оценки, по мнению ученых, в привилегированности зрительного и слухового анализаторов. По данным физиологов свыше 70% информации человек получает через зрение. И естественно, что наиболее развитые чувства порождают более широкую номинацию, предполагают необходимый арсенал соответствующей лексики. В эстетическом восприятии в сложном взаимодействии находятся чувственный анализ и синтез воспринимаемого, рациональное и эмоциональное. Предмет или явление, будучи объективным источником восприятия, отражаются нами и получают оценку. Объектом эстетической оценки может быть человек, любой предмет материального мира или явление природы [9, 14-18].

В современной аксиологии (теории ценности) выделяются несколько подходов, характеризующихся различными позициями в определении понятий «прекрасное» и «красота». В рамках психологического подхода (Д. Сантаяна, А Мейнонг) красота неотделима от чувств субъекта оценки, так как она является эмоцией, аффектом нашей волеизявляющей и оценивающей природы. Представители семиотического направления в лингвистике (Ч.С. Пирс, Ч.У. Моррис) включают эстетическую характеристику в систему знаковой ситуации и отмечают наличие знаков, имеющих оценочный тип сигнификации и служащих для выполнения оценочной функции.

Представители многих философских направлений раздвигают категориальную шкалу, признавая статус эстетической категории за таким феноменом как «безобразное». Категории эстетики раскрывают не только

гармоничные, т.е. позитивные эстетические свойства, но и негативные, дисгармоничные, отраженный в категории безобразного, показывая тем самым их противоречие, существующее в реальной действительности.

Прекрасное и безобразное представляют собой типичную универсальную бинарную оппозицию [53, 384], лежащую в основе описания любой картины мира (жизнь- смерть, хорошее- плохое). Левая часть подобных оппозиций (в применении к настоящему исследованию- прекрасное) маркирована положительно, правая (безобразное)- отрицательно. Бинарный характер указанных категорий отражает двойственность восприятия окружающего мира, вызванную физиологическими и психологическими причинами, а система бинарных дифференциальных признаков позволяет проводить параллельное изучение категорий прекрасного и безобразного.

По мнению Т.Н. Федотовой, понятие «красота» очень широко и объемно, находится на стыке изучения проблем философии, психологии, этики, эстетики, семантики и т.д. Оно вызывает у нас множество ассоциаций, самых разнообразных эмоций, что находит отражение как в лингвистической сфере на уровне эмоционально-оценочной лексики, так и в нелингвистической. Красота выступает как ценность, в которой объективное эстетическое значение явлений осваивается через субъективные оценки, как бы проходя через призму восприятия вкусов и идеалов людей [11, 131]. Заметим, что проблема красоты, прекрасного в эстетике по сей день остается открытой, дискуссионной, в центре которой соотношение объективного и субъективного, природного и общественного. В самом общем виде красоту можно представить как наивысшую эстетическую ценность. Согласно концепции С.С. Хидекель и Г.Г. Кошель, оценочность бывает трех типов: интеллектуально-логическая, входящая в денотативный компонент; эмоционально-интеллектуальная, проходящая через оба компонента лексического значения [12, 72].

Эстетическая оценка играет наиболее важную роль в познании мира человеком. Поскольку зрительное восприятие является основным способом освоения окружающей действительности, именно оценки «первовидения» [13, 68] наиболее значимы в процессе установления контактов между людьми. Сознательно или подсознательно мы определяем ценность человека по его внешнему виду, а лишь позднее обращаем внимание на его личностные, моральные, психологические и интеллектуальные качества.

В философских определениях эстетики и этики подчеркивается, что эстетика предполагает в большей степени критерии внешней, тогда как этика - внутренней оценки. Оценка в общем плане выражается оппозицией «хорошо - плохо», эстетическая оценка - оппозицией «эстетически хорошо (красиво) - эстетически плохо (некрасиво)».

Эстетической оценке присущи общие признаки ситуации оценки, которая включает в качестве основных компонентов субъект, объект, основание оценки и саму оценку [7, 84]. Отношение субъекта к объекту в мо-

мент оценки опосредовано нормой. Субъектно-объектно-нормативная связь, на наш взгляд, наиболее адекватно выражает природу эстетической оценки, поскольку любой предмет оценивается субъектом на основании определенных представлений о норме, соответствия или несоответствия ей. Норма в эстетической оценке выступает как эталон, с помощью которого проводится сравнение, выносится заключение об объекте оценки. Каждый эстетически воспринимаемый признак оценивается выходя из определённой нормы, которая является отражением принятого в данном обществе понимания действительности, «усредненной ситуации» [14, 228].

Предпосылкой для любого вида оценки является чувственное восприятие. Специфика эстетической оценки, по мнению исследователей, заключается в привилегированности зрительного и слухового анализаторов. Объектов эстетической оценки может быть любой предмет материального мира, человек, явление, звук. Не случайно в словарях определения значений слов красивый, некрасивый связывается прежде всего с такими понятиями, как внешний вид, очертания, звуки. «Красивое» определяется как имеющее правильность очертаний, гармонию линий и т.п. Соответственно для «некрасивого» характерно отсутствие подобных качеств, дисгармония, неправильность [15, 73].

Эстетическая оценка как способ установления эстетической ценности того или иного объекта связана с удовлетворением чувства прекрасного и является сублиматом сенсорной оценки, так как предпосылкой для её вынесения является восприятие, осуществляемое органами чувств - зрительными и слуховыми анализаторами. Эстетической оценке подлежат все предметы и явления, доступные непосредственному чувственному восприятию или воссоздаваемые воображением. Они вызывают у человека специфическую эмоциональную реакцию, непосредственное переживание своего эстетического чувства к действительности - эстетическое чувство. Эстетическое чувство имеет избирательно-оценочный характер и, несмотря на полярность оценок (нравится - не нравится), в нем преобладает положительная эмоция [5, 77].

Эстетические оценки базируются на синтезе гедонистических и психологических оценок [15, 13]. Понятие красоты, например, субъективно и может приписываться совсем и некрасивому объекту, то есть быть просто эмоциональной реакцией на объект. Признак «красивый» идет от говорящего и его эмоционально-оценивающего отношения к свойствам данного объекта мира [16, 54].

Оценочное эстетическое значение и его соотнесенность с нормой взаимодействуют крайне специфически. Норма в эстетической оценке является эквивалентом, с помощью которого осуществляется сравнение и выносится окончательное заключение об объекте оценки. Известно, что оценочная шкала ассиметрична: норма и среднее не совпадают, норма сдвинута к положительной части шкалы. Поэтому понятие красоты как

критерий эстетической оценки и понятия, отражающего частные проявления прекрасного, укладываются в рамки эстетической аксиологической нормы, которая представляет скорее должное, чем недействительное. «Достижение нормы есть цель, а не отправная точка» [15, 12].

Под термином «прекрасное» понимается эстетическая оценка, характеризующая объект оценки как соответствующий таким параметрам, как симметричность, пропорциональность, гармония, мера в светоцветовых отношения, что совпадает с соответствующими идеалами и представлениями субъекта оценки и вызывает у последнего положительное чувство или гамму чувств (восхищение, удовольствие или наслаждение) [17, 29].

Под эстетической оценкой понимается определение степени совершенства эстетической значимости предметов и явлений действительности, а также произведений искусства. Категория эстетической оценки носит универсальных характер, что подтверждается наличием оценочного отношения прекрасное - безобразное в разных языках. Данное обстоятельство свидетельствует о существовании определенного рода симметрии как внутреннего стержня, присущего любой культуре, а своеобразные национально-культурный особенности смыслового наполнения выражают ассиметрию взглядов, касающихся иерархии эстетических ценностей, характерных для каждой культуры [18, 24].

В соответствии с основными концепциями, раскрывающими природу оценки, эстетическая оценка рассматривается нами как составная часть семантической категории оценочности и соотносится с ней как часть и целое. Наряду с общими характеристиками, присущими всем разрядам оценок, категория эстетической оценки обладает набором специфических характеристик, ограничивающих данный вид оценки от других. Разграничение общего и частного проявляется как в смысловом, так и в формально-структурных аспектах. Эстетическая оценка наряду с этической оценкой относится к одному подтипу в логической иерархии оценок. В отличие от этической оценки, объектом которой является духовная интенция поведения, эстетической оценке подвергается материальная структура предмета. На основании критического анализа специальной литературы философского плана, касающейся изучения категорий прекрасное) безобразное, а также культурологических источников, в работе были выделены некоторые особенности эстетических оценок, необходимые для уточнения лингвокультурных свойств [19, 58].

Итак, подводя итоги вышеизложенному отметим, - в языковом сознании отражается картина мира - образ действительности как динамическая система дискретных ментальных образований, фиксирующих значимые для людей фрагменты и аспекты объективной и субъективной реальности. В силу исторических, географических и этнопсихологических особенностей народов картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, устанавливаемой на фоне общечеловеческого

единства в мировосприятии. Одним из аспектов картины мира является ценностная картина мира - система значимых приоритетов в понимании действительности и вытекающих отсюда норм поведения. С позиций эстетических ценностей правомерно выделять в качестве аспекта картины мира ценностно-эстетическую картину мира. В основе эстетической оценки лежит особая функция, выполняемая природной вещью или искусственным объектом в общественной жизни, - ценностная предметность, способность объекта быть значимым для человека. Эта функция характеризует всю практическую деятельность людей и поэтому закономерно отражается в языковом сознании и коммуникативном поведении. Ценностная предметность осмысливается и переживается как ценность - субъективная интерпретация ценностной предметности. В свою очередь, ценности выражаются в виде оценок - результатов сравнения оцениваемого с неким идеалом или эквивалентом. Применительно к эстетической оценке в качестве эталона сравнения выступает идеал красоты.

Литература

1. Кант И. Критика способности суждения. - М.: Изд. «Мысль». - 1966. - 32 с.
2. Лосев А.Ф. Эстетическая терминология Платона // Из истории эстетической мысли древности и средневековья. - М.: Наука, 1976.- 112-201 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М.: Прогресс, 1986. - 805- 808 с.
4. Столович Л.Н. Ценностная природа категории прекрасного и этимология слов, обозначающих эту категорию// Проблема ценности в философии. - М.: Прогресс, 1966. - 77 с.
5. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстет. аксиологии. - М.: Республика, 1994. - 464 с.
6. Каган М.С. Философская теория ценности. - СПб.: «Петрополис», 1997.- 115 с.
7. Ивин А.А. Основания логики оценок. - М.: Наука, 1971.- 13 с.
8. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985. - 228 с.
9. Сергеева Л.А. О соотношении объективных и субъективных факторов в значениях эмоционально-оценочных прилагательных в современном русском языке // Исследования по семантике. Межвузовский научный сборник. - Уфа, 1982. - 14-18 с.
10. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. - М.: Аграф, 1997. - 384 с.
11. Федотова Т.Н. Экстралингвистические факторы в исследовании слов лексико- семантического поля красоты // Реальность, язык и сознание. - Тамбов, 1999. - Вып. 1.- 131-135 с.
12. Хидекель С.С., Кошель, Г.Г. Природа и характер языковых оценок// Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. - Воронеж, 1983. - 72- 82 с.

13. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М.: Наука, 1994. - 68 с.
14. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985. - 228 с.
15. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка// Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. - 12-14 с.
16. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. - 54 с.
17. Ковшова, М.Л. Идиома как культурный текст: опыт медленного чтения / М.Л. Ковшова // Фразеология и миропонимание народа. Материалы Международной научной конференции. Фразеологическая картина мира. / Отв. ред. В.Т. Бондаренко. - Тула: ТПГУ им. Л.Н. Толстого, 2002. - 29-34 с.
18. Арская М.А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное/ безобразное) и её онтология в современном немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2002. - 24 с.
19. Пименова М.В. Эволюция функциональной системы лексических средств выражения эстетической оценки// Человек и его язык: антропологический аспект исследований. - Н.Новгород, 1997. - 58-63 с.

ФОЛЬКЛОРНАЯ И МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА МОТИВА ВСТРЕЧИ С УМЕРШИМ СУПРУГОМ В «МЕТЕЛИ» А.С. ПУШКИНА

А.М. Балабекян
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

Большую часть произведений подчас крайне сложно понять без учета диалога его автора с предшественниками или современниками-литераторами, поскольку их сочинения содержат в себе своеобразный ключ к уяснению заложенного в них смысла. Поэтому филологи все чаще оперируют таким термином, как интертекстуальность. Он используется для обозначения «общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга». Таким образом, интертекстуальность рассматривается как «признак текста, Iхарактеризующий межтекстовую связь, а интертекст как фрагмент другого текста в форме аллюзии, цитаты, реминисценции», как отмечает М.С. Саломатина [11, 427]. В нашем случае тайной, скажем так, является повесть А.С. Пушкина «Метель», а отгадкой – народные и литературные баллады немецкого поэта Готфрида Бюргера «Ленора» и русского поэта В.А. Жуковского «Светлана». Дело в том, что А.С. Пушкин сам указал читателю направление поисков, приведя в качестве эпиграфа к «Метели» строки из «Светланы».

Цель нашей статьи – выяснить роль аллюзий на баллады Бюргера и Жуковского в раскрытии характера героини пушкинской повести. К анализу мы также привлекаем новеллу американского писателя-романтика Вашингтона Ирвинга «Жених-призрак». О связи между всеми этими произведениями пишут многие ученые. Е.М. Мелетинский, отмечая «наличие легкой полупародийной игры» со схемами популярных в начале XIX века литературных произведений, пишет: «Сентиментально-романтическая «Ленора», (а также ее переработка в «Светлане» Жуковского и переделка ее сюжета в «Женихе-призраке» Вашингтона Ирвинга) обыгрывается в «Метели» [6, 230]. И далее ученый уточняет смысл пушкинской игры с текстами в «Повестях Белкина»: «герои либо сами разыгрывают сознательно литературные «ситуации», «сюжеты» и «характеры», либо воспринимаются сквозь литературные клише другими действующими лицами, а также персонажами-повествователями. Эта «литература в быту» подается с тонкой иронией и составляет важнейшую предпосылку реалистического видения…» [6, 231 - 232]. Близкую точку зрения высказал А.А. Слюсарь, когда писал: «Марья Гавриловна наслаждается сходством с героиней «Леноры» Бюргера, созданной на основе мифа о мертвом женихе, но скорее видит в себе новоявленную Пенелопу…» [12, 127]. И в самом деле, во всех названных произведениях есть связующее звено, фантастическая фабула, восходящая к мифу. Это миф «о явлении умершего супруга, встреча с которым для того, кто оставался в живых, становится переходом в мир смерти» [7, 275]. Обращая внимание на архетипическую связь брака и смерти, В.Б. Мусий ссылается на наблюдения Л.Н. Виноградовой, которая относит к категории существ, ставших после смерти «ожившими мертвецами», тех, кто умер «до срока», преждевременной или насильственной смертью и не до конца разорвал связи с живыми в силу сильной эмоциональной привязанности к членам семьи или же не получения при жизни своей доли – имени, крещения, супружеской пары [7, 276]. Подобные сюжеты часто встречаются в фольклорных произведениях. К примеру, в южнославянской балладе «Майдаленка букет вязала». В нем отражена такая особенность мифопоэтического мировосприятия, как тождество реального (действие, лицо) и идеального (название этого действия, имя этого лица). Майдаленка, ожидая жениха, совершает «наговор», связывая в букет цветы. То есть она занимается магией:

Майдаленка букет вязала,
На букет наговор шептала:
«Слушай, Анзел, мой наговор ты,
Приходи живой или мертвый,
Приходи живой или мертвый!» [8, 369].

Ночью к ней является ее жених и трижды зовет ее «в дорогу». После того, как он произносит угрозу («не встанешь – найду другую!»), девушка вскакивает с постели, бежит к жениху и садится на его коня. Она все еще

надеется, что ее Анзел жив. Поэтому, когда он задает ей вопрос, не боится ли она («А ведь мертвые ездят быстро»), она просит оставить мертвых в покое и продолжает с ним путь. Пугается она лишь тогда, когда «посредине немого кладбища» жених призывает мертвецов («братьев») встать и поприветствовать его невесту. Спасает ее бой церковных часов и крик петухов, возвещающих переход от ночи ко дню. В балладе выражено коллективное переживание оппозиций «тьма – свет», «смерть – жизнь», «языческое (магия) – христианское (бой церковных часов)». Писателей привлекала баллада содержащейся в ней установкой на исключительные события. Но каждый раз, используя традиционную фольклорную (балладную) форму, они выражали собственное понимание человека, отношений, моральных норм. Постараемся определить суть выраженной в произведениях Бюргера, Жуковского, Ирвинга и Пушкина концепции.

Героиня баллады Бюргера «Ленора» в переводе В. А. Жуковского предстает перед нами как нежная, юная, волевая, самоотверженная бунтарка, готовая ради любимого на самый безумный поступок, а именно – проклясть «противный свет», «жизнь, где друга нет». Тревога и грусть по милому не покидают ее. Однако кроме той семантики, которая свойственна мотиву явления живым призрака умершего в ранних балладах Бюргера («Леонардо и Баландина»), заключающейся в «посмертной связи, верности, любви за гробом», как указывает В.Э. Вацуро, «Ленора» осложнена «прямо противоположным смыслом: наказания (за измену)» [2, 282]. Этот мотив измены появляется в начале баллады «Ленора» как объяснение причины войны:

«С императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась … доколь
Они не помирились» [3, 329].

А затем – как мотивировка отчаяния Леноры, тех страстей, которые кипят в ее сердце и которые даже Богу не дано было «усмирить». Мать пытается успокоить Ленору:

Но что, когда он сам забыл
Любви святое слово,
И прежней клятве изменил,
И связан клятвой новой?
И ты, и ты об нем забудь…» [3, 331].

Возможно, по крайней мере, в переводе В.А. Жуковского именно эта поглощенность земным, зависимость от игры страстей становятся причиной гибели Леноры, которая до последнего мгновенья не верит в то, что ее жених мертв. И так же, как Майдаленка, Ленора отвергает все разговоры жениха о мертвецах пока находится с ним в пути. И лишь оказавшись в объятиях скелета, обнаруживает страшную истину, слыша припев теней:

Терпи, терпи, хоть ноет грудь;
Творцу в бедах покорна будь;
Твой труп сойди в могилу!
А душу Бог помилуй! [3, 337].

Все произведение от первой строчки до последнего слова передает нам весь ужас и кошмар ожидающего Ленору: темнота, мрак ночи, привидения, гроб, мертвец. Полной противоположностью является оригинальная баллада В. А. Жуковского «Светлана». Один сюжет, но финал диаметрально противоположный. В обоих произведениях мотив «мертвого жениха» является основным, но несет разную смысловую нагрузку. Вспомним, ведь в «Леноре» «мертвый жених» и все происходящее далее является реальностью, ужасающей, жуткой в своей ненатуральности; тогда как в «Светлане» это всего лишь страшный сон, не влияющий на действительность. «Голубочек белый» уже наталкивает на оптимистический финал баллады, ибо это символ чистоты, который спасает девушку от мертвеца, вспорхнув ему на грудь. Именно в облике белого голубя Господь явился во время крещения младенца Иисуса. Таким образом, религиозная тематика играет ведущую роль в обеих балладах. Это же касается и русифицированного перевода В.А. Жуковским бюргеровской баллады, «Людмила». «Автор, - пишет о «Людмиле» М. Вайскопф, - безотчетно сориентировал ее на притчу о Женихе из Мф 25: «Но *в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему*», и на литургическую формулу «Се, грядет Жених во полуночи». Ср. у Жуковского мертвеца, пришедшего за невестой: «*Встань, жених тебя зовет» - «Ты ль? Откуда в час полночи?»* [1, 665]. В то же время очевидны между ними и существенные различия: Светлана сталкивается с силами тьмы и света, но она ближе к свету, тогда как Ленора и Людмила от отчаяния и горя практически по доброй воле отдаются во власть дьяволу. Да, они хотели, во что бы то ни стало, видеть своего жениха рядом с собой в мире живых, а не себя умершей рядом с мертвым, но любовь – это всегда жертвы. Что же касается Светланы, то ее кроткая душа («как ясный день» [3, 103]), является залогом того, что «Мимо – Бедствия рука». Человек, естественно, вправе решать, выбирать самому, однако зачастую его решения обрекают его на вечную муку, они ведут в никуда, тогда как судьба, данная Богом, ведет к миру, к счастью. «Светлана» подтверждает сей вывод, а доказательством этому послужит мысль самого В. А. Жуковского: «Лучший друг нам в жизни сей вера в провиденье. Благ зиждителя закон: здесь несчастье – лживый сон; счастье – пробуждение» [3, 103]. Действительно, человек должен верить в свою судьбу, в Бога, ибо, только полностью доверившись решенью божьему, человек обретет душевный покой, а несчастье покажется лишь страшным сном.

Рассмотрев две данные баллады, можно сделать вывод, что они взаимодополняют друг друга, и основным конфликтом в них является внутренний конфликт человека между разумом и спонтанным чувством, раз-

решающийся его выбором - вечного или суетного. И в «Леноре», и в «Светлане» есть четко выраженный сюжет, диалоги и монологи; сюжет сопровождается картинами природы, отражающими настроение героинь и предвещающих конечный исход. Все это позволяет судить о выраженной в переводе «Леноры» и в балладе «Светлана» авторской концепции человека. Для В.А. Жуковского главное – одухотворенность человека, его сосредоточенность на внутреннем, а, значит, вечном (душа в Светлане, «как ясный день…»).

Цепочку схожих по сюжету историй продолжает не менее выдающаяся новелла американского писателя-романтика Вашингтона Ирвинга «Жених-призрак». Стоит отметить, что «Жених-призрак» отличается от предыдущих произведений жанром. Но объединяет их, как уже было сказано выше, мотив «мертвого жениха». Особенностью новеллы является то, что действие происходило в реальности, и наш «мертвый жених №1» не приходил ни к кому ни во сне, ни в реальности. А вот его верный товарищ, притворившись «мертвым женихом №2», оказался очень даже живым, находчивым и, самое главное, влюбленным молодым человеком, готовым ради любимой на сумасшедшие поступки, но этим влюбленным было суждено провести счастливую, мирную жизнь среди живых, в отличие от Леноры. Героиня новеллы, дочь барона фон Ландсхорта, так же, как и Ленора, проявила несвойственное для нее непослушание и воссоединилась с любимым. Новелла отличается также от баллад характером, языком изложения. Нет той мрачной мистификации «Леноры», характерной символики «Светланы»; характеры персонажей изложены довольно-таки легко, изящно, с налетом иронии и юмора, что невольно вызывает симпатию к героям и, естественно, к автору.

Подтверждением интертекстуальности является отсылка Ирвинга в новелле к балладе Бюргера, что еще раз доказывает и показывает использование одного сюжета, т.е. мотива «мертвого жениха». Установка на соотнесение в воображении читателя произошедшего с Ленорой и того, чем завершилась история встречи с женихом для дочери барона фон Ландсхорта, дается Вашингтоном Ирвингом следующим образом: сообщается, что мрачность прибывшего в замок молодого человека вызвала «зловещие паузы» в общей беседе, а затем и вовсе «диковинные истории и повествования о сверхъестественном». «Наконец барон довел нескольких дам почти до истерики своею повестью о всаднике-призраке, похитившем прекрасную Ленору, - эта жуткая, но правдивая история переложена была впоследствии в великолепные стихи и обошла в таком виде весь мир» [4, 43]. Так с присущей романтикам иронией американский писатель, с одной стороны, ввел подсказку для Германа фон Шатркенфауста (как тот сам впоследствии признался, «барон своими историями о призраках … подсказал ему наконец эксцентрический выход» [4, 47]), а, с другой, заставил читателя искать ответ на вопрос о причинах принципиального различия исхода

встречи с женихом для героини баллады Бюргера и его собственной новеллы. Ответом на этот вопрос и является формула авторской концепции человека. По мысли романтика Ирвинга, сохранив уверенность в себе, обладая непосредственностью и одновременно находчивостью («ему, - сообщает повествователь, - были свойственны эксцентричность и предприимчивость, так что любое приключение увлекало его до безумия» [4, 39]), человек способен преодолеть, казалось бы, непобедимые обстоятельства (давняя вражда семейств [4, 38]).

Итак, в обоих случаях (и в «Светлане» Жуковского, и в «Женихе-призраке» Ирвинга) читателю предлагается альтернативное развитие судьбы героини «Леноры» Бюргера. И каждый раз таким образом авторы открывают читателю свое видение того, каким должен быть человек: кротким и одухотворенным, по мнению В.А. Жуковского; внутренне гармоничным и предприимчивым, с точки зрения В. Ирвинга.

А теперь вернемся к главной цели нашей статьи, а именно, выясним, каким образом вышеперечисленные произведения помогают понять и осмыслить повесть Пушкина «Метель».

Исследователи «Повестей Белкина», как правило, обращают внимание на пародийность многих популярных сюжетов в них. В.М. Маркович пишет: «Пушкинский сюжет воспроизводит общие фабульные очертания «Светланы», но главные ее мотивы реализует «каламбурно». Важнейшие несоответствия замечены давно: у Жуковского сон и явь неуловимо смешиваются, у Пушкина – четко разделены; у Жуковского мертвый жених из «грозного» сна оказывается живым наяву, у Пушкина Владимир погибает на самом деле, а живой счастливец занимает его место. «Чужая» тема, таким образом, и здесь преображается <…>. В своих внешних контурах сюжет сохраняет связь с формулами романтической мечты: в хаосе и сумраке житейской нескладицы суженые находят друг друга, хотя и не искали. Внутренняя же разработка фабулы такова, что может быть истолкована как трагикомическая поправка действительности к романтическим «озарениям» [5, 75]. Мы же хотели бы обратить внимание на другое. Ведь, кроме пародирования литературных штампов, аллюзии на миф о мертвом женихе и произведения, основанные на этом мифе, выполняют у А.С. Пушкина психологическую функцию, так как помогают читателю понять, с помощью каких образцов героиня моделирует свое поведение. Еще более важна, пожалуй, характерологическая функция этих аллюзий, позволяющая, в свою очередь, судить об авторской концепции человека. А именно – о способности его меняться, развиваться. По существу, в «Метели», как и в «Леноре», идет речь об измене. Добравшись до церкви, Владимир узнает страшную для него правду: его невеста, не дождавшись его, обвенчалась с другим. Это известие, по существу, убивает его. Он не желает более видеть Марью Гавриловну, хотя, скорее всего, являясь соседом ненарадовских помещиков, знает о том, что она вернулась домой одна и была долгое вре-

мя больна. В ответ на приглашение вновь начать бывать в доме Гаврилы Гавриловича Р** он пишет «полусумасшедшее письмо» и заявляет в нем, что отныне его единственная надежда – смерть.

Но об измене Владимира могла подумать и Марья Гавриловна пока ожидала венчания в церкви, куда ее жених так и не приехал. В то же время она не только хранила от всех тайну того, что с ней произошло во время разыгравшейся метели, но и как святыню берегла все, что было связано с памятью о Владимире. Таким образом, можно предположить, что героиня повести смогла преодолеть в себе внутреннюю неподвижность, нашла в себе силы жить дальше, хотя и сознавала, что, скорее всего, обречена на вечное одиночество, поскольку не знала даже имени того, чьей женой стала. А.Н. Романова в связи с этим пишет о «благом потрясении». Ее статья посвящена в основном «Капитанской дочке», ряду других произведений А.С. Пушкина. О «Повестях Белкина» в ней речь не идет. Однако, на наш взгляд, метель и для Марьи Гавриловны, и для Бурмина, стала таким потрясением. «Образ преображающей человека катастрофы, чудесного или рационально мотивированного нарушения природного (или социального) порядка, явно или тайно нацеленных на духовное прозрение и нравственное преображение одного-единственного человека, обнаруживается в целом ряде произведений Пушкина, от лирических фрагментов до романов», - пишет исследовательница [10, 271]. Того, кого «несет поток событий, - замечает А.Н. Романова относительно героев Пушкина, - не свободен» [10, 274]. И, напротив, тот, кто способен к внутреннему движению, оказывается «наделенным свободой субъектом исторического бытия» [10, 277]. Именно такой человек и был интересен автору «Повестей Белкина».

А.С. Пушкин в своих произведениях не единожды обращался к теме судьбы, рока; он знал, что существуют фатальные обстоятельства, неподвластные воле человека, его желаниям и планам. В «Метели» он выводит обычных людей, не блещущих умом, талантом, но постепенно приобретающих умение любить искренне, беззаветно, верно; он показывает, насколько человек зависим от судьбы, как причудливо может сложиться жизнь, если вмешивается необъяснимая и непредвиденная случайность. Причем, судьба в данном случае понимается как объективная, не зависящая от высшей воли закономерность. Судьба дважды вмешивается в жизнь Маши и Бурмина. Но, в конечном итоге, последующее - как дальше у них все сложится и сложится ли, зависит уже от них самих, если они смогут достойно оценить подарки и шансы судьбы.

Таким образом, во всех произведениях, к которым мы обратились в нашей статье (и фольклорных, и авторских), несомненно, главной движущей силой является судьба, объединяющая влюбленные сердца самыми немыслимыми способами. А ее художественное решение помогает понять воплощенное в них видение человека.

Литература
1. Вайскопф М. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма / Михаил Вайскопф. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 696 с.
2. Вацуро В.Э. Готический роман в России / Вадим Вацуро. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 544 с.
3. Жуковский В.А. Эолова арфа: Жизнь и творчество. Стихи, баллады, поэмы / В.А. Жуковский. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 480 с.
4. Ирвинг В. Новеллы / Вашингтон Ирвинг; пер. с англ. А. Бобовича. – М.: Правда, 1985. – 352 с.
5. Маркович В.М. «Повести Белкина» и литературный контекст / В.М. Маркович // Пушкин: Исследования и материалы. – Т. 13. – Л.: Наука, 1989. – С. 63 – 87.
6. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1990. – 275 с.
7. Мусий В.Б. Миф в художественном освоении мировосприятия человека литературой эпохи предромантизма и романтизма / В.Б. Мусий. – Одесса: Астропринт, 2006. – 432 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-НАИМЕНОВАНИЕМ ПОСУДЫ

Е.А. Балдина
Филиал Тюменского государственного университета в Тобольск, Тобольск, Россия

Изучение фразеологических единиц с общим компонентом является актуальным направлением во фразеологии. На наш взгляд, интересным представляется исследование группы фразеологических единиц с компонентом-наименованием посуды, которые являются достаточно многочисленными и разнообразными по семантике.

Анализ материала показал, что в качестве предметов посуды используется пятнадцать бывших лексем: блюдечко, блюдо, бокал, бочка, бутылка, ведро, горшок, котел, котелок, ложечка, ложка, стакан, тарелка, чаша, чашка, которые в общей сложности образуют 34 фразеологические единицы.

Наиболее употребительной является бывшая лексема «**чаша**». В толковом словаре Ожегова дано такое значение слова *чаша* – «старинный сосуд для питья в форме полушария».

Рассмотрим фразеологизм *переполнить чашу (терпения)* – «лишить сил, возможности терпеть, выносить что-л.»: *Это объявление, как и следовало ожидать,* ***переполнило чашу терпения****. Двадцать пять тысяч солдат всех родов оружия <…> перешли на сторону восставших.* (А.Н. Тол-

стой. Хождение по мукам). Образ фразеологизма восходит к тексту Библии: «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена» (Пс. 22:5). Компонент фразеологизма «чаша» соотносится с обиходно-бытовым кодом культуры и с незапамятных времен является неотъемлемым атрибутом совместной трапезы. В ветхозаветных текстах образ чаши как сосуда, наполненного яростью, гневом Господним, нередко возникает в обличительных речах пророков: «Воспряни, воспряни, восстань, Иерусалим, ты, который из руки Господа выпил чашу ярости Его, выпил до дна чашу опьянения, осушил» (Ис. 52: 17). В Новом завете чаша выступает в роли символа страдания и, одновременно, воли Божией: «…если возможно, да минует Меня чаша сия…» (Мф. 26: 39). В образе фрезеологизма компонент чаша выступает в роли эталона, т.е. меры, терпения человека. Компонент переполнить соотносится с деятельностным кодом культуры и символизирует избыточность чего-л. Фразеологизм образован метафорой, уподобляющей меру терпения, превышающую возможности человека, переполненной чаше. Фразеологизм в целом выступает в роли стереотипного представления о превышении меры допустимого.

На втором месте по употреблению находится лексема «**бочка**». По Ожегову, *бочка* – «деревянное или железное цилиндрическое вместилище, с двумя днищами и обычно с несколько выгнутыми боками».

Рассмотрим фразеологизм *бездонная бочка* – «1) о человеке, который может много выпить, не хмелея; 2) о чем-л., требующем неоднократных и неокупающихся затрат»: *Ведь это* ***бездонная бочка*** *и явное разорение для всего народа.* (Н.Н.Суханов. Записки о революции / Книга 3). По происхождению данный фразеологизм является собственно русским; возможно, восходит к древнегреческому мифу о бочке Данаид: Данаиды, осужденные богами за убийство своих мужей, должны были вечно наполнять водой бездонную бочку в подземном царстве.

Рассмотрим еще один фразеологизм *сорок бочек арестантов* – «очень много (наговорить)»: *— Не понимаю. — Наговорит* ***сорок бочек арестантов****, — уронил Кучерявый. — Не понимаю!* (В.Панова. Сентиментальный роман). Он также является собственно русским. Арестант – это мелкая сушеная рыба. От арестега, аростега, оростега, оростига, оростяга из архангельских говоров в значении «тонкая веревочка с крючком на конце, прикрепленная к длинной веревке и используемая для ловли рыбы». Арестант, видимо, «рыбешка», пойманная на арестегу.

Большинство процессуальных фразеологизмов (10 единиц, что составляет 67% от общего количества процессуальных фразеологизмов) обозначает действие; состояние обозначают 5 единиц (33 %).

Среди фразеологизмов с компонентом-наименованием посуды, обозначающих действие, наиболее представлена подгруппа со значением **«физическая деятельность»** (8 единиц от общего количества процессуальных

фразеологизмов со значением «действие/деятельность», что составляет 80%): *поднять (поднимать) бокал* – «выпить за чье-л. здоровье, провозгласить тост за кого-, что-л.», *выпустить (выпускать) джинна из бутылки* – «дать (давать) свободу злым силам», *утопить в ложке воды* – «по любому незначительному поводу, по пустякам причинить большую неприятность кому-л.», *деньги на бочку (класть, выкладывать)* – «сразу, не откладывая, платить наличными (при какой-л. сделке, покупке и т.п.)», *(пить) как бочка* – «пить очень много», *бросить (бросать) (или положить (класть) и т.п.) на чашу весов* – «рискнуть, пожертвовать в решающий момент чем-л. важным, значительным в надежде добиться перевеса, успеха в каком-л. деле», *сия (эта) чаша минует (миновала)* – «кто-л. избежит (избежал) какой-л. неприятности, тяжелой участи и т.п.», *на чай (или на чашку чая) (приглашать, звать и т.п.)* – «в гости, на чаепитие».

Иллюстрации употребления процессуальных фразеологизмов со значением «физическая деятельность»: *На каком-то банкете он отказался* ***поднять бокал*** *за здоровье монарха – и преспокойно поместил в газетах объявление о продаже придворного мундира.* (В.Набоков. Другие берега); *И чем больше вырастало вопросов, тем больше вырастало групп и партий, которые спали и видели –* ***утопить в ложке воды*** *всех своих противников, которых считали или тупыми, отсталыми людьми, или предателями и разрушителями.* (П.Романов. Русь); *Если даже косвенным давлением долларов можно победить должность, славу, бессмертие, то, непосредственно положив* ***деньги на бочку****, купишь все.* (В.Маяковский. Мое открытие Америки); *Вронский любил его и за его необычайную физическую силу, которую он большею частью выказывал тем, что мог* ***пить, как бочка****, не спать и быть все таким же, и за большую нравственную силу, которую он выказывал в отношениях к начальникам и товарищам, вызывая к себе страх и уважение, и в игре, которую он вел на десятки тысяч и всегда, несмотря на выпитое вино, так тонко и твердо, что считался первым игроком в Английском клубе.* (Л.Н.Толстой. Анна Каренина); *Грязный козачок приходил меня* ***звать на чай****, но я сказался нездоровым и не пошел.* (Т.Г.Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали).

По нашим наблюдениям, только две фразеологические единицы (20%) обозначают **психическую деятельность:** *лезть в бутылку* – «сердиться, возмущаться, когда для этого нет никаких оснований», *выпить (выпивать) горькую чашу* – «испытать, изведать в полной мере какие-л. страдания, горести».

Проиллюстрируем примерами: *Из-за бабы* ***лезть в бутылку*** *не хочу, разыграл я его или не разыграл – это уж тайна, покрытая мраком*! (Юрий Бондарев. Берег); *Они еще раз заставили меня* ***выпить горькую чашу*** *разочарования.* (А.Ф.Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына).

По нашим наблюдениям, небольшая группа фразеологизмов с компонентом-наименованием посуды обозначает **состояние** (пять единиц): (*как) в котле кипеть (или вариться)* – «быть в постоянных утомительных хлопотах», *вариться в каком котле* – «быть членом какого-л. коллектива, находиться в какой-л. среде (обычно длительное время)», *под ложечкой болит (или сосёт, щемит и т.п.)* – «болит в нижней части груди», *пить мёртвую (чашу)* – «пить запоем», *переполнить (переполнять) чашу (терпения)* – «лишить сил, возможности терпеть, выносить что-л.»

Иллюстрации функционирования: *А они ведь поорут, подергаются, заранее зная, что Шолохов не пойдет, не поедет в Москву добивать последнее здоровье на этом журналишке, и уйдут, разбредутся по своим уютным кабинетам, а мне ведь завтра **в котле кипеть**, журнал выпускать, с людьми, в присутствии которых меня с г…м смешали, работать, не имея кадров, полиграфической базы, даже помещения не имея, не говоря уж о поддержке со стороны товарищей, руководящих этим громоздким органом.* (В.Астафьев. Зрячий посох); *Кому охота **вариться в котле**, когда он может уйти в другую страну и служить другому королю!* (Л.Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца); *У Анны Тимофевны давно **болит** что-то **под ложечкой**, болит не переставая, нудно и тупо.* (К.Федин. Анна Тимофеевна); *И Биркопф, как человек сметливый, тотчас воспользовался исключительностью своего положения: **пил мертвую** и спал с утра до вечера.* (И.С.Тургенев. Чертопханов и Недопюскин); *Но теперь, по чрезвычайной странности сердца человеческого, случилось так, что именно подобная обида и должна была **переполнить чашу**.* (Ф.М. Достоевский. Идиот).

Фразеологизмы с компонентом-наименованием посуды, по нашим наблюдениям, чаще всего называют **отвлеченные понятия** (6 единиц, что составляет 86% от всего количества предметных фразеологизмов с компонентом-наименованием посуды): *буря в стакане воды* – «о сильном возбуждении, горячем споре и т.п. из-за пустяков, по ничтожному поводу», *ложка дёгтю (в бочке мёда)* – «о небольшом, незначительном добавлении, которое портит большое и хорошее», *общий котел* – «совместное питание, совместное пользование чем-л., совместное расходование чего-л.», *круговая чаша* – «чаша, из которой, по старинному обычаю, пьют все гости, передавая её друг другу», *на блюдечке с голубой каемочкой (поднести)* – «о чьих-л. необоснованных требованиях чего-л.», *плошки да черепки – те же горшки* – «то же самое».

Иллюстрации функционирования указанных фразеологизмов: *Мысль не может иметь в глазах наших особенной привлекательности уже по тому одному, что, забравшись однажды в голову, она тревожит и понуждает. «**Буря в стакане воды**!» – да ошибемся же хоть раз правдою и ответим искренно: сами-то видим ли мы что-нибудь далее этого стакана?* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Литературное положение); *Должно, однако,*

согласиться, что есть ***в меду*** *сем* ***ложка дегтю.*** (Д. С. Мережковский. Александр Первый); – *Що взято у городе, пойдет в* ***общий котел****, вашим же дитям и бабам.* (А. С. Серафимович. Железный поток); *...Так до зари беседа наша Была торжественно шумна, Веселья* ***круговая чаша*** *Всю ночь не осушала дна!* (Н. А. Добролюбов. А. В. Кольцов); – *Ни стоять на месте, ожидая, что нам принесут мир* ***на блюдечке с голубой каемочкой****, ни тем более отступать назад мы не можем.* (Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича).

Реже фразеологизмы с компонентом-наименованием посуды обозначают **лицо**. В нашем материале таких фразеологизмов 1 единица, что составляет 14%: *бездонная бочка* – «1) о человеке, который может много выпить, не хмелея; 2) о чем-л., требующем неоднократных и неокупающихся затрат».

Проиллюстрируем функционирование предметного фразеологизма, обозначающего лицо: *Несколько дней спустя приехал из Праги ее отец и ужаснулся ее страсти к пиву.* ***— Бездонная бочка*** *какая-то! В восемь лет!* (М. И. Цветаева. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым).

Самый многочисленный разряд среди качественно-обстоятельственных фразеологизмов с компонентом-наименованием посуды – разряд фразеологизмов, обозначающих **образ действия** (4 единицы, что составляет 66% от всех качественно-обстоятельственных фразеологизмов, анализируемых в нашей работе): *льёт как из ведра* – «о проливном дожде», *(стричь) под горшок* – «ровной линией вокруг головы», *через час по (чайной) ложке* – «слишком медленно, еле-еле», *быть не в своей тарелке* – «быть в плохом расположении духа, не в настроении».

Иллюстрации функционирования качественно-обстоятельственных фразеологизмов со значением «образ действия»: *На другое утро священник встал позже обыкновенного, взглянул в окно; на дворе дождь теплый, частый, благодатный* ***льет как из ведра****, и по лужам ходят большие пузыри, предвестники, что дождь разошелся и еще долго не устанет.* (Н. С. Лесков. Засуха); *Волосы он* ***стриг под горшок****, так что никто никогда не видел его ушей.* (А. Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу); *Придет, сядет, задумается, обопрется головой об руку и начнет* ***через час по ложке*** *задавать самые неожиданные, можно сказать, даже щекотливые вопросы.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы («Между делом»).

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы со значением «**место**» и «**мера и степень**» в нашем материале малочисленны (по 1 единице каждого значения, что составляет 18% от общего количества качественно-обстоятельственных ФЕ): *под ложечку (ударить, попасть и т.п.)* – «в нижнюю часть груди», *как на блюде* – «о хорошо, отчетливо видимых предметах, расположенных на ровном, открытом месте».

Использование данных фразеологизмов можно рассмотреть в следующих микротекстах: *А пока он пытался сорвать пахнущую чернилами и пылью скатерть, Дымок, не размахиваясь, ударил его* ***под ложечку.*** *(*М.А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1); *Кроме правильной идеологии, современный советский редактор превыше всего ценит ясность, аккуратность, гладкую фактуру и пышную композицию, где,* ***как на блюде****, разложены сравнения, метафоры и прочие фигуры речи.* (Надежда Мандельштам. Воспоминания).

Среди призначных фразеологизмов можно выделить подгруппу, которая обозначает **качества человека** (3 единицы, что составляет 75% от общего числа призначных фразеологизмов, используемых в нашей работе): *котелок варит* – «голова хорошо работает у кого-л., кто-л. сообразителен, умён», *от горшка два (или три) вершка* – «о маленьком ребенке или о человеке очень низкого роста», *с пивной котел или как пивной котел* – «очень больших размеров (о голове человека)».

Иллюстрацией такого значения служат следующие примеры: **—** *Правильно!.. У него* ***котелок варит****! —* *воскликнул Бакланов, восхищенный и немножко обиженный слишком смелым полетом Метелицыной самостоятельной мысли.* (А. А. Фадеев. Разгром); **—** ***От горшка два вершка****, а с такими деньгами…* (Владислав Крапивин. Болтик); *У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится,* ***с пивной котел****, тело приземистое, неуклюжее.* (И.С. Тургенев. Бежин луг).

Одна единица в нашем материале обозначает **характеристику дома**: *полная чаша* – «зажиточный, богатый (о доме)». Иллюстрацией данной единицы будет являться следующий микротекст: *У него была квартира в сорок комнат на Крещатике в Киеве. «Дом* ***— полная чаша****». На улице под сорока комнатами били копытами лошади Пергамента.* (О.Э.Мандельштам. Египетская марка).

В нашем материале две фразеологические единицы (что составляет 6% от общего количества исследуемых фразеологизмов) имеют значение «**неопределенно большое количество**»: *как сельди в бочке* – «о скоплении большого количества людей в тесном помещении», *сорок бочек арестантов* – «очень много (наговорить)».

Иллюстрации использования данных фразеологизмов: *И мужички полезли назад в вагоны и набились,* ***как сельди в бочке.*** (А. С. Серафимович. Никита); *А вдруг произойдет авария, тут и престиж фирмы рухнет, и дипломатические осложнения… Наговорил, одним словом, «****сорок бочек арестантов****». А я тем временем на него нажимаю, да и председатель делегации меня поддерживает: мол, не бойтесь, мосье, он справится…* (С. Вишенков. Испытатели).

Литература
1. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К.Бирих, В.М.Мокиенко, Л.И.Степанова. – М.: Астрель, 2005. – 926 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н.Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
3. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И.Федоров. – Новосибирск: Наука, 1995. – Т. 1-2.
4. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А.Войнова и др. / под ред. А.И.Молоткова. – М.: СЭ, 1967. – 543 с.
5. Яранцев, Р.И. Русская фразеология. Словарь – справочник: Ок. 1500 фразеологизмов / Р.И.Яранцев. – М.: Рус. яз., 1997. – 845 с.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА «ПИСЕМ СТОЛИЧНОГО ДРУГА К ПРОВИНЦИАЛЬНОМУ ЖЕНИХУ» И. А. ГОНЧАРОВА

Ю.В. Бараненко
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

Русский очерк 19 века – сложное и одновременно самобытное явление литературного процесса. Исследование жанра, жанровых разновидностей и модификаций русского классического очерка является перспективным направлением литературоведения, которое позволяет осмыслить основные закономерности развития литературы: динамику художественных направлений, специфику творческого мышления писателей, стадиально-фазовое развитие жанра очерка в русской литературе 19 века.

Понятие «очерк» в качестве названия публикаций определенного типа имеет неясное происхождение. Хотя существует мнение, что к его появлению причастен А.М. Горький, который в одном из своих писем коллеге по словесному ремеслу указывал, что исходным в определении текста, имеющего известную литературную форму, как «очерка» является глагол «очерчивать».

Жанр в силу своей концептуальной природы определяет в той или иной степени границы целостности литературного произведения. При этом целостность понимается как упорядоченное, организованное по структурно-содержательным законам художественное единство, обладающее помимо диалектического соотношения части и целого, завершенностью и системностью. В нашем случае сущность очерка во многом предопределена тем, что в нем соединяется репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало. Причем «развернутость» репортажного начала воспринимается как преобладание художественного метода, в то

время как упор автора на анализ предмета изображения, выявление его взаимосвязей выступает как доминирование исследовательского, теоретического метода.

Целостность состоит из отдельных художественных целых, между которыми устанавливается определенная связь, отношения. В зависимости от типа этой связи целостность предстает то простой, неделимой, то сложной и противоречивой. Её природа в значительной степени определяется творческим воссозданием полноты бытия, являющегося аналогом художественного целого.

«Выбор темы исследования обусловлен, во-первых, наличием текстов Гончарова, которые до сих пор не становились предметом специального анализа. Произведения, включенные в седьмой том собрания сочинений писателя 1952 – 1955 гг., К.Н. Полонская, готовившая примечания к нему, определила как «наименее известные широким кругам читателей», хотя и представляющие «немалый познавательный, историко-литературный и биографический интерес». Однако и в 2015 году можно, к сожалению, повторить подобную оценку» [13, с. 43].

В «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» И.А. Гончаров осмысляет человека в координатах культурной антропологии. Главные различия двух корреспондентов-фигурантов фельетона – социокультурные (провинциальный помещик и столичный светский человек); за ними обнаруживаются различия двух ментальных типов: ориентированного на самовоспитание в (псевдо)просветительском духе и – на культурную консервацию, в перспективе деградацию. Из трех писем Чельского Василию Васильичу наиболее «теоретично» первое, в котором излагается таксономия светских культурных типов. Второе содержит ряд поучений «столичного друга», касающихся бытовой культуры и указывающих на номинализм его мышления, а третье – беглое и нервное прощание с обиженным приятелем.

К фельетону примыкает опубликованная в том же «Современнике» полугодом ранее рецензия Гончарова на книгу Д.И. Соколова «Светский человек, или Руководство к познанию правил общежития» (рецензия – в № 5, фельетон – в № 11, 12 за 1848 г.).

Чельского можно назвать водевилистом, а его культурную таксономию – скорее подобием «поваренной книги», нежели серьезным исследованием. Четыре описанных Чельским типа светского человека, во-первых, не охватывают всех способов «жизни в обществе» и не выражают объема понятия (денотата) «светский человек», а во-вторых, не выражают содержания понятия (десигната). Каждый предыдущий тип «поглощается» последующим по принципу вхождения более простого в более сложный, однако это сложность номинативого, а не номологического порядка. Изобретение имени для каждого разряда светских людей – одно из главных достоинств классификации Чельского.

«Лев» и «франт» условно отнесены к отрицательному культурному полюсу – это люди «внешнего», демонстративного поведения. «Что такое франт? Франт уловил только одну, самую простую и пустую сторону умения жить: мастерски, безукоризненно одеться. Оттого в нем так заметно и пробивается и бросается другим в глаза основательно порицаемая претензия блеснуть своей скудной частичкой умения жить и доводить ее даже за пределы хорошего тона. Абсолютный франт одевается картинно для самоуслаждения. Он трепещет гордостью…, когда случайно поймает брошенный на него каким-нибудь юношей завистливый взгляд…». [1, с. 634] От описания этого «мелкого и жалкого существа» Чельский устремляется к описанию льва. «Лев покорил себе уже все чисто внешние стороны умения жить. Все стороны равны у него; они должны быть сведены в одно гармоническое целое и разливать блеск и изящество одинаково на весь образ жизни. На льва смотрит целое обществ. Его привычки перенимают, подражают его глупостям. Он обречен вечному хамелеонству; вкус его в беспрерывном движении…» [1, с. 636]; задача «льва» – «быть корифеем» толпы «в деле вкуса и манер». И тот и другой типы обязаны быть мобильными: франт – чтобы постоянно обновлять гардероб или – буквально передвигаться модной «иноходью» по Невскому проспекту, лев – чтобы «не теряться ни на минуту из глаз общества». Это разные формы движения, но, как бы то ни было, они принадлежат к одному антропологическому полюсу художественного мира Гончарова – полюсу движения.

Два «высших» типа – «человек хорошего тона» и «порядочный человек» – наделены внутренними достоинствами. Первый обладает «изящно возделанной натурой», «тонким воспитанием». Второй «есть тесное, гармоническое сочетание наружного и внутреннего, нравственного уменья жить». «Человек хорошего тона» тяготеет к покою: «Хорошо есть, пить, одеваться, сидеть и лежать на покойной мебели… есть его внутренняя потребность, привычка к комфорту» [1, с. 643]. Демонстрационность поведения «франта» и «льва» сменяется у «человека хорошего тона» умеренностью привычек: в его жизненном обиходе «приятных вещей» не слишком много, а в меру: «Ты скажешь, что это кукла, автомат, который для приличий выбросил из душонки все ощущения, страсти… Нет, не выбросил: он только не делает из них спектакля, чтоб не мешать другим…» [1, с. 647]. В ментальной структуре «порядочного человека» превалирует качество, конститутивное для романной концепции человека Гончарова, – нравственность: «Первую роль в нем играет… нравственная, внутренняя сторона этого умения. Наружная есть только помощница или, лучше, форма первой» [1, с. 640]. Порядочный человек обладает внутренней, нравственной порядочностью. Все другие обозначенные не только в фельетоне, но и в ранних повестях и «очерках» антропологические качества «человека Гончарова» в антропологической схеме «порядочного человека» не упоминаются. Категории движения-покоя, телесности-бестелесности, «сердца»,

«души», «ума», страсти в антропологической сфере «порядочного человека» нейтральны. Подразумевается, что «порядочный человек» гармоничен. Гончаров, пусть и в ироническом контексте, завершает разработку своего антропологического кода. Витальные проявления натуры человека – область инстинктов, страстей, движения – мягко «гасятся» его культурными и ментальными, как врожденными («душа», «сердце», «ум»), так и приобретенными («уменье жить», т. е. умение выстроить культурный диалог с обществом и эпохой), свойствами. Таким образом, в своей ранней прозе И.А. Гончаров создает конфигурацию человека, актуализированную в его позднейшем – романном – творчестве.

В нем публицистически ясно и очень концентрированно выражено то, что будет так или иначе воплощено во многих других произведениях Гончарова. Романист опубликовал «Письма...» в 11-12 номерах журнала «Современник» за 1848 год под псевдонимом А. Чельский. Тот факт, что автор «Обыкновенной истории» не решился подписать свое собственное имя, а также то, что «Письма» были помещены в разделе «Моды», говорит, казалось бы, о второстепенном характере этого произведения. На самом деле Гончаров не просто выполняет некую черновую литературную работу (это период анонимного, но активного сотрудничества Гончарова с журналом, многие его произведения, опубликованные в «Современнике», до сих пор не установлены). Он по-прежнему, хотя и не в романной форме, занят главным: выработкой религиозно-нравственного идеала современного человека, и притом — европеизированного русского. «Письма столичного друга к провинциальному жениху» являются в каком-то смысле программным произведением Гончарова, раскрывающим важнейшие стороны его мировоззрения. При этом следует отметить, что в дальнейшем писатель не включал его в свои собрания сочинений. Причину этого следует искать, видимо, в некоей незавершенности мысли. Однако идея, которую попытался выразить романист, была стержневой для его мировоззрения, в особенности для его мировоззрения 1840-х годов.

В «Письмах» прямо ставился вопрос об идеале человека и назначении человеческой жизни. При этом Гончаров, как всегда, внешним образом не выходит на уровень религиозных понятий. Гончаров показывает лишь «культурные», «цивилизационные» следствия из правильно или неправильно понятых идеалов человеческой жизни. Однако самое любопытное заключается в том, что, не покидая чисто земной, общественно-социальной почвы, художник выстраивает нечто вроде духовной «лестницы». Этот метод, лишенный всякого патетического религиозного начала (что так свойственно, например, Ф.М. Достоевскому или Л.Н. Толстому), станет для него основным на протяжении всего его творчества. Анализ гончаровских романов доказывает, что хотя писатель и не говорит непосредственно о религии, нравственные проблемы человеческой жизни рассматриваются им в контексте именно религиозного концепта жизни. Но

лишь в последнем романе он вынужден был нарушить свои художнические установки и «приоткрыть» завесу над своей художнической тайной. В «Обрыве» Гончаров уже прямо, как никогда ранее не делал, говорит о религии, о вере, о Боге. На первый взгляд, в «Письмах» ставится вполне практическая задача – показать несколько категорий современных людей, претендующих на звание вполне «светских», «порядочных». Гончаров выстраивает своеобразную классификацию общественно-психологических типов: «франт» – «лев» – «человек хорошего тона» – «порядочный человек». Особенность этой классификации такова, что каждый последующий тип, помимо общего, внешнего соответствия «моде», идеалу «светскости», цивилизованности, все в большей мере усваивает идеал внутренней порядочности, т.е. нравственности. От красоты, понимаемой чисто внешним образом, человек должен, по Гончарову, подняться до внутренней, почти религиозно понимаемой «красоты».

В этом любопытном по жанру произведении, напоминающем одновременно и о типичном «физиологическом очерке», и о философском эссе в духе английского просветителя А. Шефтсбери, Гончаров пытается открыто решать те проблемы, которые остались в подтексте его первого романа «Обыкновенная история». Писатель признает, что между идеалом и реальностью лежит «бездна», но все же свою задачу как художника видит в исследовании «идеальных» потенций самой реальности. Он видит, что разные люди в различной степени сумели приблизиться к идеалу, — и пытается обозначить многоступенчатость (а значит, и принципиальную возможность) «вырастания» идеала из самой реальности, из ее потребностей. По его мнению, самой мощной и наиболее естественной, органично присущей человеку потребностью, которая обусловливает стремление человека к идеалу, выступает «красота», стремление к «красивому». Потребность в красоте глубоко присуща человеку как существу общественному, социальному. Красота — это «мост», соединяющий в человеке внешнее и внутреннее, «биологическое» и духовное. Таким образом, по Гончарову, и самая действительность, «неидеальная» и несовершенная, содержит в себе возможность «идеальную»: стремление к красоте, изначально присущее человеку. В «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» и исследуется эта «идеальная» потенция реальности. Нравственный идеал в «Письмах...» — это «порядочный человек». Причем автор сразу замечает: «Нет и не было вполне порядочного человека, и Бог знает, будет ли когданибудь; но есть типы, есть более или менее приближающиеся к этому идеалу существа...» Понятие «порядочного человека» осмыслено писателем философски. На пути к указанному идеалу — несколько ступеней. Первая из них — «франт», в котором понятие порядочности отражается лишь одной своей стороной: умением «мастерски безукоризненно одеться». В нем стремление к красоте выражено исключительно «внешне», поверхностно. Он «трепещет гордостью и млеет от неги, когда случайно поймает бро-

шенный на него каким-нибудь юношей завистливый взгляд или подхватит на лету фразу: «Такой-то всегда отлично одет» [1, с. 635]. В своем стремлении к красоте франт крайне «овнешнен», ибо его волнует лишь реакция окружающих: «Это обыкновенно мелкое и жалкое существо» [1, с. 637]. В то же время в нем хотя и уродливо, но выразилось первоначальное глубинное человеческое стремление к идеалу.

Следующая ступень – «лев», который является, в сущности, все тем же «франтом», но с универсально развитыми интересами: «Лев покорил себе уже все чисто внешние стороны уменья жить. В нем незаметно мелкой претензии, то есть щепетильной заботливости о туалете или о другом исключительном предмете, невидать желания блеснуть одной какой-нибудь стороной...» [1, с. 653]. «Лев» уже более глубоко, чем «франт», постиг внешнюю красоту: «Он хорошо ест... ему надо подумать, где и как обедать, решить, какой сорт сигар курить и заставить курить других; его занимает забота о цвете экипажа и о ливрее людей. Он в виду толпы: на него смотрят, как на классическую статую...» [1, с. 643] Но и «лев» – еще далеко не «порядочный человек». Далее следует «человек хорошего тона», который уже вплотную приближается к идеалу истинного джентльмена. Для человека хорошего тона «наружные условия уменья жить дело второстепенное. Он извлек другую, важную тайну из этого уменья: он обладает тактом в деле общественных приличий... внутренних, нравственных» [1, с. 654]. Итак, человек хорошего тона внешне уже джентльмен: он соблюдает все правила приличий так же, как и порядочный человек. Однако при ровном, благородном наружном тоне он не убежден внутренне в необходимости такого своего поведения в обществе. Он ориентируется на оценки окружающих, а не на самую высокую, собственно уже религиозную – самооценку. Иначе говоря, его джентльменство может быть лишь маской, но не истинным его лицом. «Человек хорошего тона может и не уплатить по векселю, завести несправедливый процесс», хотя даже и в обмане он «соблюдает ровный, благородный наружный тон» [1, с. 651]. Поэтому-то автор и замечает: «За нравственность его я не ручаюсь». В человеке хорошего тона уже есть элемент «внутреннего» [1, с. 643]. Он как бы переходная ступень от внешнего к внутреннему ему пониманию красоты. «Порядочный человек» – совсем иное дело.

В гончаровской классификации это, по сути дела, религиозный тип общественного поведения. Человек ориентирован не столько на «моду» или «оценку окружения», сколько на высший нравственный эталон поведения «для себя», «для самого добра». Он «честен, справедлив, благороден» – и притом все «хорошие его качества выражаются в нем тонко, изящно».

Автор «Писем...» отмечает в порядочном человеке «тесное гармоническое сочетание наружного и внутреннего, нравственного уменья жить» – причем «первую роль... играет, разумеется, нравственная, внутренняя сторона этого уменья. Наружность есть только помощница, или, лучше, форма пер-

вой» [1, с. 650]. «Порядочный человек» в том виде, как его описывает Гончаров, есть уже человек, просвещенный духовным светом и, как показывает контекст всего творчества Гончарова, именем Христовым. Только этого имени писатель не называет. Для того чтобы вполне прояснить данную мысль, приведем высказывание известного православного подвижника епископа Арсения Жадановского. Православные мыслители подходят к той же проблеме, что и Гончаров (синтез внешней и внутренней красоты), только с другой стороны. В своем дневнике епископ Арсений записывает: «Читая наставления преподобного Исайи Отшельника, поражаешься, как у святых отцов-подвижников даже внешнее благоповедение доходило до высшей степени вежливости, благопристойности и обходительности. Если хотите, здесь вы можете найти высший тон благовоспитанности. Как сидеть за столом, как говорить, как ходить, как принимать гостей — всему вы здесь найдете указание, все здесь определено и при этом в высшей степени нежно, тонко, духовно и искренно, что весьма дорого» [10, с. 320].

Высший же тон, рекомендуемый в светском воспитании, только вовне благопристоен, внутри же исполнен лицемерия, злорадства и пустоты. Идеал «человечности» Гончаров исследует как художник не в религиозных, а в сугубо «общественных» формах. Между человеком и «внутренней красотой» у него стоит как переходная ступень красота «внешняя», ощущаемая «пятью чувствами». Но внутренняя красота, и только она, является целью его художественного исследования в «Письмах».

Несмотря на то, что во многих случаях аналитическое, исследовательское начало в очерках является ведущим, все же представление об очерке в основном связано с существованием в нем «репортажного» начала (применением художественного метода). Преобладание в ходе подготовки очерка того или иного метода зависит прежде всего от цели и предмета исследования. Предметом интереса И. А. Гончарова стала современная личность (а точнее несколько типов людей), и более подходящим для выявления ее характера стал художественный метод, позволяющий, так сказать, более естественным путем проникнуть в психологию личности, без представления о которой трудно судить о достоинствах или недостатках любого человека.

Литература

1. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / И.А. Гончаров. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1. – 831 с.
2. Барт Р. Дендизм и мода / Пер. С.Н. Зенкина // Р. Барт Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2003. – 512 с.
3. Бёмиг М. «Сон Обломова»: апология горизонтальности // И.А. Гончаров: Материалы международной конференции посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова) / М. Бёмиг. – Ульяновск, 1994. – С.26 – 37.

4. Бёрн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – Л.: Лениздат, 1992. – 247 с.
5. Вайкс А. Энциклопедия азартных игр / А. Вайкс. – М.: Ефрат, 1994. – 206 с.
6. Вайнштейн О.Б. Откуда берется пыль? Семиотика чистого и грязного / О.Б. Вайнштейн // Arbor Mundi. 1998. № 6. С. 153-170.
7. Вайнштейн О.Б. Жизнетворчество в культуре европейского романтизма / О.Б. Вайнштейн // Ученые записки РГГУ. Вып. 2. М.: Изд-во РГГУ, 1998. С. 161-187.
8. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 848 с.
9. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис, 1992. – С. 442 – 447.
10. Малиновский А.Т. Аспекты изучения литературных жанров: учебное пособие / Малиновский А.Т. – Одесса: Астропринт, 2011. – 92 с.
11. Малиновский А.Т. «Письма столичного друга к провинциальному жениху» И. А. Гончарова: семиотическое пространство текста // Актуальні проблеми прикладної лінгвістики [зб. наук. праць / відп. ред. Кондратенко Н. В.]. – Одеса: Букаєв Вадим Вікторович, 2014. – Вип. 1. – С. 194-199.
12. Мельник В.И. Гончаров и православие. Духовный мир писателя / Мельник И.В. – М.: Даръ, 2008. – 544 с.
13. Мусий В.Б. «Я» и «иной» в «Поездке по Волге» И. А. Гончарова/ В.Б. Мусий // Вопросы русской литературы: межвузовский сборник. - Симферополь Крымский Архив 2012. –С. 43-50.

СЮЖЕТНЫЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ А.С. ГРИНА «ЭЛДА И АНГОТЭЯ»

В.К. Беспалова
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

Среди литературоведов, которые занимаются изучением биографии и творческого наследия А.С. Грина, - И.К. Дунаевская, Н.А. Кобзев, Т.Ю. Дикова. А.С Грина знают и за рубежом. Творчеству этого автора посвятили свои работы такие учёные, как Николас Люкер, Б.П. Шерр, С.С. Каподилупо, Р.В. Ротсел (США), Жан Круаз, Клод Фриу, Поль Кастан (Франция). Знают Грина и в Германии, где в Потсдаме прошла научная конференция, посвящённая творческому наследию Грина. И в то же время приходится признать, что художественная деятельность А.С. Грина на сегодняшний день мало изучена.

Объектом нашей статьи являются сюжетные мотивы в рассказе А.С. Грина «Элда и Анготэя». Предмет работы – многообразие значений, связанных с мотивом двойничества и зазеркалья, их обусловленность авторской концепцией действительности как непредсказуемой, многомерной.

Небольшой по объему рассказ А.С. Грина «Элда и Анготэя» (8 страниц текста) разделен автором на три композиционные части. Первая представляет собой описание встречи друга умирающего Фергюсона с актрисой Элдой Силван. Это описание, кроме характеристики главных действующих лиц, Готорна и Элды, вводит читателя в ситуацию. Правда, следует уточнить, что эта часть произведения посвящена описанию именно Элды Силван, поскольку о Готорне, кроме того, что он близкий друг Фергюсона, не известно ничего, и эта неизвестность сохраняется до конца рассказа. Сама по себе ситуация, участниками которой оказываются несколько человек, необычна. Фергюсон, человек лет сорока пяти, убежден в том, что его жена Анготэя «ушла в зеркало и заблудилась там». Сейчас он умирает, и его друг Готорн хочет сделать счастливыми хотя бы последние мгновения жизни умирающего человека. Для этого он нанимает Элду Сильван, которая должна сыграть роль исчезнувшей. Вторая часть рассказа содержит описание пути актрисы и друга, умирающего в его дом, и, что особенно важно, посещение ими того места, где, как убежден Фергюсон, его жена исчезла. Третья часть – самая большая по объему, поскольку ее содержание является наиболее сложным и противоречивым. Именно здесь находится кульминация сюжета рассказа. Это описание встречи Фергюсона с актрисой, исполняющей роль его жены Анготэи, его смерть и, наконец, развязка, заключающаяся в расчете с Элдой Силван за ее работу.

Как уже было сказано, рассказ начинается с описания встречи Готорна и Элды. Она происходит в театре Бишоп. Дважды сообщается о том, что репетиция закончилась: «Это произошло в конце репетиции. Она кончилась.» Возможно, таким образом читателю дается знак: чему-то старому пришёл конец, а конец означает начало чего-то нового, неизвестного ранее. Нельзя исключить в таком случае, что нечто новое, своего рода преображение, ожидало актрису, характеристика которой с самого начала задается весьма противоречивой. В Элде соединяются нежность и расчетливость, женственность, некоторая нервность и мужеподобие («мужская манера резко выдыхать дым папиросы»). У Элды «черные большие глаза», что позволяет предположить её страстность, чувствительность. Если считать глаза зеркалом души, Элду можно отнести к разряду людей, которые способны переживать сильные чувства, наделены даром воображения. На ее лице повествователь замечает «серьезно-лукавую нежность», он сообщает о красоте ее лба и шеи. Но тут же очарование от облика актрисы разрушается замечанием о «твердой остроте зрачков», о «деловитом» и «осторожном» отношении Элды к наблюдаемому», в ней есть задатки и нежности, понимания, сочувствия и одновременно цепкости, расчётливо-

сти, равнодушия. Именно эти качества Элды позволили ей, в конечном итоге, гениально справиться со своей задачей и одновременно остаться абсолютно равнодушной к происходящему. Для нее все то, что случилось, осталось работой, спектаклем. А потому отразилось только на её кошельке, но душу, ум не затронуло. Но вернемся к описанию внешности Элды, данной автором в начале рассказа. Оно начинается сообщением о том, что Элда «способная» актриса. А заканчивается замечанием повествователя о том, что она «еще не выдвинулась, благодаря отсутствию влиятельного любовника». С одной стороны, это важно потому, что выдает планы Элды – найти богатого и влиятельного любовника, а, с другой, то, что это когда-либо сбудется («еще не выдвинулась» - следовательно, в дальнейшем выдвинется). В характеристике Элды присутствует очень много чёрного цвета: «Элда была в чёрном платье, её чёрные волосы, чёрные большие глаза. После того, как Готорн объясняет ей, что нужно сделать, и рассказывает историю Фергюсона, её зрачки продолжают «хранить расчёт». Элду абсолютно не тронула трагедия этого несчастного мужчины, она не вызвала никаких человеческих эмоций сочувствия. Для актрисы главное - деньги. Ещё немаловажной деталью в образе Элды являются её слова «обождите» и «обстряпаем», - эти просторечия характеризуют невысокий уровень интеллекта актрисы, а также – её расчётливость.

Менее подробен портрет Фергюса Фергюсона. Именем и фамилией автор словно пытается усилить, удвоить его образ. О нём сообщается, что это сорокалетний мужчина, который существует на пенсию мужа сестры в доме, оставленном прислугой на Тэринкурских холмах, а самое главное это то, что «он помешанный и в настоящее время умирает». А помешан он на исчезновении своей жены, которой, возможно, никогда не было. Больше нам о нём ничего не известно. Сама по себе фамилия «Фергюсон», возможно, не является случайной. Известны шотландский философ Адам Фергюсон, защитник идеи моральности чувства и здравого рассудка, а также поэт Роберт Фергюсон. А.С. Грин мог знать о них, но, возможно, сам придумал фамилию своему герою. Экзотические онимы – одна из особенностей его прозы. По нашему мнению, есть основания считать, что писатель дал своему герою фамилию Фергюсон с тем, чтобы отослать читателя к другому своему произведению – «Легенде о Фергюсоне», которое было написано за год до «Элды и Анготэи». В нем сообщается о некоем Эбергарде Фергюсоне, который «потерял в мнении людей благодаря свидетельскому показанию человека, которому он, когда тот был ребёнком, дал пряник» [2, с. 487]. В легенде Фергюсон «отличался необычайной силой и один победил шайку в сорок восемь бандитов, опрокинув на них гнездо с отвеса Таулонской горы огромную качающуюся скалу весом в двадцать тысяч пудов» [2, с. 489]. Однако в конце рассказа обнаруживается, что реальный Фергюсн «жил около болота… и промышлял тем, что хлопотал в суде о земельных участках… Фергюсон был заика, болезнен-

ный человек, малого роста» [2, с.489]. В чем смысл этой переклички рассказов? На наш взгляд, главной темой «Легенды о Фергюсоне» является способность человека верить в чудеса. В рассказе несколько персонажей. Среди них – «самостоятельная девица средних лет», убежденная в том, что «все должны работать, а не попрошайничать», добавим, занимаясь выдумками легенд; живущая за счет оболванивания своими выдумками «отпетых дураков» -путешественников «алчная и беспокойная личность» Горький Сироп, дочь инженера Рой, молчаливо грызшая орехи и мечтавшая открыть глаза и вдруг оказаться в Африке; дряхлый. Но с «проницательными живыми глазами» старик, разоблачающий легенду о Фергюсоне. Для каждого из них легенда имеет свой смысл. Старик погружен в прозу жизни, поэтому склонен объяснять все с точки зрения естественных законов, будничности. Старик, знавший легендарного Фергюсона, сообщает, что скала упала в результате шторма, во время ее разрушения погибли две коровы, а сам Фергюсон был, хоть и добрым (дал ему пряник), но самым обыкновенным. Поэтому старик добавляет, что ему всегда смешно слушать рассказы о случившемся здесь много лет назад («смешно, как все это переиначили»). Горький Сироп живет за счет выдумок, в который сам не верит. Для него результат воображения – источник заработка. Настоящей героиней рассказа является девочка Рой, обладательница «задумчивых больших глаз». Для нее жизнь и выдумка – одно целое. Она живет в мире воображения. Даже услышав разоблачающий чудесное рассказ старика, она продолжала верить в то, что на самом деле Фергюсон был таинственным благородным силачом, сбросившим «на гнездо бандитов» скалу «весом тридцать тысяч пудов». При этом она легенду, выдуманную Горьким Сиропом, дополняет тем, что услышала от старика, но придает услышанному абсолютно иной смысл. «Он был красивый с черной бородой, сильный и храбрый. Так нам сказал какой-то старик. Он говорил – как пел. Все боялись его, а он – никого. И когда он сбросил на разбойников эту большую скалу, он дал какому-то мальчику пряник, потому что был очень прост и доступен… Он любил одну девушку, и они женились…». А потом добавила: «Они женились раньше, чем он сбросил скалу». Читателю ясно, что рассказанное Рой составлено из того, что она услышала от Горького Сиропа и старика, и дополнено результатами ее собственного воображения. Однако, заметим, что ее вариантом истории о Фергюсоне заканчивается рассказ. Начало и конец произведения всегда – наиболее важные, «ударные» части. Таким образом, и в воображении читателя остается образ легендарного героя именно таким, каким его сформировало воображение девочки. Именно такие, способные отдаться воле фантазии герои, были наиболее близки писателю. Поэтому, думается, в другом его рассказе, в котором также тема воображения играет ведущую роль, фамилия одного из героев не случайна.

Вернёмся к Фергюсону из «Элды и Анготэи». Он твёрдо убеждён, что Анготэя ушла в зазеркалье и заблудилась там. Интересна реакция Эл-

ды и Готорна на эту историю. В основе характеристики их отношения к верящему в пропажу Анготэи и ждущему ее возвращения Фергюсону – антитеза. С ее помощью автору удается полнее раскрыть характеры героев. Актриса называет Фергюсона «странным сентиментальным дураком», что ещё больше подчёркивает сухость её натуры, чёрствость по отношению к чужой беде. Готорн же, напротив, говорит, что «это человек прекрасной души, заслуживающей иной судьбы». Как настоящий друг, желающий хоть как-то скрасить последние часы жизни Фергюсона, он решается осуществить его мечты и фантазии.

Характер Элды, а также отношение к ней Готорна помогает понять и то, как он к ней обращается в их первую встречу. Он фамильярен и называет её «душечка», «малютка». Из этого ясно, что он сразу понял, что она собой представляет, а потому не прибегает к изысканности. Реакция же Элды на такое обращение на удивление спокойная, даже равнодушная, что дважды подчёркивает автор: «…ответила Элда с равнодушным равнодушием». Скорее всего, именно к такому поведению по отношению к себе она привыкла и не считает его унизительным. В среде актрис, которые ждут встречи с выгодным содержателем такое обращение обычно. Поэтому и его предложение сыграть какую-то роль не на сцене, а в жизни ее не удивляет. Она думает, что он предлагает ей интимную встречу. И в ответ на его предложение она с «равнодушным радушием» соглашается. Но при этом подчеркивает, что для него это будет не дешево. Она говорит, что хотела бы, чтобы это произошло не за городом, а в ресторане «Альфа». Дальнейшее ее немного разочаровывает, однако продолжает играть роль. Изумясь «и в то же время подчёркивая изумление игрой лица, как на сцене, заявила, что готова слушать». Из этого мы можем сделать вывод, что Элда не видит грани между сценой и жизнью, игра для неё неотъемлемая часть жизни.

Историю Фергюсона она называет забавной. Готорн не сумел достучаться до неё, не затронул ни одной струны её души. Актриса холодно и ревниво изучала его, но на самом деле её интересовал только денежный вопрос – «Прежде всего деньги». Услышав, что Готорн собирается заплатить ей достаточно большую сумму, она попыталась продемонстрировать безразличие. Но Готорн понял, что Элда продолжала играть. «Преклоняюсь, - сказала Элда, низко склонясь в шутливом поклоне, который неприятно подействовал на Готорна, так как вышел подобострастным». В любом случае Элда дала согласие на предложение Готорна.

Вторая глава содержит описание поездки Элды и Готорна к Фергюсону на Тэринкурские холмы. Во время пути актриса ведёт себя достаточно безразлично, она молчит и её ничто не интересует за пределами, очёркнутыми Готорном. Кажется, что Элда не замечает ничего вокруг, ей безразлична местность, по которой они едут, природа, окружающая их. Даже когда Готорн решил обратить её внимание на прелесть представшей

перед ними картины, Элда продолжила разговор о сделке. Актриса была сосредоточена лишь на том, будут ли деньги уплачены немедленно.

Наконец они оказались вблизи того «зеркала», в котором, по словам Фергюсона, исчезла Анготэя. Актриса принимает предложение Готорна подойти к роковому месту, считая, что это поможет ей настроиться на предстоящий «спектакль». Это место в лесу действительно напоминало зеркало и выглядело довольно мистически: «…вот - показалось то, очень правильной формы, высокоеовальное отверстие впоперечном слоескалы, о котором он говорил. Действительно, - и позади, и впереди этого отверстия, - все было очень похоже; симметрия кустов и камней, света и теней, - там и здесь, не касаясь, конечно, частностей, были повторены на удивление точно». Интересна реакция Элды, оказавшейся здесь: «Рассмотрев отверстие, Элда переступила овал, прошла вперед шагов десять и бегом вернулась обратно». Возникает вопрос, почему актриса, переступив овал прошла спокойно несколько шагов, а обратно вернулась бегом? Что она там увидела? Или её там что-то испугало? Нельзя исключить, что она и в самом деле оказалась у грани, отделяющей знакомый ей мир от чего-то, таящего опасность, иного, неведомого. Ведь она все же неплохая актриса, а, следовательно, наделена чувствительной душой (вспомним о ее больших черных глазах!). Правда, вернувшись, Элда сказала Готорну, что посещение этого места ничего ей не дало. Поэтому можно допустить, что она и в самом деле ничего не почувствовала. В таком случае Элда слишком поверхностна, лишена воображения и интереса к неординарному. Возможно и третье предположение: доставив Элду к дому Фергюсона, Готорн удалился в сомнениях. Он начал сомневаться в правильности своего поступка. Разница между идеальной Анготэей и низменной Элдой была слишком очевидна. Однако, Элдане собиралась сдаваться и была настроена выполнить свою роль как можно лучше. Поэтому, отправившись переодеваться, она начала внутренне меняться, словно впустила в себя Анготэю: «И тем не менее в этой дурной и черствой душе уже шла, где-то по каменистой тропе, легкая и милая Анготэя, и Элда наспех изучала ее». Эта фраза имеет двойной смысл. С одной стороны, идет речь об актерском мастерстве перевоплощения. С другой – о том, что происходит нечто загадочное: в Элду проникает Анготэя, точнее актриса «проникается» образом женщины, роль которой ей предстоит сыграть.

Третья глава начинается с разговора Готорна и врача о Фергюсоне, который несмотря на то, что «силы оставляют его так быстро, как сохнет на солнце мокрое полотенце», сосредоточен только на своей Анготэе, не расстается с ее фотографией. И все же в положительном эффекте возможного появления Анготэи доктор сомневается. Но в обоих появляется надежда, когда перед ними предстает преобразившаяся Элда, готовая играть роль Ангтэи. «Резкая прическа исчезла, сменяясь тяжелым узлом волос, открывшим лоб, - сообщается в рассказе. - лицо Элды, очищенное от

грима и пудры, с побледневшими губами, выглядело обветренным и похудевшим. Босая, в рваной, короткойюбке, в распахнутой у шеи блузе, с висящим в сгибе локтя темным платком, она внезапно так ответила его тайному впечатлению о вымышленной женщине». Но это все та же Элда. На признание Готорна в восхищении перед тем, как она сумела войти в образ, она самоуверенно возражает: «Угадала? Бросьте, - … - Всё-таки я шесть лет на сцене». Холодная натура Элды проявляется даже в тот момент, когда она подходит к комнате Фергюсона. «Ей хотелось, - передает повествователь внутреннее состояние героини, - как можно скорее развязаться с этой мрачной историей и вернуться домой». Но все же в ней пробуждается и волнение. В этот момент она становится ближе к Анготэе, перевоплощается в нее. Наконец, вся в слезах изменившаяся Элда вбегает в комнату Фергюсона и направляется к его постели. Происходит чудо, которое постарался создать для умирающего друга Готорн. Фергюсон, не ожидавший, что в последние минуты своей жизни увидит свою возлюбленную, не верит своему счастью: «Он, - сообщает повествователь, - смотрел исступлённо, как сталкиваемый в пустоту». Возможно, образ пустоты здесь – символ бездны, беды, однако на его губах сверкала улыбка. Фергюсон мучительно закричал «Анготэя», и доктор с Готорном бросились в комнату. У больного случился приступ, он «бился и хохотал, заливаясь слезами». Эта сцена свидетельствует о том, насколько велики и глубоки были чувства Фергюсона к Ангтэе. И здесь, в словах умирающего Фергюсона вновь возникает мотив зеркала, его опасности. Но Элда, успокаивая Фергюсона, сообщает, что разбила его камнем. Причём, трудно понять, импровизирует ли Элда, меняя написанный для нее Готорном текст, или же и в самом деле она сделала это, находясь в том месте, где, возможно, исчезла Анготэя. Последним словом, обращенным Фергюсоном к Элде-Анготэе, было «Дурочка». Это можно трактовать двояко. Р.М. Ханилова в своей статье следующим образом комментирует то двойственное впечатление, которое производят последние слова Фергюсона: «то ли всё-таки Фергюсон прозрел перед смертью и раскрыл святую ложь, то ли сетовал на глупость потерявшейся в своё время жены» [5]. Смерть Фергюсона вызывает у Элды лишь испуг, сострадания в ней так и не появилось. Единственное, что её сейчас интересует это деньги, то, как произойдёт оплата: чеком или наличными. Получив пакет с ассигнациями, она несёт их пересчитывать и делает это дважды – автор продолжает подчёркивать мелочность актрисы. И всё-таки она замечает недостачу, специально допущенную Готорном, который сделал так затем, «чтобы окончательно отделить Элду от Анготэи». Действительно, это были совершенно две разные девушки, с разными представлениями о мире, о жизни и с разными душевными качествами.

Повествование строится на антитезе: практичной, приземлённой и даже вульгарной Элды, обладающей незаурядным артистическим талан-

том, и тем образом, который она создаёт, - романтически прекрасной и возвышенной Анготэи, сохранившейся лишь в памяти персонажа и гениально угаданной и сыгранной никогда не видевшей её актрисой. Первая обладает безусловной реальностью в художественном мире рассказа, вторая существует достаточно зыбко: это фотография неизвестной девушки и вера в её реальность Фергюсона.

Отношения между двумя этими образами оказываются достаточно сложными и противоречивыми: персонажи одновременно и сливаются в едином образе Анготэи, так что даже осведомлённому о подмене Готорну приходится прибегнуть к специальным действиям, чтобы разделить их в своём сознании, и антагонистическими, поскольку буквально все качества Элды противоположны качествам Анготэи. Элда вне создаваемого образа ничем, кроме внешности не похожа на Ангтэю.

Ведущим мотивом в рассказе является мотив зазеркалья. В тексте этот мотив выражен отверстием в скале, которое в воображении Фергюсна превратилось в таинственное зеркало. По мнению Ефремовой, зазеркалье в этом рассказе это таинственная страна, которая, якобы, скрывается по ту сторону зеркала [3]. Мы согласны с этим мнением, т.к. в рассказе А.С. Грина реализуется именно это определение: присутствует и зеркало пространство за ним. Обратимся к толкованию символики зеркала. Зеркало также может восприниматься как дверь, через которую душа освобождается от власти этого мира, попадая в другой мир [6, с. 196]. Именно такая ситуация прослеживается в рассказе «Элда и Анготэя»: отверстие в скале служит своеобразной дверью, порталом в другой мир, воспользовавшись которым Анготэя ушла в зазеркалье.

Мотив иллюзорного, «иного» прослеживается в рассказе с самого начала: театр, в котором играет Элда - это своеобразное отражение реальной жизни; фотография Анготэи, находящаяся у Фергюсона– её отражение (двойник) и, безусловно, «главное» зеркало рассказа – отверстие в скале. По мнению Злочевской, само представление о том, что за зеркалом существует некая реальность, иной мир и иная жизнь, весьма древнее. Его истоки — в сознании мифологическом. Зеркало — символ связи нашего мира с параллельным. Первобытная магия предостерегала человека от вглядывания в свое отображение. Считалось, что призрачный двойник способен его погубить, утащив в зазеркалье. Зеркало воспринималось как граница между реальностью земной и инобытийной. Такое понимание зазеркалья усвоила литература эпохи романтизма, где зеркальная поверхность не столько отражала реальность мира физического, сколько воссоздавала его мистический подтекст [4].

Концепция таинственного в рассказе неоднозначна. Друг Фергюсона Готорн не видит в истории Анготэи ничего мистического и всё загадочное, связанное с ней и её исчезновением объясняет лишь тем, что её вообще не существовало, что она лишь плод воображения его больного друга: «Ос-

новным пунктом его помешательства является исчезновение жены, которой у него никогда не было, это подтверждено справками. Возможно, что, будучи нестерпимо одинок, он, выдумав жену, сам поверил в свою фантазию». Поэтому внешнее сходство Элды и Анготэи – случайность.

В то же время мы знаем, что Грин всерьёз был увлечён темой зазеркалья и можем предположить, что в его рассказе идет о речь о том, что во время разыгранного во имя душевной поддержки умирающего Фергюсона спектакля и в самом деле случилось загадочное. Побывав на месте исчезновения Анготэи, Элда на время превратилась в свою противоположность – нежную, хрупкую Анготэю.

Элда и Анготэя – не близнецы, но читатель вправе истолковать перевоплощение Элды в Ангтэю как свидетельство того, что низменная и вульгарная душа актрисы, очерствевшая в борьбе с многими жизненными и театральными тяготами, потенциально сохраняет высокое и чистое романтическое отношение к миру, которое делает возможной её поразительно точную игру.

Литература

1. Грин А.С. Собрание сочинений: В 5-ти т. / А.С. Грин. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 3.: Элда и Анготэя. – С. 555 – 563.
2. Грин А.С. Собрание сочинений: В 5-ти т. / А.С. Грин. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 3.: «Легенда о Фергюсоне». – С. 487- 491.
3. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка: [электронный вариант] / Т.Ф. Ефремова // Режим доступа: http://www.efremova.info/
4. Злочевская А. «Парадоксы зазеркалья в романах Г. Гессе, В. Набокова и М. Булгакова»: [электронный вариант] / А. Злочевская // Режим доступа: http://magazines.russ.ru/voplit/2008/2/zl9.html
5. Ханинова Р.М. «Поэтика вещей-людей и людей-вещей»: [электронный вариант] / Р.М. Ханинова // Режим доступа: http://refdb.ru/look/2993097.html
6. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М.: Астрель, АСТ, 2004. – 556 с.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НЕОЛОГИЗМОВ, ЗАКАНЧИВАЮЩИХСЯ НА -ILLION

Е.П. Бобрикова
Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия

Цель – выявить возможные варианты перевода неологизмов-псевдочисел. **Актуальность** обусловлена малоизученностью данной группы лексем, заканчивающихся на – illion, со значением большого неопределенного количества. **Материалом** для исследования послужили лексемы на -illion с интегральной семой ‘a large number’.

Неологизмы – это новые слова или словосочетания, появившиеся в языке в результате социально-политических изменений, развития науки и техники, новых условий быта для обозначения нового, прежде неизвестного предмета или явления, или для выражения нового понятия [1]. Со временем неологизмы утрачивают свою новизну, когда такие единицы становятся общеупотребительными и закрепляются в словарном составе языка, что упрощает процесс перевода (напр., компьютерная лексика). Поскольку словари не могут включать в себя слова, являющиеся индивидуальными новообразованиями или «окказиональными» неологизмами, то вся работа по поиску эквивалента в другом языке полностью возлагается на переводчика.

Поиск соответствующего перевода неологизмов обычно включает в себя два этапа: уточнение значения слова, учитывая контекст, и собственно передача значения средствами переводящего языка [2].

Классическими приемами перевода неологизмов по мнению Ж.А. Голиковой являются транскрипция, транслитерация, калькирование и описательный перевод [3, 181–82], иногда допускается прямое включение или используются комбинированные способы.

Согласно народному онлайн-словарю слов и фраз англоязычного сленга Urban Dictionary [4], все больше появляется окказионализмов со значением неопределенного большого количества, в которых первая часть слова может быть как мотивированной (*uncountabillion, bagillion*), так и абсолютно произвольным набором буков (*kagillion, bizjillion*), которые впоследствии закрепляются в разговорной речи как неологизмы.

Начиная со второй половины XX в. начинается активное словотворчество с использованием аффиксов и различных моделей словообразования, существующих в терминологии для наименования целой положительной степени десяти. Так, начиная с 1940-х появляется ряд так называемых «псевдочисел», составленных по аналогии с числительными million, billion: *zillion, gazillion, bajillion, jillion,* etc. В общей сложности таких слов насчитывается около 20, однако их количество увеличивается: *bazillion, fafillion, gagillion, gajillion, godzillion, googillion, gozillion, hillion, hojillion, infillion, kabajillion, kabillion, kajillion, katrillion, kazillion, skajillion, skillion, squillion, grillion, killion, robillion, umptillion* [4, 5].

Образование неологизмов при помощи аффиксов является одним из самых продуктивных способов в английском языке, к тому же, аффикс может указать как на новое грамматическое, так и лексическое значение. Является ли часть -illion суффиксом? В математике существует правило для образования названий чисел высоких классов: чтобы назвать единицу какого-нибудь класса, начиная с четвертого, надо уменьшить нумер класса на два и к полученному числу, названному по-латыни, прибавить окончание «иллион» [6, 10]. Примечательно, что Л.Д. Чеснокова называет – иллион в русском языке суффиксом [7, 25], хотя в русском языке он непродуктивен, что подтверждается отсутствием подобных неологизмов. Вероятнее

всего выше перечисленные лексемы сформировались путем сложения части какого-либо слова с типичной частью для больших числительных – illion, которая на данный момент не является аффиксом, поэтому вернее будет назвать такие слова телескопами (гибридами), образованными по принципу контаминации. Если сравнить выше перечисленные лексемы, то можно заметить, что неологизмы образовываются по аналогии с уже существующими словами million, billion, etc.: z+illion; inf+illion; bag+illion, etc. В таком случае, анализ мотивированной внутренней формы слова, частей слов и контекста позволит найти наиболее красочный и точный перевод, стилистически оптимальный.

Рассмотрим некоторые случаи употребления лексем и способы их перевода на русский язык. В силу малопродуктивности деривационной модели таких лексем в русском языке и мотивированности некоторых лексем в английском языке, можно предложить следующие варианты перевода. Во-первых, переводить слова стилистически нейтральными сочетаниями: *несметное, неисчислимое количество*; *огромное количество*. Во-вторых, заменять все английские неологизмы распространенными в русском языке существительными во множественной форме: *миллионы*, *мириады, тысячи* и сочетаниями по типу *миллионы миллиардов.* В-третьих, во избежание потери эмоциональности и для естественного звучания (учитывая, что такие псевдочисла принадлежат разговорной лексике), мы предлагаем подбирать разговорные слова и выражения, фразеологические обороты и устойчивые сочетания (например, *тьма-тьмущая, уйма, дофига, черт знает сколько и др.)*. Конечно, здесь может помочь анализ мотивированности и внутренней формы слов. Так, зная, что лексема *godzillion* является гибридом: Godzilla+illion, где Godzilla – гигантский монстр-мутант, Кайдзю, персонаж комиксов, мультфильмов и кинофильмов, то можно перевести на русский используя различные фразеологические обороты и сочетания, в структуру которых входит образ какого-либо большого монстра или животного: *Jonnie's friend won Godzillions dollars in the lottery last week* [8] *(Друг Джонни выиграл столько денег, что теперь их у него куры не клюют).*

Интересно, что можно встретить написание этого слова через дефис, с помощью чего подчеркивается первый элемент god- (‘Бог’), и этим можно воспользоваться при переводе: *Janie and Cecilia and I then apologized at one time. How many times had we had to do that? A thousand? Eighty god-zillion?* [8] (Затем Дженни, Сесилия и я в один голос извинились. И сколько же раз нам приходилось это делать? Тысячу раз? Да бог весть сколько раз!).

Такой подход можно применить и к другим лексемам, где первая часть мотивированна: *infillion* (infinity+million) – бесконечное число, количество, множество; *googillion* (google+million) – с число гугол; столько, сколько нулей в числе гугол; т.п. В случае, когда первая часть слов-псевдочисел является игровой фонетизацией письма [9: 493], подобрать перевод помогут выше перечисленные варианты.

Таким образом, при переводе неологизмов-псевдочисел можно руководствоваться тремя предложенными способами, при этом учитывая стилистические и синтаксические особенности текста.

Литература

1. Комиссаров, В.Н. Пособие по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов. – М.: Изд.-во лит. на иностр. яз., 1960. – Ч.1: Лексико-фразеологические основы перевода. – 176 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Голикова Ж.А. Перевод с английского на русский. – Минск: Новое знание, 2008. – 287 с.
4. Urban Dictionary [Electronic resource] / A. Пэкхем, 1999–2015. – Mode of access: http://www.urbandictionary.com. – Date of access: 20.03.2015.
5. Oxford English Dictionary [Electronic resource]/ ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – New York: Oxford University Press, 2007. – 1 CD-ROM
6. Берман Г.Н. Число и наука о нем. – М.: Физматгиз, 1960. – 164 с.
7. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. – Таганрог: Изд-во Таганрог.гос.пед.ин-та, 1992. – 177 с.
8. Corpus of Historical American English: 400 million words (1810–2009) [Electronic resource] / Brigham Young University; created by M. Davies, 2009. – Mode of access: www.corpus.byu.edu/coha. – Date of access: 24.03.2015.
9. Мечковская, Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 584 с.

АКТУАЛИЗАЦИЯ БЕЛОГО ЦВЕТА В РОМАНЕ А.М. РЕМИЗОВА «ПРУД»

О.А. Бойко

Одесский Национальный университет имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина

В последние два десятилетия обозначился интерес литературоведов к творчеству А.М. Ремизова. Исследованием его работ и биографии занимались Е. Обатнина, А. Грачёва, Г.Слобин, Е. Гусева.

Вместе с тем целый ряд аспектов поэтики творчества А.М. Ремизова остаются ещё недостаточно изученными. В этом плане следует, прежде всего, назвать ранний роман А.М. Ремизова «Пруд». Возможно, данное яв-

ление объясняется тем, что, как пишет Слобин, «большая часть негативных реакций на роман, даже со стороны таких дружески настроенных читателей как Александр Блок, возникала в основном из-за того «ужаса», которым пронизан весь роман» [8, 55].

Такая оценка была характерна и для современников А.М. Ремизова, о чём, в частности, свидетельствует рецензия на роман «Пруд», написанная Андреем Белым: «Вся беда в том, что 284 страницы большого формата расшил Ремизов бисерными узорами малого формата… Схвачена и жизнь быта. Но схватить целого нет возможности: прочтёшь пять страниц, - утомлён; читать дальше, ничего не поймёшь. Отложишь чтение, забудешь первые пять страниц» [8, 55].

Таким образом, как нам представляется, значимым является исследование своеобразия романа «Пруд», интерпретация так называемой «бисерности», то есть множественности деталей, имеющих символическое значение. Однако данная проблема чрезвычайно обширна. Целью данной статьи является исследование символики цвета (прежде всего белого цвета), которое позволяет глубже осмыслить авторское отношение к созданному им миру персонажей.

Исследуя символику цвета, ряд учёных акцентирует внимание на её значимости в понимании психо-эмоционального состояния человека. Так, Л.Н. Миронова пишет, что «процесс раскрытия смысла цвета начался одновременно с началом его использования и продолжается по сей день. То есть речь идёт о семантике и информативности цвета. «Быть видящим, - писал Аристотель, - значит быть каким-то образом причастным к цвету» [6, 172].

Заметим, что белый цвет является одним из наиболее древних и неоднозначных символов в мировой культуре. Учёные по-разному трактуют многочисленные значения этого цвета.

Следует отметить, что в языке общения с богами и духами акцентируются белые одежды богов, ангелов, святых, праведников в раю, облик Яхве (Саваофа), Брахмана, Атмана, Акшобхьи – первого Будды тибетской пятичленной мандалы (иконы); одежды служителей в православной и католической церкви, белая окраска христианских храмов.

Безусловно, следует указать и на значимость белого цвета в Ветхом Завете:

В комментариях МакДональда указано, что белый цвет в Ветхом Завете отражает вечную сущность божественного, мудрость и «чистоту его одеяния» [5].

В романе «Пруд» белый цвет упоминается часто, при этом в каждом конкретном случае он содержит разные смыслы.

Так, белый цвет ассоциируется, как справедливо считает ряд ремизоведов, со смертью и болезнью. Часто этот символ напрямую соседствует с упоминанием о смерти. Например, в эпизоде ссоры Вареньки с братом:

«Варенька молчала, белая, мертвела вся, а тёмные глаза заволакивались: тёмные, ничего не скажут они, закроются, захлопнутся – не жди, не будет ответа» [1, 35]. Встречается белый цвет и в описании Татьяны, которую увидел в бредовом видении Николай: «…и дьявольская улыбка, обвивающаяся змеёй вокруг смертельно белых губ…» [1, 267]. И, наконец, пруд, символ застоя и смерти, также изображён белым: «И лежал мёртвым лебедем белый пруд» [1, 281]; также упоминается мертвенная белизна пруда в момент убийства Арсения: «…деревья больше не покроются листьями, белый пруд никогда не оттает…» [1, 292].

Таким образом, А.М. Ремизов подчёркивает тесную связь символики белого цвета с символикой смерти и болезни.

Белый цвет создаёт нездоровую атмосферу, как признак холода, замерзания: «Подслеповатое иззябшее зимнее утро, проползая по снежным тучам, кутало белой паутиной ржавое окно, а форточка от ветра всё вздрагивала» [1, 215]. В этом эпизоде явственно ощущается незащищённость героя, его беспомощность, а также проецирование его заболевания на окружающую обстановку.

С другой стороны, белый цвет ассоциируется со здоровьем, красотой. Дж.Фоли рассматривал символику белого цвета в таком ракурсе: «Белый символизирует чистоту, целомудрие, мир, девственность, свет, мудрость. В Древнем Риме весталки, которые давали обет хранить девственность и служили в храмах богини домашнего очага и горевшего в нём огня, носили белые одежды. В христианской церкви белые одежды надеваются на церемонию освящения церквей. Также белый означает слепоту и абсолютную тишину. Вместе с красным он может символизировать смерть. В некоторых странах, таких, как Китай или Япония, белый – это цвет скорби. Привидения, бесплотные существа обычно изображаются белыми» [10, 431].

В частности, о том, что белый цвет может ассоциироваться со здоровьем и красоту, свидетельствует описание «белых и холёных рук» Ники Огорелышева. В портретном описании Машки Пашковой «беленький» придаёт оттенок игрушечности, вызывая ассоциации с фарфоровой куколкой, хрупкой и ранимой: «Часто уж ночью, когда замирали последние вечерние гулы, прибегала к Коле в сад Машка – Машка Пашкова, тоненькая, беленькая, с туго стянутой игрушечной грудкой» [1, 168].

Отдельного внимания заслуживает символика белого цвета в создании образа Глеба. Его портрет насыщен упоминаниями данного цвета, соседствующего с багровым, что отсылает нас к церковной тематике и образует мотив вины и искупления: «Белый крест и белые письмена его чёрной схимы, низко спущенной на глаза, и тёмные багровые ямы на месте провалившихся ослеплённых глаз, и изможденно-белое лицо мученика…» [1, 106].

Белый также может быть символом переходного состояния, в этом случае он отражён в ритуальной одежде. Ян Балека, исследуя символику белого цвета, называл его цветом «перехода от одного периода жизни к следующему или из одного мира в другой; в Европе белый – это и свадебные одежды, и облачение умершего. Белыми были агнец Божий, единорог; белыми были облака – символ недостижимого совершенства божества и святых, белыми были одеяния двадцати четырёх библейских старцев; белый цвет дематериализует реальность и одухотворяет её. Он превращает тело в светящуюся субстанцию, эфирную душу, или в дух, например, в Белую Госпожу, Смертушку, славянскую Полудницу» [2, 24-27]. К примеру, в романе сказано: «Свадьба прошла благополучно и невесело, но всё, как заведено, по всем правилам. Только в начале беда – лошадь карету с Варенькой не повезла: дом Огорелышевых в котловине, к воротам – горка, как подниматься к воротам, лошади и стали, и пришлось Вареньке вылезать и в белом своём платье, в белых туфельках пешком идти» [1, 36]. Однако следует отметить, что здесь изображена ироничная ситуация, в которой нивелируется символика чистоты и невинности.

Белый цвет встречается не только в свадебной одежде, но и в форменной: «Но скрывалось за дома солнце, запирались магазины, натягивал капельмейстер белые перчатки…» [1, 159]. В данном случае белый цвет должен символизировать чистоту искусства, но Ремизов и здесь трансформирует это понятие, описывая капельмейстера, дирижирующего для «весёлых девиц».

Белый, как символ чистоты, встречается и в бытовых описаниях: «Кузьму, дворника финогеновского, белым дворником в белый Огорелышевский дом перевели» [1, 204].

В этом же значении, углублённом присутствием золотого цвета, как праздничного, присутствует белый цвет в описании пасхальной свечи: «Коля с большою белой с густой позолотой свечою шёл в крёстном ходу перед батюшкой…» [1, 148].

Двоякое значение белого цвета раскрывается и в зданиях, описанных в романе - белыми являются дом братьев Огорелышевых и Боголюбовский монастырь: «За фабрикой, поверх оранжереи и цветника, выглядывает исподлобья неуклюжий белый домина – дом Братьев Огорелышевых.» [1, 31], «За пустырём-огородами над Синичкою, высоко на крутом обрывистом холме стоял Боголюбов монастырь, окружённый крепкою белою стеной с белыми башенками» [1, 97]. В данном случае противопоставляется мертвенная, болезненная белизна дома Огорелышевых, и белый монастырь, освящённый светом мученичества и обновления, привнесённого туда отцом Глебом.

Часто белый цвет в романе соседствует с красным, выступая в различных оттенках значений. Так, в некоторых случаях создаётся атмосфера

праздника, Пасхи: «Какая мука и как ему жутко, что все они такие: нет у них дома, нет у них и пасхи белой с яркими красными цветами» [1, 76]. В этом эпизоде праздник в восприятии Николая граничит с кошмаром: ему «жутко», он мучается, что у нищих нет праздника.

Дважды используется оппозиция «белый – красный» в описании звона колоколов. «Древний белый собор, опоясанный белой зубчатой стеной в тёмных прогалинах каменных мешков, с колокольней, увенчанной тусклым, мягко-играющим золотом, гремящей в праздники своим красным звоном…» [1, 248].

С другой стороны, намного чаще антиномия «белый // красный» (в разных оттенках) встречается в эпизодах, описывающих смерть, кровь, болезнь. Следует отметить, что в больницах не принято окрашивать стены в данные цвета, символизирующие кровь и саван [6].

Как раз в описании утра Пасхи, когда Варенька совершила самоубийство, эта символика отражается наиболее ярко: «Первые проснувшиеся лучи лезли в окно спальни, ползли по комнате, алым красили белую сорочку…» [1, 149]. Следует отметить, что и вечер этого дня также окрашен автором в ало-белые тона: «И, алея, гасли вместе с вечером спущенные на окнах белые шторы» [1, 152]. Спущенные шторы – один из признаков траура, принятых в народе, равно как и занавешивание зеркал и прочих отражающих поверхностей. Важным является то, что символика бело-красного цвета встречается в описании обстановки Вареньки приблизительно на год раньше, чем произошло трагическое событие: «Бело-алые дождинки яблонова и вишнёвого цвета, осыпаясь с деревьев, залетали в комнату Вареньки» [1, 79].

Ещё одно сочетание – чёрный и белый – является распространённым в романе. В данном случае чёрный ассоциируется с ночью, тёмными силами, злом, а белый символизирует свет, добро, день. Андрей Белый так писал об этих цветах: «Если белый цвет - символ воплощенной полноты бытия, черный- символ небытия, хаоса: «Посему они (нечестивые) поражены были слепотою... когда, будучи объяты густою тьмою, искали каждый выхода» [3, 201].

Однако, учитывая традиционную символику чёрного и белого цветов, А.М. Ремизов даёт и своё видение трактовки чёрно-белой символики. К примеру, в эпизоде встречи Николая с Татьяной отражается пограничное состояние героя: «И Николай уж снова стоял перед Таней, а с белой кровати смотрели на него глаза, её глаза и две слезинки дрожали у полураскрытых её губ, да разметавшиеся волосы перьями сухо чернели» [1, 262], и далее в описании его бредового видения: «И вдруг всё изменилось: небо из чёрного стало сине-белое, степь весенняя» [1, 263]. То же пограничное состояние передаётся с помощью чёрно-белой символики в размышлениях Николая о неизбежности его работы в банке: «И он видел перед собою эти неизбежные мелкие буковки и цифры, совсем ему не-

нужные, и уж, казалось ему, сливались они и бумага топорщилась, твердела – из белой в чёрную переходила, и будто чёрные огромные клещи стискивали ему голову» [1, 167].

Обратная последовательность – переход от чёрного к белому, как от смерти к жизни - наблюдается во время пасхальной службы: «За обедней, когда священник и дьякон снимают чёрные ризы и облачаются в белые…» [1, 142].

Таким образом, мы наблюдаем разноплановое раскрытие символики белого цвета в романе. С одной стороны, белый цвет – символ чистоты, обновления, перехода из одного состояния в другое. С другой стороны – признак болезни, смерти, страха. В разнообразных сочетаниях белого цвета с красным и чёрным отражаются многочисленные оттенки смыслов и значений, характеризующих своеобразное авторское видение мира.

Литература

1. Ремизов А.М. Пруд / А.М.Ремизов // Полн.собр.соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 1. – 576 с.
2. Балека Я. Синий – цвет жизни и смерти. Метафизика цвета. / Я.Балека. – М.: Искусство - XXI век, 2008. – 408 с.
3. Белый А. Символизм как миропонимание / А.Белый. – М.: Республика, 1994. – 333 с.
4. Гусева Е.В. Роман «Пруд» А.М.Ремизова: Поэтика двоемирия / Е.В. Гусева: моногр. - Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. – 187 с.
5. Макдональд У. Библейские комментарии для христиан: Новый Завет [электронный вариант] / У.Макдональд // Режим доступа: http://www.bible.by/mcdonald-new-testament/read-com/66/01/
6. Миронова Л.Н. Цвет – это что? [электронный вариант] / Л.Н.Миронова // Режим доступа: http://mironovacolor.org/
7. Проблема цвета в психологии / Отв. ред. Н.Н.Корж, А.А.Митькин. – М.: Наука, 1993. – 207 с.
8. Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В.В.Сорокиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 368 с.
9. Слобин Г. Проза Ремизова 1900-1921 / Г.Слобин / Пер. с англ. Г.А.Крылова. – СПб., «Академический проект», 1999. – Серия «Современная западная русистика». – Т.15. - 206 с.
10. Трессидер Дж. Словарь символов [электронный вариант] /Дж. Трессидер. / Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/40.php
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Ф.Брокгауз, И.Ефрон. – СПб., Семёновская типолитография (И.А. Ефрона). – 1890 – 1907. – Т.12. – С.544
12. Энциклопедия знаков и символов: Пер. с англ. 2-е изд. / Фоли Дж. – М.: Вече, 1997. – 517 с.

СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ С ТОПОНИМАМИ

М.В. Болдырева
МАОУ «Гимназия № 1», Стерлитамак, Россия

Мы прекрасно знаем смысл русского выражения «Ехать в Тулу со своим самоваром» – отправляться куда-нибудь, имея при себе то, что в достатке есть там на месте. А раскрыть значение английского эквивалента этой фразы «to carry coal to Newcastle» (везти уголь в Ньюкасл, центр угольной промышленности в Англии) многие затрудняются. Это не единственный пример; существует множество фразеологизмов, значение которых невозможно понять при дословном переводе – для этого нужно знать этимологию выражений.

Особое внимание следует обратить на топонимические идиомы, где географические названия могут иметь аллюзию к каким-либо историческим событиям или к жизнедеятельности людей в данной местности. Согласитесь, необходимо знать фразеологизмы, дабы «не упасть в грязь лицом» в разговоре с иноязычным собеседником. Услышав непонятную фразу, вы можете истолковать ее неправильно.

И цель данной статьи – раскрыть семантические особенности английских фразеологизмов с топонимами.

Фразеологизм – неоднозначное понятие, имеющее самые различные определения. Из ряда обозначений, предлагаемых в учебниках по лексикологии и лингвистических словарях, находим то, что объединяет большинство точек зрения лингвистов. В Большом энциклопедическом словаре фразеологизм характеризуется как «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений…», которые «…воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [2: 599]. Значение фразеологизма невыводимо из значения составляющих его компонентов [4: 116].

Этот термин может включать несколько типов сочетаний:

идиомы с примыкающими к ним фразеосхемами – часть фразеологизма, которая может быть изменена согласно контексту («вступать в спор», «вступать в разговор», «Jack of all trades», «be Jack of all trades and master of none»);

крылатые слова – речения афористического характера, восходящие к определенному автору или анонимному литературному источнику («Человек – это звучит гордо!», «Cordelia’s gift»);

пословицы и поговорки, сформировавшиеся в фольклоре («Легок на помине», «an Englishman's house is his castle») [2: 599].

Хотя, нужно отметить, что Н.Н. Амосова, рассматривая пословицы и поговорки с позиции структуры, в состав фразеологии их не включает [1: 136-140].

Лингвисты А.М. Эмирова, А.В. Кунин и др. подчеркивают в своих работах, что многие из английских фразеологизмов имеют переосмысленное значение, что буквального перевода их на другие языки быть не может [3:8; 6:6].

Хорошо этот факт прослеживается на примере топонимических фразеологизмов. Почти все указанные ниже выражения имеют больше метафорическое значение, нежели прямое. Но тем интереснее представляется их изучение.

А.В. Суперанская выделяет отдельные классы топонимов и дает их обозначения:

- ойконимы (от греч. oikos «жилище» – названия населенных мест;
- гидронимы (от hydor «вода») – названия рек;
- оронимы (от греч. oros «гора») – названия гор;
- урбанонимы (от греч. urbanus «городской») – названия внутригородских объектов;
- годонимы (от греч. hodos «дорога, улица») – названия улиц;
- агоронимы (от греч. agora «площадь») – названия площадей;
- дромонимы (от греч. dromos «бег, движение») – названия путей сообщения [5:8].

В данной статье рассмотрим исконные английские идиомы, в которых топонимы являются и объектами на территории самой Великобритании и объектами за пределами государства; последние вошли в употребление благодаря появлению произведений английских авторов, ставших популярными.

Топонимические фразеологизмы содержат богатый страноведческий материал. В них нашли отражение история того или иного города или графства, традиции или ремесла, распространенные в определенной части страны.

Так, аллюзию к историческим событиям мы находим в выражениях с ойконимами:

Gretna Green marriage that means a runaway wedding. Согласно закону, с 1753 года в Англии и Уэльсе стало обязательным предварительное приобретение лицензии на брак для пар младше 21 года и проведение брачной церемонии по церковным обрядам в присутствии свидетелей. На территории Шотландии этот закон не действовал; молодым людям, решившим вступить в брак, было достаточно в присутствии свидетеля назвать друг друга супругами. И деревушка Гретна Грин стала местом для заключения брака между несовершеннолетними влюбленными.

Фразеологические обороты something is rotten in the state of Denmark – something wrong or strange и thou shalt see me at Phillipi – to revenge вышли из-под пера великого драматурга У. Шекспира. Первое выражение мы встречаем, читая трагедию «Гамлет, принц Датский», второе – цитата из пьесы «Юлий Цезарь» (выражение отсылает нас к битве при Филлипах в 42 году н.э., где были разбиты Кассий и Брут).

Слово «смог» давно ассоциируется со столицей Великобритании; с конца XIX века в городе довольно часто наблюдалось сильное загрязнение воздуха, приводившее к различным болезням и смерти. Так, в 1952 году ужасное событие, названное Великим смогом, унесло жизни более 10 000 человек. В настоящее время в Лондоне это явление – редкость, но в языке сохранилось выражение Ч. Диккенса London particular – a fog as a feature of Lon-

don. Для описывания оттенка серого цвета может употребляться London smoke – dark grey.

Также отличительной чертой Великобритании являются роскошные сады, зеленые холмы, поля с шафраном, луга с дикими орхидеями и маками в графствах Кент и Вустершир. И все это выражается в одной фразе, краткой, но емкой: the garden of England.

К ойконимам относятся названия местностей в следующих фразеологизмах: accept the Chiltern Hundreds – accept the resignation of the cabinet; the Highland fling – a solo Scotland dance; Scaroborough warning – with no warning at all и др.

Гидронимы в идиомах встречаются довольно редко; в исконно английских фразеологизмах были найдены часто употребляемые в речи названия рек.

Темзу англичане называют ласковым прозвищем Father Thames. Еще в начале нашей эры римлянами налаживаются торговые связи и перевозка товаров. По Темзе доставляются товары в Лондон из других частей страны, и скоро город становится крупным экономическим центром. Сейчас Темза – место отдыха и гуляний; здесь проводятся экскурсии на водном транспорте и спортивные соревнования между университетами Оксфордом и Кембриджем.

Bard of Avon – так часто называют английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира. Фразеологизм включает в себя название реки, на которой стоит Стратфорд, родной город поэта.

Географические названия могут входить в состав фразеологизма (в частности, Lombard Street to a china orange that means you must be pretty sure you're going to win), а могут метонимизироваться и стать устойчивыми выражениями. В качестве примеров явления метонимии приведем фразеологизмы с годонимами:

Lombard Street – a financial centre of London (на Ломбард-стрит в лондонском Сити располагается ряд банков);

Carnaby Street – clothes for young people (по названию торговой улицы в Лондоне);

Grub Street – pen-pushers (по названию улицы в Лондоне, где в XVI-XVIII веках проживали представители бедной литературной богемы);

Fleet Street – «English publications, newspapers» (на Флит-стрит до 90х гг. XX века располагались редакции крупнейших газет);

Harley Street – «doctor’s job» (здесь живут и ведут практику многие врачи);

Downing Street – «a government of Great Britain». Улица известна тем, что здесь традиционно располагаются резиденции важнейших персон правительства Великобритании – в доме № 10 проживает премьер-министр, в доме № 11 – второй лорд казначейства.

Появление фразеологических оборотов с хоронимами – университетами Eton, Cambridge и Oxford – есть следствие особых традиций и ритуалов, соблюдаемых в стенах этих учебных заведений. Так, выражения

an Eton crop – boyish hair style и Oxford gray – iron-gray рассказывают нам, что по правилам студенты должны быть коротко стриженными и надевать на занятия деловые костюмы.

Традиционно спортивная команда Оксфорда носит форму темно-синего цвета, а команда Кембриджа – голубого. Так возникли идиомы Cambridge blues (dark blues) и Oxford blues (light blues) – sport teams of these universities.

Особое внимание обратим на фразеологизм the battle of Waterloo was won on the playing fields of Eton (слава Англии куется в закрытых учебных заведениях), где прослеживается гордость англичан за высокий уровень образования в стране и блестящую подготовку профессионалов.

Из выше сказанного можно сделать вывод: идиомы с топонимами хоть и представляют некоторую трудность в понимании речи иностранцев, но они позволяют нам познать культуру другого народа и расширить свой лингвострановедческий кругозор.

Литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Лениград. универ-та, 1963. – 208 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 685 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
4. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 19. Ун – Че. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – 225с.: илл.
5. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. - 182 с.
6. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте: монография/ А.М. Эмирова. – Ташкент: Фан, 1988. – 92 с.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

А.Э. Велиева, Т.А. Карнаухова
Колледж отраслевых технологий и сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, Тюмень, Россия

Умение грамотно донести устное сообщение – это важный навык современного специалиста в любой области. Причём важным является не только то, что мы говорим, но и то, как мы это говорим [1].

Психологи подтверждают тот факт, что на наше отношение к собеседнику достаточно сильное влияние оказывает то, насколько правильно он выбирает формы единственного или множественного числа, расставля-

ет ударение в словах, согласовывает падежные формы, т.е. всё то, что мы называем языковой нормой.

Тот, кто свободно владеет русским языком, должен хорошо ориентироваться в языковых нормах, в том числе и орфоэпических, должен говорить правильно. Точная постановка ударения – это необходимый признак культурного человека [1].

Проблемы произносительных и акцентологических норм в современном русском языке остаются открытыми как в практических, так и теоретических аспектах. Этим объясняется актуальность данной работы.

Разноместным динамическим ударением современный русский язык характеризовался всегда, так как в русском языке ударение в разных словах и формах может падать на различные слоги, ударение характеризуется только своим местом, но никак не качеством, а ударный слог от безударных отличается только большей интенсивностью [1].

Проблема русского ударения в XXI в. обострилась в связи с тем, что возросла роль публичной речи. В настоящее время средства массовой информации стараются использовать живое общение, значительно расширять круг лиц, допущенных к эфиру. Явление это значительно расшатало акцентные нормы русского языка. Всё более усиливает влияние на речь публичную социально-профессиональная речь. Поэтому процессы, которые подготовлены этой системой языка, укореняются и достаточно строгие нормы русского литературного языка оказываются поколебленными [1].

По словам Нины Сергеевны Валгиной, можно судить о том, что особенно это заметно в области ударения, т.к. в язык хлынул поток новых слов, ещё недостаточно освоенных, понятых… На таком общем фоне оказывается сложным наблюдать собственно тенденции в области русского ударения, заложенные в самой языковой системе, хотя в принципе они известны и наметились ещё в середине века, но наиболее интенсивно проявляются в современных условиях [1].

Вместе с тем, что существует принцип смещения ударения ближе к центру слова для того, чтобы достичь ритмического равновесия, наблюдаются тенденции, характеризующие отдельные части речи [1].

Например, глагольное ударение, которое отличается практически неподвижностью, показывает подвижность в некоторых формах. Большое число отклонений от ударения нормативного наблюдается в форме женского рода прошедшего времени, имеющей ударение на окончании. Большая часть молодёжи ударение в глаголах женского рода прошедшего времени ставят на основу: *разли**л**а, сгни**л**а, сли**л**а.* Литературным языком такие формы женского рода не принимаются [1].

В приставочных глаголах прошедшего времени мужского рода ненормативное перемещение ударения происходит по аналогии. Так, большинство людей переносят ударение в словах с приставки на основу: *про**-**лил, на**л**ил, со**з**дал, **о**бнял, **о**тдал, до**ж**ил, за**л**ил, **о**тбыл, про**п**ил* [1].

Большое число ошибок в страдательных причастиях женского рода связано с перемещением ударения по аналогии. Чаще всего допускают отклонение от нормы в таких словах: *загнут**а**, заперт**а**, создан**а**, начат**а**, снят**а**, сдружен**а**, сгноен**а**, расценен**а**, разлит**а**, сверчен**а**, занят**а*** [1].

Особое внимание нужно обратить на глаголы на *–ить*. Возникают вариантные колебания между просторечными и литературными формами, которые идут от лексем с подвижным ударением. Больше всего современными людьми допускаются отступления от нормы в глаголах*, откупорить, облегчить, осведомиться, принудить* [1].

Вызывает трудность ударение, связанное с формами настоящего времени глаголов на*–ит*. Они имеют подвижное ударение. Большое количество ошибок допускают в словах *туж**и**т, сверл**и**т, морщ**и**т, осуд**и**т* [1].

Проблемы в акцентологии заимствованных слов можно объяснить степенью освоенности их русским языком. Новое слово с течением времени может подчиниться заимствующей системе. Современные заимствования (конец XX века) чаще всего соответствуют требованиям языка-источника. Но возможны и некоторые отклонения, например, *м**а**ркетинг* всё чаще уступает место *марк**е**тингу,* что ближе к русскому типу ударения.

Если говорить о старых заимствованиях, то норма утвердилась здесь давно, и отклонения почти не бывает. Так, например, неодушевлённые слова на *–лог* сохраняют ударение на последнем слоге (*катал**о**г, кат**а**лог* – нелитературная форма).

До сих пор многие молодых люди неправильно ставят ударение в таких заимствованиях: *дж**е**нтльмен, жалюз**и**, кварт**а**л, т**у**фля, к**о**лледж.*

Таким образом, можно сделать вывод, что с кодифицированной нормой ударения дела у подрастающего поколения обстоят достаточно плохо. Почти в таком же состоянии и уровень владения акцентологическими нормами. Вероятно, акцентология – самая слабая сторона в речи россиян.

Необходимость в изучении ударения вне сомнения. Важной частью культуры речи является соблюдение орфоэпических норм. Для того, чтобы не допускать ошибки в постановке ударения, необходимо знать не только норму, но и типы вариантов, а также все условия, при которых может быть использован тот или иной из них. В этом случае советуют обращаться к помощи «Орфоэпического словаря русского языка».

По мнению многих лингвистов, признание точности речи, нормативности тех или иных языковых фактов, должны опираться не на субъективную оценку и личный вкус, а на наличие таких признаков:

- регулярность и массовость употребления;
- общественное одобрение данного языкового явления;
- соответствие этого факта основным тенденциям в развитии языка, исторической перестройке языковой системы.

Нормативные рекомендации не всегда являются консервативными. Достаточно сложная задача в их создании – это своевременное использо-

вание новых вариантов, которые идут на смену старым. Во многих случаях колебание ударения – это не только следствие дурного вкуса или орфоэпической безграмотности. Большая часть ошибок закономерна и подсказана аналогией или другими проявлениями живого языка [2].

Лингвисты неоднократно обращали внимание на распространенность заблуждения о том, что «иноязычные слова обязательно должны сохранять ударение языка-источника». О понимании нормы значительной частью общества писал, например, К.С. Горбачевич в работе «Вариантность слова и языковая норма» (1978), где он говорит о том, что вариантные формы ударения в словах встречаются у лиц, в некоторой мере владеющих иностранным языком. А так как без иностранных слов в наши дни – никуда, то поток заимствованных слов постоянно пополняет наш словарный запас [3].

Если обратить внимание на историю заимствований, то можно убедиться, что многие слова иноязычного происхождения появились в русском языке совсем не с таким ударением, с которым они сейчас произносятся. Причем можно смело говорить о том, что наибольшее число колебаний в ударении иностранных слов приходится на XIX век. К.С. Горбачевич в своих работах подмечает, что в русском языке это время действовали разные тенденции в развитии ударения: в одних словах ударение перемещалось со второго от конца слога на последний слог (***а**бзац >абз**а**ц, б**а**льзам >бальз**а**м, б**ю**джет >бюдж**е**т* и др.), в других словах (также неоднородных), наоборот, ударение переходило с последнего слога на второй от конца (*конк**у**рс > к**о**нкурс, тит**у**л > т**и**тул апокр**и**ф > ап**о**криф, апартам**е**нт > апарт**а**мент* и др.). Число колебаний в ударении в XX веке среди заимствованных слов значительно снизилось – вероятно, сыграла роль «подготовительная работа», проведенная русским языком в предыдущие столетия [3].

Что же вызывает колебания в ударении заимствованных слов? Многие лингвисты главную причину видят в законе аналогии, в котором говорится о том, что иноязычные слова в принявшем их языке желают перестроиться в соответствии с имеющимися моделями в этом языке, в то время как ударение языка-источника играет роль сдерживающую роль. Причём слово, в самом начале своего появления в новом языке, использует ударение первоисточника. Потом слово претерпевает разные сложности: во- первых, хотелось бы войти в язык с изначальным ударением, во-вторых – прочно закрепиться в русском языке. Поэтому возможны варианты: или слово отстаивает свое ударение, или оно под влиянием русского языка изменит его [3].

Конечно, нет смысла отстаивать тот факт, что все иноязычные слова в русском языке меняют ударение обязательно. Русский язык настолько подвижный язык, что, как правило, старается сохранить первоначальное ударение языка-источника. Но не всегда это удается.

Ряд причин, связанных с изменением места ударения в заимствованных словах, сообщает А.В. Суперанская в своём труде, где подчеркивает, что исходя из желания воспроизвести иноязычное слово ближе к подлинному, сохранить ударение в заимствованных словах на том же слоге, что и в языке-источнике, оказывается не всегда получается по ряду достаточно объективных причин. Это можно объяснить тем, что есть языки, которые не имеют достаточно четко выраженного ударения... К тому же, есть языки, в которых ударение при словоизменении передвигается на другие слоги... поэтому в русском языке может быть использовано ударение или именительного падежа, или косвенных падежей, но никак не всей иноязычной парадигмы [3].

Безусловно, когда слово появляется в русском языке с четким ударением, которое не переходит на другие слоги, оно не всегда сможет сохранить его. Например, в словах, заимствованных из французского языка, он закрепил ударение на последнем слоге: *гардер**о**б, буль**о**н, жилет, мармел**а**д, шампиньо**н**, пальт**о**, брасл**е**т*, а вот для английского слова ноутбук русский язык предложил своё ударение на *ноутб**у**к*. В русском языке для обозначения нового вида спорта появилось и новое иноязычное слово *скелет**о**н*, в котором было изменено ударение (с первого слога на последний), как когда-то это произошло со словами *футбол* и *хоккей* [3].

Разумеется, такая подвижность ударения сказывается не в отношении к тому или другому языку, а с теми общими тенденциям ударения, которые утверждены в русском языке. Ударение в русском языке может падать на любой слог, но языковеды подмечают, что чаще всего ударными являются два последних слогах. Поэтому и иноязычные слова стараются приобрести именно такое ударение. В одной из своих работ А.В. Суперанская подводит итоги наблюдений над более чем 5 000 заимствованными словами и подчеркивает, что в отличие от русских слов, которые допускают любое ударение в пределах семи начальных и семи конечных слогов, ударение в иноязычных словах практически ограничено тремя последними слогами, хотя преобладает ударение на двух последних: 2 079 на последнем и 2 160 – на предпоследнем слоге. На третьем слоге от конца ударение лишь в 671 из рассмотренных слов [3].

Можно сделать вывод, что существительные *гардероб, мармелад, шампиньон*, которые в русский язык вошли с ударением на последнем слоге, могли сохранить его полностью, а вот слова *ноутбук* и *скелетон,* с ударение на первом слоге, не имели никаких шансов на его сохранение [3].

«Тот факт, что ударение на двух последних слогах наиболее типично для русского языка, способствует наиболее легкому вхождению в русский язык слов, заимствованных из тюркских, французского и польского языков, и наиболее частому сохранению в них ударения языка-источника, – делает вывод А.В. Суперанская. – Слова, заимствованные из германских, балтийских, угро-финских языков, дольше воспринимаются как заимство-

ванные, а в процессе освоения русским языком нередко испытывают колебания в ударении, в результате которых либо побеждает ударение языка-источника, либо устанавливается ударение по русским моделям» [3].

На примере сохранения / несохранения удвоенной согласной можно рассмотреть взаимоотношение написания иноязычных слов в языке-источнике и в русском языке. Если открыть орфографический словарь и словарь иностранных слов, то можно убедиться в том, что правописание слова в русском языке будет отличаться от первоисточника. Например, удвоенные согласные сохранились в существительных софит (фр. soffite), тротуар (фр. trottoir), *аббревиатура* (ит. abbreviatura), *аккомпанемент* (фр. accompagnement), *антенна* (фр. antenne), *ванна* (нем. Wanne, фр. vanne), *грамматика* (греч. grammatike), *грипп* (фр. grippe), *группа* нем. Gruppe), *киллер* (англ. killer), *опоссум* (англ. opossum), *пицца* (ит. pizza), *раввин* (др.-евр. rabbi), но при этом «потеряли» одну из согласных слова *десерт* (фр. dessert), *дилетант* (нем. Dilettant), *коридор* (нем. Korridor, фр. corridor), *офис* (англ. office), *официант* (нем. Offiziant), *рапорт* (фр. Rapport), слово пришло из французского через польский, и одна р утратилась уже в польском язык [3].

Подобный вопрос об исчезновении удвоенной согласной в словах шопинг, блогер, которые были заимствованы из английского языка, и написании с одиночной согласной объясняет профессор В.В. Лопатин, подчеркивая, что проблема написания удвоенных согласных на конце корня в новой орфографической практике усложнилась особенностями написания некоторых заимствований в языке-источнике, для которого характерно удвоение корневого согласного перед суффиксом. Так как явление это русскому письму чуждое, надо писать, например, *шопинг*, но не *шоппинг* (ср. прозводящее *шоп*, также заимствованное из английского), *блогер* и *блогинг* (ср. *блог сканер* (ср. *сканировать спамер* (ср. *спа), рэпер* (ср. *рэп*), хотя в английских этимонах этих производных перед суффиксами -er и -ing согласная удвоена. Прочно закрепившиеся написания давно заимствованных слов *стоппер* (спорт.) и *контроллер* (тех.), к тому же устойчиво произносимые с долгим согласным, не должны мешать кодификации написаний новых подобных заимствований с одиночной согласной перед суффиксом [3].

Сейчас мы можем рекомендовать очередную азбучную истину.

Место ударения в иноязычных словах практически не зависит от места ударения в этих же словах в языках-источниках. Правописание заимствованных слов, безусловно, может отличаться от написания в языках-источниках. Некоторые иноязычные слова подстраиваются под модели, имеющиеся в принявшем их языке, и могут изменить как написание, так и произношение [3].

Литература

1. Валгина Н.С. Современный русский язык. - Учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-008.htm

2. Никонова Н. В. Проблемы современной акцентологии (на материале исследования акцентологических норм современной молодёжи) [Текст] / Н. В. Никонова // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 40-42.
3. Пахомов В.М. 0. Произношение и написание заимствованных слов. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/class/istiny/istiny_10_zaimst/

ЗНАЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.Ю. Гаврилов, О.Б. Полетаева
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

В современном мире роль иностранного языка в подготовке будущих специалистов, в частности инженеров, приобрела особое значение. Современный специалист должен не только хорошо разбираться в своей профессиональной деятельности и обладать высокой классификацией, он должен уметь решать поставленные задачи в условиях иноязычной коммуникации.

В настоящее время идет процесс глобализации, а именно процесс общемировой политической, культурной, экономической интеграции. Происходит формирование единой мировой рыночной экономики, создание общего информационного пространства, а, следовательно, растет число контактов между людьми из разных стран. В связи с этим процессом, потребность в специалистах, знающих иностранный язык, только возрастает. Во многих вузах и школах производится обучение по обмену, молодежь участвует в международных спортивных соревнованиях и олимпиадах, где студенты заводят новые знакомства с иностранцами, обмениваются опытом и лучше узнают культуру, обычаи друг друга [2]. То же самое относится и к научным кругам. Для проведения международных научных конференций, а также для обмена полученного опыта, иностранный язык должны знать не только организаторы данных мероприятий, но и сами участники, в таких областях науки как: физика, математика, химия [1].

Знания иностранных языков также широко востребованы в сфере международного туризма, ведь специалистам из этих компаний каждый день приходится иметь дело с путешественниками из разных стран мира, большинство из которых знают только свой собственный язык. Поэтому, специалистам, занятым в данной индустрии, просто необходимо говорить на нескольких иностранных языках.

С развитием современных международных экономических отношений и расширением тесного профессионального сотрудничества с компаниями других стран спрос на специалистов, владеющих иностранным языком, резко возрос. Возросло и число людей, стремящихся получить дополнительное языковое образование. В связи с этим появилось огромное количество курсов, тренингов, языковых школ, которые готовы не только, обучить всех желающих основам иностранного языка, но и повысить уже существующий уровень подготовки специалистов в языковой сфере.

На наш взгляд, недостаточно просто выучить иностранный язык, необходимо обратить внимание на получение конкретных знаний по специальности, изучить терминологию, научиться работать с профессиональной документацией, уметь читать и переводить научные работы или статьи на языке оригинала. Так же не менее важно учитывать профессиональную специфику языка. Всё это будет свидетельствовать об уровне подготовки специалиста, его компетентности.

Большая часть молодых людей считает, что человек, владеющий хотя бы одним иностранным языком, имеет больше шансов устроиться на престижную и высокооплачиваемую работу, обладает конкурентным преимуществом перед другими специалистами. И это действительно так, ведь практически в любой компании или государственном учреждении вас спросят, владеете вы иностранным языком или нет. Поэтому изучение иностранного языка в техническом вузе считается обязательным компонентом получения высшего образования.

Знание иностранного языка – важный аспект в жизни современного человека, но тогда встает вопрос: какие иностранные языки необходимо изучать? На сегодняшний день наиболее востребованными языками являются такие языки как: английский, китайский, испанский, французский. Эти языки имеют большое распространение, а страны, граждане которых являются носителями данных языков, обладают достаточно значительным политическим и экономическим влиянием на международной арене.

Иноязычная подготовка студентов - это действительно неотъемлемая часть получения высшего образования в техническом вузе, которая оказывает значительное влияние на степень конкурентоспособности выпускников и их профессиональной компетентности.

Литература

1. Формирование языковой компетентности у студентов вузов/ Шагбанова Х.С., Павлова М.В. Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 138-140.
2. Севастова Т. Н. Статья «Роль иностранного языка при подготовке будущего специалиста в ВУЗе» URL: http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2013/11/17/statya-rol-inostrannogo-yazyka-pri (дата обращения: 14.12.2014)

3. Глобализация URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 14.12.2014)
4. 10 самых востребованных иностранных языков мира URL: http://www.openlanguage.ru/inform/vostrebovannye_jazyki_mira (дата обращения: 14.12.2014)
5. Нурисламова В.Ф., Яковлева Н.А Статья «Роль иностранных языков в современном мире» URL: http://www.scienceforum.ru/2014/509/3295 (дата обращения: 14.12.2014)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕЧАСТОТНЫХ КОМПОНЕНТОВ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СТРУКТУРЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ

Е.Г. Гаврилова
Филиал Тюменского государственного университета в Тобольске, Тобольск, Россия

Числа и числовые наборы как отпечаток архаического мышления, помимо своей основной счетной функции, несут дополнительное символическое, ритуальное значение, выражающее определенную традицию. Выполняя мифообразующую функцию, числа нашли свое отражение в самом удивительном явлении культуры – в языке.

По утверждению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, паремии отражают национальную культуру комплексно, всеми своими элементами, они функционируют в речи в качестве носителя культурной информации, они выражают дух и характер народа [1: 98], поэтому их можно рассматривать как лингвокультурные единицы, во внутренней форме которых отражено мировоззрение того или иного общества.

Группа пословиц и поговорок с компонентом *десять* и его производными очень немногочисленна и составляет 11 единиц, ещё меньший объем имеют группы паремий с компонентами *шесть* и *восемь* (4 и 6 единиц соответственно). Несмотря на то, что данные компоненты не являются частотными структурными элементами пословиц и поговорок, даже в этих паремиях отражаются основные семантические особенности, свойственные многим паремиям с компонентами-числительными, а также взгляды русского человека на различные явления жизни.

Судя по встречающимся паремиям взгляды русского народа на человеческий ум и глупость двоякие, например, глупый человек часто ставит в тупик умных людей. В этом случае понятие человеческой глупости вообще становится относительным: *один глупыш, а умных пятерых ссорит; дурак в воду камень кинет, а десять умных не вынут.* В то же время интеллект умного человека оценивается высоко: *сметлив и хитер — пятерым нос утер;*

один умный десять безумных водит; умный услышит раз, а догадается десять раз. В данных паремиологических единицах *десять <человек>* вновь выступают как большинство, неопределенно большое количество людей (*чего не сделаешь один, сделают десятеро*). Таким образом, мы можем выявить одну из особенностей компонента-числительного в структуре паремий: помимо семантики «неопределенно большое количество» компонент – собирательное числительное (*пятеро, семеро, десятеро*) – приобретает значение «совокупность лиц, символизирующих большинство».

Вообще компонент *десять* несет семантику неопределенного количества практически во всех исследуемых нами единицах (например, *десять раз смеряй, один раз отрежь; пока до начальника доберешься, раз десять споткнешься; ты ему слово, а он тебе десять*). Отсюда можно сделать вывод, что число десять понималось русским человеком как наиболее сакральное и полное число, нечто всеобъемлющее.

Особенностью паремий с компонентами – именами числительными является то, что многие из них построены на основе счетных функций свободных лексем – имен числительных, таким образом, компонент-числительное сохраняет свое конкретное количественное значение, но при сложении семантики всех компонентов, появляется вторичный план содержания: неопределенность, неправильность счета. Алогичность счета достигается путем выстраивания в математический ряд неверных числовых элементов. Обычно такие паремии применяются для обозначения плутовского счета, несправедливого деления, неверный счет: *всем по семь, хозяину восемь, хозяйке – девять, что ровно делит; всем по семь, а мне восемь* (а также с другими компонентами: *покупала по четыре денежки, а продавала пару по два грошика; семь без четырех, да три улетело*).

Наравне с другими компонентами-числительными *восемь* понимается как неопределенно большое количество, например, времени (*лет через восемь, на ту осень; на будущую осень, годов через восемь; на ту осень лет через восемь*; *весна да осень – на дню погод восемь*).

Паремии с компонентом *шесть* вообще единичны. В двух паремиях *шесть* имеет значение «очень малое количество»: *по-латыни – два алтына, а по-русски – шесть копеек* – «так говорят о человеке, который ничего из себя не представляет»; *живому домок, а помер – шесть досок.*

Практически отсутствие паремий с компонентами-числительными *шесть, восемь* можно объяснить тем, что эти числа не часто встречаются в материальном выражении в сравнении с другими числами: один человек, две руки, три составляющие сущности человека – душа, тело, разум, четыре стороны света, пять пальцев, семь дней недели и т.д.

Таким образом, паремии даже с менее частотными компонентами-числительными сохраняют основные особенности паремиологических единиц и в большинстве своем выполняют главную культурную функцию – отражают быт, нравы и обычаи русского народа.

Литература
1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство /под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
2. Словарь русских пословиц и поговорок / сост. В.П. Жуков. – М. Русский язык, 1968. – 544 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

Э.И. Гарифуллина, А.С. Карташова
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, филиал «Восток», Чистополь, Россия

Словарный состав любого языка богат и разнообразен и может быть представлен в виде определенной системы, состоящей из лексических единиц различных по происхождению, по сфере и времени употребления, по стилистической характеристике. Рассматривая источники происхождения лексических единиц, можно выделить в словарном составе исконные слова и заимствования.

Вопросом заимствования иноязычной лексики и необходимости ее употребления в русском языке занимаются многие ученые разных поколений. Сторонники использования иноязычных заимствований допускают возможность, и даже желательность употребления в разумных пределах иноязычной лексики. В то же время многие филологи отмечают, что наша речь изобилует излишними иностранными словами, и упрекают средства массовой информации в чрезмерном увлечении заимствованиями из других языков. Нельзя не отметить, что есть и активные приверженцы пуризма, категоричные в своем неприятии иноязычных заимствований, которые борются за изгнание из русского языка всех слов неславянского происхождения, независимо от степени их укоренения.

На наш взгляд, действительное засорение русского языка иностранными словами, неоправданное увлечение заимствованиями может привести не к обогащению, а к постепенной утрате национальной самобытности языка.

Однако стремление оградить родной язык от активного проникновения иностранных слов, особенно если эти заимствования являются одним из способов обозначения новых понятий и реалий, может принести скорее вред. Как отмечает Д.Н. Шмелев, «словарные новшества предшествующей эпохи, против которых боролись ревнители «чистоты языка», оказываются во многих случаях настолько прочно усвоенными и освоенными языком, что следующие поколения ревнителей, борясь против новшеств, не замечают уже того, что в их собственной речи вполне обычны новшества предыдущей эпохи, которые подвергались аналогичным гонениям» [3: 271].

Иноязычные слова, как и «родные», исконные слова обладают различными стилистическими характеристиками в зависимости от их функциониро-

вания в языке, а также в зависимости от языка, их которого пришло то или иное заимствование.

Рассматривая заимствования в качестве одного из источников синонимии, Ю.Д. Апресян отмечает, что «те из них, которые пришли в язык недавно, или находятся на периферии словаря, или склонны к терминологизации, часто оказываются точными синонимами уже имеющихся в нем слов (исконных или заимствованных)» [1: 229].

Благодаря меньшей склонности иностранных слов к многозначности и возникновению различного рода ассоциаций, они используются в терминологической функции, отражают и называют определенные явления и понятия. Большая часть таких заимствований закрепляется в словарном составе языка. Таковы общественно-политические термины (аристократия, рейтинг, электорат), финансово-экономические термины (инвестиции, дефолт, спонсор, стагнация), научно-технические термины (виртуальность, интерфейс, дефиниция). В результате частого употребления их смысловая структура становится прозрачна и не требует никаких дополнительных пояснений. Многие такие термины иноязычного происхождения постепенно утрачивают свою первоначальную терминологическую функцию, обрастают дополнительными производными значениями и становятся общеупотребительными.

Но активные заимствования, необходимые для описания многочисленных реалий современной жизни, для характеристики новых понятий в области экономики, науки и техники, неизбежны и закономерны в любую историческую эпоху. Зачастую значения новых заимствований бывают непонятны адресату, то есть получателю информационного сообщения. В таком случае автор информационного сообщения, то есть адресант, стремится пояснить неизвестный иноязычный термин (дается авторский комментарий). Тогда заимствования терминологического плана одновременно выполняют в тексте не одну, а несколько функций, характерных для неологизмов. Во-первых, они используются как средство для обозначения новых понятий и явлений, то есть выполняют научно-познавательную функцию. Во-вторых, такие заимствования выполняют стилистическую функцию, так как несут эффект новизны, необычности для восприятия.

Например, в обзоре российских газет под общим названием «На Литву нашли переправу» термин иноязычного происхождения «ребрендинг» заменяется автором на несколько синонимичных слов и выражений, более привычных для российского читателя «смена названия», «изменения»:

В преддверии выборов в Госдуму Союз правых сил планирует провести «содержательный ребрендинг» партии. По словам председателя СПС Никиты Белых, изменения претерпят как название и символика партии, так и ее идеология, также возможны «изменения в руководстве» [4].

Синонимичные термину «ребрендинг» слова и выражения обладают определенной функционально-стилевой окраской, относящей их к газетно-публицистическому стилю, но они лишены эмоционально-экспрессивной

окраски. В то же время термин «ребрендинг» обладает определенным эффектом новизны, необычности, а значит не лишен экспрессивности (речь идет об образной экспрессивности, которая встречается преимущественно при создании новых терминов).

Таким образом, стилистические возможности языковых средств в значительной степени расширяют стилистические ресурсы самого языка. Почти каждая языковая единица (даже нейтральная с точки зрения функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной окраски) может выступать в роли стилистического средства. Это достигается благодаря различным приемам употребления средств языка и характером организации и развертывания высказывания.

Вопрос о целесообразности использования заимствований является предметом широкого обсуждения. Многие идеи, высказанные языковедами прошлых десятилетий относительно меры использования новых иноязычных слов, остаются актуальными и сегодня. Вновь и вновь возникает вопрос о том, в каких пределах допустимо использование иноязычной лексики. Однако нельзя не согласиться с тем, что заимствование иноязычной лексики является одним из способов обозначения новых реалий и понятий, возникающих в условиях политического, экономического и культурного развития нашей страны и связей между народами.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной [электронный ресурс].
3. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие для студ. педагог. ин-тов по спец. «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
4. http://www.BBC.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА КУЛЬТУРЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ МИССИИ КОМПАНИИ

Н.А. Гуливец
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Настоящее исследование основывается на предположении Анны Вежбицкой о значимости частотности употребления слов. По ее мнению, частотность может учитываться наряду с другими источниками информации для рассмотрения общего показателя культурной значимости [1: 35].

Материал исследования – языковая формулировка миссии компании, приводимая на соответствующем корпоративном сайте. Всего исследовано более двадцати корпоративных сайтов национальных компаний США и Великобритании и выделено соответствующее количество текстовых фрагментов с формулировкой миссии. (Миссия компании в данном случае понимается как утверждение, раскрывающее смысл существования организации, в котором проявляется отличие данной организации от ей подобных).

В ходе анализа было обнаружено, что некоторые слова могут образовывать некие «центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [там же: 37]. Цель предлагаемой статьи – исследование таких областей, или кластеров, что позволяет выделить основополагающие принципы формирования концепции деятельности национального бизнеса, проследить общенациональные тенденции функционирования организации, выявить основные характеристики национальной корпоративной культуры.

Американская культура в целом характеризуется желанием построить достойную карьеру, достичь успеха в выбранном деле и получить (денежное) вознаграждение за качественно выполненное задание [5; 6: 179-186].

Основная идея, закладываемая в формулировку миссии американской компании, заключается в ориентации на бизнес (ключевые слова – *business* (5), *company* (6), *corporation*), производственный процесс (*products* (3), *produce*), отношения внутри компании (*colleagues*, *employees* (2), *people*) и между партнерами (*partners, partnership*):

We conduct our business in a socially responsible and ethical manner. We respect the law, support universal human rights, protect the environment, and benefit the communities where we work. At the heart of The Chevron Way…to be the global energy company most admired for its people, partnership and performance (Chevron).

The companies we do business with must provide safe working conditions, treat employees fairly, and use environmentally responsible manufacturing processes wherever Apple products are made (Apple).

Американские компании открыты новым идеям и инновационным проектам, а развитие бизнеса является одним из приоритетов (*build* (3), *develop* (2), *developing*, *grow*, *innovative*, *innovations*, *invent* (2), *invention*, *make* (3), *manufacture* (2)):

We have a relentless drive to invent things that matter: innovations that build, power, move and help cure the world (General Electric).

At IBM, we strive to lead in the invention, development and manufacture of the industry's most advanced information technologies, including computer systems, software, storage systems and microelectronics (International Business Machines).

Результат развития – быть лучшими в своей сфере (*best, highest* (3), *most* (5), *premier, superior*) часто на мировом уровне (*global* (2), *world* (10), *worldwide*) или воспользоваться возможностью стать лучше (*better* (3), *more*), при этом миссия компании открыто об этом заявляет:

Exxon Mobil Corporation is committed to being the world's premier petroleum and petrochemical company. To that end, we must continuously achieve superior financial and operating results while adhering to the highest standards of business conduct. These unwavering expectations provide the foundation for our commitments to those with whom we interact (Exxon Mobil).

We will become the world's most valued company to patients, customers, colleagues, investors, business partners, and the communities where we work and live. At Pfizer, we're inspired by a single goal: your health. That's why we're dedicated to developing new, safe medicines to prevent and treat the world's most serious diseases (Pfizer).

To provide products, services and solutions of the highest quality and deliver more value to our customers that earns their respect and loyalty (Hewlett-Packard).

Взаимоотношения с клиентами также составляют смысловую часть формулировки миссии американской национальной компании (*customer* (5), *need* (4), *people* (3), *services* (4), *social, socially*):

Wal-Mart's mission is to help people save money so they can live better (Wal-Mart).

To view change in the market as an opportunity to grow; to use our profits and our ability to develop and produce innovative products, services and solutions that satisfy emerging customer needs (Hewlett-Packard).

Абстрактные существительные образуют отдельную группу и характеризуют корпоративную культуру компании как в отношении собственных работников и компании (*opportunity*, *power*, *pride*, *progress*, *quality*), так и в отношении клиентов (*commitment*, *loyalty*, *respect* (2), *responsibility*):

We make things that very few in the world can, but that everyone needs. This is a source of pride. To our employees and customers, it defines GE (General Electiric).

Apple is committed to ensuring the highest standards of social responsibility in everything we do (Apple).

Одним из ключевых концептов в формулировке миссии национальных компаний Великобритании является «время» (*time* (3)), причем проекция осуществляется в основном на будущее (*future* (2), *new* (3), *tomorrow*), реже на настоящее (*today* (2)):

Delivering today and investing for tomorrow (British American Tobacco).

We are committed to being an innovative leader in energy management and to safeguarding our global environment for future generations (National Grid).

Данное явление становится возможным, так как британская культура характеризуется неизменной направленностью на воплощение различных инноваций во всех сферах жизнедеятельности, стремлением к развитию и творчеству [5; 6: 193-200]: *achieve* (3), *ambition* (2), *contribute* (2), *contribution*, *create*, *develop* (3), *development* (3), *grow* (3), *growth*, *improve* (2), *innovative* (6), *innovation*, *invest* (2), *progress*, *progressive*:

Our business focus on emerging markets, enterprise, data and new services gives us the ability to achieve our ambition to contribute to global development in this way, while continuing to grow our business at the same time, by developing commercially viable, scalable services that support sustainable development (Vodafone).

We help the world meet its growing need for heat, light and mobility. We strive to do that by producing energy that is affordable, secure and doesn't damage the environment. BP is progressive, responsible, innovative and performance driven (British Petroleum).

Закономерный результат развития британской компании иллюстрируется словами, входящими в кластер с ключевыми концептами «успех» и «эффективность»: *best* (2), *better*, *effective*, *efficiency*, *efficient*, *excellence, excellent, foremost, leadership, success, successful, superb*:

Maintaining or achieving sector leadership, including operational excellence, sustainable development, exploration and innovation (Rio Tinto).

BP wants to be recognized as a great company – competitively successful and a force for progress (British Petroleum).

В отличие от американского бизнеса, британские национальные компании больше ориентированы на отношения с клиентами (*client* (2), *consumer* (2), *customer* (4), *help* (5), *people* (7), *person* (2), *personalities*, *serve, services* (7)), нежели на деловые отношения внутри компании или с партнерами (*business* (8), *company* (8), *partner*, *professional* (3), *specialist*):

To be an innovative, customer-focused Group that delivers superb products and services, ensures excellent careers for our people and contributes positively to the communities in which we live and work (Barclays).

To help our customers achieve financial prosperity and peace of mind (Prudential).

Real professionals are unique diamonds in the crown of your business! … Each company has some key personalities – they are like rare and valuable jewels making a major contribution to the business' success. Such specialists can be at any position in a company but they have one thing in common and that is a talent. It is those very people who develop the business, create the competitive edge, and serve as hallmark of a company (BG Group).

Однако, британский бизнес так же ориентирован на международное представительство, как и американский (*global* (3), *international* (2), *multinational, world* (4)), при этом направленность на внутренний рынок в формулировке миссии компании также может быть отражена, но в меньшей степени (*communities* (3), *local* (2), *national*):

We are a science-led global healthcare company with a mission: we want to help people to do more, feel better, live longer (GlaxoSmithKline).

To own and nurture local and international brands that are the first choice of the consumer. SABMiller is in the beer and soft drinks business, bringing refreshment and sociability to millions of people all over the world who en-

joy our drinks. Through our local businesses we work in a way that improves livelihoods and builds communities (SABMiller).

Особой привлекательностью для британской культуры обладают действия и явления, которые отличаются от общепринятых и повседневных (*difference, distinguish* (2)), и в формулировке миссии компании они описываются прилагательными *uncommon, unique* (2), *unparalleled, versatile*:

We develop new effective HR consulting and recruitment models to meet complicated and uncommon objectives, using the world's best practices, individual experience, and team expertise – always together with our Clients … We believe there are no bad companies and bad candidates. Each client is unique, each professional is a versatile person (BG Group).

Миссия компании выполняет важные функции, в частности: проясняет представление о целях организации, задает главное направление ее развития, продвигает ключевые ценности бизнеса, формирует репутацию и имидж компании. При разработке миссии учитывается история и развитие компании, ее традиции, достижения и отличительные достоинства, стиль поведения и способ действия ее представителей.

Настоящее исследование также позволяет выделить основные принципы формулировки миссии компании в зависимости от национальной и культурной принадлежности. Данные принципы определяют концептуальные кластеры, вокруг центральных элементов (наиболее часто употребляемых слов) которых организуется основная смысловая информация миссии.

Несмотря на единство языка, культуры США и Великобритании несколько разнятся. Это, естественно, ведет к возникновению на национальном уровне разных подходов к словесному выражению миссии, так как в ней вырабатывается общая для компании концепция деятельности, способная вдохновить как работников, так и клиентов, определяются главные принципы конкурентной борьбы, выявляются области активных действий организации.

Основная направленность деятельности американских компаний – развитие бизнеса и построение отношений между партнерами, а также между сотрудниками компании, однако, на взаимоотношения с клиентами акцент делается меньше. Причина заключается в ориентировании на результат деловой операции и быстрый прирост прибыли. Кроме этого, важным элементом в формулировке миссии американского бизнеса является глобализационная составляющая – стремление крупных американских компаний к представительству и доминированию на мировой арене.

Для британских компаний характерна ориентация в первую очередь на клиента, что отражено в соответствующем концептуальном кластере. Важная составляющая британской культуры и, соответственно, бизнеса – творческий подход к развитию и инновационная направленность деятельности. Таким образом, основная стратегия британского бизнеса может быть описана в виде последовательности: время / ориентация «завтра» → развитие → результат: «успех».

Большинство авторов рассматривают миссию как смысл существования, философию и предназначение отдельной организации, сформулированное утверждение относительно того, для чего и по какой причине она существует и какую роль хочет играть в обществе [см., напр., 2; 3; 4]. Однако, данное исследование доказывает, что в языковой формулировке миссии через посредство ключевых слов находят воплощение не только индивидуальные цели отдельных компаний, но отражается открытая социально-экономическая система национальных ценностей, которая позволяет идентифицировать компанию как ее часть и определить ее предназначение в зависимости от потребностей рынка.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент. – М: Гардарика, 1998.
3. Гительман Л. Д. Преобразующий менеджмент: лидерам реорганизации и консультантам по управлению: учеб. пособие / Л.Д. Гительман. – М.: Дело, 1999.
4. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. – М: «Банки и биржи», «ЮНИТИ», 1998.
5. Hofstede G. The Hofstede Center: Country Comparison. – Available at http://geert-hofstede.com/countries.html.
6. Lewis R. When Cultures Collide, Third Edition: Leading Across Cultures. – Nicholas Brealey Publishing, 2010.

НРАВОУЧЕНИЕ ОБ ИСТИННОЙ И МНИМОЙ СВЯТОСТИ В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»

О.Ю. Добробабина, Е.В. Бондарь
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

Изучение позднего творчества Л.Н. Толстого, в частности его повести «Отец Сергий» позволяет нам проследить тенденции развития и переосмысления агиографического начала в художественном тексте. В данной статье мы рассматриваем функции «жития» и трансформацию его структуры в повести. Исследуем влияние истоков литературы на жанрообразующий фактор произведения. И как следствие, переосмысляем нравственную проблематику «поздней» толстовской повести – нравоучение об истинной и мнимой святости.

Повесть «Отец Сергий» написана, как было отмечено ранее в поздний период творчества Льва Николаевича Толстого. Работа над повестью шла на

протяжение нескольких лет (1890 -1891, 1895, 1898). «"Все глубже и глубже забирает эта история. Соблазн славы людской и прославления, - то есть обман, чтоб скрыть веру" - пишет Толстой в Дневнике. Отец Сергий живет не тем, за что его прославляют, а любовью к славе, похвалам. Гордость и тщеславие принимают у него парадоксальную форму стремления к смирению. Он оказывается в неразрешимом положении: чем сильнее, упорнее преследует он свою цель, тем все дальше уходит от нее, тем все более попадает в "тот ложный круг, при котором смирение оказывается гордостью... "» [2, 453]. О замысле повести «Отец Сергий» Л.Толстой писал: «Вы спрашиваете о моей истории «Отца Сергия». Там я хотел выразить эти две различные основы деятельности. То он думал, что живет для бога, а под эту жизнь так подставил тщеславие, что больше ничего не оставалось, и он пал; и только в падении, осрамившись навеки перед людьми, он нашел постоянную опору в Боге. Надо опустить руки, чтобы стать на ноги» [2, 454].

К позднему периоду творчества Л.Н. Толстого так же относятся такие художественные произведения, как «Смерть Ивана Ильича» (1886) «Крейцерова Соната» (1887-1889), «Дьявол» (1889) [3, XLI]. Это период пробуждения Толстого к новому пониманию жизни, переломный момент в осознание моральных ценностей. Обращение писателя к «учению Христа» - его духовное обновление, о котором он говорит в своей “Исповеди” (1879–1881).

Своих героев Л.Н. Толстой изображает в исключительных ситуациях, чтобы они могли по-новому осмыслить свою прежнюю жизнь. Основная черта «поздних» повестей писателя - это заостренность психологического конфликта. Отсюда и драматизм их сюжета и композиции. Потрясения, переживаемые героями, служат толчком к пробуждению, которое завершается «просветлением». «Отца Сергия» автор пишет в жанре философской (проблемной) повести. Он рассуждает о проблематике душевных переживаний – «драме души», что говорит о наличии элементов драматургии в данном произведение. Стремясь к нравственному совершенству, к овладению собой, герой в действительности приходит к потере себя [6, 154].

Итак, «Отец Сергий», написан новым «обновленным Толстым» и не удивительно, что мы говорим о том, что повесть основана на жанровых особенностях житийной (агиографической) литературы, с которой автор был несомненно близко знаком [3, XLI].

В основу сюжета повести Толстым положено «Житие преподобного отца нашего Иакова Постника». Писатель возрождает и переосмысливает сюжет житийного жанра, трансформируя его в новом ключе. Он обращается к мотиву, когда семья приносится в жертву идеи. Подобный мотив известен нам из древнейших житий, таких как, например «Житие Алексея, человека божия».

Главный герой повести князь Степан Касатский обращается к Богу, когда его настигает полное разочарование во всем, что было для него дорого: в «обожаемом царе», в его невесте Мэри, «которую он представлял себе

таким ангелом», он переживает драму всей своей жизни, что приводит к «отчаянию, а отчаяние куда? - к Богу, к вере детской...» [1, 201]. Житийный герой обычно с ранних лет испытывает влечение послужить Богу, встречая сопротивление со стороны близких, преодолевает эти препятствия и становится на путь Христа. Однако житийный герой, в отличие от князя Касатского, не видит изначально никакого другого пути, как служение Богу, для него вера – истинна, а не путь самоуспокоения. Герой Толстого поддается чувству гордости и приходит к критичиской ситуации неразрешимого противоречия: «Если бы тот, кто был любовником его невесты, был бы частный человек, он убил бы его, но это обожаемый царь» [1, 200].

В день Покрова Касатский поступает в монастырь и становится учеником игумена, ученика известного старца Амвросия. В монастыре, как и в обыденной - мирской жизни, Касатский, постриженный на 3 год в иеромонахи под именем Сергия, находит радость в «достижение наибольшего как внешнего, так и внутреннего совершенства» [1, 202]. Он не стремиться понять все то, что от него требуют: «будет ли то стояние у мощей» или «пение на клиросе», Касатский смерено делает все, что необходимо в церковной службе: «Не знаю, зачем надо слышать несколько раз в день те же молитвы, но знаю, что это нужно. А зная, что это нужно, нахожу радость в них.» [1, 202]. В нем нет той непоколебимой веры в Бога житийного героя, даже бывают такие минуты, «когда вдруг все то, чем он жил, тускнело перед ним, он переставал не то что верить в то, чем жил, но переставал видеть это, не мог вызвать в себе того, чем жил, а воспоминание и - ужасно сказать – раскаяние в своем обращении охватывало его» [1, 209].

Герой Толстого постоянно находится во внутреннем конфликте с самим собой, спасаясь от соблазнов и гордыне, его посещают совсем не благочестивые мысли, он снова убегает от себя - становится затворником. В затворе он борется с сомнением и плотской похотью, он думает, что это «два разных дьявола», и не видит, что враг один: «Как только уничтожалось сомненье, так уничтожалась похоть» [1, 209].

Житийный герой, подвергаясь испытаниям, никогда не сомневается в «истинности» своего пути, для него невозможно состояние трагического раздвоения. Касатский чувствует свое родство с житийными героями, но не обладает их верой и цельностью мироощущения. Это показано в одном из важнейших эпизодов повести – искушение отца Сергия перед женской плотью. История с Маковкиной, пришедшей из мира, которой был в свое время отвергнут героем, имеет более глубокий смысл, чем тот же схожий эпизод в житие Иакова Пустынника.

Это женщина не является той «блудницей», которая была подговорена искусить Иакова, с целью выгнать его из города. Тут все происходит спонтанно.

Для Маковкиной посещение кельи - это не только бегство от скуки и обыденности, но и некий толчок в осознание того, как жить дальше. Вспомним момент, когда веселая компания только собирается ехать: «По-

года была прекрасная, дорога - как пол. Проехали верст десять за городом, остановились, и началось совещание, куда ехать: назад или дальше» [1, 207]. Вопрос: «куда ехать?» перерастает для женщины в более глобальный: «как жить?».

Для Сергия Маковкина становится олицетворение дьявола: «Боже мой! Да неужели правда то, что я читал в житиях, что дьявол принимает вид женщины» [1, 209]. Его охватывает ужас и страх. Он слаб, в нем нет той твердости перед соблазном, которая присуща житийному герою, но его пугает не только это. Маковкина, по своей сути, является олицетворением той части отца Сергия, с которой он так неутомимо борется. Она это второе «я» героя, которое еще связано с тем другим – внешнем миром [1, 209].

Как и Иаков, отец Сергий побеждает искушение перед плотью с помощью нестерпимой боли. Если Иаков «в течение двух или трех часов держал свою левую руку на огне <...>, до тех пор, пока не отвалились суставы пальцев» [4, 115], толстовский же герой, вспомнив про того отца, который «который накладывал одну руку на блудницу, а другую клал в жаровню» [1, 215], тоже пытается удержать палец над лампой, однако, когда тот сморщился, отдернул его и тогда «взяв топор в правую руку, положил указательный палец левой руки на чурбан, взмахнул топором и, ударил по нем ниже второго сустава» [1, 215]. Только так он мог спастись.

Поступок героя полностью перевернул жизнь Маковкиной: «Через год она была пострижена малым постригом и жила строгой жизнью в монастыре под руководительством затворника Арсения, который изредка писал ей письма» [1, 217], так же как и блудница в «Житие преподобного отца нашего Иакова Постника», которая «бывшая раньше грешницей, своею жизнью угодила Богу и сподобилась получить власть над бесами» [4, 115].

Как и житийный герой, отец Сергий подвергается второму искушению – «славой людской». После ставшего скоро везде известного события с Маковкиной, «ее ночное посещение, совершившаяся в ней после этого перемена и ее поступление в монастырь. <...> слава отца Сергия стала увеличиваться. Посетителей стало приходить все больше и больше, и около его кельи поселились монахи, построилась церковь и гостиница. Слава про отца Сергия, как всегда, преувеличивая его подвиги, шла все дальше и дальше. Стали стекаться к нему издалека и стали приводить к нему болящих, утверждая, что он исцеляет их». «Первое исцеление было на восьмой год его жизни в затворе. Это было исцеление четырнадцатилетнего мальчика» и «слава отца Сергия распространялась дальше и дальше». «Так прошло девять лет в монастыре и тринадцать в уединении. Отец Сергий имел вид старца: борода у него была длинная и седая, но волосы, хотя и редкие, еще черные и курчавые» [1, 217].

Однако после исцеления мальчика, герой начинает чувствовать, что уничтожается его внутренняя жизнь и заменяется внешней: «Сергий видел, что он был средством привлечения посетителей и жертвователей к мона-

стырю и что потому монастырские власти обставляли его такими условиями, в которых бы он мог быть наиболее полезен» [1, 219]. Перед ним встает вопрос, о том правильно ли он поступает пользуясь тем положением, что он имеет. И снова просыпается внутреннее противоречие, благодаря людской молве снова появляется то чувство исключительности и чистолюбия, которое однажды привело молодого человека к отречению: «Если говорили, что он нужен был людям, что, исполняя закон Христовой любви, он не мог отказывать людям в их требовании видеть его, что удаление от этих людей было бы жестокостью, он не мог не соглашаться с этим, но, по мере того как он отдавался этой жизни, он чувствовал, как внутреннее переходило во внешнее, как иссякал в нем источник воды живой, как то, что он делал, он делал все больше и больше для людей, а не для Бога. <...> Он тяготился посетителями, уставал от них, но в глубине душной радовался им, радовался тем восхвалениям, которыми окружали его» [1, 219].

Соблазн «людской славой» намного сильнее и разрушительнее, чем соблазн плоти, отец Сергий хочет сбежать, даже готовит для этого «мужицкую одежду», но перестает бороться с собой: «Сначала он был в нерешительности, потом нерешительность прошла, он привык и покорился дьяволу, и одежда мужицкая только напоминала ему его мысли и чувства» [1, 220].

Говоря об Иакове, мы видим его тоже поверженным в этой борьбе, однако в отличие от Сергия, для него причиной того, что он стал много думать о свое святости в происках дьявола, а не в людях окружающих его, как для толстовского героя [4, 117].

Окончательное падения отца Сергия (эпизод с полоумной дочкой купца), происходит на кануне великого христианского праздника – Преполовения.

Преполовение Святой Пятидесятницы – один их древнейших христианских праздников. Празднуется в среду 4-й седмицы, т. е. половина времени от Пасхи до Пятидесятницы. В этот день вспоминается то событие из жизни Спасителя, когда Он в преполовение праздника Кущей учил в храме о Своем Божественном посланничестве и таинственной воде, под которой понимаются благодатное учение Христово и благодатные дары Святого Духа [7, 90].

Заметим, что подобные переломные моменты в жизни героя происходят именно весной. Вспомним разговор Касатского с невестой Мэри, который происходил в «жаркий майский день». И не случайно Толстой подчеркивает драматизм ситуации с купеческой дочкой еще и тем, что ее зовут Марья:

« – Как тебя звать? – спросил он, дрожа всем телом и чувствуя, что он побежден. Что похоть ушла уже из-под руководства. – Марья. А что? Она взяла руку и поцеловала ее, а потом одной рукой обвила его за пояс и прижимала к себе. – Что ты? – сказал он. – Марья. Ты дьявол. – Ну, авось ничего» [1, 227].

Таким образом, мы видим, что ситуация повторяется, мы вспоминаем Мэри, грех которой привел Касаткского в монахи и Марью, с которой

отец Сергий сам опустился в пучину греха и теперь он ищет выход из сложившейся ситуации: «Да, надо кончить. Нет Бога! Как покончить? Броситься? Умею плавать, не утонешь. Повеситься? Да, вот кушак, на суку. Это показалось так возможно и близко, что он ужаснулся. Хотел, как обыкновенно в минуты отчаяния, помолиться. Но молиться некому было. Бога не было» [1, 227].

В жизни героя происходят три роковые встречи, которые опредяляют его жизнь и существование в целом: Мэри, Маковкина и Марья. В случае с Маковкиной герой возносится на новый духовный уровень, что бы потом упасть в самые недра греховности с Марьей.

И тогда ему сниться сон из детства о Пашеньки, а потом приходит ведение с ангелом, который говорит ему о том, что надо пойти к ней и узнать в чем его спасение: «Он проснулся и, решив, что это было виденье от Бога, обрадовался и решил сделать то, что ему сказано было в видении. Он знал город, в котором она живет, - это было за триста верст, - и пошел туда» [1, 228]. После общения с Пашенькой, герой раскрывает для себя истину: «Так вот что значил мой сон. Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже облагодетельствованных мною для людей. Но ведь была доля искреннего желания служить Богу? - спрашивал он себя, и ответ был: Да, но все это было загажено, заросло славой людской. Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать его» [1, 234].

Для Сергия, Пашенька становиться идеалом добродетели, неким каноном истиной святости. Именно два этих героя в «Отце Сергии» символизируют два пути к истине и два состояния относительно истины, совпадающие и не совпадающие одновременно. Появление женщины в роли воплощенного идеала отнюдь не случайно – ее путь к исполнению своего высшего «предназначения» короче и однозначнее.

Жизнь Пашеньки была абсолютно не примечательна, она была верной семье: мужу, детям и внукам. В отличие от Сергия, она никогда не задумывалась о своем «значении» в этой жизни, а просто жила, помогала, утешала и служила людям, с которыми ее связала судьба [2, 453].

В ее образе сосредоточились многие традиционные черты житийных героев. Это обобщенное выражение некой идеи самоуничижения и смирения, что является противоположностью и светскому, и монашескому честолюбию Сергия. Пашенька живет с ощущением собственной вины, неправоты и несовершенства «Да я прожила самую гадкую, скверную жизнь...» [1, 232].

Но именно ее жизнь для Толстого является подлинной, лишь Пашенька смогла научить и спасти от отчаяния того, кто долгие годы учил и наставлял сотни других людей. Пашенька была одна из тех «тысяч без-

вестных, самых лучших, как все безвестное, женщин, утешительниц пьяных, слабых, развратных людей, тех, для которых нужнее, чем кому-нибудь, утешения любви» [2, 453].

Лишь «исповедавшись» Пашеньке, Сергий уходит странствовать, постепенно смирившись, достигает согласия с самим собой и проявляет тем самым истинную силу духа. В последнем эпизоде, Толстой показывает своего героя именно таким, каким должен быть человек, по его мнению, истинно верущей в Бога: «И Касатскому особенно радостна была эта встреча, потому что он презрел людское мнение и сделал самое пустое, легкое – взял смиренно двадцать копеек и отдал их товарищу, слепому нищему. Чем меньше имело значения мнение людей, тем сильнее чувствовался бог» [1, 236].

В житие Иаков Постник, так же как и отец Сергий оставляет свое служение Богу, но вскоре находит поддержку в таком же праведники, как и он был когда-то. Иаков кается в монастыре, в молитве заслуживая прошение [4, 119].

Лев Толстой не допускает посредников между человеком и Богом, Касатский не возвращается к монашеству, ибо он познает, что истина состоит в том, чтобы, не отрекаясь от жизни, ощутить всю ее полноту и связь с Всевышним, как Пашенька, которая стала для него каноном святого человека. Не случайно у Касатского дважды возникают ассоциации: «самоотверженная» Пашенька - Богородица. Таким образом, будучи монахом ставя себя между грешными людьми и Богом, герой осквернял свою душу, давая людям ложное чувство связи с Господом. Ближе чем сам человек к Богу, никто не может быть. «Все близкое к естественному, природному началу было высшим выражением истины для Толстого. Вот почему именно в Пашеньке, вся жизнь которой – бескорыстное служение людям, находит свое спасение «заблудший, гордый грешник» – отец Сергий» [2, С. 454].

Нравоучение об истинной и мнимой святости трансформируется в повести Л.Н Толстого «Отец Сергий» таким образом, что фактически второстепенный персонаж становится «заглавным», так как не возникает сомнения, не у самого автора, не у читателя, что «истинно святой человек» это Пашенька, которая посветила свою жизнь «настоящему» служению людям.

Литература

1. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. / Л.Н. Толстой; [ред. кол.: К.М. Малышева и Г.В. Архангельская]. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т.12: Отец Сергий. – 314 с.
2. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. / Л.Н. Толстой. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1982. – Т.12: Комментарии. – 457 с.
3. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. / Л.Н. Толстой; ред. кол.: К.М. Малышева и Г.В. Архангельская. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т.1: Творчество Льва Толстого. – 405 с.

4. Жития святых святителя Дмитрия Ростовского – Четьи Минеи: В 12 т. – СПб.: Сибирская Благозвонница, 2011. – Т.3: Март. Житие преподобного отца нашего Иакова Постника. – 617 с.
5. Александров А.В. «Святой в житии» / А.В. Александров // Образный мир агиографической словесности: [статьи и материалы (1990-1997)]. – Одесса: Астропринт, 1997. – 176 с.
6. Гродецкая А.Г. Ответы предания: Жития святых в духовном поиске Льва Толстого / А. Г. Гродецкая. – СПб.: Наука, 2000. – 264 с.
7. Николаева Е.В. Художественный мир Льва Тостого: 1880-1900-е годы / Е.В.Николаева – М.: Флинта, 2000 – 272 с.
8. Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики) / В.Л. Чернец. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982 – 192 с.

DIE METHODOLOGISCHEN GRÜNDUNGEN DER INNOVATIVEN AUSBILDUNG IN DER TECHNISCHEN HOCHSCHULE

Л.В. Должикова
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Die Bedeutung von Technologien für die Qualität der Ausbildung wird bestätigt. Neben Medienkompetenz als Schlüsselqualifikation erhöhen neue Technologien auch die Motivation und den Spaß am Lernen und wirken sich folglich positiv auf den Lernerfolg aus. Basierend auf diesem Hintergrund betrachtet wird in der aktuellen Ausgabe auch, ob das digitale Klassenzimmer schon in Deutschland angekommen ist und zeigen, wohin der Weg einer digitalen Hochschule in der Zukunft gehen kann.

Die deutschen Hochschulen stehen vor dem größten Studentenansturm der Geschichte. Den Abiturienten blüht auf Jahre ein verschärfter Kampf um Wunschstudienplätze. Mittlerweile studiert knapp jeder Zweite eines Jahrgangs. Darüber hinaus haben gerade in Niedersachsen und Bayern die ersten doppelten Abiturjahrgänge ihre Zeugnisse erhalten. Bundesweit geht die Umstellung jetzt auf die Zielgerade. 2012 sind Baden-Würrtemberg, Berlin, Brandenburg und Bremen an der Reihe. Im Anschluss folgen Nordrhein-Westfalen und Hessen. Schließlich führt Schleswig Holstein als letztes Bundesland im Jahr 2016 das achtjährige Gymnasium – G8 – ein. Experten rechnen bis dahin mit einem Studienplatzbedarf von rund 550.000. Hinzu kommt: Durch den Wegfall der Wehrpflicht meldeten sich bei den Hochschulen weitere Tausende Bewerber an. Engpässe, Wartezeiten und alternative Lernformen werden von nun an das Bild an den Unis prägen.

Lösungsansätze gibt es viele – Turbostudenten „Two in One“, die in einem Semester den Stoff von zwei pauken, um sich im Wintersemester nicht mit allen

anderen Erstsemestern in die Hörsäle quetschen zu müssen, zusätzliche Aufnahmeprüfungen, verschärfte Numeri Clausi, Anbau von Interimshörsälen, Vorlesungen in den späten Abendstunden und an den Wochenenden. Von Studenten und Dozenten wird ein Höchstmaß an Flexibilität erwartet. Stundenpläne, Vorlesungsmodule und Prüfungsordnungen müssen modernisiert werden. Darüber hinaus werden neue Lernformen wie E-Learning und Videoübetragungen von Vorlesungen den Wandel begleiten und den Alltag für so manchen Studenten erleichtern.

Im Kampf um die klügsten Köpfe gewinnen die IT-Ausstattung und der Einsatz innovativer Technologien an Universitäten immer stärker an Bedeutung. Die Studierenden sind mit Internet, sozialen Netzwerken, ständiger Datenverfügbarkeit und -austausch groß geworden. Was sie privat ständig und ganz selbstverständlich nutzen, fordern sie auch in ihrem Lernalltag ein. Im zunehmenden internationalen Wettbewerb der Wissenschaftsstandorte haben diejenigen Bildungseinrichtungen die Nase vorn, die ihren Schülern und Studenten solche attraktiven Services und Leistungen bieten können. Darüber hinaus ist die Medienkompetenz mittlerweile eine Schlüsselqualifikation für nahezu alle Berufsgruppen.

Kein Wunder also, dass sich die Digitalisierung der Hochschulen immer rasanter auf dem Vormarsch befindet. Mobiler Netzwerkzugang auf dem gesamten Campus oder die Möglichkeit sich per Online-Meeting auszutauschen, gehören bald schon zur Grundausstattung einer modernen und wettbewerbsfähigen Universität. Klausuren auf dem Tabletcomputer, Lehrveranstaltungen im Internet, und Videoübertragungen in HD-Qualität weisen den Weg in die Zukunft. In einem Beitrag der FAZ erklärt Thomas Mierschke, dass bereits 85% aller deutschen Hochschulen mit Cisco-Technologien ausgestattet sind und zeigt auf, dass es neben dem technischem Wandel auch einen Wandel in den Köpfen der Universitätsangehörigen geben müsste.

Die Cisco Networking Academies feierten eine Millionen eingeschriebene Studenten und machen somit ihrem Namen alsweltweit größtes Klassenzimmer alle Ehre. Mittlerweile besitzen 10.000 Akademien in über 165 Ländern den Status einer Cisco Networking Academy. Allein in Deutschland sind momentan 33.000 Teilnehmer eingeschrieben. Mittlerweile erwirbt so schon jeder zweite IT-Azubi sein Wissen auf Basis von Online-Lernmaterialien des Networking Academy Programmes.

Die Lehrinhalte der Networking Academy gliedern sich in didaktisch aufbereitete Curricula vom Einsteiger- bis zum Experten-Level. Zur effektiven Vermittlung fortgeschrittener Technologien kommen innovative E-Learning-Methoden zum Einsatz. Beispielsweise sorgen Flash-basierte Multimedia-Materialien für hohe Anschaulichkeit und Simulationstools visualisieren selbst hochkomplexe Netzphänomene. Mit der Simulation können Schüler auch zuhause den Datenverkehr in einem Computernetz beobachten und die Konfiguration von Netzgeräten üben.

Der Erfolg spricht für sich: Beim IT-Berufswettbewerb SkillsGermany konnte die einzige weibliche Teilnehmerin, Saskia Oppenländer, von der Gewerb-

lichen Schule Schwäbisch Hall, die am Cisco Networking Academy Programm patrizipiert, alle Mitstreiter hinter sich lassen und qualifizierte sich für die Deutsche Meisterschaft. „Die IT-Systeme werden immer komplexer, es verändert sich viel, aber wenn man einmal die Grundlagen beherrscht, hat man die Möglichkeit, logisch weiter zu denken und sich mit den IT-Systemen weiter zu entwickeln.

Hochschulen müssen neue Technologien und abwechslungsreiche, multimediale Methoden in der Lehre anbieten – das ist für 90 Prozent der Abiturienten und Studierenden eine ganz klare Anforderung. Deutsche Universitäten sind sich dieser Tatsache bewusst und nutzen dies auch als Anziehungsmittel im Kampf um die klügsten Köpfe. Auch für Arbeitgeber gehören das Beherrschen von Online-Collaboration sowie ein verantwortungsvoller Umgang mit sozialen Netzwerken und neuen Medien mittlerweile zu Grundqualifikationen wie ein sicherer Umgang mit Word, Excel und Power Point. Dies unterstreicht auch eine von Cisco in Auftrag gegebene und von der Clarus Research Group durchgeführte Studie. Die Resultate der Studie zeigen, dass Technologie entscheidend für die Qualität der Ausbildung ist und lassen auf ein neues, vernetztes Lernen schließen.

Die Untersuchung deckte vor allem drei kritische Punkte auf:

- Die Vorbereitung von Schülern und Studenten auf den Wettbewerb in einer globalen Wirtschaft nannten 83 Prozent der Befragten. Dabei stehen zunehmend vernetzte Systeme, Verständnis der Technologie-Nutzung und produktive Arbeitsweisen im Vordergrund.
- 85 Prozent erkennen eine große Rolle der Technologie beim Lernprozess mit einem positiven Einfluss auf Engagement und Teilnahme der Lernenden.
- Programme und Lehrpläne müssen die Entwicklung von Teamfähigkeit und projektbasiertem Lernen fördern, sagten sogar 86 Prozent. Auch die verbesserte Kommunikation mit Eltern und Lehrkörper ist wichtig.

Unsere Eltern haben Ende der 60er-Jahre noch mit Schiefertafel und Griffel gelernt. Seitdem sind die Entwicklungen im Informationszeitalter dank neuer Technologien rapide vorangeschritten. Papier und Stift wurden vielerorts schon lange fast gänzlich abgelöst. Um so erstaunlicher ist es, dass die Entwicklungen der letzten Jahre, anscheinend gerade dort ausblieben, wo sie am wichtigsten sind. In den deutschen Klassenzimmern hat sich das Grundbild nicht stark gewandelt - Tafel und Kreide sind weiterhin Unterrichtsmedium Nummer eins. Laut einer Studie des Bundesverbandes Informationswirtschaft, Telekommunikation und neue Medien nutzen ganze 40 Prozent der Lehrer den Computer oder andere digitale Medien im Unterricht sehr selten oder gar nicht.

Dies steht ganz deutlich im Widerspruch zu der Lebensrealität der Schüler. Laut einer im Auftrag von 1edu im Mai durchgeführten Umfrage verfügen 60 Prozent der Kinder bis 13 Jahren bereits über einen eigenen Computer, den sie zu gut 50 Prozent aktiv für Hausaufgaben oder im Nachhilfeunterricht verwenden. Eltern unterstützen dies und wünschen sich, dass ihre Sprösslinge frühzeitig den Umgang mit Computern und neuen Medien erlernen. Darüber hinaus konstatieren über 90 Prozent der Eltern, deren Kinder bereits digitale Medien im

Unterricht verwenden, dass ihre Kinder genau deshalb mehr Spaß am Unterricht haben und sich besser konzentrieren können. 77 Prozent der Lehrer bestätigen dieses Urteil. Die Schüler lernten schneller und besser, wenn sie im Unterricht mit Computer und Internet arbeiteten, lautete das Fazit der Umfrage. Digitale Klassenzimmer erhalten also eindeutig das Prädikat pädagogisch wertvoll. Gründe warum sie immer noch nicht zum Unterrichtsalltag in deutschen Schulen gehören und weitere Umfrageergebnisse finden Sie hier.

„Fern-Live-Unterricht“ per Videoübertragung über das Netzwerk ist nur eine der Möglichkeiten, die Cisco Videotechnologien im Bildungswesen bieten. Cisco TelePresence-Systeme in HD-Qualität verändern das Lehren und Lernen nachhaltig und sind zukunftsweisend: Experten aus aller Welt können als aktive Informationsquelle in die Wissensvermittlung einbezogen werden. Beispielsweise können Schüler per Videokonferenz direkt mit dem Autor über die aktuelle Klassenlektüre diskutieren, Weltraumexperten der NASA können in einer praxisnahen Physikvorlesung aus erster Hand Einblicke in ihre Arbeit liefern. Nahezu jeder Ort auf der Erde kann so Teil des Klassenzimmers, Hörsaals oder Seminarraums werden und Schüler und Studenten können sich austauschen, Materialien teilen und durch Lehren lernen. Über die Systeme können sich räumlich getrennte Klassen oder Kurse darüber hinaus audiovisuell miteinander verbinden und gemeinsam in einem virtuellen Raum an Projekten arbeiten.

Die Hansestadt Lübeck wurde am 29. März zur „Stadt der Wissenschaft 2012“ gekürt. Nicht zuletzt aufgrund seiner hervorragend ausgestatteten Universität konnte sich Lübeck in der Finalrunde gegen Regensburg und Halle an der Saale durchsetzen. Um ihren IT-Service für Forscher und Studenten zu optimieren, entschied sich die Universität für ein neues Campusnetzwerk von Cisco. Die sehr leistungsfähige Infrastruktur dient nun flächendeckend als einheitliche Plattform für alle Anwendungen in Verwaltung, Lehre und Forschung.

Das neue Netzwerk spielt nicht nur im Wettbewerb um die klügsten Köpfe eine wichtige Rolle, sondern macht Lübeck als Wissenschaftsstandort allgemein noch attraktiver. Gerade für Wissenschaft und Forschung wird IT immer wichtiger. Die Lehre an der Universität fokussiert auf das gesamte Spektrum moderner Life Science-Themen. Neben Biowissenschaften und Humanmedizin bilden Medizintechnik und Informatik die wichtigsten inhaltlichen Schwerpunkte. Nur durch eine optimale und ausfallsichere IT-Unterstützung können beispielsweise die immensen Rechen- und Speicherkapazitäten, die für die Verarbeitung medizinischer Bilddaten erforderlich sind, abgedeckt werden. Der zuständige Account Manager bei Cisco, Axel Barthel, bestätigt den umfangreichen Einfluss der IT auf Qualität von Forschung und Lehre: „Das IT-Service-Center der Universität zu Lübeck zeigt exemplarisch, inwieweit ein breitbandiges Netzwerk als Plattform auf vielfältige Weise die Forschungs- und Studienbedingungen nachhaltig verbessert“.

MINT steht für Mathematik, Informatik, Naturwissenschaften und Technik – die Schlüsselwissenschaften für eine erfolgreiche und florierende Wirt-

schaft. Dem Wirtschaftsstandort Deutschland mangelt es an Nachwuchs in den MINT-Qualifikationen (Mathematik, Informatik, Naturwissenschaften und Technik). Der Engpass an naturwissenschaftlich-technisch qualifizierten Fachkräften ist ein Problem, das Wachstum und Innovationen heute schon bremst. Die Initiative „MINT Zukunft schaffen" will zukunftsorientiert und wegweisend Zeichen für positive Veränderungen setzen.

In der deutschen Hochschullandschaft gilt das Cisco-Netzwerk der Technischen Hochschule Wildau als Musterbeispiel für den gelungenen Einsatz wegweisender Kommunikationstechnologie. Aus allen Teilen der Republik schaut man auf die Brandenburgische „University of Applied Sciences", um zu lernen, wie Unified Communications und ein campusweites Wireless LAN Studienbedingungen verbessert und Bildungsangebote attraktiver machen.

Den modernen Campus schmückt eine alte Lokomotive. Vor über hundert Jahren ging hier ein Eisenbahnwerk in Betrieb. Damals waren noch weite beschwerliche Reisen nötig, wenn man anderswo Menschen persönlich begegnen wollte. Heute schickt die TH Wildau mit ihrer innovativen IT-Ausstattung lieber Bits und Bytes auf die Reise und intensiviert so länderübergreifend den freien Austausch von Wissen und Ideen. Wie das sichere Kommunikationsnetzwerk lebensechte Begegnungen zwischen Menschen an jedem Ort, zu jeder Zeit, mit beliebigen Endgeräten ermöglicht und Wildau zum attraktiven Wissenschaftsstandort macht.

Bildung ist ein Motor für die Entwicklung unseres Landes. Im internationalen Qualitätsvergleich liegen unsere Hochschulen direkt hinter den USA. Die beiden besten deutschen Universitäten liegen übrigens in Bayern. Damit sie in Deutschland auch in Zukunft ein wichtiger Ausbildungs- und Forschungsstandort bleiben, sollten sie dafür sorgen, dass sie den internationalen Austausch zwischen Forschern und Studenten ausbauen. Mit den Bologna-Reformen hat die Europäische Union die richtige Richtung schon vorgegeben. Die Studienanfängerquote steigt seit Jahren und liegt in Deutschland bei über 40 Prozent. Das Bildungsniveau in der Gesellschaft war noch nie so hoch. Wenn jetzt zwei Abiturjahrgänge an die Hochschulen strömen, müssen die Universitäten darauf gut vorbereitet sein. Das wichtigste ist, dass deutschen Universitäten auf einer gesicherten finanziellen Basis stehen. Deshalb erhöht der Bund die Mittel für Hochschulförderung bis 2015 um 1,5 Milliarden Euro. Das ist der Ausgangspunkt, um in Bauprojekte zu investieren, mehr Studienplätze zu schaffen und die Betreuungsquoten noch zu verbessern.

Meine Meinung nach die Hochschulen sind in diesem Bereich bereits auf einem guten Weg. Heute gehört es zum Standard, dass sich Studenten online für Seminare oder Prüfungen anmelden, im Internet zusätzliche Informationen zu ihren Vorlesungen abrufen und per E-Mail Kontakt mit ihren Professoren aufnehmen. Für Vorlesungen, Seminare und Arbeitsgruppen könnten Professoren und Studenten das Internet noch stärker nutzen, um auch außerhalb der Universitätsgebäude lehren und lernen zu können. Das Bundesministerium für Bildung

und Forschung hat zu diesem Zweck das Förderprogramm „mobiles Lernen“ eingerichtet. Wenn Dozenten zum Beispiel die Möglichkeit haben, bestimmte Themen mit Sprach- oder Filmaufzeichnungen zu veranschaulichen, erleichtert das ihre Lehre. Wenn Studenten wiederum zusätzlich zur Vorlesung online mit anderen Kommilitonen Fragen diskutieren oder gemeinsam Aufgaben bearbeiten können, steigert das deren Lernmotivation.

Литература

1. http://www.cisco.com
2. http://www.stayfriends.de/
3. http://de.pnzgu.ru/

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Л.В. Должикова
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

В информационно-технологическом обществе XXI века уровень развития государства и его положение в мире зависит от образованности нации, способности реализовать прогрессивные технологии. Без непрерывного развития образовательной сферы страна не может обрести достойный статус в мире. Модернизация содержания, структуры, технологии образования необходима в современных условиях социально-экономических изменений в обществе.

Формирование и развитие инновационных процессов актуально для модернизации образования и создания эффективной образовательной системы. Активизация инновационных педагогических процессов выражена в педагогической инноватике, обеспечивающей поиск новых подходов, оригинальных концепций и нетрадиционных образовательных технологий [1].

Гуманистические образовательные концепции связаны с преподаванием гуманитарных дисциплин, одной из которых является иностранный язык. Обучение иностранным языкам в техническом вузе так же требует решения рядом проблем, связанных с разработкой системы обучения на основе анализа современных тенденций в инновационных процессах в образовании. Проблемы связаны с преобладанием традиционных форм и методов обучения без учета современных условий модернизации образования, отсутствием механизмов управления инновационных процессов и механизмов управления ими.

Инновационное обучение гуманитарным дисциплинам в техническом вузе представляет собой сложную, целенаправленную, динамическую систему теоретико-методологических и методико-технологических

знаний, базирующуюся на идеях интегрального подхода. Обоснованность концепции обеспечивается интеграцией методологических оснований различных уровней.

Инновационная система информационно-технологического обеспечения учебного процесса, основу которой составляют информационная и технологическая составляющие, связанные между собой функционально и структурно, и ориентированные на реализацию целей учебного процесса.

Информационный компонент реализуется в учебном процессе в рамках дидактического комплекса информационного обеспечения учебной дисциплины через спроектированную и реализуемую преподавателем технологию обучения. Технологический подход реализуется благодаря инновационному информационно-технологическому обеспечению.

Закономерность инновационного обучения гуманитарным дисциплинам в техническом вузе проявляется в виде инноваций, направленных на интеграцию теорий, концепций, знаний, технологий. Сущность данной закономерности состоит в том, что проектирование и реализации инновационных образовательных процессов возможны только на основе их постоянного осложнения.

В зависимости от специальности предлагаются вариативные типы учебных задач, из которых студенты инстинктивно выберут те, которые наиболее соответствуют их когнитивному стилю, то есть самостоятельно создадут режим максимального благоприятствования для себя. Это необходимо в связи с тем, что следует говорить не только о расширении диапазона когнитивных стилей студента, но и о постоянном развитии предпочитаемых им стилей [2].

Предлагаются следующие способы адаптации преподавания к стилям восприятия студентов: введение новой информации в разных видах и формах; организация работы в малых группах, сформированных в соответствии с когнитивными стилями студентов; наличие выбора типов заданий и способов выполнения учебных задач для студентов; дифференциация каналов восприятия в обучении, а также расширение диапазона стратегий; инструктирование студентов в применении разных стратегий на занятиях; включение требования использовать новые стратегии во время выполнения домашнего задания; организация работы в минигруппах, в которых студенты с разными когнитивными стилями решают вместе проблемы и обмениваются стратегиями, на которых преподаватель объясняет отдельному студенту, как лучше справляться с учебными задачами, не отражающими его когнитивный профиль. Варьирование заключается в постоянном изменении методов и стратегий в ходе учебного процесса. Обогащающая образовательная среда позволяет студентам с разными стилями учения выбрать линию обучения, соответствующую их стилевым особенностям, осваивая по мере своего интеллектуального развития другие, субъективно новые для них способы изучения реальности.

Литература
1. Развитие рефлексивных умений студентов в процессе иноязычной подготовки в техническом вузе / Шагбанова Х.С. Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1-3. С. 89-91.
2. Моделирование процесса развития умений самоорганизации студентов технического вуза средствами иностранного языка / Шагбанова Х.С. European Social Science Journal. 2014. № 6-2 (45). С. 171-173.
3. Покушалова Л. В. Формирование иноязычной профессионально-ориентированной компетенции у студентов технического вуза [Текст] / Л. В. Покушалова // Молодой ученый. – 2011. – №3. Т.2. – С. 151-154.
4. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранному языку. Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2012. – 240 с.
5. Neuner G. Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts. – Kassel, 2012.
6. http://nauka-pedagogika.com

INTEGRATION OF EDUCATION IN KAZAKHSTAN

М.Е. Есенгалиев , М.М. Ахметжанова, Б.Т. Кульбаева
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

The General structure of the education system of Kazakhstan. The main objectives of the education system in the Republic of Kazakhstan are:

- the formation of scientific and General cultural training of students;
- social adaptation of students to life in society;
- citizenship and love of country;
- ensuring the company's need for skilled workers and specialists, retraining and improvement of their skills.

In the Constitution of the Republic of Kazakhstan (article 30) recorded: "Citizens are guaranteed free secondary education in state educational institutions. Secondary education is compulsory. A citizen has the right to receive on a competitive basis, free higher education in state higher educational institution. Getting paid education in private schools is carried out on the grounds and in the procedure established by law. The state establishes General standards of education. The activities of all educational institutions must comply with these standards."

School education. General secondary education is guaranteed and is compulsory for all citizens. In addition, the priorities of secondary education are Informatization and updating of educational content.The system of secondary education has the following objectives:

- the enrolment of all school age
- implementation of state educational standards of secondary education.

- improving the quality of education in schools by improving the content and methods of training, the introduction of objective criteria and approaches to the assessment of pupils and teachers;

- ensuring measures for safeguarding the health of students and teachers

General secondary education is acquired gradually by learning educational programs at three levels: primary (grades 1-4), basic (grades 5-9) and senior (10-11 or 12 classes). These steps can function together in one educational institution, or separately, in primary or basic secondary school.

In the Republic there are 8290 school 3117,7 thousand children, including 8191 secondary school with 3097, 0 thousand students.Along with daytime schools have a 31 evening secondary school.Developing a network of educational institutions of new type (gymnasium and Lyceum), the number of which is 320, including gymnasiums - 178, lyceums - 142.

Given the ethnic needs of the population education in schools is taught in 7 languages. Out of the total number of schools - 3474 conduct training in the Kazakh language, 2514, 2107 - in Russian and Kazakh, 78 schools in Uzbek, 13 Uighur, 3 - in Tajik, 1 school - in Ukrainian and 1 school - German. In places of compact residence of indigenous nationalities, learning of 14 native languages

Professional education. Primary and secondary education is acquired in vocational schools, high schools and colleges and is combined with General secondary education.The main objectives of vocational education:

- development and implementation of state educational standards of professional education, updating them based on the situation on the labour market and structural changes in the economy;

- creation of conditions to increase the availability of vocational education;

- support non-state sector of vocational education;

- organization and development of social partnership in vocational education;

- expansion of international cooperation on the issues of training and retraining of personnel in educational institutions of professional education.

Initial vocational education includes training, retraining and advanced training of workers, professionals and unemployed, and the unemployed

In the Republic there are 306 professional schools and lyceums with 88 348 students. Training of skilled workers is more than 300 professions.Institutions of secondary vocational education is provided by colleges, who have taken the training on the new state standards of vocational education and training plans. The College implemented a new mechanism for the formation of the enrolment and training of specialists with full cost recovery on a contractual basis, taking into account the needs of the region in the labour force. The opening of new specialties is carried out only in the presence of a specific customer and conclusions of the regional employment Bureau.Secondary vocational education provide 285 colleges, including 173 - state 112 and is privately owned. The number of students is 155 893 people.

Higher education. Higher education is acquired by citizens with secondary education. In the Republic of Kazakhstan, the following types of higher education institutions: University, Academy, Institute and equivalent (Conservatory of music, graduate school, higher school).

Universities are granted the right to independently determine the appropriate structure of a multistage training. The University can function as all stages of higher education, and separately.The system of higher professional education of the Republic of 164 includes higher education institutions, including 47 public, 117 private.Training for the system of education is secondary and higher education institutions, the head of which is the Almaty state University named after Abai.

Training of foreign students is carried out in 47 institutions of higher education of Kazakhstan. They contain a total of 3598 students from 43 countries, including students from CIS countries and Baltic States. Admission of foreign students - democratic.

So, what characterizes classical British education?

Tradition and system, first and foremost. The British system of education has evolved over the centuries. British education has always been built on to teach students to think independently and to work independently. This quality is one of the most valuable in the modern world.The modern system of education in the UK includes: preschool education, primary education (Elementary school), secondary education (Secondary school), further education (Further Education) and higher education (Higher Education).

With 5 years children attend two-year schools for kids (prepreparatory school). In this school the children are learning English, mathematics, history, geography, music and art. The subjects chosen by parents.

From 7 to 13 years of primary school (primary, elementary or preparatory school). To previously studied items, added new ones, for example, natural Sciences, information technology, design. During the transition from primary to secondary school rented the Common entrance examination Common Entrance Examination (CEE).

From 13 to 16 years of age for children begin secondary education. The system of secondary education in the United Kingdom is very different from the usual us. It combines the individuality in the choice of subjects and collectivity in their study. No usual classes. Every student is engaged on an individual plan. The items that are offered in a particular school, are divided into thematic blocks. From each block, one item is selected, the selected items will be passed the exams. The timetable looks at the British school: indicates, for example, that the first hour is the unit of items A. And the student goes to the wrong audience, which reads the selected item from this block. Thus, strengthening the study of 4-6 items that, however, does not exclude the possibility to pass and others. To 14 years, studied a large set of General subjects.

At 16 years old in high school students pass the exam on the British certificate of secondary education GCSE (General Certificate of Secondary Educa-

tion). Most importantly, what is the aim of the whole program of instruction in secondary schools in the UK, is the exam for GCSE system. You can learn in a private or public school, but final exams are submitted to the system adopted in 1987. This certificate is sufficient for self-employment, but does not give right of entry to higher education. Examinations for the award of the certificate of secondary education GCSE - common and compulsory for all.

In order to obtain the Certificate of secondary education advanced level GCE A-level (General Certificate of Education Advanced Level), with whom can be no exams to get into a British and some other foreign universities, you have to study for an additional 2 years 12-13 classes.At this time the student chooses 3-4 subjects from the proposed 10-and preparing for exams. Overall assessment for the GCSE exposed to the three parameters. In addition to the usual us a written exam, whereas the performance for all the years of study and something like a graduation project, which the students have to write during the study. Assessment there are: A, B, C, D, E, F, G. the Best result - A.

The last two years - there are no unnecessary items, only three or four basic, necessary for further specialization and profession. Moreover, the emphasis is not on cramming a huge amount of material, and the ability to think independently and use the right information.

International Baccalaureate (IB) - an alternative to A-level.

The program was created in Switzerland in the late 60-ies. On the initiative of the school of the UN in new York and the International school in Geneva, the international group of experts took to be universal school program that would allow educational institutions to recognize the equivalence of education obtained in another country.

This program is also usually lasts for two years, but includes more items. Exams the IB system are counted universities not only in Britain but in many other countries.

The IB program is primarily designed to give students the knowledge and skills necessary in life to everyone, regardless of profession, and the skills of social adaptation. The programme focuses on academic achievement, critical thinking, skills of independent work. Through this approach, students motivation and interest in knowledge, and hence performance.One of the main distinctions of the IB programme is, first of all, the approach to the study of the subject. As a rule, in the IB program are used different methods of analysis, the focus is on writing research papers and independent experimental activities of students.

Some schools offer one-year program of preparation for the examinations A - Levels , and special programs admission to the universities for foreigners Foundation.

On the A-level program, you can enroll in 16 years, and the Foundation at the age of 17.What is a Foundation course?

This is a program that combines training courses on various subjects (mathematics, physics, etc.) and classes in a foreign language. They are meant to

"adapt" student knowledge of the basic disciplines to local standards and improve his language. Additionally, he met with the training methods and procedures in the country where he's going to continue training. He is taught to plan activities, exams, and so These items can be useful even for those who already graduated a year or two in the Kazakh University. The choice of subjects which are studied by the students of Foundation Courses, depending on their future specialization.It should be noted that all of the Foundation program requires a fairly good knowledge of a foreign language - for example, at the level of 4.5 - 5.0 points in the test or **IELTS** 500-525 score in **TOEFL PBT**.

Higher education institutions in the UK are divided into three types.There are colleges (Colleges of Higher Education), which, like the universities, assign academic degrees (bachelor level) and issue diplomas of higher education. But unlike universities, they are highly specialized educational institutions in areas such as art and design, music, performing arts, education.There are Polytechnic institutes (Polytechnics), which usually acquire the engineering professions (they gradually tighten the programme level and teaching to the University, whereby the boundaries between them began to fade. Some institutions have already received the status of universities.There are University colleges, which, as a rule, are part of universities. Finally, there is the traditional universities, which, as before, are centers of academic education and research.

Now in the UK there are a total of 102 University, most of them public. The duration of training depends on the chosen specialty and to the degree that the student intends to receive upon completion of education.Bachelor's degree programme (Undergraduate courses) on average 3-4 years of study (in England and Wales is 3 years, Scotland - 4 years), after which graduates receive a bachelor's degree - either a regular or honours (BA/BSc with Honours). There are several types of undergraduate degrees:

BA - bachelor of arts;
BSc - bachelor of science;
EEng - bachelor of science;
LLB - bachelor of law;
BMus - bachelor of music;
BEd - bachelor of pedagogy;
BM - bachelor of medicine.

The names of the degrees in different universities sometimes different, there are exceptions to the rule.Bachelor Degree is the first degree of higher education. The first two years students study a wide range of basic subjects, and then another two years to dedicate special subjects of their selected profile. British universities inherent flexibility of curriculum. Students have the opportunity to explore a wide variety of subjects, even if they are taught in different faculties. The learning process is built on such forms of learning lectures, seminars, tutorials (individual classes the student and the teacher) and

independent work. Practice in comparison with Kazakhstan's reality is a little, but the apparent freedom does not mean that it is easy to learn or even not necessarily. The fact that the British used to take control of their classes, so our system of accounting for and control them to anything. This degree is recognized throughout the world. Which gives a higher chance for a successful professional career in any country.

A bachelor's degree is a prerequisite for the continuation of study in the following graduate (Postgraduate Courses) level of education master's degree and doctorate. Postgraduate training (Postgraduate education) is an academic course on the basis of higher education.Foreign students are encouraged to take a preparatory course, the so-called Pre-Master's Programme lasting from 1 to 3 semesters, depending on the level of English language proficiency and General theoretical training. The program combines language training for academic purposes and study of subjects that give students the skills necessary for the graduate program.

Education to receive a master's degree (Master Degree) takes over a year after you receive it for three years you can get training for the degree of doctor of Sciences (PhD), i.e. there are two large groups of programmes leading to masters degree. This program focused on research activities and training programmes aimed at improving the professional level in one of the specializations. Training of the master's program is organized as follows. After 8-9 months of lectures and seminars give up exams, and then students within 3-4 months doing a thesis project. According to the results of examinations and defense of the thesis are awarded the master's degree.

Types of postgraduate degrees:

PGCE, Postgraduate Certificate in Education Certificate in education; DMS, Diploma of Graduate Studies - graduate Diploma in management; MA, Master of Arts - Master of arts; MSc, Master of Science - Master of science; MBA, Master of Business Administration - Master of business administration; LLM, Master of Law Master of law.

Typically, students do not finish their education at this level and continue its research with the aim of obtaining the degree of doctor (PhD Degree). Most programs leading to the doctorate is purely research projects. No lectures or training seminars usually not performed. Usually at the end of the research program takes 2-3 years. By the end of this period the student must publish the results in official records. In scientific or professional journals and published materials to write a dissertation. A doctorate degree is awarded after successful defense of a thesis.

Литература

1. Кусаинов А., Качество образования в мире и в Казахстане.
2. www.ya-student.kz/higher_education/summary.
3. charko.narod.ru/tekst/an7/3.html.

ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСА

А.Е. Есенова
Высшая Школа Образования Назарбаев Университета, Астана

Казахстанский исследователь дискурса А.И. Сванкулов отмечает сложность составления единой типологии дискурсов, ссылаясь на то, что «критерии выделения различных типов дискурса лежат в разных, иногда плохо сводимых областях: коммуникативной сфере общения, разнообразных видах деятельности, политических или социальных институтах, принадлежности к научной дисциплине» [17: 151-154].

На данный момент в научной литературе встречается большое число различных классификаций дискурсов. Наиболее частотной является разделение дискурсов по жанру. Т.И. Попова предлагает основывать типологию дискурсов согласно учению о функциональных стилях языка. Установки говорящего выражаются в классификации отношений субъекта речи: нейтральное, экспрессивное, эмоционально–окрашенное. На основе событийно – содержательного и личностного Т.И. Попова развивает типологию дискурса в виде модусного и диктумного типов. К полю диктумного типа Т.И. Попова относит научный дискурс, дискурс профессионального общения, дискурс запроса и получения информации в ситуациях бытового общения. Модусные типы дискурса включают в себя художественный дискурс, аксиологический дискурс (политический и правовой дискурс, дискурс нравственных ценностей, религиозный дискурс, дискурс экзистенциальных ценностей), дискурс повседневного личного общения (семейный дискурс, дискурс дружеского общения и тд.) [13: 46-48].

В.И. Карасик предлагает разделять дискурс на два вида: персональный и институциональный. В персональном дискурсе говорящий определяется как личность, в то время как в институциональном мы можем рассматривать говорящего как представителя определенного социального института. В.И. Карасик уточняет, что персональный дискурс наблюдается в двух видах: «бытовом и бытийном видах общения», а рамки институционального дискурса определяют статусно - ролевыми отношениями [9: 5-20].

По нашему мнению, наиболее систематизированная типология дискурсов принадлежит казахстанскому ученому Г.Г. Буркитбаевой, которая включает в себя 26 видов дискурса: военный, газетный, гастрономический, деловой (бизнес – дискурс, административный, бюрократический), детский, искусствоведческий, магический, масс-медиа, медицинский, научный (академический), парфюмерный, педагогический, политический, публицистический, рекламный, религиозный, спортивный, технический, террористический, феминистский, художественный, экономический, электронный, этический, юридический [4: 16-20]. Рассмотрим основные виды дискурсов, имеющие ярко выраженные специфические характеристики.

Научный дискурс, по определению Л.М. Шайкеновой – это «особое использование языка для выражения особой ментальности, которое влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики. Научный дискурс, в конечном счете, создает особый ментальный мир» [21: 171-175]. Также Л.М. Шайкенова отмечает, что язык науки имеет свои экстралингвистические признаки: точность, абстрактность, логичность [21: 171-175]. Логичность является основополагающим принципом создания научных текстов. «Логичность языка науки стремится к логике описываемой науки, она вторична, является способом отражения и фиксации выводимости суждений по определенным правилам, основана на обязательной выраженности логических категорий и законов, на базе которых выводимость осуществляется» [21: 171-175].

Деловой дискурс в трактовке Г.Г. Буркитбаевой определяется как «конкретное, реализованное определенной группой людей в пределах конкретной коммуникативной интеракционной ситуации дискурса воплощение в текстах, выраженное в форме специальных жанров» [4: 16-20]. Деловой дискурс, как один из типов дискурса, представляет собой речевое взаимодействие людей в определенном виде деятельности – их профессиональной жизни [4: 16-20]. А.А. Аймолдина полагает, что специфической чертой делового дискурса является «ограничение круга субъектов и целей такого общения, направленных на достижение взаимовыгодных соглашений по обсуждаемым деловым вопросам» [1: 117].

Рекламный дискурс в работах А.Ж. Кайрамбаевой рассматривается как «особый вид прагматического дискурса, в котором восприятие рекламной информации осуществляется с опорой на глубинные структуры (пропозиции), характеризующиеся фреймовой природой, позволяющей формировать стереотипную ситуацию в сознании адресатов рекламы, побуждая их, таким образом, к потребительским действиям» [8]. Кайрамбаева А.Ж. выделяет следующие признаки рекламного дискурса: «информативность, интенциональность, модальность, авторитетность, антропоцентризм, манипулятивность, автономность» [8].

Юридический дискурс в теории А.И. Сванкулова – это «юридический текст в динамике, в процессе толкования и разъяснения, т.е. главной составляющей юридического дискурса выступает юридический текст» [14: 153]. А.И. Сванкулов выделяет основные жанры юридического дискурса с их конкретными разновидностями: «судебная речь, тексты законов и законодательных актов, толкование юридических терминов и понятий, акты экспертиз» [14: 153]. Юридический текст выполняет две функции: познавательную и предписывающую.

Педагогический дискурс, по мнению В.В. Карасика, преследует следующую цель: «социализация нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения), организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожи-

даемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов» [9: 209]. Т.Е. Ежова дает следующее определение педагогического дискурса: «объективно существующая динамическая система, функционирующая в образовательной среде вуза, включающая в себя педагогические цели, мотивы, ценности и содержательную составляющую образования, основанная на ключевых компетенциях участников образовательного процесса (социокультурной, коммуникативной, когнитивной, межкультурной, информационной), отражающая стилистическую специфику педагогического взаимодействия субъектов)» [6: 137]. Казахстанский ученый Никулина О.Ю. суммируя теорию Т.Е. Ежовой, отмечает, что педагогический дискурс может рассматриваться как «средство формирования дискурсивно-проективной компетентности будущих учителей профессионального обучения и в то же время, как речевая составляющая педагогической коммуникации, в которой проявляется уровень ее сформированности» [11].

Дискурс масс-медиа (массмедийный дискурс, медийный дискурс) по мнению отечественных лингвистов В.И. Жумагуловой, Р.Г. Сейдахметовой - это «любой текст, созданный журналистом, выступающим в качестве посредника между политическим событием или общественным явлением и массовой аудиторией» [7, 213]. И.В. Рогозина, анализируя особенности массовой коммуникации и характера взаимодействия журналистов и реципиентов отмечает, что «медиа тексты предстают как подвижные, регулируемые социально-речевые образования, обеспечивающие решение как коммуникативных, так и иных задач (включая общественно-политические) [14]. Г.П. Байгарина в своей работе «Публицистический дискурс СМИ как отражение иллокутивной модальности» полагает, что именно интенциональная составляющая текстов СМИ является специфической чертой данного типа дискурса и также характеризуется «яркой модусной семантикой» [2: 81].

Политический дискурс в современной научной литературе не имеет общепринятой формулировки. Казахстанский ученый Нурсеитова Х.Х. в своем исследовании «Специфика коммуникативного поведения женщин – политиков Казахстана в политическом дискурсе (на материале интервью средств массовой информации)» приводит два трактования данного термина. В узком значении, Нурсеитова Х.Х. суммируя положения теории критического дискурс – анализа Т. ван Дейка и Р. Водак, определяет политический дискурс как «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой: правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики» [12: 8]. Рассматривая политический дискурс в широком смысле, Нурсеитова Х.Х. следует положениям российских ученых: Е.И. Шейгал, В.Н. Базылева, А.Н. Баранова, Н.И. Герасименко, которые формулируют определение политического дискурса «как актуального использования языка в социально-политической сфере и, шире, в публичной сфере общения» [12: 8]. Также отечественный лингвист подчеркивает,

что тематика текста и его место в политической коммуникации определяют принадлежность текста к числу политических [12: 8].

Религиозный дискурс согласно трудам Е.В. Бобыревой рассматривается в широком и узком смыслах. В первом случае речь идет о «совокупности речевых актов, используемых в религиозной сфере», во втором случае российский лингвист рассуждает о «наборе определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, также о совокупности речевых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов, включая текстовые фрагменты, используемые в процессе религиозной коммуникации» [5: 10]. Для более полного понимания трактования данного типа дискурса, дадим формулировку термину «речевой акт». Казахстанский исследователь Темиргазина З.К. определяет речевой акт как «минимальную основную единицу речевого общения, в которой реализуется одна коммуникативная цель говорящего и оказывается воздействие на адресата» [18]. Особенностью религиозного дискурса согласно Топорову В.Н. является то, что первостепенное значение в религиозном дискурсе играет ритуал - «совокупность и установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо религиозного акта; выработанный обычаем порядок совершения чего-либо, церемониал; стандартный сигнальный поведенческий акт» [19: 446].

Медицинский дискурс в трудах Барсуковой М.И. предстает как комплексный речевой феномен, включающий в себя «лекции перед студентами, официальное и неофициальное общение с коллегами и младшим персоналом, общение с пациентом и его родственниками, ведение истории болезни, оформление больничных листов, справок» [3: 21]. Базовой ценностью медицинского дискурса является раскрытие концептов «здоровья» и «болезни».

Художественный дискурс в работах В.П.Руднева рассматривается сквозь призму «текста в его живом семантическом и прагматическом движениях: в контексте говорящего – автора, слушающего – читателя и породившей их культуры» [15: 4]. Также В.П. Руднев отмечает следующую индивидуальную черту данного типа дискурса: «составляющие художественный дискурс предложения создают представление о вымышленной реальности» [15: 4]. Самарская Т.Б., Мартиросьян Е.Г. развивают следующее определение художественного дискурса: «социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, личные знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку изменить «духовное пространство» человека и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию» [16].

Спортивный дискурс в исследовании Малышевой Е.Г. изучается как «особый тип институционального дискурса, который организован по принципу поля и состоит из системы дискурсивных разновидностей, объединенных прежде всего общностью спортивной тематики и концептуальных (со-

держательных) доминант» [10]. Центральными концептами в данном дискурсивном пространстве выступают концепты «спорт», «победа», «поражение».

На основе анализа многочисленных вариантов классификации дискурсов, предложенных отечественными и зарубежными учеными, мы приходим к выводу, что сферы общения, набор основополагающих концептов, интенциональность, коммуникативные ситуации, различные виды текстов, образующих дискурсивное пространство, являются теми признаками, позволяющими относить тот или иной дискурс к определенному виду.

Литература

1. Аймолдина А.А. Об изучении дискурса в Казахстане // Вестник ЕНУ. 2007. № 1(86). – с. 117.
2. Байгарина Г.П. Публицистический дискурс СМИ как отражение иллокутивной модальности. // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2008. №6 (114). - с. 81.
3. Барсукова М.И. Медицинский дискурс. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. - Саратов, 2007. – с. 21.
4. Буркитбаева Г.Г. Деловой дискурс. Онтология и жанры, - Алматы: НИЦ «Ғылым», 2005. – с.16-18.
5. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: Монография. — Волгоград: Перемена, 2007. – с.10.
6. Ежова Т.Е. Сущностные характеристики педагогического дискурса // Вестник ОГПУ. 2006. №1. - с.137.
7. Жумагулова В.И., Сейдахметова Р.Г. Общественно – политическая коммуникация в контексте социализации языковой личности //Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2007. № 7 (106). – с. 213.
8. Кайрамбаева А.Ж. Полипарадигмальное описание рекламного дискурса (на материале наружной рекламы г. Павлодар). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кемерово: 2012 [электронный ресурс] Режим доступа: http://cheloveknauka.com/poliparadigmalnoe-opisanie-reklamnogo-diskursa#ixzz31FKC3Rly
9. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. научн. тр. Волгоград: Перемена, 2000. - С.5-20.
10. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Малышева Елена Григорьевна; [Место защиты: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского]. - 46 с.
11. Никулина О.Ю. Формирование дискурсивно – проективной компетентности будущих учителей на основе деятельностного подхода. [электронный ресурс] режим доступа: http://www.rusnauka.com/10_DN_2013/Pedagogica/5_132414.doc.htm

12. Нурсеитова Х.Х. Специфика коммуникативного поведения женщин-политиков Казахстана в политическом дискурсе (на материале интервью средств массовой информации). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филол. наук – Астана, 2007. - 28 с.
13. Попова Т.И. К вопросу о системе дискурсов в современном русском языке // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы всероссийской конференции. Том 2 – СПб.: 2001. – с. 46-48.
14. Рогозина И.В. Медиа - картина мира: когнитивно – семантический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд.филолог.наук. Барнаул, - 2003 [электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/media-kartina-mira-kognitivno-semioticheskii-aspekt
15. Руднев В.П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: автореферат диссертации на соискание научной степени д-ра филол. наук: спец. 10.02.04 / В.П. Руднев. – М.: 1996. – с. 4.
16. Самарская Т.Б., Мартиросьян Е.Г. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста. [электронный ресурс] режим доступа http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf дата 10.05.14
17. Сванкулов А.Э. О теоретических и прикладных аспектах юридического дискурса русского языка // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2007. №7 (106). – с. 151 – 154.
18. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Изд. 2-е, дополн. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2002. - 140 с.
19. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ, Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.:1995. – с.446.
20. Шайкенова Л.М. Ментальное пространство и научный дискурс // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2007. №7 (106). – с. 171-175.

INTERFAITH AND COUNTERACTION TO RELIGIOUS EXTREMISM

Н.Е. Жумадильдин, Б.Т. Кульбаева
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

The relevance of religious issues in modern society, the establishment of the consciousness of tolerance in the country, as well as the settlement of the situation in the country emerging as a result of destructive religious movements religious Agency for Religious Affairs was created for the purpose, "Religious Activity and Religious Associations" adoption of the law. Currently, the social sciences and humanities, including law and one of the major categories of secular religion. Emerging as the secular principle of the mod-

ern legal in many countries, is one of the main principles of interaction. Nevertheless, the secular concept defined in detail. The content of this concept entails discussions ayqındalmağanı different meaning. We will discuss the issue in the field of "secular" and "religious" ratio of important concepts.

Someone is divided into the secular religion and state, public service and education in harmony with their religious symbols, and argue that the free. Another concept of secularism constitutional rights of citizens, including the evaluation to ensure religious freedom. The secular nature of the state to another the interpretation of the concept of secularism external diversity concepts ultimately means that it is so difficult. We take into account that the concept of secularism capital, said that there are several aspects that must be considered.

First, the ideological point of view, a secular belief system based on the principles and positions in different approaches. In this context, the formation of a secular outlook, may play an important role in the system of scientific knowledge. However, scientific knowledge is an important element of the secular outlook, which does not include the contents.Second, secularism can be described as a system of values. Secular cultural phenomenon as the value of thinking styles and skills to fashion models from cultural phenomena. Third, political and legal point of view, the secular state control and regulation of social relations is disconnected from the religious law. Secularism and religion, not only divided and atheistic worldview and the other characterized in mind unacknowledged priority. The product of European civilization of modern secular state. It was on the basis of two process. First, secularisation, the second main concept of the European Renaissance humanism and anthropocentrism. European create a revolution in the minds of the idea of the Renaissance era thinkers Pico della Mïrandollanıñ one of the "human dignity on the word" work is: "Other images of the creatures we determined the legal framework. Well, you are human, you are not any compressed deal with your own destiny. I put you in the middle of the guidance system for the convenience of all the world's "attitude was demonstrated. That is a gift to their Creator and to determine their own fate. This idea was supported by the new thinkers heat. Montesquieu, Hobbes, Locke, Kant, Diderot, Rousseau, Voltaire disclose the nature of social thinkers, such as religion, not a magical world, the primary aim was to analyze the importance of public service and in life.

Currently, two types of relations between the state and religion in the world wide. According to the first, is disconnected from the religion of the state, the second state to a certain religion (namely, denominations or religious organizations) are given priority status or state. The state has the status of a religion (denominations or religious organization) has a number of features characteristic. For example, such a religion has the right to possession of the property or legal person, as well as financial or other material support to the religion of the

state and religion are a number of legal authority (marriage, civil status registration, etc.), to the education of children and youth active intervention, in some countries, priests will have the opportunity to talk politics.

Disabled in accordance with the nature of the state of religion in the state to refrain from interfering in the affairs of religion. All religions are equal and all of them in the state to the same standards. State authorities interfere in the internal affairs of religious communities (in case of violation of the law), which in turn held the positions of religious associations. Religious differences can not give support or assistance from the state. This type of access is called separacïonaldıq. Russia researchers believe that this approach is reflected in the type create the laws of the United States.

The state and religious relations and co-operation in the model to view the status of the Traditional officially recognized religion. The recognition of certain religious, traditional and spiritual life of the people living in this country due to the recognition of the importance of historical and cultural. Such that the rights of religious organizations in the state legislature. However, the actual status of the traditional religion may be different in each country. In some cases, it is limited to the description of the situation, the rule of law. Of the Republic of Kazakhstan "On Religious Activity and Religious Associations Act" in accordance with "the direction of the development of culture and religious life of the people Hanafi Islam and Orthodox Christianity recognizes the historical role of the" marked present, these confessions are not any special rights. But in some countries, including traditional religions Share law comprehensively considered the consequences of his acts. The Republic of Lithuania "Religious congregations and communities" law recognizes nine communities and traditional communities in the country.

Divided into traditional and non-traditional religions of their legal status in the country, and defines the relationship to them. In some countries, recognized as the only traditional monasteries and the moment can only confessions. At the same time, religious groups, for example, in accordance with the laws of the Republic of Lithuania, only twenty-five years after the expiration of the registration or change the status of traditional religions will be able to apply for the status of a religious organization that takes ten years later, it returned satisfied the request of the applicant.

You can see that the above-mentioned, the status of religion in secular countries in the society approved by the legislative basis. And State agencies shall be determined in accordance with the purpose of the value of their position in society, and religion. In this context, a prominent Russian philosopher I.A Ilyin with respect to the ratio of religion and the state: "the spirit of the accuracy of the Church and the state, status, goals and methods of action are to each other. Trying to impose itself on the power and prestige of the state of the Church unprecedented abuse, sin, and will pasıqtıqqa. And the power of the government to come to lose the reputation of the church trying

to impose their goal. Church and alienated from religion to establish trust for dishonest and unjust punishment, should not be able to take up arms for the war ... In this context, the church out of politics, its purpose is not the purpose of the policy, the policy is not a tool, not the status of the policy status " common sense says. However, the state and religion share a common goal - human dignity, honor, dignity, moral norms of public consciousness and the creation of basic prerequisites to being able to deeply rooted. Morality as a precious heritage of all religious principles, is found in the provisions of the law. An integral part of the moral and ethical principles of religion. A collection of religious Kanon (sacred principles, rules) governing mankind since the beginning of the development of public relations was the main system. World religions - Judaism, Christianity, Buddhism, Islam is not only spiritual and moral life of society, as well as a great contribution to the development of the legal systems of banks. For example, the Christian religion, Christianity, religious, moral every journalist for a long time, had a great influence on the social life of the part of the peoples of the world. The Bible, the Koran, the sacred Talmudic such as reflected in the books of religious principles and moral standards. For example, the Bible, in the preaching of Moses covenants on human well-being will be accepted moral standards and requirements. "Moses the laws of the" six days of work, the need to spend time on the seventh day, as well as respect for parents, murder, theft, false testimony of prohibition, the inability to see the requirements established by the prosecution.

Civil society as an integral element of a secular state regulates the activity of religious associations. Of the Republic of Kazakhstan "On Religious Activity and Religious Associations" in paragraph 3 of Article 5 of the Law on "Citizens' attitude to religion in violation of their civil rights, religious unlawful interference or their religious feelings, a revered dignity objects, buildings and places treatment is not allowed, "he said.

As we can see, a wide range of intellectual understanding. The intellectual does not deny religion and the secular nature of the state. First and foremost modern intellectual and humanistic values, including freedom of conscience and belief of the implementation of the free. Intellectual or denial of religious outlook and values the importance of their role in the life of society and the state and does not constitute discrimination. Sharing the intellectual freedom of every person's world view, recognition of the diversity of society in the field of spiritual consciousness. And intellectuals, the state provides the legal framework for the relationship between diversity. The secular nature of the state and civil society actors to comply with all the laws and rules of law, legal services and this will require the implementation of the legal framework. The state and society to the danger of an outbreak of religious hostility and intolerance, law, human rights and freedoms, increase the risk of foot printed so. The first situation is caused by religious fanaticism, in the second

case the field of legal nihilism. Dialogue, unity and understanding between the intellectual and based on the rule of law and secular state based on the opportunity to get rid of these risks.

Currently, the religious principles of tolerance is one of the most important issues in the field of public relations, extend the life experience. Tolerance protest signifies the ability and willingness to accept others in English, French style of the freedom of others in his thinking, behavior, means that respect for political and religious views. Assignment of tolerance in the eastern mercy, forgiveness, compassion sense. East of tolerance inherent in the concept of Kazakh people. Now in the native language as a synonym for tolerance, tolerance, patience words are used. In our opinion, tolerance, patience, patience as close to the concept of recognition. Of course, for centuries thoughts, behavior, body ingrained in our habits to get rid of one day. In other words, both sides must not exceed a certain limit. For all guided by the principles of the common people to be tolerant, behavior, attitude to show some good manners, human dignity, to prevent damage to the conscience. As we noted above, the meaning of the concept of tolerance in the languages of the peoples of the world to be very similar and calm manner. And the other the nature of self, identity and the right to the special nature of this recognition is the basis of the damage tolerance. Tolerance of other cultures, nationalities, religions, representatives of the social group communication, mutual understanding be prepared psychologically. Of course, for centuries taptawırındı thoughts, behavior, body ingrained in our habits to get rid of one day. In other words, this should be done in the direction of tolerance in the society.

Thus, society, especially among young people, religious tolerance, tolerant ethics and culture of the above-mentioned relation between the state and religious associations, legal and social aspects should be taken into account. Each religion has its own specific features, a better understanding of the basics of faith and prayer hope to promote mutual understanding between the devotees.

Литература

1. История эстетической мысли. – М., 1985. 149-150 б.
2. Монтескье Ш. Заңдар рухы туралы / ауд. А. Құлсариева. – Алматы: Үш Қиян, 2004. -532 б.
3. Религия и закон: Конституционно-правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организации: Сборник правовых актов. М., Институт религии и права, 1996. 29 б.
4. Формирование толерантного сознания в современном казахстанском обществе. Алматы, 2009. 242 б.
5. Қазақстан Республикасының «Діни қызмет және діни бірлестіктер туралы заңы». 11- Казан, 2011.

ГОРИЗОНТЫ РЕЦЕПЦИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА СОЛЬВЕЙГ В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

А. Журавская
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

А. Блок пришел в литературу в начале XX века – кризисное для культурного сознания России время кординальных мировоззренческих и художественно-эстетических трансформаций.

Л.К. Долгополов справедливо заметил: «Блок воспринимается нами как поэт, стоящий на пересечении нескольких исторических линий, и как представитель и выразитель переходной, кризисной эпохи, которая, наследуя прошлое, уже была чревата будущим» [4, 6]. Для современников и последователей А. Блок был *мастером* слова и художественной формы, что неоднократно подчеркивали А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, Р. Ивнев и многие другие. Как поэт-новатор, А. Блок формировался в творческом диалоге с культурной и литературной традицией. Круг его литературных ориентиров очень широк. Назовем только некоторых русских и западных писателей: В. Жуковский, А.Пушкин, Ф. Тютчев, А. Фет, Н. Некрасов, А. Стриндберг, Г. Ибсен и др.

Свой интерес к личности и творчеству Г. Ибсена Александр Блок обозначил как в литературно-критических статьях («Три вопроса» (1908), «От Ибсена к Стриндбергу» (1912) и др.), так и в лирике. Поэт писал: «…если бы меня заставили указать надежнейший фарватер в море новейшей литературы Европы, я бы поставил предостерегающий флаг над всеми именами, кроме имени Генрика Ибсена. Само собою разумеется, это не значит, что не надо исследовать моря, но я стал бы его исследовать, руководясь курсом корабля Ибсена» [1, 8, 68].

Проблемы взаимосвязи искусства и общества, роли и долга художника, новаторства языка искусства, отношений с традицией были актуальными в культурном сознании начала XX века. В литературной критике А. Блок настаивал на необходимости возвращения пьес, где глубокое нравственное содержание будет способно преодолеть пошлость и «душевный холод» окружающей действительности.

Г. Ибсена А. Блок считал «последним великим драматургом Европы» (статья «О драме» 1907 г.). Русского писателя привлекала гуманистическая направленность творчества норвежского драматурга, мастерство его стиля, поэтика «новой драмы», в которой большая функциональная нагрузка отводилась приемам символизации. А Блок характеризует Г. Ибсена как «писателя, так жизненно, как хлеб и вода, необходимого людям, а теперь, особенно, русским людям» [1, 8, 9]. Проблемы цели и смысла существования, жизненного пути, представленного в пьсах Г. Ибсена

картинами обретения опыта и формами самоидентификации героев, отвечали антропологическому поиску культурного и литературного сознания России того времени.

Показательной в этой связи является художественная интерпретация А.Блоком образа Сольвейг – героини лирической поэмы Ибсена «Пер Гюнт» (1867). Этот выразительный женский образ близок к блоковскому идеалу «вечной женственности». Сольвейг – крестьянская девушка, которая ждет возвращения своего возлюбленного Пер Гюнта из странствий всю свою жизнь. По концепции Г. Ибсена, именно она спасает заблудшую душу героя, являясь воплощением наилучших женских качеств: целомудренности, верности и доброты. Сольвейг появляется всего несколько раз за всю пьесу, однако играет ключевую роль в сюжете.

Сольвейг – вечная невеста, возлюбленная и, вместе с тем, «небесная мать» героя, мадонна. Она является антиподом Пера, воплощает собой совершенно иной мир, тот, от которого он ушел. «Сцены из мира Пера показывают нам текучую и непостоянную сторону бытия. Сцены из мира Сольвейг демонстрируют непреходящее, или, выражаясь словами из Библии, то, что остаётся после того, как всё исчезает, – веру, надежду и любовь» [3]. Звучат христианские мотивы: она – мать, ждущая возвращения «блудного сына»:

СОЛЬВЕЙГ. Я мать.
А кто отец? Не тот ли, кто прощает
По просьбе матери?
ПЕР ГЮНТ (*словно озаренный лучом света, вскрикивает*).
О мать моя!
Жена моя! Чистейшая из женщин!
Так дай же мне приют, укрой меня!
(Крепко прижимается к ней и прячет лицо в ее коленях.)
Долгое молчание. Восходит солнце [2, 635 - 636].

Солнце или солнечный свет все время сопутствует появлению Сольвейг. Само значение её имени дает подсказку: его можно перевести как «солнечная сила», «солнечный путь», или «очень солнечная», «с волосами ярко-золотого, солнечного цвета». Сольвейг озаряет светом опустевшую, бесплодную, запутавшуюся во мраке душу Пера. «Оказывается, лишь в мире Сольвейг Пер был самим собой. Сразу после того, как он просит Сольвейг приютить его в этом мире, его жизнь наконец озаряет солнечный свет. Таким образом, он, несмотря ни на что, переживает восход солнца, тролль внутри него испускает дух…» [3].

Сольвейг – очень характерный образ. Его популяризации и утверждению как символа женственности послужила музыка норвежского композитора Эдварда Грига, написанная для постановки пьесы на сцене (примечательно, что все балетные воплощения пьесы, в числе которых балет

Л.В. Якобсона, 1952, назывались не «Пер Гюнт», а «Сольвейг»). Генрик Ибсен сам обратился к Григу с просьбой создать музыкальное сопровождение. Он написал письмо композитору, где высказал свои пожелания о тех линиях сюжета, которые, по его мнению, особенно нуждаются в музыкальном оформлении. Э. Григ в основном следовал просьбе Г. Ибсена. Однако, создавая очаровательную, полную глубокого лиризма музыку, композитор показал и свою концепцию «Пер Гюнта». Он не пытался отобразить всю философскую глубину драмы, ее сатирическую основу, а «отразил именно те стороны, которые близко затрагивали его как художника: лирику, поэзию природы, народно жанровую сферу» [5, 266]. И это григовское видение драмы не искажало ее суть, а гармонично дополняло.

Э. Григ сконцентрировал внимание на позитивном пафосе пьесы. Это чистый духовный мир, мир возвышенных и благородных чувств, воплощенный в «солнечном» образе Сольвейг. В центре музыкальной концепции композитора стоит «этот пленительный, по-ибсеновски строгий и целомудренный образ» [5, 267]. Сольвейг – воплощение прекрасного, «вечно женственного», того, к чему стремится мятежная душа, в чем находит она оправдание и смысл жизни. Именно с «Песни Сольвейг», звучащей лейтмотивом всего произведения, Э. Григ начал создавать музыку к «Пер Гюнту». «Песнь Сольвейг» впоследствии становится одной из самых известных частей сюиты. «Колыбельная Сольвейг», к которой сводятся все сюжетные нити, завершает пьесу. Её прекрасная элегическая песня служит гимном высоких человеческих чувств.

Музыкальность образа Сольвейг означивается и в стихотворениях А. Блока. Стоит отметить, что музыкальность присуща всей его лирике. «Блоковский лиризм по природе своей музыкален, а не пластичен. Все очарование его не в эйдологии, не формовке и спайке образов, не в «философических раздумьях» и пафосе, а в ритмике, в музыкальном ладе стиха. Неслучайно Блок любит молчаливых, «обращенных в слух», и недаром у него все и вся поют, – и девушки, и глаза, и вьюга, и жемчуга, и свирель, и ночь» [6, 126-127].

В стихотворении А. Блока «Сольвейг», написанном в феврале 1906 года, лирический герой переживает духовный подъем после встречи со своей возлюбленной. Стихотворение строится на временной и пространственной оппозиции: прошлое – настоящее, земля-небо, что отвечает принципам символистского моделирования образа мира. Если до появления возлюбленной герой жил в «бедной и темной избушке» без какой-либо надежды, без «огней», то после встречи с ней герой освобождается от оков приземленности и обыденности:

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул –
Я топор широко размахнул!
Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту – весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой –
Полно соснам скрывать синеву! [1, 2, 74]

Он в упоении восклицает:
Это небо – твое!
Это небо – мое! [1, 2, 74]

С появлением Сольвейг в лирическом герое пробуждается жажда жизни, стремление вступить в борьбу с темными силами, сокрушить «вековые сосны», которые «скрывают синеву» неба. Перемены, происходящие в душе героя, соотносятся со сменой времен года в природе:

Ты пришла – и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу! [1, 2, 74]

Сольвейг не только появляется с приходом весны. Она сама – весна. Герой называет ее «невестой-весной», «весенней Сольвейг». Эпитет «зеленый» наполняется символическим значением, означивая связь образа героини и образа весны: «зеленый твой глаз мне блеснул», «Сольвейг! Песня зеленой весны!».

Художественный мир этого стихотворения отличается повышенной музыкальностью. Огромную роль в лирике поэта играло слуховое восприятие мира, отраженное в «звукообразах». Лирический герой когда-то «пел молитвы сосне», а впоследствии он «распевает хвалы» уже Сольвейг. С темой музыкальности обновленного мира связаны эпитеты «весна **загудела», «звонкий** топор», «Голос твой – он **звончей** песен старой сосны».

Событийная ситуация, положенная в основе лирического сюжета стихотворения «Сольвейг», отвечает лирическому дискурсу Г. Ибсена, но А. Блок разворачивает свою художественную версию ее интерпретации. Текст стихотворения отсылает к третьему действию «Пер Гюнта», что подчеркивается прямой цитатой в эпиграфе:

Сольвейг прибегает на лыжах.
Ибсен. «Пер Гюнт» [1, 2, 74]

Тип реминисценции А. Блоком «чужого текста», по классификации З. Минц, – мифема. Это значит, что в блоковском тексте воспроизводится «в свернутом виде… вся сюжетная ситуация (то есть и отношения персонажей, и их имена)» [7].

Стихотворение «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь» было написано А. Блоком в декабре 1906 года. Его текст лишен пафоса живого восторга и жизнерадостности, характерного для стихотворения «Сольвейг». Здесь лирический герой находится в состоянии тревоги, упадка. Он просит свою возлюбленную:

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь! [1, 2, 90]

И далее:

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы! [1, 2, 90]

В этом стихотворении пространственная картина мира означена бинарными оппозициями: высота-бездна и земля-небо. Лирический герой сомневается поначалу, к какому миру принадлежит Сольвейг:

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха - сова?
Чьи раздаются во мраке слова? [1, 2, 90]

«Зеленые злые глаза» характеризуют Сольвейг как персонажа мира инфернального. Однако уже в следующих строфах лирический герой обращается к Сольвейг как к представителю «верхнего», идеального мира:

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю - в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга. [1, 2, 90]

Он стремится приблизиться к ней, побороть темные силы, которые символизируют «лохматые тролли», спастись от отчаяния:

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне! [1, 2, 90].

Локус не конкретизирован, однако предметно-объектный ряд стихотворения (горы, тролли и др.) указывает на реминисценцию ибсеновского текста.

Образ Сольвейг здесь антиномичен и, как образ символической природы, он полисемантичен (выражает демоническое и божественное): наполненный светом, силой обновления природы, он выражает и загадочность человеческой души. Зеленые глаза героини в стихотворении «Сольвейг» веселые, а в «Сольвейг! О Сольвейг!..», написанном почти год спустя, уже характеризуются как «злые». Это дает основание для констатации динамики в семантике женского образа, который уже не ограничен сферой идеального, а связывается и с областью инфернального. Художественный мир, как и образная система этого стихотворения, моделируются по принципу антиномии и двоемирия, что соответствует эстетике символизма.

Таким образом, нами было установлено, что Э. Григ и А. Блок в процессе создания своих произведений ориентировались на художественную модель мира и лирический сюжет Г. Ибсена. Однако и А. Блок, и Э. Григ разрабатывают свою версию художественной интерпретации образа Сольвейг.

У Эдварда Грига философский и сатирический план пьесы не был отображен. Вместо этого композитор акцентировал внимание на лирической и этноментальной составляющей моделируемого художественного мира, воплотив идею просветления, возвышенных чувств в преисполненных нежности «Песни Сольвейг» и «Колыбельной Сольвейг». Именно Э. Григ в музыкальной интерпретации ибсеновской пьесы выделил ведущую партию образа Сольвейг, акцентируя особый его статус как символа вечной женственности.

Александр Блок воспринял Сольвейг как воплощение божественного начала в женщине, как символ возвышающей и очищающей любви. Ее появление в жизни лирического героя знаменует собой наступление весны в природе и нравственное обновление в душе героя. Сольвейг стала той, кто направляет на путь истины и благодетели.

Образ Сольвейг можно отнести к персонажному ряду лирики А. Блока, который воплощал идею «вечной женственности». В его ранней поэзии этот образ выражает духовное и даже божественное начало всего живого, являет собой гармонию, мир и красоту; вместе с тем, Сольвейг наделена земным обликом, а в более зрелой лирике – несет в себе и некий демонизм. Хотя концепция и структура образа Сольвейг с годами меняется, но его аксиологический статус в художественной антропологии А. Блока сохраняется. Этот образ вписывается в типологический ряд женских образов-символов, включающий образы Прекрасной Дамы, Незнакомки, Ночной Фиалки, Снежной Маски и др.

Литература

1. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / А.А. Блок. – М.: Наука, 1997 – 2010. – Т. 2. – 895 с.; Т. 8. – 587 с.
2. Ибсен Г. Собрание сочинений: В 4 т. : перевод с норвежского / Г. Ибсен; общ. ред.: В. Г. Адмони. – Киев : Искусство, 1956. – Т. 2. – 773 с. Бьёрн Хеммер. Ибсен. Путь художника: [Электронный ресурс] / Х. Бьёрн // Режим доступа: http://www.e-reading.club.
3. Долгополов Л.К. Александр Блок: личность и творчество / Л.К. Долгополов; отв. ред.: Д.С. Лихачев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л. : Наука, 1980. – 224 с.
4. Левашева О. Е. Эдвард Григ. Очерк жизни и творчества: Издание второе / О.Е. Левашева. – М. : Музыка, 1974. – С. 249-306.
5. Медведев П. Творческий путь А.А. Блока / П. Медведев // Памяти Блока. – Изд. 2-е. – Спб. : Полярная звезда, 1923. – 229 с.
6. Минц З.Г. Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока: [Электронный ресурс] / З.Г. Минц // Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/mints/papers/funkcija.html#0.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, ВЫРАЖАЮЩИХ ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ТРУДУ

З.Г. Зангиева, З.К. Темиргазина
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Предметом нашего исследования являлись пословицы и поговорки о труде. Любовь к труду, умение, мастерство, тяга к учению не могли не найти отражения в народном творчестве в силу их важности для людей. Труд играет наиважнейшую роль в жизни человека, поэтому естественно, что пословицы о труде занимают значительное место в пословичных фондах английского и русского языков.

Труд - необходимая составляющая жизни общества. Ни один народ не может существовать, не производя продуктов питания, одежды, жилья, орудий труда и пр. Люди давно поняли необходимость труда.

Национальный характер пословиц и поговорок и английского и русского народа определяется его бытом, обрядами, условиями труда, фольклорными традициями, особенным поэтическим взглядом на мир и т.д. Универсальность пословиц и поговорок, как отражение фольклора, составляет то общее, на фоне которого особенно наглядно может предстать национально обусловленные различия в мировосприятии, в частности в отношении к труду, если таковые имеют место.

Большая конкретность мышления и «реальность» проявляется в английских пословицах и поговорках. В русских же пословицах и поговорках конкретность небольшая, все, что описывается - несказанно прекрасно, чрезвычайно ужасающе, абсолютно нереально. Богатство фантазии русского человека и прагматичная сдержанность английского сказывается и в выборе постоянных эпитетов, определяющих средства, предметы и действия, о которых говорится в пословицах и поговорках.

Базой для сопоставительного анализа послужили пословицы и поговорки о труде. Проделанный нами анализ позволяет говорить о том, что в английских текстах концепт «труд» представлен 26 лексемами, количество словоупотреблений – 587: *make – 99 словоупотреблений, farmer – 82 c/y, plough – 58 c/y, milking – 42 c/y, to tie – 28 c/y, servant – 28 c/y, work – 25 c/y, to serve – 18 c/y, to build – 17 c/y, hunting – 17 c/y, lawyer – 16 c/y, to sow – 13 c/y, peddler – 12 c/y, to brew – 11 c/y, prentice – 11 c/y, to take – 10 c/y, fishing – 9 c/y, to reap – 8 c/y, serving man – 4 c/y, needle – 4 c/y, to hunt – 3 c/y, raking – 3 c/y, forester – 2 c/y, to hang – 1 c/y, to thrash – 1 c/y.*

В русских текстах концепт «труд» представлен 10 лексемами в 117 словоупотреблениях: *работать – 32 с/у, полоть – 23 с/у, пахать – 10 с/у,*

варить – 9 с/у, косить – 7 с/у, поливать – 7 с/у, пивовар – 6 с/у, шить – 6 с/у, набрать – 3 с/у.

Большая часть английских и русских лексем, представляющих концепт «труд» относится к сельскохозяйственному труду. Это такие лексемы, как *farmer – 82 с/у, plough – 58 с/у, to sow – 13 с/у, to reap – 8 с/у, полоть – 23 с/у, пахать – 10 с/у, косить – 7 с/у, шить – 6 с/у, набрать – 3 с/у.*

Примерами использования лексемы *to plough* в английских текстах могут служить предложения: *Plough it all over with a ram's horn And sow it all over with one peppercorn. And ploughit all over with a snail's horn,We'll reap and mow, ploughand sow.*

Лексема farmer представлена в словосочетаниях *a farmer's son–22 с/у и a farmer's daughter–19 с/у: A farmer's son sosweet Was keeping of his sheep; It's of a farmer's daughter dear, Kept sheep all on the plain.*

Глагол to sow употребляется в предложениях: *Plough it all over with a ram's horn And sow it all over with one peppercorn, And sow it throughout with one barley corn.*

Встречаются сочетания глаголов *to plough, sow and harrowuto reap, to plough, to sow: Tis delight some for a ploughboy One morning in the Spring To plough, sowand harrowAnd hear the small birds sing; Sometimes I reap, I plough, I sow, And sometimes I to the market go.*

В шести ситуациях находим сочетания с глаголом to reap: *Here is April, here is May, Here is June and July, O in August we'll harvest, we will reap and mow, In August we'll reap and mow.*

В русских текстах сельский труд чаще всего репрезентирован лексемой полоть, герой занимается прополкой лука и капусты: *Я во сад пошла, Во зелен пошла, Пошла луку полоть, Зеленаго полоть; Моя матушка не лиха, не добра, Призаставила капусту полоть.*

Кроме того, герой может пахать. Лексема пахать может входить в *словочетание пашеньку пахать 5 с/у. пашеньку пашу, на меже пролежу. Выпрягу лошадоньку, заброшу дугу. На солнышко погляжу, Я пашу, пашу, пашу, Да все на солнышко гляжу.*

Как видно из приведенных выше примеров, концепт «труд» представлен большим количеством лексем, обозначающих сельскохозяйственные работы. И в русских, и в английских текстах эти слова обозначают работу в поле или сбор урожая, что является общим для двух культур, так как работа в поле, сельскохозяйственный труд всегда имели первостепенное значение для двух народов.

Концепт «труд» также представляют лексемы, обозначающие определенное действие, работу, к ним можно отнести следующие слова: *work 25 с/у, работать 32 с/у, make 99 с/у. Глагол to make является самой частотной лексемой, называющей «труд» в английских песнях.* Эта лексема употребляется в таких словосочетаниях, как: *to make bed (25с/у): Where shall I make your bed? How shall I make your bed?; to make food(1с/у): Our*

captain cried: So my boys, I think it's the best, One of us must die to make food for the rest; to make a shirt(3 с/у): Say can you make me a cambric shirt? Примерами употребления русской лексемы работать могут служить словосочетания: работу работать (19с/у).

Труд в английском языке предстает как постоянное, "рутинное" занятие, порой поэтическое, но чаще лишенное всякого романтического флера. А лежебока едва ли не самый отрицательный персонаж, порицаемый и осуждаемый. *An idle brain is the devils workshop [Праздная голова - мастерская дьявола]; A lazy man is the beggar's brother [Лентяй - брат нищего]; Данные значения имеют аналоги и в русском языке, например: На полатях лежать - ломтя не видать; На чужую работу глядя, сыт не будешь.*

Леность и праздность в глазах большинства англичан с давних времен выглядят едва ли не основным пороком, а труд и прилежание - главными добродетелями. *Nothing to be got without pains [Ничего не достигнешь без боли];* У русского народа это значение реализует всем известная пословица Труд человека кормит, а лень портит. Следовательно, мы можем говорить о том, что как для русской так и для английской лингвокультуры лень является пороком.

На примере проанализированных нами пословиц и поговорок можно сказать, что в русских пословицах и поговорках присутствует некое давление, наставление, иногда даже угроза, От труда здоровеют, а от лени болеют; в то время как текст английских пословиц и поговорок представляет собой совет, предостережение. *Idleness rusts the mind [Праздность (безделье) ум притупляет];*

Таким образом, мы пришли к выводу, что в русских пословицах труд предстает как более тяжелое и изнуряющее явление, чем в английских; в русских пословицах и поговорках присутствует тематика того, что нет необходимости слишком усердно трудиться и спешить выполнять работу;

Дело не медведь, в лес не уйдет; На мир не наработаешься; Всех дел не переделаешь; в английских же пословицах и поговорках наоборот присутствует тематика того, что «надо трудиться, чтобы что-то получить», «работник оценивается по труду», «лень ведет к нищете и голоду»; Diligence is the mother of success (good luck) [Прилежание - мать успеха (удачи)]; Deeds, not words [Нужны дела, а не слова]; в русских пословицах и поговорках большая часть пословиц и поговорок выражает очень скептическое отношение к целесообразности труда, что объясняется социально-историческими причинами. От трудов праведных не нажить палат каменных; Из топора не богатеют, а горбатеют; Из-за хлеба на квас не наработаешь;

Тем не менее, было бы неверным утверждать, что, согласно всему представленному выше, англичане или американцы являются трудолюбивыми нациями, а русские ленивыми, не предающими значение труду

и работе. В английских пословицах и поговорках работа и труд также представляются в негативном свете, и выражается резко отрицательное отношение к труду, *Only fools and horses work [Работают только дураки и лошади];* а в русских пословицах и поговорках труд и работа представляются, как положительные, прибыльные, обязательные понятия, хотя и очень редко. Труд человека кормит, а лень портит; Без дела жить – только небо коптить;

К тому же неверным было бы судить об отношении к труду целой нации, основываясь лишь на отношении к труду, выявленному через призму пословиц и поговорок, которые составляют лишь небольшую часть составляющей языкового сознания, как английского, так и русского народа.

Концепт труда в языковой картине народа является лишь одной из многочисленных составляющих и, соответственно, не может отразить всей полноты ее облика. Подобное сопоставление, однако, заставляет думать, что русская языковая личность, наряду с уважением к труду, с большей халатностью относится к трудовой деятельности, чем английская. В свою очередь английская языковая личность больше внимания уделяет точности, добросовестности в работе. Однако положительная и отрицательная оценка труда, возможно, связана с различным осмыслением одного и того же концепта разными социальными группами, разными группами людей. Таким образом, на основании всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

Русскому человеку свойственно проявлять больше умеренности в работе и довольствоваться похвалой в качестве вознаграждения за работу, Поспешность нужна только при ловле блох; Скоро только блох ловят.

В то время как англичанина больше интересует материальная сторона вопроса. *Honour and profit lie not in one sack [Честность и выгода в одном мешке не лежат]*.

У английского народа более прагматичное отношение к труду, он склонен не преувеличивать результаты своего труда и не выражать к нему слишком эмоциональное отношение. *An oak is not felled at one stroke [Дуб не свалишь одним ударом]; Diligence is the mother of success (good luck) [Прилежание- мать успеха (удачи)]; Rome was not built in a day [Рим был не за один день построен]*.

У русских лень и безделье чаще всего порицается, Труд кормит, а лень портит; У лентяя Федорки всегда отговорки; но в тоже время приветствуется избегание тяжелого изнурительного труда. Хорошо бы орать да рук не марать; Нам бы так махать, чтобы мозолей не набивать.

Богатство и процветание в английском языке напрямую связано с добросовестным трудом, в отличие от русского языка, где такой четкой закономерности не прослеживается. *If a job is worth doing it is worth doing well [Если работу стоит делать, то стоит делать её хорошо]; Never do things by halves [Никогда ничего не делай наполовину]*.

Как в английском, так и в русском языке очень много образов животных, выражающих трудолюбие и добросовестное отношение к труду - пчела, птичка. В основном оба народа используют одинаковую лексику, обозначающую животных, для описания с ее помощь различных пословичных ситуаций. *The early bird catches the worn. Не велика птица - синица, да умница. Пой лучше хорошо щеглом, чем худо соловьем. Even a bad sheep gives a bit of wool. С паршивой овцы хоть шерсти клок.*

На основании всего вышесказанного, мы пришли к заключению, что, в целом русские и английские пословицы раскрывают идею о том, что труд, это то, что облагораживает человека, что является одной из главных составляющих его жизни, его социальной ценностью. И мораль, как русских, так и английских пословиц выражает именно это. Некоторые же отличия в оценке трудовой деятельности обусловлены особенностями национального характера русских и англичан.

Литература

1. Супрун А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексикологии // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Наука. – с. 26-31.
2. Сарыбаева М.Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках: Дисс…канд. филол. наук. – Алматы,1991. – с. 27
3. Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности: типология и динамика: Автореф. дис... докт. филол. наук. – Алматы: Ғылым, 1997. – с. 41
4. Екшембеева Л.В. Языковые модули и проблемы обучения. – Алматы: Қазақ университеті, 2000. – с. 165
5. Жаналина Л.К. Способы верификации знаний // Когнитивная лингвистика: концепции и парадигмы. Межвузовский сборник научных трудов: АГУ им. Абая. – Алматы,1999. – с. 3-14
6. Кунанбаева С.С. Современное иноязычное образование: методология и теории. – Алматы, 2005. – с. 262

THE IMAGE OF AN ENGLISH GENTLEMAN IN LITERATURE THROUGH THE STEREOTYPES (based on the material of literary works by Jane Austen “Emma” and “Persuasion”)

З.Г. Зангиева, Ж.К. Широкова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

The article considers the notion “stereotype” in English and reveals the special features of an English Gentleman in stereotypes on the material of literary works by Jane Austen “Emma” and “Persuasion”.

Key words*:* stereotype, gentleman, advantage of stereotype, disadvantage of stereotype, "the gentlemanly ideal", characters from two novels.

Purpose of the work:

- using the definitions of the concept "stereotype" from the entries of Macmillan Essential Dictionary find out how it can work in a specific period of the English literature (18th century),
- reveal features of some English Gentlemen in the works by Jane Austen.

Based on the Macmillan Essential Dictionary for learners of English which gives the definition of the concept “stereotype” as: “a very firm and simple idea about what a particular type of person or thing is like, especially an idea what is wrong” [1: 716]. And on the other hand, using the entry of the Macmillan English Dictionary for advanced learners providing the definition of the word “a gentleman” as: “a man who is always polite and honest and considers other people’s needs” [2: 591], we can unite such entries to determine the concept “an English gentleman’s stereotype” as follows: “a very firm and simple idea about what a particular type of person who is always polite, honest and considers other people’s needs is like, especially an idea what is wrong”. We intend to find out how the definition works in some literary works by Jane Austen in the terms of the notion “an English gentleman’.

Karen Hewitt investigates the concept of gentleman and states some pluses and minuses of it determine that “one advantage of a stereotype is that it enables us to respond rapidly to situations because we may have had a similar experience before”. And she also points out the disadvantage in “making us ignore differences between individuals; therefore we think things about people that might not be true (i.e. make generalizations) [3, 249].

In order to understand the literature of any country, we need to know something about the social attitudes of its inhabitants. As a small alternative we have chosen to look at some manifestations in life and literature of the English gentleman.

We examine the principle values of gentlemen because the values of the socially dominant group in a society tend to be reflected in its literature. Similar complex knots of attitudes and values are encountered by readers of English literature in later centuries through the meaning of gentleman which can be changed. For example, from the period of the Renaissance the notion “a gentleman” used the word as not too difficult to grasp. According to the historic and social circumstances a gentleman was well-born, a worldly and popular courtier, a skilled soldier, he had to be brave in combat, witty among his peers, considerate and respectful towards ladies, loyal to those to whom he has sworn loyalty, and tenacious of his honour. This model of a gentleman has been survived as a model in France until the Revolution, and in Russia throughout most of the nineteenth century.

The normal attitudes and expectations of gentlemen became standards of virtuous and moral behavior, because this social group made the rules. Here are a very recent commentator's attempts to sum up the notion 'the gentlemanly ideal".

We would like to define the main traits of a gentleman as a person who:

- he is understated in his approach to life,
- he celebrates sports, games and pleasure,
- he is fair-minded,
- he has good manners;
- he is in relaxed control of his time,
- he has independent means,
- rather steady under fire;
- A gentleman's word is his bond;
- he does not lie;
- takes pride in being practical;
- distrusts foreigners;
- spirited in public ;
- and above all keeps his distance from those below him" [3: 247].

We can compare characters of two "gentlemen" from two novels by Jane Austen. Although written at the beginning of the nineteenth century, the situations they describe are true for the middle and late eighteenth century.

Mr Knightly in *Emma* (1816) is a perfect gentleman. He is the richest man in the neighbourhood and an owner of Dowell Abbey (a country house) but he is very discreet about his wealth, showing respect and courtesy to everyone, particularly impoverished ladies. He is well aware of his status and his obligations as a gentleman. Above all, he is a responsible man. His land is preserved, the woods have not been destroyed by greed for timber, and the tenant farms are in excellent repair. Through these characteristics we can determine that Mr. Knightly corresponds practically all the traits of a gentleman mentioned above particularly like: takes pride in being practical, he is understated in his approach to life, he has good manners and he has good manners as well.

Jane Austen who does not normally indulge in lyrical outbursts says of the view of his estate: "It was a sweet view- sweet to the eye and to the mind. English verdure, English culture, English comfort, seen under a Sun bright without being oppressive" [3: 245].

By contrast, in *Persuasion*, (1817) Sir Walter Elliot, who represents an ideal English gentleman has the controversial traits of character nominating exactly as a person who has wasted his money, decides no longer keep up his estate and rents out his own country house to tenants while he retires to Bath, a very fashionable town. The tenants are a cheerful and decent couple, but Sir Walter's daughter, Anne, the heroine of the novel, is in no doubt that her father has deserted his duty. When he shows her the pleasant house in Bath where they

are to live, Anne must sigh that her father should feel no degradation in his change; should see nothing to regret in the duties and dignity of the resident land-holder; should find so much to be vain of in the littleness of a town…[3: 245-246]. So we can see that he doesn't correspond a lot of characteristics referring to a real gentleman except for his independent means, being spirited in public and being in relaxed control of his time.

In spite of the fact that these two men can be represented as "real gentlemen", they are quite varied in their behaviours and attitudes to life.

Through the author's point of view towards gentlemen we obviously can track Jane Austen's irony in describing both of them. Such author's' position can be approved by her own life experience which was rather tragic for a talented writer on the one hand, and an unhappy and unmarried woman on the other. But in spite of everything she didn't lose her special irony and unfulfilled dreams and desires.

Therefore, in conclusion we would like to add to the common definition of gentleman abovementioned, which was given by Macmillan English Dictionary, the following: they have a specific sense of humor, because their humor is more delicate than other people can possess.

Literarure

1. Macmillan Essential Dictionary for learners of English, 2003.861p.
2. Macmillan English Dictionary for advanced learners, 2002. 1691p.
3. Hewitt. K, Understanding English Literature, 1997. - 275 pp.
4. Зубанова О.В. Guide to English and American literature, М. Менеджер, 2011. – 224стр.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI вв.

Б.Х. Ибрагимов
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Исследования эволюции татарской прозы конца XX начала XXI вв. с различных теоретико-методологических позиций показывают особые моменты роста национальной литературы. Одним из ведущих направлений в этом процессе является изучение тех кардинальных изменений в способах повествования, которые привели к масштабному обновлению художественного языка творчества в конце XX – начала XXI столетия.

Изменения, которые происходят в современной теории татарской литературы, как и во всем литературоведении, объясняются особенностями

переходного периода. Переходный период характеризуется изменением методологических основ науки, изучающей литературу. Внешними

факторами, оказывающими на нее влияние, являются общественные, социальные и культурные условия. Как отмечает А.М. Закирзянов, состояние современной татарской литературы неразрывно связано с научно-теоретическими изысканиями и изменениями, происходящими в устоявшихся и ранее сформированных традициях. Новые тенденции, относимые к изменениям переходного периода, возникают исходя из опоры на прежние достижения; в то же время они обогащают опыт прошлого, дают новый толчок к развитию [9, 35].

Рассматривая внутренние факторы развития, в первую очередь, нужно отметить движение, связанное с внутренними закономерностями развития теоретической мысли. Обогащенный опыт, традиция в определенных условиях приходит к качественным изменениям, характеризующимся как нововведение. Татарская литература рубежа веков претерпевает такие изменения: издается множество произведений, обращенных к течениям модернизма, способам и методам, выражающим их основные символы. Таковы произведения Ф. Байрамовой, З. Хакима, Н. Гиматдиновой, Г. Гильманова, М. Кабирова и др. Их произведения, написанные в последнее десятилетие, требуют качественно иных подходов анализа и оценки, подчиненные новым требованиям времени. В-третьих, с появлением возможности изучения достижений русской и зарубежной литературы, начинается процесс освоения открытий и разработанных в данных областях терминов и понятий. В-четвертых, в области теории татарской литературы непрерывно ведутся специальные исследования новых направлений литературы. Благодаря стараниям ученых, работающих в данной области, делаются попытки обобщить результаты исследований теоретической мысли, дать объективную оценку литературному процессу современности в целом.

Считавшаяся долгое время базовой для изучения литературы минувшего столетия, как татарской, русской, так и зарубежной, категория «модернизма», лишившаяся в последние десятилетия узко оценочного звучания, нуждается в конкретизации и уточнении ценностного наполнения. Все большее значение приобретают подходы, нацеленные на выявление интертекстуальных связей в литературе, соединяющих между собой художественные тексты, по тем или иным признакам относящиеся к разным литературным направлениям. Если татарская литература начала XX века в обществе определяется как «разговор о явлении модернизма», импульс формирования новых тенденций в художественном сознании [6, 6], то конец XX - нач. XXI вв. предстает как предвосхитившая развитие художественного языка в сторону радикального отхода от принципов, определявших воспроизводство и восприятие художественных текстов на протяжении Нового времени.

Предмет научного исследования данной статьи составляют выявление особенности романа-трилогии Т. Галиуллина, относящегося к каче-

ственно нового литературного явления, получившего название интеллектуальной прозы.

Цель работы заключается в комплексной характеристике татарской интеллектуальной прозы как качественно нового художественного феномена, в значительной степени отходящего от принципов, лежавших в основе построения повествования в предшествующие исторические периоды.

«Интеллектуальная проза» - это термин, у которого, как и у большинства терминов, семантическое значение не совпадает с точностью со значением входящих в него слов. Это не проза интеллектуалов или для развития интеллекта. «Интеллектуальная проза» указывает на то, что текст предназначается для вдумчивого чтения, требующего напряжения интеллекта в процессе интерпретации прочитанного.

Для раскрытия понятия интеллектуальная проза, мы обратимся к термину интеллектуальный реализм. Как отмечает русский ученый Ю.Б. Борев «в произведениях интеллектуального реализма разворачивается драма идей и персонажи в лицах «разыгрывают» мысли автора, выражают различные стороны его художественной концепции. Интеллектуальный реализм предполагает концептуально-философский склад мышления художника. Если психологический реализм стремится передать пластику движения мыслей, раскрывает диалектику души человека, взаимодействия мира и сознания, то интеллектуальный реализм стремится художественно-доказательно решать актуальные проблемы, давать анализ состояния мира» [2, 428].

Как отмечают ученые, интеллектуальный реализм XX в. своими традициями восходит к литературе Просвещения (Вольтер, Дидро, Дефо, Лессинг, Свифт), а в России – к творчеству Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), Герцена («Былое и думы»), Чернышевского («Что делать?»), к «роману идей» Достоевского («Идиот», «Преступление и наказание»).

В татарской литературе интеллектуальная тенденция раскрывается в творчестве писателей конца XX – нач. XXI вв., таких как Г. Гильманов («Албастылар»), Р. Сибат («Ялгызак»), Ф. Байрамова («Канатсыз акчарлаклар»), а также роман-трилогия Т. Галиуллина «Саит Сакманов».

В конце XX века видный научный деятель, профессор Казанского государственного университета, известный литературный критик Т. Галиуллин, автор многочисленных рассказов, преподносит широкому кругу татарских читателей роман «Тәүбә» («Покаяние»), в дальнейшем автор пишет продолжение этой захватывающей истории – вторую и третью часть. Позже книга издается под общим названием «Саид Сакманов».

Трилогия «Саит Сакманов» привлекла особый интерес читателей и ученых. После появления данного объемного произведения в виде отдельной книги, была сделана попытка анализа данного сложного как в отношении сюжета, так и в раскрытии характеров в сложившихся новых историко-политических условиях.

Профессор Д.Ф. Загидуллина определяет роман «Покаяние», который был написан автором в 1994-1995 гг., как произведение, выражающие негативное отношение к современному социуму, к национальной политике тоталитарного государства [7, 330].

Отсутствие положительного героя, свойственного татарской классике, критическая оценка советской и постсоветской действительности – дает возможность молодому исследователю Р. Галиуллину придти к выводам по поводу новизны данного романа для татарской литературы [4, 24].

Т. Галиуллин преподносит читателю ситуацию 90-х годов, что, в свою очередь, становится поводом для размышлений о причинах преступности в современном обществе, об упадке общечеловеческих ценностей, особо обострившиеся после распада огромной страны и потери неких ориентиров в жизни. Описывая бесконечную череду убийств, борьбу за деньги, месть и предательство, писатель доказывает, что все это стало восприниматься некой нормой в обществе. Жестокость, бесчеловечность постсоветской действительности автор пытается раскрыть сквозь призму абсурдной логики. Понятие абсурда означает логический тупик, то есть место, где рассуждение приводит рассуждающего к очевидному противоречию или, более того, к явной бессмыслице и, следовательно, требует иного мыслительного пути. Понятие логического абсурда фиксировало у древних греков ситуацию рассогласованности в поведении и в речи. При анализе произведения обращает на себя внимание то, что в действиях, поступках главного героя романа – Саида Сакманова действительно присутствует рассогласованность. Внутренне противоречивое состояние героя проявляется в его деяниях по отношению к другим. Такой тип состояния человека присущ героям «переходного» времени, когда в стране все очень резко меняется. Это время сопровождается появлением полифоничности идеологий и взглядов, расструктурированностью стандартов социального поведения, когда резко усиливается духовная маргинализация основной массы населения, нарастает чувство «утраты основ», потерянности и «заброшенности» человека, но одновременно выявляются новые образцы социальной и политической инициативности, что обусловливает и распространение агрессивности отдельных лиц и слоев [6, 11].

Как отмечается учеными, обращающимися к анализируемому произведению Т. Галиуллина, «Все постсоветское общество в романе «Саид Сакманов» превращается в преступное пространство, не подчиняющееся общечеловеческим законам, отсюда и соответствующее поведение у героев романа [5, 330].

В романах, входящих в трилогию, автором удачно применяется прием игры: авторская интерпретация Саита в амплуа положительных героев советской литературы. Таковы описание службы героя в армии, в рядах доблестной милиции. Но, под влиянием изменившиеся условий жизни, в которых раскрывается главный герой романа, Сакманов рас-

крывается в совершенно ином, неожиданном направлении. Находясь в центре преступных групп, он сам превращается в преступника, вора в законе. Так, в татарской литературе создается совершенно новый тип героя, который отражает процесс демифологизации гуманистического представления о человеке. Как отмечает Д.Ф. Загидуллина, «Саит и не пытается противостоять социальному злу. Автор напрямую заявляет, что в подобном обществе герои, борцы за справедливость превращаются в преступников, в создателей и распространителей зла, а невинные люди становятся жертвами. Писатель заставляет читателя задуматься о перспективах такого существования» [5, 330].

События, лежащие в основе трилогии Талгата Галиуллина, возвращают нас на начало 1990-х годов, к перестройке и трудному выбору, перед которым оказались герои произведения. «На фоне перестроечной реальности, часто граничащей с абсурдом, автор пытается понять внутреннюю логику поступков главного героя, его превращения из вчерашнего комсомольского вожака, преданного интересам государства советского офицера в мафиози и олигарха. Вместе с тем, понимаешь, что ступить на эту жизненную стезю его вынуждают обстоятельства. В условиях «дикого капитализма» ему приходится прибегать к методам своих противников, лжедрузей.

Гибель близких, потеря друзей, предательство соратников – все это сильным потоком обрушивается на главного героя романа. Он и сам не раз оказывается на краю гибели. Несмотря на это Сакманов сохраняет человеческое достоинство, веру в справедливость. Даже будучи замешанным в противозаконных сделках, он оправдан своей добротой, человечностью, что и является абсурдным. Таких моментов в романе встречается нередко.

В финале романа роль «мирового судьи» отведена природе, которая играет значительную роль в раскрытии психологии персонажей. «Ярко-желтая луна с позиций своей бесконечности с крайним изумлением и непониманием взирала на безрассудные поступки детей Земли. Этим хрупким, как бабочки, существам дана одна-единственная жизнь, одно мгновение, и эту короткую жизнь они не умеют прожить красиво, не увязнув в грехах, в злости, в грязи, в ненависти друг другу. Ах, если бы луна могла говорить по-человечески, сколько ценных советов она могла бы дать с высоты своего положения, но, кроме как посылать на землю свои светлые волшебные лучи, ничего иного она сделать не в состоянии».

Запоминается в романе образ старика Ахмадши, который прошел войну и ГУЛАГ, но смог сохранить трезвый взгляд на жизнь, народную мудрость, отзывчивость и, самое главное, юмор и самоиронию. Его дополняет тихая, как тень, добродушная и верная жена – архетипы из прошлого. Таким образом, герои из серии «модерн» в романе дополняются архетипами, что делает противоречия более яркими и убедительными.

В романе-трилогии Талгата Галиуллина убедительно показаны масштабы коррупции, преступное бездействие чиновников безнаказанность тех, кто нажил миллиардные состояния, разграбив страну, предрекая отдельных слоев населения на нищенскую жизнь.

Необходимо подчеркнуть своеобразие стиля романа. Синтез достижений классической и массовой литератур, жесткого реализма и модернизма позволил автору умело использовать приемы психологического анализа, равно как и достижения детективного жанра, особенно при раскрытии душевных переживаний Саида, связанных с потерей любимой женщины, предательством партнеров по бизнесу.

Трилогия «Саид Сакманов» ставит писателя Т. Галиуллина в один ряд с признанными мастерами слова современности Стивеном Петером, Майклом Палмером, Робертом Дейли, Диком Френсисом. И ждет своего часа, то есть перевода на европейские языки [1].

Литература

1. Адиль А. Саид Сакманов - герой или антигерой? Размышления о трилогии Талгата Галиуллина "Саид Сакманов" // Республика Татарстан. – 2009. – 31 март, № 59 (26436).
2. Борев, Ю.Б. Эстетика: Учебник / Ю.Б. Борев. - М,: Высш. шк., 2002. С.428. – 511с.
3. Буренина О. Что такое абсурд, или по следам Мартина Эсслина. Абсурд и вокруг: Сб. статей / Отв. ред. О. Буренина. - М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 7-72. http://ec-dejavu.net/a/Absurd.html.
4. Галиуллин Р.Р. Эволюция детектива в татарской литературе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Казань – 2007. 24с. http://cheloveknauka.com/.
5. Загидуллина Д.Ф. Во имя высоких целей и духовности (к 75-летию профессора Т.Н.Галиуллина) // филология и культура. philology and culture. 2013. №2(32) С. 330. http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/72_0.pdf.
6. Доманов В.Г. Аттитюд. Словарь по политологии / отв. ред. В.Н. Коновалов. - Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. - 285 с. С.11.
7. Загидуллина Д.Ф. Во имя высоких целей и духовности (к 75-летию профессора Т.Н. Галиуллина // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 2(32) С.330. http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/72_0.pdf.
8. Загидуллина, Д.Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX век/ Д.Ф. Загидуллина. – Казань: Татар.кн. изд-во, 2013. С. 6
9. Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.).- Казань: Ихлас, 2011. С. 35 - 320 с.

МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИСТОРИИ ПОРТРЕТА В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ

Н.Д. Ивлева
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

В обстановке обострившихся в 1830-е годы споров об искусстве и борьбы за утверждение реализма как основного художественного метода, проблемы эстетики приобретали особенно важный и актуальный характер. Н.В. Гоголь посвящает решению этой проблемы ряд статей: "Несколько слов о Пушкине", "Скульптура, живопись и музыка", "Об архитектуре нынешнего времени", "Последний день Помпеи", "О малороссийских песнях", а также включенную в "Арабески" повесть "Портрет". Важно отметить тот факт, что для Николая Васильевича Гоголя искусство представлялось положительным началом, способным внести мир и гармонию в жизнь любого человека. Причем, понимание Гоголем прекрасного ни в коем случае не ограничивалось лишь эстетической сферой, оно было гораздо шире, включало в себя прекрасное в природе, и мир "души" и "страстей" человека. По его мнению, искусство должно будить в людях благородные и возвышенные чувства. На это, в частности обращает внимание Ю.В. Манн, комментируя слова Н.В. Гоголя о свойственной итальянцам полноте художественного переживания красоты во время католических праздников («…может быть, это первый народ в мире, который одарен до такой степени эстетическим чувством, невольным чувством понимать то, что понимается только пылкою природою…»).

Ученый-литературовед пишет: «А это значит, что приверженность к искусству, к прекрасному выводится Гоголем (как и Шевыревым) из круга эстетических способностей и становится характеристикой национальной природы, в том числе и со стороны ее нравственности» [6, 175]. Такое понимание искусства выражено и в художественной прозе Н.В. Гоголя. Это касается даже тех его произведений, в которых, как кажется на первый взгляд, акцент сделан не на этическом или эстетическом, а на вмешательстве в судьбу художника сверхъестественного.

Одним из таких произведений, бесспорно, является повесть «Портрет», и, в первую очередь, именно первая ее редакция 1835 г., опубликованная в сборнике «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя». Вторая редакция «Портрета» является частью цикла «Петербургских повестей», где преобладает не только тема обманчивости внешнего блеска столичной жизни, но и затрагивается тема творчества и художника.

Зададимся вопросом, почему именно портрет стал ключевым образом, структурообразующим центром произведения? Среди всевозможных предметов Гоголь выбирает именно его, в буквальном смысле назначая

вершителем судьбы бедного Черткова. Не потому ли, что издавна портрет имел магическое значение, служа заменой (двойником) живого человека?

На наш взгляд, есть все основания судить о портрете как аналоге чуринг – священных предметов из камня или дерева в первобытном обществе. «С ними, - пишет доктор исторических наук М.Ф. Альбедиль, - ассоциируются души предков и живых членов племени; чуринги – как бы их двойники, сакральные изображения. Вера в связь чуринги с человеком так сильна, что в случае порчи или разрушения чуринги человек заболевал. В символическом виде на чурингах часто изображали деяния мифических героев и тотемных предков. Обычно их хранили в священном месте, в тайниках и показывали юношам во время обряда инициации» [1, 62]. Дело в том, что для мифологически мыслящего человека реальное (человек, животное) и идеальное (его изображение) тождественны. Поэтому портрет и может быть наделен силой, характером, привычками, способностью действовать того, кого он изображает. В нем, в портрете, может продолжиться земное существование изображенного. Именно поэтому, умирая, Петромихали требует от живописца воплотить его в полотне. «Я узнал, - признается ростовщик, - что половина жизни моей перейдет в мой портрет, если только он будет сделан искусным живописцем. Ты видишь, что уже в глазах осталась часть жизни; она будет и во всех чертах, когда ты докончишь. И хотя тело мое сгибнет, но половина жизни моей останется на земле, и я убегу надолго еще от мук» [3, III, 259]. То, что подобное представление о связи изображения и изображенного не было выдумкой Н.В. Гоголя, подтверждается многочисленными фактами.

К примеру, общеизвестный факт гласит, что во время судебных процедур в Древнеримской империи портреты императора были непременным атрибутом помещений, где проводились судебные заседания. Портрет служил напоминанием о том, что правитель присутствует и наблюдает за процессом. Обращаясь к повести, мы вспоминаем, что именно ощущение присутствия старика с портрета и испытывал Чертков. Акцент был сделан на «катастрофической живости глаз», которые, по словам самого художника, словно бы не выпускали его из виду ни на секунду.

Мотив портрета, оказывающего влияние на судьбу человека, становится популярным в литературе особенно со второй половины XVIII века, когда зарождается готический роман. Как правило, в нем идет речь об оживающем портрете родоначальника, который совершил преступление, за которое расплачиваются его потомки. Поскольку, пишет об этом жанре В.Б. Мусий, готический роман «проникнут дидактикой, формирует в читателе убеждение, что каждое преступление обязательно ожидает возмездие, родоначальник, изображенный на портрете, всегда является человеком, преступившим какую-то моральную заповедь. Оживая, он или же пытается остановить цепь преступлений, или же, напротив, побуждает их множить. Так или иначе, он включается в действие» [7, 203]. Позже мотив оживаю-

щего портрета будет усвоен романтиками. Особенно это показательно для «неистовых романтиков». Именно с кругом «неистовых» проблем, отражающих эстетику Ж. Жанена, связал искания автора «Портрета» В.В. Виноградов [2, 99]. На это обращает внимание и Я. Ланьлань, подчеркивающая то, что термин «портрет» в повести Н.В. Гоголя выделяется своим «мистическим» содержанием. «У Гоголя, - пишет исследовательница, - мистическая составляющая значения усиливается благодаря сюжету повести и тем прилагательным, которые образуют со словом *портрет* атрибутивные сочетания: *необыкновенный, странный, ненавистный, страшный, ужасный*» [5, 181].

Постепенно портрет подчиняет молодого художника своей магической силе. Показательно уже то, каким образом он оказывается у Черткова. Сначала изображение старика «с каким-то беспокойным и даже злобным выражением лица», с «резкой, язвительной» улыбкой заставляет биться сильнее сердце увидевшего его молодого человека. Затем начинаются торги. «Господин в плаще» предлагает одиннадцать, пятнадцать рублей… Чертков увеличивает ставки. «Цену наконец набили до пятидесяти рублей» [3, III, 229].

Таким образом, не только изображенный на картине старик, напоминающий «какого-нибудь скрягу, проведшего жизнь за сундуком» [3, III, 228], связан с мотивом денег, но и ситуация приобретения героем картины исполнена денежного азарта. Черткову удается победить в этом соревновании. «Вынувши из кармана ассигнацию, он бросил ее в лицо купцу и ухватился с жадностью за картину», - сообщает повествователь [3, III, 229]. Этот мотив свободы-несвободы от власти золота непосредственно связан с решаемой в повести темой искусства.

Художник, пишет, комментируя позицию Н.В. Гоголя относительно призвания художника, В. Денисов, «либо духовно растет в противоборстве со злом – и тогда развивает талант, сотворяя гармонию мира, повторяя красоту Божьего замысла, либо изменяет таланту ради низкого ремесла, золота – и становится филистером, богатеет, обкрадывая людей, лишая их духовных ценностей, уродует Божественное, а тем приближает дьвольский хаос и сам, как Чертков, становится его первой жертвой! Подобная продажа духовных благ за богатства земные постепенно разрушает Мир, ведет его к хаосу и гибели, - убеждает Гоголь» [4, 103]. Интересно, что во второй редакции эпизод торгов отсутствует. Хозяин просит за портрет «три четвертачка», Чартков дает «двугривенный» и получает картину, берет ее под мышку и тащит домой. В редакции «Арабесок», кажется, что он портрет не забирает. Темные глаза изображенного пугают его настолько, что Чертков отскакивает. Сообщается, что, не «смея и думать о том, чтобы взять его с собою, он выбежал на улицу» [3, III, 230]. Однако каким-то фантастическим образом портрет оказывается на стене его комнаты. Ни одно из «плоских изъяснений», которые приходят Черткову на ум, не помогает ему

понять, как это могло произойти. Портрет живет собственной жизнью. От него не избавиться, как от любого другого дара, полученного в результате контакта с демоническим. «Не бойся меня, - говорило странное явление. – Мы с тобою никогда не разлучимся» [3, III, 234]. И в самом деле, постепенно герой подчиняется магии старика с портрета настолько, что начинает испытывать определенное влечение, некий интерес и волнение к картине. Это означает, что демоническое постепенно проникает внутрь Черткова, становится частью его собственного «я». Подобное произошло с героем начатой чуть ранее (в 1833 году), но законченной в том же, что и первая редакция «Портрета» 1835 году, повести Н.В. Гоголя «Вий». Хома Брут, скакавший с ведьмой на спине, испытывал не только страх, но и «томительное, неприятное и вместе с тем сладкое чувство, подступавшее к его сердцу» [3, II, 156]. Показательна фамилия героя, содержащая в себе намек на связь с «чертом». Во второй редакции Н.В. Гоголь ослабит эту связь, назвав своего героя не Чертковым, а Чартковым. Пытаясь заснуть, Чертков все думал о бедности и нелегкой доле художника, испытывая на себе взгляд ростовщика с портрета и неспособность так или иначе не обратиться к нему мыслями или взором.

В «Петербургских повестях» сновидения наделяются особой функцией испытания души. Герой-сновидец предстаёт как своеобразный медиатор между этим и тем светом; блуждающая душа героя обнажает переживаемое им состояние кризиса, что выражается в потере ориентации, неумении ответить на вопросы «где» и «когда».

А.А. Слюсарь, комментируя эпизод сновидения героя, показывает, что неявный характер перехода героя к сновидению в первой редакции повести усиливает фантастический характер происходящего. Сновидение, - писал ученый, «оказывается лишь формой внушения, которым замещается возникновение и вызревание решения изменить судьбу. Фантастичность должна подчеркнуть пагубность намерения, навязанного извне. Но хотя выбор сделан, у Черткова возникают сомнения. После первого сеанса он испытывает чувство неудовлетворенности, и тогда, чтобы укрепить его решение стать модным живописцем, старик снова является во сне. На этот раз он безмолвствует, но зато пересчитывает кучи денег, и у Черткова впервые возникает алчность к золоту. <>. Так начинается превращение художника в приобретателя» [8, 86]. Возможно, именно это и позволило портрету, который в первой редакции со всей очевидностью выдает в нем демонического персонажа, окончательно утвердить свою власть над душой художника, подчинить его себе.

Потому не случайно прототипом для оживающего портрета в повести Гоголя послужил ростовщик, пожелавший посредством портрета остаться в мире, приобрести бессмертие. В образе ростовщика, который всем одалживал деньги, впоследствии приносившие лишь несчастье, очень ясно присутствует ген мифа об Агасфере - «Вечном жиде», персонаже

христианской легенды позднего западноевропейского средневековья. Согласно легенде, Агасфер во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу под бременем креста оскорбительно отказал ему в кратком отдыхе и безжалостно велел идти дальше; за это ему самому отказано в покое могилы, он обречён из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа, который один может снять с него зарок.

Ростовщик – это человек, который в силу своих занятий связан с золотом, для романтиков наделенным демонической силой, а потому, возможно, сам дьявол, который приходит в мир, чтобы искушать слабых духом и сосредоточенных на физическом. Портрет в повести Гоголя – это не просто произведение живописи, раскрывающее сущность человека через его лицо, а вещь, собственно, ставшая лицом человека. Портрет ростовщика с живыми глазами – это символ материального начала в мире. Живые глаза на портрете – это символ нереализованной духовности человека, представшей в образе ростовщика. Это дух, ставший плотью, приобретший «наглядность», т.е. возможность заявить о себе в мире. Портрет ростовщика пребывает в мире и рассеивает томительные впечатления: оживающее изображение искушает материальным благополучием находящегося в крайней нужде художника как носителя идеального начала.

Портрет, ставший собственностью Черткова, руководит его дальнейшей судьбой. Если обратиться к мифологическому мировосприятию древних людей, для которых реальный человек отождествлялся с изображением на полотне, то можно утверждать, что преступавший моральные нормы в мире живых азиат-ростовщик, оживая на портрете, стремится продолжить свои дела, побуждает всякого, кто столкнется с портретом, множить их. А, дочитав произведение до конца, читатель может решить, что у него это, в общем-то, получилось весьма успешно, поскольку судьба когда-то подававшего надежды Чартоква загублена, а сам ростовщик, изображенный на портрете, просто исчез с полотна, вероятнее всего, готовясь появиться там вновь, когда придет его час. Но, возможно, обличив дьявола, людям, и в первую очередь, сыну создателя портрета, удалось лишить его силы. Исполнилось то, что предсказал ушедший в монастырь живописец. «Тогда же предстал мне во сне пречистый лик девы, - сообщает он сыну, - и я узнал, что в награду моих трудов и молитв сверхъестественное существование этого демона в портрете будет не вечно, что если кто торжественно объявит его историю, по истечении пятидесяти лет в первое полнолуние, то сила его погаснет и рассеется, яко прах…» [3, III, 266 - 267].

Впоследствии, а именно во второй редакции, Гоголь сознательно отказывается от играющей важную роль мистики и обращает внимание читателя на социальную проблематику. Тем не менее, само по себе произведение является глубоко философским, затрагивая тему влияния на судьбу человека не только других людей, но и потусторонних сил.

Литература
1. Альбедиль М.Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь / М.Ф. Альбедиль. – СПб.: Паритет, 2002. – 336 с.
2. Виноградов В.В. Романтический натурализм: (Жюль Жанен и Гоголь) / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. – М.: Наука, 1976. – С.76 – 100.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. / Н.В. Гоголь. – М.: Правда, 1984. – Т. 2. – 320 с.; Т. 3. – 336 с.
4. Денисов В. Первые петербургские повести Н.В. Гоголя: типология героев и методология автора / Владимир Денисов // Гоголезнавчі студії: Вип. 2 (19). – Ніжин: НДУ імені Миколи Гоголя, 2012. – С. 95–108.
5. Ланьлань Я. Термины изобразительного искусства в художественном тексте (повесть Н.В. Гоголя «Портрет») / Янь Ланьлань // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. – 2013. - №3. – С.179–184.
6. Манн Ю.В. Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835 – 1845 / Ю.В. Манн. – М.: РГГУ, 2012. – 552 с.
7. Мусий В.Б. Миф в художественном освоении мировосприятия человека литературой эпохи предромантизма и романтизма: монография / В.Б. Мусий. – Одесса: Астропринт, 2006. – 432 с.
8. Слюсарь А.А. О психологизме в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя / А.А. Слюсарь // Проблеми сучасного літературознавства: зб. науков. праць. – Одеса: Маяк, 1999. – Вип. 5. – С.76–95.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л.Н ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ» (ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД)

Г.Е. Имамбаева, А.Б.Ахметова
Инновационный Евразийский университет – Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Как считает критик А.П. Сергеенко, "место действия повести - Кавказ с его величественной и нежной природой", который Толстой смолоду очень любил. Повесть "Хаджи-Мурат" - до некоторой степени воспоминания Толстого о лучшей поре его жизни, проведенной на Кавказе. Очень была близка сердцу Толстого, и основная идея повести - идея борьбы" [1: 69-70].

Перед тем, как приступить к сопоставительному анализу художественных особенностей страдательных конструкций языка оригинала и перевода повести Л.Н. Толстого, хотелось бы привести слова великого пролетарского писателя А.М. Горького, который высоко ценил художественное мастерство "Хаджи – Мурата".

Известный писатель Всеволод Иванов передает его слова: "Да когда я читаю Толстого или Чехова, какое огромное спасибо я говорю им. И мне ка-

жется, что эти творцы умели выразить все. Разве можно написать "Хаджи - Мурат" лучше? Нам кажется, нет. Толстому казалось – можно [5: 3-45].

Психологический портрет Хаджи-Мурата дополняет речевая его характеристика.

Сопоставление страдательных конструкций русского языка с их передачей на казахский язык в рассматриваемых предложениях показало, - страдательный оборот может передаваться по-казахски сочетанием деепричастий прошедшего времени с причастием также прошедшего времени, который выполняет роль вспомогательного глагола: жасаурап, қызарып;

- также страдательной конструкции русского текста соответствует сочетание, состоящее из трех слов "жар салынған болатын", в которой вслед за аффиксом страдательного залога следует аффикс причастия прошедшего времени "ған";

- глагол страдательного залога "высылался" переведен страдательным "қойылатын", где за аффиксом страдательной формы следует аффикс – атын, показатель причастия переходного времени.

Следует отметить, что страдательный залог казахского языка в тексте художественной литературы редко употребляется в чистом виде, чаще всего он предстает в виде сочетания показателей страдательных конструкций с аффиксами таких форм глагола, как причастия и деепричастия.

Из сопоставительного анализа моделей предложения страдательных конструкций русского и казахского языков следует, что традиционное подлежащно-сказуемостное членение предложения отражает наиболее распространенную в русском языке номинативно-глагольную структуру высказывания. В основание для вычленения главных членов предложения, в частности, подлежащего, включаются два основных признака: формальный и структурно-смысловой. Формальный критерий предписывает подлежащему форму только именительного падежа, то есть является по существу морфологическим, структурно-смысловой-роль субъекта, носителя предикативного признака.

Модель предложения, в которой субъект характеризуется пассивностью восприятия, неконтролируемостью им своего физического состояния, наступающего непроизвольно, спонтанно, назовем, используя термин П. Адамца и М. Гиро-Вебер, деми-пассивной. П. Адамец и М. Гиро-Вебер применяли термины "деми-пассивная трансформация", "деми-пассивная модель" по отношению к безличным предложениям, в которых субъект как "пассивный воспринимать" физического либо психического состояния.

Тек жел тербеткен талдардың сыбдыры ғана естіледі .Кенет осы біркелкі сыбдырдың арасынан шие бөрілердің шулап, ұлығаны қыңсылап, қаңқылдағаны естілді.

(Перевод, с. 10)

Иногда страдательные конструкции, состоящие из сочетания глагола-связки "быть" с кратким причастием, которые могут быть переставлены

местами: глагол-связка стоит после краткого причастия "было слышно". Они передаются по-казахски тоже страдательной формой глагола переходно-настоящего времени "естіледі", а глагол с постфиксом -ся прошедшего времени - страдательным глаголом прошедшего времени "естілді", в котором заложен признак множественного числа.

Только что Авдеев встал и хотел налаживать опять трубку, как из-за шелеста ветра послышались шаги по дороге

(с. 365)

Авдеев түрегеліп, трубканы манағы шүнқырға орнатам дегенше болған жоқ, желдің сыбдырымен қоса жол бойынан аяқ, дүбірі естілді.

(Перевод, с.11)

Потом послышался говор на том особенном, гортанном языке, которым говорят чеченцы

(с. 365)

Русскому глаголу "послышался" соответствует перевод "үні келді"- сочетание составного именного сказуемого.

Онан соң шешен тілінде сампылдап сойлескендердін үні құлаққа келді

(Перевод, с. 11)

Роббер кончался, когда князь вернулся в гостиную.

(с. 368)

Князь мейманханаға қайтып келгенде, ойын бітуге жақын еді.

(Перевод, с. 13)

- Ваша рота завтра назначена в лес? - спросил князь Полторацкого.

(с. 368)

Известно, что в сложных предложениях казахского языка обычно придаточные предложения стоят перед главным.

Ертең орманға баратын сіздің рота ма? — деп сұрады князь Полторацкийден.

(Перевод, с. 13)

Подойдя к домику, в котором он жил с товарищем, он толкнул входную дверь, но дверь была заперта. Дверь не отпиралась.

(с. 369)

Часть сложного предложения с противительным союзом "но", сказуемое которого представлена сочетанием страдательного оборота "была заперта" передается на казахский язык сочетанием глагола неопределенной формы и вспомогательного глагола "екен".

Жолдасы екеуі тұратын кішкене үйге жетіп, ол есікті итерді, бірақ есік ілулі екен . Есік ашылмады.

(Перевод, с. 13-14)

Из сопоставления следует, что в основном страдательные конструкции русского оригинала передаются по-казахски страдательными формами. Подтверждением является параллельный ряд предложений, в которых

страдательный залог в обоих языках сохраняется независимо от того, утвердительное предложение или отрицательное.

В основном, предложениях признаки страдательного залога - отсутствие субъекта и направленность действия на исследуемый объект, как в русском, так и казахском языках сохранены.

Воронцов не мог отрицать, но разочаровал жену в том , что был не сам Хаджи - Мурат, а только лазутчик, объявивший ,что Хаджи - Мурат завтра выедет к нему в то место , где назначена рубка леса.

(с. 370)

Воронцов бұлтара алған жоқ, бірақ ол келген Қажымұраттың өзі емес, тек шолғыншы екенін айтып, әйелінің желігін басты. Шолғыншы Қажымұраттың ертең ағаш кесілетін жерде князьға жолығатынын мәлімдепті.

(Перевод, с. 15)

Краткое страдательное причастие "назначено" передано за счет причастия прошедшего времени с суффиксом -етін, который следует после аффикса страдательного залога. Следует обратить внимание, сочетания страдательных конструкций, как: "видны были", "слышны были", "не слышно было" предложений передаются глаголами страдательного залога: "көрінбейді", "естілмейді", "білінбейді" утвердительной и отрицательной формы. Анализ показал, что автор-переводчик повести Л.Н. Толстого пытается в основном сохранить временной отрезок предложений страдательных конструкции.

Подтверждением тому, являются вышеназванные предложения текста оригинала и перевода. Глаголы страдательного залога прошедшего времени по-казахски переведены страдательными конструкциями прошедшего времени. Например: "показалась" - "көрінді", "послышался"-"естілді".

Месяца не было, но звезды ярко светили в черном небе , и в темноте видны были очертания крыш саклей и больше других здание мечети с минаретом в верхней части аула. От мечети доносился гул голосов.

(с. 371)

Ай тумаған кез еді, бірақ қараңғы аспандағы сан жұлдыз жымың қағып, айналадағы үйлердің төбелері қарауытады, әсіресе ауылдың өр жағындағы мешіттің мұнарасы айқындау көрінеді.. Сол мешіт жақтан дабыр - дүбір сөз құлаққа келеді.

(Перевод с. 16)

Таким образом, послышался, слышалось предложений оригинала в переводе соответствуют формы будущего времени: "келеді", "естіледі". По лексическому значению их можно отнести к глаголам переходно-настоящего времени.

Известно, что в понятие "адекватный перевод" входят: соответствие подлиннику по функции (полноценность передачи исходного текста); оправданность выбора языковых средств в переводе.

Обратим внимание на перевод русского предложения: "Кому, что назначено" на казахский язык. Сравнивая предложение оригинала и перевода, мы можем сказать, что перед нами два совершенных по содержанию предложения. Л.Н. Толстой-писатель с резко выраженной индивидуальной манерой, поражавший яркой и необычной образностью, любящий свой язык и свой народ. В повести он использует русские слова, которые придают произведению красочный колорит, написанному в форме задушевного повествования. Совершенство К. Сагындыкова как переводчика мы видим не только в сравнении своеобразия писательской манеры Л.Н. Толстого, но так же и в том, что читатель перевода как бы переносится в ту сферу, в которой находится читатель оригинала и перевод действует на те же "нервы", передает то же художественное впечатление.

Кому, что назначено.

(с. 385)

- Әркім өз пешенесіндегіні көреді ғой

(Перевод, с. 26)

Грамматические, так же, как и лексические трансформации нередко требуют введения в текст перевода дополнительных слов и словосочетаний. Введение дополнительных слов бывает вызвано различиями в структуре ИЯ и ПЯ, когда более сжатые, но информативно насыщенные русские предложения требуют в казахском переводе расширенной передачи информации. Это можно пронаблюдать, сравнивая русский и казахский варианты предложений.

Автор перевода понимал своеобразие Толстого и по-своему передавал его, умея дать почувствовать читателю и эмоциональную окраску оригинала, и его ритм. Его перевод сделан живым, свободным от всякой условности языком. Однако, К. Сагындыков чрезвычайно свободно обращался с текстом повести Л.Н. Толстого, переиначивал его на свой лад вплоть до прибавления целых фраз и абзацев от себя, что можно сказать относительно некоторых предложений.

Перевод повести Л.Н. Толстого К. Сагындыковым на казахский язык считается образцовым, полностью заменяющий подлинник, при переводе текста художественной литературы автор особое место отводит вольному переводу.

Анализируя предложения русского варианта текста с предложениями казахского перевода следует отметить, что переводчик с целью точной и полной передачи содержания подлинника при условии строгого соблюдения норм переводящего языка, производит разнообразные преобразования, трансформации, которые сводятся к четырем элементарным типам таким, как: 1) перестановки; 2) замены; 3) добавления; 4) опущения.

Из анализа перевода повести "Хаджи-Мурат" казахского языка, видно, что лексические и грамматические трансформации тесно взаимосвязаны, тут в языке перевода мы имеем дело с лексико-грамматическими преобразованиями исходного языка.

Л.Н. Толстой, прекрасно знавший уклад народной жизни, суровой правдивостью, скупыми и точными словами рисует быт крестьянской семьи Авдеева. Отлично описан процесс крестьянского труда.

Одной из главных социально-нравственных идей творчества великого писателя явилась идея возрождения народа. Тончайший сердцевед, исследователь глубочайших тайников психологии людей, Толстой широко и настойчиво развивал идею возрождения человеческой личности. В его произведениях "идеи возрождения человека сливались с идеями возрождения народа." [4: 506]. Всей своей деятельностью гениального художника, глубокого мыслителя.

Толстой служил великой цели - "поторопить наступление нового века", в котором люди доброй воли смогут осуществить справедливое и гармоничное жизнеустройство [4: 506]. Раскрывая замысел повести, Л.Н. Толстой говорил: "Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух главных противников той эпохи Шамиля и Николая, представляющих вместе как бы два полюса властного абсолютизма- азиатского и европейского" [3: 5].

Таким образом, проанализировав предложения из произведения Л.Н. Толстого "Хаджи-Мурат", отметим следующее, что замечательны ярки художественные средства, использованные в повести. Обращает на себя внимание исключительная экономия при описании некоторых событий употребления форм страдательного залога русского языка. Именно в этом огромная сила художественного видения и правдивость деталей изображения. Действие и состояние, переданные через форму страдательных конструкций у Л.Н. Толстого лишены стандартных приемов. Он рисуется разными способами, в зависимости от места, занимаемого данным персонажем, совершающего это действие, в образной системе повести.

Огромную роль среди художественных средств повести играет пейзаж, хотя зарисовок природы в ней не так много. С помощью пейзажа автор передает движение, например, при изображении солдат "в секрете". Иногда пейзаж "включается" в действие.

Так, пытаясь уйти от погони, Хаджи-Мурат со своими нукерами въезжает на рисовое поле: "Рисовое поле, через которое надо было ехать, как это всегда делается весной, было только что залито водой и превратилось в трясину, в которой выше бабки вязли лошади" (глава 25). Чтобы показать, как помешало поле Хаджи-Мурату с его спутниками спастись от преследователей, автор передает это посредством сочетания глагола-связки с краткими причастиями и группой глаголов с постфиксами -ся,-сь: "было залито, делается".

Следует отметить, что характерные для языка Хаджи-Мурата и такие оригинальные обороты речи, как деепричастие в сочетании с формой, на первый взгляд с ним не сочетающейся. Пейзаж бывает созвучен настроению действующего лица, например, солнечное кавказское утро и радостное настроение Бутлера, счастливого тем, что он живет в таком прекрасном месте. (глава 18)

Таким образом, в переводе повести Л.Н. Толстого "Хаджи-Мурат" К. Сагындыковым в основном форма страдательного залога русского языка передается на казахский язык также формой страдательного залога, за редким исключением заменой страдательных конструкций другими видами залоговой системы, о которых говорилось выше.

Литература

1. Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке.// Вопросы языкознания. 1979.-N 6/ - С.69-70.
2. "Горький А.М. в воспоминаниях современников". М.1955.- С. 488
3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. - С. 5 -18
4. Каратаев М.К. История казахской литературы. Алма Ата,1971.-С.506
5. Толстой Л.Н. Избранные произведения./Вступит. статья поясн. Ломонова К./М. 1960.-С.3-45
6. Сергеенко П. П. "Хаджи-Мурат" Л. Толстого. М., 1983. - С. 7 -13

ОБРАЗ ГОРОДА КАЗАНИ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Г.М. Исмагилова
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Объектом исследования данной статьи является изучение проблемы разработки образа Казани в татарской поэзии указанного периода. В татарском литературоведении, работ, посвященных топосу Казани ограничен, что делает актуальным данную работу.

Казань – столица Республики Татарстан, один из культурных центров и древних городов нашей страны, крупный экономический и научный центр. Для татарского народа – это, прежде всего, духовная столица, объединяющая народ в единое целое, перенесшая в течение многих столетий эпохальные исторические события.

Казань – столица древнего народа и древней страны. Расположенная ныне в самом центре современной России, расположенная в восьмистах километрах к востоку от Москвы, Казань является столицей самобытного народа, у которого собственная культура, вековые традиции и праздники.

В отечественной, как и в татарской литературе создание образов “стольных” городов не нова. В многочисленных произведениях русской литературы прослеживается создание образ города Москвы, как пространство, где происходят основные события произведений. Интересен образ Москвы в поэзии М.Ю. Лермонтова; особое место созданию образа Москвы уделяется в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Своеобразный колорит образа

Москвы и москвичей в творчестве М.Н. Загоскина, в произведениях Л.Н. Толстого. Интересными примерами могут служить произведения М.А. Булгакова, который в своих полуфантастических произведениях создал точный и реалистичный образ той действительности, которая возникла в России после революции (роман «Дни Турбиных», повесть «Собачье сердце», роман «Мастер и Маргарита» и др.) где описывается жизнь Москвы 20-30-х годов XX столетия. Особенный колорит у Цветаевской Москвы.

Петербург – в произведении А. Пушкина «Медный всадник», Н. Гоголь «Шинель» – «мертвый», при этом «фантастический город», который имеет мистическую силу. При этом этот город в русской литературе также отражается как особое, духовное пространтсво, которое имеет символическое и психологическое значение. Петербург Гоголя-город необъяснимых событий, абсурда и ежедневных магии.

В русской литературе город – это не только определенное место, пространство, где разворачиваются события сюжета прозведения, а отдельный, самостоятельный образ. Здесь город – метонимия государства, пространственный образ, имеющий символическое значение.

В данной статье нас интересует проблема создания образа Казани в татарской поэзии XX столетия.

О Казани создано много легенд и преданий, таких как “Хан кызы Алтынчәч" (Златовласка – дочь хана), "Кабан күле" (Озеро кабан), "Алпамша" әкиятләре, "Туйбикә казаны" (Казан (котел) Туйбики, в которых сохранился дух восточных сказок.

Татарская литература издавна сформировалась в основном как деревенская литература, сотни и сотни произведений разных жанров посвящены раскрытию деревенской природы, образу жизни сельских жителей, особой философии, неповторимых образов деревенских жителей. В создании же городского образа, его особого колорита есть своя специфика. В этом и кроется, по нашему мнению, причина того, что не так много в татарской прозе и драматургии произведений, где бы был создан особенный колорит этого города. При этом в татарской поэзии XX века есть несколько десятков поэтов, которые связывают свою судьбу с Казанью, а также создают поэтический образ города. Начиная с Габдуллы Тукая и до Сибгата Хакима, от Хасана Туфана до Равиля Файзуллина обратились в своем творчестве к образу “татарской Мекки”. Казань – для них является источником вдохновенья, поэтическим отражением понятия родной земли.

Одним из первых в этом случае обращаемся к поэзии Г. Тукая, который воссоздал поэтический образ Казани, сохранившийся яркой в памяти татарского народа.

Осенью 1907 года Тукай приехал, как сам поэт отметит позже в своем произведении «Пар ат» (Пара лошадей) - в «Светозарную Казань» – колыбель национальной культуры и истории, чтобы посвятить себя поэзии, направить свою деятельность к общественным и творческим задачам.

Казань притягивала своей богатой и необходимой поэту культурной средой – газетами, книжными издательствами, театром, кругом людей, родственных Тукаю по мысли и духу. Здесь он сблизился и сдружился с молодежью, объединившийся вокруг газеты «Аль-Ислах» («Реформа»), которая выходила по инициативе писателя Ф.Амирхана и являлась одним из самых прогрессивных печатных органов того времени. Казань стала местом расцвета его таланта, его поэтической зрелости. Здесь он состоялся как поэт, журналист и как общественный деятель.

Стихотворение «Пара лошадей» передают чувства и ожидания поэта, возвращающегося из Уральска в Казань, где он проведет весь остаток жизни:

Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь,
И готов рукою крепкой кучер вожжи натянуть.
Свет вечерний тих и ласков, под луною всё блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.

Ожидания Тукая, связанные с Казанью особенно ярко выражены в последних строках

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий, молодой:
«Эй, шакирд, вставай скорее! Вот Казань перед тобой!»
Вздрогнул я, услышав это, и на сердце веселей.
«Ну, айда, быстрее, кучер! Погоняй своих коней!»
Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань.
О, Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!
Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливца ожидают милой гурии уста.
Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах.
(Перевод: А.Ахматова)

Казанскому топосу в творчестве поэта Г.Тукая уделяется особое, трепетное место. В стихотворении “Казан вә Казан арты” (1912, Казань и Заказанье) прослеживается определенная связь с современным городом:

О, Казань, стоишь на горе как большой подсвешник ты,
Твои мечети и церкви, все - как стройные свечи…

Далее поэт говорит о том, что все вокруг озарена светом Казани, что это она является величавым городом, который является светлым маяком для остальных. Далее интересно то, что здесь первечислены названия уездов того времени: Чистополь, Спас, Тетюши, Чебоксар, Мамадышево, Малмыж, что составляет топос вокруг Казани.

В стихотворении “Казан вә Кабан арты” (Казань и Закабанье) также находит поэтическое отражение образа Казани и озера Кабан, известного в народе мифопоэтическим осознанием. “Когда бы и на каком бы языке не упоминали величавую Казань, то, непременно, вспоминают также об одном озере – Кабан” – пишет поэт. Здесь также отражается любовь и

уважительное отношение автора к своему городу, его языку и истории. Это прослеживается также в стихотворении “Туган җиремә” (Родной земле)

Хоть юнцом с тобой расстался, преданный иной судьбе,
Заказанье, видишь, снова возвратился я к тебе.
Эти земли луговые, чувства издали маня,
Память мучая, вернули на родной простор меня.

Хоть твои хлестали волны – не пошел мой челн на дно,
Хоть твое палило пламя – не сожгло меня оно,
И поэтому я понял, край мой, истину одну,
Что душа равно приемлет и огонь твой, и волну.
Я постиг, что всё священно: и овин твой, и ручей…

Традиции изображения образа Казани продолжаются в творчестве поэтов последующего периода.

Определенное место созданию образа Казани уделено в поэзии Маджида Гафури. В стихотворении “Сөемибикә манарасы” – Минарет Суюмбики – нашло отражение сожаление поэта о былом величии Казани, и утрате государства. При этом, поэт отмечает, что Казань – это надежда всего тюркского народа. И в дальнейшем, в творчестве поэтов второй половины XX столетия образ Казани также оссациируется в центром, объединяющим народ, с ним связаны надежда на будущее и сокровенные мечты татарского народа.

Литература

1. Әмирхан Ф. Сеембике // Идел. 1991. - №2. - 4-6 б.
2. Зәйнуллин Д. Фажигаи Казан// Сеембикэ. 1994. - 10 октябрь.

ПОНЯТИЕ «ЛЮБОВЬ» В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Р.Р. Камалов, З.И. Саляхова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

В башкирских пословицах запечатлены отзвуки жизненного, трудового опыта и истории народа с древнейших времен по настоящий период, которые заключают в себе глубокие мысли о жизни, отражают культуру народа и общечеловеческие ценности. В них выражаются радость и горе, гнев и печаль, любовь и ненависть, ирония и юмор. Башкирские пословицы и поговорки обобщают различные явления окружающей нас действительности, помогают понять историю, общечеловеческие ценности народа, поэтому приобретают особое значение. Они не только усиливают вырази-

тельность речи, придают остроту, углубляют содержание, но и помогают найти путь к сердцу слушателя, читателя. Пословицы позволяют выразить мысль более ярко и убедительно. Башкирская народная мудрость гласит: *«Красна речь пословицей», «Пословица – ключ слова, поговорка – ключ души», «Пословица - украшение речи», «Речь с пословицей – умная речь, речь без пословицы, словно еда без соли».*

С древнейших времен башкиры понимали, что слово обладает удивительной способностью возвышать и унижать, вдохновлять на славные, великие дела и лишать смысла жизни. При оценивании характера и умственных возможностей человека, воспитанности принималось во внимание его речь. Башкирский народ во все времена с глубоким почтением относился к человеку, который умеет говорить разумно, последовательно, убедительно и к месту, по достоинству оценивал умную, рассудительную речь собеседника, прививал культуру речи подрастающему поколению. Об этом свидетельствуют башкирские народные пословицы и поговорки: *сладкое слово слаще меда; ласковое слово заставит танцевать и медведя; сладкие речи и змею из норы выманят; слово человека – безмен ума; развеселит – одно слово, обидит – одно слово; от жестокого слова ломается и ива, а от ласкового слова растает и камень; слово отцов – кладезь ума; украшение человека – лицо, украшение лица – глаза, украшение мысли – язык, украшение языка – слово* [1].

Понятие «любовь» в башкирских пословицах и поговорках занимает особое место. Любовь – это ценное, сильное и глубокое чувство, которая вдохновляет человека к добру, славным делам, поступкам, является создателем красоты и гармонии. Об этом свидетельствуют башкирские пословицы и поговорки. Например: *Мөхәббәт өсөн йән фиҙа* (букв.: *Ради любви человек готов творить). Мөхәббәт таш ярҙырта* (букв.: *Любовь вдохновляет находить силы для свершения побед). Мөхәббәт уты тамуҡ утынан ете өлөш артыҡ булыр* (букв.: *Огонь любви сильнее огня ада). Мөхәббәттең йәше юҡ (Любви все возрасты покорны). Мөхәббәткә үлем юҡ* (букв.: *Любовь не умирает)* [3].

Синонимами слова *“Мөхәббәт” (любовь) являются слова: яратыу (любить), һөйөү (любить), ғишыҡ (влюбленность), күҙ төшөү (положить глаз),* а антонимами: *нәфрәт (ненависть), күрә алмаусанлыҡ (презрение).* Речевые средства, обозначающие дружбу, любовь, симпатию, ласку (*бергенәм* – единственный мой; *дуҫым* – друг мой; *һөйөклөм* – любимый мой, милый мой; *бәпәйем* – ребенок мой, дитя мое; *бәләкәсем* – маленький мой; *ҡәҙерлем* – дорогой мой и т.д.) [2, с. 13], используются в речи и для выражения вежливости. Для передачи любви, уважения, почитания, симпатии и т.д. широко применяются башкирские народные пословицы и поговорки: *Һөйөү – сәғәҙәт (бәхет) (Любовь –счастье, благополучие)* [2, с. 14].

В башкирском языке можно выделить следующие виды значений понятия “любовь”:

1. Любовь к Родине, родной земле, родному краю, природе, окружающему миру. Например: *Ватанды һөйөү – үҙеңде һөйөү)* (букв.: *Любить Отечество – это то же, что и любить себя). Ватандан айырылыу һөйгәндән айырылыуҙан яманыраҡ* (букв.: *Покинуть Родину тяжелее расставания с любимой). Илен һөймәҫ кенә - телен һөймәҫ* (букв.: *Кто не любит свою Родину, тот и не любит свой язык).*

2. Любовь к родителям, ребенку, родным и близким, любовь к людям, к своему народу. Например: *Ата-инәһен һөймәгән ҡыҙ яман, ҡәрҙәш-ҡәүемен һөймәгән ул яман* (букв.: *Дочь плохая, если не любит своих родителей, сын плохой, если не любит родных).*

3. Любовь между мужчиной и женщиной. Например: *Матурлыҡ туйҙа кәрәк, мөхәббәт көн дә кәрәк* (букв.: *Красота нужна на свадьбе, а любовь нужна каждый день). Мөхәббәте юғалтыу еңел, ҡайтарыу ауыр* (букв.: *Потерять любовь легко, а найти трудно). Бер күктә ике ай булмай, бер күңелдә ике мөхәббәт булмай* (букв.: *Как на небе не бывает две Луны, так и в обной душе не бывает две любви). Мөхәббәтһеҙ сатыр ҡороп булмай* (букв.: *Без любви нельзя построить шалаш).*

Таким образом, башкирские народные пословицы и поговорки представляют собой сгустки народной мудрости, выражают проницательность и истину, проверенную многовековой историей народа, опытом многих поколений, помогают понять общечеловеческие ценности народа. Изучив башкирские народные пословицы и поговорки о любви, можно сделать вывод о том, что любовь вызывает положительную эмоцию в человеке, вдохновляет на славные, великие и добрые дела.

Литература

1. Башҡорт халыҡ ижады. 10 - сы том. 1 - се китап. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр. - Өфө: Китап, 2006. - 544 б.
2. Саляхова З.И. Средства выражения вежливости в современном башкирском языке // Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 20 с.
3. Әхтәмов М.Х. Башҡорт халыҡ мәҡәлдәре һәм әйтемдәре һүҙлеге. – Өфө: Китап, 2008. – 776 б.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

А.Б. Капустина, Т.Н. Кашапова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Уже на протяжении долгих лет английский язык является международным языком. Сегодня знание английского языка стало не только средством коммуникации, но и необходимостью. Те, кто думает, что англий-

ский язык никогда ему не пригодится, очень ошибаются. Знание английского языка может помочь с честью выйти из любой ситуации практически в любой точке земного шара. Для 377 миллионов человек английский - первый и основной, а еще для 98 миллионов - второй язык. В современном мире в значительной степени бизнес контролируется наднациональными консорциумами с многочисленными дочерними компаниями в различных странах мира. Условием приёма персонала на работу является способность свободно говорить по-английски. В двадцать первом веке просто невозможно преуспеть, не зная английского языка, являющегося сегодня средством международного общения. На английском говорят сотрудники Интерпола, авиадиспетчеры и участники спасательных работ в зонах стихийных бедствий, где точность передачи информации имеет первостепенное значение. Почти все важные книги или статьи появляются из печати или на английском языке или переводятся на английский.

Трудно ли овладеть английским языком? Можно сказать, что достаточно легко. На сегодняшний день разработано множество технологий преподавания английского языка. Каждый человек выбирает ту, которая является для него более легкой для восприятия. Но что же такое «технология?». Слово «технология» происходит от греческого слова «techne» - искусство, мастерство, умение и «logos» - наука, закон. Дословно «технология» - наука о мастерстве. Технология обучения - это совокупность методов и средств обработки, представления, изменения и предъявления учебной информации, это наука о способах воздействия преподавателя на учеников в процессе обучения с использованием необходимых технических или информационных средств.

Сегодня мы рассмотрим игровые технологии при обучении английскому языку в средней школе. Именно в средней школе дети сознательно и серьезно подходят к изучению иностранных языков.

Игра является мощным стимулом к овладению языком. Учебная игра воспитывает культуру общения и формирует умение работать в коллективе и с коллективом, а ее умелое использование на уроках вызывает у учащихся готовность и желание играть и общаться [4]. Игра, как форма организации урока выполняет следующие задачи:

1. Тренирует учащихся в выборе нужного речевого клише.
2. Способствует многократному повторению языковых единиц.
3. Создает психологическую готовность к реальному речевому общению [3].

Игровая деятельность в процессе обучения выполняет следующие функции:

1. Обучающая функция – развитие памяти, внимания, восприятии информации.
2. Воспитательная функция – воспитание такого качества как внимательное, гуманное отношение к партнеру по игре.

3. Развлекательная функция - создание благоприятной атмосферы на уроке, превращение урока в увлекательное приключение.

4. Коммуникативная функция - создание атмосферы иноязычного общения, установление новых эмоционально-коммуникативных отношений, основанных на взаимодействии на иностранном языке.

5. Релаксационная функция - снятие эмоционального напряжения, вызванного нагрузкой на нервную систему при интенсивном обучении иностранному языку.

6. Развивающая функция направлена на гармоничное развитие личностных качеств для активизации резервных возможностей личности [1].

Выделяют следующие формы игровой деятельности:

- индивидуальная
- парная
- групповая
- коллективная

Таким образом, игра - это:

1) Деятельность (в нашем случае - речевая).

2) Мотивированность, отсутствие принуждения.

3) Индивидуализированная деятельность, глубоко личная.

4) Обучение и воспитание в коллективе и через коллектив (А.В. Петровский).

5) Развитие психических функций и способностей.

Игра посильна практически каждому ученику. Случается так, что слабый в языковой подготовке ученик может стать первым в игре: сообразительность и находчивость здесь оказываются более важными, чем знания в предмете. Чувство равенства, атмосфера увлеченности и радости, ощущение посильности заданий - все это дает возможность ученику преодолеть стеснительность, мешающую свободно употреблять в речи слова чужого языка, снижает боязнь ошибок, и благотворно сказывается на результатах обучения.

Игры помогают нам сделать каждый урок интересным и увлекательным, развивают познавательный интерес, творческую, мыслительную активность учащихся. Игры приближают речевую деятельность к естественным нормам, развивают навык общения, способствуют эффективной отработке языкового программного материала, обеспечивают практическую направленность обучения. Игра снимает напряжение, непроизвольно побуждает учащихся к активному участию в учебном процессе, стимулирует и интенсифицирует его, а также вызывает интерес к изучению иностранного языка. Веселый смех детей, желание говорить по-английски служат показателем заинтересованности, увлеченности их иностранным языком.

Конечно, данная технология кроме положительных сторон имеет и отрицательные составляющие. Игровая технология подходит не для ста процентов учеников. Прежде всего, бесспорным фактом является разная

степень подготовленности школьников. Следует отметить и тот факт, что учебный материал на разных ступенях обучения может усваиваться учащимися одного и того же класса по-разному: одни легче усваивают лексику в силу хорошо развитой механической памяти, у других более развито слуховое восприятие, поэтому они успешно справляются с заданиями по аудированию и т.д. Кроме того, у всех детей разный склад мышления.

Изучение интересов и склонностей школьников, их учебных возможностей, а также анализ перспектив развития этих возможностей должны послужить исходным моментом в совершенствовании традиционных форм обучения иностранному языку и более глубокому изучению интерактивных форм обучения иностранному языку. Конечно, осуществить все это на практике не так легко, как может показаться на первый взгляд. Основная трудность заключается в подборе и использовании заданий дифференцированной степени сложности.

Существует несколько классификаций игр, однако необходимо подчеркнуть, что все они условны. Так, одни подразделяют игры на языковые и коммуникативные, другие на игры на взаимодействие и игры на соревнование, третьи выделяют лексические, грамматические, фонетические и орфографические [2]. На уроках английского языка, для достижения более эффективного результата я считаю нужным использовать следующие игры:

1) Ассоциации.

Капитан одной из команд обращается к одному из членов другой команды, называет какое-либо слово, например “water”.

Тот ученик должен быстро назвать подходящие слова.

Ex. water: a fish, a boat, a wav, a swimmer, a ship, etc.

Если играющий не смог быстро подобрать слова, он выбывает.

2) Моя тетушка пошла в город и …

Учитель объясняет, что ученики должны дополнить фразу My aunt went to town and bought… словом, обозначающим предмет школьного обихода или одежды.

Pupil 1: My aunt went to town and bought a book.

Pupil 2: My aunt went to town and bought a book and a bag.

Pupil 3: My aunt went to town and bought a book, a bag and a ruler.

Если ученик не может назвать своё слово, он выбывает из игры.

3) Guess it.

На закрепление общих вопросов. Ведущий загадывает какой-либо предмет, находящийся в классе. Пытаясь угадать предмет, ученики задают только общие вопросы, на которые ведущий отвечает "да" или "нет" (число вопросов ограничено). Побеждает команда, которая отгадает предмет, задав меньшее количество вопросов.

Ex. Is it a thing? Is it on the wall? Can I see it? Can I eat it? Is it white?

Таким образом, следует констатировать, что игра - это эффективный способ повышения качества и продуктивности обучения иностранному

языку. Использование различных игр на уроке даёт хорошие результаты, повышает интерес ребят к уроку, позволяет сконцентрировать их внимание на главном - овладении речевыми навыками в процессе естественной ситуации, общения во время игры. Совместные творческие игры сближают и взрослых, и детей. [5]. Игра, введенная в учебный процесс на занятиях по иностранному языку, в качестве одного из приемов обучения, должна быть интересной, несложной и оживленной, способствовать накоплению нового языкового материала и закреплению ранее полученных знаний. В зависимости от условий, целей и задач, поставленных преподавателем иностранного языка, игра должна чередоваться с другими видами работы. При этом важно приучать детей разграничивать игру и учебное занятие.

Апеллируя к высказыванию Конфуция «Скажи мне – и я забуду; покажи мне – может быть, я запомню; вовлеки меня – и я пойму», можно утверждать, что урок с применением игровых технологий – это оптимальный опыт активного сотрудничества учителя и ученика.

Литература

1. Вагнер М. В. Технология игрового обучения на уроках английского языка/URL:http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Philologia/1_125904.doc.htm.
2. Сальникова К. В. Игровые технологии на уроках английского языка / URL: http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/inostrannyi-yazyk/2014/09/22/igrovye-tekhnologii-na-urokakh-angliyskogo-yazyka.
3. Петрова Л. П. Использование сюжетно-ролевых игр при обучении английскому языку / URL: http://www.petrova.21416s01.edusite.ru/p20aa1.html.
4. Иванцова М.Н. Игровые технологии как условие создания мотивационной основы обучения иностранным языкам/ URL: http://festival.1september.ru/articles/652195/.
5. Яковлев Кирилл Александрович, Волконская Светлана Анатольевна Использование игровых технологий на уроках иностранного языка / URL: http://www.moluch.ru/archive/83/15460/.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИТОНИМОВ В ИНТЕРНЕТ БЛОГАХ НА КАЗАХСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

А.О. Каримова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Растительный мир является неотъемлемой частью человеческой жизни, этот огромный и богатый мир отражается в жизни каждого из нас и находит выражение по средствам языка. Лексические единицы, связанные

с названиями растений, растительными организмами и их частями или характерными им способами жизни являются фитонимами.

В лингвистике термин «фитоним» впервые был употреблен в книге А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного», в котором были узкие толкования данного понятия на примере исследования названий таких растений, как: Дерево плача, Царский дуб [1: 65].

Впоследствии «фитоним» в значении «собственное имя любого растения» использовался Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» [2: 78]. В широком понимании данное понятие было представлено в работах Т.А. Бобровой, рассматривавшей «фитоним» как «терминологическое название всех растений (малина, калина, базилик)».

Фитонимы наиболее красочно выражают жизненный опыт человека, его мировозрение, индивидуальные наблюдения над окружающей средой. Так как, они не только дают информацию о растительном мире, но и репрезентуют культурную связь с окружающей средой того или иного общества. Названия растений, так же, как и метафоры являются одним из ярких видов выражения человеческой деятельности с окружающим миром. Такой вид метафоры достаточно широко распространен в дискурсах социальной паутины, что и является актуальностью данного феномена. Изучение фитонимической лексики в общений через интернет дает возможность получить информацию о культурных, мировоззренческих предпосылках человека, сидящего за своим компьютером, на определенном расстояний. Так как когнитивный аспект, то есть менталитет и культура являются наиболее значимым пунктом и играют важнейшую роль при коммуникации.

В современном обществе все больше людей считают удобным и доступным общение через интернет, в частности и обмен информацией в записях, опубликованных в интернет блогах, где они выражают свои мнения в разных формах (короткие, объемные, значимые или в виде комментарий).

Для наиболее полного понимания, необходимо раскрыть смысл термина «блог». «Блог (англ. blog от «web log» «сетевой журнал или дневник событий») – веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи временной значимости, отсортированные в обратном хронологическом порядке. Отличие блога от традиционного дневника обусловливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором» [3: 26]. «Наибольшее количество фитонимических единиц в переносном значении осмысливается на базе когнитивного контекста физические параметры. В английском языке это фитонимы daisy, ginger, rutabaga, banana, green, ripe, seedy».

Когнитивный анализ фитонимических единиц в блогах, имеющие переносные значения, привел к разделению фитонимов на следующие классификации: физические параметры, социальный статус и образ действия.

Л.В.Бабина и А.Г.Дементьева разделяют фитонимы на 4 когнитивных категории: физические параметры – схожесть физических особенностей растений с человеческими; образа действия – наименование действии проявления жизни растении с человеческими; психологические особенности – названия особенностей способа роста, процветания или обратного процесса с психологическими особенностями человека; социальный статус – сравнения типов растений по значимости в окружающей среде с социальным местом человека в обществе.

Сравнивая отличительные характеры использования фитонимов в блогах на трех абсолютно разных по происхождению языков, можно сделать вывод, что тот или иной вид фитонимов из данной классификации преобладает в том или ином языке. И причиной этому служит лингвокультурологический аспект. Например, в блогах на казахском языке преобладает употребление фитонимов относительно физических параметров. К физическим параметрам относятся общие представления о внешности или сравнение особых частей тела (крепкие руки, острый ум и т.д). Говоря о национальном менталитете, можно привести такой пример. Казахи издавна считались толерантным и вежливым народом. Даже к близким и любимым обращались не по имени, а придумывали им ласковые имена, в соответствии их физическому строению или внутреннему миру. Например, «Айым дедім, қайың дедім, күн дедім, Жүрегімді нұрға бөлер күнбе-күн…» (из блогов сайта «Мәссаған»). Қайың – береза. Данным сравнением автор хотел подчеркнуть все изящество и женственность девушки, сравнивая ее с тонкой березой. «Шоқпардай кекілі бар...» (из блогов сайта Massaget.kz). Автор данной записи подразумевал густую челку человека сравнивая ее с твердым растением. «Дәл осы мерекеде қызғалдақтар ерекше құлпырып келді...» (из блогов сайта Massaget.kz). В этом предложений автор показывает молодость девушек, пришедших на праздник сравнивая их с тюльпанами.

Касательно блогов на русском языке, доминируют фитонимы «образа действия». К таким фитонимам относятся слова, передающее сравнительный способ проявления жизни растений с человеческой деятельностью. Например, «...А значит, возрастут возможности отбора и воспитания перспективных спортсменов...» (из блога Министр образования и науки Саринжипов А.Б.). «Надеюсь, что ваш успешный труд на благо страны, профессионализм и ответственность будут и далее способствовать росту конкурентоспособности отечественной индустрии…» (из блога Министр индустрии и новых технологий Исекешев А. О.), и многие другие как, дают плоды, процветает, в корне изменилась.

В блогах на английском языке присутствует многочисленное использование фитонимов, так называемых «социальных статусов». К ним относятся сравнения относящиеся к социальному положению и занимаемому месту индивида в социуме. «You were real a water-lily at that conference…» (Lou’s discovery blog), «на этой конференции ты была как водяная лилия», как известно корни лилии проростают из водной глубины

и расцветает только на поверхности воды, то есть автор подразумевал, что тот труд, который был сделан был раскрыт наконец-таки на этой конференции. Peanut – арахис, у американцев ассоциируется со словом джентельмен, как Mr.Peanut. И многие другие как: snowdrop- подснежник, seaweed-водоросли, plant-растение, pumpkin-тыква. Все данные фитонимы отражают определенную социальную роль человека сравнительно с ролью растений занимающих в окружающей среде.

Делая выводы следует отметить, что в каждом языке помимо преобладаний выше изложенных типов фитонимов, так же обязательно присутсутвует все их виды в каждом (казахском, русском, английском) языке, так как все виды классификации присущие любому социуму. Также, каждая метафора имеет свой эквивалент при переводе, учитывающая все линговоэтнические и лингвокультурологические особенности языка.

Литература

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
2. Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 348 с.
3. Дьяченко Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Курск.: 2010.
4. Арутюнова Н. Д. Вступительная статья // Теория метафоры. М., 1990. С. 16-17.
5. Ричарде А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 47.
6. Гончаренко С. Ф. Стилистический анализ испанского стихотворного текста. М.,1988.С.140.

КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАЗВАНИЙ ДЕРЕВЬЕВ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.С. Карпова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

Коннотативная лексика – это лексика, имеющая, помимо лексического значения, различного рода эмоционально-экспрессивные, метафорические, символические созначения. Слова, относящиеся к коннотативной лексике, отличаются яркой национально-культурной спецификой, так как одно и то же слово в разных культурах может иметь разные коннотативные и символические значения. К примеру, как мы уже отмечали, в чувашской мифологии каждой породе дерева соответствует определенный смысл.

Дуб (***юман***) ассоциируется с мужчинами своего рода старше говорящего. На уровне семейно-родовом этот статус конкретизируется в реальном отце (атте): *Пирĕн атте – ват юман. – «Наш батюшка – старый дуб»*; *Уй варринче лаштра юман, пирĕн атте мар-ши çав? – «Посреди поля развесистый дуб, не батюшка ли это наш*?» [4: 137].

Чувашский народ обожествляет, поэтизирует дуб, называет его батюшкой. У него только тело жесткое, а душа мягкая, посидит негодяй в тени дуба – на следующий день померкнет для него свет божий и начнет он сохнуть. Юманкка – дубочком называют сына, на которого делает ставку не только семья, но и род [2: 152].

В дубовых рощах располагали капища с кумирами и идолами, приносили в жертву лошадей, здесь же участники обряда принимали пищу.

Дуб также является символом силы, храбрости. В отличие от русского языка, дуб у чувашей не символизирует глупость, непонятливость. Ср. русск. *дубина – перен*. тупой, глупый человек.

Юман (дуб) – общинно-родовая святыня, сохранение и воспроизводство дубов и дубрав – дело не только отдельной общины, рода, но и всего народа. Существовало поверье: исчезнут дубы – исчезнут с лица земли и чуваши, поскольку они связаны душами: у каждого чуваша на небе своя звезда (çăлтăр), а на земле свой *дуб* (*юман*) [5: 146].

Э.И. Сокольникова пишет о том, что в чувашском эколого-педагогическом представлении *дуб* – мужчина своего рода. В представлении народа вся природа, растительный мир наделены высшими дарами: умом, чувством и словом… Древнечувашские жрецы-юмзи считали, что человек – существо природное и сотворен из дерева… Древние чуваши угадали в дереве друга, покровителя, даже более того – сильного природного целителя. Наиболее мощной энергетической и лечебной силой в мифологическом представлении древних чувашей обладал *Юман* – дуб. Он считался самым красивым, сильным, жизнетворящим деревом, обладающим удивительной целительной энергией, придающей человеку здоровье, ясность мысли и физическую силу [5: 146].

Липа (***çăка***) соотносится со старшими женщинами своего рода и конкретизируется в реальной матери (анне): *Пирĕн анне – ват çăка – «Матушка наша – старая липа»; Уй варринче лаштра çăка, пирĕн анне марши çав? – «Посреди поля развесистая липа, не матушка ли это наша?»* (Чув. нар. песня).

Вяз (***хурама)*** соотносится с индивидом, наделенным признаками «мужчина», «старший», «чужой» и противопоставляется дубу. В плане семейных отношений это – отец супруги (хуньăм); *Хуньăм картишĕ варринче хурама – «Посреди двора тестя вяз»; Хурамаран хурăнташ пулас çук – «Вяз не может стать кровным родственником»* [4: 137].

Образ ***березы*** (***хурăн***) соотносится с женщинами старшего поколения чужого рода. Реально это мать супруги (хуняма): *Хурама айĕнче хуньăм*

пур, хурăн айĕнче хуняма пур – «Под вязом есть у меня тесть, под березой – теща»; Хурăн тăрринчен хурăнташ – «Родня через макушку березы» (соответствует русскому «Седьмая вода на киселе») – так говорится об отдаленных родственниках по браку [4: 137].

Береза у чувашей, как и у русских, ассоциируется с образом любимой девушки: *Уй варринче яштак хурăн, савни тесе ай кайрăм – «Посреди поля стройная береза, не милая ли моя?»*

Образ березы у чувашей также ассоциируется с негативными явлениями жизни: одиночеством, смертью и т.д. Поэтому на улицах деревень березы не сажали. Березы росли на кладбище. Подтверждением этому является, к примеру, произведение Ю. Скворцова «Береза Угаха», где после смерти девушки Угах на ее могилке посадили березу, которую все называют «березой Угаха».

Это дерево считалось обиталищем богини-матери солнца, подательницы плодородия и покровительницы женщин. Деревья на святилицах считались неприкосновенными, а тех лиц, которые брали от священного дерева «падшие ветви или сучья для своих нужд, оно наказывало страшными муками, бешенством, даже смертью, и истребляло дом и род их» [3: 47].

Орешник (***шĕшкĕ***) – это «мужчина», «младший», «свой», конкретно – младший брат (шăллăм): *Шĕшкĕ хулли шăллăмсем – «Младшие братья мои – поросль орешника»* [4: 137].

Ветла (***йăмра***) – это «женщина», «младшая», «своя» – реально младшая сестра (йăмăк): *Йăмра хулли йăмăксем – «Младшие сестры мои – лозы ветлы»*. Образ ветлы часто встречается в фольклорных текстах и произведениях художественной литературы. Ветла являлась символом благополучия, надежности, так как она спасала от стихийных бедствий: пожара, урагана и т.д.

Рябина (***пилеш***) по поверьям чувашей, обладает магической силой прогонять нечистую силу, предохранять людей и животных от порчи, наговоров, болезней и т.д. Во время праздника сĕрен, к примеру, используют рябиновые прутья для изгнания злых духов, болезней из селения.

Можжевельник (***уртăш***) обладал магической охранительной силой. Вечнозеленые ветки олицетворяли здоровую и полнокровную жизнь, его ветками парились в бане, обтирались как целительными и омолаживающими кожу и душу человека) [5: 147].

Осина (***ăвăс***) в устном народном творчестве занимает функцию женского начала. Ăвăслăх «осинник» считался обиталищем добрых духов, т.е. считался самым почетным местом. Осина у чувашей – не проклятое, как у христиан, дерево, а почитаемое, даже лечебное в условиях бани [5: 145-147].

Этнокультурные понятия содержат личные качества деревьев: хурама «вяз», юман «дуб», пилеш «рябина» и т.д. Ср. *Хурамапа юман лартнă çын йывăçĕсем хăй мăйĕ пысăкăш пулсан вилет*; киремет хурами – название местности, где приносили в жертву уток, гусей, индюков [1: 214].

Таким образом, большинство из названий деревьев в чувашском языке обладают дополнительным национально-культурным компонентом значения и раскрывают мировоззрение чувашского народа.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. XVI т. – Чебоксары, 2000.
2. Волков Г.Н. Золотая колыбель // Чувашская литература: Учеб. хрестоматия для 10-11 классов школ с многонациональным составом учащихся и русских школ. В 3 ч. – Ч.3 / Авт.-сост. В.Н. Пушкин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. – 3-19 с.
3. Данилов В.Д., Павлов Б.И. История Чувашии (с древнейших времен до конца XX века): Учеб. пособие для образовательных учреждений. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. – 304 с.
4. Культура чувашского края. – Ч.I: Учеб. пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др. / Сост. М.И. Скворцов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. – 351 с.
5. Сергеев В.И. Лингвокультурология и национально-культурная семантика: учеб. пособие / В.И. Сергеев, Ю.Н. Исаев, А.Л. Филиппов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – 300 с.

МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ БИ- И ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ РЕЧИ

А.С. Кенисханова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

В число самых актуальных вопросов, рассматриваемых в нынешней психолингвистике, входит проблема всесторонней характеристики языковой компетентности личности. Наблюдая за онтогенезом полилингвальной речи, легко заметить различие между степенью овладения языком, во многом, зависящее от последовательности овладения языками. Ясность в вопросе как же происходят эти процессы, какой из них и почему эффективнее остальных, а также какое влияние оказывает полилингвизм возможно объяснить через анализ механизмов полилингвальной речи.

Вначале следует понять сам механизм речи в сознании человека, поэтому нужно проверить насколько правдиво версия о том, что языки, обучаемые с рождения, осваиваются легко, поскольку происходят на бессознательном уровне и версия о том, что обучать новый язык тяжело, из-за того что происходят на сознательном уровне. Эдуард Сепир выделял то, что необходимо изучение устройства внутренне присущего нам языка в области бессознательных психологических операций. Примечательно то, насколько ребе-

нок легко и непринужденно осваивает сложнейший языковой строй, который в свою очередь представляется необычайную сложность и требует подробного анализа для установления только некоторых его элементов [2: 20]. Это говорит о том что, освоение языка, в частности нарабатывание восприятия к его незначительным установкам, является, действительно, бессознательным процессом. Но, язык также несет собой функцию метаязыковую и в связи с этим, в случаях применения перефразировании, синонимии, требует осознании речевых элементов и их взаимосвязи. Приблизительно с двухлетнего возраста у детей появляется металингвистическая способность, то есть дети стремятся понять значение слов и уместность его применения. Тем не менее, сколько бы ни стараться понять значения слов, сама сущность лексической структуры являются недосягаемыми языковому сознанию, поскольку в основе всех текстов находятся неосознаваемые нами языковые конструкции. Итак, мы приходим к выводу то, что усвоение любого языка должно происходить в одинаковом соотнесении бессознательных и сознательных процессов. Если брать их в отдельности, мы не можем сказать, что в речи отсутствует какое-либо сознание или каждое слово в нашей речи каждый раз проходит глубочайший анализ перед тем, как воспроизвести ее.

Таким принципом осуществляется, в основном, развитие речи с раннего детства. Если учитывать то, что комбинации последовательности освоения языков могут быть совершенно разными, то можно сказать что существует столько же механизмов. Мы за основу взяли классификацию Ж.Геноза (J.Cenoz), описывающую четыре типа последовательности овладения языками:

- одновременное овладение Я1/Я2/Я3,
- последовательное овладение Я1/Я2/Я3,
- одновременное овладение Я2/Я3 после изучения Я1
- одновременное овладение Я1/Я2 до изучения Я3 [3: 19].

Механизм речи ребенка, одновременно обучаемого Я1/Я2/Я3 в раннем возрасте выглядит следующим образом.

Первый крик ребенка при рождении является первым голосовым выражением и рассматривается с психофизиологической точки зрения как первым признаком развития речи в дальнейшем [4]. Механизмы в период появления доречевых вокализации, в связи с тем, что не имеет явных отличительных признаков, у всех детей практически одинаковы, не учитывая ситуации с некоторыми отклонениями. К возрасту одного года появляются способности к пониманию речи и первые попытки воспроизвести слова. Ребенок начинает выполнять такие речевые функции как:

1) понимание вербальных элементов речи, распознавание на слух некоторых моментов из речи, воспроизводство незначительного количества звуков. Для начала, чтобы понять смысл сказанных слов, дети пытаются что-то уяснить для себя из ряда слов через понимание цельной картины события, строя «гештальт» - образы в голове или через выражении их в мимике, жестах;

2) формирование акустических аспектов детских вокализаций. Приблизительно к трем месяцам у детей начинают формироваться похожие звучания с окружающими его людьми. У ребенка в процессе воспроизводства звуков из языков, используемых окружающими, формируется соответственный акустический аппарат, благодаря чему в дальнейшем у ребенка не будет прослеживаться акцент на том или ином языке, несмотря на различия языковых семей. Уже после появления слов в речи ребенка приостанавливается фонетическое развитие и формируется интонационно-смысловых конструкций в речи, затем ближе к полутора годам наступает период развития парадигматической фонетики;

3) лексический период. Дети примерно в возрасте одного года начинают употреблять слова по отдельности и не соблюдая какой-либо порядок их расположения в речи. Первые грамматические формы, появляющиеся в полилингвальной речи, являются глаголы, поскольку они представляют себе не имя и названия, а сразу же целое действие или предложение;

4) совершенствование грамматики. По своей природе, построение грамматических конструкций довольно сложный процесс, тем более при еще не сформированных мыслительных процессах, занимая продолжительное время. Вначале дети овладевают простыми грамматические категориями: форма единственного и множественного числа слова, глаголы, выражающие действия, существительные, называющие предметы. В процессе овладения языком дети часто говорят слова, которые раннее не могли услышать у кого-нибудь, к примеру, куп-ку (мыло), алым (көлегім), сапен (спальня). Через неординарные слова, используемые детьми, могут заметить их внутренний механизм, указывающий уже на формировании элементов когнитивных и лингвистических конструкций в детской психологии. Вместе с тем, ярко проявляются и аналитические способности у детей. Они, услышав новое слово или проговаривая знакомое слово, не пытаются проговорить его полностью, а наоборот дробят слово и оставляют только часть, к примеру, мака(дай молока), ти (эти) и т.д. Также были замечены элементы синтеза в речи, особенности в билингвальной речи, двухсловных предложениях одно слово из одного языка, другое из другого или прибавление аффиксов и суффиксов из другого языка. В таких моментах требует тактичная педагогическая корректировка и в сознании вырабатываются структуры для образования слов. В целом, механизм усвоения одного или несколько языков в раннем возрасте происходит практически одинаково. Раннее обучение многоязычию положительно отражается на всецелом развитии ребенка, хорошее усвоение, в особенности, гуманитарных наук [4].

Теперь перейдем на описание **особенностей механизма речи билингвалов, последовательно осваивающих Я1/Я2/Я3.** В данном случае, говорится о механизме переключения каждый раз с уже овладевшего языка на новый язык и в дальнейшем одинаковое использование этих систем. До периода изучения второго языка у ребенка существует связи лексических

единиц родного языка с объектами действительности и при знакомстве с новой системой ребенку легче понять смысл при соответствии значении слов с родным языком, а третий язык происходит на опыте двух предыдущих. Но, появляется угроза формирования ошибочных связей в случае, если слово из нового языка не имеет идентичного слова в предыдущих языках. Вторая проблема, возникающая при изучении языков, является доминирование родного языка. То есть происходит накладка основной системы на остальные, в грамматическом, лексическом, страноведческом плане.

Для устроения таких проблем необходимо:

- установить семиотическую взаимосвязь иностранных слов с тождественными им словами в родном языке;
- создание ситуаций с использованием устойчивых выражений на неродных языках;
- остановить процесс образования семиотически неправильных взаимосвязей между словами и конструкциями языков;
- создание механизма переключения языков;
- сформировать благоприятную среду для создания иностранных выражений вне зависимости от конструкций, используемых в родном языке.

Теперь постараемся воссоздать эти и другие механизмы образно. Механизм **одновременного овладения языками** мы представим «фундамент» как ментального сознания, состоящий из 3 независимых «блоков» (языков), при том крепко скрепленных и являющимся единным целым, в обратном же случае не скрепленности 3 независимых «блоков» или не правильное развитие 3 языков может способствовать разъединению «блоков», то есть появлению каких-либо отклонений в речи. То есть в процессе одинакового овладения несколькими языками один язык становится доминирующим и влияет на все остальные языки, вследствие чего у ребенка возникают сложности при воспроизводстве слов на других языках, проблемы с грамматикой, интонацией и пониманием текста [1: 162].

Последовательное овладения языками представляется как накладывание одного «пласта» на другое, при этом длина каждого «пласта» зависит от компетенции в этом языке, то есть это пирамидальная форма либо квадратная. Если ни одна из «пластов» (языковых систем) до конца не сформирована, то нарушается «способность придание формы фигуре» (функции речевого мышления) [1: 163]. Далее мы перейдем к более интересным способам: с одной стороны похожими, но и разными с другой стороны.

Первым мы рассмотрим **одновременное овладение Я1/Я2 до изучения Я3.** Изначально есть 2 «блока» скрепленных между собой, на них накладывается третий. Здесь происходит интересное, во-первых, длина, насколько мы помним, варьируется от компетенции в языке, то есть она меньше общей длины «блоков», во-вторых, она может расположиться, как и на первой «блоке», так и на втором, и между ними. Но одна важна вещь, это то, что располагаясь на определенном участке, она улучшает обосно-

вание предыдущего «блока». В ситуации, если третий блок расположен только на одном из них можно предположить ущербность или разрушение второго «блока».

Следующим мы рассмотрим **одновременное овладение Я2/Я3 после изучения Я1.** У нас один огромный «фундамент», на который накладываются два «блока». Изначально они не могут покрыть полностью предыдущий «фундамент», они могут быть между собой одинаковой длины либо разной. Они могут располагаться на разных концах «фундамента», так и быть скрепленными между собой. В идеале второй слой должен развиться до полной длины первого. Скажем так со временем «нарастание» каждой из блоков происходи по-разному. Темп развития будет медленным или невозможным, если мы возьмем совершенно разные языки как китайский и русский для этапа одинакового овладения, то есть разная «консистенция состава блоков» и еще при временной остановке развития одного из них. Частое переключение с одного «блока» (языка) на другой является огромной нагрузкой для ребенка [1: 162]. Но также, возможно, и одинаковое развитие при условии единообразной «консистенции». Благодаря этому образному представлению стало ясно важность подбора индивидуального подхода к обучению.

Подводя итоги всему сказанному, мы можем утверждать, что у би- и полилингвальных детей те же самые механизмы порождения речи, что и у монолингвальных детей в раннем возрасте. Но при этом нужно учитывать то, что би- и полилингвальные дети могут сделать ошибки, которые исправляют даже они сами в ходе речи, или ошибки, возникшие из-за серьезных нарушений в речи, тормозящих развитие родного и других изучаемых языков. Тем не менее в речи би- или полилингвала есть интерференция, где прослеживается влияние одного языка на другой. Помимо этого, различные способы овладения языка предполагают различные механизмы развития речи ребенка. Благодаря описанию и образному представлению четырех механизмов овладения несколькими языками стало ясно насколько важно подбирать подходящий механизм и подходящий ему способ развития навыков. Поскольку при неправильном подборе могут появиться семиотически неправильные взаимосвязи между словами и структурами языков и влияние родного языка. Во избежание таких проблем нужно создать ситуацию сбалансированного сознательного и бессознательного обучения.

Литература

1. Харенкова А.В. Анализ особенностей речевого развития детей-билингвов/ Проблемы современного образования. - № 2. – 2013. http://www.pmedu.ru – 8 старниц с 160 по 167.
2. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. В. Шеворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. — Ф. Успенский. М.: Гнозис, 1996. – 248 с.

3. Ulrike Jessner /State-of-the-Art Article.Teaching third languages: Findings, trends and challenges/ University of Innsbruck, Austria /Lang. Teach. (2008), **41:1**, 15–56 _c Cambridge University Press. doi:10.1017/S0261444807004739, 2008 – 424. http://xreferat.ru/71/5442-1-vozrastnye-osobennosti-razvitiya-rechi.html - 5.04.2015.

PROSODIC PECULARITIES OF THE POLITICAL DISCOURSE (ON THE MATERIALS OF THE SPEECHES OF THE PRIME MINISTER OF GREAT BRITAIN DAVID CAMERON)

Kh. Kenzhetaev
Pavlodar state pedagogical institute, Pavlodar, Kazakhstan

Nowadays there are about three hundred definitions of the text, and each of them depend on approach of its analysis. In semiotics, text is determined by consequence of any signs, and any communication form; text in linguistics means a sequence of verbal signs. According to psycholingustics, text is «an approach of reflecting a fact, which is constructed by elements of language system» (A.A. Leontyev, V.P. Belyalin). From the mass communication theory's point of view the text is a hierarchy of communicative programs, where the text is submitted to context (И.А. Зимняя). In text linguistics, the text is «a finished sequence of sentences, which are connected by meanings of the common idea of author» [1] and «a chain of specially organized sentences, which represent a united statement» [2].

Discourse itself is a thematically focused sequence of statements created in definite historical and social circles, which are used concerning particular definite aims and solutions to affect person's subjective experience, his inner representations of world, beliefs and behavior.

Discourse is bipolar: it formsin communication between author and recipient, who perceives this discourse (the author himself, proper can be a recipient as well).

Discourse is motivated: a creator of the discourse has an intention to change something in recipient (in psychological, behavioral or cognitive aspects). [3]

According to determination of this term by van Dijk: «Discourse is a communicative fact, which takes place between speaker and listener (recipient) during in particular spatial, temporal context. And also this communicative action may be speech or written, and it can have verbal and non-verbal properties» [4].

Needless to say, discourse and text are different notions. Discourse is a statement with social consequences; text is an abstract construction which havesemantically holistic and grammatically accomplished characteristics. Discourse is an attribute of the communicative and social area, but the text is an attribute of conscious.

However, the text and discourse are interconnected. Each discourse also can be the text. But not every text is discourse. So then, for example, a book on the shelf is the text, until a reader takes it [3].

Prosody is a theory of sounds in rhythmic terms and has a special role in verses. Thus, prosody involves sound, syllable, stress, words' longtitude, intonations and pauses. In general, prosody is a theory about rhythmic material of verse beyond special rhythmic subdivision [5].

Intonation represents totality and variability of note's pitch. Obviously, each phoneme in phrase has its particular pitch, and nevertheless intonation has endless variations. We «sing» every word, each phrase, but a slight change of pitch changes the meaning of sentence, - from interrogative to bewildered, so to speak. But speech intonation «singing» cannot be compared with actual singing, as far as it has separated periods and not dividedto intervals, because a voice moves from one segment to another without undetectable differences [5].

Thereby, according to some researchers' works there is a definite inequality between intonation and prosody. From L.V. Zlatousova's point of view, even these two terms have general nature, their functional purposes are different: intonation expresses general semantic relations in statement, and prosody forms the speech by over-segment devices [6].

N.D. Svetozarova also differentiates definitions of «prosody» and «intonation»: «The term «prosody» is more wide, but in a particular regard more narrow than «intonation» term. Prosodic structure is an approach of organizing sound sequence, so intonation is used to produce sintagmas and statements. On the one hand prosody involves only prosodic organizations of speech units, on the other intonation which includes also content aspect» [7].

Political discourse is a special type of discourse, which is performed in domestic and foreign policies' working area. It is correlated with particular group of people – politicians, - whose speech has individual features, including pronounceable units, but at the same time reflects tendencies of particular language's development in general. Politicians' speech is a model of reflecting standards of pronunciation in this kind of lingual society. Political establishment of nations is presented by the most educated civilians, thereby their speech must be phonetically correct as a model. Pronunciation norms, as well as other linguistic norms, are conservative and conform orthoepic standard of language, which is used by the most educated part of society. Also, pronounceable norms are dynamic and change by several external (social) factors and internal trends of linguistic system's development [8].

However, political discourse cannot be absolute. Politicians' speech involves different branches of life, thus it includes several styles of speech. Political discourse is universal, and provides an opportunity to address one's speech to different parts of society. Politician can use laconic and common expressions to include one's story of life experience during the speech. That is why political discourse is more flexible, spontaneous and emotional.

One of the main functions of political language is a struggle for power and holding it is achieved.Characteristic features of the political discourse is semantic uncertainty. The main idea may be expressed in subconscious, esoteric, distancing and theatrical way, therefore the actualaims of many political speechesare understandable not to all.

On 1 October 2014 Prime Minister David Cameron gave a speech to Conservative Party Conference, where he linked more explicitly the "people" and the "union" in one sentence, and it indicates that the speechis secretively aimed to the electorate. The main emphasis was on these words, therefore after each of them Cameron made a brief pause:

«…we are one people ↑__ in one nation ↑__ and everyone here can be proud of that ↓.»*

Emphasis on both of these words determine prosodic feature of the structure and makes a difference to understand that electorate, every citizen of the country is a part of one union, and encourages to feel an importance and responsibility of everyone. However, Cameron also uses this approach to represent Conservative Party as a party of unity and stability.

Texts of skillful speakers involve unique, individual techniques which are used for emotional impact on the audience. These tools include the phonetic (intonation) devices of audience impact. Intonation structure of public speech reflects individual features of its creator, particular linguistic personality, and communicative successfulness of speech depends on linguistic personality as a representativeof particular culture. There is appropriate example of speech, including intonation devices:

«If you try to travel to Syria or Iraq ↓,__ we will use__ everything at our disposal to stop you:__ taking away ↑ your passport ↓,__ prosecuting ↑,__ convicting ↑, imprisoning ↑ you ↓.__And even ↑ if you're there already__ we may prevent ↑ you from coming back ↓.__You have declared ↑ your allegiance↓ . You are an enemy of the UK ↑__ – and you should expect to be treated as such ↑.»*

Here the sequence of penalties are emphasized by enumeration and emphasis on each word. The intonation feature of "…taking away your passport, prosecuting, convicting, imprisoning you…" points to seriousness and expresses irreversibility of consequences. Raising voice is also one of the methods of inspiring and assuring audience by emphasizing particular words in sentence to differentiate a meaning of the message. Pauses among sentences are used to separate semantic structure of the speech into several parts in order to create entire image of the matter.

It is worth mentioning that using of idioms can provide distinctness of the meaning of idea:

«…and that is why on education__ we will not let Labour drag us back to square one ↑ - we're gonna finish ↑__ what we have begun ↓.»*

*Where: ↑ - rising intonation; ↓ - descending intonation; bold text (in bold font) – emphasis; __ - pause.

The idiom “back to square one” has a meaning of being back to the beginning, and its intonation characteristics indicate that Cameron uses given idiom to assure audience that activity of conservatives will be extended further without slowdown or reiteration in spite of opposite party’s attempts to lead.

In conclusion, prosodic feature of Prime Minister of Great Britain James Cameron is complicated, and includes varied intonation forms to create particular impact on audience in order to achieve concrete goals. Political discourse itself provides speaker an opportunity to differentiate and modify a speech by using particular lexical, grammar, stylistic and phraseological devices, which can also be emphasized and separated in a proper way to change text’s semantic peculiarities.

References

1. Николаева Т.М. Лингвистика текста: современное состояние, синтаксис и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – М., 1978.
2. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.
3. Зяблова Н. Н. Дискурс и его отличие от текста [Текст] / Н. Н. Зяблова // Молодой ученый. — 2012. — №4. — С. 223-225.
4. Dijk T.A. van. Studies in the pragmatics of discourse. – The Hague- Paris: Mouton, 1981. – P. 331.
5. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. http://feb-web.ru/.
6. Златоустова Л. В. Интонация и просодия в организации текста // Звучащий текст. - М., 1983.
7. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1982. - 175 с.
8. Иванова, А. Культура устной деловой речи госслужащего / А. Иванова, М. Панова. URL: http://www.rags.ru/akadem/all/19-2002/19- 2002-147.html.

АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО («ВЗМАХ КРЫЛЬЕВ»)

Е.С. Ким

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

В статье рассматривается проблема модели мира и мотивного анализа в творчестве раннего С.Н. Сергеева-Ценского. Актуализируется связь мотива и модели мира, мотива и сюжета. Делается акцент на экзистенциальном мировосприятии автора, что отражает кризис сознания конца XIX – начала XX веков.

Ключевые слова: модель мира, экзистенциальные мотивы страха, тоски, одиночества.

The article deals with the problems of the model of the world and the motive analysis in stories of S.N. Sergeev-Tsensky. It is stated that the communication of motive and plot, motive and story. The accent is made on existential outlook of the author that displays crisis of consciousness of the person of the end XIX the beginnings of XX centuries.

Key words: model of the word, existential motives of melancholy, fear, loneliness.

С.Н. Сергеев-Ценский является писателем, в творчестве которого, очевидно влияние различных литературных направлений. Этот факт весьма характерен для художников переходного времени, о чем неоднократно писали Л. Колобаева, В. Заманская, А. Мережинская [3].

Исследователи считают, что начало XX века характеризуется становлением нового типа сознания: «Экзистенциональное мышление начала столетия вступает в особые отношения с художественным сознанием предшествующего века. Оно одновременно продолжает и отвергает классическую традицию по принципу антидиалога, естественного для спокойного течения литературного процесса, в котором сосуществуют элементы эволюционного и революционного развития» [2, с. 108], Таким образом, экзистенциальная традиция XX века трансформирует классическую традицию, что не могло не сказаться на творчестве и непосредственно на модели мира С.Н. Сергеева-Ценского.

В данной статье нас интересует модель мира С.Н. Сергеева-Ценского в раннем рассказе «Взмах крыльев».

Под моделью мира мы подразумеваем дискретное представление человека об окружающей действительности, знание законов природы и общества, отношение к предметам и явлениям реального мира. Термин «модель мира» нередко употребляется как синоним терминов «мировоззрение», «мироощущение», «мировосприятие», «миросозерцание», «миропонимание».

Г. Гачев определяет модель мира так: «Это особая структура общая для всех народов элементов (хотя и они понимаются по-разному, имеют свой акцент) и составляет национальный образ, а в упрощенном выражении – модель мира» [1, с. 47].

Т. Цивьян говорит о модели мира как о «упрощенном отображении всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте. Понятие «мир» понимается как человек и среда в их взаимодействии, или как результат переработки информации о среде и человеке» [8, с. 5]. Таким образом, излагается мысль об антропоцентричности модели мира, что выражается в ее ориентации на человека (каждого, отдельного, конкретного). Человек же, в свою очередь, ориентирует свою жизнь на модель мира. «Характеристики модели мира на практике оборачиваются правилами, регламентирующими жизнь человека. Естественное про-

текание человеческой жизни оказывается предопределенным заранее и заключенным в жесткую пространственно-временную рамку» [8, с. 12].

В социальной философии существует идея «конструирования реальности». Категории Бытия, по мнению сторонников этой концепции, зависят от убеждений людей, воспринимающих мир. Наиболее мощную попытку построить концепцию Бытия предпринял немецкий философ М. Хайдеггер, чья точка зрения в решении и интерпретации модели мира является для нас наиболее значимой.

М. Хайдеггер хочет ответить на вопрос: Что значит бытие? Обнаружить смысл бытия. Обнаружение смысла бытия ведется Хайдеггером через интерпретацию особого вида бытия, человеческого бытия (Dasein). Подлинное существование выступает у М. Хайдеггера как осознание человеком своей историчности, конечности и свободы. Оно возможно и осуществимо только перед лицом смерти. Человек находит себе подлинное бытие, только приблизившись к постижению смерти, как к крайнему пределу, который поставлен всякому существованию. «Смерть как конец присутствия есть самая отличительная, несводимая, неминуемая и как таковая неопережаемая возможность бытия» [7, с. 247]. Т.о. смерть у М. Хайдеггера выступает как основа формы жизни, «феномен жизни».

Часто сама жизнь, смерть, смысл существования выявляются в ситуации ужаса. Посредством ужаса сущее, жизнь, человеческое существование не уничтожается, как раз наоборот, «в ужасе вместе с Ничто и со смертью приоткрывается и сущее как таковое» [7, с. 311].

Принцип философии М. Хайдеггера состоит в том, чтобы понять явное через неявное, то что сказано, через то, что не может быть сказано, понять сущее – через несущее, бытие – через Ничто. Непосредственное соприкосновение с Ничто, по М.Хайдеггеру, происходит в состоянии ужаса, страха. В ужасе человека пугает Ничто, а не конкретные предметы и люди, весь мир теряет смысл. Человек обнаруживает себя в полном одиночестве. Перед лицом открывшегося человеку Ничто его бытие оказывается пустым – или, что тоже самое, освобождённым; и потому делается очевидной свобода человека. Именно тогда исчезает власть публичности и анонимности, человеческое бытие (Dasein) пробуждается к подлинному существованию, к ответственности за собственные деяния.

Художественный текст представляет собой реализацию художественной модели мира (т.е. части общей картины мира) средствами языка.

Нас интересует модель мира, свойственная определенному писателю, определенной эпохе и определенному обществу. Она обязательно включает в себя ценностные ориентации человека, оценку себя, окружающего мира и деятельности в самом широком понимании этого термина.

Автор как выразитель идей своего времени естественно воплощает в тексте, в сюжете, в мотивах современную ему модель мира, в то же время, самостоятельно создавая неповторимую модель мира своего художественного текста.

На протяжении всего творческого пути С.Н. Сергеева-Ценского интересовала проблема человека, проблема существования человека в мире (т.е. экзистенциальная). В своем творчестве он стремился уходить от роли пророка, проповедника, считал, что ни разум, ни наука не могут претендовать на абсолютную истину, т.к. это производные понятия, не определяющие человеческое существование на земле. Ценский жил в неспокойное время (война, восстания, революция), что не могло не повлиять на его мировоззрение, на человека вообще. По этой причине в его модели мира мы видим персонажей, потерявших привычные ориентиры, разочарованных социальными и этическими моделями общества, которые ощущают абсурдность мира, и, как следствие, неудовлетворенность, отчужденность и отчаяние. Этим персонажам необходимо переосмыслить многие явления, изменить определенные жизненные ориентиры, преодолеть духовную пустоту.

Объектом внимания в ранних рассказах С.Н. Сергеева-Ценского становится комплекс экзистенциальных проблем: страх, смерть, отчаяние, отчужденность, сложность межчеловеческих отношений и отношение человека к миру, одиночество и т. д. Автор изображает состояние и ощущения персонажей «на грани», его интересует как одиночество, страх перед смертью и перед бессмысленной жизнью изменяет, деформирует человеческое сознание. Необычные, «пограничные» обстоятельства, при которых происходит действие, становятся моментом истины.

В рассказе «Взмах крыльев» перед нами необычный персонаж – сумасшедший. Когда-то он был слесарем на железной дороге, «спасая свою улицу от огромной бешеной овчарки, был укушен ею за руку» [Сергеев-Ценский 1967: 108]. Бешенство – это символ протеста, бунта. Только бешеный может вести себя как пожелает, не соблюдая при этом норм поведения. Описания больных символичны: «Больные даже и перед смертью редко стонали; они мирно лежали по своим койкам, послушно пили свои лекарства и доверчиво ждали выздоровления» [4, с. 107]. Здесь символична система наречий: редко стонали, мирно лежали, послушно пили, доверчиво ждали. Все указывает на странное, ненормальное, безвольное поведение людей, людей, нравственно больных, которые смирились с ужасной реальностью, с невыносимой жизнью (интересно, что в рассказе говориться о том, что все больницы, в том числе и сумасшедшие дома, переполнены). Бешеного помещают в обычную больницу: «Это было страшно даже для тех из хроников, которым самим оставалось жить два-три дня» [4, с. 108]. Страх и ужас увеличивался с каждым днем: «бешеный был неутомим, его стуки стали еще страшнее, торжествующий хриплый крик еще зловещей» [4, с. 109]. Мало того, что он всем мешает, являясь непривычным для больничной обстановки (и для всего общества) так он еще ко всему выполняет роль «обличителя»: «Он заревел, глухо слышный сквозь плотно затворенные двери, но могучий, неутомимый, протестующий, точно хотел властно обличить сладкоголосую церковную песнь в вековой неправде, властно заявить,

что на земле нет мира и благоволения, нет и не было. И чем дальше пели внизу певчие, тем громче и неистовее ревел наверху бешеный и ожесточеннее колотил в дверь коленями и плечами» [4, с. 110]. Больные не намерены больше его терпеть: «Его отравить нужно, и больше ничего. Поставьте ему мышьяку на окошко» [4, с. 112]. Мотив страха, жестокости (злости), бесчеловечности способствует движению сюжета (больные испытывают страх, что в свою очередь побуждает к действиям). Семнадцатилетний парень решил усмирить бешеного, облив его водой: «...торжествующий рев сменился жалким плачем. Плохонький Гаврюшка победил. Что потом было – месть? ликование? – я не могу точно сказать, но изо всех палат высыпали больные с оловянными кружками, со стаканами, с чашками воды. Все вспомнили вдруг, что бешенство – водобоязнь. Всякому хотелось плеснуть водою туда, в страшное, маленькое окошко курительной комнаты. Кто-то вытащил из кладовой старый гидропульт и прилаживал к окошку его длинную кишку, а кругом все смеялись... Побежденный бешеный жалобно кричал, как большая хищная птица, гонимая стаей ласточек... И мне сделалось его жаль и хотелось, чтобы снова поднялся он, несокрушимый и дикий, и начал трясти двери. К утру он умер» [4, с. 113]. Создан мир жестоких, озлобленных людей, которые относятся к страданию сумасшедшего как к развлечению, его бессмысленная смерть (наверное, как и жизнь) была долгожданной. Символичен также сон рассказчика: «Мне вспомнилось то, что я видел на границе между явью и сном: черное безбрежное озеро, черный воздух над ним и видимо-невидимо белых чаек.... Сверкающими, легкими крыльями они разрезали черный воздух и испуганно кричали.... Когда они пролетали мимо меня, косясь назад красными от ужаса глазами, я видел, что они боялись не черного воздуха, не черного озера, не безбрежного простора, - они боялись сильного взмаха своих собственных легких крыльев» [4, с. 114]. Чайка и есть бешеный (у него были такие же красные от ужаса глаза). Таких бешеных уже много, их тяжело не заметить (очевиден контраст: белые чайки – черное озеро, черный воздух) в этой черной жизни, где даже дышать тяжело. Вместе с тем, их глаза говорят о страхе, они боятся этого сумасшествия, этой силы, т.к. не знают что с ней делать и каковы могут быть последствия.

Проанализировав рассказ С.Н. Сергеева-Ценского «Взмах крыльев», и выделив экзистенциальные мотивы страха, жестокости, одиночества, с одной стороны способствуют движению сюжета произведения, а с другой – дают возможность понять созданную модель мира в художественном тексте С.Н. Сергеева-Ценского. Он изображает мир сдвинутый, находящийся на изломе, где все в серо-черных тонах, печально и однообразно. Жестокие, безжалостные люди делают жизнь невыносимой и тяжелой. Автор изображает персонажа, находящегося в «пограничной» ситуации. Именно в таких ситуациях жизненного кризиса, когда нарушается привычный ход событий, страх, жестокость, бездуховность, безразличие разрушают, казалось бы, нерушимые основы – у человека возникают экзистен-

циальные вопросы. Утратив «почву под ногами» человек начинает понимать абсурдность, бессмысленность жизни, страх перед неизбежным, одиночество, отчаяние. Все попытки понять «новый» мир, общество, отдельного человека и, тем самым, избавиться от страха, одиночества, непонимания, тщетны (приводят к сумасшествию). Как следствие, персонажа мучает скука, чувство зря потраченных сил, бессмысленно прожитой жизни, что в свою очередь должно подталкивать его на какие-либо поступки.

Попытки преодолеть трагедию бытия, драматизм окружающей реальности, с точки зрения раннего творчества С.Н. Сергеева-Ценского, невозможны. Такова модель мира С.Н. Сергеева-Ценского.

Литература

1. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988.– 233 с.
2. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 304 с.
3. Мережинская А. Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. – К: ИПЦ «Киевский университет», 2001. – 433 с.
4. Сергеев – Ценский С. Н. Взмах крыльев // Сергеев – Ценский С. Н. Собр. соч. в 12-ти т. – М.: Правда, 1967. – Т. 1. – 600 с.
5. Силантьев И. В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
6. Слюсарь А. А. О соотношении фабулы, сюжета и композиции художественного произведения // Проблеми сучасного літературознавства. – Одесса: Астропринт, 2001. – № 9. – С. 275-284.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. –М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
8. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М.: Наука, 1990. – 203 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЮБОВНОГО ЗАГОВОРА В СТИХОТВОРЕНИИ И. БРОДСКОГО «ДЛЯ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА» В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКОГО МИФА ПОЭТА

А.А. Косенкова
Одесский Национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

Ситуация изученности лирики И. Бродского представляется неоднозначной. Несомненно, накоплен обширнейший исследовательский багаж в осмыслении и интерпретации текстов И. Бродского. И все же бродсковедение содержит достаточно лакун. Одной из таких лакун является осмысление авторской трансформации любовного заговора в стихотворении «Для школьного возраста».

Характерно, что осмысление этого раннего, но в то же время столь характерного для лирической системы поэта стихотворения, не вошло в исследования ведущих бродсковедов (В. Полухиной, Л. Лосева, А. Ранчина, О. Глазуновой и др.). При этом данный текст весьма приоритетен для анализа.

Цель статьи: проанализировать сближение данного лирического послания И. Бродского, обращенного к Марине Басмановой, со стилистикой любовного заговора.

Для школьного возраста
М. Б.
Ты знаешь, с наступленьем темноты
пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас.

И цифры как-то сходятся в слова,
откуда приближаются к тебе
смятенье, исходящее от А,
надежда, исходящая от Б.

Два путника, зажав по фонарю,
одновременно движутся во тьме,
разлуку умножая на зарю,
хотя бы и не встретившись в уме.

Кроме обращенности лирического послания к Марине Басмановой (М. Б.), название «Для школьного возраста» говорит о внешней и обманной простоте, легкости невинных помыслов. Возникает ассоциация с невинным восприятием мира, лирический герой ощущает себя школьником в познании жизни, своей страсти и себя.

В стихотворении эксплицируется детско-невинное состояние поэта-мага, переживание которого подчеркивается искренностью чувств. Лирический герой беззащитен перед своей любовью, страстью, доминирующими в дискурсе и преображающие весь окружающий его мир.

Особую интимность стихотворению придает включение в ткань текста отсылок к биографии поэта.

Во время написания данного стихотворения поэт находился в ссылке в Норенской. Показательно, что позже И. Бродский включит это лирическое послание в более позднюю книгу стихов «Новые стансы к Августе», посвященную М. Басмановой.

Переводчик текстов И. Бродского, лично знавший поэта, Б. Янгфельдт в своем исследовании акцентирует, что «Бродский собрал и издал шестьдесят стихотворений, посвященных М.Б., под названием “Новые стансы к Августе” – поклон Байрону и его “Стансам к Августе” 1816 года».

Для человека, который хоть немного знаком с поэзией И. Бродского, тут нет тайны: инициалы М. Б. – графические символы наиболее частых посвящений над его стихами. Известно, что поэт страстно любил Марину Басманову. Более того, переживая ее измену, он пытался свести счеты с жизнью.

По словам самого И. Бродского сборник, посвященный М. Б., централен в его поэтическом наследии. Более того, в одном из интервью поэт подчеркнул: «… до известной степени это главное дело моей жизни» [9, с. 43]. Это высказывание свидетельствует о том, что М. Басманова значила очень многое для поэта.

В стихотворении «Для школьного возраста» на уровне подтекста обыгрывается тема непростых отношений. Дерзкие, порой обидные, и обличающие слова неизменно сочетаются с невероятной любовью и тоской о прошлом, при этом лирический герой относится с иронией к себе.

1963-1964 годы, предшествующие написанию стихотворения, были переломными как в судьбе, так и в отношениях с М. Басмановой. Художница изменила ему в новогоднюю ночь с Дмитрием Бобышевым – другом И. Бродского. Поэт в это время находился в психиатрической лечебнице. После в интервью, говоря о пережитом, поэт утверждал, что «эта ситуация меня больше тревожила, чем то, что случилось с моим телом: перемещения из одной камеры в другую, из одной тюрьмы в другую, допросы, все такое, на это я не очень обращал внимания…» [9, с. 43].

Стихотворение «Для школьного возраста» написано в ссылке, после переоценки произошедшего. Бродский время, проведенное в Норенской, назвал отличным периодом жизни: «Бывали и не хуже, но лучше, пожалуй, не было» [9, с. 41]. В это время поэт описывал свои сокровенные чувства, он познавал себя, познавал любовь, познавал жизнь.

Почти половина всех написанных в 1964 году в ссылке стихов (24 оконченных и неоконченных стихотворения) либо посвящены отсутствующей М. Б., либо содержат мотив разлуки.

Характерна направленность текста на определенную личность, что задает особенность коммуникации. Так, коммуникативный потенциал стихотворения направлен не только на возможность диалога в поэтическом мире с возлюбленной, но и становится попыткой перетворения реальности с помощью магичности поэтического слова. Так, стихотворение наделено перформативной функцией. По замечанию исследователя Е. Горло, перформативность предстаёт «свойством высказывания или целого текста производить действие» [3, с. 47]. С. Фокина утверждает, что «поэтическое слово, наделенное перформативной функцией, способствует преодолению расстояния между лирическим “я” и адресатом» [7, с. 114].

Именно этот аспект перформативности обыгрывается И. Бродским и позволяет связать авторские коды с трансформацией любовного заговора. Трансформированные элементы любовного заговора выявляются в начальной строке стихотворения, когда поэт обращается к адресату.

Заговор, апеллируя, прежде всего, к перформативности слова в игровом ключе оборачивается магическим актом, который направлен на взаимное переживание обоими коммуникантами экзистенции любви и разлуки.

В подтексте активируются элементы автокоммуникации, выраженные в интенциях самопознания и исповеди. В интерпретации И. Бродского трансфомируется фольклорная специфика заговора, весомее становятся коммуникативные стратегии, включенные в авторский миф.

По замечанию В.Ф. Райана, заговор «это прежде всего магическая формула, призванная исполнить желание заговаривающего: обеспечить защиту, вызвать злого духа» [4, с. 245]. Фольклорная специфика, отмеченная английским ученым, явно связана с коммуникационными потенциями. Кроме того, «часто заговоры начинаются с молитвенного обращения, адресованного <…> лицу или объекту, который следует заговорить» [4, с. 250].

Согласно наблюдениям А. Топоркова, заговоры рассматриваются как особый «фольклорный текст магического характера и обряд его произнесения» [5, с. 185]. При этом заговоры выделяются среди фольклорных текстов своей индивидуализированностью, что «потенциально роднит их с типом лирического послания» [5, с. 184].

Особенность заговоров определена тем, что данные тексты «призваны магически воздействовать на человека, природу или сверхъестественные силы» и также тем, что «нарративное начало в заговорах сочетается с началом заклинательным» [5, с. 12].

В.Топоров настаивает на том, что «индивидуальность заговора соотнесена с его интимностью» [6, с. 22]. Кроме того, «заговор, будучи произнесенным при определенных условиях, становится осуществленным ритуалом, словесная часть которого описывает сам ритуал» [6, с. 24].

Интересна в данном контексте идея Н. Барковской, что в лирическом дискурсе «мотив словесной ворожбы» становится показателем «взаимообратимости слов и вещей, замены реального мира словесным…» [2, с. 476]. Такой аспект «словесной ворожбы» показателен для трансформации любовного заговора в лирическом послании И. Бродского.

В стихотворении «Для школьного возраста» одной из основных является тема бессонницы как особого состояния любовной тоски и магического транса. Связь с онерическим пространством в послании И. Бродского задается как кодами любовного заговора, так и на тематическом уровне.

Темнота является главной точкой отсчета. Она может символизировать видения, другую реальность, воспоминания. Герой обладает своего рода даром провидения:

«…пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас»

Также темнота символизирует магию, с помощью которой осуществляется заговор, помогающий преодолеть пространство разделяющее героев – как в физическом, так и в духовном плане.

Буква А символизирует начало мира, (альфа – главное), к тому же А – первая буква в имени Адама. Буква Б заглавная в фамилиях Басманова и Бродский. Таким образом, А и Б являются одновременно инициалами лирических героев и адресата, и адресанта.

Число два, соотносящееся в тексте И. Бродского с адресатом и адресантом, «часто фигурирует в любовных заговорах, ведь речь идет о соединении двоих людей. Для магических действий при начитывании приворотов берется обычно два предмета – связываются две нити, скручиваются две свечи. Символизм двойки состоит в том, что она представляет собой первое отражение единицы и потому символизирует собой, с одной стороны, идею противопоставления, разделения единого, а с другой стороны, соответствия и однородности противопоставляемых сил, свойств или понятий» [8].

Помимо перформативности, направленной на возлюбленную и обусловленной кодами любовного заговора, характерна и суггестия текста по отношению к читателю. Чувства, охватывающие при прочтении очень трудно описать. Реципиент со-переживает экзистенциалам лирического героя: страсти, одержимости, тоске и желанию.

Лирический герой обостренно чувствует боль, он познал много горя. От отчаянья он пытается определить расстояние между ним и любимой, что наделяет его в некотором смысле даром колдовства и провидения.

Тьма в стихотворении обыгрывает тему времени, когда лирический герой снимает маску, мечтает и надеется, желает повернуть время вспять. Это пора истинного, это пора беспокоящего, это время потока мыслей, и, конечно, памяти – самого страшного наказания, на которое обречен человек.

Жизнь разъединила любящих и эта разъединенность оказалась в жизни поэта судьбоносной и непреодолимой, которая могла быть изменена в лирическом послании с помощью обыгрывания любовного заговора.

В данном стихотворении «цифры сходятся в слова», что может также трактоваться как магические действия, также это свидетельствует о неупорядоченности мыслей, что выражает переживание страсти, обрушивающей логику.

Литература

1. Бродский И. А. Собр. соч. : 4 т. / И. А. Бродский / [сост. Г. Ф. Комаров]. – СПб. : Пушкинский фонд, 1994.
2. Барковская Н. В. Слово-проклятие и слово-заклятие в творчестве Ф. Сологуба / Н. В. Барковская // Серебряный век : диалог культур : [сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, посвящ. памяти профессора С. П. Ильёва] / [отв. ред. Н. М. Раковська]. – Одеса : Астропринт, 2012. – С. 475–483.

3. Горло Е. А. Поэтический дискурс: перформативность, интенциональность, медийность / Е. А. Горло. – Ростов н/Д : ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – 336 с.
4. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России ; [пер. с англ. А. Чернецов] / В. Ф. Райан. – М. : НЛО. – 720 с.
5. Топорков А. Л. Заговор / А. Л. Топорков // Славянская мифология: [энциклопед. словарь] / [под ред. Л. М. Анисова]. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 185–186.
6. Топоров В. Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) / В. Н. Топоров // Этнолигвистика текста: Семиотика малых форм фольклора: [тезисы к симпозиуму]. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 22–25.
7. Фокина С. А. Перформативность как фактор авангардной эстетики в цикле М. И. Цветаевой «Скифские» / С. А. Фокина // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis № 130: Studia Russologica V. – Krakow : Copiright Wydawnictwo Naukowe, 2013. – С. 106–116.
8. Числа колдовства [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. : http://www.mirsularii.com/chisla-koldovstva
9. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / Б. Янгфельдт. – М.: Астрель, CORPUS, 2012. – 368 с.

ЛАКУНА КАК МАРКЕР НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Б.Т. Кульбаева
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Лакуны, имеющие сложную природу, являются результатом несовпадения языковой и когнитивной картин мира, возникающего особенно отчетливо в случае межкультурной коммуникации. Проблема соотношения лакуны и концепта связана с проблемой национальной специфики концептосфер, основными аспектами которой являются:

- национальные различия в содержании близких концептов у разных народов;
- наличие сугубо национальных концептов в концептосфере народов.

Совокупность знаний о мире в языковом сознании определенным образом структурирована. Выявление концептуальных структур возможно лишь через язык, его формы. Анализ языковых структур делает возможным реконструкцию ментального механизма понимания и производства речи, а также структур языкового сознания, участвующих в переработке информации.

Номинативные знаки каждого языка выполняют несколько функций: релятивную, функциональную, сигнификативную, этнодифференцирую-

щую. Термин «функция», по мысли С.Ж. Баяндиной, имеет значение «способность языковых элементов (конструкций, группировок элементов и др.) или языковой системы в целом к выполнению того или иного назначения» [1, 19]. Функции языковых знаков, выполняющих функции культуры, заключаются в предназначенности их для выполнения определенного действия: выявления относительности культурных смыслов, определении роли культурно-языкового знака, ограничении культурно-языковых знаков одного языка от других. В этом случае суть регулятивной функции культурно-языкового знака состоит в представлении относительности культур каждого народа. В каждой культуре могут быть выделены специфические и универсальные компоненты, которые могут быть поняты и интерпретированы только в рамках собственной культуры, так как отличаются специфическим культурным смыслом и имеют особые культурные сценарии.

Культурный смысл, по мысли В.П. Козловского, проявляется в фиксированных установках этноса – нормах и содержит два аспекта: 1) абсолютный (смысловые формы жизни составляют универсальный мир исторической жизни определенного сообщества людей); 2) относительный, выявляемый в процессе диалога с другими культурами [2, 28].

Относительность культурного смысла языковых знаков является результатом отражения в сознании этносов особенного социокультурного опыта, накопленного поколениями людей, проживающих в определенном экологическом и социально-историческом ландшафте, в процессе занятий определенной трудовой деятельностью, выражения специфических ценностных установок и ценностных ориентаций по отношению к объектам мира, проявления неадекватной символизирующей способности людей наделять элементы культуры смыслами [3, 53].

Любой культурно-языковой знак наделен определенной функцией, например, сигнификативная и этнодифференцирующая способствуют локализации культур, отграничении их друг от друга на основании выделения национально-специфических элементов в каждой культуре и в каждом языке.

Названные функции культуры эксплицируются посредством номинативных единиц, как слова. Слово – не просто название предмета или явления, определенного «кусочка» окружающего человека мира. Этот кусочек реальности был пропущен через сознание человека и в процессе отражения приобрел специфические черты, присущие данному национальному общественному сознанию, обусловленному культурой данного народа. Поэтому слова разных языков, даже обозначающие одно и то же понятие, могут различаться семантической емкостью, могут покрывать разные кусочки реальности. Кусочки мозаики, представляющей картину мира, могут различаться размерами в разных языках, в зависимости от объема понятийного материала, получившегося в результате отражения в мозгу человека окружающего его мира. Способы и формы отражения, так же как и формирование понятий, обусловлены, в свою очередь, спецификой социокуль-

турных и природных особенностей жизни данного речевого коллектива. Расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия по сравнению с родным языком изучающего иностранный язык. «Две национальные культуры никогда не совпадают полностью. Это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов» [4, 57]. Общеизвестно, что способом существования вербальной культуры является национальный язык, в основном его лексическая система. Н.Г. Комлев, указывая на тесную взаимосвязь лексического значения с культурой народа, отмечает значительный удельный вес культурного компонента в значении слова [5, 191].

Такие слова отличаются способностью неадекватно представлять в разных культурах объекты мира, их национальная специфичность проявляется в том, что они этнографичны, этноцентричны.

Национально-культурная специфика лексики заключается в том, что в значениях слов имеются компоненты, которые либо отличаются от соотносимых сем в лексических соответствиях языка сравнения по содержанию или по статусу, либо полностью отсутствуют в одной (или нескольких) из сравниваемых семем при наличии их в другой (других) [6, 162]. Эти национально-культурные компоненты слов содержат фоновые знания и фоновую информацию. Слова, содержащие национально-культурные компоненты, выполняют кумулятивную функцию, т.е. накапливают культурные, фоновые знания о каком-либо культурном артефакте, явлении, обозначением которых выступают данные слова.

Национально-культурная специфика слов различных языков и их идиоэнтичность обусловлены следующими факторами: в связи с «селективной направленностью сознания отражательной деятельности языки различаются избирательностью признаков отражения: 1) один и тот же объект «схватывается» по разным признакам; 2) особенностью географических, климатических условий жизни народа; 3) особенностью социального, хозяйственного развития народа; 4) особенностью эмоционального, психического склада народа, национальной психики, национального характера, темперамента, самосознания» [7, 57-58].

Слова с идиосемантическим компонентом проявляются в языке вследствие культурной и когнитивной релятивности. Когнитивная релятивность проявляется в различном восприятии мира представителями различных лингвокультурных сообществ в результате лингвокреативной деятельности в процессе освоения мира и концептуализации его в ходе опредмечивания в слове. Лингвистическая относительность проявляется в неадекватном структурировании объективного мира в разных языках. Культурный релятивизм проявляется в относительности культур разных народов, когда лингвокультурные общности по-разному описывают «свой опыт» и «свой мир», подразделяют культуру и язык на «свой» и «чужой».

Идиоэтничность значений слов обусловлена также универсальностью и относительностью способов представления действительности в процессе структурации и концептуализации его в разных языках. Структурация мира в процессе членения и концептуализации может быть общей, одинаковой, когда выделяются только родовые понятия. Но она может быть и более дробной, когда в языках имеется система родовидовых отношений, представляющих дробные фрагменты мира, более дробные фрагменты классификации соответствуют более важным аспектам данной культуры. Согласно точке зрения Г. Хойера, «народы, занимающиеся охотой и собирательством, как, например, племена апачей на юго-западе Америки, обладают обширным словарем названий животных и растений, а также явлений окружающего мира. Народы же, основным источником существования которых является рыбная ловля (в частности, индейцы северного побережья Тихого океана), имеют в своем словаре детальный набор названий рыб, а также орудий и приемов рыбной ловли» [8, 157].

Наличие дробного, идиоэтнического представления мира объясняется неадекватностью условий деятельности. Под условиями деятельности понимаются природный и социальный ландшафт, в рамках которого осуществляется любая деятельность, а также артефакты, в которых кристаллизована деятельность прежних поколений. Несовпадающие в разных культурах условия деятельности способствуют созданию национально-культурных вариантов осуществления идентичных деятельностей. Это проявляется в социально одобренных в данной локальной культуре стандартных способах совершения действий, иными словами, в операциях или наборах операций, посредством которых выполняется деятельность [9].

Как видим, традиционные формы труда, являющиеся основным типом занятий этноса, являются важнейшим фактором, формирующим национальную специфику, так как, в зависимости от природно-социального ландшафта используются народами различные действия, операции, наборы операций, отличающиеся дробностью названий. Так, если у племен апачей, занимающихся рыбной ловлей, имеется обширный словарь названий животных и растений, то у казахов, занимающихся в прошлом кочевым скотоводством, детализированы названия операций по уходу за животными, названия животных (по годам, по мастям, по особенностям поведения, по особенностям проявления способности к скачкам и др.). У англичан, издавна занимающихся биржевой и торговой деятельностью, имеется обширный словарь экономики.

Этноцентричность значений слов проявляется и в неадекватности коннотативных значений слов-этноконнотатов, особых экспрессивно окрашенных значениях, способных передавать внутреннюю форму слова в образном виде, сигнализировать о ценностном отношении говорящего и к миру объекта высказывания. О.И. Быкова указывает, что этноконнотации

выступают как признак, детерминируемый спецификой этноментальной деятельности. Она дает им такое определение, рассматривая их «как макрокомпонент, включающий образную составляющую, маркированную ингерентными признаками-спецификаторами культурно-исторического характера (локус), (темпус); этномотив (ээ), а также признаками, связанными с функционированием (социолект) в определенном социуме носителей языка и в определенной сфере употребления (функциолект)» [10, 34].

Этноцентричность лексики разных языков проявляется и в наличии ключевых слов культуры, то есть особых культурно-языковых знаков, служащих эталонами культуры того или иного народа. Д.Н. Шмелев считает, что такие слова могут быть ключом к пониманию национальной культуры. Поэтому ученый, трактуя ключевые слова как категории культуры и языка, пишет: «в соответствии с этими представлениями (Гумбольдта, Сепира, Уорфа - К.Б.) язык и образ мышления взаимосвязаны. С одной стороны, в языке находят выражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком. С другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифические концепты, одновременно отражают и «формируют» образ мышления носителей языка» [11, 7].

К таким ключевым словам культуры относятся в первую очередь безэквивалентные слова-лексемы, связанные с обозначением специфических понятий культуры, быта, образа жизни какого-либо народа с его ценностным опытом, накопленным в течение нескольких поколений. К безэквивалентным словам относят реалии, экзотизмы, этнографизмы и лакуны. Реалии – это слова или словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта), культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов в других языках). Терминами, служащими для обозначения различий в локальных культурах, являются:

- экзотизмы – это слова, служащие для обозначения предметов быта, образа жизни экзотической культуры;
- этнографизмы связаны с наименованием специфических предметов быта какого-либо народа;
- лакуны – семантические пробелы.

Таким образом, лакуна выступает как маркер национальной концептосферы, так как, во-первых, это варианты универсальных понятий, передающих относительные смыслы; во-вторых, они содержат фоновые знания; в-третьих, характеризуются способностью селективно и избирательно проявлять этноцентричность.

Лакуны как безэквивалентные слова, не имеющие адекватных слов в других локальных культурах, выступают как этномаркированные средства. Именно они представляют в языковой картине мира, наряду с ключевыми словами культуры и языка, ценностные фрагменты культуры какого-либо народа.

Литература

1. Баяндина С.Ж. Функции языка в контексте современного языкознания. - Алматы, 2004. - 248 с.
2. Козловский В.П. Культурный смысл: генезис и функции. - Киев: Наукова думка, 1990. – 261 с.
3. Абишева К.М. Основы теории межкультурной коммуникации. - Астана, 2008. – 271 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2003. - 352 с.
5. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 191 с.
6. Гак В.Г.Сопоставительная лексикология. М.,1997. – 237 с.
7. Комаров А.П.О внутренних противоречиях языка. – Алма-Ата: «Мектеп», 1988. – 151 с.
8. Хойер Г. Антропологическая лингвистика// Зарубежная лингвистика. - М., Прогресс, 1999. – 214 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М,1975. – 216 с.
10. Быкова О.И.Образная составляющая как релевантный признак этноконнотата // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2005, №7. - С. 34-37.
11. Шмелев А.Д. Могут ли слова языка Ключом к понимания культуры? Введение. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 192 с.

ЛОЗУНГ КАК РЕЧЕВОЙ АКТ

Д.А. Кусаинова, С.В. Доронина
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Актуальной задачей современной лингвистики является портретирование речевых актов из различных коммуникативных сфер. Предметом особого внимания, безусловно, при этом являются высказывания с побудительной семантикой, однако, несмотря на их активное изучение, данная задача еще далека от своего окончательного решения. Так, в частности, внимания требует такой вид речевых актов, как лозунги. Большая часть лингвистических исследований не выделяет лозунг как особый вид речевого акта. В этом теория речевых актов солидарна с лексикографией, поскольку

в словарных толкованиях лозунг отождествляется с призывом: «Лозунг – это призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или требование» [4: 348, 5: 407]. Вместе с тем наблюдение над употреблением слова «лозунг» в естественном языке не позволяет согласиться с таким подходом. Приведем примеры лозунгов, которые в то же время не являются призывом: «*Его лозунг — всё тот же сократовский лозунг познания: "Исследуем вопрос"».* [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«Павловский даже сформулировал лозунг: "Путин — это, прежде всего, мир" — и добавил загадочно, что "мир" в обоих смыслах слова». [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Таким образом, целью данной работы является рассмотрение лозунга как речевого акта особого типа, выявления его отличий от достаточно хорошо исследованного речевого акта призыва [1].

Материалом для исследования послужили контексты, взятые из информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка», содержащие в своем составе лексему «лозунг» и отражающие функционирование лозунга в различных речевых сферах. Данный метод основан на представлениях о двойственной роли языка в процессе познания объективной действительности. Будучи одновременно и средством фиксации знаний о мире, и самостоятельным объектом познания, язык отражает донаучные представления говорящих о различных правилах речевого поведения. Знания о языке составляют отдельный пласт языкового сознания и в исследованиях последних лет обозначаются терминами «метаязыковое сознание», «языковое самосознание», «металингвистическая рефлексия». Логика такого исследования оправдывается принципиальной непротиворечивостью научных и донаучных представлений об объекте, поскольку предметом исследования в данном случае выступает традиция речевого общения, так называемая коммуникативная норма, в ее узуальном рассмотрении. «Результат речевого опыта хранится в сознании носителя языка, так же как и все прочие знания о мире, и отражается в языковых знаках» [2: 202]. Метаязыковое сознание проявляется как в узуальных, так и в неузуальных формах. Под узуальными формами проявления метаязыкового сознания принято понимать фиксацию тех или иных явлений языка в лексических единицах нетерминологического характера, во фразеологии и паремиологии. Под неузуальными формами понимаются суждения носителей языка о языковых или речевых фактах, рожденные в процессе метаязыковой рефлексии.

Наблюдения за собранным материалом позволяют выделить специфические черты лозунгов на уровне формы и значения высказывания. Функционируя в сфере публичной коммуникации, лозунг предполагает трех обязательных участников: автора, адресата и косвенного адресата. Субъектом речевого акта в лозунговой форме могут являться как группа,

социум, так и отдельный индивид. Адресатом высказывания всегда выступает группа, социум. Косвенный адресат – дополнительный участник коммуникации, ее свидетель и пассивный участник. Наличие косвенного адресата является обязательным условием функционирования лозунга в сфере межличностной коммуникации. Будучи обращен к отдельному лицу, лозунг всегда предполагает незримого свидетеля, дополнительного участника коммуникации, отсутствие которого превращает лозунг в предложение, содержащее в себе лишь субъективные посылы: выражение мнения, собственных принципов, идей и пр. Проиллюстрируем данный тезис примерами:

«"Единственное средство защиты — публичная атака", — сформулировалаона после этого свой лозунг и теперь помогает другим людям спасать свой бизнес и судьбу». [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«Я тут недавно захожу к рекламщикам моим в кабинет, а у них на стене новый лозунг: "Мечта каждого хорошего менеджера — заработать миллион и уехать на Гоа"». [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

В представленных предложениях лозунг выражает мысль, направленную во внешний мир без конкретизации адресата, то есть служит своеобразным объявлением для всех потенциальных собеседников и, в частности, для отдельного субъекта в конкретном коммуникативном акте.

Лозунг имеет сентенциальную форму выражения – его содержание всегда выражается кратко, посредством не более чем одного предложения.

В работе Л.В. Ениной, посвященной описанию семантики лозунгов [3], называются основные сферы их распространения – политика, экономика и культура. Лозунг, по ее мнению, не функционирует изолированно, а вступает в содержательное и ситуативное взаимодействие с другими лозунгами, т.е. выступает как сверхтекст. Наш материал демонстрирует употребление лозунгов в более обширном коммуникативном пространстве, связанном не только с общественной, но и с частной жизнью.

По тематике лозунги, как правило, делятся на следующие группы: они могут быть посвящены политике, экономике, культуре, а также быту, вопросам межличностной коммуникации и т.д. [3]. Лозунги, касающиеся сферы политики, отражают микротемы социально-политического устройства общества (социализма, капитализма, демократии, автократии), а также микротемы, связанные с политической деятельностью лидеров первого плана — Жириновского, Хрущева, Зюганова, и др. Исследуемый нами материал – контексты естественного языка, отражающие употребление слова «лозунг», подтверждают наблюдения:

«*Лозунг "Слава КПСС!" на фасаде привокзального здания мирно сочетается в Вологде с церквями XVIII—XIX веков».* [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«За «расказачиванием», особенно широко прокатившимся по Дону и Северному Кавказу, Троцкий провозгласил лозунг "Да здравствует гражданская война с крестьянством!"» [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Лозунги, употребляемые в сфере экономики, включают в свой состав блок следующих микротем: экономические реформы и новые экономические реалии; явления, сопровождающие экономические реформы и связанные с ухудшением материального и социального положения людей (безработица, рост цен, налогов и др.):

«*Реклама способна содействовать продвижению российского товара на международном рынке, хотя многие недооценивают этот фактор. Лозунг "Покупайте российское!" должен превратиться в практическую задачу».* [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«Даже западные нефтяники говорят о хищническом подходе российских компаний к добыче углеводородного сырья. Их лозунг: "Бурить меньше, добывать больше"». [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

В сфере культуры выделяются микротемы образования, творчества, познания мира, духовных ценностей и т.д.: *«И лозунг русских наций: "Мир спасет не красота, а разум, сила, доброта"».* [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«Что ж, господа хорошие, очевидно, лозунг "Книга — лучший подарок" не про творения наших авторесс». [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Вместе с тем, использование лексемы «лозунг» в естественном языке позволяет говорить об успешном функционировании лозунгов не только в общественной, но и в бытовой межличностной коммуникации. Их функционирование в данной сфере отражает микротемы физической и социальной жизни человека, а также уклада повседневных дел и т.д.:

«*Однажды не выдержала. Повесила отчаянный лозунг на своих дверях: "Здесь отдыхает полутруп"».* [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«Общий лозунг примерно таков: "Пусть наши дети увлекаются шахматами, а не наркотиками!"» [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«Поэтому рожденный нами лозунг: "Дом — своими руками!"».

[Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Не являются однородными и прагматические значения, отраженные в лозунгах. С нашей точки зрения, лозунг – это отдельное высказывание, речевой акт особого типа, отличный от призыва. По коммуникативной функции лозунги можно разделить на следующие группы: лозунг – при-

зыв, лозунг – декларация, лозунг – обещание, разновидностью которого является лозунг-угроза. Охарактеризуем каждый из этих видов.

Лозунг-призыв – вид лозунга, коммуникативная функция которого состоит в побуждении адресата выполнить какое-либо действие. Характеризующей чертой лозунга-призыва является инклюзивность, т.е., включенность адресанта в будущую деятельность [1]. *«Так что лозунг создателя Морального кодекса строителя коммунизма Н. С. Хрущева "Догоним и перегоним Америку!" для нынешних "народников" можно считать весьма актуальным».* [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«С плакатов призывал лозунг: "Летать выше всех, быстрее всех, дальше всех!"»

«Начали они с того, что ещё в приснопамятные советские годы подписали своими громкими именами стандартный лозунг "Наша цель – коммунизм!"» [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Лозунг-декларация – такой тип лозунга, при котором адресант провозглашает свою позицию в какой-либо сфере жизни, заявляет в категорической форме о своем мировоззрении, о нормах личного поведения.

«Полно священников, общий лозунг которых крупными буквами: "Бог, честь, отчизна"». [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«*"Разделяй и властвуй" — лозунг нашей партийной псевдоэлиты».* [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«"Иди не думая!" — вот его лозунг». [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Лозунг-обещание – вид лозунга, коммуникативная функция которого состоит в выражении намерения адресанта к выполнению какого-либо действия, значимого для адресата. *Приведем* примеры лозунга-обещания:

«Свое толкование понятия "ВВП" предлагал и лозунг, украшавший панно в зале: "Вернем высокие показатели". [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Разновидностью лозунга-обещания являются лозунг-реклама и лозунг-угроза, иллокутивная функция которых также заключается в обязательстве выполнения действия. Различаются эти разновидности коннотацией, заключенной в семантике предложения: лозунг-угроза обычно имеет отрицательную, негативную коннотацию, тогда как лозунг-реклама, наоборот, чаще всего позитивно окрашен.

Лозунг-реклама:

«В качестве девиза выставки можно было бы взять рекламный лозунг Бучанского завода стеклоизделий: "Мы сделаем мир светлее, красивее и безопаснее". [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

«Тем не менее, в фирме бытовал лозунг: "Мы обеспечиваем стопроцентную надежность!"» [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Лозунг-угроза:

«Один факт, что Техас — самый большой по площади штат, уже как бы даёт его жителям право иметь официальный лозунг "дружба" (утверждение), а неофициальный — "не связывайся с Техасом"». [Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru].

Итак, анализ контекстуальных смыслов лексемы «лозунг» позволяет выявить специфику речевых произведений, обозначаемых этим словом. Общей чертой проанализированных лозунгов является то, что они выражают определенное намерение /позицию, являясь своеобразным волеизъявлением. По иллокутивной функции выделяется несколько основных видов лозунга: лозунг-обещание, лозунг-реклама, лозунг-угроза, лозунг-декларация и лозунг-призыв. Следует согласиться с А.Н.Барановым в том, что в сфере политики существует множество лозунгов, выступающих в функции призыва. Лозунговая форма оказывается удобной для речевой деятельности, которая регулирует отношения говорящего с массовым адресатом через общность или конкуренцию их интересов, решает вопросы и обозначает события общественной, государственной жизни. Однако, рассматривая лозунг как отдельный речевой акт, мы приходим к выводу, что понятие «призыв» не раскрывает в полной мере значений лозунга, хоть и тесно пересекается с ним, являясь неотъемлемой частью функционирования лозунга в речевом пространстве. Понятие «лозунг» охватывает не только общественно-политическую деятельность, но также и сферу культуры, экономики, бытовой межличностной коммуникации.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М: Флинта: Наука, 2007.
2. Доронина С.В. Насмешка в зеркале обыденного метаязыкового сознания / С. В. Доронина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: Коллективная монография; отв. ред. Н. Д. Голев. -Томск: Изд-во Томского гос. пед. Ун-та, 2009. -С. 202 -213.
3. Енина Л. В. Современные российские лозунги как сверхтекст: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уральский государственный университет им.А.М.Горького, Екатеринбург, 1999.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М: АСТ: Астрель, 2006.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Вече: Мир кн., 2001.

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ГЕРМАНИИ

А.А. Лаврова, Р.А. Абсалямова
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Исторически первая классификация топонимической лексики была описана в работе Ф. Паляцкого в 1834 году. Им выделено 2 группы топонимов:

1) образованные от имён основателей или владельцев поселения, и

2) образованные от топографического положения объектов.

Классификация, представляющая интерес не только для языкознания, но также для географии и истории, была предложена В.А. Жучкевичем. В её основу был положен этимологический критерий. Автор делит топонимы на 8 групп: 1) возникшие на основе природных признаков местности, 2) возникшие на основе социально-экономических понятий, 3) возникшие из признаков самого объекта, 4) названия патронимические, 5) мигранты, 6) топонимы религиозного и культового происхождения, 7) названия мемориальные, 8) этимологически не исследованные, и поэтому не отнесённые ни к одной группе.

Конечно же принципы классифицирования топонимов определяются прежде всего целью исследователя, но в последние годы приоритетом пользуются два основных критерия: 1) лексико-семантический и 2) морфолого-словообразовательный. При описании системы лексических значений топонимов немецкого языка важно определить особенности выбора признака, положенного в основу номинации, т.е. мотивационного признака. Многие исследователи отмечают зависимость выбора мотивационного признака от существенных свойств обозначаемого предмета, который кладется в основу номинации и становится представителем всех остальных характеристик именуемого предмета. Другие лингвисты убедительно доказывают роль случайного в номинации и мотивировке. Например, в средние века при создании ойконимов как в русском языке, так в немецком языке часто использовался мотивационный признак мост» (Замостье, Мосты, Osnabruck, Zweibrucken и т.д.).

Антропотопонимы - это географические названия, образованные от антропонимов. Названия, мотивированные личными именами, носят «посессивный» характер, отражая отношение первичного поселения к определенному лицу, прямо или косвенно связанному с формированием населенного пункта, его обитателями или некоторыми событиями его истории. При этом иногда географический объект обозначается непосредственно именем соответствующего индивида: в большинстве случаев антропотопонимы представляют собой сложные слова, дериваты или словосочетания, однако доминирующим мотивационным признаком остаются имена лиц, статус которых может быть самым различным.

- «знаковые» личности: Eppingen (от Eppo), Meiningen (от Meino), südthüringische) *Thiemendorf,*

- первопоселенцы длительное время обладавший данной территорией

Lübeck altpol/ Grundform *L'ubici*. als "Ort der Leute eines Lub - поселение людей Любека

Ludwigshafen am Rhein – Рейнланд - Пфальц. 1843 год, баварский король Людвиг Первый

Fallersleben – назван в честь Августа Генриха Гофмана фон Фаллерслебен (нем. August Heinrich Hoffmann von Fallersleben)

Braunschweig (герцог Bruno von Sachsen)

Leverkusen - название в честь скромного аптекаря Карла Леверкузена, основавшего небольшую красильную фабрику в 1883 году.

Этнотопонимы, мотивированны названиями германских и негерманских племен, дают ценнейшую информацию об истории формирования этнического состава, о направлениях миграций и ареалах межэтнических контактов племен, некогда населявших Германию *Дрезден* – славянское племя *дреждано, Frankfurt -племя франков,* Trier - племя *кельтов – треверов,* Katzwalchen, Roitwalchen Walchensee (Obb.), uualach обозначает, римляне ' галльское Volcae

Катойкотопонимы представляют собой названия поселений на основании прозвищ обитателей.

Большую группу составляют эрготопонимы, т.е. географические названия, отражающие социальный статус и связанную с ним деятельность определенного лица. В эрготопонимах отражена профессиональная деятельность социума, разнообразные общественные отношения (отношения собственности, правовые, судебные, политические отношения). Многочисленные топонимы содержат свидетельства о религиозной жизни социума, культов. Практическая жизнь социума представлена обозначениями поселений, различных помещений, хозяйственных построек, дорог, улиц, мостов, переправ, производственных и торговых предприятий и учреждений, а также производственной деятельности местного населения (земледелие, садоводство, овощеводство, скотоводство, животноводство, охота, рыболовство, птицеловство, пчеловодство и т.п.).

Sachrang, Sachenbach, vgl. germ. sakóstreiten, richten, Recht sprechen; aus sachs, Ort zum Gerichtsthing–поселение, где разрешали споры.

Rothschwaig (Obb.), Schwaigeralm (Obb., Tirol), Schwaiganger (Obb.), Oberschwaig (Obb., Oberöst.), Schwaige ahd. sweiga = „Viehhof", mhd. /sweige = „Viehhof, Rinderherde" - поселения, где разводили скот.

Многочисленную группу составляют топонимы, в основу которых положены мотивационные признаки, связанные с природой, отражающие физико-географические признаки первоначального места поселения и особенности окружающей его среды. Например, природа отражена в топонимах мотивационными признаками, отражающими особенности рельефа

местности и ландшафта: долины, низменности, ущелья, пещеры, возвышенности, горы, скалы, водоемы.

В гидронимических названиях раскрываются особенности течения, цвет, вкус, запах воды, характер русла и поймы. Мотивационным признаком создания фитотопонимов служат обозначения дикорастущих хвойных и лиственных, плодовых деревьев, кустарников, сельскохозяйственных культур, цветов и трав.

Kaltwasser - eine Siedlung am kalten Bach/Gewässer‹, поселение у холодного ручья.

Steinbach-, Siedlung am steinigen Bach‹, поселение у каменистого ручья.

Borna (лат)- Siedlung am Born/Brunnen поселение у колодца.

В словообразовательном отношении эти топонимы представляют собой в своем большинстве сложные слова, что подтверждает тезис о том, что "словосложение является самым продуктивным способом словообразования в немецком языке".

К определительному словосложению относятся слова, членение которых всегда бинарное. Как правило, первый компонент определяет второй, а второй дает общую морфологическую и семантическую характеристику соединения. Сложные слова могут иметь разную степень переосмысления, вплоть до полного стирания мотивированности.

Есть у топонимов этих мест и общие черты. Анализ карты показывает, что, несмотря на многообразие внутреннего строения названий, большинство из них проявляет определенную регулярность. Регулярность эта проявляется, большей частью, в конечных элементах топонимов. Такими элементами являются, как правило, географические термины (гора, дом, поле, высота, долина). В этих особенностях немецкой топонимики и кроется разгадка на первый взгляд непонятных нам сегодня названий, ведь некоторые слова устарели, вышли из обихода и найти их можно лишь в специальных словарях или архивах.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУТБОЛЬНОГО РЕПОРТАЖА

С.К. Ларцев, О.К. Андрющенко
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Нет ни одного функционального стиля или функциональной разновидности русского языка, где не использовались бы элементы других стилей. Все они проницаемы. Границы между ними размыты. Важно то, что одно и то же слово, выполняя разные функции, «приспосабливается» к ситуации, несколько меняет свою семантику в зависимости от условий, в которые оно попадает.

Если слово закреплено за определенным стилем, то это не мешает ему использоваться в другом стиле. Оно будет восприниматься, например, как иностилевое и потому экспрессивное. Наконец, тексты одного стиля могут включать целые фрагменты из текстов другого стиля. Например, в научных текстах по лингвистике в качестве анализируемого материала используются любые тексты. В газетной статье обсуждается текст нового закона. В частном письме приводятся полюбившиеся стихотворные строки. Наиболее непроницаем в этом отношении официально-деловой стиль, однако деловая беседа может также включать элементы разговорной речи.

Что касается языковых особенностей, здесь можно говорить о наборе характерных слов и выражений, об их комбинации с межстилевой лексикой, о предпочтении тех или иных грамматических форм или синтаксических конструкций. Каждая функциональная разновидность по-своему использует средства языка, выбирает те из них, которые в каждом конкретном случае наилучшим образом выражают намерение отправителя, ориентируясь при этом на собственные нормы, определенные правила и запреты. Но и эти нормы достаточно подвижны и касаются наиболее типичных случаев. Нормативные требования к разным формам речевой деятельности могут быть условно выражены как определяющие качества речи: эмоциональность, экспрессивность и свернутость разговорной речи, стандартизированность, бесстрастность официально-делового стиля, логичность абстрагированность научного стиля, апеллятивность, оценочность публицистического стиля, образность, метафоричность языка художественной литературы.

Футбольный репортаж – это яркий пример взаимодействия нескольких стилей в пределах одного текста. Являясь жанром публицистического стиля, футбольный репортаж перестает быть ограниченным его рамками. В процессе своей работы автор обращается от одного стиля к другому, что делает футбольный репортаж новым, стилистически синтезированным, продуктом языка.

Для футбольного репортажа каркасом, на котором строится вся работа комментатора, служит публицистический стиль. Этот стиль воздействует на слушателей и читателей и в то же время передаёт определённую информацию. Применяя этот стиль, комментатор стремится призвать к переоценке какого либо явления, побудить чувства, выработать свою точку зрения у зрителя. Для публицистического стиля характерна эмоциональность, оценочность, образность, логичность, но главной отличительной чертой является информативность. Информация в публицистических текстах не только описывает факты, но и отражает мнения, настроения, содержит комментарии и размышления авторов. Это отличает её от научной информации. Современный футбольный репортаж невозможно представить без оценочных высказываний и рассуждений, которые проявляются практически в каждой второй фразе. Ср.: *«Этот удар не был опасным»* -

«Не самый опасный удар, не правда ли? Вот если бы немного левее, тогда у вратаря могли возникнуть проблемы». В обоих приведенных примерах содержится одна и та же мысль. В первом случае мы видим лишь констатацию факта, а во второй (более развернутой фразе) мы встречаем оценку комментатора и элемент рассуждения о предмете высказывания. Риторический вопрос «не правда ли?» усиливает убежденность комментатора Василия Уткина и в то же время служит обращением к телезрителю и актуализации его внимания. Прибегая к гипотетичности, в своем дальнейшем рассуждении Уткин моделирует ситуацию, которая могла бы произойти на поле при определенных условиях и обстоятельствах. В отсутствии описанных нами элементов футбольный репортаж мог походить на радиорепортажи советской эпохи, когда доминантой при освещении спортивного события были только факты.

Как уже отмечалось ранее, публицистический стиль служит лишь каркасом футбольного репортажа. Тем не менее, полной опоры на него не позволяет себе ни один из рассмотренных нами комментаторов. Особенно трудно представить репортаж без элементов разговорного стиля. Разговорная речь является наиболее частотным средством передачи экспрессии от комментатора к зрителю. Это обусловлено спецификой её использования. Разговорная речь используется в тех случаях, когда существует неподготовленность речевого акта, непринужденность речевого акта и непосредственное участие говорящих в речевом акте.

В письменной речи всегда есть условия для перестройки предложений, замена одного слова другим, их подбора с обращением к справочникам и словарям. Говорящий сумет исправить по ходу изложения лишь то, что заметит в процессе речи. В связи с этим комментатору приходится постоянно следить за каждым произнесенным словом.

Разговорная речь обычно характеризуется меньшей четкостью по сравнению с официальной литературной речью. Однако официальная обстановка, условие публичной речи требуют от комментатора четкости произношения, большого напряжения органов речи. Фонетическая и ритмическая организованность играют важную роль при контакте зрителя и комментатора. От последнего требуется особое мастерство в распределении ритма дыхания, чтобы быть не только правильно понятым, но и не вызывать у зрителя неприязни, утомления от лишних звуков, которые могут возникнуть во время говорения. Тем не менее, нами были выделены фонетические особенности разговорного стиля, которые положительно воздействуют на зрителя. В процессе разговорной речи для коммуникантов характерны так называемые «протяжки». Преимущественно они негативно характеризуют речь говорящего (к примеру: *«э-э», «гм-м» и т.п.*). При анализе материала нами были зафиксированы лишь единичные использования «протяжек-паразитов». В то же время мы выделили «протяжки», которые создают эмотивное пространство футбольного репортажа. Наиболее

частотна протяжка в следующих словах: *«удар-р-р-р», «го-о-о-л», «моме-е-е-н-т», «опасн-о-о-о»*. Нами было замечено, что использование «протяжек» приходится на наиболее острые моменты матча.

Особенности разговорного стиля становятся причиной своеобразной языковой игры на фонетическом уровне. Наиболее интересно непринужденность речевого акта проявляется в репортажах Василия Уткина. Этот комментатор по ходу репортажа своевременно замечает звуковые нюансы, которые обыгрывает в дальнейшем. Например: *«Как я мог перепутать Пэпэ и Модрича? Я себя исПЭПЭляю за это!»* или *«Пэпэ пасует на Пэдро, Пэдро обратно на Пэпэ – такое коллективное пэпэдро»*. В другом примере фраза Уткина содержит приём аллитерации: *«Умудрённый Модрич умудрился перекрыть направление передачи»*. Частотное использование звука «р» не может остаться вне внимания зрителя. Последний пример характерен тем, что он соединяет в себе не только разговорный, но и художественный стиль.

Использование тропов и фигур, относящихся к художественному стилю, является неотъемлемой частью любого футбольного репортажа. Литературоведческие приёмы органично вписываются в комментирование футбольного матча.

Среди лексических особенностей наиболее яркими, экспрессивно насыщенными являются процессы активного введения тропов. Рассматриваемые нами тексты содержат немалое количество тропов, для которых характерна нерегламентированность языковой формы. То есть они могут содержаться в одном слове, группе слов, предложении или группе предложений. Относясь к стилистическим ресурсам лексики, тропы усиливают изобразительность и выразительность звучащей в эфире речи, передают оценочное (в авторских текстах) и эмоционально–экспрессивные значения [1, 78].

Так, олицетворение – особая разновидность метафоры; троп, выразительность которого связана с тем, что неодушевлённые предметы наделяются свойствами живых существ и, в частности, человека [2, 64]. Среди наших футбольных репортажей встречаем следующий пример: *«Перекладина затряслась от страха».* Устойчивое выражение *трястись от страха* несет в себе значение «пугаться». Данное действие свойственно только живым организмам. Здесь посредством олицетворения свойством живого организма наделяется верхняя часть каркаса ворот. Использованный приём добавляет эмоционально-экспрессивную окраску. Таким образом, процесс активного использования олицетворений способствует реализации одной из основных функций текста масс-медиа. Воздействуя на слушателя, комментатор привносит эмоциональность и оживляет информационное послание. Отметим примеры окказиональной метафоры: *«От такого удара возмущены не только болельщики, но и мяч, угодивший в них». Возмутиться* – «испытать негодование, раздражение» [3, 293]. Как правило, действие,

свойственное одушевленным существам, по большей части человеку. В данном предложении глагол *возмутиться* употребляется применительно к одушевлённому объекту (*болельщики*) и к не наделённому качествами живого организма предмету (*мяч*). Процесс активного использования олицетворений способствует реализации одной из основных функций текста масс–медиа. Воздействуя на слушателя, комментатор привносит эмоциональность и оживляет информационное послание.

Подобной цели служит и образная метафоризация действий, осуществляемых футболистами в ходе матча, связанных с пространством спортивного дискурса. Так, в наших наблюдениях отмечено следующее: *«После подключения к атаке Тарасов сразу же откатился назад»*, где *подключение к атаке* – участие в атакующих действиях своей команды, а *откатился назад* – в данном контексте означает «вернуться на свою половину поля для защиты собственных ворот».

В отдельных примерах нетрудно усмотреть наличие перифразы – оборота, состоящего в замене названия предмета или явления описанием его существенных признаков или указанием на его характерные черты [2, 461]. В спортивных комментариях отметим: *«Любители игры номер один с особым интересом наблюдают за этим историческим противостоянием»*, где под *игрой номер один* скрыта спортивная игра футбол. Характерным признаком, делающим футбол игрой номер один, является его популярность и массовость. В текстах спортивного дискурса перифраза используется для избежания лексического повтора, а также выполняет, на наш взгляд, игровую функцию.

Наряду с метафорой в спортивном дискурсе широко используется синекдоха, связанная с переосмыслением общеупотребительной лексики. В футбольных репортажах часто встречается синекдоха, связанная с переносом цвета формы игроков на самих игроков, что было отмечено И. Г. Кожевниковой. В наших наблюдениях представлены примеры такой синекдохи: *«Красно-белые не радуют стабильностью»*, где *красно-белые* – игроки футбольной команды «Спартак», основными цветами формы которых являются красный и белый. В спортивных текстах также отметим перенесение множества на элемент в названиях команд: конкретные лица заменятся названием игровой команды: *«Атлетико» полностью пришли в себя после адаптации к непривычным условиям*. *«Ателтико»* – название футбольной команды. В данном примере осуществлена замена: участники команды – название. В другом примере находим аналогичную синекдоху: *«До этого матча «Реал» выдал серию без поражений»*, где *«Реал»* – также название футбольной команды.

Еще одним тропом, который характерен для футбольных репортажей, мы выделяем оксюморон. «Сочетание несочетаемого» - один из любимых принципов Василия Уткина, поэтому именно в его репортажах мы находим применение оксюморона. К примеру: *«Очень интересно, что они*

друг другу говорят. Думаю, что непременно какие-то очаровательные гадости». Обращаясь к лексическим значениям слов *очаровательный* и *гадость*, логично будет сделать вывод об их семантической противоположности. В другом примере оксюморон строится на основе правил игры футбол: *«И даже желтая ему органична. Ну не уйметься он сегодня»*. В футболе *желтая* карточка является наказанием за грубое нарушение правил и несет в себе негативный посыл. Исходя из этого, словосочетание *желтая органична* выстроена по принципу оксюморона. Использование данного тропа выделяет репортажи Василия Уткина из ряда других. Зачастую его фразы с сочетанием разноплановых слов не всегда понятны простому зрителю, но чувствующие эту тонкую грань игры со значениями слов охотно улавливают мастерство комментатора.

Рассмотрим основные приемы диалогизации, используемые в футбольных репортажах выбранными нами комментаторами.

Использование обращений: «Добрый вечер, *друзья* мои! В эфире большой футбол на нашем телеканале. Употребление лексемы «друзья» для номинации адресата нуждается в отдельном комментарии. В Малом академическом словаре находим следующее толкование лексемы «друг»: *Друг - 1. Тот, кто связан с кем-л. дружбой. <...> 2. кого-чего. Сторонник, приверженец, защитник. <...> 3. Употребляется в обращении, обычно к дружественному или близкому лицу* [4, 35]. Дружба трактуется как «отношения между кем-либо, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.» [4, 5], что дает нам право квалифицировать данную номинацию адресата как способ экспликации коммуникативной стратегии близости.

Наличие этикетных речевых формул, обращенных к телезрителям: *«Здравствуйте,* друзья», *«До встречи* в следующих играх», *«Я прошу прощения за свое произношение, которое может быть неправильным*»**.** Данные речевые формулы не могут использоваться в условиях монолога, так как подразумевают наличие адресата.

Использование конструкций, апеллирующих к ментальному опыту адресата: *«вы знаете», «вы помните», «вам известно», «вам знакомо»* и т.п.: «*Вы знаете,* что у Данни была очень серьезная травма». Или: «*Вы*, должно быть, *помните* тот случай в начале матча».

Использование конструкции с *вы помните* позволяет комментатору не просто непосредственно обратиться к телезрителям, не просто актуализировать определенные знания, но и реконструировать в их памяти предшествовавший опыт вербального взаимодействия: как правило, обсуждаемый вопрос затрагивался комментатором в предыдущих трансляциях.

Конструкции с местоимением *мы* и глаголами в форме 1-го лица множественного числа: «Пока команды ещё не появились на поле, *мы* с вами *ознакомимся* с их составами». В другом репортаже встречаем: «*Давайте посмотрим*, как и что *у нас* сегодня будет складываться».

Местоимение *мы* (и предопределенная им форма глагола) указывает на активность роли телезрителей в коммуникативном акте, точнее сказать - на равноправие ролей комментатора и тех, кто находится по другую сторону экрана. Кроме того, представляется возможным говорить и о стремлении говорящего создать впечатление участливой совокупности в вербальном взаимодействии со слушающими, а также в восприятии разворачивающегося на экране состязания.

Использование местоимения *вы* и глаголов в форме 2-го лица множественного числа для непосредственного обращения к телезрителю: «*Вы посмотрите*, здесь не могло обойтись без карточки. Только игрок с этим не согласен ».

Использование глаголов *прерваться* и *встретиться* перед рекламными паузами: «Пока же мы *прерываемся* с вами на перерыв. У вас, как и у команд, есть время перевести дух. *Вернемся* обратно уже во втором тайме».

Эти глаголы указывают на возобновление вербального взаимодействия. Глагол «прерваться» означает «приостановиться, прекратиться, оборваться», в его значении присутствует сема непродолжительности, кратковременности, «неокончательности» действия. Глагол «встретиться» употребляется переносно: после рекламы коммуниканты не оказываются в одном и том же месте, речь идет именно о возобновлении вербального взаимодействия.

Средством диалогизации монолога можно признать и называние комментатором своих имени и фамилии: «*Василий Уткин* отработал этот матч для вас».

Эта фраза выполняет ту же функцию, что и подпись в письме (которую Н.В. Белунова рассматривает как один из способов диалогизации текста дружеского письма [5]): указание на авторство, что само по себе свидетельствует о двусторонности коммуникативного акта.

Как уже было сказано, помимо внешних признаков диалогичности, в монологе отражается «внутренняя диалогичность» слова, если, например, спорят мысли и факты, сталкиваются разные точки зрения, опровергаются устоявшиеся мнения. Способы выражения диалогичности очень разнообразны; немаловажно, что взаимодействие смысловых позиций реализуется при помощи особых речевых тактик, которые могут быть рассмотрены как составляющая коммуникативного кодекса спортивного комментатора - системы принципов, регулирующих речевое поведение (если допустить, что эти тактики осознаются говорящим или диктуются редакцией).

Итак, внешне монологичный футбольный репортаж оказывается насыщенным способами разъяснения различных точек зрения, благодаря чему адресат из пассивной воспринимающей инстанции превращается в (почти) полноценного участника коммуникативного акта. Кроме того, взаимодействие смысловых позиций обусловливает рефлексивность речевого поведения футбольного комментатора: учет реакций телезрителей возможен бла-

годаря регулярным проспективным и ретроспективным движениям в тексте. Обратим внимание, что обилие приемов диалогизации является одной из ярких черт каждого комментатора. Оно служит предпосылкой успешности их речевого поведения, а также залогом интересного чемпионата.

Литература

1. Александрова Е. Н. Спортивный репортаж как жанр дискурса [Электронный ресурс] // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / отв. ред.: И. А. Алешковский, П. Н. Костылев. - М.: Издательский центр Факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007.
2. Егоров В. М. Телевидение: теория и практика: учебное пособие / Международный независимый эколого-политологический университет / факультет журналистики, 1993.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс. – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 – 428 с.
4. Якубинский Л. П. О диалогичности речи // Избранные работы: Язык и его функционирование / Отв. ред. д. ф. н. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1986. С. 25.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://www.philosophy.ru/library/bahtin/01/p_6.html.

ТИПЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Д.В. Лач
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Типология межъязыковых параллелей в разноструктурных языках тесно связана с вопросом о выявлении универсального и национально своеобразного во фразеологической картине мира разных народов. Существуют различные методики для определения национальной специфики образной семантики устойчивых единиц. В центре нашего внимания стоит проблема отображения в языках культурных реалий народа. В связи с этим наиболее приемлемой для нас является методика выявления межъязыковых фразеологических параллелей, предложенная Ю.П. Солодубом. Согласно его концепции, в результате глубокого анализа семантики и структуры устойчивых оборотов языков можно выделить межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ), отражающие семантическое тождество как структуры фразеологии, так и системы образов, которую она закрепляет. Межъязыковые фразеосемантические соответствия (МФС) отражают

особенности образной интерпретации действительности во фразеологии, причем эта близость может обусловливаться общей логико-семиотической формулой, на которой базируется фразеологическая образность (разная в разных языках). Разные образные основания, связанные с осмыслением разных объектов действительности народами в призме своей культуры, лежат в основе фразеосемантических соответствий, уникальных по своему содержанию и форме.

В межъязыковые фразеологические эквиваленты объединяются четыре типа фразеологизмов:

МФЭ I - фразеологизмы с полным однозначным соответствием единиц лексического и грамматического плана. В данном случае эквивалентность связана с использованием названий одинаковых культурных реалий в составе ФО и одинаковым грамматическим оформлением устойчивого оборота. Например, во всех языках сравнения существуют ФО, построенные по модели – глагол + управляемое имя существительное, имя существительное + имя прилагательное и др. В том случае, когда в состав ФО включаются одинаковые компоненты, мы имеем фразеологизмы полностью эквивалентные в разных языках.

МФЭ II - фразеологизмы с отсутствием полного однозначного соответствия единиц лексического плана. Это такие единицы, в которых компоненты обозначают похожие, но все же национально специфические предметы, например, музыкальные инструменты: дудка – в русской лингвокультуре и в английской - fife (pipe).

МФЭ III - фразеологизмы с отсутствием однозначного соответствия единиц грамматического уровня. Особенности структуры фразеологизмов в языках сравнения в первую очередь связаны с грамматическим строем языка. Русский и английский языки – флективные. Этим обусловлены особенности построения словосочетания и предложения в этих языках. Фразеологизмы генетически восходят по морфологической структуре к разным типам синтаксических единиц.

МФЭ IV - единицы смешанного типа представляют собой обороты, в которых есть различия как в компонентном составе, так и в моделях ФО.

В межъязыковые фразеосемантические соответствия объединяются два типа фразеологизмов.

МФС первой степени - фразеологизмы, характеризующиеся сходством образно-мотивационных основ, что обусловлено одинаковой образной интерпретацией реалий окружающего мира. В качестве исходного объекта для образной интерпретации выступают разные объекты реального мира, получающие одинаковое осмысление. Например, в разных языках как большое количество осмысляются разные популяции живых существ (рой мух, пчел – в русском языке, косяк рыб (сардин) – в английском языке), что обусловливает разное вербальное наполнение русских и английских фразеологизмов при их общем образном основании.

МФС второй степени отражают образную интерпретацию разных объектов материальной культуры разных народов, актуальных только для них. В результате формируются ФО, ярко демонстрирующие миропонимание разных этнокультурных общностей.

Сруктурно-семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов с культурно маркированными компонентами в сравниваемых языках позволил нам выделить и описать типы межъязыковых фразеологических параллелей. Эти параллели, как показал анализ, выделяются:

а) в двух сопоставляемых языках, поскольку семантическое ядро ФКМ является универсальным и базируется на общечеловеческих принципах осмысления мира;

б) в парах языков (русский-английский).

Английский и русский языки относятся к индоевропейской группе языков, что обусловливает близость их грамматического строя, а народы, носители этих языков, входят в европейское сообщество и характеризуются близостью менталитетов.

К МФЭ-1 в русском и английском языке к данному типу относится большее количество единиц (26), чем в русском языке (18). МФЭ в двух языках отсутствуют. Причиной этого является разный грамматический строй языков.

В русском языке: *не ступать на порог*; *на воре и шапка горит*; *ломать/кидать шапку; засучив рукава*.

В русском и английском языках: *бросить перчатку - fling (throw) down the gauntlet* (букв. бросить перчатку - сделать вызов); *чай пить не дрова рубить - drinking tea isn't chopping wood*; *первый блин всегда комом - the first pancake is always lumpy; делать фарш из кого-либо – to make mincemeat of someone; играть первую скрипку – to play first fiddle; вторая скрипка - second fiddle; соль земли - the salt of the earth* (букв. соль земли).

Мы не исключаем, что в некоторых случаях эквивалентность возникла в результате калькирования.

МФЭ II – фразеологизмы с отсутствием полного однозначного соответствия единиц лексического плана. В этих оборотах закреплены одинаковые образы, но лексическое наполнение фразеологических единиц неоднозначно.

Всего в данной группе проанализировано 53 ФО. МФЭ по языкам составляет 13 единиц, по двум языкам (русскому) – 18 единиц, русскому и английскому – 22 единицы.

Например: *как огурчик - (as) fresh as a cucumber* (букв. такой же свежий, как огурец); *плясать под чужую дудку*; *каша во рту*; *как по маслу; как сельди в бочке - packed like sardines* (букв. набиться как сельди).

Эквивалентные по образной мотивированности фразеологизмы *снять с себя последнюю рубашку* и *to give the shirt off one's back* (букв. отдать последнюю рубашку) различаются глаголами одного семантического поля снять и отдать; *сидеть на двух стульях* и *to fall between two stools* (букв. упасть между двумя стульями) различаются глаголами сидеть и упасть.

МФЭ III – это фразеологизмы с отсутствием однозначного соответствия единиц грамматического уровня, что может выражаться в различии морфологической формы компонентов, синтаксического построения фразеологизма, порядка слов.

МФЭ IV - единицы смешанного типа. Данные обороты характеризуются одинаковыми образами, но отсутствует полное соответствие состава лексических единиц и грамматического строения фразеологизмов. Например: *мой дом – моя крепость - an Englishman's house is his castle* (букв. дом англичанина – его замок).

Их всех проанализированных типов МФЭ наиболее частотным является МФЭ-I и МФЭ-II для русского и английского языков

МФС I – это фразеологизмы, характеризующиеся сходством образно-мотивационных основ, что обусловлено одинаковой образной интерпретацией реалий окружающего мира. У разных народов, несмотря на разные условия проживания, особенности быта и т.д., можно выделить те общие реалии, которые составляют основу жизни народа. Это определенные продукты питания, универсальные по функции виды одежды, похожие по виду и форме элементы жилища и др. Так, сыр, масло, мед, сахар, соль – продукты ценные для всех людей независимо от их национальности, представители всех народов оппозиционируют свое и чужое пространство (дом и чужбину, нахождение в гостях).

Все эти образные интерпретации получают выражение во фразеологии. Например: *как сыр в масле кататься* (букв. плавать в меде и масле) – *to have (got) jam on it* (букв. иметь варенье на всем, или есть с вареньем все подряд); *сыпать соль на рану*) – *to rub salt in (to) smb's wound(s)* (букв. сыпать соль на рану); *в гостях хорошо, а дома лучше - east and west home is best* (букв. восток и запад, а дом лучше – ср. русск. в гостях хорошо, а дома лучше); *родиться в сорочке – to be born with a silver spoon in one`s mouth* (букв. родиться с серебряной ложкой во рту); *на чужой каравай рот не разевай - cast no greedy eye at another wanes pie* (букв. не бросай свой жадный взгляд на чужой пирог); *бесструнная балалайка* (букв. ни в забор, ни в оглоблю не лезет); *дать/давать по шапке – to knock into a cocked hat* (букв. ударить по кокарде на шляпе).

МФС II – это такой тип межъязыковых фразеосемантических параллелей, когда в семантике фразеологизмов разных языков лежит общая логико-семиотическая формула, но реализованная в значениях ФО посредством разных образов и соответственно через символизацию разных реалий объективного мира или актуализацию разных жизненных ситуаций. В данном случае имеет место одинаковая мыслительная основа, отражающая практический опыт человека: например, начало игры на музыкальном инструменте связано с прикосновением к его специфическим (издающим звуки) частям – струнам, одежда человека похожа на убранство растений, одежда должна быть человеку впору, качество продуктов питания опреде-

ляется через их вкус и т.д.. Во фразеологии такая общая логико-семиотическая формула передается через актуальные для народа реалии, названные культурно маркированными словами.

Например: *хлеб да соль* - *milk* and *honey* (букв. молоко и мед - благопожелание); *the tailor makes the man* (букв. портной творит человека), ср. одежда красит человека; *выносить сор из избы* - *tell tales out of school* (букв. рассказывать истории вне школы); *без забора да без запора не спасешься от вора* - *it's good to have a hatch before a door* (букв. хорошо иметь запор до двери); *не по Сеньке шапка* - *his foot is too large for his shoe* (букв. его нога больше, чем его туфель); *завести волынку* - *harp on one string* (букв. играть на одной струне); *кто платит, тот и заказывает музыку* - *who pays the piper calls the tune* (букв. кто платит волынщику, тот и заказывает песни*); тертый калач* - *old salt* (букв. старая соль - опытный, бывалый моряк); *лук от семи недуг* - *an apple a day keeps the doctor away* (букв. в день по яблоку – доктора не нужны); *своя рубашка ближе к телу* - *near is my shirt, but nearer is my skin* (букв. моя рубашка близко, но еще ближе моя кожа - своя рубашка ближе к телу); *ни за какие коврижки* - *not... for all the tea in China* (букв. ни за что, да хоть за весь чай Китая); *старая перечница* - *old trout* (букв. старая форель - пожилая непривлекательная женщина с плохим характером).

Контрастивное исследование фразеологических единиц, включающих в свой состав культурно маркированные компоненты, на материале разноструктурных языков – русского и английского – позволяет нам сделать важный вывод о соотношении экстралингвистических и языковых факторов при формировании фразеологической образности.

Наличие межъязыковых фразеологических параллелей именно в языков не является случайным, это отражает близость культурно-исторического развития этих народов, их языкового мировидения.

Главное отличие коммуникативных исследований тех же проблем от собственно лингвистических заключается в ориентации на сам процесс языкового взаимодействия с опорой на все те же культурно обусловленные знания, которые в исследованиях коммуникативного толка принято называть культурно обусловленной коммуникативной компетентностью. Так, например в [1] центральным положением базовой модели межкультурной коммуникации и по сути определением последней является то, что в рамках межкультурной коммуникации обработка сообщений, включающих культурно обусловленную информацию, протекает как приписывание значений, основанных на представлении знаний в другой культуре. Отсюда и так называемые «ошибки контекстуализации» - см. [2] Попытка их моделирования с учетом культурно обусловленной коммуникативной компетентности должна приводить к созданию моделей коммуникативного поведения - см. [3].

В ином, интеракционном подходе к межкультурной коммуникации – предлагается введение еще одной перспективы, в рамках которой представители двух разных культур создают в процессе коммуникации некую тре-

тью культуру разделяемых ими знаний и значений [3]. Это может осуществляться только в результате согласования соответствующих культурных моделей путем адаптации лежащих в их основе семантических схем.

К этому надо добавить дискурсивный подход к изучению межкультурной коммуникации, главным положением которого является то, что культуры это группы, характеризующиеся своим дискурсом, свойства которого и должны изучаться в межкультурной коммуникации.

В данной работе на примере анализа конкретного материала демонстрируется необходимость использования лингвокультурных моделей для анализа дискурса в условиях межкультурной коммуникации.

В России исследования по межкультурной коммуникации до недавнего времени проходили под знаком социолингвистических ориентиров. В рамках этой дисциплины можно выделить, во-первых, сопоставительные исследования использования одного языка в качестве лингва франка нескольких этнических или культурных групп и во-вторых, функциональные ограничения, с которыми сталкивается язык одной (обычно меньшей) этнической группы в ситуации межкультурного общения. Другое направление филологических исследований влияния культуры на язык, объединяемое термином этнолингвистика, занимается, в первую очередь, отражением культурно специфических понятий в лексике языка в исторической перспективе и оставляет за рамками рассмотрения их роль в кросс-культурной коммуникации - см. [4].

В последнее десятилетие в связи с развитием новых учебных направлений и новой вузовской специальности "Лингвистика и межкультурная коммуникация" резко возрос интерес к взаимодействию и взаимовлиянию языков и культур. Резко изменилась и ситуация с лингвистически ориентированными исследованиями межкультурной коммуникации. Точнее, исследования - в основном, сопоставительные - тех или иных языковых фактов в более чем одном языке стали по определению относиться к области межкультурной коммуникации. Не случайно также, что преобладающую роль в такого рода разработках играют практики - преподаватели иностранных языков, которые в собственной деятельности на каждом шагу сталкиваются с определяющей ролью социокультурного контекста, лингвокультурологическими проблемами, ролью прагматического компонента знаний.

Литература

1. Samovar L.A, Porter R.E.& N.C.Jain (1981) Understanding Intercultural Communication. Belmont, California, Wadsworth Publishing Company, pp: 222.
2. Hall E.T. (1976) Beyond Culture. Garden City, N-Y., Anchor Press, pp: 256.
3. Леонтович О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, «Перемена», 2003.
4. Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность: Антология. - М.: Academia, 1997

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-АББРЕВИАТУР В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О. Литвинова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

В современной англо-американской юридической терминосисте-ме термины-аббревиатуры занимают определенное место, вступая в системные (парадигматические) отношения с другими терминами:

а) иерархические (как правило, юридические термины-аббревиатуры представляют собой обозначения видовых предметов, чаще всего предельной степени дифференциации);

б) отношения тождества, которые представлены в английской юридической терминологии вариантами полных и сокращенных терминов, синонимичными аббревиатурами (дублетами), образованными от абсолютных терминов-синонимов. Варианты разных сокращенных терминов также могут образовывать иные оппозиции тождества (омонимичные аббревиатуры). Термины-аббревиатуры могут стать многозначными, хотя их прототипы не являются таковыми, вследствие образования терминов на основе метонимического переноса.

Термины-аббревиатуры отмечены в пяти из восьми выделяемых тематических групп терминов, объединяющих единицы различной частеречной принадлежности. Эти группы терминов, как правило, обозначают предметы и реже отмечаются в тематических группах терминов, выражающих абстрактные понятия. Число аббревиатур по различным тематическим группам зависит от числа терминов, репрезентирующих эти группы.

Среди однословных прототипов терминов-аббревиатур преобладают субстантивы, номинирующие понятия с семантическим категориальным значением предметности, а среди прототипов-поливербов преобладают субстантивные словосочетания, что обусловлено усиленной терминологичностью имен существительных по сравнению с другими лексико-грамматическими категориями слов.

Основная масса сокращений юридических терминов относится в большей степени к категории графических и, в меньшей, к категории графо-лексических аббревиатур, представленных разнообразными подтипами. Различия между ними касаются регулярности, разнообразия, типичности и продуктивности некоторых моделей, по которым они образованы, наполняемости и разнородности выделяемых групп и подгрупп, что в целом обусловлено структурными характеристиками английского языка и семантикой терминов-прототипов. Лексические аббревиатуры характерны лишь для юридических профессионализмов.

Особенности функционирования аббревиатур в разных типах юридических текстов обусловлены возможностью их использования с расшифровкой или без нее, типом юридического текста, семантикой прототипов. Без расшифровки аббревиатуры используются чаще всего в текстах законов при ссылках на другие законы и реже всего - в научных текстах, в которых вообще трудно установить закономерности функционирования сокращенных и полных вариантов терминов вследствие меньшей формализации изложения научной юридической мысли.

В современном терминоведении уделяется все большее внимание вопросам функционирования терминов в речи. В связи со стремительным научно-технологическим прогрессом представляется необходимым уделять должное внимание терминологическому аппарату различных наук. Терминология не стоит на месте, она постоянно развивается, расширяет свои границы. Ее исследованием занимаются как лингвисты, так и терминологи – представители соответствующих областей науки и техники.

Терминология рассматривается как система, организующая особый жанр текста, который играет важнейшую роль в деловой коммуникации. Актуальность темы данного исследования определяется тем фактом, что юридическая терминология, по праву считается одной из наиболее значимых отраслевых терминосистем. На сегодняшний день, терминология права широко используется не только в профессиональной среде, но и в других сферах языковой коммуникации, что определяет большой спрос на изучение языка права для специальных целей.

Юридическая терминология уникальна, так как характеризуется большим разнообразием сфер применения по сравнению с другими терминосистемами. В «Толковом переводческом словаре» Л.Л. Нелюбина переводу терминов посвящена отдельная статья, подчеркивающая значение рассматриваемой проблемы и сложность ее решения.

Возможность абсолютно полной и точной передачи содержания оригинала при переводе правовых текстов ограничена, прежде всего, различиями в языковых системах. Кроме того, ей препятствуют разные традиции номинации понятий, сложившиеся в каждом из языков, а также различия явлений самой действительности. Проводить исследование систем юридических терминов и понятий в английском и русском языках довольно непросто, так как приходится иметь дело не столько с самими терминами, сколько с разными правовыми системами (как известно, существуют различия между российским и англо-американским прецедентным правом, которые проявляются, в том числе и в терминологии). Словарное соответствие часто не дает правильного представления о лексической единице, так как за аналогичными терминами в двух языках стоят разные понятия или разный объем значения близких по смыслу понятий.

Юридические термины – словесные обозначения понятий, используемых при изложении содержания закона (иного нормативного юридического акта), слова (словосочетания), употребляемые в законодательстве, являющиеся обобщенными наименованиями юридических понятий, имеющих точный и определенный смысл, и отличаются смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью.

Юридическая терминология способствует точному и ясному формулированию правовых предписаний, достижению максимальной лаконичности юридического текста. Занимая незначительный объем нормативного текста, юридическая терминология представляет собой его базу, основной смысловой фундамент.

Основной фонд юридической терминологии содержится в наиболее важных законодательных и правовых актах. Именно они определяют терминологические эталоны, на них ориентируются правотворческие органы, издавая подзаконные акты. Конституция – источник основополагающих юридических терминов.

Перевод многокомпонентного термина – словосочетания начинают с перевода существительного, являющегося определяемым компонентом, и потом последовательно переводят каждую смысловую группу, чаще всего справа налево. Прежде чем непосредственно приступить к переводу терминологической единицы мы должны проанализировать ее составляющие.

Разделим схему на четыре пункта:

1. Определим, к каким частям речи относятся компоненты термина;

2. Отметим их принадлежность к словарям: общеупотребительной лексики или специальной (терминологической);

3. Выделим главные компоненты и определяющие слова;

4. Определим тип многокомпонентного термина.

После чего мы приступаем к переводу.

1) The Home Office

Home – прилагательное;

Office – существительное.

Home – домашний;

Office – министерство.

Слова общеупотребительной лексики.

Office – главный компонент;

Home – определяющий компонент.

4. Двусоставный термин, состоящий из прилагательного и существительного, слова которого общеупотребимы, но в сочетании дают новое значение друг другу и создают термин.

При переводе значение слова «Home» меняется, так как оно зависит от главного компонента словосочетания «Office». Следовательно «Home» будет переводиться в соответствии со значением «Office».

Home Office

внутренних дел (чего?)←министерство

Слово «Home» мы переведём группой поясняющих слов. При этом изменилась связь между компонентами словосочетания (грамматическая связь, примыкание) и порядок их следования, в соответствии с системой языка. При переводе всего словосочетания мы использовали приём перевода родительным падежом.

The Home Office - министерство внутренних дел.

2) Trial of Offences

Trial – существительное,

Offences – существительное,

2. Trial – судебное разбирательство,

Offences – преступление.

Оба слова являются терминами.

3. Trial – определяемый компонент,

Offences – определяющее слово.

4. Двусоставный термин, компоненты которого связаны с помощью предлога.

Слово «trial» может переводиться как «суд» или более развёрнуто – «судебное разбирательство», и данный вариант наиболее подходит для перевода нашей терминологической единицы

Trial of Offences

судебное разбирательство (чего?)→ преступлений (правонарушений).

Данный термин мы перевели с помощью родительного падежа, сохраняя порядок слов оригинала. При переводе словосочетание лишилось предлога, а следовательно изменилась грамматическая связь. Теперь это примыкание.

Trial of Offences - судебное разбирательство преступлений (правонарушений).

Preliminary inquiry on the authenticity of the grievance

1. Preliminary – прилагательное,

Inquiry – существительное,

Authenticity – существительное,

Grievance – существительное.

2. Preliminary – предварительный,

Inquiry – расследование,

Authenticity – подлинность,

Grievance – жалоба.

Все слова из словаря общеупотребительной лексики.

Главным компонентом термина является слово «inquiry», но в каждой смысловой группе есть свой определяемый компонент.

Preliminary, authenticity и grievance – определяющие компоненты термина.

Многокомпонентный термин, состоящий из четырёх слов. Все они – слова общеупотребительной лексики, но вместе образуют термин.

Так как данный термин содержит три смысловые группы, то перевод будет осуществляться в три этапа.

a) preliminary inquiry предварительное (какое?)←расследование.

Данное словосочетание мы привели, используя калькирование и не изменяя порядка слов.

b) authenticity of the grievance

подлинность (чего?)→ жалобы.

В данной смысловой группе определяемым компонентом является слово «authenticity».

При переводе мы использовали родительный падеж. Причём в результате мы потеряли предлог и не изменили порядок следования компонентов оригинала.

c) preliminary inquiry on the authenticity of the grievance.

Две предыдущие смысловые группы в термине связаны при помощи предлога, но в переводе он опускается, так как здесь также как и в предыдущем случае использован перевод с помощью родительного падежа.

Preliminary inquiry on the authenticity of the grievance – предварительное расследование подлинности жалобы.

Из вышесказанного следует, что в анализируемых юридических текстах мы обнаружили большое количество двусоставных терминов и сравнительно небольшое количество терминологических единиц, состоящих из трех и более компонентов.

Характерной особенностью юридических терминов является то, что многие из них состоят из простых слов, не являющихся терминами. Интересно также то, что многие слова в терминах-словосочетаниях получают такое значение, которое не дается в словаре.

Исходя из этой особенности, около 70% проанализированных терминов переводятся калькированием или же с помощью родительного падежа. Перевод же с помощью поясняющей группы слов употреблялся для более сложных терминов, для разъяснения при несоответствии значения с реалиями или же в случае отсутствия эквивалента. Порядок слов при переводе часто меняется, в виду различия систем языка ИЯ и ПЯ. Прием же перевода с помощью предлога использовался реже, так как русский язык – язык синтетический.

Литература

1. Алексеев С.С. Государство и право: Начальный курс. – М., 1993. – С. 126.
2. Пиголкин А.С., Чернобель Г.Т. Юридическая терминология: понятие и классификация // Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. Гл. 3. – С. 65.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.Ж. Махметова, Г.С. Суюнова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Речевые акты согласия в эпизоде общения являются высказываниями, предназначенными для выражения реакции с определенной положительной оценкой, которая может распространяться как на сам факт взаимодействия, так и на его тематическое содержание.

Коммуниканты выражают свое согласие с мнением собеседника или с характеристикой кого-либо или чего-либо, а также проявляют согласие или несогласие на приглашение или предложение [3].

При этом они используют как косвенные, так и прямые средства выражения в сочетании с определенным набором лексических и грамматических средств. При выборе средств выражения согласия и несогласия важную роль играют прагматические факторы: возраст, пол, социальные отношения и отношения между коммуникантами.

Лексические средства выражения согласия – это совокупность определённых лексических единиц и выражений, которые помогают коммуникантам выразить своё согласие с чем-либо или с кем-либо.

К лексическим средствам выражения согласия в английском языке можно отнести следующие лексические единицы и модели: Certainly, Mostcertainly, Sure, Ofcourse, Naturally, Willingly, Withpleasure, Allright, Right, Hereyouare, Yes, ofcourse. Etc [1:15].

Например,

(1) ‘But if my wand was so powerful, how come Hermione was able to break it?’ asked Harry.

‘My dear boy, its remarkable effects were directed only at Voldemort, who had tampered so ill-advisedly with the deepest laws of magic. Only towards him was that wand abnormally powerful. Otherwise it was a wand like any other... though a good one, I am sure,’ Dumbledore finished kindly [3].

Речевой акт согласия выражен не только грамматической основой или одной лексической единицей, но целыми фразами. Тем не менее, эти лексические выражения дают полное ощущение того, что это именно согласие.

(2) ‘We’re all going to keep fighting, Harry. You know that?’

‘Yeah, I –’

The suffocating feeling extinguished the end of the sentence, he could not go on. Neville did not seem to find it strange. He patted Harry on the shoulder, released him, and walked away to look for more bodies.

He stopped in his tracks. She was crouching over a girl who was whispering for her mother.

‘It’s all right,’ Ginny was saying. ‘It’s OK. We’re going to get you inside.’[4]

В данном случае положительный ответ на вопрос выражен лексически, фразой “ It’sallright”. Вежливоесогласие с мнениемсобеседника.

(3) ‘I shall tell you that when we are somewhere more private,’ said Scrimgeour. ‘Is there such a place?’ he demanded of MrWeasley.

‘Yes, of course,’ said MrWeasley, who looked nervous.’[3]

В данном случае ответ на поставленный вопрос выражен фразой «Yes, ofcourse».

(4) ‘That is a valuable object,’ said Scrimgeour, watching Ron.

‘It may even be unique. Certainly it is of Dumbledore’s own design. Why would he have left you an item so rare?’ [5]

В данном примере имеет место лексическая единица “ Certainly”.

(5) ‘He desired her, that was all,’ sneered Voldemort, ‘but when she had gone, he agreed that there were other women, and of purer blood, worthier of him –’

‘Of course he told you that,’ said Harry. [3]

Прямой положительный ответ на вопрос, выражен лексической единицей “Ofcourse”.

(6) ‘I was the last to come through,’ said MrsLongbottom. ‘I sealed it, I think it unwise to leave it open now Aberforth has left his pub. Have you seen my grandson?’

‘He’s fighting,’ said Harry.

‘Naturally,’ said the old lady proudly. ‘Excuse me, I must go and assist him.’ [5]

(7) Hitherto, all that has been known of Grindelwald’s next movements is that he ‘travelled abroad for some months’. It can now be revealed that Grindelwald chose to visit his great aunt in Godric’s Hollow, and that there, intensely shocking though it will be for many to hear it, he struck up a close friendship with none other than Albus Dumbledore.

‘He seemed a charming boy to me,’ babbles Bathilda, ‘what¬ever he became later. Naturally, I introduced him to poor Albus, who was missing the company of lads his own age. The boys took to each other at once.’ [4]

(8)”You can’t fix her tonight,” Harry said.

“Withpleasure”[3]

Согласие со словами собеседника, с его мнением. Речевой акт выражен фразой “ Withpleasure”

(9) “You said your own self you never fixed one.”

“That’s right,” Al agreed. [3]

Речевой акт согласия выражен лексической единицей “That’s right”.

К лексическим средствам выражения согласия в русском языке можно отнести следующие:

- реплики типа «пожалуйста», «охотно», «ладно», «ладно уж», «конечно». Также возможно употребление некоторых из них с частицей «да»: «Да, пожалуйста», «Да, конечно».

Например: (10) – Ты уверена, что мы пришли туда, куда нужно?

– Конечно, уверена. Вон и собака ихняя. Герман, Герман! – позвала Людмилочка, подпрыгивая и махая рукой. Огромная старая овчарка подбежала к забору и радостно залаяла, виляя хвостом [6].

- указание времени: «Одну минуточку», «Момент», «Секундочку», «Сию минуту», «Сейчас-сейчас». Часто употребляется с уменьшительно-ласкательным суффиксом, методом повтора:

(11) Сиур взял у ювелира фигурку, незаметно нажал на верхушку короны, пластинка с Глазом отъехала, открыв загадочное изображение.

– Ну, вы посмотрите! Я же говорю вам, что подобные вещи – тайна в тайне. – Евгений потер свои холеные руки с толстыми наманикюренными пальцами, глаза его плотоядно заблестели. – Одну минуточку! – Он с неожиданным проворством вскочил и вышел в другую комнату [7].

- различные междометия: «ага», «угу». Также частицы: «вот»; предлог: «на»; выражения типа: «да-да», «о да!». Метод повтора используется очень часто:

(12) Во всех остальных помещениях, куда они заглядывали, было пусто.

– Запах прямо невыносимый! – заскулил Ник. – И холодно! Чувствуешь, какой холод?

– Ага, довольно противно… [7].

- слова с оттенком точной уверенности: «разумеется», «естественно», «обязательно», «безусловно»:

(13) – Я хочу попросить вас, если возможно, сделать перевод побыстрее. Понимаете, у меня осталось мало времени, а без этого материала просто невозможно работать. – Он говорил ноющим, вкрадчивым голосом, взывая к пониманию и сочувствию.

– Обязательно, сделаю, как договаривались [6].

- реплики, выражающие радость положительно откликнуться на просьбу: «С удовольствием», «С радостью», «Всегда рада помочь», «Буду рада помочь»:

(14) – Я заеду за тобой вечером, после шести, – его тон подчеркивал невозможность возражения и одновременно страх получить отказ. - Поедешь со мной?

– С радостью. - Она прижала розы к лицу… стыдясь непрошеных слез [6].

- глаголы, упомянутые в просьбе, в первом лице будущего времени: «Сделаю», «Могу», «Даю» и т.д.:

(15) – Как ты здесь оказался? Я специально ничего не рассказывал, потому что тебя здесь быть не должно. Убирайся к черту, ты меня напугал!

– ОК! - Ник растворился в темноте [6].

- глаголы первого лица настоящего времени со значением неуверенности: «Постараюсь», «Попробую». А также выражения: «Я приложу все усилия»:

(16) – Влад. – Сиур прервал поток его мыслей. – Узнай все о знакомых и друзьях Лехи, которые могли быть связаны с городком Н. Учи-

лись, женились, отдыхали, воевали… Все, что угодно. И не бывал ли он здесь раньше, – не по делам, а так… Ну, мало ли? Ты сам знаешь. Что я тебе рассказываю?!

– Постараюсь. Лариса вчера звонила, интересовалась, когда муж вернется из служебной командировки [7].

- выражения, означающие, что то, о чём просят, не затруднит адресата: «Без проблем», «Легко», «Запросто», «Без вопросов», «Никаких проблем», «С лёгкостью»:

(17) Сходи к ней, проведай, продуктов отвези, лекарств, если надо. И осторожно расспроси. Может быть, она на что-нибудь свет прольет?

–Да запросто. Она ж целый день поди в окно смотрит [7].

- глаголы в форме 2го лица единственного или множественного числа настоящего времени: «Держи(-те)», «Возьми(-те)»:

(18) – Видите ли, я по личному делу… – Влад понял, что дама не прочь пококетничать, и решил этим воспользоваться. – Я друг покойного Жени Ковалевского. Мы сотрудничали. А теперь… возникла проблема. Вы понимаете, о чем я говорю? Может быть, Пантелеймон Андреевич чем-то поможет? Есть его визитка?

- Конечно, держите.[6]

- глаголы в сослагательном наклонении единственного числа: «Мог бы»:

(19) – Видите ли… убили моего друга. И теперь я боюсь! Я все расскажу вам, если вы согласитесь мне помочь. Игнат сказал, что вы могли бы.

– Мог бы. А в чем будет состоять моя задача? Вам нужна охрана? [6].

- глаголы 1го лица настоящего времени: «Могу», «Буду». В сочетании с частицей «да». Иногда вместе с местоимением «я»;

(2) Людмилочка пыталась говорить сердито, но это у нее плохо получалось.

– Можешь рассказать, что тебя заставило трезвонить ни свет ни заря.

– Да , могу… Девочки, чайку можно? – у Влада было хорошее настроение. – Хотите узнать потрясающие новости? [6].

Лексические и грамматические средства играют важную роль в английском речевом поведении для выражения согласия. Они функционируют в речи говорящего в сочетании друг с другом и поведение коммуникантов зависит от выбора этих средств.

Локальные фразеологические единицы расширяют и обогащают языковую картину согласия/несогласия, отражают стереотипы представлений человека, его языковой опыт, характеризуются образностью и ценностной ментальной значимостью.

Специализированные лексические единицы являются универсальным эффективным средством выражения идеи согласия/несогласия и определяют функциональный статус категории согласия/несогласия. Структура языкового значения маркеров согласия/несогласия опирается на общеязыковую сочетаемость [2: 89].

Невербальные средства обеспечивают организацию коммуникации с отношениями согласия и несогласия, коррелируют с внутренним состоянием говорящего и внешними факторами, обладают воздействующей функцией.

Очевидно, что феномен согласия/несогласия является одним из заметных и уникальных фрагментов языковой картины мира, изучение которого в разных аспектах остается актуальной проблемой языкознания.

Литература

1. Бахтин, М.М. Исследования в лингвистике. – Ленинград, 1983. – 416 с.
2. Оразалинова К.А. Языковые средства выражения согласия в английском языке// Вестник ИнЕУ. – 2006. № 2-3. – С. 89-92.
3. Сусов И.И. Лингвистическая прагматика. – М., 2006. – 348 с.

Источники фактического материала:

4. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. // www.bloomsbury.com/harrypotter
5. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. // www.bloomsbury.com/harrypotter
6. Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. // www.bloomsbury.com/harrypotter
7. Солнцева Н. Золотые нити или Ожидай странника в день бури. – М.: АСТ, 2011 г. – 320 с.
8. Солнцева Н. К чему снится кровь или Иллюзии красного. – М.: АСТ, 2011 г. – 356 с.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК МАРКЕР МОДЕЛИ РЫЦАРСТВА В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «СЕМЬ МЕЧЕЙ ПРОНЗАЛИ СЕРДЦЕ»

Е.Н. Митева
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

Актуальность исследования заключается в том, что цветаевская лирика, обращенная к С. Эфрону, примечательна не только в плане биографического контекста, но и с точки зрения интерпретации символики, авторских мифологем, исследования интертекстуальных пластов.

Цель статьи: изучение концепта «рыцарство», а также актуализация интертекстов в стихотворении, адресованном С. Эфрону «Семь мечей пронзали сердце…» в соответствии с авторским мифом поэтессы 1910-х годов.

Следуя за учеными, исследующими понятие «концепт», необходимо обратить внимание на его функционирование в культурном и ментальном

пространстве. Как верно отмечает Е. Кубрякова, концепт «это некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании, но, по всей видимости, главное, такая идея существует как оперативная единица в мыслительных процессах» [3: 316]. С точки зрения Ю. Степанова концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [9: 43].

Приоритетными для данного исследования являются позиции двух ученых Одесского университета. Точка зрения Н. Сподарец, фиксирует специфику концепта как ментально-когнитивной единицы, «которая в границах словесного знака и языка предстает в своих содержательных формах образом, понятием и символом» [8: 36]. Представляет интерес и утверждение С. Фокиной о том, что «…авторский концепт художника слова предстает своего рода ключом к пониманию его эстетической системы, позволяя прочитывать коды, символику, образы и понятия в соотнесении с ментальными показателями, как явно выраженными и манифестируемыми, так и скрытыми и даже зашифрованными» [13: 325].

Для любого концепта важной представляется та особенность концепта, что он «складывается из исторически разных слоёв, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике <…>, концепт получает всегда генетическое определение» [9: 60].

Идея Ю. Степанова о сопоставлении понятий концепт и интертекстуальность открывает новый горизонт для исследования. По мнению ученого, «интертексты – форма существования сложных культурных концептов» [10: 81]. На основании идеи Ю. Степанова можно выдвинуть рабочую гипотезу о важности интертекстуальных отсылок как одного из слоёв семантического поля концепта.

Понятие «интертекстуальность» исследовали многие ученые, но идеи, не противоречащие предложенной гипотезе о взаимосвязи концепта и интертекстуальности, находят подтверждение, прежде всего в работах Ю. Кристевой, Н. Фатеевой, Н. Пьеге-Гро. Ю. Кристева предлагает «на место понятия интерсубъективности» поставить «понятие интертекстуальности» [2: 429]. Исследовательница Н. Пьеге-Гро высказывет мысль о том, что «интертекстуальность <…> — это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст — это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении» [5: 23]. Н.С. Фатеева утверждает, что для читателя интертекстуальность — это «установка на (1) более углубленное понимание текста или (2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [11: 16]. Исходя из позиции Н. Пьеге-Гро, дополненной установкой Н. Фатеевой, можно сделать следующее заключение, подтверждающее нашу гипотезу о том, что интертекстуальность дополняет семантическое поле концепта и активирует самобытность концептуализации в ментальном универсуме автора.

Стихотворение *«Семь мечей пронзали сердце»* написано 25 мая 1918 года. Этот год был тяжелым для М. Цветаевой – С. Эфрон ушел добровольцем Белого движения.

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней — утешаюсь.
Если встретится — скажи.

Такие проникновенные и пылкие строки свидетельствует о пребывании поэтессы в глубоком отчаянии. Вестей от мужа нет, и её мучает неизвестность. Но М.Цветаева не утрачивает веры, что супруг жив. Действительно, С. Эфрон также тревожится за близких и, лишённый возможности передать родным хоть какую-то весточку, всё же находит спасительную возможность сообщить о себе их общему близкому другу М. Волошину: «*Дорогие Пра и Макс, только что вернулся из Армии… Я жив и даже не ранен…. Я потерял всякую связь с Мариной и сестрами, уверен, что они меня давно похоронили, и эта уверенность не дает мне покоя… Боюсь подумать о том, как они перемучились это время...»* [7: 153].

Свою тоску и даже, возможно, чувство вины перед мужем поэтесса мифологизирует через призму апокрифа о Богородице. В определенном смысле М. Цветаева создаёт свой апокриф. Так, лирическая героиня в игровом ключе отождествляет себя с Богородицей, ощущает пламенное материнство по отношению к своему мужу, которому придаются черты Эфрона. Следует вспомнить легенду о Деве Марии, пронзенной семью мечами, в момент нахождения на Голгофе: «Её грудь пронзают семь мечей, символизирующие семь её скорбей» [1: 156]. Семь мечей, пронзающие сердце Богородицы символизируют семь смертных грехов, и всю полноту страданий, перенесённых Богородицей за страсти Сына на кресте. Помимо того, существует икона Божьей Матери под названием «Семистрельная». Отсюда возникает мотив Богородицы и обыгрывание данной темы становится новым витком в цветаевском концепте «рыцарство». Известно, что культ Прекрасной Дамы в культуре возник именно из поклонения Деве Марии: «В церкви рыцарь преклонял колено перед образом Богоматери» [6: 32]. Во имя Богородицы рыцари слагали стихи, расточали похвалы, произносили слова молитвы. Впоследствии, такое отношение к Деве Марии трансформируется в возвышение обыкновенной, земной женщины, хотя и сопричастной к высокому сословию и в то же время согласно рыцарской мифологии обладающей духовным совершенством.

В цветаевском стихотворении лирическая героиня не просто сравнивает свои страдания со страданиями Девы Марии, а ставит свою любовь выше:

Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.

Сердце выступает как духовный центр и средоточие всей совокупности чувств человека. «С сердцем связывают понятия совести, доброты» [16: 201]. Включение в поэтический дискурс данной гиперболы эксплицирует, насколько сильны мучения и глубоки переживания лирической героини. В этих строках возникает мотив жертвенности любящей жены, хотя в подтексте стихотворения обыгрывается и мотив неверности. Лирическая героиня тоскует по мужу, который, отправившись на фронт, жертвует собой, что соотносимо с реальной ситуацией разлуки супругов из-за ухода С.Эфрона на фронт с Белым движением. Именно страдание лирической героини способствует стремлению к неразрывности, единению.

«Меч» – символ мужества и отваги, а также важный атрибут рыцарства – задаёт также тему казни и разъединенности. Меч как главный рыцарский атрибут не только для цветаевского сознания, но и для мировой культуры помогает осмыслить концепт «рыцарство» в цветаевском универсуме.

Показательно, что Марина Цветаева прямо не посвящает стихотворение С. Эфрону. Возможно, стратегия умалчивания должна возвысить скрытого адресата, являя, таким образом, его избранность, безупречность, даже святость согласно цветаевскому мифу. Кроме того, отсутствие посвящения или прямого обращения к адресату активизирует коды покаяния и сокровенности чувства. Интересно, что жертвенность и стремление к неразрывности выступают элементами рыцарства в авторском мифе поэтессы.

В стихотворении неоднократно упоминается число семь, имеющее магическую и сакральную семантику, что актуализируется поэтессой. Как известно, семь – «число, символизирующее совершенство» [12: 315].

Несмотря на обыгрывание греховности и покаяния цветаевская лирическая героиня сильна духом, она искренне надеется, что её возлюбленный жив, и всем сердцем жаждет встречи. Этот аспект лирического сюжета позволяет выявить в образе лирической героини скрытую отсылку к образу Сольвейг.

Сольвейг - воплощение верности, постоянства и надёжности. Перекличка с психотипом цветаевской героини неслучайна, поскольку Сольвейг можно назвать «небесной матерью» Пер Гюнта, благодаря чему он остался самим собой, с «печатью божьей на челе своём». Авторский миф М. Цветаевой касающийся ее отношений с С. Эфроном подчеркивает материнское начало, реализуемое в служении и воспевании лирической героиней рыцаря. Эта позиция предполагает варьирование гендерных ролей. При этом цветаевская лирическая героиня, как и Сольвейг, олицетворяют одновременно женское и мужское начала, по-матерински оберегая и служа своему возлюбленному.

Называя стихотворение песней, поэтесса приближает его к молитве, акцентируя его суггестивный и перформативный уровень лирического дискурса.

Этой песней — утешаюсь.
Если встретится — скажи.

Феномен рыцарства в данном стихотворении обыгрывается подспудно в интерпретации темы Девы Марии и преклонения пред ней. Лирическая героиня ставит свои чувства выше чувств Богородицы. Согласно культурной модели рыцарства, истинное чувство не возможно без определенного условия, ведь «без томления не бывает любви» [6: 293]. Более того, для любви должны существовать преграды. Лирический сюжет цветаевсеого стихотворения соотнесен с доминантами рыцарского кодекса. Жена страдает, её сердце изнывает от беспокойства о муже, который добровольно ушёл на фронт. Он словно рыцарь, отправившийся в крестовый поход, а его возлюбленная не знает покоя, томится в мучительном ожидании. Характерно, что лирическая героиня и ее возлюбленный синонимичны поэтессе и ее супругу. То, что *«Цветаева никогда не усомнилась в его <Сергея Эфрона> благородстве, рыцарстве и исключительной порядочности»* [15: 655] становится главной доминантой лирического сюжета.

На основании работ Й. Хейзинга, П. Зюмтора, Ж. Руа, Ж. Флори определены такие доминанты рыцарства как культурной модели: храбрость, мужество, отвага, скромность, благородство души.

В культуре «*любовь (куртуазная) во всех своих проявлениях, включая и чувственные, понимается отныне как нечто облагораживающее, а не как пагубная для души страсть, от которой, по традиционному учению церкви, нужно бежать как от чумы. Она должна быть принята как дар, если любовь эта истинна, искренна, бескорыстна»* [6: 293]. Приоритет в тематике цветаевского стихотворения отдается не губительной страсти, а благородному, альтруистическому и неподдельному чувству

Данное стихотворение свидетельствует о самобытной трансформации концепта «рыцарство». Своеобразие цветаевского концепта «рыцарство» в контексте авторского мифа поэтессы в данном тексте определяет феномен не братства, как в ряде других текстов, обращенных к С. Эфрону, а материнства. Деяния рыцаря согласно средневековой модели сопровождается именем Бога. В этом плане показательны ипостаси Богородицы и Иисуса Христа, модифицирующие цветаевский концепт «рыцарство». Лирическая героиня, соотносимая с личностью самой М. Цветаевой, в этом стихотворении снова воспевает своего возлюбленного, стараясь доказать вопреки всему свою самоотверженную любовь, которая оказывается выше куртуазной любви. Если куртуазная любовь «есть чувство благородное. Только дама достойна любви, и только рыцарь способен ее любить...» [12: 294], то в цветаевском мифе любовь и страдания лирической героини уравнивают ее с Богородицей.

Литература

1. Апокрифы Древней Руси / Сост. предисл. М.Рождественской. – СПб. : Амфора, 2002. – 239 с.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп ; [пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова]. – М. : Прогресс, 2000. – С. 427–457.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 316 с.
4. Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. – 1412 с.
5. Пьеге-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности / Общ.ред. и вступ.ст. Г. К. Косикова. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.
6. Руа Ж. Ж. История рыцарства: историческое исследование / Ж. Ж. Руа, Ж. Ф. Мишо. – М. : Эксмо, 2007. – 448 с.
7. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. А. Саакянц. – М. : Эллис Лак, 1997. – 816 с.
8. Сподарец Н. В. К проблеме художественной концептуализации феномена человека в лирике Ш. Бодлера и А. Блока [Электронный ресурс] / Н. В. Сподарец. – Режим доступа к ист.: http://journals.uspu.ru/attachments/article/84/Vest_2012_1_1.pdf
9. Степанов Ю. С. Концепт / Ю. С Степанов // Константы : Словарь русской культуры. – М. : Академический Проект, 2004. – С. 42–83.
10. Степанов Ю. С. Интертекст, культурный контекст, ноосфера // Теоретико-литературные итоги XX века / [под ред. Ю. Б. Борева]. – Т. 1. : Литературное произведение и художественный процесс. – М. : Наука, 2003. – С. 80–104.
11. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.
12. Флори Ж.Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / [пер. с фр. Ф. Ф. Нестерова]. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 356 с.
13. Фокина С. А. Концепт «ревность» в ментальном универсуме М. Цветаевой / С. А. Фокина // Слов'янський збірник : [зб. наук. праць] / [відп. ред. д-р філол. наук., доцент О. А. Войцева]. – Вип. XVII. – Чернівці : Букрек, 2013. – С. 324–332.
14. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина] / М. Цветаева. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997.
15. Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – М. : Интерпринт, 1992. – 544 с.
16. Шейнина Е. А. Энциклопедия символов / Е. А. Шейнина. – М. : АСТ; Харьков: Торсинг, 2001. – 591 с.

РОЛЬ А. С. ПУШКИНА В РАЗВИТИИ ЧУВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.А. Михайлова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

Творческая деятельность А.С. Пушкина занимает большое место в развитии чувашской культуры. Его неиссякаемая трудоспособность для многих была примером в культурной деятельности. Поэт был гостем в чувашском крае, его произведениями восхищались чуваши.

В 1833 году А.С. Пушкин задумал написать книгу о Пугачевском восстании. С этой целью он отправляется по местам народного восстания Поволжья и Оренбуржья. Русский поэт проезжает и через Чувашию. Его интересует судьба чувашских городов, обычаи и нравы чувашей. Позднее он упоминает о чувашах в "Истории Пугачева" и "Капитанской дочке". Среди чувашского народа сохранились предания о Пушкине, которые проявляют свет на его путешествие в Старый Сундырь — Чебоксары — Пихчурино (Ердово) — Исмель (теперь Октябрьское) — Карачево — Тюрлема — Свияжск. Архивные данные свидетельствуют о том, что А.С. Пушкин принял участие в обряде чувашской свадьбы села Исмели. Поэт был изумлен красотой чувашского наряда невесты, песнями, танцами.

Значительную роль сыграл русский поэт в творчестве многих чувашских деятелей культуры. А.С. Пушкин был хорошо знаком с известным синологом, автором многих научных трудов Н.Я. Бичуриным. Чувашский ученый и русский поэт были очень дружны. Именно от Н. Бичурина А.С. Пушкин был наслышан о чувашах, об их традициях.

Творческое воздействие русского поэта на чувашскую культуру очень велико. Многие поэты и писатели обращали свои взоры на произведения русского классика. Начиная с И. Я. Яковлева, чувашские поэты и писатели учились у А.С. Пушкина словесному мастерству. Следует отметить М.Федорова, К. Иванова, П. Хузангая и др. Почти все большие произведения А.С. Пушкина переведены на чувашский язык. Авторами переводов являются известные поэты и писатели С. Михайлов, М. Федоров, К. Иванов, В. Митта, Н. Теветкел и др.

Чувашскими художниками написано несколько картин о посещении Пушкиным чувашских селений. Так Н.К. Сверчков в 1952 году написал полотно «Приезд Пушкина в чувашскую деревню», Н.В. Овчинников посвятил Пушкину 3 картины: «У ручья», «А.С.Пушкин и Никита Яковлевич Бичурин», «А.С.Пушкин и Н.Я.Бичурин в кабинете». Наследие А.С. Пушкина вдохновляло режиссеров театра оперы и балета Чувашии. Были поставлены оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и др.

Таким образом, творчество А.С. Пушкина для чувашского народа является источником вдохновения и совершенства родной культуры.

РАЗВИТИЕ ДОКУМЕНТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

А.А. Мустафин
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Несмотря на то что документная лингвистка имеет собственные интересы, задачи, методы и находится под влиянием теории и практики современного языкознания, она идет вслед за проблемами и развитием документной теории и практики, отмечается изменение содержания всех сторон документной деятельности. Эти изменения имеют и лингвистические составляющие. Отметим наиболее очевидные и значимые тенденции, влияющие на перспективы документных технологий и на специальную коммуникативную практику.

Постепенный переход к электронному документообороту предопределяет необходимость создания электронных документных справочных средств, в том числе электронных словарей документных средств, электронных альбомов типовых документных текстов, лингвистических процессоров подготовки и обработки унифицированных текстов.

Реализация инновационных технологий на различных этапах документной деятельности предполагает изменения лингво-технологических действий в документной теории и практике. Инновационный характер деятельности обусловливает принципиальную новизну постановки задач и способов их решения. Для документной лингвистики инновационными, обеспечивающими получение значимых результатов могут быть такие действия, которые сопровождают информационный менеджмент, управление документацией и совершенствование документного отражения развития государственного управления по всей вертикали государственной власти и одновременно с учетом распределения властных функций. Документное моделирование этих очень сложных процессов включает лингвистические составляющие в виде классификации текст документа (ДТ), разработки документно-лингвистических моделей, представляющих понятийные поля деятельности органов государственной и местной власти, разработки стандартов языковых средств документной коммуникации [1].

В последние годы в связи с развитием документной коммуникации наметились продуктивные связи всех сторон документной деятельности с научно-практическими направлениями самого различного содержания. Ниже представлен неполный обзор, отражающий некоторые тенденции в межпредметных взаимосвязях, оказывающих влияние на различные стороны документной лингвистки.

Развитие общества включает большую группу содержательных направлений. Вычленяя тот или иной аспект развития – научный, технический, культурный, экономический и любой другой, – мы практически все-

гда сталкиваемся с документным оформлением операций, отражающих различные этапы деятельности членов общества. Документное оформление предполагает не только знание форм документов, соответствующих действиям и ситуациям, не только понимание системы функционирования документов и технологии их обработки и хранения. Очень важным этапом документной работы является выбор знаковых средств для построения текста того или иного документа. В большинстве случаев такими знаковыми средствами являются единицы естественного языка. Для документной практики Российской Федерации таким языком является русский. Следовательно, владение русским языком в должной мере является обязательным исходным условием для эффективной документной работы. При этом можно говорить о двух уровнях владения русским языком [2].

Первый уровень – уровень универсальных языковых знаний, освоение которого происходит в школе, в высших учебных заведениях (курс Русский язык и культура речи). Это уровень широких общечеловеческих знаний, позволяющих человеку участвовать в большинстве коммуникативных ситуаций, которые складываются в его жизни и непосредственно не связаны со спецификой его профессиональной деятельности. Достаточная степень знаний в этой области, глубина проникновения в язык, приобретение необходимых речевых навыков, усвоение орфоэпических, орфографических и пунктуационных правил, умение «перевести» мыслительные категории в стройную, грамотную устную и письменную речь – лингвистические качества любого образованного человека, приобретенные в результате освоения общей, обязательной для нашего времени части языковых сведений [3].

Второй уровень языковых знаний – уровень языковой специфики. Каждая профессия предполагает «погружение в свое языковое озеро». Для документоведа этим «языковым озером» является система языковых средств, связанная с созданием документных текстов. Осваивая эти средства, мы остаемся в общем русле русского языка, но осваиваем те его единицы, системные отношения, закономерности, которые ориентированы на формирование и совершенствование особых речевых объектов – документных текстов. Таким образом, для документоведа освоение содержания документной лингвистики является обязательным с точки зрения выполнения им своих профессиональных обязанностей. Нужны ли знания в этой области представителям других профессий? Безусловно. Однако для них знания в области документной лингвистики являются желательными, факультативными. Отметим, что изменения, происходящие в обществе, переводят эти знания из категории факультативных в категорию крайне желательных. Документная грамотность, включающая и ее лингвистическую составляющую, все чаще рассматривается как показатель профессиональной состоятельности и коммуникативной культуры. Какие особенности современного состояния общества обусловили такое положение дел? Главная

причина – общество приобрело реальный статус информационного и документного [6]. Это развивающееся и все более проявляющееся качество имеет следующие признаки:

1. Увеличение информационных составляющих в большинстве разновидностей человеческой деятельности.

2. Стойкость тенденции, в соответствии с которой информация приобретает статус ценного товара, формирование на этом основании информационного вообще и документационного в частности менеджмента.

3. Развитие технологической и инструментной составляющей, ориентированной на информационные и документационные процессы. Наиболее яркие примеры – образование новых медийных пространств, создание специализированных электронных средств и программных продуктов.

4. Развитие социально ориентированных информационно-документных процессов, и все большая привязанность основной части населения к процессам, сопровождающимся информационно-документными операциями; все более широкое вовлечение населения в информационно-документные действия [8].

Этот список не завершен. Однако и его достаточно, чтобы оценить значимость информации для современного общества и характеризовать его как «общество информационное». Нельзя не заметить, что каждый из признаков имеет составляющие, имеющие непосредственное отношение к документной лингвистике. Для первого, очень широкого в содержательном отношении пункта отметим связь с расширением спектра знаковых средств, используемых в информационных процессах; для второго – лингвистическое качество информации как товара; для третьего – развитие лингвистических средств в связи с появлением электронно-сетевых форм документов и появление электронных форм языкового представления; для четвертого – проблемы повышения документной грамотности членов информационного общества и реализацию усилий по лингвистической унификации; для пятого – важность лингвистической систематизации информационных объектов и регулирования лингвистических процессов информационно-документных операций [5].

Неумолимое развитие информационного общества всегда будет требовать развития всех составляющих, дающих основание самому обществу называться информационным. Знаковая, языковая деятельность, без которой фиксация и хранение информации немыслимы, деятельность, представленная документной лингвистикой, поддерживает развитие социальных процессов, в союзе с документоведением, теорией информации, информатикой и другими точными и гуманитарными науками создает условия для дальнейшего всестороннего развития общества и его членов.

Документная лингвистика – молодое направление современной лингвистики. Из учебной дисциплины, еще 8-10 лет назад сохранявшей на себе большой отпечаток функциональной стилистики, документная линг-

вистика постепенно вырастала в самостоятельное учебное и исследовательское направление, связанное как с документоведением, так и со всеми ветвями прикладной и теоретической лингвистики. Развитие самой документной лингвистики, с одной стороны, и, с другой – изменения условий существования общества, сопровождающиеся усложнением документной структуры, проникновением документных форм коммуникации в различные сферы, постановкой новых технологических задач в проблемных ситуациях, связанных с обменом специальной информацией, позволяют заглянуть немного вперед и понять, что документной лингвистике придется решать ряд важных задач. Обратим внимание лишь на те задачи, которые в силу их актуальности, лингво-технологической сложности и нетрадиционности содержания можно отнести к инновационным. Заметим, что определение инновационный (-ая, -ое) используется все чаще, но не всегда, к сожалению, уместно. Под инновацией понимается не просто нововведение, новшествоНастоящее инновационное решение характеризуется принципиальной новизной содержания задачи и способа ее решения, ориентацией на то, что полученные результаты реально изменяют характер и содержание деятельности, построенной на результатах инновационного метода или теоретического результата.

В документной лингвистике можно обозначить следующие направления, имеющие инновационный характер. Конечно, перечень обозначенных направлений, во-первых, далеко не полный и, во-вторых, должен и будет изменяться по мере развития возможностей документной лингвистики и изменения коммуникативных условий, использующих документы.

К инновационным направлениям относится построение собственно лингвистической классификации документных текстов. То есть классификации, основанной на лингвистических признаках с учетом уровня их качественных и/или количественных проявлений. Например, классификация, проведенная на основании анализа состава ДТ. Последняя даст возможность включить документные тексты в процессы алгоритмизированной обработки информации, в процессы подготовки вторичных документов и в действия, связанные с автоматизированным поиском документов в больших массивах.

Вторым инновационным направлением исследований в рамках документной лингвистики можно считать формирование языковых унифицирующих инструментов и стандартов документных средств. Хорошо известно, сколь эффективной была работа по созданию стандартов лексико-фразеологических средств документов научно-технической коммуникации. Однако подобная работа на материале официально-деловых ДТ еще серьезно не проводилась[7].

В качестве третьего инновационного направления можно рассматривать разработку лексикографических и описательно-моделирующих средств документной коммуникации. У нас нет хороших словарей совре-

менных русскоязычных документных средств. Их создание позволит не только решать большую группу практических задач, но и даст научно обоснованное представление о тенденциях и о перспективах развития документных средств в русском языке.

Четвертым перспективным инновационным направлением развития документной лингвистики может быть исследование языковых особенностей, обусловленных автоматизацией в управлении документацией. Развитие автоматизированных средств управления документацией и коммуникационными процессами имеет мощную лингвистическую составляющую, необходимость всестороннего анализа которой совершенно очевидна [4].

Перечень неполон и, возможно, выбор его составляющих субъективен, однако уже полученные практические и теоретические результаты этого развивающегося направления лингвистики дают основание смотреть с надеждой и уверенностью в будущее.

Литература

1. Белоусов К.И., Блазнова Н.А. Введение в экспериментальную лингвистику: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010.
3. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
4. Кондратьев Э.В., Абрамов Р.Н. Связи с общественностью: Учеб. пособие. М.: Академический Проект, 2009.
5. Кузнецов С.Л. Применение современных технологий в работе с документами // Секретарское дело. 1996. № 3. С. 46–56.
6. Кушнерук С.П. Документная лингвистика (русский деловой текст): Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2008.

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ЧУВАШСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

А.С. Никитина
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

Изучение концептов занимает важное место в современном языкознании. Понятие «концепт» определяется учеными по-разному. В своей работе мы опираемся на определение, данное Ю.С. Степановым: «Концепт – как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт –

это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [4: 43].

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано следующее определение лексического значения слова *любовь:*

1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. 3. Постоянная сильная склонность, увлеченность чем-н. 4. Предмет любви. 5. Пристрастие, вкус к чему-н. 6. Интимные отношения, интимная связь [3: 134].

В «Большом иллюстрированном толковом словаре русского языка» В.И. Даля дано определение глаголу «любить»: Любить, любливать кого, что – чувствовать любовь, сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желанье, хотенье; избрание и предпочтение кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно. В этой же словарной статье объясняется значение слова «любовь»: Любовь – состояние любящего, страсть, привязанность, склонность; вожделение; охота, расположение к чему [1: 134].

Концепт «любовь» отражается во всех жанрах чувашского фольклора, но объектом нашего исследования являются пословицы чувашского народа. Ведь именно в них вложена вся мудрость народа.

Из многих признаков концепта «любовь» наиболее распространенным в чувашском языке оказывается признак положительной ценности этого морального чувства: *Юрату – çутă. – Любовь – свет; Юратнă мăшăрпа шăпăр шăтăкĕнче те ырă. – С любимым и у порога хорошо; Юрату хăйне асла хумасть, мăнкăмăлланмасть, йĕрĕнмест, хăйшĕн шыранмасть. – Любовь не ставит себя старше, выше всех и ничего не стыдится; Юрату вăл вутра çунмасть, шывра путмасть. – Любовь и в огне не горит, и в воде не тонет. Юратнă çынпа ӳплере те çăтмах. – С милым и в шалаше рай.*

Любовь, как и любую эмоцию, невозможно вызвать произвольно, и признак неподконтрольности (как «внешней» – принуждения, так и «внутренней» – волевой) в чувашском языке уверенно занимает второе место: *Юрату суккăр, куçĕ çук. – Любовь слепая, без глаз; Юратăвăн икĕ куçĕ те суккăр. – Любовь слепа на оба глаза; Юрату сӳнсен кăмакара чĕртеймĕн. – Когда любовь угаснет, ее и в печи не разожжешь; Юрату – чир. – Любовь – это болезнь.*

Третий признак концепта «Любовь» – непременная связь любви со страданием: *Юрату – ырату. – Любовь – страдание; Юрату ыррине те, усаллине те тутарать. – Любовь заставит сделать и добро, и зло; Инкек телей хыççăн, кĕвĕçӳ юрату хыççăн çӳрет. – Горе ходит за счасьем, а ревность – за любовью; Юратупа юнашарах хаяр тавăру чуптарать. – За любовью следом бежит жестокая расплата.*

Любовь тесно связана с разлукой: *Юратакан çынпа уйрăлма хĕн. – С любимым человеком расставаться тяжело; Юрату – уйрăлу. – Любовь – разлука.*

Пословицы о любви активно используются для иронического выражения нелюбви: *Кушак та шăшине юратать. – Любит и кошка мышку.*

В чувашских пословицах и поговорках внешняя красота признается источником возникновения любви: *Куç хитрине юратать, тута – тутлине. – Глаза любят красивое, уста – сладкое; Юратнă çĕрте – куç, ыратнă çĕрте – алă. – Где мило, там глаза, где больно – там рука.*

Пословицы и поговорки отражают также безответную, несчастную любовь: *Юрату телейсĕр те пулать. – Любовь бывает несчастливой.*

Характерной чертой любви в представлении чувашского народа является утрата способности к здравому суждению: *Юратнă çыннăн кăлтăкĕ палăрмасть. – У любимого человека недостатков не заметно; Юрату суккăр. – Любовь слепа; Пуçна çухат. – Потерять голову.*

В некоторых чувашских пословицах отмечается роль материальной стороны для устойчивости «любовного быта»: *Çук вăрçтарать, пур култарать. – Недостатки ссорят, а достаток веселит.* Однако любовь за деньги, за богатство купить невозможно, главное – добрая душа любимого человека: *Юратăва сутăн илеймĕн. – Любовь за деньги не купишь; Пуянлăхра мар, ыр курасси – çыннинче. – Счастье не в богатстве, а в человеке; Ăраскала укçалла илме çук. – Счастье на деньги не купишь; Ирĕклĕх ылтăнран хаклă. – Свобода дороже золота.*

Чувство любви требует от человека терпения, целеустремленности: *Юратса кĕтме пĕлекенсем, шанăçа çухатманнисем, телейлĕ. – Счастье находит тот, кто умеет терпеливо ждать и не теряет надежды.*

Высокая степень любви проявляется, как готовность умереть за нее: *Саншăн чуна пама хатĕр. – Готов душу за тебя отдать.*

Любовь к детям характеризуют чувашские пословицы: *Курак чĕппине хура пулсан та юратать. – Грач любит своего грачонка и черного; Курак чĕппи куракшăн хаклă, чакак чĕппи чакакшăн хаклă. – Грачонок дорог для грача, а сорочонок – для сороки.*

Большинство чувашских пословиц характеризуют любовь детей к родителям: *Аçупа аннӳне хисепле, хăвнах ырă пулĕ. – Почитай отца и мать – тебе же будет хорошо; Атте-аннерен хакли никам та çук тĕнчере. – Дороже отца и матери никого нет на свете; Атте-анне пур çинче, мĕн шухăш пур пуç çинче. – Когда живы отец и мать, какие могут быть заботы.*

Много чувашских пословиц, отражающих любовь к Родине, родному краю: *Тăван çĕр-шывран хакли çук. – Нет ничего дороже родины; Тăван çĕр-шыв чысĕшĕн пуçна ан шелле. – За честь Родины не жалей головы; Тăван çĕр-шывсăр этем юрăсăр шăпчăк пек: унăн савăнăçĕ те, хуйхи те пулас çук. – Человек без Родины, что соловей без пения: ни радостей у него, ни горестей.*

Обзор признаков любви свидетельствует о крайней противоречивости восприятия этого морального чувства сознанием человека. Противоположные оценки: любовь одновременно бескорыстна и меркантильна, она – высшая ценность и зло, она никогда не забывается и быстро приедается, влюбляются во внешность и любят личность, любовь ослепляет и все видит.

Литература

1. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 348 с.
2. Михайлов А.П. Ваттисен сăмахĕсемпе каларăшсен тата çунатлă пуплевсен чăвашла-вырăсла пуххи. – Шупашкар: «Новое время», 2006. – 480 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Степанов Ю.С. 2004 – Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992с.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАБОТНИКА СЕРВИСА

Ю.Д. Никитина, И.А. Пьянкова
Колледж отраслевых технологий и сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, Тюмень, Россия

Каждый язык имеет свою историю, свои «взлеты и падения». В критические моменты государственных преобразований всегда возникает опасность упустить из внимания это национальное достояние, отвлекаясь на кажущиеся более важными проблемы общества. Русский язык за последние десятилетия претерпел множество не самых лучших влияний и вторжений. Только после того как тревогу забили десятки научных и культурных деятелей был принят Закон о защите русского языка (1998 г.), где говорится об обязательном введении курса русского языка, культуры речи во все вузы страны и принятии особых мер в повышении уровня грамотности населения.

Но, несмотря на предпринятые меры, спросим себя честно: правильно ли, чисто ли мы говорим? Не засоряем ли свою речь никчемными словами, грубостями, нелепостями? А как мы приветствуем своих близких: «здрасьте» или же искренне желаем им здоровья? Не «чекаем» ли, не проглатываем ли отдельные звуки, не бываем ли похожи на плохой автомат по «речевой стряпне»? Выражение «как живем, так и выражаемся» - половина правды; вторая ее половина «как выражаемся, так и живем» тоже должна быть принята во внимание. По речи судят о культуре, образованности

и профессиональной подготовке человека. Очень важным аспектом речи является ежедневное поведение человека в общении с другими людьми, его способность разговаривать учтиво, вежливо, то есть соблюдать правила речевого этикета.

Что же такое речевой этикет? Опираясь на формулировку Л.А. Введенской: «Речевой этикет – это разработанные правила речевого поведения, система речевых формул общения» [2, с. 53]

Анализируя современные реалии в вопросе о русской речевой культуре, мы пришли к выводу о том, что существуют определенные трудности у работников сервиса в применении некоторых этикетных формул: соболезнование, отказ, обращение, комплимент.

Как отказать клиенту, покупателю, посетителю, чтобы он не обиделся? В отказе обижает, прежде всего, категоричность. Отсюда, собственно отказ должны предварять так называемые актуализаторы вежливости: я был бы рад, но…; мне бы очень хотелось, но…; я бы с радостью…; к сожалению... После отказа необходимо произнести причину отказа. «Мы были бы рады предложить вам плитку лазурного цвета, но сейчас ее нет на складе. Возможно, вскоре ее завезут. Заходите». Выстраивается достаточно длинная фраза, для произнесения которой необходимо затратить определенные речевые усилия. Однако говорящий, экономящий языковые средства, произносит коротко: «Сегодня нет в продаже».

Утешение (соболезнование) трудно для русского человека как в вербальном плане, так и в психологическом. Русский человек чувствует неискренность в этикетной фразе «Примите мои соболезнования». А простая фраза: «Я слышал у вас горе. Мне очень жаль. Чем я могу помочь?» – не приходит в голову. Причем многие люди отмечают трудность в произнесении данной формулы даже близкому человеку.

Не каждый человек способен легко и непринужденно произнести комплимент. Однако трудности возникают и в умении его принять. На основе анализа речи мы попытались сформулировать этикетные ошибки, приводящие к таким трудностям:

1. Пауза после услышанного комплимента, когда автоматически должно звучать «Спасибо!»;

2. Неумение дать ответ на комплимент «Мне приятно это слышать»;

3. Ответ-штамп: «Спасибо, вы тоже!».

Некоторые представители сферы обслуживания отмечают натянутость и неискренность комплиментов. Отсюда нежелание произносить их клиентам.

Отсутствие в русском языке общепринятого обращения к незнакомому человеку и желание говорящего заполнить эту речевую паузу приводит к тому, что в речевой практике работников сервиса появляются различные обращения, в которых ярко проявляется уровень образованности, воспитанности, общей культуры человека. На рынке от продавцов южных республик можно услышать: «Сестра! Красавица! Земляк!». Пожилой

мужчина обращается к девушке-продавцу: «Дочка!». Продавец-консультант говорит покупательнице средних лет: «Дама, эта кофточка вам к лицу!».

Наблюдения показали разное отношение носителей языка к слову «господин»: одни принимают его безоговорочно, другие считают неуместным.

Продавец магазина одежды в отдаленном районе города сказала: «В нашем магазине не может быть господ».

Молодая официантка совершенно не приемлет обращения «барышня» по отношению к девушке, посетившей кафе. Но от молодых официантов прозвучали фразы «юная леди» и синьорита», как обращения к маленькой девочке, пришедшей в кафе с родителями.

Вывод о не этикетном отношении по половому признаку заставляет каждого говорящего вести поиск такого обращения, которое не обидит, не оскорбит человека, а позволит легко вступить в контакт, эффективно его осуществить и легко из него выйти.

Собственные наблюдения и изученная литература позволяют сделать нам небольшие обобщения:

1. Неумение работника сервиса употреблять в речи этикетные формулы во многом связано с отсутствием их в речевой практике окружающих. Эта причина обусловливает необходимость обучения речевому этикету.

2. Непонимание речевого этикета как вида общения. А также с непониманием ролевых отношений говорящих, бедностью этикетного лексикона и отсутствием речевых навыков.

Речевой этикет очень нуждается в активном сохранении, то есть в изучении, описании языкового и речевого материала, в широком распространении научных знаний, освоении лучших национальных традиций и форм доброжелательного обхождения в современном обществе. Речевой этикет — это зеркало, отражающее уровень языковой и, в конечном итоге, общей культуры человека. Вот почему актуальной становится проблема сохранения и активного использования речевых этикетных формул.

Литература

1. Барышева А.Д., Матюхина, Ю.А. и др. Этика и психология делового общения (сфера сервиса) / А.Д. Барышева, Ю.А. Матюхина, Н.Г. Шердер. – М.: Альфа –М: Инфра - М, 2006. -225 с.
2. Введенская Л.А., Черкасова, М.Н. Русский язык и культура речи: учеб. пособие / Л.А. Введенская, М.Н. Черкасова. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 384 с.
3. Измайлова Л.В. Русский язык и культура речи для педагогических колледжей: учебник / Л.В. Измайлова, Н.Н. Демьянова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 446 с.
4. Тимохина Т.Л. Организация приема и обслуживания туристов: учеб. пособие / Т.Л. Тимохина. – М.: ООО «Книгодел», 2005. – 288 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

И.Б. Нордман
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Общественно-экономические перемены, происходящие в нашей стране, предъявляют к будущим выпускникам вузов новые требования, где наряду с профессиональными знаниями, умениями и навыками от молодых специалистов требуются активная жизненная позиция, предполагающая инициативу, самостоятельность, творческие навыки, владение информационной культурой. В таких условиях необходима замена прежней когнитивной парадигмы образования, предполагающей, прежде всего, усвоение студентами больших объемов информации, на компетентностную и личностно-ориентированную парадигмы, которые предполагают активное участие в образовательном процессе как преподавателя, так и студента.

Формирование активной жизненной позиции, творческой инициативы, самостоятельности и информационной культуры наиболее интенсивно происходит именно во время обучения в вузе. Поэтому именно в высшей школе необходимо обратить особое внимание на методы повышения качества образовательного процесса.

Информационная культура, являясь неотъемлемым личностно-профессиональным качеством будущего специалиста [5: с. 131], предполагает не только владение информационными технологиями, но своевременное определение собственных потребностей в информации, её поиск, оценку и эффективное использование, иначе говоря, способность к постоянному саморазвитию.

В условиях обучения студентов информационной культуре у них повышается интерес к обучению, в частности к изучению иностранного языка, снижаются трудности его усвоения, и, как следствие, повышается успеваемость и удовлетворенность занятиями по иностранному языку, а значит, и качество обучения. В условиях формирования информационной культуры усвоение языкового материала протекает на личностно-значимом уровне [6: с. 82]; повышается степень осознания студентами мотивов изучения иностранного языка, связанных с осуществлением учебной деятельности, с перспективами практического использования иностранного языка, что говорит в пользу реализации востребованной в настоящее время личностно-ориентированной парадигмы образования.

Иностранный язык является в настоящее время одной из дисциплин, способствующих формированию личностных и профессиональных качеств современного специалиста, и занимает важное место даже в неязыковом техническом вузе, таком как ТюмГНГУ. Основными профессиональными

сферами применения будущими инженером иностранного языка являются инженерная, переводческая и образовательная деятельности [4: с. 19]. Работа инженера в этих сферах неразрывно связана с общением, включая общение инженера на иностранном языке. В связи с возрастанием значения и объема коммуникации на иностранном языке необходимым представляется в первую очередь, гибкая организация учебного процесса, которая дает больше возможностей студентам, с одной стороны, для самостоятельных занятий, и с другой стороны, для принятия осознанного решения в пользу какого-либо курса по выбору, в частности, иностранного языка на 3, 4 и 5 курсах. На настоящий момент базовые курсы по дисциплине «Иностранный язык» успешно дополняются курсами «Деловой иностранный язык», «Технический иностранный язык», «Язык деловой корреспонденции» и «Разговорный иностранный язык».

Удовлетворение профессиональных иноязычных коммуникативных потребностей требует от инженера наличия определенного уровня коммуникативной компетенции. Под профессиональной иноязычной компетенцией в настоящем исследовании понимается способность осуществлять общение посредством иностранного языка в процессе профессионального взаимодействия с другими участниками общения [4: с. 20]. Следовательно, необходимо обратить особое внимание на обеспечение учебного процесса соответствующими учебниками и учебными пособиями, предполагающими приобретение будущими специалистами определенных компетенций в области профессионального общения.

Для повышения мотивации при изучении иностранного языка на курсах по выбору и факультативных дисциплинах полезным может оказаться положительный опыт использования учебных материалов, построенных по принципу коммуникативности и способствующих формированию личностной активности студентов [3: с. 19], приобретению ими профессионально-значимых компетенций, а значит, и повышению качества учебного процесса в целом.

Так, для студентов направлений «Нефтегазовое дело», «Транспортное дело» и «Менеджмент» по дисциплинам «немецкий язык» и «Деловой немецкий язык» уже несколько лет с успехом используются аудиокурсы Becker N., Braunert J., Eisfeld K. “Dialog Beruf 1”, “Dialog Beruf 2” и Buscha A., Linthout G. “Geschäftskommunikation: Verhandlungssprache” [1], [2]. Названные выше курсы включают необходимый для профессионального общения набор лексики и типичные языковые ситуации на немецких предприятиях. Они также являются подготовительной ступенью для сдачи экзамена по немецкому языку на сертификат ”Немецкий язык для профессии” (“Zertifikat Deutsch für den Beruf” ZDfB); на сертификат ”Немецкий язык как иностранный” (”Zertifikat Deutsch als Fremdsprache” ZDaF); экзамена ”Деловой немецкий язык” (“Prüfung Wirtschaftsdeutsch” PWD), который дает иностранцам возможность трудоустройства в Германии. Формы

проведения занятий, во время которых учащиеся находят языковые и деловые решения проблем, а также сами являются непосредственными участниками учебного процесса (аудитория представляется как воображаемый офис, а студенты – сотрудники фирмы или предприятия), показывают высокую степень заинтересованности студентов и, как следствие, более высокую степень усвоения материала.

Отличительной особенностью указанных учебных пособий является наличие оригинальных копий подлинных документов из области деловой корреспонденции, иллюстрирующих ситуации делового общения, что дает возможность студентам в полной мере почувствовать себя сотрудником одного из ведущих предприятий Германии. Кроме того, учебники предоставляют необходимую информацию не только в области использования определенного набора лексических единиц, необходимых для реализации поставленных коммуникативных задач. Данные учебники содержат также необходимую информацию страноведческого характера, помогающую лучше понимать реалии другой страны и, следовательно, другой культуры. Использование данных курсов и учебных пособий в полной мере соответствуют требованиям к реализации компетентностной парадигмы образования, которая предусматривает способность студента самостоятельно отбирать информацию и уметь использовать накопленные знания. Таким образом, происходит формирование личностных качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности.

Исходя их вышеизложенного, можно утверждать, что коммуникативная направленность обучения является необходимым условием формирование информационной культуры студентов в процессе обучения в вузе.

Литература

1. Becker N., Braunert J., Eisfeld K. “Dialog Beruf 1”, 1997. – Max Hueber Verlag, D – 85737 Ismaning. – 169 c.
2. Buscha A., Linthout G. “Geschäftskommunikation: Verhandlungssprache”, Max Hueber Verlag, D – 85737 Ismaning, 1997. – 120 c.
3. Бим И. Л. Обучение иностранным языкам: поиск новых путей // ИЯШ. – 1989. - № 1. – С. 19 – 26.
4. Полякова Т.Ю. Диверсификация непрерывной профессиональной подготовкм по иностранному языку в инженерном образовании автореф. дис. … докт. пед. наук / Полякова Татьяна Юрьевна; 13.00.08. Калининград, 2011. – 44 с.
5. Руденко Е.Е. Некоторые аспекты совершенствования подготовки инженеров к профессиональной деятельности / Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. «Акмеология образования». Науч.-метод. журнал. Том. 13 . Кострома: 2007. – С.130-133.
6. Шутенко А.И. Развитие образовательных коммуникаций в современном вузе // Высшее образование в России. – 2011. - № 7. С. 80-86

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «STUDY» И «ОҚУ» В АНГЛИЙСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

С.М. Нуртаза, Г.О. Азылбекова
Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, Казахстан

Язык - это такая часть жизни на Земле, без которой не может обойтись ни один человек. Это отражение и воплощение наших мыслей. Владение языком, несколькими языками открывает людям возможность не только передачи информации, но и постижения внутреннего мира других людей, понимания некоторых особенностей мышления, характерных для целых народов.

Для исследования мы выбрали концепты «study» и «оқу». Кроме того, учёба – процесс, волнующий большую часть населения нашей страны, в том числе и нас. Этим обусловлена **актуальность** нашей работы. На примере одной среднеобразовательной казахской школы и десяти носителей английского языка мы попытаемся определить возможное содержание исследуемых нами концептов.

Для начала нужно точно понимать, что же такое «концепт»? Впервые термин «концепт» был введен еще в 1928 г. С.А. Аскольдовым, который определяет концепт как заместитель неопределенного множества предметов одного и того же порядка [1]. Сегодня этот феномен активно исследуется многими учёными. Но единого мнения о том, что такое *концепт*, пока нет.

Многие трактовки показались нам сложными для восприятия и требующими более глубокого рассмотрения. Поэтому приведем наиболее понятное нам, а также будем следовать ему в работе: **«концепт – это весь потенциал значения слова, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте» [2].** Сходного понимания концепта придерживались в своих трудах С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, В.В. Колесов, В.Н. Телия.

В настоящее время существуют и разрабатываются разные методики описания концепта. Для своего исследования в силу его узкой специфики мы решили применить более простой, понятный и в то же время довольно эффективный метод: выявление ассоциативных комплексов.

Данный метод более близок к психолингвистическому подходу в понимании концепта. В рамках данного подхода концепт является достоянием как определённого социума или культуры, так и отдельного индивида. Кроме того, исследователь А.А. Залевская находит, что для психолингвистического понимания концепта очень важно, что человек всегда воспринимает и перерабатывает информацию при наличии определённого эмоционально-оценочного отношения к ней [3]. А концепт «учёба» включает в себя множество эмоционально-оценочных компонентов.

Мы считаем возможным определение содержания концепта малых социальных групп путем специального опроса каждого или большинства людей из данной социальной группы.

Согласно позиции В.А. Масловой, для установления смыслового объема концепта необходимо проделать следующую работу:

1) установить место концепта в национальном языковом сознании через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям (путем анализа словарных значений определятся ядро концепта);

2) учесть особенности этимологии слова;

3) привлечь к анализу разнообразные контексты (поэтические, научные, публицистические, философские и т.д.) с целью выявления периферических признаков концепта;

4) сопоставляя полученные результаты с анализом ассоциативных ядерных связей, сделать выводы о смысловой связи данного концепта с другими;

5) проанализировать концепт в разных видах искусства [4].

Наша задача – это выявить смысловой объём концепта «учёба» в конкретном кругу людей, объединенных общими условиями, поэтому мы изменим методику описания в соответствии со спецификой нашей работы.

Методика описания концептов «study» и «оқу» следующая:

- привлечь к анализу результаты опроса, проведённого среди учащихся средней школы №22 и десяти носителей языка с целью уточнения ядра и выявления периферических признаков;
- подробно описать содержание исследуемого концепта.

В опросе участвовали 96 человек: 86 учащихся школы и 10 американцев. Американцы были опрошены дистанционно.

Опрошенным были предложены следующие вопросы:

1. Запишите слова, которые приходят вам на ум, когда вы слышите слово «оқу» для учащихся школы и слово «study» для американцев. Думать не нужно (получается ассоциативный ряд).

2. Продолжите фразу: «Оқу мен үшін – ол, ең алдымен, ...», «Study is for me, at first, …»

Результаты опроса дали представление о том, что же представляет концепты «оқу» для учащихся школы и слово «study» для американцев. При анализе ответов мы учли возрастные особенности ребят, так как ответы в младшем, среднем и старшем звеньях школы различаются.

После подробного анализа ответов учащихся мы смогли определить структуру исследуемого нами концепта: ядро и ассоциативное поле. Внутри ассоциативного поля мы расположили пласты или слои. Содержание, названия (объединив ответы по группам) и значимость слоёв мы определяли, исходя из ответов порошенных. Чем больше слов (ответов) представлено в ассоциативном слое, тем ближе он к ядру. Чем меньше слов, тем слабее связи с исследуемым понятием. Самые повторяющиеся слова также являются значимыми для реализации концепта.

Анализ ответов опроса учеников (носителей казахского языка) и носителей английского языка позволил определить нам структуру концепта и его содержание. По результатам исследования мы сделали следующие **выводы**:

- концепт намного шире лексического значения слова, в этом мы убедились наглядно, на практическом материале;
- структура концепта «учёба» укладывается в рамки модели: ядро + ассоциативные слои. Ассоциативные слои мы определили, исходя из полученных данных, построив ассоциативное поле концепта. Связи между ядром и каждым ассоциативным слоем ослабевают по мере удаления последнего от первого;
- концепты можно исследовать на уровне очень больших культурных групп, малых социальных групп (как в нашем случае), а также на личностном уровне;
- при анализе ответов мы учитывали возрастные особенности учеников. Самыми активными участниками опроса оказались ученики среднего звена. Их ответы многочисленны. Отрицательные оттенки смысла исследуемого нами процесса присутствует в сознании школьников;
- в целом результаты исследования мы считаем полезными не только с лингвистической точки зрения, но и с практической: они могут помочь или быть учтены при корректировке учебного процесса.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: Антология; под ред. В.П. Нерознака. - М.: Academia,1997
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. - М.: Флинта, 2004 – 185 с.
3. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. - М.: Флинта, 2004 – 189 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧУВАШЕЙ О БЕРЕМЕННОСТИ

В.С. Петрова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

По народному представлению чувашей, женщина, готовившаяся стать матерью, вызывала уважение и почтение. Так, в день свадьбы, ее благословляли: *кĕҫĕн çынтан аслӑ çын пул* «От молодухи стань старшой».

В лексикографических, этнографических, фольклорных и полевых материалах нами выявлены следующие номинативные единицы, обозна-

чающие беременную женщину: *йывӑр çын* «беременная женщина», «женщина в положении»; *йывӑр хырӑмлӑ хӗрарӑм*; *çире пул* «беременная»; *нӗтӗ* «стельная, беременная»; х*ӗрӗх чӗрнеллӗ* букв. «с сорока ногтями»*; хырӑмлӑ* букв. «брюхатая»*; йывӑрлӑ* «тяжелая». Как видно, в чувашском языке для определения беременной женщины нет конкретной лексической единицы. В основном используются слова иносказательного или описательного характера. Видимо, это связано с оберегом женщины и будущего ребенка от злых духов (чуваши считали, что злой дух может навредить еще не родившему ребенку).

Значительная часть обрядов периода беременности представляла собой запреты, которые регламентировали поведение будущей матери и обеспечивали рождение здорового ребенка. Например, она не должна присваивать себе чужое, красть. Во избежание тяжелых родов беременной женщине накладывали запрет на вязание, иначе плод будет обвит пуповиной. Для благополучного исхода беременности женщине запрещалось стричь волосы. В волосах находилась жизненная сила, потеряв которую, женщина могла лишиться и ребенка. Ей запрещалось посещать кладбище, участвовать на похоронах, в противном случае душа умершего может вселиться в не родившегося еще ребенка. Беременная женщина подвергалась сглазу, поэтому она носила предметы-обереги: ракушки каури, булавку, брошь или другие остроконечные принадлежности женского туалета. Кроме того, чувашские женщины старались скрыть беременность от окружающих, в особенности, если она было на сносях с первым ребенком. Считалось, что чем меньше людей будет знать о беременности, тем легче она будет протекать.

∗ Работа написана на основе обощения материалов фольклорной практики

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ПЕРЕВОДА И БЕГЛОСТИ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

О.Б. Полетаева
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

В процессе работы, думается, каждый преподаватель иностранных языков сталкивался с необходимостью объяснения грамматики, не пользуясь грамматическими терминами. Причем делать это надо так, чтобы грамматика стала понятна абсолютно всем: и взрослым, которые давно забыли, что такое члены предложения, и детям, которые еще не знают этих понятий. [4, с. 138]. Для эффективности подобного обучения существует множество методик, но наш взгляд, особый интерес представляет собой направление КЭСПА. КЭСПА – это аббревиатура от вопроса «Как Это Сказать По-

Английски?». Чтобы ответить на этот вопрос, нужно, чтобы самые важные грамматические конструкции английского языка и наиболее употребительные слова хранились «даже не в Вашей Голове, а на Губах, Зубах и Языке», то есть именно так, как это происходит, когда мы говорим по-русски [1, с. 7]. Научить речи на чужом языке в языковой среде родного языка можно только методом отталкивания от родного. Для того, чтобы достичь беглости в речи на английском языке, нужно четко знать то, из чего состоит речь среднестатистического образованного англо-говорящего человека.

Речь можно представить в виде коммуникативного набора прагмалингвистических формул (ПЛФ). Прагмалингвистика (лингвистическая прагматика) является областью лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий / пишущий и слушающий / читающий. Для их характеристики важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания [3, с. 269].

Также она определяется как наука, которая занимается выбором наиболее оптимальных из имеющихся в языке средств для наиболее успешного воздействия на слушающего или читающего для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения [2, с. 325 - 326].

Для обучения говорению на чужом языке достаточно научиться быстро и грамотно переводить ПЛФ с родного языка на чужой. И.Гивенталь свела этот коммуникативный минимум к следующему: 500 наиболее употребительных грамматических конструкций плюс 300 идиом и фразеологизмов плюс 2500-3000 слов. Навык быстрого перевода достигается при помощи особых артикуляционно-грамматических упражнений, в основе которых - творческий повтор. Для того чтобы эти упражнения приносили ощутимый и быстрый результат, предлагается подходить к ним творчески и импровизировать, подставляя в изучаемую формулу известные к данному уроку слова и идиомы, оставаясь, однако, в рамках изучаемой на данном конкретном занятии грамматической конструкции. Таким образом, закрепляя грамматику, повторяется лексика.

На первом же занятии по методике КЭСПА ученики получают свой личный коммуникативный набор ПЛФ (количество конструкций, входящих в него, будет зависеть только от целей в изучении английского языка). Развитая «артикуляционная память» – это знание грамматики чужого языка, хранящееся не в голове, а в губах, зубах и языке – органах нашего организма, отвечающих за звукообразование. Разрабатывая систему артикуляционно-грамматических упражнений, И.Гивенталь провела испытание этой системы: в течение 2 месяцев, по 20 минут в день, но каждый день ученики московской школы № 1199, их родители, братья и сестры, и даже

бабушки занимались по этой системе. Результат оказался неожиданным – практически у всех обнаружился побочный эффект работы по системе: тренируя свою артикуляционную память, чтобы добиться беглости при устном переводе с русского на английский, они заметили, что начали без всякого напряжения различать на слух живую английскую речь [1, с. 11]. Безусловно, вышеописанный метод не является идеальным, но принципиальный подход «учить язык от потребностей» должен быть в основе любой методики преподавания.

Литература

1. Гивенталь И., Задорожная А. Английский с нуля для детей и взрослых. – СПб.: Питер, 2013. – 352 с.
2. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. Т. 40, 1981, № 4.
3. Сусов И. П. История языкознания Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия, 384 стр. Москва, АСТ, Восток - Запад, 2007.
4. Формирование языковой компетентности у студентов вузов / Шагбанова Х.С., Павлова М.В. Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 4. С. 138-140.

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

О.Б. Полетаева, А.С. Макаренко
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Изменения, которые в последние годы произошли в России, привели к тому, что иностранный язык стал одним из важнейших предметов в неязыковых вузах, поэтому студенты кардинально изменили свое отношение к языкам.

В настоящее время знание иностранных языков – английского, французского, немецкого - стало необходимой составляющей в профессиональной деятельности специалистов.

Сегодня высококвалифицированный инженер – это не просто профессионал в своей области, но и всесторонне развитый человек, с широким кругозором, способный быстро принимать решения, решать как сугубо профессиональные, так и творческие задачи; это человек, обладающий способностью приспосабливаться к быстроизменяющимся технологиям современности, умеющий четко определить цели своей профессиональной деятельности. В связи с этим, обучение студентов иностранным языкам должно носить коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер.

Задачи обучения определяются коммуникативными и профессиональными потребностями, необходимыми специалистам. Развиваясь за счет соответствующих знаний и практик в процессе учебно-профессиональной деятельности, языковая подготовка обеспечивает в дальнейшем будущему специалисту успешную и культурно-профессиональную работу [1].

Именно такой подход к обучению подготовит будущего специалиста к достижениям в конкретной области, позволит повысить результативность и поддерживать в дальнейшем высокий профессиональный уровень. Это также позволит увеличить шансы трудоустройства будущего выпускника на современном российском и даже мировом рынке труда, а также подготовит к иностранному профессиональному общению с иноязычными коллегами. Следовательно, знание одного или нескольких иностранных языков, становится, важнейшей частью подготовки студентов к профессиональной деятельности.

На наш взгляд, современный технический вуз должен ставить перед собой задачи преподавания таким образом, чтобы выпускник не только обладал определенными навыками и умениями, но и стремился к этому.

Необходимо развивать у студента нацеленность на продвижение по службе, профессиональному росту, чтобы он хотел и мог завоевать значимое положение в своей будущей компании, на своем рабочем месте [2].

Этого возможно достичь только при активном профессиональном языковом развитии студента, поэтому желательно, чтобы уже в вузе у потенциального выпускника была возможность перенимать опыт у ведущих специалистов предприятий. С этой же целью очень помогло бы привлечение иностранных специалистов для обучения иностранным языкам, чтение лекций, проведение семинаров, мастер классов по профессии тоже на иностранных языках.

Обучение иностранному языку можно представить в трех этапах.

На начальном этапе иностранный язык помогает студенту раскрыть свой потенциал как начинающего исследователя, инженера, почувствовать себя специалистом.

На втором этапе обучения иностранный язык способствует формированию профессионального кругозора, осваиванию работ, которые будут востребованы в рамках своей специальности. [3]

На последнем этапе, завершающим обучение иностранному языку, студенты должны повышают квалификацию благодаря совместным проектам, мероприятиям с иноязычными участниками, а так же публикациям за рубежом.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что для решения такой серьезной задачи в университете необходимы высококвалифицированные кадры, которые соответствуют заданному профессиональному уровню и в области обучения иностранным языкам.

Литература
1. Формирование языковой компетентности в сфере бытового и профессионального общения у студентов вузов / Шагбанова Х.С. Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 3 (30). С. 316-320.
2. Боев О.В., Коростелева Е.Н., Чучалин А.И. Проектирование магистерских программ на основе планирования компетенций специалистов. / Под ред. проф. А.И. Чучалина: Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – 63 с.
3. Слесаренко И.В. Формирование поликультурной среды технического вуза на примере иноязычной подготовки студентов Элитного технического образования // Сборник трудов Международной конференции GEER «Инженерное образование и наука в мировом образовательном пространстве», г. Томск, 1-2 июня 2006 г. Томск: изд-во ТПУ, 2006. с. 255-260.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Е.А. Рамазанова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Фразеологизмы, как и слова, могут находиться в синонимических отношениях друг с другом. Под фразеологическими синонимами понимают такие единицы, которые за разным компонентным составом обнаруживают близкие значения [1: 59]. Например, синонимичны обороты чуть свет - ни свет ни заря; со всех ног - во весь дух - сломя голову; бок о бок - рука об руку - плечом к плечу - рука в руку. Синонимический ряд слов открывается доминантой, которая характеризуется нейтральной окраской. Среди фразеологических синонимических рядов такое встречается редко, так как фразеологизмы в большинстве своем стилистически окрашены: например, на каждое шагу (нейтр.), сплошь и рядом (нейтр.), то и дело (разг.), всю дорогу, (прост.), то и знай (устар., ирон.).

По структуре фразеологические синонимы бывают разной структуры. Одноструктурные фразеологизмы (с одинаковой моделью построения): в два счета; в один прием. Разноструктурные фразеологизмы (с разной моделью построения): в двух шагах; под самым носом; рукой подать; под боком. Сходноструктурные фразеологизмы (один из грамматических стержневых компонентов является одинаковым по структуре): ни за какие блага в мире; ни за какие коврижки [2: 124].

Внутри почти каждой фразеосемантической подгруппы наречные фразеологизмы времени и пространства вступают в синонимические и антонимические отношения. Это вполне очевидно, так как близость значений фразеологизмов внутри каждой подгруппы доказывается возможностью

идентификации одним и тем же словом, соотнесенностью с одной и той же частью речи - наречием [3: 118]. Для субстантивных фразеологизмов, которые в нашем материале присутствуют в небольшом количестве, синонимические и антонимические отношения не являются характерными (хотя единичные примеры имеются).

А.В. Кунин определяет фразеологические синонимы как кореферентные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по лексическому составу, имеющие общие и дифференциальные семантические компоненты и различающиеся или совпадающие в стилистическом отношении [4: 130].

В.П. Жуков под фразеологическими синонимами понимает фразеологизмы с тождественным или предельно близким значением, соотносительные с одной и той же частью речи, по преимуществу обладающие одинаковой или сходной синтаксической сочетаемостью (эта особенность, прежде всего, характерна для одноструктурных фразеологизмов, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо тем и другим одновременно» [5: 116].

Из определений видно, что в основу фразеологических синонимов кладется их семантика, а в качестве различительных признаков выступают оттенки значения или стилистические особенности.

Взаимозаменяемость фразеологических единиц, выдвигалась как один из основных критериев синонимичности. Так, в предисловии к «Словарю фразеологических синонимов русского языка» В.П. Жуков пишет, что те фразеологические обороты, которые, совпадая по значению, свободно замещают друг друга, характеризуются самой высокой синонимичностью [5: 4]. Подобная точка зрения была подвергнута критике как противоречащая основным функциям фразеологических синонимов. Например, И.И. Чернышева говорит о том, что взаимозамена не отражает факта реального функционирования фразеологических синонимов. Невзаимозаменяемыми являются синонимические единицы, реализующие в речевом акте присущие им семантические и стилистические оттенки. Если даже в определенных контекстах ряд синонимов может взаимозаменяться, то этот случай не покрывает всего многообразия взаимосвязей, существующих в составе фразеологических синонимов [6: 82].

Рассмотрим вопрос об определении типов фразеологических синонимов. Как уже отмечалось выше, вопрос фразеологических вариантов неразрывно связан с вопросом определения типов фразеологических синонимов. Перед учеными ставится проблема выделения типов фразеологических синонимов и их разграничения с фразеологическими вариантами.

Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, сти-

листическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов [4: 31].

Фразеологические варианты при общности значения характеризуются полным тождеством образной структуры и экспрессивно-стилистической окраски, что и создает возможность параллельного их функционирования в различных контекстах [4: 35].

И.И. Чернышева выделяет два типа фразеологических синонимов, беря за основу их смысловые соответствия: 1) совпадающие по значению и 2) имеющие некоторые различия в значении. Фразеологические единицы первого типа, по мнению автора, в стилистическом отношении одноплановы и в определенных контекстах взаимозаменяемы. Автор отмечает, что во фразеологической системе тождественных по значению единиц больше, чем в лексической синонимии. Во втором типе фразеологических синонимов И.И. Чернышева выделяет такие, которые характеризуются различиями в оттенках значений, различаются по экспрессивным признакам и по эмоциональной окрашенности [6: 101].

А.П. Хазанович делит фразеологические синонимы на две группы: равноценные фразеологические синонимы; неравноценные фразеологические, которые разделяются на идеографические, стилистические и одновременно идеографические и стилистические [7: 7].

И.И. Чернышева говорит о том, что систематизация фразеологических синонимов основана на нескольких принципах:

А) по структурному признаку автор выделяет два класса фразеологических синонимов: 1) *разноструктурные* фразеологические синонимы, к которым относятся фразеологизмы с различным синтаксическим построением и различным образно-мотивированным стержнем; 2) *одноструктурные* фразеологические синонимы с одинаковым синтаксическим построением, близким образно-мотивированным семантическим стержнем и почти тождественным лексическим составом компонентов;

Б) по семантическим и функционально-стилистическим признакам автор различает: 1) равнозначные синонимы (разноструктурные или одноструктурные фразеологизмы), имеющие единое понятийное содержание и тождественную стилистическую принадлежность; 2) идеографические синонимы, различающиеся семантическими оттенками, которые, в первую очередь, выражают степень интенсивности характеризуемого действия; 3) стилистические синонимы, дифференцированные в стилистическом отношении [6: 12].

Деление фразеологических синонимов по семантическим и функционально-стилистическим признакам (согласно исследованию И. И. Чернышевой) представляет для нас особый интерес.

А.В. Кунин выделяет три типа фразеологических *синонимов:*

идеографические, отличающиеся оттенками значения; в этом случае совпадают архисемы, то есть родовые семы и различаются дифференциальные семы при одинаковой или различной образности;

стилистические, обозначающие одно и то же понятие, но различающиеся стилистической принадлежностью;

стилистико-идеографические, в которых наблюдаются как чисто семантические, так и стилистические различия [4: 86].

Мы можем сделать вывод: фразеологизмы могут отличаться оттенками значения (семантические различия) при одинаковой или различной образности; в стилистической принадлежности (стилистические различия); иные имеют как семантические, так и стилистические различия. Исходя из выше сказанного, можно выделить два типа фразеологических синонимов: равнозначные фразеологические синонимы; неравнозначные фразеологические синонимы.

Неравнозначные фразеологические синонимы, в свою очередь, разделим на три типа (согласно теории А.В. Кунина):

а) идеографические;

б) стилистические;

в) стилистико-идеографические.

Рассмотрим каждый из выделенных типов фразеологических синонимов на примере наречных фразеологизмов времени и пространства.

Равнозначные синонимы (на материале немецкого языка) детально рассматривает И.И. Чернышева [6:88]. Автор определяет равнозначные синонимы как такие фразеологические единицы, которые выражают одно и то же понятие или одно и то же суждение (для единиц, эквивалентных предикативным сочетаниям или предложениям, типа пословиц). Материальный состав равнозначных синонимических единиц может быть различным в лексическом и структурном отношениях [6:91]. И.И. Чернышева отмечает, что сущность равнозначных синонимов состоит в том, что они не являются тождественными друг другу. При равности выражаемого понятия функциональной принадлежности, сочетаемости, автор считает, что неадекватной является образная мотивированность, а, следовательно, связанная с ней неадекватность ассоциативного и эмоционального восприятия [6: 93].

Итак, для равнозначных фразеологических синонимов характерно:

- полная тождественность семантики;

- равнозначные фразеологические синонимы могут быть разноструктурными, иметь различную сочетаемость и внутреннюю форму.

Рассмотрим примеры равнозначной синонимии. Следующие фразеологизмы английского языка относятся к подгруппе «постепенно»: *step by step; little by little; by inches (inch by inch); bit by bit; a bit at a time; by degrees.*

Все, фразеологизмы характеризуются нейтральной оценочностью, экспрессивностью (благодаря особенностям структуры, в том числе тавтологии), отсутствием эмосемы, относятся к межстилевым единицам, то есть

у них полностью совпадают денотативное, сигнификативное и коннотативное значения.

Денотативное значение - это конкретное значение слова применительно к конкретной ситуации. Под денотатом в лингвистике понимают отдельное явление, предмет действительности, подлежащий наименованию. Денотативное значение - это предметное значение, характеризующее связь лексической единицы с обозначаемым предметом, поэтому может быть больше по содержанию, чем сигнификативное.

Сигнификативное значение лексической единицы представляет собой специфически языковое отражение действительности. Это такое значение, которое составляет основу понятия, выражаемого предметом.

Коннотативное значение - это то значение, которое предполагается или подразумевается или выражается словесно, символом, жестом или событийностью. Коннотативные значения обычно определяют абстрактные качества, общие свойства или класс объектов, или эмоциональные компоненты. Коннотация – сопутствующее значение. Коннотация включает в себя семантические и стилистические элементы, устойчиво связанные основным значением. Коннотация предназначена для выражения эмоциональных и оценочных оттенков высказывания и отображает культурные традиции общества [6: 154].

В выше указанных фразеологизмах совпадает связь лексических единиц с обозначаемым предметом, данные лексические единицы выражают одни и те же понятия, которые являются эмоционально нейтральными. Все выше указанные фразеологизмы являются наречными.

К типу равнозначных синонимов мы можем отнести следующие фразеологизмы русского языка: в скором времени; со дня на день; не за горами; на пороге. Все они относятся к фразеологизмам подгруппы «скоро, в ближайшем будущем». также имеют нейтральную оценочность, они экспрессивны (благодаря яркой образности, особенности структуры, в том числе тавтологии), относятся к межстилевым фразеологизмам. У них полностью совпадают денотативное, сигнификативное и коннотативное значения, что и позволяет нам отнести их к классу равнозначных фразеологических синонимов.

Фразеологизмы английского языка со значением «никогда», а именно: when the devil is blind; on St.Tib's eve; at latter Lammas; when pigs fly; when two Sundays come together; *when hell freezes over* также являются равнозначными фразеологическими синонимами, при разной образности они имеют полностью совпадающее значение, нейтральную оценочность, относятся к межстилевым единицам.

К равнозначным фразеологическим синонимам мы относим фразеологизмы русского языка подгруппы «быстро»: *во все лопатки; со всех ног; на всех парах; во всю прыть; сломя голову; изо всех сил. Здесь также можно отметить разную образность при различии в лексическом отношении.*

Равнозначные фразеологические синонимы подгруппы фразеологизмов «редко, иногда»: from time to time; every now and again; время от времени; иногда.

Равнозначными друг другу являются фразеологизмы: за тридевять земель; куда Макар телят гонял; бог знает куда.

Для равнозначных фразеологических синонимов характерно полное совпадение семантики, несмотря на различие в лексическом и структурном отношении.

*Проанализируем н*еравнозначные фразеологические синонимы. Как уже было отмечено, среди неравнозначных фразеологических синонимов выделяются три типа: 1) идеографические, 2) стилистические, 3) стилистико-идеографические синонимы.

Идеографические синонимы – это стилистически нейтральные слова, отличающиеся друг от друга оттенками смыслового значения.

Стилистические синонимы – это слова, тождественные по своему значению и различные по стилистической окраске или имеющие разную сферу употребления.

Исходя из определений идеографических синонимов по А.В. Кунину, И.И. Чернышевой можно заметить, что ученые говорят, прежде всего, о различиях в семантических оттенках, которые, в первую очередь, касаются дифференциальных сем. Дифференциальная сема - смысловой компонент, отличающий значение одного слова от другого.

Однако в нашем материале таких фразеологизмов будет совсем небольшое количество, так как наречные фразеологизмы, составляющие тематические фразеосемантические подгруппы, включают в себя лишь интегральные семы. Но все же в предыдущей главе мы рассмотрели яркие образцы идеографических синонимов.

Так, например, фразеологизм *семимильными (гигантскими) шагами* является идеографическим синонимом фразеологизму *в мгновение ока.* Оба фразеологима подгруппы «быстро» имеют интегральные семы времени и быстроты совершения действия. Однако первый фразеологизм имеет также дополнительную сему быстрого развития. Следовательно, фразеологизм *семимильными (гигантскими) шагами имеет значение* «очень быстро, о развитии чего-либо». Фразеологизм *в мгновение ока используется в речи в значении* «очень быстро, моментально». Но различий в функционально-стилистической принадлежности, экспрессивности, оценочности и эмотивности не наблюдается. А значит, фразеологизмы *семимильными (гигантскими) шагами* и фразеологизм *в мгновение ока* можно считать идеографическими синонимами.

Фразеологизмы английского языка *on the minute* и *in good time* совпадают в интегральных семах «время» и «точно, вовремя». Однако во втором фразеологизме выделяется дифференциальная сема «в нужный момент», что и придает ей несколько иной оттенок значения. Денотативное, сигни-

фикативное и коннотативное значения совпадают. Следовательно, они являются идеографическими синонимами.

К идеографическим синонимам можно отнести фразеологизмы русского языкасто *ухо в ухо* и *плечо к плечу*. Оба фразеологизма имеют интегральные семы пространства и близости (подгруппа «совсем близко, рядом»). Однако фразеологизм *ухо в ухо* имеет дифференциальную сему животного, что и делает его отличным от фразеологизма *плечо к плечу*. Обе единицы характеризуются нейтральной оценочностью, экспрессивностью (тавтология), отсутствием эмотивности. Обе относятся к разговорной фразеологии. Такая же пара идеографических синонимов наблюдается и в английском языке: *neck and neck* (о животных) и *side by side.*

Говоря о стилистических синонимах, мы имеем в виду те фразеологизмы, которые при равности значения отличаются только своей функционально-стилистической принадлежностью.

Е.Ф. Арсентьева все фразеологизмы делит на три больших класса: *книжные, разговорные* и *межстилевые* (то есть те, которые функционально не закреплены за отдельным стилем). Среди разговорных фразеологизмов автор выделяет: литературно-разговорные; просторечные единицы; грубо-просторечные; жаргонизмы [8: 19].

Рассмотрим стилистические фразеологические синонимы на примерах. Фразеологизмы *здесь и там* и *куда ни погляди подгруппы «нахождение объекта в пространстве»*, различаются только функционально-стилистической принадлежностью. Первый относится к межстилевым единицам, второй фразеологизм помечется как «просторечный», то есть относится к просторечным единицам.

Фразеологизм английского языка *all over* и *all over the shop*, имеющие значение «повсюду, везде», относятся к разным стилям: первый является межстилевым, а второй фразеологизм - единица слэнга.

Следующие два фразеологизма имеют одинаковое значение, нейтральную оценочность, не имеют эмотивности: *ever and anon* – время от времени; *from time to time* - время от времени. Однако первый фразеологизм относится к книжным (имеет примечание «poetical»), а второй – к межстилевым.

Приведем еще примеры стилистических синонимов.

В английском языке: *in the days of old* (в былые времена) - межстилевая единица; *of yore* (во время оно) - книжная единица.

В русском языке: *в скорости* - просторечная единица; *в скором времени* - межстилевая единица (подгруппа «скоро, в ближайшем будущем»).

Третий тип фразеологических синонимов – стилистико-идеографические синонимы, который выделяет А.В. Кунин. Это такие синонимы, которые при наличии общих интегральных сем различаются дифференциальными семами, а также функционально-стилистической принадлежностью.

Фразеологизм *никогда в жизни* относится к разговорным единицам, фразеологизм *после дождичка в четверг* - просторечная единица. Оба фразеологизма относятся к подгруппе «никогда», однако второй фразеологизм отличается эмосемой шутливости, что и придает ему наряду с его образностью особый оттенок в значении. Следовательно, в данном случае мы можем говорить о стилистико-идеографических синонимах.

Фразеологизм английского языка *under the nose of smb.* (под самым носом у кого-либо) и фразеологизм *within a stone's throw of smb.* (поблизости от) имеют общие интегральные семы пространства и близости. Но первый фразеологизм означает непосредственную близость и может относиться только к людям, тогда как второй может относиться к зданиям, местности. Первый фразеологизм относится к разговорной фразеологии, второй является межстилевым. Значит, данные фразеологизмы можно назвать стилистико-идеографическими синонимами.

В русском языке фразеологизм *на край света (земли)* относится к разговорным. Фразеологизм *за семь верст киселя хлебать* относится к просторечным. Если первый фразеологизм имеет значение «очень далеко», то второй, в дополнение к этому, имеет дифференциальную сему «попусту идти, ехать» и содержит эмосему иронии. Это значит, что они также принадлежат к группе стилистико-идеографических синонимов.

Разделив фразеологические синонимы на три группы, А.В. Кунин в то же время отмечает, что такое деление является в известной мере условным вследствие отсутствия стабильности в стилистических различиях, так как жаргонизмы обычно устаревают или переходят в разряд разговорных оборотов. Разговорные обороты в свою очередь часто становятся достоянием общелитературного пласта языка [4: 129].

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М: Наука, 1974. – 367 с.
2. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. – Л: ЛГУ, 1984. – 135 с.
3. Столбунова С.В. Фразеологические единицы со значением времени в современном русском языке: Дис. канд. филол. н.. – Тула, 1985. – 175 с.
4. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М.: международные отношения, 1996 – 289 с.
5. Жуков В.П. Русская фразеология. – М: Высшая школа, 2006. – 408 с.
6. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М: Высшая школа, 1970. – 199 с.
7. Хазанович А.П. Синонимия во фразеологии современного немецкого языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Л, 1956. – 27 с.
8. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. – Казань: Казанск. ун-т, 1989. – 126 с.

ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ЦИКЛЕ С. ЕСЕНИНА «МОСКВА КАБАЦКАЯ»: СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Т.Г. Руссева
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

Сергей Есенин признан самобытным поэтом со времени выхода в 1916 году первого стихотворного сборника «Радуница». На протяжении всего его творчества критика живо откликалась на появление каждой поэтической книги или подборки стихотворений. За прижизненной славой последовали посмертные споры, попытка замалчивания и, наконец, – зачисление в классики.

Замысел «Москвы кабацкой» возник у Есенина ещё весной 1923 года в Париже, по возвращении из Америки. Свидетельством тому – сохранившийся в его архиве рукописный титульный лист макета, где Париж обозначен как место предполагаемого издания. Также известно, что на одном из листов в начале рукописи было авторское посвящение: «…с глубоким уважением Георгию Феофановичу Устинову», которое позднее было снято Есениным.

Цикл стихов «Москва кабацкая» пронизан трагичностью, неразрешимостью противоречий жизни, отчаянием и тоской. В нём отражены мотивы драматической судьбы поэта, его одиночества, покаяния, бесприютности.

В ходе работы над циклом менялись и состав книги, и его композиционное построение. Изначально в цикл входило только четыре стихотворения, которые были напечатаны в сборнике «Стихи скандалиста». Вернувшись в Москву, Есенин был полон новых творческих замыслов. Он создаёт ряд лирических стихотворений, посвящённых актрисе московского Камерного театра Августе Миклашевской. Все семь стихотворений под общим названием «Любовь хулигана» поэт включает в состав будущей книги. Цикл вышел только в 1924 году, включая в себя четыре раздела: стихи как вступление к «Москве кабацкой», «Москва кабацкая», «Любовь хулигана» и «Стихотворение как заключение».

Задача нашего исследования - проследить динамику ценностных ориентиров лирического героя в цикле стихов «Москва кабацкая».

Термин "лирический герой" впервые был введён Ю. Тыняновым в статье 1921 г. «Блок». Критик писал: "Блок - самая большая лирическая тема Блока. Эта тема притягивает как тема романа ещё новой, нерождённой формации. Об этом лирическом герое и говорят сейчас.… В образ этот персонифицируют всё искусство Блока; когда говорят о его поэзии, почти всегда за поэзией невольно подставляют человеческое лицо - и все полюбили лицо, а не искусство" [2: 125].

Л. Гинзбург, изучая образ лирического героя, отмечала: «Лирический герой не существует в отдельном стихотворении. Это непременно единство, если не всего творчества, то периода, цикла, тематического ком-

плекса. В подлинной лирике, разумеется, всегда присутствует личность поэта, но говорить о лирическом герое имеет смысл тогда, когда она облекается некими устойчивыми чертами - биографическими, психологическими, сюжетными» [2:144]. Собственно, говорить о лирическом герое можно тогда, когда образ героя, возникающий в поэзии и обладающий устойчивыми чертами, является не только субъектом, но и объектом произведения. На это обратил внимание Б.О. Корман, который проводил границу между «собственно автором» и лирическим героем: если автор не является объектом для себя, то лирический герой является и субъектом и объектом в оценочной точке зрения. В теоретическом дискурсе понятие «лирический герой» рассматривал и С.Н. Бройтман. Он отметил, что: «лирический герой - это и носитель сознания, и предмет изображения: он открыто стоит между читателем и изображенным миром» [1:141–153].

Лирический герой С. Есенина - это динамичный образ. В процессе анализа стихотворений цикла «Москва кабацкая» проследим, как меняется система ценностей ориентиров лирического героя.

В стихотворении «Я обманывать себя не стану» (1922 г.) сюжет строится как дискурс саморефлексии лирического героя. В начале стихотворения герой назван шарлатаном и скандалистом. Эта номинация соответствует культивируемому в сознании эпохи мифу о Есенине как человеке. Казалось бы, принимая эту точку зрения, лирический герой сам готов идентифицировать себя со статусом повесы и озорного гуляки.

Но рефлексия героя направлена на выявления причин этого конфликтного статуса:

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам

Первое, на что обращает внимание лирический герой, поверхностность тех социальных мифов, в которых он получил очень однозначную оценку. И здесь задаётся оппозиция лирического героя и мира социума, с которым конфликт закономерен. Герой декларирует свою причастность и органичность миру природы, в социальном же мире он чужой:

Для зверей приятель я хороший
Каждый стих мой душу зверя лечит

Это не царство людей, где он «дружбы не имеет», он «иному покорился царству». Осознание этого изменило отношения к миру и с миром:

И теперь я уж болеть не стану.
Прояснилась омуть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

В стихотворении «Да! Теперь решено. Без возврата» (1922 – 1923 гг.) духовная опустошённость лирического героя доведена до предела. Он вспоминает близкие, милые образы, низкий дом и старого пса. Они очень дороги его сердцу, но былого уже не вернёшь.

Интуитивно лирический герой понимает, что «на московских изогнутых улицах» его ждёт гибель, но всё равно он любит «этот город вязевый». Переживания героя даны на фоне образ кабака, куда он идёт «головою свесясь». В пространстве кабака намечается его внутренний раскол, конфликт: с одной стороны, лирический герой презирает это место, жуткое логово с бандитами и проститутками, но с другой - он идентифицирует себя с ними:

Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад

Мотив безысходности наполняет всё стихотворение. Встав на тропу кабацкого мира с его удушливой атмосферой пьяного угара, лирический герой понимает, что пути назад нет.

В плане личностного самоосмысления показательно и стихотворение «Снова пьют здесь, дерутся и плачут», которое было написано во время зарубежной поездки в 1922 году. Исходной является позиция лирического героя как наблюдателя, констатирующего, как прожигают свою жизнь русские эмигранты, разочарованные в Октябрьской революции:

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники жёлтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

Лирический герой тоже заливает глаза вином, но лишь для того, чтобы не видеть в лицо роковое и «подумать хоть миг об ином». Для лирического героя – эти люди «пропащая гульба», над которой «чадит мертвячиной». Внешне они похожи на людей, но в них уже не осталось ничего человеческого. Все свои человеческие качества они оставили в юности, когда ещё верили в революцию. Лирического героя отличает чувство разочарования, скептицизм, волнение за будущее:

Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.

Наблюдая и анализируя картины этого мира, лирический герой даёт ему свою оценку:

Нет! таких не подмять, не рассеять!
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты Рассея моя…Рас…сея…
Азиатская сторона!

Стихотворение «Эта улица мне знакома» написано в 1923 г. в Париже, когда Есенин отправился в заграничную поездку по странам Европы и Америки со своей супругой, известной американской танцовщицей Айседорой Дункан. Ощущение одиночества, тоска по отчему краю, друзьям выразились в этом стихотворении. И уже не кабак становится ценностным локусом мира лирического героя, а образ родного дома:

Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь…»

«Годы буйных, безумных и тяжёлых сил» пришлось пережить герою, теперь единственным его желанием является возвращение на Родину.

Значимым в плане конкретизации системы ценностей лирического героя становится образ печи. Он придаёт ей живые черты:

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком – то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Образы мира детства обостряются в сознании лирического героя, который в оригинальной художественной форме подчеркивает свою однородность со всем его предметным строем. Закономерна цель лирического героя:

«Только ближе к родному краю
Мне б хотелось теперь повернуть…».

В стихотворении «Мне осталась одна забава» раскрыты новые грани ценностного поиска лирического героя. Первые строки наполнены невыразимой грустью и отчаянием:

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и весёлый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист

В лирическом сюжете стихотворения через форму поэтической рефлексии обозначены причины маргинального статуса лирического героя в социуме.

Они внешние, связанные с «житейской мретью», и глубоко внутренние, мотивированные психологическим состоянием и картиной мира поэта, утратившего идеал веры и разочаровавшегося в романтическом образе «золотых и далеких далей». Но пафос печали в стихотворении задан не осознанием лирическим героем своей маргинальности, а состоянием поэтической души, какая не может гореть без цели и идеала:

«И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть»..

Двойственность отличает и психологическую структуру лирического героя. За образом «похабника и скандалиста» просматривается поэт с нежной душой и чувственной натурой. Соприсутствие в душе героя ангелов и чертей можно обозначить специальным термином «аггелизм». Слово «аггел» употребляется в противопоставлении слову «ангел»: аггелы – это «падшие ангелы». Лирический герой констатирует в себе силу тех мрачных, разрушительных интенций, которые мешают ему осуществить примирение с собой и с миром.

Последние строки стихотворения – это осознанное послание тем, кто «при последней минуте … будет со мной». Здесь прямо названы предметы, какие символизируют ценностные доминанты картины мира лирического героя как а́льтер-э́го автора – русская рубашка и икона:

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной

Чтоб за все, за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

В заключение отметим: художественный мир, моделируемый в данном цикле, характеризуется подчёркнутой оппозицией лирического героя и социума. Самоидентификация лирического героя осуществляется через отношения с природным миром и миром цивилизации. Катастрофическое состояние современной цивилизации С. Есенин переживал очень остро. И те культурные мифы, в которых он представлен как хулиган, мотивированы его отношением к социальному миру, какой он не принимал. Конфликтность обострялась и психологическим статусом поэта, внутренняя жизнь которого характеризовалась надломленностью и деструктивностью, склонностью к категорическим формам отношений с миром.

Художественное решение образа лирического героя направлено на раскрытие системы факторов, обусловивших его ценностные ориентиры. Это и внутренняя привязанность, органическая связь с миром природы, особенности внутриличностной жизни и межличностных отношениях, отношениях с социумом в целом.

В цикле «Москва кабацкая» образом лирического героя С. Есенин художественно раскрыл сложности своей ценностной самоидентификации в очень неоднозначной социокультурной ситуации 20-х годов прошлого века.

Литература
1. Бройтман С. Н. Лирический субъект / С. Н. Бройтман // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – М. : Высшая школа, Академия, 1999. – С. 141 -153.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М. : Интрада, 1997. – 409 с.
3. Корман Б. О. Из наблюдений над терминологией М. М. Бахтина / Б. О. Корман. // Проблема автора в русской литературе XIX-XX вв. // Ответ ред. Б. О. Корман. – Ижевск, 1978. [Вып. 6]. – С. 188 -189.
4. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. -- М. : Наука, 1977. – 574 с.

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ

К.Д. Садыков, Г.С. Галямова
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

В настоящее время, во время динамично развивающихся отношений между странами не только в экономической, но и в промышленной сфере, задачей любого технического вуза является подготовка конкурентоспособного инженера. Этот специалист должен обладать не только знаниями по своей основной специальности, но и другими немаловажными навыками, такими как: ориентирование в техническом оснащении крупных предприятий, способность к постоянному обучению, так как в современном мире поток нужной информации растет в геометрической прогрессии, и наконец, знание иностранного языка.

Требования современного общества делают знание иностранного языка неотъемлемой частью в образовании студента. Ведь не только профессиональная деятельность требует владения какого – либо языка кроме родного, но и просто в жизни мы сталкиваемся с проблемами, решением которых было бы знание иностранного языка.

Система образования в нашей стране претерпела ряд изменений и не останавливается на достигнутом. Появляются новые стандарты обучения, усовершенствованные программы обучения в школах и вузах. Объединение отечественных и иностранных вузов в результате Болонского процесса тоже знак того, что образование в нашей стране динамично развивается наряду с ведущими странами мира. А это значит, что углубленное изучение иностранных языков дает дополнительный толчок к подготовке грамотных специалистов, которые вполне будут способны составить конкуренцию иностранным коллегам.

Большинство современных технических вузов как раз предоставляет будущему инженеру дополнительную возможность обучению различным иностранным языкам. Примером может послужить Научно образовательный

центр «Лингва» в Тюменском государственном нефтегазовом университете, который предоставляет студентам возможность получить дополнительную квалификацию по специальности «Переводчик в сфере профессиональных коммуникаций». Этот дополнительный диплом будет приложением к любой основной специальности: нефтяной, технической, экономической, транспортной и т.д. Используя эту возможность, студент обеспечит себе трудоустройство в ведущих организациях страны и, возможно, найдет себе место в зарубежных компаниях, чем, скорее всего, повысит престиж вуза.

В процессе работы специалисту, овладевшему иностранным языком, открываются новые возможности, преимущества перед коллегами. Так как такой работник является средством коммуникации с иностранными производителями, что влечет за собой обмен полезной информацией, усовершенствование собственных методов промышленного производства, контроль производства иностранного оборудования для отечественных предприятий [1]. Он будет всегда оповещен о новостях, касающихся его профессиональной деятельности, из–за рубежа. Такой специалист будет всегда в курсе научных достижений, опять же связанных с его профессией, что позволит усовершенствовать и внести полезные поправки в свою работу.

Для специалистов промышленных предприятий России огромную роль играет знание иностранного языка. Ярким примером является нефтегазовая отрасль, динамично развивающаяся в современный период. Нефтегазовая промышленность в нашей стране не так давно начала привлекать иностранных инвесторов, внедряющих свои методы и способы работы, подходы к управлению персоналом. На рынке труда все больше и больше начали появляться инженеры зарубежных и отечественных школ, проблемой которых являлся языковой барьер, мешающий обмену опытом и информацией.

Высокий спрос на молодых высококвалифицированных специалистов со знанием иностранного языка связан с расширением производств, с открытием новых месторождений, с образованием новых перспективных проектов, реализацию которых могут осуществить специалисты со свежими, актуальными знаниями. Инженеры с большим стажем уже не совсем подходят для этого, и тут приходит очередь молодых, перспективных специалистов со знанием иностранного языка.

Профессиональный перевод на современном этапе должен соответствовать потребностям формирующейся рыночной экономики. Переводчик должен иметь не только прекрасную языковую подготовку, но и владеть специальной терминологией. Современному переводчику необходимо отслеживать ситуацию, складывающуюся на рынке труда в целом, чтобы определять приоритетные области своей деятельности [2].

В настоящее время предприятия конкурируют за право иметь образованного специалиста, знающего иностранный язык. Далеко не секрет, что легче всего не искать такого инженера, а вырастить самим внутри компании.

Для этого большинство компаний сотрудничают с ведущими вузами страны, отбирая из числа выпускников самых лучших кандидатов, имеющих хорошие показатели успеваемости, знание иностранного языка. Например, Тюменский государственный нефтегазовый университет сотрудничает с такими крупными компаниями как Сибур, Роснефть, Сургутнефтегаз и это далеко не полный список. Сотрудничество проявляется, например, в наличии целевых мест от данных предприятий, открытии именных аудиторий в вузах. Кроме этого существует масса других критериев отбора специалистов, главным из которых является знание иностранного языка.

Таким образом, изучение иностранного языка в технических вузах, играет огромную роль, как для самого студента, так и для предприятия с которым он будет сотрудничать в дальнейшем. Так как знание иностранного языка это пропуск в различные сферы промышленности международного уровня, где специалист имеет намного больше возможностей для самореализации и карьерного роста.

Литература

1. Бимашева А.Б., Галямова Г.С. Иностранный язык незаменимый критерий конкурентоспособности: URL: http://www.scienceforum.ru/2014/509/3425 (дата обращения: 10.12.2014).
2. Киселёва А.С., Галямова Г.С. Сложности перевода экономических текстов // Проблемы функционирования систем транспорта: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, 14-16 ноября 2012 г. / отв. ред. В. И. Бауэр. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. - С. 191-193.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГОВОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

З.И. Саляхова,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

Несмотря на долгую и сложную историю, которая достаточно полно освещена в работах ряда авторов, категория залога продолжает оставаться одним из самых сложных и актуальных проблем современного языкознания. В тюркологии, в том числе и в башкирском языке, учение о залогах глагола также весьма противоречиво, поскольку залог рассматривался: 1) как грамматическая категория; 2) как категория словообразовательная; 3) как категория словоизменительная; 4) как категория формообразовательная; 5) как сложная лексико-грамматическая категория [3]. Нет единого мнения и на само понятие залога.

Одним из направлений современной лингвистики является функционально-семантический подход к изучению языковых явлений, предусматривающий комплексный и интегрирующий подход. Лингвистический анализ при таком подходе направлен на изучение взаимодействия элементов разных уровней на функциональной основе. Функционально-семантический аспект дает возможность по-новому исследовать такие сущностные характеристики языка, как соотношение логических понятий и грамматических категорий, интегративное взаимодействие лексики и грамматики и др. В качестве основной единицы функциональной грамматики выделяются функционально-семантические категории или функционально-семантические поля.

Изучение языковых явлений в функционально-семантическом аспекте дает возможность по-новому исследовать такие сущностные характеристики языка, как соотношение логических понятий и грамматических категорий, интегративное взаимодействие лексики и грамматики и др. Функционально-семантическое поле представляет совокупность средств выражения, относящихся к разным языковым уровням и служащих для передачи одного и того же инвариантного значения. Как правило, функционально-семантическая категория опирается на грамматическую категорию, которая выполняет в ней функцию центра или основы, так как в грамматической категории содержание функционально-семантической категории находит наиболее специализированное и концентрированное выражение. Ведущими принципами функционально-семантического описания языка являются: группировка языкового материала по содержательным категориям и функциям; учет обусловленности функциональных вариантов внеязыковыми факторами. Функционально-семантической подход целесообразно использовать и при анализе залоговости. Согласно теории функционального подхода к изучению залоговости в русском языкознании оппозиция актив/пассив представляют центральное поле залоговости или ядро поля. Периферийную зону поля залоговости составляют личность / безличность, взаимность, переходность / непереходность, оппозиция возвратных / невозвратных глаголов в составе соответствующих синтаксических конструкций [2]. Нельзя считать приемлемым такой подход для башкирского языка, поскольку залоговые признаки в башкирском языке отличаются от залоговых признаков русского языка. При исследовании залоговости в башкирском языке в функционально-семантическом аспекте необходимо учитывать возможности и свойства башкирского языка. Справедливо мнение А.В. Бондарко о том, что концепция функционально-семантического поля, применяемая к залоговости, позволяет рассматривать проявления залоговых признаков в данном конкретном языке. «Каждый язык осуществляет выбор из «залогового потенциала», из потенциально возможного комплекса залоговых отношений, причем в разных языках залоговая функциональная нагрузка по-разному распределяется среди морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических средств» [2].

В башкирском языке основанием для рассмотрения залоговости в функционально-семантическом плане служат, с одной стороны, различия функционально-семантических полей активности, пассивности, рефлексивности, поля реципрока и социатива, каузатива, а с другой – наличие между ними определенной общности. Общность заключается в том, что во всех случаях речь идет о той или иной характеристике действия в его отношении к субъекту и объекту. Этот общий признак указанных полей позволяет интегрировать их в составе определенного комплекса функционально-семантических полей, за которым и закрепляется наименование “залоговость” [1]. Термин залоговость определяется как комплекс функционально-семантических полей, охватывающих средства того или иного языка, используемые для выражения указанных отношений; как семантическая категория, лежащая в основе этого объединения языковых средств.

Залоговость определяется нами как функционально-семантическая категория, исходную форму которой образует актив (основной залог), периферию образуют пассив (страдательный залог), рефлексив (возвратный залог), реципрок и социатив (взаимно-совместный залог), каузатив (понудительный залог) [4].

Литература

1. Бондарко А.В. К определению понятия «залоговость»//Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. – С. 126.
2. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. – М., 1972. – № 3. – С. 35.
3. Саляхова З.И. Основные концепции изучения залоговой проблематики в лингвистике // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования» (Горно-Алтайский государственный университет). – Горно-Алтайск, 2011. – № 6 (31). – Часть I. – С. 284-287.
4. Саляхова З.И. Залоги глагола в башкирском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – Москва, 2011. – № 5. – С. 60-65.

ON THE ISSUE OF THE TAGSEME AS ONE OF THE COMPONENTS OF STRUCTURAL-SEMANTIC COMPOSITION OF THE SENTENCE IN MODERN ENGLISH

R. Zh. Saurbayev, Kh.S. Shagbanova
Pavlodar State Pedagogical Institute, Pavlodar, Kazakhstan
Tyumen State Gas and Oil University, Tyumen, Russia

This study addresses the concept of structural-semantic sentence semi-composition. One of the elements of this semi-composition are tagsemes, which

are represented by syntactic constructions that possess implicit predicativeness, convey an additional message, and are associated with interrogative semantics. In modern linguistics, there is no single universally accepted approach to dealing with this area of study. The author attempts to examine the tagseme as a factor of structural-semantic sentence semi-composition by way of contrastive analysis. By itself, the problem of differentiating between simple, complex, and semi-composite sentences remains a matter of debate in modern linguistics, despite the fact that linguists do not rule out the existence of semi-composition sentences. The article investigates this linguistic phenomenon through the prism of structure and deep semantics undelying it, which is of indubitable importance in the analysis of implicit predication. Tagsemes represent a separate structure within the general question and are set off by punctuation and intonation; yet they continue the semantics of the general question, wedging themselves in not only structurally but content-wise, forming a single syntactical entity and repeating the main part in a condensed form. The article also addresses its communicative and contextual specifics, which enables a comprehensive investigation of the linguistic phenomenon in question.

Keywords: tagseme, semi-composite sentence, semi-predicative contsruction, pleni-predicative construction, structural-semantic, semi-composition.

Introduction. The concept of disjunctive (tag) questions as a factor of the structural-semantic semi-composition of simple sentences hasn't yet been addressed in modern linguistics until now. However, the subject of compression of structures in complex sentences and transformation of disjunctive questions into complex sentences has been investigated in the works of Y.N. Vlasova [1].

Some linguists maintain that sentences containing disjunctive questions are complex. For instance, L.S. Barkhudarov states that "a disjunctive question is but a declarative sentence followed with an elliptical general-question sentence" [2].

B.S. Khaimovich and B.I. Rogovskaya base their conclusion on a comparison of the category of presentation with the category of information as they consider disjunctive questions to be complex sentences of a special kind, in which the main clause is declarative and the subordinate clause is a structure with reverse predication [3].

There is another opinion on sentences considered to be disjunctive questions worthy of mention. B.A. Ilyish believes that they can be interpreted in two ways: as simple declarative or as compound sentences consisting of two sentences – declarative and interrogative [4].

The subject of the "disjunctive question" has been addressed in the works of R. Noguchi who claims that the disjunctive question is an independent declarative or hortatory sentence and is by no means a part of a sentence [5].

This linguistic phenomenon has been investigated by way of contrastive analysis in Arabic and English, where disjunctive questions are addressed in the context of the structure of a general interrogative sentence, as a part that has a predicative signification [6].

According to S.H. Lau, the disjunctive question, if viewed through the example of the Chinese language, is a functional, utility construction that caters to the main interrogative sentence and complements it structurally and semantically [7]. While B. Lee believes that disjunctive questions carry no referential or denotative signification and are mainly used to convey emotive and/or epistemic nuances within a particular discourse context [8].

In investigating this linguistic phenomenon, we suggest adopting the term *tagseme*, which is a syntactic conjunctive dependent unit that requires affirmation or negation of the main declarative sentence and structurally and semantically reflects, in a folded implicit form, the pleni-predicative part of the sentence [9, 10]. We are inclined to consider the term "disjunctive question" as inappropriate within the context of the concept being investigated, as the term "disjunctive question" is related, primarily, to the term "alternative question" and is considered in syntax as an interrogative sentence, whereas the tagseme pragmatically expresses the semantics of covert approval or agreement. The sender looks or waits for a positive verbal reaction in the receiver's reply, expressing his/her intention in the semantics of a hidden implicit question, which iconically repeats the main sentence. The disjunctive question structurally and semantically splits the sentence in two independent parts, whereas in our case they are pleached into the general semantics of the sentence, which complements and expands the main idea.

We believe that syntactic units called *tagsemes* should be considered as a factor of the structural-semantic semi-composition of sentences with a compressed structure, which contains a predication in a folded form. Such constructions can be made up of various types of deep structures, which are traced to base structures. Consequently, the tagseme is a product of asyndetical connection of two or more semi-predicative constructions. When the surface structure of the tagseme consists of two predicative units, where the first unit comes as a full predicative line and the second unit is folded into a semi-predicative line, it's, most of the time, the second one, which comes as a semi-predication, that undergoes compression. Furthermore, there are several types of semi-predicative constructions. Let's take a look at them.

The construction that expresses a folded predication is a compressed structure underlain with deep structures traced to the base matrix structure. For example: *"On your knees and trousers down. Solves all, does it? (J. Fowles). That's the line now, is it? (J. Fowles). "Oh, that's it is it?" Hugh replied awkwardly (K.S. Prichard). "She's not so bad, is she?" (W.S. Maugham). "…I'm practically grown up, aren't I?" (W.S. Maugham)."*

They are lovely, aren't they?" I said over my beer (G. Greene).

In each of these cases, the compression of the secondary predication, which is expressed by a tagseme, is governed by the structure of the pleni-predicative part, with which it is conjoined within the semi-composite sentence. The expression plane of the semi-predicative constructions makes for the com-

pleteness of the content plane in close liaison with the content plane of the full predicative part, where the semi-predicative part conveys an additional message, i.e. forms a structural-semantic unity with the former.

Furthermore, we may come across cases of a different sort, although much more rarely, when both the pleni-predicative and semi-predicative parts can be compensated. Thus, our sentence is a product of the joining of two predicative lines, which are, respectively, represented by the predicative part and the folded one, both underlain with deep structures traced to base matrix structures.

There have been documented a great many instances of semi-predicative constructions, where both parts, pleni-predicative and semi-predicative, are traced to the same base structure. Here are some examples to illustate this point.

"Powerful headlights, aren't they?" (A.J. Cronin).

"…Heavy, isn't it?" (A.J. Cronin).

"Funny chap, wasn't he?" (W.S. Maughm).

L.S. Bakhudarov considers such structures as an example of syntagmatically restored elliptical sentences. He notes the originality of these constructions, which, in his opinion, lies in that "…they contain two elliptical sentences, which mutually make up for each other" [11].

However, research has shown that by far not in all cases the completeness of the content of tagseme constructions depends on the micro-context, i.e. the scope of the sentence as such. In many cases, a broader context is needed to make out the content of the construction. This can be illustrated through the following examples:

"You never do, do you?"

"I've tried not to be" (G. Greene).

"…I can do it – things I'm ashamed of afterwards. You can too, can't you?" (C.P. Snow).

We should also point out those situations where both compressed structures are traced to the base structure. The subject (or the subject group) is nonexistent in the first transform, whereas in the second transform it's expressed by a pronoun (which is often the case with tagsemes). Such cases could be divided into two groups:

a) the verb-predicate in the pleni-predicative part is used in the imperative mood, whereas in the compressed part there is an auxiliary verb, which is a function word in the indicative mood.

b) the verb-predicate in both the predicative part and the second, compressed, part is given in the indicative mood.

The first group of cases is standard in modern English. For example: *Hand me my shoes, will you?*

The structure of sentences containing tagsemes can be complexified, for which reason surface structures in this type of sentences should be considered as a product of the joining of not two but three or more semi-predicative structures into a single syntactic unit. Here we can point up the following cases.

1. The sentence is a product of joining three or more semi-predicative constructions by way of transformation, conjunction, and the use of coordinating conjunctions - and, but, or, etc. As a result, we get a sentence wherein either the second or the third of the joined sentences is compressed. For example: *"…And you don't want to lose a good home, do you – and I don't blame you…" (J. Cary).*

2. The sentence is formed as a result of connection of three or more semi-predicative lines by way of such procedures as inclusion, the use of subordinating conjunctions, substitution, etc. In the given case, the sentence which is a disjunctive question is a three-member structure which consists of semi-predicative structures and is joined up asyndetically. Furthermore, the compressed part is normally joined with the predicative line in the complexified sentence. This accounts for the formation of the compressive structure, wherein tagsemes are represented by a function word – an auxiliary verb, which normally is a substitute for the lexical verb in the first part and whose person, number, and tense features correspond to those of the verb in the pleni-predicative part. For example:

"You see, don't you?" she cried. (S. Maugham).

"…I haven't had everything I should like, have I?" (C.P. Snow).

"…You don't know where she's gone, do you?" (J. Cary).

Sometimes in such cases, the compressed structure occupies an interpositive position in the semi-composite sentence, coming right after the full predicative part. Apparently, this is what points up the fact that it's conjoined with the pleni-predicative part. For example:

"You'll stay with me, won't you, even if I'm not sick?" (G. Greene).

It should be noted that there are times when a pronoun different from the one in the transform it's conjoined with is used in the position of a pleni-predicative unit in the compressed tagseme part.

"…I don't know what it's all about, do you?" (G. Greene).

"I think building's lovely, – don't you?" she said.

As has already been stated above, it's quite customary to asyndetically join the pleni-predicative part to structures represented by semi-predicative constructions in the tagseme's three-member structure. Transforms are really rarely joined using conjunctions, which is a general trend in the modern English language and is treated by some linguists as omission of conjunctions and conjunctive words. Например: *"…You do think that I'm a fool, don't you…?" (G. Greene).*

"It is not exactly what you're used to, is it?"

There are times when in the three-member formation of a similar kind they use a structure which is a result of so-called "complex condensation".

"You don't mind me asking, do you?" (G. Greene).

"You don't mind my taking you for a tart, did you, dear?" (E. Waugh).

In point of fact, here we have two compressive structures whose specifics are different.

Thus, we deem that tagsemes, which are crucial not so much in terms of the communicative function as the emotional one, constitute a special problem in communicative syntax. Tagsemes deserve to have varied characteristics when it comes to thematic-rhematic organization considerations. What is common about tagsemes is their wide use and, as was fairly pointed out by C. Barber, their normativeness: "Therefore, it is rightful to interpret them as "elliptical/fragmentary" sentences and presume that they are to be considered solely in correlation with the 'full' form" [12].

A reaction to a question is normally a rhematic element as it contains new data and is maximally informative.

For example: *'You didn't believe it, did you?' (R. Ludlum)*

Let's examine the communicative structure of what at first glance seems to be a semantically and structurally simple question. So, at the surface level we mark one predicative line - *You didn't believe it*, while the second part is a question and doesn't repeat the full structure but is represented by a folded predicative unit, the isolated structure *did you* (is it true?).

Apparently, it would be expedient to just consider these structures as built by the thematic-rhematic principle and not treat them as one- or two-part structures, for that's a different kind of approach – formal-structural. Responses in the first part carry the theme-condition, while in the second part there is the rheme, which contains the main information requested by the inquirer.

Thus, we can claim that although tagsemes are separate structures within general questions and are set off punctuationally and intonationally, they continue the semantics of the general question, wedging themselves in not only structurally but content-wise as well. In other words, they constitute a single entity, repeating the main part in a condensed form.

Thus, tagsemes are elements of structural-semantic semi-composition. In English, they come in the form of compressive structures repeating the question. Tagsemes in the language impart additional predicativeness to the sentence, which makes it semi-composite.

Literature

1. Vlasova Y.N., 1972. Major Structures of Transformational Grammar, Defining Issues in English Philology and English Language Teaching. 1.: 3-11.
2. Barkhudarov L.S., 1965. Issues in the Syntax of Simple Sentences in Modern English. Vysshaya Shkola, p. 175
3. Khaimovich B.S., B.Y Rogovskaya, 1967. A Course in English Grammar. Vysshaya Shkola. p: 244.
4. Ilyish B., 1971. The Structure of Modern English."Prosvescheniye", p:352
5. Noguchi R.R. 1987. Transformational-Generative Syntax and the Teaching of Sentence Mechanics. Journal of Basic Writing, 6 (2): 29.
6. Catford J.C., 1974. A Contrastive Study of English and Arabic. Defense Language Institute. pp: 59-60.

7. Lau S.H., 2010. Excising Tags: Distinguishing between Interrogative SFPS and Tag Questions in Taiwanese. Taiwan Journal of Linguistics, 8 (1): 4.
8. Lee B., 2006. Chinese Final Particles and the Syntax of the Periphery. PhD Dissertation. Leiden University.
9. Saurbayev R.Zh. (2013) The Tagseme as a Component of Structural-Semantic Complexification of the Sentence //Middle East Journal of Scientific Research. 16 (3) IDOSI Publications. pp: 432-436.
10. Саурбаев Р.Ж. Тагсемема как фактор структурно-семантического осложнения предложения// European Social Science Journal. («Европейский журнал социальных наук»). 10 (1). 2013. – С. 213 – 219.
11. Barkhudarov L.S., 1966. The Structure of Simple Sentences in Modern English. Vysshaya Shkola, p:182
12. Barber Ch., 1964. Linguistic Change in Present-day English. Edinburgh – London. pp:138.

ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
(на материале английского и татарского языков)

Р.Ж. Саурбаев
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Осложненные предложения являются моносубъектными, но полипредикативными синтаксическими конструкциями: они включают две или более предикативные линии. Различие заключается в степени независимости предикативных линий: в сложном предложении предикативные линии выражены раздельно, они являются полно-предикативными, каждая из этих линий обладает собственным подлежащим и сказуемым, выраженным личными формами глагола; в осложненном предложении предикативные линии выражаются слитно, одна из предикативных линий является полупредикативной (вторично-предикативной, потенциально предикативной). Другими словами, в осложненном предложении одна предикативная линия определяется как ведущая, доминирующая, а другие представляют собой полупредикативные расширения [1: 3].

С точки зрения парадигматики осложненное предложение полипредикативно, так как оно является производным от двух базовых предложений.

Рассмотрим это на примерах:

Sensing my dislike of the room, Lord Penross laughed. (J.W. Brown)

←Lord Penross laughed, he sensed my dislike of the room ← Lord Penross laughed + He sensed my dislike + my dislike was provoked with the room. Структурно на поверхностном уровне данное предложение состоит из од-

ной полно-предикативной конструкции *Lord Penross laughed*, вторая же представлена полупредикативной *sensing my dislike of the room*. Однако в глубинной структуре мы видим не одну, а три пропозиции, одна из которых полнопредикативная и две полупредикативные.

Bethune walked back to the table, looking thoughtfully at the drawn face of the patient. (T. Allan, S. Gordon) ← Bethune walked back to the table + He was looking thoughtfully + He was looking at the drawn face + the face was drawn + the drawn face belonged to the patient.

Сравним с татарским языком: *Гафиятулла бабайнын өе кечкенә булмаганлыктан, Газинур, озак уйламыйча, эти-әнисенен ризалыгын алып башка чыкты (Г. Әпсәламов). ← Гафиятулла бабайнын өе кечкенә булды + Газинур озак уйламады + эти-әнисенен ризалыгын алып башка чыкты.*

В татарском примере на поверхностном уровне мы обнаружили одну полнопредикативную конструкцию *эти-әнисенен ризалыгын алып башка чыкты,* однако в глубинной структуре, как и в английском языке, мы имеем три пропозиции, состоящие из одной полнопредикативной конструкции и двух полупредикативных *Гафиятулла бабайнын өе кечкенә булмаганлыктан* и *Газинур, озак уйламыйча.* Эти конструкции выражаются причастием и именем существительным в исходном падеже.

Кайткач, миңа әйтерсен ← Син кайтсан + Син миңа әйтерсен.

I saw her entering the room. ← I saw her. + She was entering the room. Второе ядерное предложение подверглось процессу сращения, было преобразовано в причастный полупредикативный комплекс (*her entering the room)* и объединилось с первым предложением. Две предикативные линии перекрещиваются вокруг общего компонента, *her*, который выполняет функцию дополнения в главной, полно-предикативной части.

В татарском предложении мы также находим подобный пример:

Кайткач, миңа әйтерсен ← Син кайтасын + Син миңа әйтерсен. Второе ядерное предложение *Кайткач*, выраженное деепричастием, при трансформации дает полное предложение *Син кайтасын,* которое объединяется вокруг общего компонента *Миңа*, который, как и в примере из английского языка, выполняет функцию дополнения.

Таким образом, осложненное предложение в сопоставляемых языках можно определить как синтаксическую конструкцию, промежуточную между сложным предложением и простым предложением: по своей «поверхностной», синтаксической структуре осложненное предложение похоже на простое, поскольку в нем имеется только одна полнопредикативная линия; по своей «глубинной», семантической структуре и деривационной основе осложненное предложение похоже на сложное предложение, поскольку оно является производным от двух ядерных предложений и отражает две динамические ситуации.

С точки зрения семантики, говорящий, используя осложненное предложение, оценивает связь между двумя ситуационно объединенными со-

бытиями как более тесную, чем между событиями, описываемыми с помощью сложного предложения: одно из событий (чаще всего описываемое в полупредикативной части) представляет собой сопутствующее событие, ситуативный фон по отношению к другому, главенствующему событию (чаще всего описываемому в полнопредикативной части).

Осложненно-подчиненное предложение

Согласно синтаксической теории М.Я. Блоха, осложненные предложения, как и сложные предложения полной композиции (плени-сложные, полно-сложные) далее распадаются на осложненно-сочиненные, построенные на основе принципа сочинения (паратаксиса), и осложненно-подчиненные, построенные на основе принципа подчинения (гипотаксиса) [1: 369 – 370].

В осложненно-подчиненном предложении одно ядерное предложение выступает как матрица, в которую встраивается другое ядерное предложение; включенное предложение преобразуется в полупредикативное словосочетание и занимает позицию какого-либо члена предложения в матричном предложении. Матричное предложение становится ведущей, главной частью осложненно-подчиненного предложения, а включенное предложение становится придаточной полупредикативной. Слияние предикативных линий в осложненно-подчиненном предложении может осуществляться двумя способами: в процессе использования общего члена предложения и в процессе прямого линейного расширения.

Осложненно-подчиненные предложения, основывающиеся на совместном использовании слов, распадаются на два вида: с общим подлежащим и с общим дополнением. Осложненно-подчиненные предложения с общим подлежащим образуются от двух базовых предложений, перекрещивающихся за счет одного и того же подлежащего, например: *They married young. ←They married. + They were young.* Сказуемое в таких предложениях определяется как «двойное сказуемое», поскольку представляет собой слияние глагольного сказуемого с именным сказуемым. Осложненно-подчиненные предложения с двойным сказуемым выражают одновременность двух событий, из которых информативно более важным является событие, выраженное в осложняющей части; это можно показать с помощью трансформации такого предложения в соответствующее сложное предложение, ср.: *When they married, they were young*. Другим видом осложненно-подчиненных предложений с общим подлежащим являются предложения с так называемыми конструкциями сложного подлежащего; в таких предложениях глагол в основной части используется в форме пассива, а осложняющая часть включает полупредикативные комплексы, выраженные инфинитивом или причастием, например: *Now the sideboard was beginning to be laden with many elaborate, covered dishes. (J.W. Brown)*

Once outside in the fresh air, I took a deep breath, relieved to be away from such a loathsome place, but heartsick about leaving Mrs. Johns there. (J.W. Brown).

It was once in the fresh air outside + I took a deep breath + a deep breath, relieved to be away from such a loathsome place.

Предложения с конструкциями сложного подлежащего являются результатами трансформации в пассив предложений с конструкциями сложного дополнения, которые представляют собой другой вид осложненно-подчиненных предложений, основанных на совместном использовании слов.

В осложненно-подчиненных предложениях в английском языке с общим дополнением компонент, вокруг которого происходит перекрещивание полно-предикативной и полупредикативной частей, выполняет функцию дополнения в главной, матричной части и функцию подлежащего в осложняющей полупредикативной; например, в предложениях с конструкциями сложного дополнения, которые включают полупредикативные инфинитивные или причастные конструкции, являющися компонентами структурно-семантического осложнения всего синтаксического комплекса: *I saw her enter / entering the room. ←I saw her. + She was entering the room.* Такие предложения выражают одновременность двух пропозиции в одном месте, при условии использовании в главной, матричной части глаголы восприятия или различных ментальных отношений. Другие осложненно-подчиненные предложения могут передавать причинно-следственные отношения, например: *The fallen rock knocked him unconscious. ←The fallen rock knocked him. + He became unconscious.* Некоторые каузативные глаголы практически не используются вне осложненно-подчиненных предложений со сложным дополнением; такие предложения можно охарактеризовать как предложения с общим дополнением «связанного» типа, и они не являются осложненными, например: *They made me leave; We made him a star; I had my hair done; I want the room done; I like my steaks raw.*

В татарском языке подобные конструкции не были обнаружены, в связи с тем, что такие конструкции заменяются либо сложными придаточными, либо простыми предложениями. Например: *Саматов иптәш, мин сезгә изгелек телим (Г. Ахунов).*

Большинство осложненно-подчиненных предложений с общим дополнением, хотя и не все, может преобразовываться в предложения с общим подлежащим, например: *I saw her entering/ enter the room. → She was seen entering / to enter the room; The fallen rock knocked him unconscious.→ He was knocked unconscious by the fallen rock.* Как видно из приведенных примеров, осложняющая часть осложненно-подчиненных предложений с общим подлежащим и с общим дополнением может включать неличные формы глагола, инфинитивные и причастные формы, а также существительные или прилагательные.

Осложненно-подчиненные предложения прямого линейного расширения включают предложения с атрибутивным, адвербиальным и именным осложнением. Осложненно-подчиненные предложения с атрибутивным осложнением образуются от двух базовых, матричных предложений, одно

из которых трансформируется в полупредикативное определение, постпозитивное по отношению к предшествующему компоненту матричного предложения, например:

В английском языке: *The girl crying in the hall looked familiar to me.* ← *The girl looked familiar to me. + The girl was crying.* Общий семантический компонент выполняет функцию подлежащего во встроенном предложении, он опускается в процессе депредикации в матричном предложении, этот компонент может выполнять любую субстантивную функцию, в указанном же случае является подлежащим. Атрибутивные полупредикативные конструкции, являясь прямым линейным расширением предложения, с легкостью восстанавливаются до соответствующих им полных атрибутивных придаточных, например: *The girl crying in the hall looked familiar to me.* ← *The girl, who was crying in the hall, looked familiar to me; You behave like a schoolboy afraid of his teacher.* ← *You behave like a schoolboy who is afraid of his teacher.*

В татарском же языке: *Жиһангир Сәфәргалин, кырык дүртенче яшенә чыккач, язгы кыр эшләре төгәлләнеп, Сабан туена нәкъ бер атна калды дигәндә, кинәт вафат булды. (А. Гыйләҗев)*

В татарском языке полупредикативная обособленная конструкция *кырык дүртенче яшенә чыккач* выполняет атрибутивную функцию, осложняя полупредикативными конструкциями главное матричное предложение и являясь при этом прямым расширением синтаксической конструкции осложненного типа.

Осложненно-подчиненные предложения с адвербиальным осложнением образуются от двух базовых предложений, одно из которых, включаемое, подвергается номинализации (лишается части предикативной семантики) и занимает положение обстоятельственного члена предложения в другом базовом предложении, матричном, например: *When asked about her family, she blushed.*← *She was asked about her family. + She blushed.* Обстоятельственное осложнение может быть либо присоединенного типа, либо независимым, абсолютным: если подлежащее включенного базового предложения идентично подлежащему матричного предложения, оно опускается, и образуется адвербиальная полупредикативная конструкция присоединенного типа, как в приведенном выше примере; в противном случае подлежащее сохраняется и образуется абсолютная адвербиальная конструкция, например: *The weather being fine, we decided to have a walk.* ←*The weather was fine. + We decided to have a walk; I won't speak with him staring at me like that.* ← *I won't speak. + He is staring at me.* Частичный предикат в адвербиальной полупредикативной конструкции может быть выражен причастием (в так называемых причастных адвербиальных конструкциях) или может быть опущен, если это связочный глагол *to be* (за исключением безличных конструкций, в которых глагол *to be* сохраняется), например: *A child of seven, he was already an able musician.* ← *He was a child of seven. + He was already an able musician; I can't sleep with the radio on.* ← *The radio is on. + I can't sleep.*

В татарском языке: *Сүзсез генә чәй эчтек (Г. Ахунов).* При трансформации осложненного предложения, получим две предикативные линии, *Без бир сүз әйтмичә, чәй эчтек.* Одна выражена полупредикативной деепричастной адвербиальной конструкцией *Без бир сүз әйтмичә,* вторая - полной предикацией *чәй эчтек.*

В примере *Болай булгач яшибез (М. Мәһдиев)* деепричастная адвербиальная конструкция *булгач,* выраженная полупредикацией, осложняет структурно и семантически простое предложение. На поверхностном уровне мы имеем две предикативные линии, одна из которых выражена полнопредикативной конструкцией, вторая же - полупредикативной.

Осложненно-подчиненными являются предложения с осложненными обособленными дополнениями.

В английском языке: *I looked over to the shut of Miss Mrsden's room and tiptoed past it – not wanting to encounter her. (J.W. Brown)*

В приведенном предложении базовым, матричным предложением с предикативным центром является *I looked over to the shut of Miss Mrsden's room and tiptoed past it,* обособленное дополнение же составляет полупредикативный комплекс *not wanting to encounter her.*

В татарском языке: *Шулай да минем сезгә әйтәсе сүзем бар, Гөләндәм!*

Киресенчә, бик кызыклы вакыт!

Анализ примеров в татарском языке показывает, что дополнения обособляются весьма редко. Это объясняется прежде всего спаянностью дополнения и сказуемого в семантической и синтаксической связи.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на разноструктурность двух сопоставляемых языков, мы имеем общие универсальные черты структурно-семантических особенностей осложненно-подчиненного предложения.

Осложненно-подчиненные предложения с именным осложнением образуются от двух базовых предложений, одно из которых, включенное, подвергается частичной номинализации (трансформируется в полупредикативное словосочетание с инфинитивом или герундием в английском и деепричастием в татарском) и занимает положение именного члена предложения в базовом предложении. Как и другие типы линейного расширения, инфинитивные и герундиальные именные полупредикативные конструкции легко преобразуются в соотносимые с ними полнопредикативные придаточные (именные или адвербиальные), например: *I sent the papers in order for you to study them carefully before the meeting. → I sent the papers so that you could study them carefully before the meeting; We expected him to write a letter to you. → We expected that he would write a letter to you.* Особые признаки инфинитивных и герундиальных осложняющих полупредикативных конструкции связаны с особенностями инфинитива и

герундия как неличных форм глагола; в частности, инфинитив после подчинительного союза имплицирует модальные значения долженствования, возможности и др., например: *The question is what to do next. → The question is what we should do next;* или герундиальные именные конструкции могут вводиться с помощью союза и включать в свой состав существительное в родительном падеже или притяжательное местоимение, например: *I can't approve of his hiding himself away.*

В татарском языке: *Әлбәттә, эти-энине тыңламыйча ярамый, – диде Салих, уйчан гына. (Ә. Еники).*

Осложненно-подчиненные предложения с именным осложнением в татарском языке, как это видно из примера, образуются от двух базовых предложений, одно из которых, включенное, подвергается частичной номинализации *эти-энине тыңламыйча,* другое, выраженное деепричастным комплексом, занимает положение именного члена предложения в базовом предложении *ярамый.*

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что осложненно-подчиненное предложение, как в английском, так и татарском языках, имеют общие черты, а именно одно ядерное предложение полнопредикативное, другое встраиваемое, включенное предложение, преобразуется в полупредикативную придаточную конструкцию, занимая при этом позицию какого-либо члена предложения в матричном предложении.

Осложненно-сочиненное предложение

Осложненно-сочиненное предложение представляет собой осложненное предложение, построенное на основе сочинения (паратаксиса). Парадигматически осложненно-сочиненное предложение образуется от двух или более базовых предложений с идентичным подлежащим или сказуемым (или и тем, и другим); в процессе образования осложненно-сочиненного предложения две предикативные линии перекрещиваются за счет общего компонента, а другие главные члены предложений объединяются сочинительными связями. Например, предложения с сочиненными, однородными сказуемыми образуются от двух или более базовых предложений, у которых одинаковые подлежащие; при элиминации подлежащего в других сочиненных частях и в процессе сращения этих частей образуются осложненно-сочиненные предложения полипредикативного типа с общим подлежащим, например: *Lord Penross entered the coach then pulled down the window and waved good bye to me. (J.W. Brown). ИНО.*

Lord Penross entered the coach + he pulled down the window + he waved good bye to me.

В аналогичном примере татарского языка: *Әлбәттә, кыз әдәпле дә, тәрбияле дә, уңганда, зирәк дә булырга тиеш (Ә. Еники).*

Әлбәттә, кыз әдәпле дә булырга тиеш + кыз тәрбияле дә булырга тиеш + кыз зирәк дә булырга тиеш.

В этих примерах одно из базовых предложений становится ведущей частью осложненно-сочиненного предложения, а второе трансформируется в последующую сочиненную придаточную часть с полупредикативной конструкцией, которая соотносится с общим подлежащим.

Что касается сочиненных однородных подлежащих, которые соотносятся с одним сказуемым, в осложненно-сочиненных предложениях полисубъектного типа с общим сказуемым они не всегда образуют раздельные предикативные линии, а только тогда, когда расположены дистантно по отношению друг к другу, когда между ними существуют противительные или контрастивные отношения, или когда одно из них является обособлением.

Приведем пример: *Tom is participating in this project, and Jack too; Tom, not Jack, is participating in this project.← Tom is participating in this project. + Jack is (not) participating in this project.* Подлежащие, объединенные сочинительными связями в рамках простой синтагматической последовательности (синдетически или асиндетически), не образуют раздельных предикативных линий со сказуемым, а образуют с ним предикативную линию как единый групповой субъект; это подтверждается формой лица и числа глагола-сказуемого, ср.: *Tom and Jack are participating in this project.*

Сочинительные связи между частями осложненно-сочиненного предложения такие же, что и в собственно сложносочиненных предложениях: немаркированное сочинение передается сугубо соединительным союзом *and* или нулевым коннектором; маркированное сочинение включает разделительные отношения, следственные, разъяснительные, противительные и т.д. Например:

Чәчмиләр, урмыйлар бу җирдә (Ә. Файзи). Алар чәчмиләр бу җирдә + алар урмыйлар бу җирдә. Әнделбәр, уйнарга теләсә дә, бу фикерне кире кактыы (Ә. Файзи). Әндельбар уйнарга телий + ул бу фикерне кире кактыы.

Осложненно-сочиненные предложения могут трансформироваться в соответствующие полные сложносочиненные предложения с одинаковыми подлежащими или одинаковыми сказуемыми. Однако подобные трансформации демонстрируют функциональные различия данных двух типов синтаксических конструкций; в частности, у них отличается актуальное членение: актуальное членение сложносочиненного предложения представляет собой объединение в единый комплекс двух информационных перспектив; актуальное членение осложненно-сочиненного предложения – это одна информационная перспектива со сложной моноремой. Кроме того, сменяемость действий в осложносочиненном предложении делает его коммуникативно напряженной, эмоционально акцентированной синтаксической конструкцией.

Например, в английском языке: *The monk understood and stepped away from the others, joining Petride at the side of the vehicle. (R. Ludlum)*

The two priests who were not restraining Fontine raced to the rented car and began the search. (R. Ludlum)

It was time to go downstairs for breakfast, and my meeting and talking with Lord Penross. (J.W. Brown)

В татарском языке: *Хәбир, шулай үзенең уйлары белән кызыгышып, ачуланып каһәрләнгәндә өсте-башы буялып беткән Тәүгиз кайтып керде. (Х. Камалов). Алар утильге тапшырган теге мөгез бер дә көтмәгәндә, инде онытылып бетте дигәндә, беркөнне кинәт Тәүгизне «сөзде». (Х. Камалов)*

Таким образом, в татарском языке осложненное предложение с сочиненными сказуемыми создает эффект напряженности, сменяемость состояния выражает динамизм, концентрирует внимание читателя на его состоянии.

Осложненно-сочиненные предложения в сопоставляемых языках представляют собой осложненное предложение, построенное на основе сочинения. Сочинительные связи между частями осложненно-сочиненного предложения передаются соединительными союзами или бессоюзной связью, в татарском языке большей частью сочинение передается бессоюзной связью или союзными словами. Осложненно-сочиненное предложение передает динамизм действия, либо создает эффект напряженности, концентрирует внимание на состоянии или действия субъекта в двух сопоставляемых языках, выступая как экспрессивное стилистическое средство.

Литература

1. Саурбаев Р.Ж. Осложненно-подчиненные предложения в английском и татарском языках. //Вестник Майкопского государственного технологического университета. Вып. 2, Майкоп, 2011. – С. 93-97.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: «Высшая школа», 2004.

СПЕЦИФИКА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Р.Ж. Саурбаев, М.Б. Туляганова
Инновационный Еразийский университет, Павлодар, Казахстан

Использование технического перевода делает возможным широкий международный обмен достижениями научно-технического прогресса. Технический перевод призван удовлетворять существующий социальный заказ в отношении информации по использованию современной аппаратуры, популяризации и рекламы достижений науки и техники. Использование технического перевода обеспечивает возможность кооперации в сфере научно-технического прогресса на международном уровне.

По мнению А.Л. Пумпянского, выявление объективных закономерностей перевода технической литературы следует проводить на основе

фактического языкового материала разных областей науки и техники, ограничивая рамки исследования естественными и точными науками и техникой и выявляя общие закономерности, присущие языковому оформлению текстов научно-технического характера [1: 9]. В технической литературе используется большинство известных языковых средств, однако удельный вес отдельных лексических и грамматических элементов в ее составе отличается от характеристик других типов речи. Специфика перевода технических текстов обусловлена, прежде всего, характером их лингвистической организации.

Ю.В. Ванников предлагает следующую типологию технических текстов по прагматической установке [2: 40]:

1) информирующие (описание некоторого механизма, устройства);

2) предписывающие (руководства по эксплуатации устройства, инструкции и т. д.);

3) ориентирующие (техническая реклама, реферат, аннотация).

Если научный академический стиль связан с теоретическим знанием, то технический подстиль ориентирован на прикладной, утилитарный аспект научных разработок. Технический подстиль реализуется в следующих основных жанрах: техническое описание, технический отчет, техническая инструкция, руководство по эксплуатации, описание изобретений (патентная литература), гарантийная документация, промышленная реклама и нек. др. Поскольку в технических текстах речь идет о конкретных устройствах, механизмах и т.п., технический подстиль характеризуется меньшей абстрактностью, нежели научный. Для него характерна высокая степень сжатости изложения. В зависимости от композиционных речевых форм в технических текстах может преобладать описание, обращение императивного характера и т. п.

Проводя «стратификацию» лексического состава научно-технических текстов, обычно выделяют три крупных слоя лексики. **Терминологический** слой лексики содержит слова, которые обозначают конкретные научные и технические понятия. Точность технического подстиля достигается за счет большой терминологической насыщенности. К **общенаучной** лексике относятся слова, образующие своего рода «лексическое окружение» терминов. С помощью общенаучных слов описывают процессы и явления в любом подъязыке науки и техники. Слова общенаучной лексики часто встречаются во всех подъязыках в характерных для научно-технических текстов значениях. Общенаучная лексика, включает большое количество интернационализмов: *method, phase, mode, analysis, element, substance, reaction, system, organ, carburetor, starter, diod, temperature* и т.д.

Общеупотребительный слой включает слова и словосочетания, которые обязательно присутствуют в любом стиле речи, например, артикли, союзы, местоимения, наречия, прилагательные, глаголы. Например: *Ток **проходит** по цепи – The current **flows** in the circuit.; **прохождение** тока по цепи – the **flow** of the current in the circuit.* Многие слова общего языка при-

обретают в научно-техническом тексте определенную специфику. В качестве примеров можно привести современный язык информатики с его *«открыванием окошек», «щелканием мышкой»* и включением *«собачек»* в электронные адреса.

В общенаучную лексику входят слова с широкой понятийной основой. При переводе приходится конкретизировать их значение в зависимости от контекста, что требует значительных усилий со стороны переводчика при принятии переводческого решения. Еще одним фактором, обусловливающим трудности перевода общеупотребительных и общенаучных слов в научно-технических текстах, является фактор лексической сочетаемости. Те специфические значения, которые приобретаются общеупотребительными и общенаучными словами в научно-технических текстах, не отражаются в словарях немедленно. В результате у переводчика не всегда есть критерий правильности выбора того или иного переводного эквивалента.

Картотека трудных случаев перевода общеупотребительной и общенаучной лексики позволяет выделить три большие группы слов, вызывающих затруднения при переводе.

К первой группе можно отнести категорию слов, называемых «ложными друзьями» переводчика. Это очень большая и разношерстная категория, включающая интернациональную лексику, псевдоинтернациональные слова, паронимы и другие типы межъязыковых аналогизмов, ср.: (*argument – параметр (в языке электроники), billet – плашка, dividend – делимое, film – пленка, bank – насыпь, дамба)*. Практически все общеупотребительные и общенаучные интернационализмы многозначны. Наличие общих значений у сходных интернациональных пар может привести к механическому переносу привычных значений слова родного языка на иностранный язык.

Ко второй группе слов, вызывающих затруднения у переводчиков научно-технического текста, можно отнести слова с очень широким диапазоном значений, типа: *screw, nut, support* и т. д. Переводных эквивалентов у этих лексических единиц чрезвычайно много. Вывести нормативные рекомендации по их переводу весьма сложно. Они имеют как довольно устойчивые переводные эквиваленты, характерные для технических текстов, так и очень широкий спектр самых различных переводных эквивалентов, выбор которых обусловливает контекст. Переводчик довольно часто встречается с трудностями перевода подобных лексических единиц, например: *shaft – вал; шпиндель; ось, шпиндель, шток; тяга; стержень, шахта, ствол.*

Третья группа общеупотребительных слов включает слова, которые используются в научно-технических текстах в строго определенных значениях и имеют ограниченное количество переводных эквивалентов. Так, прилагательное *early* переводится в научно-технических текстах как «*первый»* (*early microprocessors – первые микропроцессоры*), существительное *performances* – как *«технические характеристики*» и *«выходные данные».*

Наиболее ярко специфика научно-технических текстов прявляется в их насыщенности техническими понятиями и терминами. Как известно, термин – это лексическая единица для специальных целей, обозначающая понятие (объект), входящее в определенную область знаний или деятельности. Среди характеристик терминов обычно называют следующие:

1. Однозначность термина или, по крайней мере, тенденция к ней.
2. Точность семантики термина.
3. Стилистическая нейтральность, отсутствие экспрессивности у термина.

На практике термины могут быть многозначны, выступая в той или иной области техники или науки как названия различных вещей и понятий в зависимости от контекста: *engine – двигатель, машина; fillet – галтель, валик, ободок, поясок, буртик, штапик, петля, обтекатель; beam – балка, брус, шток, шатун, траверз, луч, поток лучей.*

Если термин является потенциальным носителем нескольких значений, то в контексте реализуется только одно из них. При письменном переводе технического текста допускается наличие нескольких рабочих вариантов для термина (понятия) оригинала. Выбор окончательного варианта может быть обусловлен различными факторами, в числе которых и субъективные предпочтения переводчика (ср. *switch – переключатель, тумблер)*. Однако подобная субъективность, как правило, корректируется узусом, принятым в той или иной профессиональной сфере.

Как известно, термины, в целом, неэкспрессивны, однако в английской терминологии гораздо чаще, нежели в русской, используются антропоморфические термины, основанные на языковой метафоре, ср.: *leg – опора; mouth – входное отверстие; throat – проток, проходное сечение; finger – штырь, штифт, стрелка прибора, ear – держатель, зажим, подвеска* и т.п.

Основные характеристики научно-технического текста могут быть представлены следующим образом:

1) присутствие в тексте специальной терминологии, ее точность и однозначность;

2) краткость изложения (за исключением технической рекламы), наличие специальных аббревиатур и технической символики;

3) объективность изложения, нейтрализация признаков лица, отсутствие субъективных оценок.

Требования к техническому переводу:

1) использование унифицированной терминологии;

2) соблюдение грамматико-стилистических норм переводного языка;

3) соответствие правилам оформления (в случае письменного перевода).

Особого внимания заслуживает проблема терминологического аппарата научно-технического текста.

Для анализа специфики технического перевода актуальным является понятие информационного поля и степени совпадения информационных полей передающего и воспринимающего. Под информационным полем понимают объем знаний коммуникантов в узкой области деятельности. Можно говорить о высоком, частичном и нулевом совпадении информационных полей коммуникантов. У специалистов какой-либо отрасли обычно имеется высокая или хотя бы частичная степень совпадения информационных полей. Что же касается переводчика, информация, которой он располагает в сфере того или иного специального знания, гораздо менее полная, а иногда и тяготеет к нулю, поскольку переводчик не является специалистом узкого профиля и оперирует, прежде всего, отрезками речи с учетом организации лингвистических единиц, структурирования речи и выявления ее функциональной направленности.

Как правило, при техническом переводе потери равны нулю, достигается стопроцентная переводимость, т.е. полная передача инфомации (тем более что тексты этого типа лишены образности).

По характеру отношений между переводчиком и заказчиком различают контактный и неконтактный (дистантный) технический перевод [2: 56]. Контактным называют устный технический перевод, который выполняется в присутствии заказчика, способного повысить степень информированности переводчика и оперативно внести необходимую терминологическую коррекцию в текст перевода. Дистантный перевод – это письменный технический перевод, при котором единственным консультантом переводчика являются словари и справочники. Сигнальный перевод – краткая информация о тексте, предполагающая возможность более полного запроса. Сигнальный перевод может быть реферативным и аннотирующим.

В практической деятельности технических переводчиков большое место отводится реферированию и аннотированию первичных документов. Реферирование – краткое изложение на языке перевода содержания первичного документа. Реферативный перевод должен включать следующие элементы: наименование документа, фамилию его создателя, резюме содержания документа, включающее основные данные, технологию, условия установки и функционирования. Аннотирование – составление краткой характеристики материала со ссылкой на источник. При этом переводческие реферат и аннотация не замещают текст оригинала, а лишь представляют его [3: 49]. Переводы такого типа называют сигнальными. Реферирующий сигнальный перевод раскрывает содержание и структуру оригинала, а аннотирующий сигнальный перевод – дает лишь самое общее представление о первичном документе. Объем реферирующего перевода в зависимости от объема первичного текста составляет 1-2 стр. печатного текста, объем аннотирующего перевода – от 2 до 10 фраз.

Сигнальный перевод не предназначен для замены первоисточника. По сигнальному переводу заказчик должен представить себе, необходим ли ему полный перевод первичного документа или его фрагмента, требуется ли поиск дополнительных документов, целесообразно ли приобретение того или иного оборудования и т.д.

Приемы перевода на уровне терминологии:

1. Транслитерация (*laser - лазер)*. Как следствие, в языке перевода появляются неологизмы: *thalassotherapy – талассотерапия, antifreeze – антифриз, browser – браузер.*

Возможен также и объяснительный перевод: *thalassotherapy – лечение морскими ваннами.*

2. Калькирование: *interplanetary – межпланетный, interdependence – взаимозависимость*. В ряде случаев калькирование сопровождается транслитерацией, ср.: *camertone generator – камертонный генератор.*

3. Описательный перевод: *camcorder – портативная видеокамера, которая записывает как изображение, так и звук.*

4. Конкретизация: *covering – чехол, makeup – верстка (полиграф.).*

5. Добавление: *subterranean – подземная **пещера**, machinery – машинное оборудование, Braun appliances – приборы **фирмы** Браун, RG/LRG battery - батарейки **типа** RG/LRG.*

Следует отметить, что нередко термин закрепляется в языке перевода в нескольких вариантах, например: *printer - печатное устройство и принтер, computer – ЭВМ и компьютер.*

В целом, английские терминологические обозначения менее устойчивы и отличаются большей абстрактностью по сравнению с русскими, но имеются и исключения из правила, ср.: *velour – велюр, драп-велюр, хлопчатобумажный вельвет.*

Важным требованием, предъявляемым к терминологии, является ее соответствие узусу, принятому в данной научно-технической области, ср.: *snare – не «ловушка», а «силок»; sawing – не «пилка», а «зачистка литья»; rear services – «тыловая поддержка».* Переводчику технического текста необходимо не только понимание смысла лексической единицы, но и использование строго фиксированного эквивалента, например: *cabin – **кабина** (в самолете), **каюта** (на корабле).* Кроме того, размытость границ научно-технической лексики, широкое использование в строго технических значениях общеупотребительных слов позволяет отдельно говорить о «ложных друзьях» технического переводчика, т.е. лексических единицах, значения которых в техническом словаре существенным образом отличаются от тех значений, которые закрепились за ними в общеупотребительном разряде лексики. Очень часто термины совпадают со словами обиходной речи: *air-pocket – воздушная яма (авиация); pin – ось, вал (шпиндель), console – пульт, cushion – прокладка, plane – плоскость, clip – зажим (клемма), cover – кожух, sheet – пласт, compartment – отсек, tolerance – допуск, chamber – камера.*

Отличительной особенностью этого жанра речи является широкое использование неязыковых знаков. Такой признак как точность может реализоваться в виде схем, графиков, а также формул и знаков-символов. Сложности перевода технического текста связаны также с использованием в нем большого количества аббревиатур и специальных обозначений (ср.: *AC – alternating current – переменный ток; BD – base diameter – диаметр основной окружности; CAD – computer-aided design – автоматическое проектирование; HF – high frequency – высокая частота; pgm – program – программа; v – volt, a – ampere, hz – hertz, w – watt и т.д.),* а также иконических знаков*: «–» direct current, «~» alternating current, «< » – socket, «⊥» – earth/ground.* Эти обозначения позволяют сократить объем текста без потерь информации. Они являются интернационализмами и не требуют перевода. Вместе с тем, знание данной лексики необходимо переводчику технического текста.

При переводе необходимо учитывать наличие в общетехническом словаре фразеологизмов, образующих штампы технического подстиля: *power on – включение, power source – источник питания, to apply voltage – подать напряжение, Operation Manual – Инструкция по эксплуатации.*

Перевод теряет убедительность, если используются синтаксические модели, чуждые переводящему языку, игнорируются приемы компрессии текста, в результате чего текст перевода «разбухает» и утрачивает свойственную оригиналу точность и лаконичность. Сравните перевод следующей фразы: *По мере увеличения расстояния звуковая волна ослабевает – As the distance becomes longer, the sound wave is getting weaker.* (более оптимальным вариантом перевода является следующий: *The sound wave weakens with distance).*

Большое значение для научно-технического перевода приобретает знание формальных элементов, организующих этот тип речи. К подобным формальным элементам относятся стандартные речения, используемые для различных текстов данного речевого регистра. Так, для описания внешнего вида различных характеристик веществ и материалов в английском языке широко используются следующие формулировки: *it has the shape of… – имеет форму…, it is solid (liquid) – имеет ту ли иную консистенцию (твердое, жидкое вещество), its density is… – плотность равна… (составляет…), the melting-point is… – температура (точка) плавки равна, it can be used for… – используется для…* Для описания инструментов и машин обычно применяют выражения: *it consists of… – состоит из того-то…, it is equipped with… – снабжен тем-то…, it is used to… - предназначен для…* В предписаниях по использованию и обслуживанию аппаратуры используются следующие формулировки: *in case…, in the event of… – в случае, check that…, make sure that… – проверить (убедиться), что…, on switching on the appliance you should… – при включении следует…, avoid doing… – не делать того-то…, press (push) the button to… – нажать на кнопку, чтобы…*

Например: *Avoid using the equipment in heated areas. – Не пользоваться оборудованием вблизи источников тепла* (глагол *avoid*, как правило, соответствует отрицательной частице *«не»).*

В инструкциях по эксплуатации в английском языке используется повелительное наклонение, которому в русском языке, как правило, соответствует безличное предложение: *Do not leave equipment unattended when working. – Не следует оставлять работающее оборудование без присмотра.*

Также широко используется будущее время, которое при переводе следует заменять на настоящее: *It will reduce noise and ensure better sound quality. – Это снижает шумовой эффект и обеспечивает лучшее качество звука.*

Как и для других видов перевода, очень важным является знание законов словообразования и значений суффиксов. Так, например, существительные с суффиксом *-er* используются обычно для обозначения названий различного рода машин и станков, ср.: *miller – фрезеровочный станок, planer – строгальный, grinder – шлифовальный, driller – сверлильный, cutter grinder – заточный* и т.д.

В техническом подстиле широко используется суффикс *-ity*, обозначающий свойства и характеристики (*malleability – ковкость, plasticity – пластичность, hermiticity, impermeability – герметичность, porosity – пористость),* суффиксы с процессуальным значением *-age*, *-ation*, *-ing (assemblage – сборка, lubrification – смазка, sputtering – напыление),* а также суффикс *-able (ible)* со значением «способный к» *(detachable, compatible и т.д.)*

Отдельного рассмотрения требуют синтаксические проблемы технического перевода.

К синтаксическим особенностям научно-технических текстов относятся следующие:

1. Широкое использование безличных конструкций: *It is necessary to use an adapter. – Необходимо использовать переходник.*

2. Распространенность пассивных конструкций: *The device is preconfigured to work in wet environment. – Устройство настроено для работы во влажных помещениях.*

В текстах технических справочников, каталогов, описаний поставок, технических отчетов, спецификаций и инструкций нередко встречаются предложения без сказуемого (например, при перечислении технических данных) или же подлежащего (если оно подразумевается по контексту). Например: *AC power cord, standard battery, off-line supply source, travel adapter. In service. Don't open. Avoid contact.*

Сжатость достигается за счет использования глагольных повелительных конструкций, которые часто переводятся на русский язык инфинитивом или безличным предложением:

Switch off the phone. Remove the battery. To do so press and hold down the catch on the back of the phone. – Выключить телефон. Вытащить аккумулятор. Для этого необходимо нажать и удерживать фиксатор на тыльной части телефона.

Точность технического подстиля не исключает наличия вариантов при переводе. Высокой степенью вариативности обладают синтаксические структуры, используемые в техническом тексте, в котором, как правило, возможен целый «веер» структурных вариантов, ср.: *Make sure the battery is properly installed before* ***switching on the power****. Make sure the battery is properly installed before* ***you switch on the power****.* ***Don't switch the power*** *before you make sure the battery is properly installed.*

Для нейтрализации признаков лица и усиления объективности изложения широко используются неопределенно-личные конструкции с местоимениями *one* или *you*, которые следует передавать на русский язык преимущественно безличными оборотами: *If you need to remove the SIM card… – Если необходимо вытащить SIM-карту….*

В английском научно-техническом подстиле широко распространена также пассивная форма глаголов: *The device is furnished with… – Аппарат снабжен…The tool is to be used… – Инструмент предназначен для…*

Помимо номинативного стиля изложения, сжатость технического подстиля достигается за счет большого числа аббревиатур, использования функциональных синонимов придаточных предложений. Лаконичность и нейтральность научно-технической речи проявляется в использовании безличных и неопределенно-личных предложений, пассивных конструкций и полном отсутствии экспрессивно-эмоциональных элементов.

Установка на полноту изложения, требующую исчерпывающего перечисления определенных технических характеристик, ведет к заключению большого количества информации в рамках одного предложения. Технический текст ориентирован на передачу информации. Поскольку тексты этого рода лишены образности, то, как правило, потерь при переводе не наблюдается, и возможно стопроцентное сохранение информации в переводе.

Понятие лингвистического перекодирования выдвигается на передний план, тогда как интерпретирующие подходы к переводу, основанные на толковании, оказываются менее существенными. Это не означает, что принципиально невозможно появление различных вариантов одного технического текста, но в значительной степени снижаются масштабы вариативности, ограничиваясь, в основном, уровнем синтаксических структур технического текста.

Элемент «экзотичности» («чужого»), тем не менее, присутствует и в таких текстах, например, в указаниях на иностранные фирмы, иностранных производителей или неизвестные культуре переводящего языка марки продукции. В целом ряде случаев подобные отсылки к реалиям оригинала могут не иметь принципиального значения для переводчика, который подчиняет перевод текста одной установке – доступности информации для получателя речи на языке перевода. Например, в текстах инструкций по эксплуатации могут быть полностью заменены адреса ре-

монтных фирм или организаций. Однако, строго говоря, такого рода преобразования выходят за рамки чисто переводческой деятельности и являются прерогативой заказчика перевода, а не самого переводчика.

Литература

1. Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. – М.: Наука, 1965.
2. Ванников Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. - М., 1988. - С. 34-37/
3. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ЧАСТЯМИ ТЕЛА «ГЛАЗ» И «УХО» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

К..Я. Сенина, Н.М. Степанова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар

Фразеология – молодая самостоятельная лингвистическая наука, отражающая достояние выразительных средств языка.

Актуальность данной темы обусловлена неослабевающим вниманием современного языкознания к проблеме взаимосвязи языка и культуры, языка и ментальности, к проблеме человеческой телесности, а также недостаточной изученностью вопросов национально-культурного своеобразия семантических и функциональных свойств соматизмов в составе русских и немецких фразеологизмов.

Целью нашего исследования является проведение сопоставительного анализа фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами «глаз» и «ухо» в немецком и русском языках и выявление полных и неполных структурно-семантических и функционально-семантических эквивалентов.

Выбор данных компонентов неслучаен и объясняется высокой продуктивностью и широкими фразообразовательными потенциями данных соматизмов, высокой частотностью потребления, их многочисленностью, которая образует обширные ряды фразеологии немецкого и русского языков.

Фразеологизм - это воспроизводимая языковая единица, состоящая из двух или нескольких знаменательных слов, целостная по своему значению и устойчивая в своей структуре [1, 5].

Во фразеологии немецкого и русского языков огромную роль играет человеческий фактор, так как подавляющее большинство фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности.

Зрение - великий дар. С помощью зрения человек получает до 90% информации об окружающем мире, например, о цвете, форме, размерах предметов, расстоянии до них и т.д. Глаза – окно в окружающий нас мир, важнейшая часть головы и лица человека. Глаза представляют собой сложную оптическую систему, которая воспринимает информацию и «кодирует» ее для головного мозга.

Согласно выборке, ФЕ с компонентом «das Auge/глаз» занимают первое место среди соматизмов в русском языке с количественным составом в 77 единиц (19% от общего числа фразеологизмов), и второе в немецком, где их насчитывается 118 единиц (16,1%) (после соматизма die Hand/рука -188ФЕ).

Зрачки находятся в постоянном движении и этим объясняется большая сочетаемость слова «глаз» с глаголами движения: отвести глаза, скользить глазами, провожать глазами и т.д. [3, 98]. От удивления и неожиданности мы таращим глаза, прищуриваем их при высокой концентрации внимания или когда пристально наблюдаем за чем-то. Мы широко раскрываем глаза, когда бессознательно хотим узнать больше информации, отводим глаза под чьим-то осуждающим взглядом, защищая этим свой мозг от отрицательного воздействия собеседника и т.д.

Глаза являются и важными выразителями эмоций и чувств, следовательно, в немецком и русском языках велико количество фразеологических единиц с данным компонентом, отражающих изменение эмоционального состояния человека. Например, удивление: die Augen aufreißen (досл.: распахивать глаза) – «вытаращить глаза»; желание: die Augen brennen ihm danach (досл.: глаза загораются) – «положить глаз на что-либо, глаза загораются»; зависти и недоброжелания - ein böses Auge haben (досл.: иметь злой глаз) – «дурной глаз» [2, 51].

В немецком и русском языке можно выделить следующие общие лексико-семантические группы с компонентом глаз:

1. Печаль, слезы: sich (D) die Augen ausweinen (досл.: выплакать глаза) «означает выплакать все глаза»; feuchte(nasse) Augen bekommen (досл.: глаза становятся мокрыми) – «прослезиться»; «da bleibt kein Auge trocken» (досл.: глаз сухим не остается) – «у всех глаза на мокром месте»;.

2. Влюбленность, кокетство: фразеологизм «j-m schöne Augen machen» (досл.: делать красивые глазки кому-то) означает «строить глазки кому-то, кокетничать»; «j-m zu tief ins Auge gesehen haben» (досл.: кому-то слишком глубоко посмотреть в глаза) означает «влюбиться в кого-то».

3. Пристальное внимание: «kein Auge von j-m abwenden» (досл.: не отворачивать глаз от кого-либо) – «не спускать глаз», «ins Auge fallen»(досл. упасть в глаз)- «бросаться в глаза».

4. Удивление, страх: «große Augen machen (bekommen)» (досл.: делать большие глаза) – «сделать большие глаза, очень удивиться»; «Augen

machen wie ein abgestochenes Kalb» (досл.: делать глаза, как у заколотого теленка) – «выпучить глаза от удивления».

5. Смерть: «mit brechenden Augen»– «с угасающим взором (об умирающем)», «die Augen schließen» (досл.: закрыть глаза) – «закрыть глаза навеки (умереть)».

6. Обман: «j-m Sand in die Augen streuen» (досл.: сыпать песок кому-нибудь в глаза) – в русском языке: «пускать пыль в глаза» (обманывать, вводить в заблуждение) «замазать глаза» и т.д. [2, 56-57].

Таким образом, в составе русских и немецких ФЕ лексемы «глаз» и «das Auge» выступают преимущественно в своём первичном, соматическом значении, актуализируется функция глаза как «инструмент зрения».

Как в русских, так и в немецких ФЕ чёрные глаза оцениваются отрицательно, их обладателю приписываются негативные внутренние качества.

В немецком языке «ein blaues Auge» (досл.: синий глаз) означает «синяк, подбитый глаз»; отсюда фразеологизмы: «mit einem blauen Auge davonkommen» (досл.: уйти с синим глазом) – «отделаться пустяком, дешево отделаться»; ins Auge gehen - плохо кончиться (*досл.: идти в глаз*).

Ухо, как и глаз, - орган, воспринимающий информацию извне (только не зрительную). В немецком языке зарегистрировано 62 ФЕ с компонентом «das Ohr», в русском - 24 ФЕ с компонентом «Ухо». Ухо - очень значимая символическая часть тела; орган получения информации и пассивного общения. Поэтому в основном фразеологизмы, связанные с этим органом, употребляются, чтобы обозначить способность узнавать и слушать: «ganz Ohr sein» (досл.: я весь ухо, быть совершенно ухом) означает «напряженно слушать, обратиться в слух», эквивалент «во все уши / обращаться в слух (я весь внимание)»; «die Ohren spitzen» (досл.: заострить уши) означает «насторожиться, прислушаться», эквивалент – «навострить уши»; «zum einen Ohr hinein, zum anderen wieder hinausgehen» имеет полный эквивалент в русском языке – «в одно ухо влетело, в другое вылетело».

Способность выслушать другого и проявить сочувствие или отсутствие такой способности выражается в немецком языке в фразеологизмах «j-m sein Ohr leihen» (досл.: одолжить ухо кому-то), т.е. «внимательно выслушать кого-то», «ein geneigtes Ohr bei j-m finden» (досл.: найти в комто слушателя) означает «встретить сочувствие у кого-либо»; так и наоборот нежелание помогать человеку: «ein taubes Ohr bei j-m finden» (досл.: найти у кого-то глухие уши) – «не встретить отклика (сочувствия, понимания)». В русском языке отсутствуют ФЕ с данным компонентом, обозначающие сочувствие или отчуждение.

Уши являются также символом чего-то крайнего (видимо, это связано с их маркированным расположением как на голове, так и в вертикальном отношении: эта часть тела расположена выше почти всех других): «viel um die Ohren haben или bis über die Ohren in Arbeit stecken» (досл.: иметь много вокруг ушей, быть выше ушей в работе) означает «иметь

очень много работы», русский эквивалент – «быть по уши в работе», по уши влюблен – über beide Ohren verliebt.

Кроме того, в сознании носителей языка с этим органом ассоциируется представление о наказании: «j-m eins/ein Paar hinter die Ohren geben» (досл.: кому-либо позади ушей дать) означает «дать подзатыльник», эквивалент – «отвесить оплеуху».

Для немецкого языка также характерно использовать данный компонент во ФЕ, связанных с леностью, унынием: «auf dem Ohr liegen» (досл.: на ухе лежать) означает «бездельничать, эквивалент – «лежать на боку»; «die Ohren hängen lassen» (досл.: повесить уши) означает «приходить в уныние, в отчаяние, тосковать, грустить, быть подавленным», эквивалент в русском языке «повесить нос», поэтому, если русские желают «Не вешай нос!», немцы говорят «Halt die Ohren steif!“ (досл.: держи уши жесткими, негнущимися).

Данный компонент используется в немецком языке для описания негативных характеристик человека, таких как хитрость: «den Schalk hinter den Ohren haben» (досл.: иметь плута за ушами) означает «кто-либо отъявленный плут; хитрый, находчивый, склонный к шуткам, к забавам», jemand hat es faustdick hinter den Ohren (досл.: у кого-то за ушами толщиной с кулак), т.е. быть себе на уме, быть большим хитрецом (пройдохой); или обман: j-m das Fell über die Ohren ziehen (досл. натянуть шкуру на уши) - ободрать кого-то как липку, j-n übers Ohr hauen (ударить кого-то по ушам) - надуть, обмануть кого-то, соответствий данным фразеологизмам в русском языке с компонентом «ухо» нет.

По данной группе ФЕ выявлено следующее: группа русских и немецких фразеологизмов с компонентом «das Auge/глаз» является одной из самых продуктивных в образовании соматизмов; группа фразеологизмов с компонентом «das Ohr/Ухо» содержит наибольшее количество безэквивалентных единиц (таблица 4).

Таблица 4 – Удельный вес немецко-русских (русско-немецких) фразеологизмов с компонентами «das Auge/глаз» и «das Ohr/Ухо», в %

Компонент	**Кол-во и % ФЕ в нем. яз.**	**Кол-во и % в рус.яз.**	**Полные эквивален-ты**	**Частичные эквиваленты**	**БЭЛ в нем. яз**
das Auge	118 (16,08%)	77 (19%)	8 (6,78%)	51 (43,22%)	59 (50%)
das Ohr	62 (8,45%)	24 (5,93%)	5 (8,06%)	25 (40,32%)	32 (51,62%)

Таким образом, фразеологические обороты с компонентами «Глаз» и «ухо» являются наиболее распространёнными среди фразеологизмов с соматизмами как в немецком, так и в русском языках и обнаруживают больше сходств, чем различий.

Всем известно, что фразеология является очень интересной темой для изучения. Можно бесконечно долго рассматривать богатства этой сокровищницы. Я знаю, что мне удалось углубиться лишь в одну незначи-

тельную ее часть, которая является каплей в огромном море, нет, даже океане фразеологии. В заключении хочу сказать, что зная фразеологизмы, как русского, так и немецкого, да и вообще любого языка, употребляя их, мы можем только украсить свою речь, придать ей большую выразительность, привлекательность, заинтересовав тем самым своего слушателя.

Литература

1. Баранов А., Добровольский Д. Аспекты теории фразеологии. – М.: ЗНАК, 2008. – 656 с.
2. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1975. – 659 с.
3. Блюм А. Семантические особенности соматической фразеологии. М.: АСТ - пресс, 2000. – 20 с.
4. Большой немецко-русский словарь. – 9-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2002. – 1040 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. − 416 с.
6. Степанова М.Д., Чернышова И.И. Лексикология современного немецкого языка. − М.: Издательский центр «Академия», 2003.− 256 с.
7. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. — М.: Высшая школа, 1997. – 200 с.

КРИМИНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Е.Э. Стрельцова
Одесский национальный университет имени И.И. Мечников, Одесса, Украина

Филология давно и интенсивно взаимодействует с другими отраслями гуманитарных знаний. Этот феномен можно наблюдать на примере творчества Ф.М. Достоевского. Писатель поднимает в своих произведениях нравственно-мировоззренческие вопросы, которые актуальны и в настоящее время – о вере, совести, грехе и об искуплении через страдание. Такой масштаб проблематики позволяет изучать творчество писателя не только литературоведам, но и психологам, педагогам, философам, юристам.

Во второй половине XX века неподдельный интерес у исследователей вызвала криминальная проблематика в произведениях Ф.М. Достоевского. Была даже создана новая комплексная научная дисциплина – юрислингвистика. В свет вышло большое количество трудов, посвященных новому виденью романов Ф.М. Достоевского с юридической точки зрения: Н.Д. Тамарченко «Тема преступления у Пушкина, Гюго и Достоевского» [9], Р.Н. Поддубная «Проблема преступление и наказание в романе «Преступле-

ния и наказание» [7]. Э.М. Румянцева в своей работе «Проблема преступления и наказание в творчестве Ф.М. Достоевского» рассматривает художественный мир писателя как единый криминальный текст [8].

Стоит отметить весьма интересный факт. Статус криминалиста Ф.М. Достоевский получил посмертно, спустя всего несколько дней после своей кончины. На общем собрании Петербургского юридического общества юрист А.Ф. Кони выступил с докладом «Достоевский как криминалист». Он был одним из первых, кто попытался рассмотреть творчество писателя с точки зрения юриспруденции: «Я не опасаюсь, что меня спросят: «Какое отношение может иметь Федор Михайлович Достоевский к собранию юристов?» — и не думаю, что слово мое будет сочтено неуместным... Слово о великом художнике, который умел властно и глубоко затрагивать затаенные и нередко подолгу молчаливые струны сердца, не может быть неуместным в среде деятелей, посвятивших себя изучению норм, отражающих на себе душевную потребность людей в справедливости и искание наилучшего ее осуществления» [5].

Тема преступления в творчестве Ф.М. Достоевского является одной из наиболее изученных. Однако это не означает, что изучение данной проблематики на сегодняшний день не является актуальным. Особый интерес исследователей, которые используют синтез литературоведения и криминалистики, заслуженно вызывает роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Это произведение посвящено истории о том, как человек, совершив грехопадение, испытывая муки совести, принимает путь смирения, сострадания, обретает веру в Бога, приходит к постижению христианских идеалов любви к ближнему, то есть духовно перерождается.

Профессор В.А. Бачинин в своем труде «Достоевский: метафизика преступления» предпринимает попытку вписать творчество Ф.М. Достоевского в контекст мировой философской мысли: «В фабульно-авантюрную ткань криминальных романов Достоевским искусно вплетено аналитическое содержание философского, социологического и психологического характера, дающее основание поставить писателя-мыслителя в один ряд с крупнейшими криминологами XIX века» [1: 46]. Также он изучает философские, социологические, нравственно-психологические аспекты проблемы преступления. Исследователь отмечает: «Для Достоевского в теме преступления сошлись, словно в фокусе, все самые крупные вопросы человеческого бытия, касающееся Бога и Дьявола, свободы и смерти, вины и ответственности, судьбы и воздаяния» [1: 52].

Главный герой Родион Раскольников совершает убийство ростовщицы Алены Ивановны под влиянием своей идеи. Он рассматривает это преступление как социально-психологический эксперимент. Из этого следует, что психологический анализ мотивов преступления Раскольникова неразрывно связан с анализом его философской теории. Родион – студент, принужденный из-за своего материального положения прекратить обучение. Он пони-

мает, что многие люди обречены не на жизнь, а на мучительное существование. Именно это осознание становится фундаментом замысла главного героя. Раскольников болезненно горд, необщителен. Он отвык от общества других людей. Даже со своими товарищами он избегал каких-либо встреч. Раскольников ощущает разъединенность с человечеством еще задолго до совершения убийства. Это и есть основной внутренний корень его преступления и одновременно жизненная проблема, стоявшая перед ним. Уже на первых страницах романа развивается процесс изоляции героя, разрыва всех связей, объединявших его с другими людьми. Но изредка в нем еще ощущается жажда общения, однако, едва дело доходит до реального контакта, он испытывает отвращение. Внутренний конфликт вылился в установку «быть над людьми». Психологическое выражение данного противоречия проявляется в гордости героя, а идеологическое воплощение – в его теории. Это и стало почвой, которая породила идею убийства: именно гордость прогнозировала психологическую выносливость происходящего, а теория – оправданность. Следовательно, цель преступления – стремление подтвердить свою теорию и доказать свою сверхчеловечность. Размышляя о причинах существования социального неравенства, Раскольников делает вывод, что существует различие между двумя разрядами людей: между «право имеющими» и «тварями дрожащими». «Необычными» людьми, по мнению Раскольникова, являются Магомет, Ньютон, Наполеон. Идя на преступление, главный герой хочет понять, кем он является. Родион заблуждается, не задумываясь над тем, почему многие люди не были способны к тому, чтобы отстаивать справедливость. Он испытывает отвращение к их покорности, но при этом у него появляется желание вознести себя, противопоставить «обыкновенным» людям. Ощущается его непримиримость с действительность. Он не хочет терпеть и повиноваться, как это делает большинство людей. Раскольников приходит к выводу, что его задача – доказать себе и окружающим, что он не «тварь дрожащая», а имеющий право переступить нравственные законы. В.Е. Ветловская утверждает: «В теории Раскольникова обыкновенные люди разрешают себе пролить кровь только по ошибке, тогда как необыкновенные люди делают это, так сказать, не ошибаясь» [3: 75].

Для того чтобы отказаться от убийства, недостаточно было чувствовать омерзительность этого поступка. Родион готов переступить это чувство. В этом он видит свою силу. Отрицая свой дух, не прислушиваясь к нему, Раскольников тем самым убивает себя в духовном плане: «Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего…» [4: 112]. Важно отметить, что в его «теорию» не входит нравственный закон. «Теория» включает в себя понятие «совести», то есть переступить через кровь по совести – означает получить моральное разрешение на нарушение закона. А.М. Буланов комментирует это так: «Поскольку «сердце» прежде всего и является истинным органом совести, то герой пытается примирить «сердце» с «разумом», совесть с бессовестной логикой» [2: 191].

Прослеживая путь от зарождения мысли об убийстве до ее реализации, стоит обратить внимание на символику. В искусстве символ всегда имел особо важное значение. Это связано с природой образа — основной категории искусства. Так как в той или иной мере всякий образ условен и символичен уже потому, что в единичном воплощает общее. А.Ф. Лосев считает, что «символ есть принцип бесконечного становления с указанием всей той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления» [6: 56].

В данном ракурсе, немаловажное значение имеет выбор героем орудия убийства, поскольку сам «топор» имеет достаточно сложную семантическую нагрузку. Топор в качестве орудия убийства выбран не случайно. В христианстве топор рассматривается преимущественно как орудие мученичества. Мы можем предположить, что в романе он символизирует безудержную страсть к уничтожению. Существует еще одна гипотеза, связанная со статьей «Письмо из провинции», которая была опубликована в журнале А.И. Герцена «Колокол». Именно в этой статье впервые появился лозунг «К топору зовите Русь!». Топор стал символом «нового поколения» русской интеллигенции, которое должно было избавить страну от самодержавия, царя и церкви. В свою очередь, у Ф.М. Достоевского образ топора тоже приобрел еще одно своеобразное значение: топор у него символизирует отрыв от окружающего мира.

Выбор орудия убийства – интересная почва для исследования. Эта, на первый взгляд, незначительная деталь, оказывается важной. Особого внимания заслуживает тот факт, что Раскольников убил процентщицу не тем топором, каким собирался это сделать изначально. Выбранное Родионом орудие преступления находилось на кухне, однако в тот момент там была Настасья, и главный герой был вынужден взять другой топор в дворницкой. Новый топор Родиона – это уже не орудие его воли, а подарок «беса». Закономерно выглядит и место, откуда он был взят – это подвальное помещение дворницкой. То есть топор Раскольников взял из-под земли. Исходя из этого, можно сделать вывод, что этот инструмент обладает «бесовский» силой: «Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом. Силы его тут как бы не было. Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила» [4: 115]. Даже Раскольников в разговоре с Соней уточняет: «А старушонку эту черт убил, а не я» [4: 478]. Исходя из этого, мы можем предположить, что если бы Раскольников взял топор из кухни, то он стал бы для него неподъемным.

Также следует заметить, то, что в момент смертельного удара, лезвие топора направлено на Раскольникова. Это означает то, что Родион убивает, в первую очередь, себя и свою идею, а не старуху: «Я не человека убил, я принцип убил! Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил, на этой стороне остался… Только и сумел, что убить. Да и того не сумел, оказывается…» [4: 135].

После осознание Родионом произошедшего, он, прежде всего, переживает за уголовное наказание. Он боится, что оно выбросит его из общества честных людей. Его надежды на счастливое будущее рушатся. Но страшнее всего для него то, как отреагируют на преступление близкие ему люди. Раскольникова мучает мысль о том, что когда имя убийцы станет известным для всех, ужасная истина убьет его мать, а сестра отвернется от него, считая его «замаранным» человеком. Он не смеет никому открываться, думая, что первый человек, которому он признается, оттолкнет его от себя.

Совершенное им убийство укрепило нравственную пружину внутренней борьбы. После содеянного преступления Раскольников ощутил «во всем себе страшный беспорядок» [4: 117]. Он осознал, что жить, так как жил уже не может: «Уж одно то показалось ему дико и чудно, что он на том же самом месте остановился, как прежде, как будто и действительно вообразил, что может о том же самом мыслить теперь, как и прежде, и такими же прежними темами и картинами интересоваться, какими интересовался…» [4: 119].

Родион Раскольников совершает убийство и в то же время идеологически оправдывает его. На примере главного героя писатель показал, что может произойти с человеком добрым и чувствующим боль мира, но не обладающим внутренним миропониманием. Он не верит в духовную суть самого себя и всего человечества. В этом и заключается его трагедия.

Важно подчеркнуть, что наряду с насущными для эпохи Ф.М. Достоевского идеями права, писатель поднимает в своих произведениях вопросы вневременного значения, которые позволяют исследователям увидеть универсальность криминальной тематики. И если учесть то, что проблема преступления стояла перед Ф.М. Достоевским до конца его жизни, решаясь в каждом из пяти великих романов, нельзя считать эту проблему исчерпанной и досконально изученной. В эпоху переосмысления классического наследия творчество Ф.М. Достоевского вызывает особый интерес. Сама природа шедевров, созданных русским писателем, несет в себе обширный познавательный потенциал и дает возможность для нового прочтения.

Литература

1. Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления. (Художественная феноменология русского протомодерна). – С.-Пб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. – 412 с.
2. Буланов А.М. Художественная феноменология изображения «серденой жизни» в русской классике (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой): Монография. –Волгоград: Перемена, 2003. – 191 с.
3. Ветловская В.Е. Логическое опровержение противника в «Преступлении и наказании» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Т.13. – СПб.: Наука, 1996. – 75 с.

4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: в 30 т. Т. 6. – Л. 1973.
5. Кони А.Ф. Федор Михайлович Достоевский // Библиотека Максима Мошкова: [Электронный ресурс] // Режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_0220.shtml.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд. / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
7. Поддубная Р.Н. Проблема преступления и наказания в романе «Преступление и наказание» // Достоевский: Материалы и исследования. – Л., 1976. – С. 96-105.
8. Румянцева Э.М. Проблема преступления и наказания в творчестве Ф.М. Достоевского // Анализ художественного произведения. Художественное произведение в контексте творчества писателя. / Под ред. М.Л. Семановой. – М, 1987. – С. 102-118.
9. Тамарченко Н.Д. Тема преступления у Пушкина, Гюго и Достоевского // Ф.М. Достоевский. Н.А. Некрасов (сборник научных трудов). – Л., 1974.

КОНЦЕПТ «РЕЧЬ» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

А.Б. Татиева, Г.С. Суюнова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

Язык в системе выражаемых им значимостей закрепляет знания и опыт языковой общественности, картину мира говорящих на нем народностей. «Мировидение, отраженное в значимости языка, обычно противопоставляют научному знанию, которое современный образованный человек склонен рассматривать как эталон «правильных представлений» [2: 58-59]. Впрочем, свойственные неспециалистам банальные представления об окружающей действительности отнюдь не примитивны, но замысловаты и интересны. «В языке до нас, - пишет Ю.С. Степанов, - запечатлено многотысячелетнее познание мира» [9: 921]. Задача когнитивной лингвистики заключается в том, чтобы реконструировать и охарактеризовать накопленные в языке знания.

Язык, культура и этнос неразделимы между собой, связаны и образуют преграду личности - место сопряжения ее физического, духовного и социального Я. Из всех определений культуры наиболее верным и адекватным является, очевидно, семиотическое: культура - это передаваемая из поколения в поколение "совокупность значений, ценностей и норм, которой владеют взаимодействующие лица" [8: 218]. Человек как "символическое животное" (Кассирер) невозможен без языка, составляющего оболочку общественного и индивидуального сознания. «Язык, представляющий

собой и инструмент культуры и одну из её ипостасей» [12: 312], создает сущностное ядро этнической личности, и всякая этнокультура существует и развивается в среде определенного этнического языка.

Язык фольклора уже давно находится в кругу внимания лингвистов. В последние несколько десятилетий сложилось новое направление культурологических и филологических исследований -лингвофольклористика. Паремии как фольклорный жанр и составной лингвистический знак представляют собой чрезвычайно необходимый и богатейший материал для современной науки. Они владеют большим эвристическим потенциалом для таких направлений, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвистическая аксиология, когнитивная лингвистика.

На нынешнем этапе актуальной для лингвистической науки является ее антропоцентрическая парадигма, первоначальный тезис которой состоит в признании того, что язык есть конститутивное свойство людей. В центре внимания изучений по языкознанию сегодня оказывается языковая картина мира как фундаментальное понятие данной парадигмы. Антропоцентризм является устанавливающим признаком паремических речений, в связи с чем, адекватно изучение паремиологической картины мира как части языковой. Центральной фигурой в пословицах всегда выступает индивидуум в своих различных проявлениях. Пословичные говорения, отражающие все сферы деятельности человека со сложностями бытования и его опровержениями, содержат эмоционально-экспрессивную оценку его поступков. Возможность пословиц воспроизводить ценностные приоритеты общества позволяет использовать их для описания концепта. Пословичный концепт – это ментальное образование, в которое входит ценностно-значимое для всех членов этносоциума представление, включающее мировоззренческие установки общества.

Несовместимость языковых картин мира, моделей мира, воззрений у разных этносов предопределяет различие жизненных ситуаций, отраженных в дефиниции пословицы. Ложная интерпретация скрытых смыслов, закодированных в паремиях, и связанных с ней культурно-специфических ассоциаций является препятствием в достижении полного взаимопонимания участников коммуникации, приводя к так называемому «конфликту культур».

«Лексическая семасиология единиц, образующая "языковое сознание", в силу пассивности последнего в значительной мере анахронична: в ней зачастую присутствуют уже отжившие социокультурные представления и стереотипы» [13: 20] На более или менее полную тождественность с "обыденным сознанием" может, видимо, претендовать лишь "речевое сознание", отраженное во всей совокупности синхронистических текстов какого-либо естественного языка. Из этого следует, конечно, что «одним из инструментов концептуального анализа и коррекции "языкового сознания", отраженного в лексическом фонде языка, может быть исследование

речевых реализаций какого-либо концепта» [10: 70] как в устных текстах (опрос информантов, интервью), так и в письменных (публицистика, художественные произведения).

Понятийная составляющая концепта «речь» образуется, прежде всего, дефиниционным ядром, включающим дистинктивные, родо-видовые признаки, фиксирующие границы предметной области, к которой он отправляет: речь — исторически сложившаяся форма общения людей посредством языковых конструкций, создаваемых на основе определённых правил. Процесс речи предполагает, с одной стороны, формирование и формулирование мыслей языковыми (речевыми) средствами, а с другой стороны — восприятие языковых конструкций и их понимание. Таким образом, речь представляет собой психолингвистический процесс, форму существования человеческого языка.

Другой формант понятийной составляющей концепта "речь" представлен эссенциальной семантикой, связанной с интерпретацией понятия в рамках определенной мировоззренческой концепции. Можно предполагать, что специфика концепта как раз и определяется числом культурно значимых обыденных представлений - обиходных концепций, разделяемых членами какого-либо этноязыкового социума.

«Вопрос о том, как именно отражается конкретная этнокультурная модель в семасиологии фразеологического и паремиологического фонда естественного языка и в чем состоит отраженная в нем культурно значимая специфика нынешнего лингвоменталитета, по сей день остается открытым» [11: 235]. «Формальных средств для описания современного менталитета той или иной лингвокультурной общности пока что не найдено, единственным критерием здесь может служить степень массовидности и инвариантности когнитивных и психологических стереотипов, представленных в лексической системе языка» [5: 42].

Материалом для нашего исследования паремиологического представления концепта *речь* послужили словари пословиц и поговорок русского языка В.И Даля (Даль 1996), В.П. Жукова (Жуков 2000) и В.П. Аникина (Аникин 1988).

В словаре В. Даля, наиболее раннем по времени составления (1853 год), имеется лишь раздел "Язык-речь", включающий 404 паремиологических единицы, содержащих лексемы «Язык» (86 паремий): «Язык - стяг, дружину водит», «Язык царствами ворочает», «Язык языку весть подает», «Язык языку ответ дает, а голова смекает», «Язык голову кормит (он же и до побоев доводит)», «Язык поит и кормит, и спину порет», «Язык хлебом кормит и дело портит» и т.д. С лексемой «Говорить» в данном словаре выявлено 111 паремий: «С твоим здоровьем и говорить скоромно». «С ним натощак не сговоришь», «С тобой надо говорить, гороху наевшись», «Не все годится, что говорится», «Не все то варится, что говорится», «Бай-бай, да и молви! Говори, говори, да сказывай»

Концепт "речь" в языке может быть представлен лексемами "язык", "говорить". Например, в словаре В.П. Жукова (первое издание 1966 года) из 15 паремий, содержащих лексему "язык", уже 9 позволяют двойное толкование: «Ешь пирог с грибами, а если где живет зубами», «Кукушку кстили, да языка не прикусили», «Хороша веревка длинная, а речь короткая», «За твоим языком не поспеешь босиком», «Молоко у коровы на языке», «Не спеши языком, спеши делом», «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», «Язык без костей», «Язык мой враг мой», «Язык у масла не собьешь», «Язык до Киева доведет».

С лексемой «Речь» в словаре Жукова 4 паремии: «Не верь чужим речам верь своим очам (глазам)», «Одна речь не пословица», «Умные речи приятно и слушать», «Хороша веревка длинная, а речь короткая»

Словарь В.П. Аникина (первое издание 1988 года) приводит 68 паремий, содержащих лексемы "язык", "речь", "говор", из которых в 51 случае эти лексемы отправляют однозначно к говорливым людям/пустословию, в 10 позволяют двойное толкование и в 7 – говорят о доверии / авторитетности / уверенности. «Язык без костей: мелет (куда хочешь, туда и воротишь; что хочет, то лопочет)» «Язык враг: прежде ума глаголет» «Язык говорит, а голова и не ведает» «Язык голову кормит, он же и спину портит (и до смерти доводит; и до беды доводит)», «Речами тих, да сердцем лих», «Речи как снег, а дела как сажа», «Речист, да на руку не чист», «Речь вести – не лапти плести», «Речь как меч: сечет и правого, и виноватого», «Речь красна слушанием» «Говори, говори да и молви», «Говори да назад оглядывайся», «Говори да не заговаривайся, ходи, да оглядывайся», «Говори, да не спорь, а хоть спорь, да не вздорь», «Говори, да откусывай!», «Говори задорно, а не заборно», «Говори меньше, умнее будет», «Говори на волка, говори и по волку», «Говори подумав, садись осмотревшись», «Говори рьяно, да без обмана», «Говори смелее — будет вернее», «Говори смело, отчего спина засвербела», «Говори так, чтоб надолго стало», «Говорил бы много, да сосед у порога», «Говорил день до вечера, а слушать нечего», «Говорили сегодня, говорить и завтра», «Говорит бело, а делает черно», «Говорит, как клеш,ами на лошадь хомут таш,ит», «Говорит, как плохая плетея кружева плетет: что сплетет – ничего не разберет».

Как видим, в этих паремиях эссенциальные, концепциеобразующие признаки семантики языка-речи представлены здесь невычлененно и синкретично, их выделение связано с известным напряжением.

В наиболее "чистом виде" сущностная семантика речи представлена в пословицах, связанных с понятием говорливости: «Говорит красно, да слушать тошно», «Говорит — хорошо, а замолчит — еше лучше», «Говорить без дела, что на воде писать», «Речи как снег, а дела как сажа», «Говорит прямо, а делает криво»; вранья: «Без хлеба, без соли - худая беседа. Вранья на на зуб не положишь», «На язык нет пошлины. Со вранья пошлин не берут».

В многих паремиях речь связывается с честностью, прямодушием, искренностью: «Говорить правду – потерять дружбу», «Говорить буду правду: умирать надо», «Речь красна слушанием». Также концепт речь представляется в виде врага человека: «Язык враг: прежде ума глаголет», «Язык наш — враг наш», «Язык мой - враг мой. Свой язычок первый супостат», «Язык мой - враг мой: прежде ума (наперед ума) глаголет», «Язык мой - враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет».

Наиболее многочисленны, однако, паремии, в семантике которых лексема речь представляется как смысл существования индвидуума: Язык языку весть подает. «Язык языку ответ дает, а голова смекает», «Язык голову кормит», «Язык поит и кормит, и спину порет», (двузначно)«Язык хлебом кормит и дело портит».

Итак, пословицы и поговорки представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков людей, событий, явлений. С помощью единиц обыденного сознания можно приобщиться к образу мыслей народа, приблизиться к постижению своеобразия национального характера, национальной системы ценностей.

В данной статье пословицы и поговорки воспринимаются нами в аксиологическом ключе, поскольку важность паремий для выявления специфики ценностной окрашенности национальной языковой картины мира неоспорима. Однако в паремиологическом пространстве одного этноса обнаруживаются взаимоисключающие формулы поведения, то есть иногда одна пословица ставит под сомнение истинность другой. Полагаем, что провербиальные единицы не являются объективными суждениями, они выражают оценку того или иного явления. Существование противоположных по значению паремий объясняется объективацией в них взглядов различных социальных кругов общества, разных аспектов одной проблемы, с одной стороны, и возникновением этих единиц в разные исторические эпохи развития человечества, с другой.

В нашем докладе мы предприняли попытку выявить функционирование концепта *речь* в русской паремии. Значимость изучения пословиц для современной науки не вызывает сомнения. Однако в лингвистике до сих пор остается дискуссионным вопрос о специфике их знаковой природы, а также проблема разграничения пословиц и поговорок, пословиц и афоризмов. В данной работе паремия рассматривается как знак особого рода, сочетающий в себе качества единицы языковой системы и мини-текста. В силу ее непредназначенности для использования в качестве отдельного текста полагаем, что языковое начало в пословице превалирует над речевым.

Предметом изучения настоящей работы являются паремические речения (их ядерная часть), в состав которых входят два больших класса: пословицы и поговорки. Установлено, что концепт *речь* представлен огромным количеством пословиц в провербиальных картинах мира русского этноса. Это закономерно, так как человек не способен полноценно существовать без языка и речи.

Литература
1. Аникина В.П. Русские пословицы и поговорки - электронная библиотека русской литературы. – М.,1988.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М., 1995. – С. 58-59.
3. Гутовская М.С. Концепт «речь» в русской языковой картине мира и его место среди других понятий «народной лингвистике».
4. Даль В. Пословицы и поговорки русского народа - электронная библиотека русской литературы. – М., 1879. – С. 42.
5. Добровольский Д.О. «Постулаты когнитивной семантики», 1997.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок - электронная библиотека русской литературы. – М., 1991.
7. Кассирер Э. Философия символических форм, 1929.
8. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – С. 201-225.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001.– С. 920-922.
10. Стернин И.А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. – Вып.2. – Тамбов, 1999. – С. 70.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – С. 235.
12. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 306-315.
13. Урынсон Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. – 1998. – № 2. – С.3-21.
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1996.

ДЕТСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ СИБИРСКОТАТАРСКОЙ ПОЭТЕССЫ ГАЛИИ АБАЙДУЛЛИНОЙ

Г.Х. Ташкеева
Филиал Тюменского государственного университета в Тобольске, Тобольск, Россия

Литература для детей в XXI веке изобилует произведениями иностранного происхождения. Яркие, иллюстрированные постеры, книжки-раскраски, комиксы и другие «произведения» для детей самые покупаемые и читаемые на сегодняшний день. Какой образовательный и воспитательный потенциал содержат данные «произведения» для несформировавшейся личности ребенка, это отдельная тема для исследований психологов и педагогов [5], [6].

Отсутствие четких ориентиров в произведениях для детей влечет за собой подмену морали, падение нравственности и гуманизма. В то же время,

наш литературный мир изобилует качественными, содержательными, соответствующими нашему менталитету, обеспечивающими преемственность поколений в плане морально - нравственных критериев художественными произведениями. Единственный недостаток данного духовного богатства, это оболочка: современный дизайн, красочные иллюстрации и т.п.

К этой категории можно отнести поэтическое творчество самобытной поэтессы Галии Абайдулиной. Её произведения наполнены этнографическим, фольклорным и историческим материалом и раскрывают национальную, региональную культуру.

Посредством устного народного творчества, фразеологических оборотов, описывая различные явления природы, поэтесса выражает своё отношение к социальному окружению и пропагандирует нравственные ценности.

Её произведения являются весомым вкладом в сибирскотатарскую литературу в целом и в частности в детскую литературу.

Галия Абайдулина не просто поэт и наш современник, она тонкий психолог с многолетним педагогическим стажем понимающий и любящий детей. Разноплановые стихи «Егылмаган-сикергән» («Не упал, а прыгнул»), «Энемә кырык көн» («Братику сорок дней от рождения»), «Санарга өйрән» («Научись считать»), «Светофор», «Курчагым» («Моя кукла»), «Елларның төрләнеше» («Как меняются года»), «Икмәк» («Хлеб»), «Оя» («Гнездо») и многие другие написаны для детей. В небольших по объему стихотворениях, написанных без назидательного тона, содержится огромный образовательный и воспитательный потенциал. Тонкий юмор, присущий автору позволяет беззлобно высмеять пороки и недостатки, а порой снисходительно и великодушно улыбнуться над безобидными проказами маленьких героев, которых с такой теплотой и любовью описывает педагог.

Автобиографическая поэма «Истә калганнар» («Что осталось (сохранилось) в памяти») уносит читателя в тяжелые военные и послевоенные годы в тылу. Автор в пятой главе «Детство» упоминает детские игры, того периода. Дети есть дети, несмотря на голод, холод и другие жизненные невзгоды играют. Произведение пронизано поучительными примерами из жизни поэтессы: стремление к знаниям, формирование волевых качеств, целеустремленности, беспрекословное и осознанное послушание родителей и бабушки (глава «Брошка», «Детство», «Тяготы жизни» и т.д.). Произведение ценно в плане патриотического воспитания. Простым, понятным языком автор раскрывает все тяготы военных лет. Читатель проникается сочувствием, эмпатией к героине. Откровенный рассказ о своих переживаниях, о комплексах (невысокий рост), о преодолении физических и психологических трудностей может служить альтернативой становления современной личности.

Общепризнанный поэт Галия Абайдуллина пишет не только поэтические произведения, но и пробует себя в прозаическом жанре. Эссе «Туган тел» («Родной язык») можно назвать посланием подрастающему поколению, в связи с тенденцией небрежного отношения к родному языку. Ча-

сто употребляя яркие эпитеты, возвышенную лексику, обилие восклицаний, повторов автор желает передать свои чувства глубокого понимания значимости родного языка для дальнейшего развития личности, восхищения красотой и словарным богатством татарского языка. Произведение автор начинает словами «Фани дөнъяга килгән һәркемнең, һәр җан иясенең: бөҗәкләрнең, җәнлекләрнең, кош-кортларның, хайваннарның үз теле була. Табигатъ-ананың яратып бар иткән тереклек ияләре без....» («Все, явившиеся в этот мир, все живое: насекомые, дикие и домашние животные, птицы имеют свой «язык». Мы существа, с любовью созданные Матушкой-природой…») [3, с.67]. Далее «Если внимательно присмотреться вокруг и прислушаться к каждому звуку, то поразишься красоте (колдовской красоте), волшебству, величавости природы» - пишет автор с подтекстом, что не следует противоречить созданному природой. Человек, это дитя природы, предполагая, большой интерес детей к природе, автор приводит в пример, насекомых, которые издают едва уловимые, но различные звуки, птиц, которые издают волшебные звуки в несколько нотных октав, жеребят и т.д., и получается невероятно красивый тысячеголосый неповторимый хор. Каждый говорит, изъясняется на своем языке. Автор, в своем эссе поразительно просто, доступно для детского сознания и лаконично раскрыла сакральную значимость родного языка.

Во все времена поэты, люди с тонкой, чувствительной душой, раньше массы людей, опережая события, были своего рода «трибуной» проблем общества. Галия Абайдуллина пишет на злободневные темы: затрагивает морально-этическую тематику, пишет о природе, подразумевая экологические проблемы и т.д. Детская тематика в творчестве поэтессы нацеливает нас сосредоточиться на воспитании подрастающего поколения, произведения помогают понять субкультуру детства.

Литература

1. Абайдулина Г.Т. Гафу итэрсезме, чэчэклэр? – Тюмень, 2003.
2. Абайдулина Г.Т. Кая болыт, болай ашыгасын? - Тюмень: «Тюменский дом печати», 2006. – 120 с.
3. Абайдулина Г.Т. Ярату - ялгышу тугел.- Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2009. – 116 с.
4. Абайдулина Г.Т. Үткәннәргә сәяхәт: шигырьләр, поэмалар.- Тобольск: Полиграфист, 2010.
5. Сибирскотатарская литература Тюменского края: актуальность исследования / Уразова Н.М. В мире научных открытий. 2013. № 11.6 (47). С. 269-273.
6. Мифологические и фольклорные мотивы в романах Якуба Занкиева / Ташкеева Г.Х. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева. Тобольск, 2009

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В РОМАНАХ Я.К. ЗАНКИЕВА

Г.Х. Ташкеева
Филиал Тюменского государственного университета в Тобольске, Тобольск, Россия

Анализ романов Якуба Занкиева, потребовавший привлечения знаний из области истории, фольклора, краеведения, этнографии, лингвистики, этнопедагогики и этнопсихологии, выявляет важные качества индивидуального стиля писателя [4]. Особое внимание в романах привлекает отношение автора к истории Сибири, ее природе, языку, психологии и миропониманию своих земляков. Все это автор раскрывает путем использования фольклорных элементов [5]. В романах выявлены все жанры устного народного творчества. Мы в своей статье остановимся на фольклорном жанре, который по праву считается наиболее распространенным. Этот жанр – народная песня, так называемая традиционная лирическая песня. Именно с появлением лирической песни произошло переключение художественного вымысла из сферы необычного в область повседневного человеческого бытия. Народные песни являются плодом природного таланта и вдохновения одаренных самородков из народа, чьи имена оказались оторванными от их творений и потому сегодня неизвестны.

На сегодняшний день исследователи выделяют следующие жанры татарской песенной поэзии: обрядовые песни, игровые и плясовые песни, лирические песни, короткие песни, исторические песни. Самым распространенным являются короткие песни, в основном четверостишия в которых отражались думы и чаяния людей. Наиболее показательна в этом смысле частушка – одна из песенных форм народной поэзии, которая также широко используется в творчестве Я. Занкиева. Особенно содержательны сатирические частушки, отражающие народное отношение к властям. За частушку: «При проклятом Николае / Мы доили семь коров / При великом Сталине / Мы остались без коров», - бабушку, под плач внуков, увозят в тюрьму как врага народа.

Народные песни, сохранившиеся в душе и памяти народа, имеют большую научную ценность, так как они отражают материальную и духовную жизнь народа, содержат ценную информацию о прошлом.

В романе Я.К. Занкиева приводится несколько песен, которые, скорее всего, возникли во время Великой Отечественной войны. В романе читатель слышит эту песню в исполнении солдаток, ожидающих с надеждой своих мужей из фронта:

[Ласточка моя вернулась,]
[Махая крылышками.]
[Вернется ли мой любимый]
[Соскучившись по мне?]
[А моя жизнь проходит в тоске.] [1: 23].

Здесь обращает на себя внимание слово «моң», которое не имеет точного перевода на русский язык. Его интерпретируют, как «тоска», «печаль», «мелодия», «грусть» и т.п. Это очень емкое слово, включающее в себя душевное состояние человека, его восприятие окружающего мира и действительности, чувства, полные тоски, тревоги, глубоких душевных переживаний. Именно такие песни, переполненные «моң» - грустью, тоской, трепетной надеждой, и пели во время войны. Примером этого может служить приведенная Я. Занкиевым песня.

В романе упоминается также и народная лирическая песня. Герои романа – молодое поколение Яланцев, её распевали на Девичьей горе, где отдыхали, собравшись после трудовых будней. Игровая песня «Талы, талы, талы бөгелеп тора…» использовалась при молодежных играх, как организующее звено.

Вот, например, поет инвалид войны Шаукат, который вернулся с войны без рук и ног. Автор пишет: «Шаукат был самым красивым парнем в ауле. Сжав губы, он запел:

Всё пройдёт: туманы и дожди,
От бренной жизни вечности не жди.
Все пройдёт: снега растают, льды,
Будешь ли скучать и помнить ты?» [2: 56]

Таким образом, у каждого из героев романа своя песня. Главный герой романа, Мухамед Уразаев, отправляя письмо своим родным из госпиталя, в конце письма добавляет также строки из песни, полные тоски и страдания.

Таким образом, автор выражает чувства своего героя, у которого на полях сражений без вести пропала любимая жена, в деревне умер близкий человек – мать Сании, которая в их отсутствие воспитывала их маленькую дочурку и ухаживала за ней. В песне нашло выражение внутреннее состояние, эмоциональные переживания главного героя. Таким образом, народная старина, выраженная в фольклоре, интересовала автора романа преимущественно для более глубокого раскрытия как духовной культуры народа, так и внутреннего состояния отдельного героя произведения. В песне, как и в других жанрах фольклора, выражается эстетический идеал народа. Он являет собой синтез доброты, красоты и истины. Песни привлекают яркими образами, богатством народного языка, глубиной содержания. Например, песня, исполненная Сарвар, одной из любимых героинь самого автора романа. Девушка давно не получала писем с фронта, ждет, тоскует по любимому:

[Красиво на берегу Иртыша,]
[Когда цветет черёмуха.]
[Просыпаюсь с мыслью о тебе,]
[Когда встает алая заря.] [3: 67].

В роман автором введено еще одно интересное произведение устного народного творчества – «Баит о Миннулле» (баит – своеобразное произведение, относящееся к лиро-эпическому жанру татарского устного народного творчества). В сохранившемся в памяти жителей деревни Епанчино (Хужайлан) баите рассказывается о народном герое, который участвовал в русско-французской войне 1812 года. Здесь чувствуется, что автор специально записал данный баит, чтобы сохранить его на страницах художественного произведения. «…Народ вспомнил о своих героях. Зазвучали баллады про Кучум хана и его храбрых воинов. Всех погибших в войнах, которые вела Россия, помнили люди в своих молитвах. Даже в войне с Наполеоном принимали участие земляки яланцев. Один из них – сильный и стойкий батыр Миннула. Он погиб на Бородинском поле. Его земляки сочинили замечательное «Сказание о Миннуле» и передавали его из поколения в поколение. Здесь, в Кобякском кедровнике, осенью сорок четвертого года вновь зазвучала эта песня, чтобы дети и молодёжь запомнили её и передали дальше…».

Таким образом, автору удалось посредством песенного фольклора показать в своем произведении характер народа, раскрыть душу, натуру сибирского человека. Народные песни, которые выражают самые заветные мечты народа, Занкиев выписывал не из сборников, а слышал из уст своих земляков, хранящих в душе множество таких песен, которые исполнялись и при трудовой деятельности, и во время отдыха, в них звучали горестные нотки, а также радость и надежда. Писатель знал, что из всех жанров фольклора в народном быту песни занимают одно из самых главных мест, в них отражается душевный мир деревенского жителя. Поэтому народная песня у Занкиева является средством отражения душевного состояния героев, которая вплетена в ткань повествования событий и способствует раскрытию человеческих отношений и их мировоззрения.

Литература

1. Занкиев Я.К. Зори Иртыша. – Тюмень: СофтДизайн, 1996. – С. 23.
2. Там же, С. 56.
3. Там же, С. 67.
4. Литература в этнокультурном наследии сибирскотатарского населения Тюменского региона / Уразова Н.М. Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2013. № 3. С. 87-90.
5. Мифологические и фольклорные мотивы в романах Якуба Занкиева / Ташкеева Г.Х. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева. Тобольск, 2009.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ОБОСОБЛЕННЫМИ ВТОРОСТЕПЕННЫМИ ЧЛЕНАМИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.Н. Таштимерова, Г.А. Басырова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

Предложения в башкирском языке могут осложняться и обособленными второстепенными членами; «на структуре и типологии простого предложения, как и сложного, не сказывается также наличие или отсутствие в его составе обособленных второстепенных членов предложения», [3: 442] так как они являются лишь элементом осложнения содержания простого предложения. Имея в виду такую особенность обособленных второстепенных членов предложения, многие филологи (А.Х.Востоков, Н.И.Греч, Ф.И.Буслаев) относили отдельные виды обособлений к сокращенным предложениям, образованным от полных структур с придаточными частями… [2: 26]

Обособление второстепенных членов предложения является одной из сложных проблем синтаксиса не только башкирского языка, но и других тюркских языков. В тюркологии обособленные второстепенные члены, обстоятельственный (деепричастный) оборот и придаточное предложение часто смешиваются. В азербайджанском языкознании, в частности, существует тенденция расширения границ обособленных второстепенных членов за счет придаточных предложений. По мнению отдельных азербайджанских языковедов, синтаксические конструкции, сказуемые которых выражаются деепричастием и причастием, не являются придаточными предложениями, а представляют разновидность обособленных второстепенных членов, так как они не выражают относительно законченной мысли и лишены предикативности [6: 323].

Некоторые башкирские и татарские языковеды, например, проф. К.З.Ахмеров и акад. М.З.Закиев, в состав обособленных второстепенных членов предложения включают и обстоятельственные (деепричастные) обороты [8: 156]. Правда, между этими двумя синтаксическими единицами есть много общего: они состоят только из второстепенных членов, выделяются паузой и интонацией, имеют разъясняющее, уточняющее значение, свободно передвигаются с одного места в другое в составе предложения.

Вместе с тем обособленные второстепенные члены имеют и свои особенности: они состоят минимум из одного полнозначного слова, последний, основной, организующий компонент развернутого, распространенного обособленного второстепенного члена никогда не выражается деепричастием (хәл ҡылым) и причастием (сифат ҡылым), следовательно, он не может выступать в качестве сказуемого при любых усло-

виях и обстоятельствах, иными словами, лишен категории предикативности. По своей структуре обособленный второстепенный член бывает нераспространенным и распространенным [4: 419].

Если последний, организующий, компонент распространенного обособленного второстепенного члена выступает в качестве определения, приложения, дополнения и обстоятельства, то основной, постпозитивный член деепричастного оборота выполняет функцию обстоятельства. «Стало быть, нет никаких оснований и причин слить эти синтаксические единицы», – считает проф. Г.Г.Саитбатталов. Он пишет: «Дифференциация понятий – один из основных законов развития науки – требует раздельного изучения, рассмотрения обособленных второстепенных членов и деепричастных оборотов» [6: 323].

Мы разделяем точку зрения Г.Г.Саитбатталова и обособленные второстепенные члены рассматриваем отдельно от обособленных обстоятельственных (деепричастных и причастных) оборотов.

В башкирском языкознании понятие обособленных второстепенных членов включает в свой состав синтаксические категории, которые характеризуются наличием дополнительных оттенков значений: уточнения, разъяснения. Общими для всех обособленных второстепенных членов признаками являются их относительная смысловая самостоятельность в предложении и интонационное выделение паузами [7: 52]. Итак, в башкирском языке простые распространенные предложения могут осложняться различными типами обособленных второстепенных членов: определений, дополнений и обстоятельств. Определение и дополнение обособляются реже, чем приложение и обстоятельство. Этот факт объясняется тем, что определение постоянно относится к существительному, а дополнение поясняет глагол, причем оба почти не выступают в качестве общего второстепенного члена в начале предложения, как это бывает обычно с обстоятельствами времени и места [1: 9].

Итак, в башкирском литературном языке предложения осложняются преимущественно следующими второстепенными членами:

1) определением. Например: *Һин, телдәр, яуап табырһың инде, әйҙә ин* (Һ.Дәүләтшина). Ты, языкастый, конечно, найдешь ответ, заходи. *Һинең үҙ атайың, мәрхүм, һуғышта үлеп ҡалды* (Ә.Вәли). *Мин, бисара, бәпкәһеҙ ҡаҙ кеүек, ҡайтып килгән булам моңайып* (С.Кудаш). *Шәүрә, йәнһеҙ, бында ниндәй хәл булған тим дәһә* (З.Биишева).

В зависимости от контекста обособленному определению в качестве уточняющих слов могут предшествовать слова *бигерәк тә* или *шул иҫәптән.* Например: *Мансаф ҡыҙҙарҙың, бигерәк тә Гөләмдәнең, үпкәләүенән ҡурҡты* (И.Абдуллин). Мансаф испугался обиды девушек, особенно обиды Гулямды. *Мине уҡыусыларҙың, бигерәк тә 6-сы синыф уҡыусыларының, фекере ҡыҙыҡһындыра* («Аманат» журналынан).

В таких синтаксических конструкциях обособленное определение, как правило, должно стоять в форме принадлежности (эйәлек). Если оно

употребляется в основном падеже, то мы имеем дело с обособленным приложением;

2) приложением. Например: *Бына Харис та, ғүмере буйы етәксе урындарҙа эшләүсе атаһы Варистың ҡанат асты*нда *ҡайғы-хәсрәт күрмәй генә үсеп буй еткереүсе, донъяла бер генә тапҡыр буласаҡ ҡыуанысл*ы *көндәрен ниндәй түҙемһеҙлек менән көттө* (Н.Мусин). Даже Харрис, который вырос под крылом отца Вариса, руководителя, ждал с нетерпением тех дней, которые могут быть в жизни один раз. *Лесничество конторанһындағылар, хатта һәр саҡ уйсан ҡарашлы Йомағол да, йылмайышып ҡуйҙылар* (Н.Мусин). *Ана шул ҡайынлыҡ араһындағы соҡор буйында беренсе яҙ сәскәләрен – умырзаяларҙы өҙәләр* (И.Абдуллин). *Тик Сабира ғына, ауылдың төнгө хорсылары – әтәстәргә ҡушылып, тауышһыҙ ғына йырлай, үҙенең Әхмәтен уйлай ине* (Ғ.Хөсәйенов). *Нинаның әсәһе – Анжелла Николаевна шунда уҡ өҫтәл әҙерләргә тотондо* (Ф.Иҫәнғолов). *Халыҡ үҙ уй-хыялдарын сағылдырған манифестарҙы, саҡырыуҙарҙы бөтә йөрәктән шатланып ҡабул итеп кенә ҡалмай, үҙ ауыҙтел ижадына – йырҙарына, бәйеттәренә, легендаларына күсерә, уны биҙәп дауам итә, үҫтерә* (Ғ.Хөсәйенов);

3) дополнением. Характерно, что по своим функциям многие обособленные дополнения напоминают приложение, но отвечают на вопросы направительного и винительного падежей. Примеры: *Мин тик бер генә нимәне, колхоздың тиҙерәк алға китеүен генә, теләйем* (Д.Исламов). Я желаю только одного – продвижения колхоза вперед. *Беҙгә, ябай кешегә, ундай мең ҡатлыларҙан алыҫ торған хәйерле* (З.Биишева). *Уға, Хәсби малайына, Гәрәй ҡылыр инде ҡылыҡты, ваҡыты үтеберәк бара шул* (Б.Бикбай). *Беҙҙе, йәғни студенттарҙы, вагондарға тейәп эшкә алып киттеләр* (Ә.Вәли).

Иногда обособляется и дополнение аналитического типа. Например: *Каратель отрядтары урмандарҙы, бигерәк тә Тимош баярҙың урманын, ҡат-ҡат һөҙөп сыҡтылар* (З.Биишева). Отряды карателей прочесали леса, особенно лес баяра Тимоша. *Күпселек, бигерәк тә йәштәр, ҡупшыланып төҙәтенеп сыҡҡандар* (С.Агиш).

Необходимо отметить, что обособленные дополнения встречаются преимущественно в общественно-политической и публицистической литературе, переведенной с русского языка на башкирский;

4) обстоятельством времени: *Ул, һауалы фәкирҙәрҙең сәйер ҡылыҡтарын мин һуңыраҡ, олоғая биргәсерәк кенә, төшөндөм* (М.Кәрим). *Бына кисә, өсөнсө дәрестән һуң, уларҙы физкультура кабинетына йыйҙылар* (И.Абдуллин). *Быйыл, мең дә туғыҙ йөҙ ун һигеҙенсе йыл йәйендә, һуғыш йөгө тейәгән поездар айырыуса йышайҙы* (Ф.Иҫәнғолов). В этом году, летом тысяча девятьсот восемнадцатого года, чаще стали проезжать поезда с военным грузом. *Тәүҙә, йырҙың беренсе яртыһын йырлағанда, халыҡ башы өҫтөндә, ниндәйҙер ҡурҡыныс тынлыҡ аҫылынып торҙо* (М.Кәрим);

5) обстоятельством места. Например: *Төлкөсура ҡаяһына ҡаршы яҡта, Нөгөш йылғаһының аръяғында, ҡола ялан йәйрәп ята* (Н.Мусин). Напротив скалы Тулькасуры, в противоположной стороне реки Нугуш, далеко ракинулось голое поле. *Үрҙәрәк, йылғаға яҡын сиҙәмдә, аҫмалы ике ҡаҙанда, тәмле быу бөркөп, һарыҡ ите бешә* (Һ.Дәүләтшина). *Күнәге янында, ерҙә, еләк өҫтөндә, уртаға асып һалынған дәфтәр, шунда уҡ фломастеры ла күренә* (Д.Бүләков). *Үтәкәйҙән утыҙ саҡрымдарҙа Табын янында, Ағиҙелгә Усолка тигән тоҙло йылға ағып төшә* (Ф.Иҫәнғолов);

6) обстоятельством причины. Например: *Романдың эште һәйбәт ойоштороуы арҡаһында, Волга буйындағы ағас һатыу пристандәре һаман уға күҙ төбәп тора* (Н.Мусин). Благодаря организаторским способностям Романа, деревопродающие пристани, находящиеся на побережье Волги, надеются на него. *Өшөһәң, ана минең сәкмәнде ябын* (К.Мәргән). *Солтан, был МТС-ҡа башҡа райондан килеү сәбәпле, Разияларға ят ине әле* (Н.Ҡәрип). *Аптырағас, арышты кире алып ҡайттым* (М.Ғафури). *Фатима, Сәлиха янына ҡайғыһын уртаҡлашырға, эсен бушатырға, кергелән йөрөй торған булды* (Ж.Кейекбаев);

7) обстоятельством цели. Например: *Ҡыҙ көн һайын, һыбай атта күңел асып ҡайтыу ниәте менән, ҡырға сығып китер булған* (М.Буранғолов). Чтобы развеяться, девушка каждый день верхом на коне отправлялась в поле. *Митрофан менән Хөснөлхаҡ, Шаһимораттың өйөнә ҡаты һөжүм башлау ниәте менән, бөтә булған бандиттарҙы әйҙәп алып килде* (З.Биишева). *Мин, Вьетнам менән һуңғы тапҡыр хушлашыу өсөн, вагон тамбурына сығам* (М.Кәрим);

8) обстоятельством образа действия. Примеры: *Ниһәйәт, Ирек, ҡапыл уянған кешеләй, шырт һаҡалын шытырлатып ойпалап алды* (Д.Бүләков). *Аҡрынлап баҫылған дауыл кеүек, Үмәр ҡарттың да асыуы кәмене* (Һ.Дәүләтшина). *Ҡаяға ҡунырға самалаған бөркөт кеүек, вертолет бейек түбә өҫтөндә әйләнеш яһай* (Р.Солтангәрәев). *Аҙнағолов, хәҙер ҙә тере кеүек, минең күҙ алдымда тора* (Б.Хәсән). *Бәхет, тере күҙәнәк кеүек, яңыртып тормаһаң, ҡартая, муртая ул* (И.Абдуллин);

9) обстоятельством уступительным: *Уҡыһаң да, күҙеңде йоммай уҡы* (М.Кәрим). *Ташыһаҡ, нисек тә бергәләшеп тапатыр инек* (Һ.Дәүләтшина). *Ләкин сит ауылдан килеүселәр, һуң булыуға ҡарамаҫтан, ҡайтырға сыҡтылар. Ебәрһәләр, ышаныслыларын ебәрерҙәр инде* (С.Мифтахов). *Алда һөҙәк булһа ла, шаҡтай ҙур үр башланды* (Ә.Вәли).

Если в функции обстоятельства уступки выступает глагол в условном наклонении с частицами да-дә, ҙа-ҙә, ла-лә, та-тә, то такой второстепенный член довольно часто является основным, организующим компонентом деепричастного оборота.

Что касается обстоятельства уступки, то оно, будучи потенциальным сказуемым, выражается деепричастным оборотом.

Литература
1. Аҙнабаев Ә.М. Башҡорт телендә айырымланған эйәрсән киҫәктәр. – Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1965. – 9-сы бит.
2. Ананич В.И. Изучение осложненного предложения. – М., 1972. – С.26.
3. Грамматика русского языка. II ч. – М., 1980. – С.442.
4. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – С.419.
5. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань, 1963. – С.156.
6. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. I том. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 1999. – 323-сө бит.
7. Тикеев Д.С. Современный башкирский язык. Очерки по синтаксису простого предложения. – Уфа: Гилем, 2000. – С.52.
8. Әхмәр Ҡ.З. Башҡорт телендә ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө, 1958. – 169-сы бит.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АСТАНЫ)

К.Х. Текжанов, О.Е. Комаров, Н.Р. Омаров
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

После приобретения суверенитетов в постсоветских республиках сложились крайне разные социально-экономические, демографические и языковые ситуации. Уникальность Республики Казахстан, на огромной территории которой проживает более ста народов и этносов, на период распада Советского Союза, титульная нация составляла меньшинство всего 40 процентов от основного населения. Необходимо отметить, что почти 85% населения республики владели свободно русским языком, на то время языком межэтнического общения Советского Союза, в то время как в соседних республиках Средней Азии исторически преобладали государственнообразующие этносы, а численность русского населения была не столько значительной, как в Казахстане – 37,4%. Казахстанская социолигвистика в советское время активно разрабатывала вопросы функционирования русского языка в Казахстане как средства межнационального общения, однако, по определению О.Б. Алтынбековой, возникла существенная лакуна в определении места и роли русского языка в исследованиях социо-, психо- и этнолингвистического характера. За более, чем 20-летний период в Казахстане выросло новое поколение молодежи, ориентированное на иные, чем в советский период, ценности, участвую-

щее в формировании новой языковой ситуации. Среди основных путей, способов и приемов воздействия общества на функционирование языков наиболее заметное место занимает языковая политика, являющаяся важнейшим фактором, формирующим и изменяющим языковую ситуацию как в отдельных регионах, так и в стране в целом. Поскольку Республика представляет собой полиэтнический социум, важно рассмотреть возможные типы языковой политики, осуществляющейся в условиях многонационального государства. В настоящей статье рассматривается языковая ситуация на примере столицы государства, города Астаны, как миниотражение многонационального общества.

В последние десятилетия наблюдается особенно активное внимание языковедов и социологов к проблемам функционирования и реализации языковой политики. Оживление социолингвистических исследований приходится на такой период, когда общество дает своего рода социальный заказ языковедам, социологам, выполнение которого входит в программу социального развития страны, подъема его экономики, культуры, общей и языковой грамотности ее населения. Одной из важных проблем современной науки является изучение состояния и развития общества, рассмотрения закономерности развития общественной формации, внедрения инновационных путей развития социума.

В современной общественной науке существует множество определений понятия «языковая политика». Так, А.Д. Швейцер рассматривал языковую политику как сознательное воздействие на функциональную сторону языка и в известных пределах – на его структуру посредством системы мер, осуществляемх государством, являющихся частью общей политики и соответствующих его целям [1]. Современные исследователи дают более конкретную формулировку и определяют языковую политику как языковой аспект государственной политики по национальному вопросу [2]. Н.Б. Мечковская определяет языковую политику как виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование использования языка [3]. Помимо сочетания языковая политика, в близком значении в советской общественной науке употреблялся термин языковое строительство [4, 5, 6]. В зарубежной науке принято использование термина языковое планирование и языковое варьирование [7, 8, 9, 10, 11].

Современная государственная языковая политика Республики Казахстан ориентирована на реализацию *проекта "Триединство языков", включающего развитие казахского языка как государственного, русского как языка межнационального общения и английского как языка успешной интеграции в глобальную экономику.*

Функционирование казахского языка в качестве государственного языка страны отличается ростом национального самосознания носителей этого языка, всевозрастающим интересом представителей других этносов к государственному языку, их толерантным отношением к проводимой

в Республике Казахстан языковой политике. Казахский язык стал средством выражения и сохранения в национальной государственности, дальнейшей выработки идеологического, духовного и культурного единства народа.

Необходимо обеспечение функционирования русского языка в качестве языка, официально употребляемого в государственных организациях и органах местного самоуправления, функционирования русского языка в сферах науки, образования, культуры и в средствах массовой информации.

Вопрос обучения английскому языку на современном этапе является актуальным, поэтому необходимо создавать условия для изучения английского языка всеми гражданами Республики Казахстан.

Вопросы языковой политики находятся в центре внимания не только государственных структур, но и вызывают *всестороннюю поддержку со стороны* гражданского общества, образовательных организаций и научно-исследовательских центров, формируя тем самым традиции социального партнерства.

Оптимальное решение языковых проблем является основным фактором стабилизации межнациональных отношений, укрепления сплоченности людей и сохранения общественного согласия. Основным стратегическим направлением управления является создание толерантной языковой среды как фактора единения народа Казахстана.

Языковая ситуация может являться предметом социологического анализа, поскольку с методологической точки зрения язык можно рассматривать как социальный процесс, так как языковые процессы выражают изменения, происходящие в современном обществе. Институциональный подход раскрывает значимость сбалансированной языковой политики, определяемой ведущим значением языка как социального института формирования духовной культуры и этнического самосознания народов Казахстана.

Таким образом, социологические исследования позволяют получать оперативные и достоверные данные о современных тенденциях, проблемам и особенностях развития государственного и других языков в различных социально-демографических группах, а также, основываясь на научно-обоснованных рекомендациях, принимать управленческие решения по проблемам реализации государственной языковой политики, что во многом способствует укреплению толерантности и межнационального согласия.

Объект исследования - взрослое (старше 18 лет) население города Астаны.

Предметом исследования являлась языковая ситуация в городе Астане.

Цель исследования – изучение языковой ситуации в городе Астане, определение уровня развития и сферы применения государственного, русского и других языков, оценка социолингвистических потребностей этносов города Астаны, выявление перспектив развития языков в городе Астане.

Исследование проводилось на основе комплексного подхода и общенаучных принципов познания, таких как: объективности, единства

теоретического и прикладного анализа, логического анализа, раскрытия общего и особенного в процессах развития предмета исследования, системности, детерминизма, верификации и достоверности полученных результатов.

Общий массив выборочной совокупности (выборки) составляет 1000 взрослых (старше 18 лет) жителей города Астаны, которая формировалась по следующему принципу: респонденты опрашивались по определенному маршруту в каждой третьей квартире в каждом нечетном многоквартирном доме или в каждом третьем доме частного сектора.

Структура выборки репрезентирует респондентов по полу, национальной принадлежности, возрасту. Были опрошены представители различных профессий и социальных статусов: рабочие, строители, офисные работники, государственные служащие, врачи и медицинские работники, учителя школ, преподаватели и студенты высших и среднеспециальных учебных заведений, работники торговли и сферы услуг, предприниматели, безработные, пенсионеры и другие.

Результаты исследования

1. Степень владения населения города Астаны государственным языком и доля населения, владеющего государственным, русским и английским языками

Важнейшим показателем, позволяющим обрисовать реальную картину языковой ситуации в городе Астане, является степень владения гражданами казахским языком, государственный статус которого определен Конституцией страны.

Как видно из таблицы 1, в целом у жителей города Астаны отмечается высокий уровень знания государственного языка.

Таблица 1 - Степень владения населения города Астаны государственным языком *(в % от числа опрошенных)*

	все в целом	**казахи**	**русские**	**другие национальности**
Не владею	0,2	-	7,5	3,0
Понимаю речь, не могу объясняться	22,9	10,6	53,3	50,1
Понимаю, могу объясняться	20,1	20,4	20,3	16,7
Говорю, не владею письменной речью	20,9	23,3	13,2	21,1
Свободно говорю, читаю, готовлю документацию (владею письменной речью)	34,2	45,7	5,7	9,1

Таким образом, население города Астаны, владеющего государственным (если суммировать тех, кто свободно говорит, читает, готовит документацию; говорит, не владеет письменной речью, а также тех, кто понимает и может объясняться) составляет 75,2%.

Доля населения неказахской национальности, владеющего государственным языком (если суммировать тех, кто свободно говорит, читает, готовит документацию; говорит, не владеет письменной речью, а также тех, кто понимает и может объясняться) составляет среди русских – 39,2% и среди других национальностей – 46,9%.

Также, если суммировать тех, кто свободно говорит, читает, готовит документацию, говорит, не владеет письменной речью, а также тех, кто понимает и может объясняться, то доля населения, владеющего русским языком, составляет 85,8% и доля населения, владеющего английским языком – 37% (см. Рисунок 1).

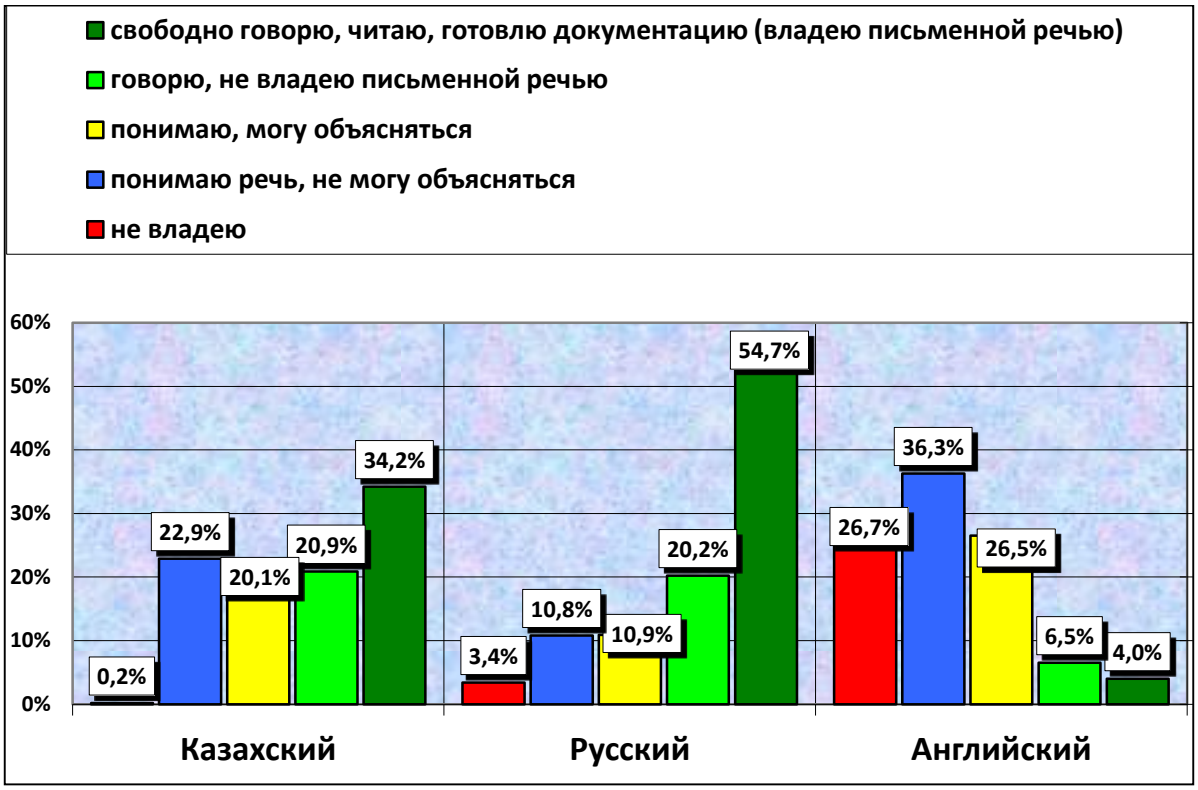

Рисунок 1 – Доля населения города Астаны, владеющего государственным, русским и английским языками *(в % от числа опрошенных)*

2. Место государственного и русского языков в социально-коммуникативной системе города Астаны

Сложившаяся к настоящему времени языковая ситуация свидетельствует в пользу мирного сосуществования государственного и русского языков в социально-коммуникативной системе города Астаны (см. Таблицу 2).

Таблица 2 - Место государственного и русского языков в социально-коммуникативной системе города Астаны *(в % от числа опрошенных)*

	на казах. яз.	на рус. яз.	на двух языках	на англ. яз.	на другом
Дома, в семье	39,8	34,7	24,1	0,4	0,1
Родственниками	42,1	32,1	24,6	0,4	0,1
С друзьями	33,2	45,6	20,0	1,2	-
С соседями	33,8	38,7	27,3	0,1	0,1
С коллегами по работе	40,2	39,3	18,3	1,7	0,5
На учебе	49,7	40,3	7,7	2,3	-
В магазине, на рынке	56,7	25,4	17,2	0,4	0,3
В транспорте	54,5	20,4	24,4	0,4	0,3
На улице	34,7	37,3	27,0	0,4	0,6

Русский язык занимает важное место в качестве разговорного языка в социально-коммуникативной системе города Астаны, несмотря на то, что для большей части (70,7%) горожан родным языком является казахский язык (см. Рисунок 2).

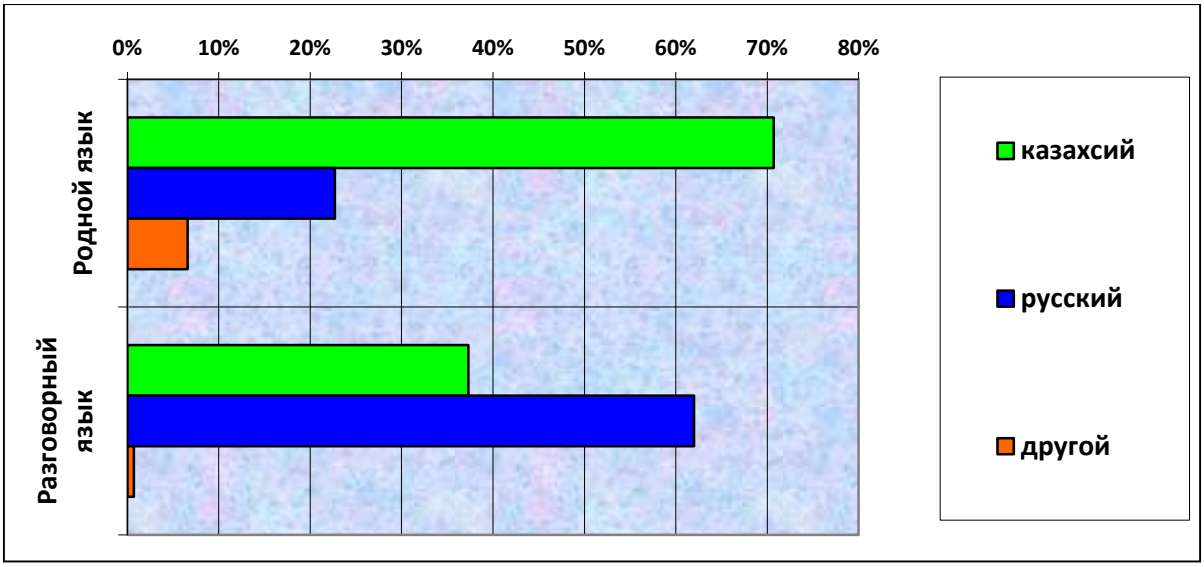

Рисунок 2 – Статус родного и разговорного языков в социально-коммуникативной системе города Астаны *(в % от числа опрошенных)*

Вместе с тем, в делопроизводстве различных учреждений города Астаны, где учатся, работают или обращаются граждане, в настоящее время доминирует казахский язык (см. Рисунок 3).

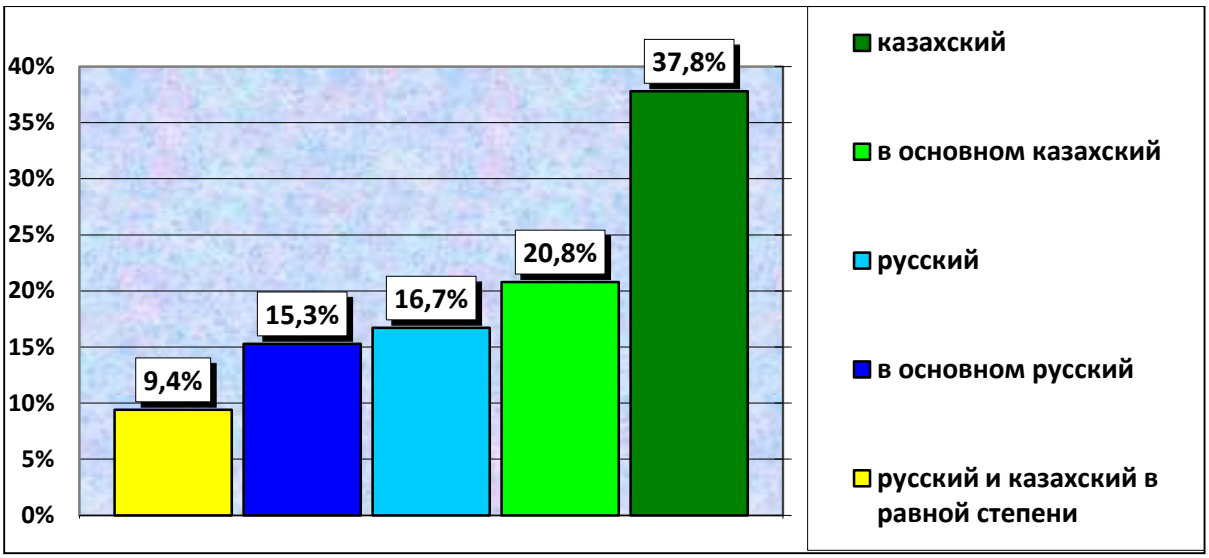

Рисунок 3 – Ответы респондентов на вопрос: «Какие языки используются в делопроизводстве учреждений, где вы учитесь, работаете, обращаетесь?» *(в % от числа опрошенных)*

3. Уровень и характер социальных предпочтений в отношении использования языков в различных сферах жизни общества

По мнению большинства опрошенных, государственный язык востребован основных сферах общественной жизни (см. Рисунок 4), являясь социально более предпочитаемым в различных сферах жизни общества (см. Таблицу 3).

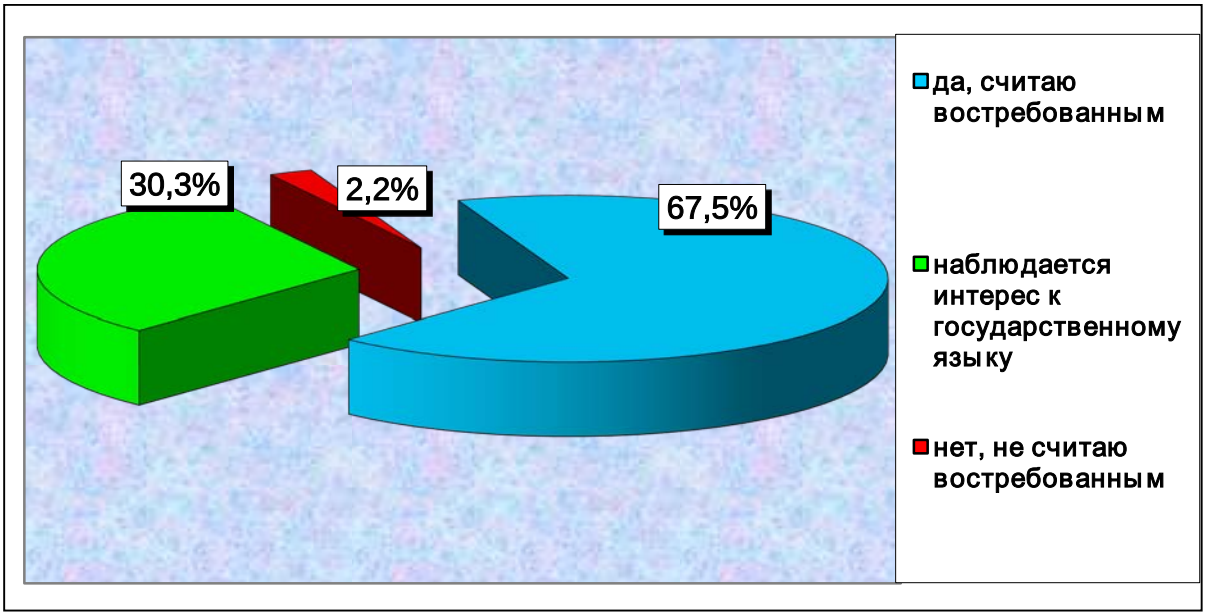

Рисунок 4 – Ответы респондентов на вопрос: «Востребован ли государственный язык в основных сферах общественной жизни?» *(в % от числа опрошенных)*

Таблица 3 - Ответы респондентов на вопрос: «Какой язык используется в основных сферах общественной жизни?» *(в % от числа опрошенных).*

	государственный			русский		
	часто	**иногда**	**никогда**	**часто**	**иногда**	**никогда**
В государственной власти и управлении	72,7	27,3	-	50,6	37,6	11,8
В сфере образования	57,3	42,7	-	54,3	43,7	2,0
В сфере науки	57,2	42,8	-	56,4	42,1	1,5
В сфере здравоохранения	57,0	43,0	-	63,4	34,2	2,4
В сфере культуры	56,3	43,7	-	58,9	41,1	-
В сфере исскусства	56,8	43,2	-	57,7	41,2	1,1
на транспорте	67,6	32,4	-	40,5	59,5	-
В сфере информацион-х технологий	34,4	65,6	-	80,9	19,1	-
В сфере связи	40,8	59,2	-	78,7	21,3	-
В справочно-информационной службе	56,7	43,3	-	59,8	40,2	-
В сфере торговли	70,8	29,2	-	45,7	54,3	-
В сфере обслуживания населения	45,6	54,4	-	58,7	41,3	-
По месту работы (учёбы)	67,7	32,3	-	63,2	36,8	-
На телевидении	38,7	61,3	-	72,3	27,7	-
На радио	36,7	63,3	-	67,3	32,7	-
В газетах	32,9	67,1	-	67,6	32,4	-

4. Характер социально-языковых предпочтений взрослого населения в вопросе предоставления базового среднего или высшего образования детям

В вопросе предоставления базового среднего или высшего образования детям на том или ином языке в социально-языковых предпочтениях взрослого населения города Астаны доминирует казахский язык, хотя русскому и английскому языкам отводится важное место в предоставлении высшего образования (см. Таблицу 4).

Таблица 4 - Ответы респондентов на вопрос: «В школу, колледж, вуз с каким языком обучения Вы предпочли бы отдать Ваших детей?» *(в % от числа опрошенных)*

	с казахским	**с русским**	**с английским**	**с другим**
Школа	82,3	21,7	7,6	1,9
Колледж	81,7	27,1	6,5	1,1
Вуз	75,6	32,3	8,5	1,2

По мнению опрошенных граждан, выбор школы, колледжа, вуза с казахским языком обучения связан в первую очередь со связанностью будущего своих детей с Казахстаном (56,7%), а также с тем, что это оказывает влияние на карьерный рост (36,7%). Менее распространены суждения о том, что образование на казахском языке позволяет научиться подготовке документов (3,2%) и это дает возможность общаться на казахском языке (1,4%).

5. Степень привыкания населением города Астаны и использование в повседневной жизни государственного языка

Две трети жителей (66%) города Астаны уже вполне привыкло к использованию в повседневной жизни казахского языка и пятая часть (19,9%) постепенно к этому привыкает (см. Таблицу 5).

Таблица 5 - Ответы респондентов на вопрос: «Привыкли ли Вы к использованию в повседневной жизни казахского языка?» *(в % от числа опрошенных)*

	все в целом	**казахи**	**русские**	**другие национальности**
Да, вполне привык	66,0	78,2	30,8	56,1
Постепенно привыкаю	19,9	18,4	23,3	24,2
Пока не привык	10,6	3,4	30,4	19,7
Нет, не привык	3,5	-	15,5	-

Вместе с тем большинство опрошенных чувствует себя вполне комфортно, когда государственный язык применяется в разных сферах общественной жизни (см. Таблицу 6).

Таблица 6 - Ответы респондентов на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя комфортно, когда государственный язык применяется в разных сферах общественной жизни?» *(в % от числа опрошенных)*

	все в целом	**казахи**	**русские**	**другие национальности**
Комфортно	35,5	47,7	3,5	15,2
Очень комфортно	46,1	50,8	20,3	84,8
Не комфортно	12,4	1,4	50,2	-
Очень некомфортно	2,8	-	12,3	--
Безразлично	3,2	0,1	13,7	-

Из-за недостаточного знания или незнания языка государства граждане в основном сталкиваются с такими проблемами, как ограничения в продвижении в карьере - 48,2%, трудности при трудоустройстве – 22,2% и трудности в общении – 19,7% (см. Таблицу 7).

Таблица 7 - Ответы респондентов на вопрос: «С какими проблемами сталкивались из-за незнания казахского языка?» *(в % от числа опрошенных)*

	все в целом	**казахи**	**русские**	**другие национальности**
Трудности при трудоустройстве	22,2	18,5	30,4	33,3
Ограничения в продвижении в карьере	48,2	48,7	45,8	51,5
Трудности при получении образования	9,9	9,2	10,6	15,2
Трудности в общении	19,7	23,6	13,2	-

6. Реализация конституционного права каждого жителя города Астаны на пользование родным языком, на осуществление свободного выбора языка общения, обучения и творчества

Как показано в Таблице 8, в городе Астане в целом созданы все условия для реализации конституционного права каждого жителя на пользование родным языком, на осуществление свободного выбора языка общения, обучения и творчества. При этом в настоящее время более полно реализовано конституционное право на осуществление свободного выбора языка обучения, а менее полно - на осуществление свободного выбора языка творчества.

Таблица 8 - Ответы респондентов на вопрос: «В какой степени реализовано конституционное право каждого жителя города Астаны…» *(в % от числа опрошенных)*

	полностью реализовано	**частично реализовано**	**не реализовано**
На использование родного языка	74,0	23,8	2,2
На осуществление свободного выбора языка общения	73,5	24,3	2,2
На осуществление свободного выбора языка обучения	83,3	14,5	2,2
На осуществление свободного выбора языка творчества	67,4	30,4	2,2

7. Лингвистические запросы этнических групп, проживающих в городе Астане

В настоящее время лингвистические запросы этнических групп, проживающих в городе Астане, при всем понимании значимости казахского языка пока в большей степени ориентированы на продукцию средств массовой информации (СМИ) на русском языке (см. Таблицу 9).

Таблица 9 – Уровень спроса на продукцию СМИ на казахском и русском языках в национальном разрезе респондентов *(в % от числа опрошенных)*

	на казахском				**на русском**				**на двух языках**			
	все в целом	**казахи**	**русские**	**другие**	**все в целом**	**казахи**	**русские**	**другие**	**все в целом**	**казахи**	**русские**	**другие**
Книги	32,3	45,2	1,3	-	53,6	36,5	94,7	95,5	14,1	18,3	4,0	4,5
Газеты	32,3	45,2	1,3	-	53,0	35,6	94,7	95,5	14,7	19,1	4,0	4,5
ТВ	24,5	33,4	2,2	7,6	53,2	37,9	95,6	71,2	22,3	28,7	2,6	21,2
Радио	27,3	35,2	6,6	13,6	50,1	37,5	85,0	65,2	22,6	27,3	8,3	21,2

Высокий и устойчивый спрос населения на казахскоязычную продукцию национального медиа-рынка можно объяснить расширением сферы применения государственного языка и овладением им широкими слоями населения, как казахами, так и лицами некоренной национальности.

Наряду с этим, важно также удовлетворить и специфические лингвистические запросы других этнических групп (немцев, татар, украинцев, корейцев, поляков, чеченцев, ингушей, узбеков, уйгуров, евреев и др.). Поскольку среди них подавляющее большинство хотело бы изучать родной язык на курсах по обучению родному языку в воскресных школах (регулярно - 51,5%, не регулярно – 45,5%).

8. Выявление степени личной мотивации жителя города Астаны в изучении государственного языка, проблем, вероятностных путей решения

Овладение государственным языком является не только долгом и обязанностью каждого гражданина Казахстана, но и стимулом, определяющим личную конкурентоспособность и активное участие в общественной жизни. Это ключевой приоритет, главный фактор духовного и национального единства народа Казахстана.

В настоящее время около половины (48,3%) опрошенных граждан владеет государственным языком, другая половина осознает необходимость и перспективность овладения казахским языком для лучшего выполнения профессиональных обязанностей и профессионального роста. Так 17,9% - в настоящее время изучает язык государства и 19,1% - скоро собирается начать его изучения (см. Рисунок 5).

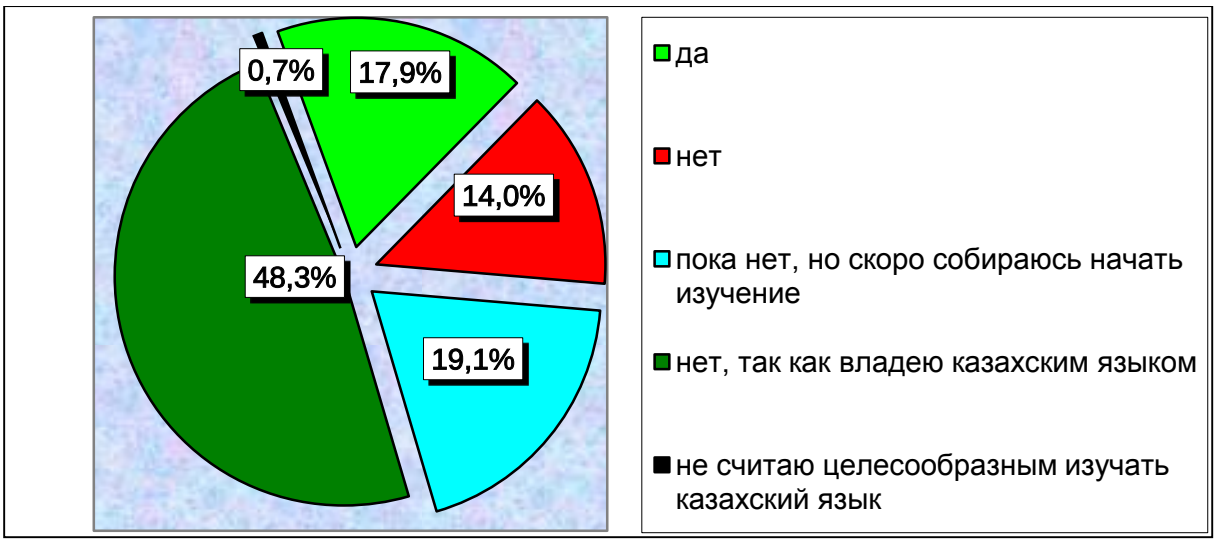

Рисунок 5 - Ответы респондентов на вопрос: «Изучаете ли Вы в настоящее время казахский язык?» *(в % от числа опрошенных)*

Из общего числа опрошенных: посещает курсы казахского языка – 10,2 %; изучают самостоятельно – 8,9% и изучают с репетитором – 3,8%.

Для всех опрошенных жителей города Астаны в изучении государственного языка основными мотивами являются следующие:

- родной язык - 64,5%;
- намерение жить в Казахстане - 17,9%;
- знание языка необходимо для карьеры - 16,5%;
- желание усвоить несколько языков - 8,7%;
- потребность в языковой интеграции - 7,8%;
- гражданский долг - 6,3%;
- принуждают изучать язык - 3,8%.

При изучении казахского языка граждане сталкиваются с такими проблемами, как:

- отсутствие учебных и методических пособий по изучению языка - 23,4%;
- отсутствие квалифицированных преподавателей - 18,8%;
- отсутствие времени -16,6%;
- отсутствие желания и настойчивости - 14,5%;
- отсутствие языковой среды - 6,7%;
- невозможно параллельно с работой (учёбой) заниматься изучением языка - 6,5%;
- отсутствие способностей - 3,3%;
- ограничение по возрасту - 1,2%.

Как видно из Рисунка 6, по мнению жителей города Астаны, наиболее эффективными формами изучения казахского языка являются общение с носителями языка - 45,6% и бесплатные занятия по месту работы (или учебы) – 40,8%.

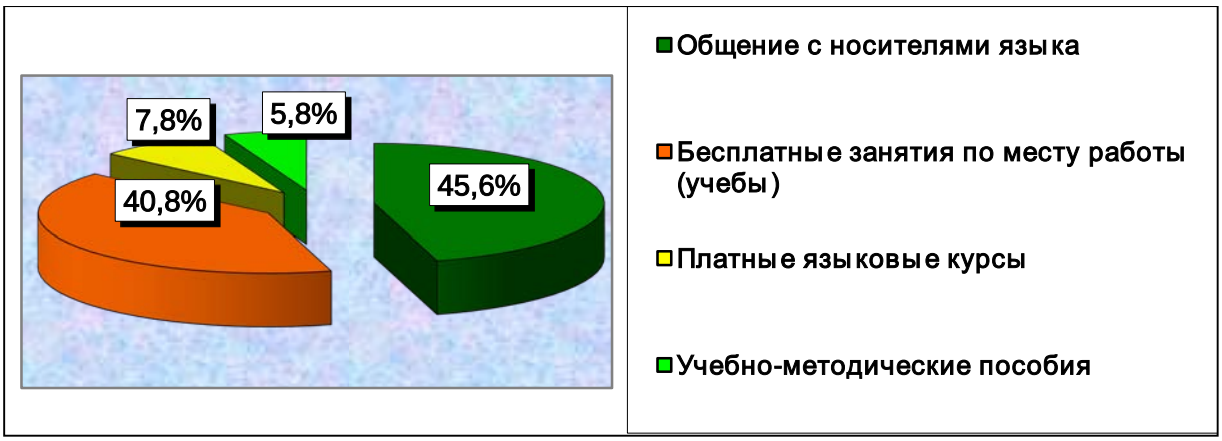

Рисунок 6 – Наиболее эффективные формы изучения казахского я зыка *(в % от числа опрошенных)*

Доля взрослого населения, охваченного курсами по месту работы по обучению государственному языку составляет 37,2% (посещает регулярно – 24,5% и нерегулярно – 13,2%). При этом 30,6% респондентов отмечает отсутствие бесплатных курсов по обучению языку по месту работы (учёбы).

От посещения курсов казахского языка около четверти респондентов (27,8%) отметило, что получили определенные результаты. Также после обучения на языковых курсах: 25,4% - умеют говорить и читать; 25,3% - понимают речь и 16,5% - умеют готовить документы.

В качестве вероятностных путей решения проблем при изучении государственного языка граждане отмечают необходимость иметь учебно-методические пособия. Так, больше половины горожан желает их иметь, в том числе:

− на бумажных и электронных носителях – 40,5%;

− на электронных носителях (компакт-диски с обучающими программами) -18,9%;

− на бумажных носителях (книги, брошюры и т.д.) – 10,7%.

Необходимость выпуска учебно-методических пособий подтверждает тот факт, что на их ненужность указала лишь 29,9% опрошенных (26,7% - по причине свободного владения казахским языком и только 3,2% - поскольку изучать казахский язык не собираются).

9. Перспективы развития языков в городе Астане

Государственная политика в отношении функционирования и развития языков находит одобрение у граждан страны. В отношении перспектив развития языков в городе Астане, подавляющее большинство (81,1%) респондентов отмечает, что казахский язык станет основным языком во всех сферах общественной жизни. По прогнозу 16,7% опрошенных граждан, в ближайшие годы в казахстанском социуме установится такая языковая среда, когда казахский и русский языки уравняются по степени употребле-

ния. Был выявлен и незначительный процент (2,2%) граждан, предполагающих, что в будущем везде будет использоваться русский язык, несмотря на государственный статус казахского языка (см. Рисунок 7).

Рисунок 7 – Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете перспективы развития языков в городе Астане?» *(в % от числа опрошенных)*

По результатам проведенных исследований были разработаны рекомендации, способствующие созданию оптимальных условий для качественного улучшения языковой ситуации в городе Астане, формированию оптимальной языковой среды, совершенствованию механизмов реализации государственной языковой политики, повышению конкурентоспособности казахского языка как государственного языка страны.

Литература

1. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. Москва, Наука, 1976. – 175 с.
2. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. Алматы, 2006. - 415 с.
3. Мечковская Н.Б. Общее язкознание. Структурная и социальная типология языков. Москва, Флинта - Наука, 2001. – 312 с.
4. Исаев М.И. 1979. Языковое строительство в СССР. (Процессы создания письменностей народов СССР), Москва. Наука, pp: 353.
5. Измайлов М.И. 1979. Языковое строительство в СССР. Москва, pp: 236.
6. В.И. Беликов, Л.П. Крысин. 2001. Социолингвистика. Москва, pp: 439.
7. Baldauf R.B., 2005. Language planning and policy research: An overview. In E. Hinkel (Ed.) Handbook of Research in Second Language Teaching. (Ch.52). Mahwah, NJ: Erlbaum.
8. Fishman J.A. 1974. Language planning and language planning research: the state of art. In J.A. Fishman (ed.) Advances in language planning. The Hague. Mouton.

9. Ferguson C.A. 1968. Language development. In J.A. Fishman, C.A. Ferguson and J. Das Gupta (Eds.). Problems of Developing Nations. New York, Wiley, pp: 27-36.
10. May S. 2005. Language policy and minority language rights. In E. Hinkel (Ed.) Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning. (Ch.52). Mahwah, NJ: Erlbaum.
11. Saurbayev R.Zh. 2013. On the Ethno-Political, Social-Demographic and Language Situation of the Tyumen Region (Russian Federation) and Pavlodar Region of Kazakhstan: State of the Problem and its Solution. Life Science. 10 (10s). pp: 41-51.

ПРОБЛЕМЫ МНОГОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ЯЗЫКИ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

И.А. Тимофеева, Н.А. Яковлева
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

«Нет, кажется, ничего,
к чему бы природа толкала нас более,
чем к дружескому общению».
Мишель де Монтень

Одной из самых значимых задач современности является общение между людьми в многонациональных странах. В нашем мире, на данный момент, существует ряд государств, в которых принято изучение единого языка. Но так ли это необходимо? Обратимся к древним истокам.

О происхождении языка нельзя говорить однозначно, однако многие ученые считают, что первые языки начали формироваться еще во времена первобытных людей. Они использовали язык жестов и восклицаний, но существуют и иные версии. Например, по мнению ученого Эдгара Г. Стёртеванта, все действительные эмоции и побуждения выражаются непроизвольно с помощью звуков и движений. Он предположил, что речь могла возникнуть в результате необходимости интерпретировать события (лгать). Это было обусловлено социальной ситуацией, которая и способствовала возникновению языка [1].

Ученые, исследовавшие условия формирования языков, утверждают, что существует несколько основных концепций:

1. Существование единого *праязыка*. Представление о существовании оного известно сегодня как моногенез. Существует множество легенд, которые объясняют, почему же эта нить, соединяющая столько народов распалась. По одной из версий дробление произошло из-за вмешатель-

ства всевышнего. Более подробно эта легенда описана в истории о Вавилонской башне в Книге Бытия

2. Теория параллельной эволюции. Теория гласит, что люди появились сразу в нескольких местах, собственно, поэтому у каждой группы людей был свой независимый язык. Такой вариант происхождения людей называется теорией Канделябра. Теория множественного происхождения языков известна также под названием полигенеза [2].

Независимо от того, как появилась речь, на сегодняшний день в мире насчитывается около 6000 различных диалектов и языков. Многие из них складывались веками, путем заимствования слов или фраз, а также под воздействием насильственного подчинения (войны, указы, нормы). Размышляя на эту тему, я попыталась выделить наиболее важные аспекты и провести параллель, на примере Древней Руси, между захваченными территориями и включениями неологизмов в те далекие времена.

Наша страна формировалась как многонациональное государство. Первые завоевания датированы 10 веком нашей эры. Древняя Русь не только присваивала близлежащие государства, но и предлагала объединение земель путем заключения мирных договоров. В середине 16 века русское государство добровольно приняло народы Поволжья - чуваши, марийцы, мордва. В это же время происходили завоевания Казанского и Астраханского ханства. В состав Древней Руси вошла Башкирия. Путем присоединения различных государств и округов образовалась единая, многоязычная страна.

Историки выделяют несколько периодов преимущественного заимствования:

- Из латыни (праславянский период). Подавляющее большинство слов стало проникать в древнерусский, а затем в русский язык, когда латынь была уже мертвым языком. С VI век до н.э. по V век н.э. в наш язык стали проникать латинизмы. К примеру, рай, хата, документ, доцент, инцидент, монумент.
- из греческого, а затем и старо-/церковно- славянского языка.

В 988 году произошло принятие христианства на Руси. Князь Владимир Святославович принял это решение, дабы упразднить разрозненность и укрепить отношения между народами. Новые слова в древнерусском лексиконе появлялись именно из-за внедрения новой веры. Многие из них потеряли первоначальное значение. Сегодня мало кто знает, что ангел («вестник»), апостол («посланник») или клир («жребий») произошли от греческого языка. Иногда словообразование было вызвано смешением 2 языков. Слово абракадабра было сформировано путем сложения греческого корня со значением «божество» и древнееврейского «слово». То есть «слово бога» - фраза, кажущаяся бессмысленной непосвященным [3].

- из тюркских языков (на протяжении всей истории).

Согласно историческим данным многие браки в те времена заключались между людьми разных национальностей, собственно, поэтому нередко и происходило смешение языков. К примеру, слова каракули, что значит («черная рука») и карапуз («как арбуз») стали неотъемлемой частью нашей повседневной речи, хотя и были заимствованы с тюркского языка.

- из польского языка (XVI—XVIII века). В русский язык полонизмы начинают проникать в больших количествах с XVI—XVII вв., в том числе, через посредство западнорусского письменного языка и живых украинских и белорусских говоров. Примеры лексических полонизмов: дозволить, забияка, отчизна, повидло.

Переходя к истории современной России, стоит отметить, что наше государство не только продолжает сотрудничать с другими странами, но и приумножает число иностранных гостей.

Великое разнообразие национальностей в мире заставляет задуматься о необходимости использования мировых языков. Использование таковых было принято еще в Античности. В те времена международным был древнегреческий язык. Затем более тысячелетия в общении между государствами использовали латинский. В мусульманском мире аналогичную роль играл арабский язык. Однако в центральной и западной Азии он был потеснен Тюркским.

В 16-17 веках международным стал испанский язык, но в начале 18 его сменил французский. В 19 веке, благодаря научным достижениям немецких ученых, их язык приобрел статус международный. Параллельно шло развитие английского и испанского как международных языков, благодаря колониям этих стран, разбросанным по всему миру. Несмотря на противоречия, в конце 20 века английский язык утвердился как важнейший международный язык.

С наступившей эрой научного и технического прогресса в наш мир пришли проблемы коммуникации между людьми разных наций. Сейчас, когда смешение народов, взаимопроникновение языков и культур достигло апогея, особенно остро встала проблема сосуществования в поликультурном пространстве [4].

На сегодняшний день выделяют несколько проблем, ниже представлены некоторые из них:

1. Изучение языков.

Несмотря на то, что в наше столетие используют международные языки, изучение таковых не всегда приводит к желаемым результатам. Порой из-за некачественного обучения иностранным языкам, между сотрудниками возникает недопонимание. Изучив характер затруднений, с которыми люди сталкиваются, изучая языки, я составила диаграмму, из которой следует, что большинству из них дается нелегко изучение профессионализмов.

Филологи утверждают, что за последнее время люди научились воспринимать изучение языков не только как необходимость, но и как способ развить свою личность [5].

Их познание дает нам возможность познакомиться с историей, литературой, культурой и ценностями разных народов. Эти необходимые многим людям сведения служат причиной, ради которой стоит побороть все трудности изучения.

2. Терпимость к чужим культурам.

В нашей жизни порой много несправедливости и зла. Это относится не только к повседневным поступкам, но и к отношениям между культурами разных стран. В истории было несколько случаев, когда страны решали изолировать свою культуру от внешних посягательств. Однако стоит отметить, что однозначно отрешенных культур не было. Во многих государствах продолжались заимствования.

Изоляция культуры - это один из вариантов противостояния национальной культуры давлению других культур и интернациональной культуры. Изоляция культуры сводится к запрету любых изменений в ней, насильственному пресечению всех чуждых влияний. Такая культура консервируется, перестает развиваться и в итоге умирает.

Чтобы этого не происходило, людям необходимо давать возможность своей культуре развиваться. Ведь общение между нациями и взаимодействие между государствами обеспечивает успешное эволюционирование.

3. Преодоление расизма, шовинизма и национализма.

В странах, где большое значение уделяют этнической принадлежности, развиты проблемы, связанные с взаимопониманием и уважением между людьми. Такие разделения на слои были вызваны исторически сложившимся

дроблением на колонии. Однако в наш век понятие расизма теряет свое значение, так как многие из нас прекрасно понимают, что все люди схожи и различия между внешностью обусловлены лишь географической принадлежностью человека. Подводя итоги, необходимо отметить, что изучение мировых языков в наше время необходимо. Знание таковых облегчает не только сотрудничество между странами и континентами, но и помогает в общении с приезжими гостями. Проблемы коммуникации в современном меняющемся мире постепенно разрешаются. Люди начинают воспринимать иностранцев как равных себе. Между людьми исчезает та невидимая граница, которая препятствует искреннему общению. И я надеюсь, что это только к лучшему.

Литература

1. http://langopedia.ru
2. http://www.perunica.ru
3. http://www.pglu.ru
4. http://www.grandars.ru
5. Формирование языковой компетентности в сфере бытового и профессионального общения у студентов вузов / Шагбанова Х.С. Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 3 (30). С.316-320.

ГЕРМЕНЕВТИКА ЖАНРА СТИХОТВОРЕНИЯ В. МАЯКОВСКОГО «БРАТЬЯ ПИСАТЕЛИ»

С.А. Ткач
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

В статье прослежена функциональная нагрузка «носителей жанра» в авторской жанровой модели послания В. Маяковского.

Проблема бытования жанра в литературе XX века весьма неоднозначно отражается в исследованиях литературоведов. Мнения ученых разделяются, представляя концепции от исчезновения жанров в традиционном смысле слова (Г. Гачев, В. Кожинов) до их эволюции и дальнейшего функционирования (М. Поляков, С. Бройтман).

Мы придерживаемся последней точки зрения. В этой связи актуальной является аргументация Н. В. Сподарец, которая констатирует: «... сознание писателя способно оживить «память жанра», т. е. актуализировать ту или иную жанровую традицию. В категориях поэтики это значит актуализировать жанровый код, который в режиме диалогических отношений с предшествующей традицией творчески реконструируется в тексте произведения, запуская механизм трансформации канонической жанровой модели в индивидуально-авторскую» [5, с. 96].

В нашей статье сосредоточено внимание на жанре послания В. В. Маяковского «Братья писатели». Его литературоведческая герменевтика разворачивается с учетом жанрообусловливающих, жанроформирующиех и жанрообразующиех факторов Как отмечает В.М. Головко, «жанрообусловливающие факторы служат причиной появления жанра, вызывают его к жизни, объясняют и раскрывают его необходимость, вытекающую из внутренней закономерности условий, создающихся родовыми задачами, предметом и целью художественного познания» [2, с. 34]. Что касается, жанроформирующих факторов, по мнению исследователя, они «придают произведению определенную форму, вид, т.е. обеспечивают самодостаточность, завершенность жанровой структуры, «вырабатывают жанр», воплощают его «сущность», «идею» [2, с. 35]. Именно на уровне жанроформирующих факторов «реализуются законы художественно-завершающего оформления действительности в том или ином жанре. Ими создается конститутивный тип эстетического целого» [2, с. 35].

Рассматривая произведение какого-либо жанра, мы сталкиваемся, прежде всего, с той или иной закодированной в жанровой структуре «моделью мира», ведь, как отмечает Н. Лейдерман, «смысл жанровой структуры в целом <…> состоит в создании некоей образной «модели» мира, в которой все сущее обретало бы свою цель и свой порядок, сливалось бы в завершенную картину бытия, свершающегося в соответствии с неким общим законом жизни» [3, с. 18].

Обращаясь к жанру как к миросозидательной модели, необходимо исследовать те элементы, которые выполняют в ней собственно «миросозидательную» роль. По мнению Н. Лейдермана, это так называемые «носители жанра» [3, с. 24]. К ним относятся субъектная организация, пространственно-временная организация, ассоциативный фон произведения и интонационно-речевая организация. И хотя обозначенные Н. Лейдерманом носители выделяются им в эпических произведениях в первую очередь, нам они представляются универсальными, и их можно найти и в лирике. Оперируя этими категориями, мы ставим перед собой задачу выявить специфику авторской жанровой модели послания В.В. Маяковского на примере стихотворения «Братья писатели».

Перечисленные «носители жанра» играют жанрообразующую роль, ведь относятся к тем средствам, которые, по мнению М. Головко, создают «ткань» произведения». Среди них: «компоновка художественного материала, своеобразие время-пространственных отношений, субъектная организация» [2, с. 39] и др.

Аналитика данного произведения в аспекте характеристик носителей жанра позволит подтвердить обозначенную нами жанровую принадлежность этого стихотворения и выявить особенности жанрообразующих средств авторской модели послания.

С.Ю. Артемова констатировала, что «при всем многообразии вариаций, в лирике XX века отчетливо прослеживаются основные направления трансформации жанра послания. Это позволяет утверждать, что, вопреки тезису Гаспарова о «растворении», жанр лирического послания в литературе XX века сохраняется, но его модель подвергается трансформации... жанровая же доминанта продолжает оставаться неизменной» [1, с. 111].

В основе лирического сюжета стихотворения «Братья писатели» – коммуникативная ситуация, что соответствует структурной доминанте жанра послания.

Субъектную организацию произведения представляют отношения адресанта и адресата. Это типичная градация лирических субъектов для жанра послания.

Адресант – лирический герой. Его образ – поэт, стремящийся творить новое искусство, писать о настоящей жизни и противопоставляющий себя братьям по перу. Он является активным участником моделируемой в произведении ситуации, которая лежит в основе лирического сюжета. Лирический герой не только выражает свои чувства и убеждения вербально, но и подкрепляет их действиями: *опрокину стаканы,/ взлезу на столик* [4, с. 50]. Своим эпатажным поведением герой-поэт пытается выделиться из массы «прилипших к обоям» писателей и возвыситься над ними. Столик, на который он влезает, становится одновременно и трибуной, и пьедесталом. Лирическому герою невыносимо думать, что он может быть таким же, как все, «*сидеть в «Бристоле», пить чай,/ построчно врать».* Хотя фраза «очевидно, не привыкну» сообщает, что герой уже какое-то время делал то, что ему претит. Именно поэтому для него так важно вырваться из застывшего, сонного мира «Бристоля», представляющего хронотоп произведения.

Адресаты послания на эксплицитном уровне - поэты, замершие на фоне «Бристоля». Они сидят молча и тихо, «прилипшие к обоям», пока лирический герой произносит свою громогласную речь. Этот образ «братии» отображает как персонажей моделируемого мира, напрямую передавая их пассивность, канувшие «глазенки в чаишко», так и установку имплицитных поэтов, адресатов вне самого текста, занимающих пассивную творческую и гражданскую позицию, отображенную в строчках:

...Из чего писать вам?
Сегодня
жизнь
в сто крат интересней
у любого помощника присяжного поверенного.
Господа поэты,
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,

любовь,
сирени куст вам?
Если
такие, как вы,
творцы -
мне наплевать на всякое искусство [4, с. 50].

Лирический герой противопоставляет салонных, скучных и бездейственных поэтов Франсуа Виллону, который был не только поэтом, но и преступником. Эта антитеза способствует уничижению адресатов и одновременно раскрывает авторский концепт творца, который должен совмещать в себе талант, авантюризм, смелость и активность. Лирический герой выражает отвращение к искусству, лишенному духа времени и поэтому не передающему красоту и силу «великого века». Герою-поэту представляется лучшим вариантом открыть лавочку и пойти на биржу. Такая перспектива изображается с сарказмом, обличающим не менее сильное отвращение, на что указывают фразы типа «Пьяной песней/ душу выржу». Но, по мнению лирического героя, эта участь лучше, чем быть частью неживого, гнилого искусства.

Стихотворение завершается перифразом стихов Лермонтова.

Под копны волос проникнет ли удар?
Мысль
одна под волосища вложена:
"Причесываться? Зачем же?!
На время не стоит труда,
а вечно
причесанным быть
невозможно" [4, с. 53].

Здесь происходит смена точки зрения. Адресант становится на место адресата и как бы проникает в мысли поэтов. Эти слова выражают иронию со стороны адресанта и завершают образ погрязших в духовной и творческой лени литераторов. Отсылка к стихотворению М. Лермонтава, выражающего тоску и обреченность, не только усиливает сатирический план изображения образа поэтов, но и передает экзистенциальную безысходность их жизней и творчества, чему противопоставляется система ценностей лирического героя.

В стихотворении представлены оппозиции поэт – поэты, личность – толпа, искусство – лжеискусство, действие – бездействие. Реализация автором этих оппозиций позволяет раскрыть концепты «писатель», «творчество» и «искусство».

Основное формальное средство выражения лирического героя – местоимение 1-го лица множественного числа «я». Адресат маркируется лексемами «вы», «господа поэты» и «литературная братия». Образ адресатов

формируется с помощью ярких эпитетов и слов с экспрессивным, уничижительным оттенком: плюшевый, прилипшие, милые, глазёнки, космы, волосища и др.

Большую роль играет формальная организация произведения. Части стихотворения, содержащие описание образа адресата, начинаются с лексем, обозначающих его: «вас», «вам», «господа поэты». Такое расположение слов в тексте обуславливается коммуникативной стратегией автора и задействует эти слова в качестве обращений. В этих же строфах меняется ритм, как будто адресант не просто произносит слова, а вколачивает их в адресата. Перелом в сознании и поведении лирического героя формально выражен тире, которое, указывая на следствие, отделяет поэта пассивного от поэта деятельного и передает его трансформации из одного состояния в другое:

Очевидно, не привыкну
сидеть в «Бристоле», пить чай,
построчно врать я, - опрокину стаканы,
взлезу на столик [4, с. 50].

В произведении активно используются приемы иронии и сатиры, что свидетельствует о трансформации жанрового канона послания: из ситуации идеального общения в ситуацию «затрудненности общения» (С. Артемова). Конкретная жанровая модель приобретает свойства эпиграммы.

Обозначим функциональную характеристику носителей жанра для данного произведения в таблице.

Субъектная организация	**Пространственно-временная организация**	**Ассоциативный фон**	**Интонационно-речевая организация**
Автор – адресаты (поэт, отказывающийся быть поэтом среди подавляющей массы «плюшевых» и косматых своих «братьев»)	Кафе «Бристоль», Противопоставленные мир автора (динамичный, агрессивный, деятельный) и мир адресатов (пассивный, «прилипший к обоям»); время в повествовании замирает, когда на «сцену» выходит автор, но в то же время оно движется согласно развитию действия	Представляет собой широкую сеть, охватывающую искусство и место творческой личности в нем, личность в целом и ее деятельное начало, позиции гражданина своего века и ответственность за его судьбу	Ритмика текста меняется в зависимости от направленности внутритекстовой коммуникации; стиль изложения сатирический

Исходя из сделанных наблюдений, можно заключить, что в произведении «Братья писатели» воплощается авторская модель послания. Обращение «братья» в заглавии отсылает к дружескому посланию, которое у В. Маяковского трансформируется в послание-эпиграмму. Вместо традиционного обмена мыслями и взглядами поэт разворачивает поле битвы

между адресантом и адресатом. Субъектная организация послания представляет собой структуру, координирующую всю систему носителей жанра. Отношения субъектов выстраиваются по коммуникативной модели «я – вы». В послании В. Маяковского адресант – лирический герой - динамичный, «агрессивный», а адресат поддающийся влиянию динамики адресанта и в свою очередь становящийся действующим лицом. Субъектная структура произведения выполняет жанрообразующую функцию. Она составляет некий «скелет» послания. И подобно тому, как к скелету прикреплены ткани и сухожилия, субъектная структура обрастает характерным именно для нее пространством и временем. В зависимости от субъектов избираются речевые средства, а ритмика подстраивается под динамику коммуникации между субъектами внутри текста. И, наконец, ассоциативный фон произведения выводит его восприятие на новый уровень, распространяясь не только на представленных в тексте адресатов, но и делая каждого, читающего послание, его адресатом.

Литература

1. Артёмова С.Ю. Судьба жанра послания в лирике XX века // Жанрологический сборник. – Вып. 1. – Елец : ЕГУ имени И.А. Бунина, 2004. – С.107–112.
2. Головко В. М. Герменевтика литературного жанра: [учеб. пособие] / В. М. Головко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 184 с.
3. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра / Н. Л. Лейдерман. – Свердловск, 1982. – 256 с.
4. Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы / В. В. Маяковский. – М. : Худ. лит, 1987. – 495 с.
5. Сподарец Н. В. К вопросу теоретико-методологических обоснований жанровой идентификации поэтических текстов Серебряного века / Надежда Сподарец. // Література в контексті культури: [зб. наук. праць]. – Вип. 23 / [ред. кол: В. А. Гусєв (від. ред.) та ін.]. – Дніпропетровськ : Вид-во ДНУ, 2013. – С. 94–102.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА ПАВЛОДАРА

С.С. Ткачук, Г.С. Суюнова
Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан

В последние десятилетия 20 века языковой облик современного города привлекает внимание многих языковедов. Изучение языка города важно во многих отношениях. Этот язык является престижной основой литературного языка как высшей формы национального языка на каждом

этапе его развития. Не зная «языкового быта города», трудно понять возникновение и стилистическое распределение тех или иных особенностей литературного языка. Не зная речи города, трудно оценить конкретный вклад каждой социальной группы в развитие современного языка, современной культуры и через них — всей совокупности социальных установлений вообще [1: 4].

В русском языкознании выделяют два направления изучения языка города: *социологическое* и *лингвогеографическое*. Социологическое направление в языкознании подразумевает совокупность течений и школ, которые трактуют язык прежде всего как социальное явление или как средство общения людей, связанное с их общественным положением и различными сферами деятельности. При изучении формирования языкового пространства города Павлодара важное место занимает изучение *территориальных и социальных* диалектов.

Под территориальными диалектами мы рассматриваем те разновидности языка, которые используются в городе Павлодаре в качестве средства общения местного населения, и социальные диалекты, которые подразумевают ту разновидность языка, на котором говорят определенные социальные группы нашего города. В свою очередь, лингвогеографическое направление помогает нам изучить вопрос о языковом ландшафте города Павлодара.

Вполне закономерно в этом плане и появление ***урбанологии*** (*от лат. urbs и logos _наука о городе‘*) − базовой дисциплины, изучающей город от его зарождения и процесса функционирования до рассмотрения отдельных сторон городского организма в его взаимосвязи с экономическими, политическими и социокультурными процессами [8: 3].

Современные ученые-лингвисты выделяют различные виды пространств: М.А. Бородина описывает лингвистическое пространство, Б.М. Гаспаров говорит о коммуникативном пространстве, а Е.С. Яковлева анализирует языковые модели пространства и времени. Языковое пространство - это объединяющее понятие, которое содержит в себе потенции реализации всех остальных видов пространств. Основными свойствами, присущими языковому пространству, являются коммуникативность и антропоцентричность. Следовательно, в данной работе мы разграничим языковое пространство от номинативного и коммуникативного пространств. Языковое пространство города Павлодара отражает реальное городское пространство и представляет собой форму существования языковой системы в целом, объединяющей единую языковую картину мира, которая складывается из совокупности речевых произведений (текстов) различных языковых личностей в границах территории города Павлодара. Таким образом, языковое пространство отличается от коммуникативного единством языковой картины мира и разнообразием форм реализации языка, существующих как в устных, так и в письменных источниках.

Компонентами языкового пространства города являются устные и письменные формы речи граждан. Так, в своей статье «Лингвистическое градоведение» Л.З. Подберезкина говорит о двух аспектах изучения языкового облика современного города: 1) устная городская речь, в том числе городское просторечие, молодежный жаргон, корпоративные языки; 2) лингвистическое градоведение, связанное с изучением текстов городской среды (номинаций городских объектов, торговых вывесок, афиш, рекламных текстов, граффити) [3:3].

Языковое пространство города неоднородно. Оно включает в себя и литературную разговорную речь как вариант кодифицированного литературного языка, и городское просторечие, и следы территориальных диалектов [5:10].

Таким образом, можно говорить о том, что номинативное пространство охватывает обширный пласт наименований, как первообразных, так и вторичных, и объединяет официальные и неофициальные наименования городских объектов, включая в себя урбонимы и эргоурбонимы.

Главнейшим вопросом исследования языкового пространства как такового является вопрос о его компонентах и принципах их классификации. В рамках нашего доклада мы рассмотрим отдельные положения этого вопроса, в частности, о классификации городских номинаций в зависимости от объекта номинирования.

С этой точки зрения языковое пространство города может быть представлено: ***эргонимами.*** Данный термин был закреплен Н.В. Подольской для обозначения наименования делового объединения людей, а под ***эргонимией*** понимается вся совокупность названий деловых объединений людей. Под *«деловым объединением людей»* исследователь подразумевает любые союзы, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружки [2: 1].

В настоящее время в области концепта *«эргоним»* можно выделить следующие понятия:

ойкодомонимы - наименования, закрепленные за определенными зданиями, при обязательном наличии вывески;

НКП - «название коммерческого предприятия; наименования деловых объектов;

эмпоронимы - исключительно торговые предприятия.

Весьма важное значение имеет вопрос о функциях номинаций городских объектов. В урбанистике принято выделять 3 группы функций эргонимов: номинативная функция, информирующая функция и рекламная функция. С этой точки зрения все эргонимы без исключения выполняют номинативную функцию. Помимо этого эргонимы могут сочетать данную обязательную функцию с функциями информирующей и рекламной. Наличие последней очень важно для успешного номинирования объектов. Скажем, исследователь Ларина Т.В. вслед за Р.И. Козловым использует

для обозначения городских наименований термин ***эргоурбоним*** (*от греч. дело + город + имя*), подчеркивая, что ведущая функция этих номинаций, функционирующих на городских вывесках и баннерах, - рекламная. Приоритет данной функции состоит в том, что реальное имя гарантирует высокое качество оказываемых услуг и делает коммерчески привлекательным то или иное торговое учреждение.

В свете вышесказанного становится логичным выделение в ономастике как таковой и урбанистике, в частности, нового направления - объединение в научных исследованиях эргонимов с онимами, расположенными с ними рядом в ономастическом пространстве, в первую очередь по выполняемым функциям. И.В. Крюкова предлагает общий термин «рекламное имя», к которому относит «не только словесные товарные знаки (***прагматонимы***), но и названия предприятий (***эргонимы***), средств массовой информации (***гемеронимы***), фестивалей, конкурсов, концертов (***геортонимы***),транспортных средств (***порейонимы***)» [2:2].

В свою очередь Ларина Т.В. предлагает использовать для обозначения фирменного наименования термин ***эрготемоним*** (*от греч. дело+закон+имя*). ***Эрготемоним*** – это официальное наименование, под которым предприятие осуществляет свою коммерческую деятельность, совершает кредитно-финансовые операции, осуществляет права и обязанности, выступает в суде. Ведущая функция эрготемонимов – юридическая, функция охраны права на фирму.

В языковом пространстве Павлодара все вышеназванные виды онимов представлены, их изучение даст нам знание об ономастическом пространстве нашего города.

Изучение эргонимии с точки зрения ее включенности в общие тенденции развития русского языка и общества, обращение к глубинным механизмам коммерческой номинации, позволяющим исследовать эргонимы в соотношении с ядерными разрядами имен собственных, делает возможным анализ искусственной номинации как культурно значимого компонента ономастикона, в котором в полной мере проявляются активные процессы, происходящие в языковом сознании современного горожанина [6: 2].

Языковое пространство Павлодара помимо вышеназванных онимов, включает в себя обязательный структурный элемент – годонимы. ***Годоним*** *(греч. 'путь, дорога, улица, русло' + оним)* - вид урбанонима, представляющий собой название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной [4: 4]. Совокупность годонимов формирует ***годонимию,*** которая выступает как важный факт языковой жизни современного города и представляет постоянно меняющееся явление, как и все урбанонимы.

Типология годонимов представлена в работе Т.В. Шмелевой, которая противопоставляет два типа годонимов: ориентирующие и характеризующие [7: 16].

Ориентирующие в свою очередь подразделяются на внутренние и внешние. К внутренне – ориентирующим годонимам относятся те, которые выбирают в качестве объекта ориентации здание или сооружение, являющееся объектом человеческого труда и те, которые ориентируются на какой-либо природный объект. А внешне – ориентирующие годонимы подразумевают то, что объектом ориентации моет служить что-либо, не принадлежащее городу, чаще всего это может быть какой-либо другой город.

Ориентирующим названиям противопоставлены характеризующие. К характеризующим годонимам мы отнесем те названия улиц, в семантике которых присутствует элемент, описывающий внешний облик улицы. К этому же типу, мы можем отнести и ряд годонимов с модальностью желательности, так называемые «позитивы». Здесь оним несет информацию о «лице» улицы, но не соответствует ее фактическому облику.

Итак, мы вкратце рассмотрели некоторые структурные элементы языкового пространства Павлодара, особо подчеркивая, что их научное изучение позволит нам получить более широкое и глубокое представление о его ономастическом пространстве, которое, в свою очередь, является частью общекультурного ландшафта города.

Что же дает нам изучение языкового пространства Павлодара? Ответ на этот вопрос позволяет увидеть научную и прикладную значимость подобного исследования.

Научная и практическая значимость нашего исследования состоит в том, что изучение языкового пространства Павлодара может стать частью исследований его общекультурного ландшафта Павлодара. Подобные исследования проводятся на кафедре русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института в рамках научного проекта, финансируемого Министерством образования и науки Республики Казахстан.

Научная значимость проекта заключается в применении базовых теоретических положений ономастики, лингвокультурологии, энциклопедии к региональному фактическому материалу с последующим созданием научного продукта. Научная значимость заключается также в применении к материалу исследования нового научного подхода, представляющего собой сочетание лингвокультурного и энциклопедического принципов.

Прикладное значение исследования связано с использованием его результатов в широкой научной сфере, учебной и воспитательной работе педагогов и учащихся организаций образования региона.

Помимо этого исследование языкового пространства нашего города, равно как и его общекультурного ландшафта, имеет большое социальное значение, заключающееся в формировании казахстанского патриотизма через обращение в ходе реализации Проекта к истории и культуре своего региона. Это особенно важно для будущей социальной и профессиональной деятельности студента педагогического вуза.

Итак, мы обратились к некоторым теоретическим положениям лингвистической урбанистики, важным для понимания сути исследований языкового пространства города. Конечно же, рассмотренные в работе понятия не представляют собой исчерпывающего списка. Этот список может быть дополнен в ходе дальнейшего изучения языкового ландшафта города Павлодара.

Данная работа подчеркивает перспективность дальнейшего изучения лингвистического пространства города, определяет специфику языка города и языковой картины мира горожан, что позволит нам сделать глобальные выводы о формировании языкового пространства города Павлодара.

Литература

1. Колесов В.В. «Язык города» // Изд.2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005 г.
2. Ларина Т.В. «О концептуализации в области эгонимии». Сургутский государственный педагогический институт// статья
3. Подберезкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языково- го облика Красноярска) / Л.З. Подберезкина // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск; Ачинск, 1998. – Вып. 6.
4. Подольская Н.В. Словарь ономастической терминологии. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Наука, 1988.
5. Позднякова Е.Ю. Языковое пространство города Барнаула – М., 2004
6. Трапезникова А.А. Антропоцентризм в коммерческой номинации (на материале Красноярска) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement (2009 2) 108-112.
7. Шмелева Т.В. Язык города. Наименования магазинов: метод. разработка к практике для студентов филол. фак. / Т.В. Шмелева. – Красноярск, 1989.
8. Яковлева Е.А. Филологическая урбанология новые аспекты изучения города. – Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011, № 6 (2), с.771-774.

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ЧУВАШСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

О.П. Трофимова, Н.С. Карпова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

В лингвокультурологии большое внимание уделяется изучению концептов. В своей работе мы опираемся на определение концепта, данное Ю.С. Степановым: «Концепт – как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с дру-

гой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее».

Цель нашей работы – проанализировать концепт «счастье» на примере русских и чувашских пословиц.

Концепт «счастье» занимает важное место в жизни русского и чувашского народов. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слову «счастье» даны следующие определения: *Счастье* – 1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. 2. Успех, удача.

В результате проведенного анализа чувашских и русских пословиц мы выявили следующие признаки концепта «счастье»:

1. В обиходном сознании укоренены воззрения на «счастье» как на условие (или синоним) богатства – русские: *Где нет доли, тут и счастье невелико; Кто запаслив, тот и счастлив; Тот счастлив, у кого есть хлеба с душу, платье с тушу, денег с нужу*; чувашские: *Телей шăл çĕмĕрсе кĕрет – Счастье зубы дробит, да само в рот лезет.*

2. В то же время зафиксирована точка зрения, согласно которой деньги не являются необходимым атрибутом «счастья» – русские: *Не в деньгах счастье; Счастье не в кошельке; Счастье в руках; Счастье за деньги не купишь;* чувашские: *Телее укçалла илеймĕн – Счастье за деньги не купишь; Телей укçаран хаклăрах – Счастье дороже денег.*

3. Часто «счастье» отождествляется с удачей – русские: *Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь; Счастливый на коне, бессчастный пеш; Не родись красивый, а родись счастливый; Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив;* чувашские: *Ăнăçу пулсан, телей пулать – Если есть удача, счастье будет.*

4. Была выделена группа пословиц, в которых отражена точка зрения, что «счастье» является результатом труда, личных заслуг человека – русские*: Счастье у каждого под мозолями лежит; Там счастье не диво, где трудятся нелениво; Счастье не в кошельке, счастье в руках*; чувашские: *Телее шан, ĕçлеме ан ман – В счастье верь, да про труд не забывай; Телее ĕçре шыра – Счастья в труде ищи.*

5. В то же время для обыденного самосознания характерно восприятие «счастья» как некой непредсказуемой стихии, и, как следствие, – стихии ненадежной, о чем свидетельствуют следующие пословицы и поговорки – русские: *Счастье не лошадь, не везет по прямой дорожке; Счастье вольная пташка: где захотела, там и села; Легче счастье найти, чем удержать;* чувашские: *Телей качака мар, мăйракинчен тытма çук – Счастье не коза, за рога не ухватишь; Телей килет тилĕ пек, иртсе каять тĕлĕк пек – Счастье подкрадывается, как лиса, а уходит, как сон; Телей куçа курăнса килмест – Счастье приходит незримо.*

6. В русских и чувашских пословицах отразилось определенное «недоверие» «счастью», осторожное отношение к его поискам, некое «предо-

стережение» от него – русские: *Счастью не вовсе верь, на счастье не надейся; Счастье пытать – деньги терять; Счастье искать – от него бежать*; чувашские: *Телейĕн хӳри çук – У счастья хвоста нет*; *Телей шырама Мускава кай – За счастьем поезжай в Москву.*

7. Как следствие, у окружающих людей «счастье» другого человека может вызывать негативные чувства – русские: *Счастливым быть, всем досадить; Где счастье, там и зависть*; чувашские: *Телейлĕ çын телейсĕре ăнланмасть – Счастливый человек не понимает несчастного*.

8. Вполне типичным в языке пословиц русского и чувашского народов можно считать сопоставление «счастья» и «несчастья» как неразрывного целого – русские: *Счастье с несчастьем двор обо двор живут (в одних санях ездят); Счастье ума прибавляет, несчастье последнее отымает*; чувашские: *Телейпе хуйхă пĕрле çӳреççĕ – Счастье и горе ходят вместе; Хуйхă хыççăн телей килет – После горя приходит счастье.*

Концепт «счастье» является одним из ключевых в русской и чувашской национальных картинах мира. Он противопоставляется концепту «горе», во многом определяет то, как человек воспринимает окружающую действительность. В связи с тяжелыми жизненными условиями в сознании русского и чувашского народов не оформилось полное представление о Счастье как о полноте и радости бытия.

Литература

1. Михайлов А.П. Сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. – Чебоксары: «Новое время», 2006. – 480 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Степанов Ю.С. 2004 – Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ – ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФИЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА

С.В. Улыбина, Д.Р. Мухтарова
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

На сегодняшний день иностранный язык является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки специалистов всех профилей. Приходя на собеседование для трудоустройства в ту или иную компанию, мы очень часто слышим вопрос: «Какой у Вас уровень владения языками?». Объяснением тому служит быстрый рост научно-технического прогресса, повышение значимости международных контактов, делового об-

щения. Всё это в конечном итоге приводит к увеличению потребности общества в специалистах, которые знают не только свою профессию, но и владеют иностранными языками.

Язык - это наше богатство, с помощью него мы общаемся, выражаем свои эмоции, передаем информацию, оказываем воздействие на собеседника. Язык также является посредником для взаимного общения людей разных народов и национальностей, помогающий передать свои знания, накопленный опыт. Изучение и распространение иностранных языков - это один из важнейших параметров прогресса.

Изучение иностранного языка в техническом вузе рассматривается как обязательный компонент профильной подготовки специалиста с высшим образованием [1]. На наш взгляд, этому компоненту необходимо уделять время, соизмеримое с изучением основных, профильных дисциплин.

Безусловно, в ходе изучения иностранных языков студентам технических вузов необходимо акцентировать своё внимание не только на лексику, ограниченную рамками специальности. Разговорная лексика не менее важна. Целью обучения иностранным языкам в техническом вузе является обучение студентов межкультурному профессионально-ориентированному общению. Специалист должен уметь грамотно объясняться, отстаивать свою точку зрения и вести диалог с иностранными партнерами [2].

Успех овладения иностранным языком заключает в себе несколько параметров. Он зависит как от уровня образования преподавателя, так и желания самого студента обогащать себя знаниями иностранного языка. Грамотный наставник должен сформировать у студента положительную, устойчивую мотивацию, побуждающую к усердной учебной работе, показать ему значимость, необходимость владения иностранным языком. Открыть для него «новую жизнь», «жизнь после овладения иностранным языком», убедить, что это поможет открыть новые вершины профессиональной деятельности. Это особенно важно, при изучении иностранного языка.

С каждым годом роль иностранных языков в среде международных коммуникаций будет только увеличиваться. Для того, чтобы после окончания обучения в ВУЗе специалисту не “раствориться” в общей массе кадров, а остаться конкурентоспособным на рынке труда, выпускник ВУЗа должен уметь решать профессиональные задачи, связанные с иностранной коммуникацией. Знающий себе цену специалист просто обязан обладать навыками ведения разговора и деловой переписки, оперируя технической терминологией. Целью изучения иностранных языков студентами технических ВУЗов является обретение практических навыков грамотного составления и перевода технической документации.

Но нельзя зацикливаться и углубляться лишь в изучение сложных, “заумных” слов и выражений из области профессиональной терминологии. На основе собственных наблюдений приходим к выводу, что попытка зазубрить эти скучные и как правило весьма сложные, не только в произно-

шении, но и просто в прочтении слова, на начальном этапе изучения языка является главнейшей ошибкой большинства студентов. В дальнейшем приводящей к вырабатыванию ложного мнения у человека о безнадежности и неспособности выучить язык. С таким мнением большая часть людей и оставляет попытки изучения иностранного языка, откладывая это на дальнюю перспективу.

Куда намного интересней совмещать изучение как профессиональной терминологии, так и простой бытовой лексики. Ведь умение вести беседу на общие темы никогда не будет лишним, оно нужно хотя бы лишь для того, чтобы проявить уважение к человеку, узнать чуть лучше своего оппонента, да и просто поддержать разговор в обычной жизни. Чередование уроков профильного изучения языка и деловой лексики облегчит в целом понимание языка, ведь многие понятия из профессиональной лексики встречаются и в деловой, и в повседневной.

Изучение иностранного языка для нас стало частичкой жизни, интересной и увлекательной. Мы нисколько не сомневаемся в том, что знание языка откроет для нас больше возможностей и перспектив. Иностранный язык как учебная дисциплина вносит положительный вклад во все компоненты профессионализма: профессиональную деятельность, профессиональное общение, личность профессионала. Изучение иностранных языков расширяет возможности каждого отдельного человека, повышает его общественную значимость.

Литература

1. Профессионально-техническая коммуникация как необходимый компонент образовательных программ вузов / Шагбанова Х.С., Насырова Н.Р. В сборнике: Проблемы функционирования систем транспорта Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. ответственный редактор: В. И. Бауэр. 2012. С. 396-398.
2. Формирование языковой компетентности в сфере бытового и профессионального общения у студентов вузов / Шагбанова Х.С. Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 3 (30). С. 316-320.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ СИБИРСКИХ ТАТАР НА ЗАЩИТУ, СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

Н.М. Уразова
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Российская Федерация является многонациональным государством и для сохранения её стабильности важно создание законодательных условий для гармоничного развития всех этносов, сохранение этнической самобытности и родных языков каждого населяющего ее народа. В современных

условиях глобализации, когда происходит нивелирование национальных, культурных и языковых особенностей и исчезают многие элементы традиционной культуры, реализация федеральных законов о языке в субъектах федерации выполняет очень важную миссию.

Объектом исследования являются законодательные акты Российской Федерации о языке народов, её населяющих.

Предметом исследования является деятельность органов образования и культуры по сохранению языка и национальной культуры, обычаев и традиций, поскольку сохранение родного языка неразрывно связано с сохранением национальной самобытности и этнического самосознания.

Цель исследования - определить роль органов образования и культуры в деле реализации прав одного из коренных народов Западной Сибири - сибирских татар на защиту, сохранение и развитие их родного языка и национальной культуры.

Из поставленной исследовательской цели вытекают следующие задачи: 1) дать характеристику законодательных актов Российской Федерации, направленных на реализацию прав народов на защиту, сохранение и развитие родных языков; 2) проследить историю сибирскотатарского языка с момента появления литературных языков тюркских народов России; 3) рассмотреть деятельность органов образования и культуры Тюменской области в реализации прав сибирских татар в деле защиты, сохранения и развития родного языка, национальной культуры, обычаев и традиций; 4) определить состояние изучения сибирскотатарского языка в Тюменской области и рассмотреть деятельность органов образования и культуры в области сохранения родного языка; 5) предложить программу конкретных мер, направленных на реализацию прав сибирских татар на защиту, сохранение и развитие родного языка, национальных традиций и обычаев.

Основным законом, регулирующим права народов РФ и декларирующим их соблюдение и реализацию является Конституция РФ [1], которая гарантирует всем народам РФ *право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития;* гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Коренные малочисленные народы РФ - народы, насчитывающие менее 50 тыс. человек, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохранившие традиционный образ жизни, хозяйствование, промыслы и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Федеральный закон РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» гарантирует право этих народов на сохранение и развитие родных языков, получение и распространение информации на родных языках, создание средств массовой информации и т. п.

В настоящее время в РФ насчитывается свыше 60 малочисленных народов, из которых почти 35 не имеют каких-либо территориальных образований. Сибирские татары по данным последних двух Всероссийских переписей составляют около 10 000 чел. И продолжают сохранять традиционный образ жизни и хозяйствования, промыслы и осознают себя самостоятельным этносом. Сибирские татары вот уже более 30 лет (со времён общественного деятеля и поэта Булата Сулейманова) борются за включение их в Единый федеральный реестр коренных малочисленных народов РФ. Ежегодно мы пишем письма в различные областные и федеральные законодательные и исполнительные органы власти с данным требованием. Однако на протяжении многих лет органы власти дают один ответ: «Вопрос находится на стадии изучения». Однако надо помнить о том, что в 1990–х гг. было принято Постановление Верховного Совета СССР о включении сибирских татар отдельным этносом в список народов СССР. Данное решение необходимо восстановить через Верховный суд РФ, так как включение сибирских татар в госреестр коренных малочисленных народов помогло бы решить культурно-образовательные и социально-экономические вопросы сибирских татар, привлечь государственное финансирование на решение этих проблем Тюменской области.

Второй закон по значимости, регулирующий использование, гарантии защиты и сохранения языков народов РФ – это Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 12.03.2014) "О языках народов Российской Федерации» [2], который провозглашает государственные гарантии равноправия языков народов РФ *независимо от их численности* на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения; гарантирует каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Следующий важный закон – это ФЗ «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ, вступивший в силу 1 сентября 2013 г. [3]. Граждане РФ имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, что обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также условий для их функционирования.

Язык, на котором ведутся обучение и воспитание в образовательном учреждении, определяется учредителем образовательного учреждения и (или) уставом образовательного учреждения. Государство по закону должно оказывать содействие в подготовке специалистов для осуществления образовательного процесса на языках народов РФ, не имеющих своей государственности.

Впервые в законе об образовании появляется пункт – статья 91 – об изучении основ духовно-нравственной культуры народов России и религи-

озном и теологическом образовании. То есть вместо факультативного изучения религии школьники будут изучать религию обязательно.

Соотнесём вышеперечисленные положения основных федеральных законов РФ с реальным состоянием защиты, сохранения, развития и использования языка коренного народа юга Тюменской области – сибирских татар.

До 20 в. как и все тюркские народы, сибирские татары пользовались тюркским языком. В 20-веке были созданы тюркские литературные языки для каждого тюркского народа, более чем 30 литературных языков. Однако сибирские татары тогда были лишены возможности создания своего литературного языка. Вот уже на протяжении почти 100 лет сибирским татарам преподают язык другого народа – казанских (поволжских) татар. Несмотря на это, сибирские татары продолжают говорить, рассказывать сказки, легенды и предания, петь колыбельные на своем родном сибирскотатарском языке. Растёт самосознание сибирских татар, их этническая самоидентификация. Сибирские татары продолжают находиться в процессе физической и языковой ассимиляции. Родители и учащиеся общеобразовательных школ в местах компактного проживания сибирских татар всё чаще отказываются изучать татарский язык – язык поволжских татар.

В 2013 году ЮНЕСКО включило в список исчезающих тюркских языков и культур сибирскотатарский язык и сибирскотатарскую культуру. Сибирскотатарскому языку был присвоен международный код [4]. На сегодняшний день благодаря многолетней научной деятельности учёного Сагидуллина М.А., завершена работа по нормированию сибирскотатарского языка: изданы Русско-сибирскотатарский словарь, Фонетика и Грамматика языка [5, 6, 7]. Получены положительные рецензии на Грамматику сибирскотатарского языка от известных тюркологов страны.

Однако в реализации языковых и других социокультурных прав сибирских татар существуют следующие проблемы:

- нет единой областной программы по сохранению и изучению языка, истории и культуры сибирских татар;

- не реализовывается конституционное право сибирских татар на изучение родного языка, истории и культуры своего народа; для сибирских татар всё ещё преподают язык другого народа – язык поволжских татар;

- несмотря на наличие нормированности языка сибирских татар, не организовано создание учебников по сибирскотатарскому языку;

- в областных и муниципальных департаментах образования нет ни одной штатной единицы, которая бы отвечала за образование коренного народа Тюменской области – сибирских татар;

В соответствии с Конституцией РФ, Законом РФ "О языках народов РФ», новым законом "Об образовании РФ"_и Федеральным законом "О национально-культурной автономии" для решения данных социокультурных проблем необходимо:

1. Включить сибирских татар в федеральный государственный реестр коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, что даст возможность реализации законодательных прав сибирских татар по защите, сохранению и развитию их языка и культуры;

2. Разработать и принять законодательные акты, которые создадут наиболее полные условия для удовлетворения языковых образовательных потребностей сибирских татар, учитывая социально-экономические, культурные, национальные (этнические) особенности сибирских татар Тюменской области;

3. На уровне субъектов РФ в местах компактного проживания сибирских татар должны быть открыты национальные школы, установлены нормативы финансирования национальных образовательных учреждений, в которых предусматривается финансирование изучения этнокультурных национальных особенностей региона в рамках реализации основной образовательной программы, утверждаемой и реализуемой образовательным учреждением самостоятельно.

4. На муниципальном уровне при планировании муниципальной сети образовательных учреждений необходимо:

- вести учет потребностей участников образовательного процесса в изучении этнических культур, региональных культурных традиций, языков;
- осуществлять мониторинг уровня удовлетворенности населения в обеспечении языковых и этнокультурных потребностей в сфере образования;
- создавать условия для повышения уровня образовательных услуг для обеспечении языковых и этнокультурных потребностей;
- расширять возможности сетевого взаимодействия школ и других образовательных учреждений, а также учреждений культуры (музеев, библиотек, музыкальных школ);
- создавать на базе образовательных учреждений этнографические, исторические и иные выставки.

5. Департаменту образования Тюменской области следует учесть, что обновленный закон РФ «Об образовании» возлагает полномочия и ответственность на муниципалитеты, как на учредителя образовательных учреждений, утверждать устав школы, в котором указываются типы и виды реализуемых образовательных программ, язык или языки обучения. Сама же школа теперь вправе самостоятельно включать дисциплины, обеспечивающие удовлетворение этнокультурных и языковых потребностей обучающихся, как часть основной образовательной программы. Данная часть должна, согласно новым федеральным нормам, формироваться с учетом мнений участников образовательного процесса – педагогов, учащихся, родителей (законных представителей), а также органов самоуправления и общественных организаций. Соответственно, новые федеральные нормы должны как можно более четко, своевременно и широко разъясняться.

6. Департаменту образования Тюменской области организовать рабочую комиссию для организации деятельности и финансирования рабочей группы по созданию учебников и внедрения преподавания сибирскотатарского языка, литературы, истории и культуры в общеобразовательных учебных заведениях Тюменской области;

7. Создать Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и культуры сибирских татар с целью научного и планомерного исследования данных проблем сибирских татар.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.) Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература" 14 апреля 2014, N15, стр. 3651-3682 // http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm.
2. Закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-I "О языках народов Российской Федерации" http://ivo.garant.ru/document?id=10048970&byPara=1&sub=9806.
3. Закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-I "О языках народов Российской Федерации" с изм. и дополн.: 24 июля 1998 г., 11 декабря 2002 г., 2 июля 2013 г., 12 марта 2014 г. http://ivo.garant.ru/document?id=10048970&byPara=1&sub=9806.
4. ISO 639 code tables. Sil.org. Архивировано из первоисточника 27 мая 2013
5. Сагидуллин М. А. Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка. Тюмень: Искер, 2008. — 64 с. ISBN 978-5-87591-129-3.
6. Сагидуллин М. А. Русско-сибирскотатарский словарь: ок. 15000 слов. Тюмень: Мандр и К, 2010. — 216 с. — 2000 экз. ISBN 5-93020-441-1.
7. Сагидуллин М.А. Грамматика современного сибирскотатарского языка / Сагидуллин М. А. - Тюмень : Тюменский дом печати, 2014. - 152, [3] с.; 22 см. - Библиогр.: с. 147-152. - 1000 экз. - ISBN 978-5-87591-236-8 (в пер.).

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ НЕФТЯНИКОВ В «ЛИНГВЕ» ТЮМГНГУ

Н.М. Уразова, Ф.К. Мурзин
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

В современный период нефтегазовая промышленность становится одной из самых перспективных и привлекательных в плане трудоустройства не только в России, но и во всем мире. Для нашей страны никакой другой сектор не может сравниться по значению с нефтегазовой, так как российский бюджет состоит в основном из налоговых отчислений нефтегазовых компаний.

Часто профильного образования здесь бывает недостаточно. Успешная деятельность в данной отрасли возможна при условии получения дополнительного языкового образования. Все чаще и чаще обязательным требованием во многих компаниях становится знание английского языка и соответствующей англо-русской терминологии.

С другой стороны, для специалистов с непрофильным (нетехническим) образованием, даже владеющих английским языком и желающих успешно работать в нефтяной промышленности, актуальной проблемой является нехватка знаний по нефти и газу. Для успешной карьеры в «нефтянке» необходимо также знать основные технологические процессы нефтеразведки и нефтедобычи, а также соответствующую англо-русскую терминологию.

Курс английского языка для специалистов нефтяной и газовой промышленности окажется полезным как для технических специалистов, инженеров, работников вспомогательных служб и сервисных компаний, студентов технических вузов, так и для сотрудников нефтегазовых компаний с непрофильным образованием, переводчиков, административного и управленческого персонала и начинающих специалистов.

Учебный курс «Английский язык для нефтяников» разработан в Научно-образовательном центре «Лингва» ТюмГНГУ [1] в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2013 г. № 273 – ФЗ «Об образовании в РФ» [2] и Приказом Министерства России от 01.07.2013 г. № 499 «Об утверждении организации и осуществлении образовательной деятельности по дополнительным образовательным профессиональным программам» [3]. Программа курса включает в себя аутентичные тексты, аудио и видеоматериалы.

Цель курса:

- Совершенствование практических навыков использования английского языка для профессионального общения в сфере нефтегазовой промышленности.

Задачи курса:

1. Формирование у обучающихся основной лексической базы в нефтегазовой деятельности.
2. Формирование у обучающихся уверенных переводческих навыков технической специальной литературы.
3. Формирование у обучающихся практических эффективных умений и навыков речевой деятельности.

Планируемые результаты обучения:

- овладение слушателями профессиональной терминологии в сфере нефтяной и газовой промышленности на английском языке на уровне Intermediate;
- свободное владение изученным материалом в процессе делового и профессионального общения;
- понимание устной и письменной речи в нефтегазовой области;

- умение правильно выстроить профессиональную коммуникацию, аргументированного отстаивания своей точки зрения в производственных дискуссиях, описания производственных процессов, выступлений на совещаниях.

Курс рассчитан для студентов и преподавателей Тюменского государственного нефтегазового университета. Трудоёмкость обучения: 102 академических часа, т.е. 51 занятие, рассчитанные на 26 дней. Программа курса состоит из 7 модулей. Форма обучения: очная, заочная, с отрывом от производства, без отрыва производства.

По окончании изучения курса проводится контроль знаний – экзамен в форме устного собеседования. Слушатели, успешно прошедшие итоговую аттестацию, получают Сертификат о прохождении обучения и аттестации. Учебный материал скомпонован по модулям, направленным на развитие навыков устной речи, аудирования, грамматики и письма.

При составлении программы учитывались следующие методологические и концептуальные подходы:

- актуальность. Учебный материал охватывает ключевые темы: основные компоненты буровой, методов и особенностей бурения скважин; видов и характеристики сырой нефти; методов предотвращения выбросов; основные методы цементирования скважин и переработки нефти; сырая нефть и её транспортировка; типы топлива, нефтепродукты; проблемы экологии; борьба с пожаром и другие темы, необходимые студентам нефтегазовых специальностей, преподавателям и специалистам-практикам.

- системный подход: каждая тема содержит точно определённые цели и задачи, ориентируя студентов и преподавателей на определённый уровень языкового прогресса и определённые языковые компетенции.

- структурный подход: каждая тема содержит типовые блоки заданий, обеспечивая ясность в подаче материала и облегчая его восприятие.

Программа обеспечивает понимание основных компонентов нефтегазового дела благодаря профессионально направленным текстам, терминологии и структуре. Основой формируемой языковой компетенции является профессиональная терминология нефтегазового сектора.

Практическая ориентированность программы: коммуникативный метод, нацеленный на активацию, «вывод в речь» грамматических и лексических единиц и конструкция [4]. Во время выполнения заданий, моделирующих реальные ситуации у слушателей, развиваются навыки монологической, диалогической и поли логической речи на иностранном языке, слушатели учатся работать в команде, учитывая культурные различия её членов. К программе прилагаются основные учебные материалы, глоссарий терминов в нефтегазовой сфере с переводом на русский язык.

В основе учебной программы курса - коммуникативная методика обучения иностранному языку и разработана она в соответствии с международными стандартами оценивания (Pre-Intermediane, Intermediane), что

позволяет гибко организовать работу с группой, переходя от наиболее простых к сложным заданиям.

Формами контроля являются устные ответы и тесты. Определены критерии оценок. Знания оцениваются: 70% – 80% - «3»; 80% -90% - «4»; 90% – 100% - «5». Если 70% текста понято, то оценка не снижается; снижается на 10%, если понято более 50%; на 20%, если понято менее 50% прочитанного или прослушанного текста.

Устные и письменные сообщения обучающихся должны соответствовать заданной теме, быть логично построенными с использованием соответствующей лексики и грамматических структур, содержать аргументированные высказывания [5].

Данный учебный курс будет реализован в 2015 – 2016 учебном году.

Литература

1. Научно-образовательный центр «Лингва» ИПК и ПК ТюмГНГУ, сайт - http://ipk.tsogu.ru/languages.
2. Высшая школа экономики: Реализация Федерального закона «Об образовании в РФ» - http://xn--273--84d1f.xn--p1ai/akty_minobrnauki_rossii/prikaz-minobrnauki-rf-ot-30082013-no-1014.
3. Российская газета. Документы. RG.RU - http://www.rg.ru/2013/08/28/minobr-dok.html.
4. Моделирование процесса развития умений самоорганизации студентов технического вуза средствами иностранного языка / *Шагбанова Х.С.* European Social Science Journal. 2014. № 6-2 (45). С. 171-173.
5. Ученый и время / Шагбанова Х.С., страницы жизни и научной деятельности Хамида Ярми / Х.С. Шагбанова, Н.М. Уразова; Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высш. проф. образования "Тюменский гос. нефтегазовый ун-т". Тюмень, 2009.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ ТЕХНИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ

Н.М. Уразова, Ф.К. Мурзин
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Специалистам различных профессий необходимо знание технического английского языка. В современный период в различных отраслях образования, культуры, промышленности и сельского хозяйства России высока востребованность в переводчиках именно с техническим образованием. Те, кто владеет разговорным английским языком, имеют больше шансов быстрее освоить технический.

Из опыта изучения технического языка в Центре «Лингва» ТюмГНГУ [1] нам удалось составить следующую практическую инструкцию.

Какой бы объём специальных терминов Вы не запланировали изучить, изучение технического английского вам необходимо будет начать, как и всем начинающим - с алфавита. Для того чтобы понять смысл прочитанного текста, правильно перевести предложение нужно знать алфавит, грамматические и орфографические правила, строение предложений.

Изучая технический английский язык, нужно помнить, что одно и то же слово может иметь несколько значений. Это зависит от контекста и ситуации, о которой идёт речь в данном тексте. Для того чтобы верно перевести технический текст, не следует просто заменять русские слова английскими аналогами или наоборот. Необходимо каждый раз выбирать подходящие синонимы. Вы будете прекрасно ориентироваться в этих тонкостях, если будете систематически читать специальную литературу в сфере вашей специальности [2].

Специалистам компьютерных технологий необходимо чаще читать тексты с различными инструкциями и техническими руководствами на английском языке. Приступая к чтению, возьмите сначала тексты на английском, попробуйте перевести их с помощью словарей, старайтесь выписывать повторяющиеся слова. Затем возьмите такие же тексты на русском языке, постарайтесь и попытайтесь сделать перевод на английский язык, воспользовавшись изученными терминами и оборотами [3].

Необходимо наладить контакт со специалистами, имеющими определённый опыт в данной специальности и владеющими профессиональной лексикой на английском языке. Уточняйте непонятные моменты, просите объяснить вам, проверить правильно ли Вы сделали перевод. Будет замечательно, если данный специалист поделится с Вами своим опытом перевода технических текстов [4].

При освоении технического английского необходимо приобрести специальные словари с лексикой, использующейся в данной специальности. Немало различных словарей компьютерной терминологии. Пользуйтесь этими словарями, выполняя перевод и чтение текстов. Так Вам удастся постепенно запомнить часто встречающиеся слова.

Таким образом, при изучении технического английского языка необходимо использовать дополнительные внеаудиторные возможности заниматься технической терминологией, специально предназначенной для специалистов вашей специальности.

Литература

1. Развитие иноязычного образования в ТюмГНГУ / Шагбанова Х.С., Леби Д.Ж. В сборнике: Актуальные проблемы лингвистики - 2013 материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Ответственный редактор Х.С. Шагбанова. 2013. С. 171-176.

2. Литература в этнокультурном наследии сибирскотатарского населения Тюменского региона / Уразова Н.М. Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2013. № 3. С. 87-90.
3. Развитие рефлексивных умений студентов в процессе иноязычной подготовки в техническом вузе / Шагбанова Х.С. Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1-3. С. 89-91.
4. Учёный и время: страницы жизни и научной деятельности Хамида Ярми / Х.С. Шагбанова, Н. М. Уразова; Федеральное агентство по образованию, государственное образовательное учреждение высш. проф. образования "Тюменский гос. нефтегазовый ун-т". Тюмень, 2009. – С. 64.

КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ НОМИНАЦИЙ ЧЕЛОВЕКА В ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.Ч. Файзуллина
Филиал Тюменского государственного университета, Тобольск, Россия

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Договор № 14.Z56.15.5221-МК об условиях использования гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых с организациями – участниками конкурсов, имеющими трудовые отношения с молодыми учеными МК-5221.2015.6 от 16 февраля 2015 г.).

Одной из стратегических задач государства является сохранение и развитие языков народов Российской Федерации. В настоящее время многие языки РФ находятся на грани исчезновения. К таким языкам, по данным ЮНЕСКО, относится и язык сибирских татар (кыпчакская группа тюркских языков).

Население одного из крупнейших регионов Российской Федерации – Тюменской области в национальном и культурном составе представляет довольно пеструю картину. Ближе к южным районам Тюменской области исторически проживали тюркские племена, большая часть которых в последующем составили татарскую нацию.

Сибирские диалекты территориально охватывают Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую области. В зависимости от расселения сибирских татар выделяют следующие диалекты: тоболо-иртышский, барабинский и томский.

Лексическая система татарского литературного языка детально изучена и описана, в то время как диалекты сибирских татар до сих пор не исследованы в полном объеме.

Одной из актуальных проблем отечественной тюркологии является исследование русских заимствований в условиях массового национально-русского двуязычия. В связи с этим активизируется изучение русских заимствований в татарском языкознании и диалектологии. В статье анализируется исконная и заимствованная лексика, характеризующая человека.

Разговорная речь характеризуется экспрессивностью. Экспрессивность (от лат. expressio – выражение) – семантическая категория, характеризующаяся различными формами проявления экспрессивной функции языка, его способностью выражать в содержании языковых единиц многообразие эмоциональных и оценочных отношений субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем мире человека [6: 403].

В толковых словарях экспрессивность языковых единиц сопровождается стилистическими пометами ***бран., высок., ирон., книжн., неодобр., обл., офиц., презр., пренебр., прост., разг., укор., шутл.*** и др.

Рассмотрим формально не выраженные экспрессивно-лексические единицы языка в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар.

I. Положительная эмоционально-оценочная лексика: ***активис / әктивис*** (литер. *активист, актив кеше*) < *активист*: *Яшь цакъта активис ите*[1] *– В молодости был активистом*; ***артилнәй*** (*якшы, ысбᵛайы*) < артельный. Семантика слова изменилась – общительный, дружелюбный, понимающий (особенный) человек: *Ул артилнәй пулган – Он особенный человек*; ***кәртӣнкә*** «красивая» < *картинка*: *Чиста картинкә утыраты – Словно картинка*; ***уткрытка*** < *открытка* «красивая»; ***лупкай*** (литер. *оста*, *җитез*) < *ловкий*; ***мулатиц / малатиц / маладис*** < *молодец*: *Мулатиц игәнсен – Ты оказывается молодец*; ***тушлай*** (*эшцәң*, литер. *җитез*, *елгыр*, *чая*, *үткен*) < *дошлый*: *Ну, үсеңтә тушлай пулган куй! – Ну, какой ты дошлый!*

II. Отрицательная эмоционально-оценочная лексика:

– неодобрительное: ***кәшәй*** (*йонцыу, йецгә, үлемтек, йабᵛык*, литер. *ябык, озын буйлы кеше*) < *кощей*: *Шал йоцый-йонцый кәшәй пулып калган – Он похудел до того, что превратился в кощея*; ***упшыр*** (*мәцкәй, туймас тамак, ац пүре,* «апса» [1: 60, 72], литер. *бирән, туймас тамак, комагай*) < *обжора*: *Карацы шал упшырны – Посмотри на эту обжору*;

– пренебрежительное: ***остыган*** (литер. *бүкән*): *Син ник остыгантай торасын? – Ты почему стоишь как истукан?* Д.Г. Тумашева приводит два значения этого слова: 1. Труп [7: 161]; 2. Сарай, дом, где ставятся трупы [7: 227]. На сегодняшний день тоболо-иртышскими татарами используется первое значение слова: *Остыганың тейәлсен – Пусть твой труп погрузят*; *Толас, остыганың цыксын – Пусть твой труп вывезут* [8]. Второе значение зафиксировано В.В. Радловым *«устуган сараі» – «сарай для трупов»*: *«Абул Касымны устуган сараіга кіргісĭп табытпĭläн ілĭп коідылар»* [5: 251]. Е. Елисеев под лексемой *остыган* предполагает «тело»:

[1] В статье использованы языковые примеры из татарских народных говоров Тюменской области.

«Кешенең остыганын Котай тубырактан ясыган, амьмя цанын орепь керткян» – «Тело человека Бог создал из земли и вдунул в него душу») [3: 14-15]. Кроме того, в работах Е. Елисеева используется прилагательное *остыганлы* «телесный», образованное при помощи аффикса *-лы-*: «*Ул [Котай] кешеляен тюгел: Аның ите, сояге, атямтяй остоганлы кяутясе юк…*» – «Он не как человек: нет у Него ни тела, ни костей, ни стана телеснаго, как у человека...» [3: 8-9];

– укорительное: ***ләнте*** (*кыйра*, *«иринчик, хыйра»* [1: 20], *«ялкав», «цабан»* [1: 74, 65], литер. *ялкау*) < *лентяй*: *Шаның килене әшгәрә ләнте – Ее невестка лентяйка*;

– бранное: ***туб^{в}инә*** (*аңкы-тиңке, арсар, йетешмәгән*, литер. *күсәк, агач, күзле бүкән*) < *дубина*: *Ну, туб^{в}инә куй син – Ну и дубина ты*; ***турак*** (*арсар, шим, кәс, йетешмәс, исәр, җүләр, толас,* литер. *юләр, тиле, тинтәк*) < *дурак*: *Синең урак уракма ней? Ват минең урак урак! Синең ярың туракма ней? Ват минең ярым турак...* (Частушка);

– шутливое: ***гинирал*** < *генерал*: *Гинирал пулыпсын къуй*; ***ширтәм*** (литер. *колга, киртә*) < *жердь*: *Ширтәмтәй олгайып куйган, кейемнәре тә сыймайты – Вырос с жердь, даже одежда мала*. Лексема *ширтәм* употребляется в речи только при сравнении. Предметом сравнения является человек высокого роста. В других случаях используется синоним *сыргый*;

Без стилистических помет: ***китрәй*** < *хитрый*; ***лувлы*** [1: 72] (литер. *хәйләкәр, шаян*) < *лукавый*; ***пукасник*** (*яман кеше*, литер. *әшәке кеше*) < *пакосник*: *Ну, пукасник пулты гъуй! – Ну, пакостник*; ***пүтсес*** (рәтсес, литер. *азгын, бозык, юлдан язган*) < *беспутный*: *Пүтсеснең пүтсесенә параты – За беспутнего выходит замуж*; ***сәртүшгә*** (*ацулы кеше*, литер. *ачулы*) < *сердючка*: *Сәртүшгә пулу теңкәңә теймәтемә? – Тебе не надоело строить из себя сердючку*; ***сертәкәй*** (*ацулы кеше*, литер. *ачулы, кызу канлы*) < *сердитый*: «Уй, сертәкәй кеше ул, аңа пер сүс тә әйтеп пулмайты!» [2: 162] («Ой, какой сердитый, слова не скажешь!»); ***эстилкә́*** < *стелька*.

В некоторых случаях эмоционально-экспессивная лексика обростает разнополярными коннотациями. Рассмотрим семантическими оттенками лексемы *құрцақ*. Приведем примеры из высказываний вагайских татар: *Таш құрцақ пулып утыраты* – Сидит как памятник (*дословно* каменная кукла); *Рәсинкә құрцақ игән* – Она как резиновая кукла (об излишне полной женщине); *Құрцақ құй ул* – Она как кукла (о красивой женщине); *цөйгөлтәк* – кукла-пищалка и языкастая женщина маленького роста. Словосочетания *таш құрцақ* ‘памятник’ и *рәсинкә құрцақ* ‘полная женщина’ являются фразеологизмами. Лексемы *құрцақ* и *цөйгөлтәк* кроме прямого значения в говоре имеют вторичную номинацию человека. Перенос значения осуществляется по внешним характеристикам.

Фразеологический фонд любого языка уникален и ценен для глубинных изучений его мироощущения. Экспрессия присуща также

фразеологическим единицам: ***картупка баш*** ‘глупый, бестолковый’ [7: 92] (перевод: картофельная голова), в вагайском говоре: ***пичүнкә пит*** ‘темнокожий человек’ (перевод: лицо как печёнка (печёный картофель), ***липүшгә пит*** ‘круглолицый’ (перевод: лицо как лепешка), ***таб^{в}ақ пит*** ‘круглолицый’ (перевод: тарелка как лицо), ***тумыр паш*** ‘лохматый’ (перевод: голова как моховая кочка), ***сәтәп күс*** ‘большеглазый’ (перевод: глаз как пуговица), ***йотрық паш*** ‘человек с маленькой головой’ (перевод: голова с кулак), ***қуцғар паш*** ‘кудрявый’ (перевод: баранья голова), ***мешәк пит*** ‘человек с маленьким худым круглым лицом’ (перевод: кошачье лицо), ***уц пит*** ‘человек с маленьким лицом’ (перевод: лицо с ладонь), ***сигес яңақ*** ‘болтун’ (перевод: восемь челюстей), царық пит ‘бессовестный человек’ (перевод: лицо как черки «обувь из кожи»).

Метафоризация является достаточно продуктивным способом создания вторичной номинации человека в диалектном пространстве татарского языка.

Вторичная номинация человека, образованная с помощью метафоризации зоонимов, может обладать как положительной, так и отрицательной экспрессией:

1) положительная: ***қолынцағым / қолыным*** ‘мой жеребенок’, ***қусыйым*** ‘мой козленочек’, ***сукул*** ‘сокол’;

2) отрицательная: ***эт*** ‘собака’, ***цуцға, туңыс*** ‘свинья’, ***осан*** ‘тетерев’ (невнимательный человек).

Метафоризация мифонимов аналогично приводит к образованию номинаций человека. Лексема *йелбегән* имеет значение «летающий злой дух (чудовище) о семи головах». Кроме того, сибирские татары слово ***йелбегән*** применяют относительно растрепанных маленьких девочек. Известен фразеологизм *йелбегән цацлы* ‘с растрепанными волосами’. Вторичная номинация сводится к неодобрительному обращению к озорным маленьким девочкам с растрепанными волосами. В основе переноса значения лежит собирательный образ мифического персонажа – хаотично движущееся начало с выраженной головной частью.

Довольно распространенный мифоним ***мәцгәй*** «кровососущий злой дух» выступает синонимом слову *обжора*. При переносе значения сохраняется семантическое ядро ‘прожорливый, ненасытный’.

Вагайские татары озорных маленьких дети с худощавым телосложением называют ***пиценцеғәцләр*** (уменьшительный аффикс *-цеғәц* + мн.ч. *-ләр*). Пицен – это дух леса или воды, предстающий в образах людей, зверей, маленьких существ. Перенос значения осуществляется по внешнему виду – росту и объему тела в обхвате.

Кроме того, используются фразеологизмы *пицен пит* (дословно *пицен лицо*) в значении ‘человек с маленьким тонким лицом’ и *пицә-пицен* (дословно *женщина-пицен*) в значении ‘женщина, которая погубила своего мужа’.

Таким образом, коннотативный аспект семантики номинаций человека в татарских народных говорах Тюменской области представлен как положительной, так и отрицательной оценкой. В культуре тюменских татар порицаются такие качества, как прожорливость, алчность, грубость, нечистоплотность, вспыльчивость, несдержанность, глупость и т.д.

Литература

1. Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе/ И. Гиганов. – СПб, 1801.
2. Диалектологический словарь / Под ред. Л.З. Заляя. – Казань: Таткнигоиздат, 1948. – 263 с.
3. Елисеев Е. Первоначальныя сведения о православной вере, сообщаемыя татарину Тобольской губернии, готовящемуся ко святому крещению. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии/ Е.Елисеев. – СПб.: Типография А.Г.Фарбера, 1903. – 51 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар/ В.В. Радлов. – СПб.: Типография Императорской АН, 1872. – 411 с.
6. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энцикл., 1979.
7. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар/ Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. – 255 с.
8. Утяшева Г.Ч. Русские заимствования в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тобольск, 2006.

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНЫЕ УКРАШЕНИЯ

А.В. Федорова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

Формирование новой отрасли языкознания – лингвокультурологии, основная цель которой взаимосвязанное изучение языка и культуры, – порождает все больший интерес к национально-культурному компоненту значения языковых единиц и прежде всего слова. Национально-культурный компонент проявляется, прежде всего, в безэквивалентной лексике. Слова, относящиеся к безэквивалентной лексике называют реалиями.

Реалии или безэквивалентная лексика – слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому.

Цель данной работы – проанализировать безэквивалентную лексику чувашского языка, характеризующую национальные украшения. Источником отбора реалий послужили «Чувашско-русский словарь» (1985) и произведения чувашских писателей, переведенные на русский язык. К каждому слову были подобраны примеры из художественных произведений и пословиц, поговорок, загадок.

Алга (алка) – наушное украшение.

Алка состояло из 5-6 латунных проволочек, изогнутых по форме ушной раковины. Пара алка связывалась шнурком, который перекидывался через темя. Алка носились девушками анат енчи и анатри (низовые) с тухьей [4: 141].

Бывало, выйдет она в хоровод девушек – лебедушка, сама краса до пояса коса. И зазвенят на ней монисты, что на тухье, да звонкие алги засверкают под луной чистым золотом, как изумруд [12: 165].

Ама (ама) – старинное женское нагрудное украшение из монет.

По своей конституции ама существовал в двух видах: ама из отдельного нагрудника и нагрудник ама с наспинной частью пуç хыçĕ. По художественному оформлению украшение также было двух видов: двух- и трехрядное. Принцип размещения монет исходил их формы самого украшения, но мастерица всегда стремилась найти ритмичность, гармоничное движение линий. Внутренние края ама зашивались крупными монетами, наружные – более мелкими. В украшении верхней, или шейной части часто применялся разноцветный бисер, что придавало ама легкость, а серебру – звучность. В изделиях, изготовленных в начале XX века, обильно использованы кружева, фабричные шелковые ленты [6: 230].

Енчек (енчĕк) – женское поясное украшение с кисточками.

В состав женского и девичьего костюма входили несколько видов поясных украшений – подвесок весьма древнего типа. Так, спереди к поясу подвешивался енчĕк в виде кожаного кошелька и бус с кистями [6: 278].

Инкек инçетре мар, çумри енчĕкрех. – Беда не за горами, а при себе, в енчĕк (пословица).

Масмак (масмак) – головное украшение замужних женщин в виде вышитой ленты. Это головная повязка, носившаяся с сурбаном (у верховых), налобная повязка (у низовых и средненизовых).

Женские головные повязки масмак бывают двух видов: у чувашей анатри они широкие, с трапециевидной композицией узора на белом холсте, а у вирьял – узкие, вышитые мелкими геометрическими фигурами, обычно на полоске цветной ткани. Орнамент узоров на масмаках очень разнообразный – это фигуры коней, птиц, драконов, целые орнаментированные «картины» сотворения мира [3: 84].

И как все они искусно сделаны, с какой любовью, выдумкой: На одном – резной узор сурбана-масмака, на другом – луговые травы, ульи, деревья [9: 116].

Наталья вынимала из сундука одно творение матери за другим. Показала женские набедренные украшения, головную повязку замужней женщины в виде вышитой ленты… [8: 38].

Открылась калитка, и показались три девицы. В лес направились. Одна, помоложе, видать, и замуж успела – масмак не забыла надеть [9: 68].

Майса (мăйса) – девичье монисто из монет в один ряд.

Мая (мăя) – украшение в виде подвески на шее, ожерелье из монет и бус, монисто.

Пусь йеппи (пуç йĕппи) – затылочное украшение с височными подвесками.

Украшение пуç йĕппи (букв. означает «головная игла») обхватывало затылок и скрепляло все части головного убора с помощью двух медных игл. Это массивное украшение в виде вытянутой трапеции или прямоугольника. У средненизовых чувашей подобная принадлежность костюма была покрыта рядами серебра, а у низовых место монет занял многоцветный бисерный узор в виде сетки. Основной орнамент состоял из ряда зеленых треугольников на красном фоне. По торцам украшения нашивались два-три ряда монет и изящные подвески из цветных бус [6: 274].

Сары (сарă) – старинное женское украшение в виде расшитого и низанного бисером четырехугольника или треугольника, подвешиваемого сзади к поясу. Низовые чуваши носили одну сарă, верховые – две. Сарă спускались по бокам. Орнамент вышивки выполнялся ярусами, к нижнему концу пришивалась бахрома.

Сваха надевала белый или пестрый халат, к поясу подвешивала несколько парных вышитых полос сарă и яркăч, надевала шапку с меховой опушкой [6: 74].

Саррăн хӳри сар чечек, сарăп-çыхăп – мĕн тăвăн. – Бахрома сарă – что желтый цветок, расправлю и повяжу (поговорка).

Сарга (сăрка) – женское нагрудное или наспинное украшение – подвеска с нашитыми серебряными монетами.

Кĕмĕлех те хушпу, ылтăн сăрка йăлтăртатать пирĕн аппа çинче. – Серебряное хушпу и золотая сарга сверкают на нашей сестричке.

Сурбан щакки (сурпан çакки) – украшение замужних женщин в виде нагрудной подвески, обшитой монетами. Нагрудное украшение сурпан çакки также имело важное значение в общей композиции «оренбургского» костюма. Согласно общечувашской традиции, его изготавливали из толстой кожи, орнаментировали красным бисером и обшивали монетами [6: 278].

Вăр-вăр карта, вăр карта, тимĕр пуç Тимови (загадка: вышивка с сурбана сравнивается с причудливой оградой).

Сухал (сухал) – диал. женское нагрудное украшение.

Сухал – массивная «борода», покрытая серебряными монетами и закрывающая всю нагрудную часть. Вероятно, это эффектное с виду украшение было заимствовано чувашами западной подгруппы у башкир; с конца XIX столетия его надевали как девушки, так и замужние женщины [6: 200].

Сюха (çуха) – монисто, ожерелье из монет.

Тухья обычно носилась с украшением типа широкого оплечья – çуха. У приуральских чувашей имелись две основные разновидности – в виде ажурной сетки, сплетенной из разноцветного бисера, а также сплошного ворота, закрытого кольцевыми рядами мелких и средних серебряных монет [6: 200].

Эсĕ унтан кай, эпĕ кунтан каям, Энтри арманĕ хыçĕнче тĕл пулăпăр. – *Ты иди оттуда, я пойду отсюда, встретимся за андреевской мельницей* (загадка: сюха).

Теветь (тевет) – женское украшение – расшитая перевязь, надевавшаяся через плечо.

Надевали тевет через левое плечо. Женщины носили ее на свадьбах, девушки – во время весеннего обряда «девичья пашня», на хороводах и осенних праздниках, посвященных молотьбе, первому хлебу или льну. Одним из традиционных был праздник «девичье пиво» - в честь хмеля и нового пива, когда все девушки-участницы обязательно должны были надевать тевет. Концы тевет вышивались двусторонним швом. Изображались на них обычно светила, очертания гор, деревьев, фигуры животных [10: 228].

Тевет представляла собой широкую полосу, сшитую из холста с подкладкой. Она украшалась узорной тесьмой с нашитыми на ней рядами бисера и раковин, рядами монет [3: 86].

Девушки прячут улыбки, прикрывая губы кончиками белых платков. Обычай не велит им вступать в разговоры с парнями. Все, как одна, они одеты в черные, длинные кафтаны из домотканого сукна. На ногах белые суконные чулки и девяти-двенадцатистрочные писаные лапти. Грудь украшают мониста и тевета, на руках блестят медные и серебряные кольца и браслеты ушки [7: 45].

Хюре (хӳре) – женское поясное украшение.

Массивностью и архаичным видом отличалось поясное украшение хӳре – «хвост». Оно изготавливалось из множества латунных трубок, завершалось длинной бахромой и служило для защиты с тыльной стороны. Дополнением были боковые подвески, завершающиеся красными кистями [6: 240].

Шангартма (шăнкăртма) – женское украшение из серебряных монет, вплетаемое в косу.

Шюльгеме (шӳлкеме) – старинное нагрудное женское украшение из мелких бус и монет.

Девичье шӳлкеме, в отличие от женского, не имело треугольной детали в верхней части и было одноярусным. Шӳлкеме верховых чувашек состояло из двух одинаковых частей: собственно шӳлкеме и сурпан çакки,

соединенных в два яруса, и имело квадратную форму, а у низовых и средненизовых – соответственно полуовальную и прямоугольную.

Солнце за гору скатилось,
Дремлют ветлы в полутьме,
А Нарспи уже умылась,
Надевает шюльгеме [2: 96].

На невесте очень красивое шюльгеме – нагрудное украшение из мелких бус и серебряных монет, без устали можно разглядывать расшитое бисером покрывало. Это действительно большое богатство – такие искусные вышивки… [8: 51].

Яргыч (яркăч) – женское украшение – пояс с кистью.

Их вышивали шерстяными или шелковыми нитками, украшали нашивками. Длинная бахрома украшала яркăч, а при движении оживляла весь костюм женщины. Орнамент узоров – геометрический, связанный с представлением о модели мира. Использовались и стилизованные изображения деревьев, цветов, листьев.

Длинная бахрома, коричневого или синего цвета, обогащала яркăч, а при движении, играя на белом фоне рубашки, оживляла весь костюм женщины [10: 30].

Праздник!

На многих из женщин – расшитые передники, красивые сурбаны, пояса с кистями… [8: 50].

Изучение безэквивалентной лексики, характеризующей национальные украшения, позволяет глубже проникнуть в языковую картину мира чувашского народа, выявить специфические особенности реалий культуры, понимать значение слов с национально-культурным компонентом значения при чтении произведений художественной литературы.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1990.
2. Иванов К.В. Нарспи. Поэма. – Пер. с чувашск. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1990. – 176 с.
3. Культура чувашского края. – Ч.I: Учеб. пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др. / Сост. М.И. Скворцов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. – 351 с.
4. Матвеев Г.Б. Материальная культура чувашей. – Чебоксары, 1994. – 198 с.
5. Михайлов А.П. Сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. – Чебоксары: «Новое время», 2006. – 480 с.
6. Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П. Чувашский костюм от древности до современности: Науч.- худ. изд-е. На рус., чувашск. и англ. яз. – Москва – Чебоксары – Оренбург, 2002. – 400 с.

7. Петерки Т. Мальчик из чувашского села // Чувашская литература: Учеб. хрестоматия для 10-11 классов школ с многонациональным составом учащихся и русских школ: В 3 ч. – Ч.2 / Авт.-сост. В.Н. Пушкин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1999. – 43-80 с.
8. Петров К.К. Таэр. Роман. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 173 с.
9. Уяр Ф. Тенета // Чувашская литература: Учеб. хрестоматия для 10-11 классов школ с многонациональным составом учащихся и русских школ: В 3 ч. – Ч.2 / Авт.-сост. В.Н. Пушкин. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1999. – 106-175 с.
10. Чувашское народное искусство. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. – 383 с.
11. Чувашско-русский словарь: Ок. 40000 слов / И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др. Под ред. М.И. Скворцова. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1985. – 712 с.
12. Юхма М. Древние чувашские Боги и герои (Легенды и мифы Древней Чувашии). – Чебоксары: «Чувашия», 1996. – 226 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ КОЛДОВСТВА В ЦВЕТАЕВСКОЙ РЕЦЕПЦИИ РУССКОГО АВАНГАРДА

С.А. Фокина, Д.С. Ломанченко
Одесский Национальный университет имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина

В творчестве М. Цветаевой в период 1920-х гг. экспрессивно проявляются признаки авангардной эстетики. В этом плане показательно стихотворение «На заре – наимедленнейшая кровь...», в котором концептуально раскрыта тема колдовства.

Ведущие цветаеведы (Р. Войтехович, М. Гаспаров, Н. Осипова, А. Саакянц, Е. Фарыно, С. Фокина, И. Шевеленко) не включили в поле своих исследований данный текст. Однако стихотворение приоритетно для анализа в плане выявления доминантной темы колдовства, решенной М. Цветаевой в контексте авторского диалога с исканиями русского авангарда.

Обращаясь к осмыслению темы колдовства следует уделить внимание – её концептуализация в культуре. Семантическое поле, связанное с темой колдовства, включает следующие значения: магичность, демоничность, инаковость, наделенность особым даром, способность завораживать и т. д.

В символическом аспекте колдовство определяется «символом общения со сверхъестественными силами» [13]. Помимо такой коммуникативной составляющей, не менее актуально наделение особым магическим статусом творящего ворожбу.

Все высшеуказанные аспекты созвучны представлениям русского авангарда о природе вдохновения. Так Е. Тырышкина отмечает, что именно «авторская материальность и внешняя действительность являются источником инспирации» [14, с. 62]. Взгляд на вдохновение, как своего рода одержимость обусловлевает то, что «авангард снимает оппозицию материи и духа, для него все совершается здесь и сейчас» [14, с. 62]. Эта особенность обнажает близость авангардных поисков с метафорой колдовских практик.

Опираясь на идею одного из знаковых исследователей русского авангарда Ю. Гирина, о том, что «в авангардистскую эпоху концепт театра как модели мира» приближен «к балаганно-зрелищной эстетике цирка» [4, с. 30], целесообразно выдвинуть следующую гипотезу. Для русского авангарда, особенно в цветаевской рецепции, актуальна интерпретация темы колдовства. Авторскому мифу М. Цветаевой, созвучна тема колдовства, позволяющая преображать события происходившие в реальной жизни и задавать им вариативность. Также как цирковая стихия, колдовство порождает различные трансформации, метаморфозы и карнавальное мирочувствие, что особенно актуально для русского авангарда и для поэтессы в этот период творчества.

По мысли С. Фокиной, в 1920-е годы для поэтического дискурса М. Цветаевой характерно «обращение к многоликости лирического „я“, передающего расколотость сознания, фиксацию различных “точек зрения” и смену коммуникативных стратегий» [16, с. 106]. Идея многоликости позволяет обыгрывать смысловые доминанты соотносимые с понятием ворожбы и магии.

Для проверки приведённой гипотезы о важности темы колдовства для авангардной эстетики, обратимся к тексту цветаевского стихотворения «На заре – наимедленнейшая кровь...»

На заре — наимедленнейшая кровь,
На заре — наиявственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод.

Око зрит — невидимейшую даль,
Сердце зрит — невидимейшую связь…
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь.
Над разбитым Игорем плачет Див…
18 февраля 1922

Темпоральное указание «на заре», определяет не только важность данного, времени суток как переломного, но что более значимо, свидетельствует о пограничном состоянии лирической героини. Своеобразие экзистенциального опыта лирической героини на уровне подтекста, соответствует метафоре колдовства, показательной для мифологии русского аван-

гарда. Кроме того, данное время суток «на заре» может быть связано с обыгрыванием колдовского обряда.

По замечанию английского фольклориста В. Ф. Райана «...ворожба возможна преимущественно в особые, магические промежутки времени» [10, с. 153]. Согласно поверью заря, как и полночь наилучшим образом подходят для гадания. По определению И. Ожегова, гадание означает «узнавать или открывать что-либо неизвестное, дознаваться неведомого ворожбой» [9, с. 106].

В цветаевском тексте гадание являет вопрошение о своей судьбе или же чужой, что и задаёт организацию лирического сюжета. Лирическая героиня стремится к самопознанию и при этом к устремленности быть сопричастной судьбе «другого».

«Наимедленнейшая кровь» способствует такому приобщению и обретению медиального статуса, что подчёркивает изменённое сознание лирической героини. В данном контексте показательно «взаимоперетекание цветовой и семантической символики понятия красного цвета и крови» [2, с. 263]. Так семиотика цвета и его символика эксплицируют значения энергии и жизненных сил: «активного проявления себя» [2, с. 264].

В то же время, данная активность предстаёт замедленной, что означает переживание транса или же поэтического вдохновения. Лирическая героиня не только приобретает сверхъестественные силы, но изъявляет желание освободиться от земных оков: «*Дух от плоти косной берет развод // Птица клетке костной дает развод*». Дух облечённый в плоть, именно на заре получает освобождение от обыденности, что означает, нахождение между жизнью и смертью.

При этом следует разграничивать дух и душу как проявление высших сущностей. Как отмечает Р. Войтехович «Душа – одно из важнейших понятий в поэтическом словаре Цветаевой» [3, с. 15]. Чтобы понять смысловые пласты связанные с концептом «душа», обратимся к толкованию данного понятия в словаре В. Даля: «Душа есть бесплотное тело духа: в этом значении дух выше души» [6]. Характерно, Дух неизменно вне пола, что важно в цветаевском мифе. Душа в творчестве М. Цветаевой соотносима с образом Психеи, которая проявляется в дискурсе поэтессы как «понятие, потрет, персонаж, и авторское амплуа» [3, с. 9]. Посредством символов души и духа, раскрывается авторский миф и в подтексте обыгрывается метафора колдовства, задавая направление интерпретации для реципиента. Колдовской акт оборачивается своеобразной метаморфозой. Размежевание духовной и телесной сущностей обретает воплощение в теме полёта души, что тесно связывается с образом птицы.

Во многих религиозных и мистических традициях птицы «осуществляют связь между небом и землёй» [7, с. 401]. Крылатость души может заменяться образом птицы, которые часто фигурируют в цветаевских текстах. В стихотворении «На заре – наимедленнейшая кровь...» душа предстаёт птицей запертой в клетке, и освобождается от мирских пут с по-

мощью приобретения магических способностей. В этой связи особый интерес вызывают образы волшебных птиц Сирина и Алконоста.

Сирин символизирует темную силу и является посланницей «властелина подземного мира» [11]. Кто услышит голос птицы Сирин, забывает обо всем, не помнит себя и «обрекается на беды, несчастья, а то и умирает» [11]. Алконост – антипод Сирина. Услышавший пение птицы Алконост, от восторга может впасть в блаженное забвение, но «зла от нее людям нет, в отличие от ее подруги птицы Сирин» [1].

Кроме скрытой отсылки к чудо-птицам, переживание откровения в стихотворении эксплицируется в символике ока («*око зрит*»), сердца («*сердце зрит*»), уха («*ухо пьет*»). Изменённое состояние сознания лирической героини проявляется в колдовском преображении всех органов чувств. Происходящая метаморфоза показатель «отключаемости всяких связей с внешним миром => иссякания плоти => избавление от чувственности => души и наконец, от => духа» [15]. Авангардные метаморфозы как проявление темы колдовства, предполагают не только трансформацию в иную, равносильную сущность, но и развоплощение с «одновременной сменой онтологии и повышением семиотического статуса» [15]. Все указанные трансформации активизируют духовное зрение, открывают способность к ясновидению и озарению. Такое преображение свидетельствует об освобождении от привычных реалий мирского и знаменует приобщение к Высшему знанию.

Характерно, в контексте авторского мифа М. Цветаевой приоритет отдается слуху, что свидетельствует о переживании поэтического вдохновения в экзистенциальном и магическом плане. Это особое, пограничное состояние связывает сознание лирической героини и мир «Слова о полку Игореве». Лирическое «я» же осмысляется как ипостась Ярославны, которая в цветаевском мире «символически передает психическое состояние» [16, с. 106], что обусловлено архетипической сущностью образа.

Некоторые реминисценции из памятника древнерусской словесности, вводят в подтекст цветаевского стихотворения образ Дива. В первый раз в «Слове...» Див предстаёт как вещая птица, некое русское языческое божество, предупреждающее врагов Руси об опасности.

При втором упоминании Див рассматривается как существо сверхъестественного плана. Падение магического Дива на землю приносит горе и ужас, знаменуя принятие позора и злосчасной судьбы, утрату славы и свободы. «Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеса *дивь* на землю» [12]. Согласно славянским поверьям Дивы «сопровождают войска, идущие на битву во время войны, а во время сражения кружат над войском» [12], предвещая поражения . Поэтому пророчества Дива, несмотря на их правдивость, вызывали обычно недоверие.

Важно отметить, что «Див пришедший из глубин тысячелетий, вполне мог поменять характеристику с положительной на отрицательную и стать злым и вероломным персонажем» [12]. В старославянском языке

развитие отрицательных значений слова «Див» соотносилось с понятием «дикий», что обусловлено влиянием восточной мифологии. В иранском мифологическом пантеоне «бог» (Дый) трансформировался в негативного персонажа, обладающего магическими функциями – Дэва. В славянской традиции Див также выступает в роли демона – прорицателя показывающегося «людям в виде птицы или человека-вихря» [5].

Следует отметить, образ Дива соответствует эстетике авангарда по ряду показателей. Див соотносим с мифологичностью и эсхатологичностью, характерными для модели мира русского авангарда. По утверждению Ю. Гирина, в русском авангарде «разрушение служит созиданию, а созидающая воля ведёт мир к апокалипсису» [4]. В таком контексте образ Дива коррелирует с семиосферой авангарда. Див олицетворяет двойственность, стихийность, вдохновение и дар провидения.

В подтексте стихотворения М. Цветаева трансформирует образ Дива. Див и его символика привлекательны для поэтессы этимологическим значением, сближающим этот персонаж «с русским "диво" и родственными славянскими обозначениями чуда» [5], а также «со славянскими и балтийскими словами в значении “дикий”» [5]. В цветаевском тексте демоническое воплощение прорицания синонимичного роковому дару Дива, не только воплощение стихийной силы, но и олицетворение магического потенциала.

Кроме того, Див согласно этимологии, мифически амбивалентен и вдохновен, что соотносимо с идеями русского авангарда. В цветаевском тексте Див – своеобразная замена музы. Магическое преображение, эксплицируется в тексте стихотворения, обнажает архитипические сущности Дива и Ярославны в сознании лирической героини. Обращение к изменённому состоянию сознания лирической героини и многоликости в творчестве М. Цветаевой также активизируют тему колдовства.

Литература

1. Алконост // Энциклопедия мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. : http://godsbay.ru/slavs/alkonost.html.
2. Андреева В., Ровнер А. Кровь / В. Андреева, А. Ровнер // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. – М. : Астрель; МИФ; АСТ, 2001. – С. 263–265.
3. Войтехович Р. Марина Цветаева и античность / Р. Войтехович. – М .: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – 448 с.
4. Гирин Ю. Н. Литература в системе культуры авангарда : автореф. на соискание ученой степени док. филол. наук : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» / Ю. Н. Гирин. – М., 2013. – 50 с.
5. Гуларян А.Б. Уже връжся Див на землю [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. :http://lah.ru/text/gularyan/div.htm
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. : http://slovardalja.net/word.php?wordid=7657.

7. Куклев В., Гайдук Д. Птицы / В. Куклев, Д. Гайдук // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. – М. : Астрель; МИФ; АСТ, 2001. – С. 401–407.
8. Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д. С. Лихачёв // Художественная литература. Л. : Худож. лит., 1985. – 352 с.
9. Ожегов И. С. Словарь русского языка / И. С. Ожегов. – М. : Оникс, 2008. – 1200 с.
10. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России ; [пер. с англ. А. Чернецов] / В. Ф. Райан. – М. : НЛО. – 720 с.
11. Сирин // Энциклопедия мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. : http://godsbay.ru/slavs/syrin.html
12. Соколова Л. Г. Див / Л. Г. Соколова // Энциклопедия Слова о полку Игореве [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. : http://feb-web.ru/feb/slovenc/es/es2/es2-1102.htm.
13. Трессидер Дж. Колдовство / Дж. Трессидер // Словарь символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. : http://mreadz.com/new/index.php?id=229550&pages=48.
14. Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов : от декаданса к авангарду / Е. В. Тырышкина. – Новосибирск: НГПУ, 2002. – 151 с.
15. Фарыно Ежи. Два слова о Цветаевой и авангарде [Электронный ресурс] / Е. Фарыно. – Режим доступа к ист.: http://www.m-m.sotcom.ru/6-7/faryno.htm.
16. Фокина С. А. Фактор метаморфоз в контексте эстетики русского Авангарда в цикле М. Цветаевой «Сивилла» / С. А. Фокина // Культура народов причерноморья: [наук. журн.]. – Симферополь : Крым, 2011. – № 211. – С. 106–109.

РЕЦЕНЗИЯ НА УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 5 ОТ 2013 ГОДА, ВТОРОЙ ВЫПУСК СЕРИИ «ДРАФТ: МОЛОДАЯ НАУКА»

С.А. Фокина, Е. Митева
Одесский Национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

В «Уральском филологическом вестнике» представлены статьи молодых исследователей, посвященные актуальным проблемам изучения русской литературы.

Данный выпуск журнала состоит из пяти разделов: «Новый взгляд на литературную классику», «Поэтика модернизма», «Феномен циклизации в русской литературе XX века», «Современная литература: проблемы поэтики», «Литература в контексте интермедиальности».

Первый раздел второго выпуска серии «Драфт: молодая наука», назван **«Новый взгляд на литературную классику»**. В нем все статьи

представляют новаторское прочтение классической литературы. Авторы акцентируют своё внимание на коммуникативных аспектах, интертекстуальности, обращаются к мотивному анализу, используют интерпретационный и рецептивный подходы. Исследователи исходят из позиции самобытности произведений классической литературы и их неподвластности времени. Представленные статьи в разделе ориентированы на сохранение традиции пристального взгляда на наследие С. А. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского, включая их в контекст современных исследовательских техник.

В разделе **«Поэтика модернизма»**, авторы сосредоточены на перспективных проблемах изучения модернистского дискурса и соответствующих художественных стратегий. Представленные исследовательские техники, принципиально ориентированы на диалог и научную дискуссию.

Раздел **«Феномен циклизации в русской литературе XX века»** направлен на изучение механизмов циклообразования и постижение своеобразия феномена циклизации в литературе. Обращаясь к анализу художественного мира «Посолони» А. М. Ремизова, рассмотрен феномен «лирической книги в прозе». При изучении «Вереницы этюдов» А. Галунова лирическая книга признана порождением литературного импрессионизма. Консолидирующим началом цикла Р. М. Акульшина «О чем шепчет деревня» представлена авторская концепция мира деревни. Механизмы циклообразования исследованы на материале «Тринадцати трубок» И. Г. Эренбурга на уровне тематики и композиции. Также в качестве подтекстовых сцепляющих скреп этого произведения привлечены элементы биографии автора. Заслуживает внимания рассмотрение финалов как системообразующих элементов цикла и соотнесение их с концептуальными образами «время», «пространство», «история», «творчество», «память» в «Опрокинутом доме» Ю. В. Трифонова. Представляет интерес включение в орбиту циклообразования нарративной стратегии М. Веллера. В данном ключе рассматривается специфика веллеровского лирического «я», соответствующего автору, и образа повествователя, явленых в прозе писателя.

В разделе **«Современная литература: проблемы поэтики»** затронут аспект своеобразия репрезентации авторской личности в период «оттепели». Уделено внимание изучению современной лирики на примере выявления ориентальных мотивов в поэтическом мире Н. Ф. Болдырева и осмысления темы Китая в поэзии В. Кучерявкина. Исследуется словесная игра в романе В. Пелевина «Generation “П”», способствующая сатирическому моделированию действительности и порождению новых, непривычных коннотаций и смыслов. Не ускользает от исследователей важность интерпретации в контексте урока в 11 классе прозы XXI века и ре-

ализации «Вечной темы» в рамках данного материала. Помимо анализа лирики и прозы исследовательский поиск направлен также на выявление функций ремарок, а главное – художественного своеобразия в современной драматургии.

Сборник завершает раздел **«Литература в контексте интермедиальности»**. Авторы статей, входящих в раздел, используют новые подходы к пониманию проблемы взаимодействия искусства в различных спектрах и уровнях в соответствии с тенденциями и коммуникативными стратегиями, присущими интермедиальности. Рассмотрен типаж главного героя советской радиопьесы в контексте идеологем и художественных установок 1960-х – 1970-х гг. Исследуется актуальная для современности проблема писателя в качестве блогера и соответствующие техники презентации его авторского мифа и художественного мира читателям на примере блогерской деятельности Е. Гришковца и Б.Акунина. Осуществляется попытка осмыслить семантическую нагрузку визуальной символики персонажей манга и аниме. Представляет интерес анализ самобытности комикс-адаптации романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в интерпретации А. Климовского и Д. Шейбала. Также привлекает внимание исследование жанрообразующих элементов как доминант художественной целостности книги А. Бильжо «Мои классики», соотнесенной к тому же с контекстом и тенденциями современной прозы.

Для данной рецензии наиболее приоритетно осмысление авторских стратегий молодых ученых, представленных во втором разделе. Раздел **«Поэтика модернизма»** привлёк внимание авторов данной рецензии в связи со сферой научных интересов. К тому Евгении Митевой посчастливилось принять участие в Уральском филологическом вестнике. Ее исследование о М. Цветаевой было включено именно во второй раздел сборника.

Раздел «Поэтика модернизма» открывает статья Е. В. Фёдоровой «Визуально-стилевые особенности повести А. Белого “Записки чудака”», где анализируются визуальные приемы произведения А. Белого. Подробно описывается взаимосвязь визуального облика и идейного замысла текста. Актуальность темы обусловлена тем, что проблема визуальности вызывает интерес ученых в последние десятилетия (работы А. А. Арзамазов, Ю. А. Маричик, П. М. Захарова, Н. И. Сорока, Т. Ф. Семьян). Кроме того в XX веке визуальная модель прозаического текста, родоначальником которой является А. Белый, преобладала в культуре. Е. В. Фёдорова утверждает, что визуально-графические приёмы в повести «Записки Чудака» А. Белого «обозначают паузу, смену тона, передают семантическую и эмоционально-экспрессивную информацию» [с. 79]. По мнению автора статьи, визуальный облик имеет существенное значение в выражении идеи повести. Так «сочетание визуальных особенностей формирует специфическую стилистику текста и особенности идиостиля писателя» [с. 80]. Мысль о том, что текст А. Белого ориентирован на визуализацию, помогая расшиф-

ровке скрытых смыслов, перспективна не только для изучения беловедения, но и всего русского модернизма.

В статье Л. Ю. Парамоновой «Литургия красоты в поэзии К. Д. Бальмонта» рассматривается поэма «Фата Моргана» в контексте цветового символизма автора. Чтобы выявить разные уровни авторской цветосемантики Л. Ю. Парамонова также анализирует ряд бальмонтовских стихотворений, входящих в книгу стихов «Литургия красоты». Но приоритетом для автора статьи становится изучение именно вышеназванной поэмы, репрезентирующей цветовую мифологию К. Бальмонта. Л. Ю. Парамонова рассматривает особенности символики каждого цвета: красного, розового, жёлтого, зелёного, синего, фиолетового, белого и др. С точки зрения исследовательницы, «через принятие цветов он <*К. Бальмонт* – С. Ф., Е. М.> выражает свое отношение к жизни, он поёт гимны красоте и гармонии. В его мире нет отрицательных эмоций, нет грубых, унылых тонов, это мир Солнца. И вся его поэзия – литургия красоты» [с. 90]. По мысли высказанной в статье, с помощью цвета К. Бальмонт отражает гамму чувств лирического «я», соотносимую с авторской психосферой. Прочтение цветосемантики презентируется как своего рода ключ к художественному миру поэта. Выводы Л. Б. Парамоновой намечают перспективу изучения цветосемантики в русском символизме, а также оказываются органичными бальмонтоведению.

В статье Д. В. Телегиной «Интерпретация образа Красного домино в романе Андрея Белого “Петербург”» представлено рассмотрение трансформаций образа Красного домино в вышеназванном тексте. Исследовательница акцентирует интертекстуальную природу данного образа, впервые появившегося в новелле Эдгара По «Маска красной смерти». Также отмечается, что данный образ периодически возникал в других произведениях А. Белого. Автор статьи считает, что «Красное домино насыщается семантикой близящегося взрыва, революционного возмездия» [с. 106]. Выводом становится идея, что в романе «Петербург» образ Красного домино является то символом страсти, то символом мести. Также этот образ соотносим с семантикой революции, а на страницах бульварной газеты демонизируется. Перспективой дальнейшего исследования может стать более пристальное внимание к интертекстам, связывающим творческие поиски Андрея Белого с художественным наследием Эдгара По.

В статье И. В. Бушминой «Итальянский текст в прозе Л. Андреева» аналитические стратегии нацелены на определение значения Италии как образа, связанного с авторским мифом Л. Андреева. Автор статьи обращает внимание на тот факт, что писатель четыре раза в своей жизни посещал Италию, которая заняла важное место как амбивалентный символ вечной красоты в его жизни и творчестве. Чтобы выявить «семантическую динамику образа Италии» [с. 108], И. В. Бушмина анализирует тексты андреевской малой прозы («Призраки», «Губернатор», «День гнева»,

«Чемоданов»). Главное же внимание уделено анализу романа «Дневник Сатаны». В итоге исследовательница приходит к выводу, что «в творчестве Л. Андреева Италия представляется как универсальная модель мироздания, которая отрывает истинный замысел человеческого существования с его дихотомией и вечными вопросами» [с. 114]. Идеи, высказанные в данной статье, могут быть ценными как для анализа своеобразия хронотопа Л. Андреева, так и для изучения «итальянского текста» в культуре Серебряного века.

В статье Е. Н. Колмогоровой «Футуристическая трагедия-монодрама В. Маяковского “Владимир Маяковский”» рассматриваются жанровые особенности монодрамы в контексте театральной концепции Н. Евреинова в трагедии «Владимир Маяковский». Внимание заострено на представлении трагедии-монодрамы на сцене, в соответствии с идеями футуристов создания театра будущего. Автор статьи исходит из гипотезы, что «всё творчество Маяковского и, в особенности его пьесы, монодраматичны по своей природе» [с. 124]. Расшифровывая замысел В. Маяковского, Е. Н. Колмогорова акцентирует смену масок и то, что поэт «пропускал всё мироздание через своё сознание в трагедии» [с. 123]. Исследовательница утверждает, главный герой одноименный автору в пространстве художественного текста не равен творцу произведения Владимиру Маяковскому. Полное совпадение имен автора и героя направлено на акцентирование особого авангардного мироведения через призму драматического дискурса монодрамы. Реализованный в статье подход является актуальным для изучения авторского мифа В. Маяковского в контексте исканий футуризма.

В статье Л. Г. Ламеко «С. Бирюков и В. Хлебников: диалог новаторов» представлена попытка проанализировать, как традиции авангарда первой волны влияют на авангард-3. Осмысляя творческий диалог С. Бирюкова и В. Хлебникова, автор статьи выявляет признаки сходства поэтических универсумов обоих поэтов. Исследователь акцентирует, что «творческая практика С. Бирюкова объемнее хлебниковской и – шире – футуристической традиции начала XX в., поскольку отсылает и к <…> немецкому поэтическому экспрессионизму (Г. Бенн, Г. Гейм, П. Больдт, Э. Ласкер-Шюллер, Г. Тракль), и к авангарду второй и третьей волны» [с. 132]. В интерпретации Л. Г. Ламеко наследование С. Бирюковым поэтических универсалий В. Хлебникова доказывает «диалогическую преемственность поэтических поколений новаторов» [с. 132]. Предложенный в статье подход интересен не только в связи с изучением творческих перекличек конкретных поэтов-футуристов, но и предполагает в качестве альтернативы изучение взаимосвязей между представителями разных поколений русского авангарда в целом.

В статье Т. С. Дубровских «Элементы заумного языка в творчестве Николая Асеева» доказывается самобытность зауми как художественной

стратегии в русской модернисткой литературе начала XX века, особенно в футуризме. При этом основное внимание исследователя сосредоточено на осмыслении элементов заумного языка в художественном универсуме одного из лидеров русского поэтического авангарда – Николая Асеева. Автор статьи высказывает мысль, образы зауми выполняя важную роль, дают возможность «пластически-объемно воплотить неповторимо-оригинальный мирообраз будущего» [с.142], помогая максимально «интенсифицировать читательскую активность» [с.142]. По мнению Т. С. Дубровских, с помощью заумных речевых кодов осуществляется актуализация этимологического и фольклорного потенциала в прозе поэта Н. Асеева. Круг идей, высказанных в статье, актуален для изучения всей авангардной парадигмы русской культуры, где выдвигаются на первый план оригинальность, заумь и миромоделирование будущего.

Теперь остановимся на статье «Концепт “рыцарство” в смысловой структуре стихотворения М. Цветаевой “Я с вызовом ношу его кольцо…”», автором который является соавтор данной рецензии Евгения Митева. Целью исследования было разностороннее изучение концепта «рыцарство» в вышеназванном стихотворении М. Цветаевой. В рамках анализа важна была фиксация посвящения данного поэтического текста Сергею Эфрону. С точки зрения автора статьи, М. Цветаева моделирует миф о своем браке и избраннике С. Эфроне, соотнося в своей лирике его реальную личность с образом идеализированного рыцаря. Прочтение цветаевской интерпретации концепта «рыцарство» позволило выявить, что поэтесса трансформирует традиционную рыцарскую модель. В цветаевском мифе ее реальное супружество предстает своего рода поэтическим братством. В качестве перспективы дальнейшего научного поиска в этом направлении может быть избрано более подробное осмысление модификаций и семантических полей, соотносимых с концептом «рыцарство» в цветаевской лирике разных лет.

Консолидирующая идея, объединяющая материалы раздела **«Поэтика модернизма»**, определена ориентированностью на выявление различных эстетических стратегий и художественных идеологем Серебряного века. В статьях раскрываются разные вехи русского модернизма и своеобразие миромоделирующих экспериментов его знаковых фигур. Данные персоналии, в чьем творчестве различные эстетические течения получили свою самобытную реализацию, соотносятся с поэтикой символизма (творчество А. Белого, К. Бальмонта), экспрессионизма (проза Л. Андреева), постсимволизма (лирика М. Цветаевой), авангарда (футуристические эксперименты В. Маяковского, В. Хлебникова, С. Бирюкова, Н. Асеева). В соответствии с этим раздел отличается как внутренней целостностью, так и полифоничностью идей, что обусловлено проявлениями разных ликов модернизма полного противоречий и заставляющего дискутировать.

Авторы рецензии выражают благодарность «Уральскому филологическому вестнику», который, следуя установке серии «Драфт: молодая наука», предоставляет возможность молодым ученым заявить о себе и реализовать свой исследовательский потенциал! Авторы рецензии от души желают сборнику продолжать развивать свою концепцию в дальнейших выпусках, сохраняя самобытность и будучи для молодых исследователей возможностью проявить себя и вступить в диалог!

Литература

1. Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт: Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – 322 с.
2. Фёдорова Е. В. Визуально-стилевые особенности повести А. Белого «Записки чудака» / Е. В. Фёдорова // Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт : Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 71–80.
3. Парамонова Л. Ю. Литургия красоты в поэзии К. Д. Бальмонта / Л. Ю. Парамонова // Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт : Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 81–90.
4. Телегина Д. В. Интерпретация образа Красного домино в романе Андрея Белого «Петербург» / Д. В. Телегина // Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт : Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 99–107.
5. Бушмина И. В. «Итальянский текст в прозе Л. Андреева / И. В. Бушмина // Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт : Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 108–114.
6. Колмогорова Е. Н. Футуристическая трагедия-монодрама В. Маяковского «Владимир Маяковский» / Е. Н. Колмогорова // Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт : Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 115–124.
7. Ламеко Л. Г. С. Бирюков и В. Хлебников: диалог новаторов / Л. Г. Ламеко // Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт : Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 125–133.
8. Дубровских Т. С. Элементы заумного языка в творчестве Николая Асеева / Т. С. Дубровских // Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт : Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 134–143.
9. Митева Е. Н. Концепт «рыцарство» в смысловой структуре стихотворения М. Цветаевой «Я с вызовом ношу его кольцо…» / Е. Н. Митева // Уральский филологический вестник №5 /2013. – Сер. Драфт : Молодая наука. – Вып. 2. / Гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 91–98.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВОЗРАСТ ЛЮДЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МУСТАЯ КАРИМА

И.Р. Хамитова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

В глубокой древности разделение рода на группы по признакам пола и возраста носило социальный характер. В силу того, что данные группы выполняли по отношению друг к другу функции, которые свойственны членам семьи. Данную генетическую связь терминов современная наука понимает так: первичным «наполнением» данных распространено на половозрастные группы в процессе их формирования. Понятие «возраст» выступает признаком принадлежности к одному поколению и служит из оснований для стратификации общества, позволяя проанализировать индивидуальное развитие, социально-возрастные процессы, возрастной символизм.

А.А. Леонтьев считал, что теоретическая значимость исследования «возраст» очень велика. Имея объективные данные относительно типичных (стереотипных) ассоциаций на слова языка, лингвисты могут использовать эти данные в самых различных областях - от составления словарей и отбора фразеологизмов до анализа культуроведческих проблем [2: 13-15].

В произведениях башкирских писателей и поэтов широко используются понятие «возраст», который играет важную роль, для характеристики оценки героя, связанных с возрастными периодами жизни человека, происходит осмысление различных явлений действительности.

В данной статье обращаемся произведениям Мустая Карима. Возрастные особенности ярко отражаются в художественной литературе. В своих произведениях Мустай Карим широко употребляет лексические единицы обозначающие возраст людей:

1. Детство – это первый этап человеческого развития. К этой группе относятся слова *бәпес, бала, сабый, кыҙ, малай, ейән, ейәнсәр, кусты, һеңле. Күтәрергә әҙермен, әммә Йәмлебикә менән* ***бәпесте*** *бында кыҫтырма. (Все приму, но Янбику с* ***малышом*** *сюда не прилептай). Ишектән ингәс тә ул бүтәндәр менән ҡуш ҡуллап күреште,* ***«кесе ҡоҙам»*** *тип, мине ҡосаҡлап алды. (Как вошла, с каждым двумя руками поздоровалась, а меня обняла и сказала****: «Мой младший сватok»). «Бәләкәс»*** *тимәне* ***«кесе»*** *тине. (****«Младший»*** *сказала, а не* ***«маленький»).***

2. Молодость – юный возраст, возраст от отрочества до зрелых лет. К данной группе относятся слова *егет, кәләш, апай, ағай, килен, езнәй, ҡоҙаса, ҡоҙа һ.б.* ***Йәш-елкенсәктең*** *юл ыңғайында тап булышып, һүҙ ҡушышып, ҡул болғашып китеүе ғәжәп түгел. (Встретились двое* ***молодых****, постояли, перемолвились и помахали рукой на прощанье – чего удитивельного?) Күп тә үтмәй* ***йәш ҡатындың*** *яңғыҙ әсәһе лә*

бында тороргә килгән. (Вскоре переехала жить к ним вдовая мать этой ***девушки).***

3. Зрелость - это осознанность. Стержневым является период наиболее полной реализации жизненных сил – зрелость. К этой группе относятся слова *килен, аҕай, бажа, инәй, еңгә, кейәү, ҡайынбикә, ҡайнаға һ.б. Мине иллеләр тирәһендәге бөхтә генә тормошло бер* ***апайға*** *фатирға ҡуйҙылар. (Меня поселели у опрятной, аккуратной* ***женщины*** *лет пятидесяти).* ***Ире*** *тыйырға итә, тегеһе буй бирмәй. (****Муж*** *ее остановить пытается, но та лишь отмахивается). Утыҙҙар тирәһендәге сибәр* ***ҡатын****. (Красивая* ***женщина*** *лет тридцати).*

4. Старость - это возникающие в процессе индивидуального развития возрастные изменения организма, ограничивающие его приспособительные возможности. К данной группе относятся слова *ҡарт, әбей, бабай, олатай, өләсәй, ҡартатай, инәй, ҡоҙа, ҡоҙағый, ҡайны, ҡәйнә һ.б.* ***Алтмыш йәшлек ҡарттың*** *ауыҙынан «мөхәббәт» һүҙе сығыу миңә сәйер тойолдо. (Странно было мне услышать из* ***уст шестидесятилетнего старика*** *слово «любовь»).* ***Оло инәйем****, урынымды һикегә арҡыры түшәп, башымды ян тәҙрә янына бороп һалды. (****Старшая Мать*** *постелила мне поперек хике, головой к боковому окну).*

Таким образом, в башкирском языке возрастные обозначения человека мы группировали следующим образом: детство, молодость, зрелость, старость. Каждый этап является значимым в жизни человека.

Литература

1. Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношение к литературному языку. М., - 1955. – 112 с.
2. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

АВТОРСКОЕ СОЗНАНИЕ А.И. КУПРИНА КАК ХУДОЖНИКА «РУБЕЖНОЙ ЭПОХИ» (ПОВЕСТЬ «СУЛАМИФЬ»)

В.А. Хорошилова
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Одесса, Украина

Русская литература конца XIX – начала XX века определяется Н. Л. Лейдерманом как «эпоха рубежного сознания». В статье «Траектории «экспериментирующей эпохи»» литературовед указывает, что выражением данного решительного перелома стал «культурный взрыв колоссальной силы» [10]. Основные причины такого взрыва, по мнению учёного, не могут носить только социальный характер. Они лежат гораздо глубже: в из-

менении мироощущения писателей, их представлений о взаимосвязи человека и мира. В связи с этим происходит смена культурных парадигм, Космос как воплощение мирового порядка замещается Хаосом, господствующими становятся философские воззрения Шопенгауэра и Ницше. Всё это привело к формированию нового типа культуры, который Н.Л. Лейдерман определяет как «неклассический» или модернистский.

Для данной литературной эпохи характерна дробность и изменчивость историко-литературных систем. В неё включается контаминация жанров, эксперименты с формой, обращение к архетипам, трансформация мифологических, библейских, античных сюжетов, а также такие явления текстообразования как интертекстуальность, пародийность, мифотворчество, стилизация и т.п.

Подходы литературоведов к изучению переломных эпох в литературе различны, однако все они сводятся к тому, что:

«...эпоха конца XIX – начала XX веков характеризуется изменением парадигм, ценностно-смысловой ориентации, жанрово-стилевого мышления, микро- и макропоэтики» [13].

Данная позиция является исходной для большинства учёных и представляет интерес для дальнейших научных поисков.

Литературовед Е.М.Черноиваненко в книге «Литературный процесс в историко-культурном контексте», обращаясь к периоду конца XIX – начала XX вв., обозначает данный тип культуры как культуры «на пороге».

«В этот критический период культура гораздо острее ощутила свою дифференцированность как омертвляющую разъятость» [15].

В творчестве писателей пробуждается особый интерес к психологическому, необъяснимому, вечному. Их интересуют вопросы религии и философии, следовательно, жизни и смерти, добра и зла.

Указанное выше, по мнению учёного, придаёт художественной культуре XX века своеобразный характер, не позволяя тем самым дать её какое-либо однозначное определение. Е.М.Черноиваненко называет её «постэстетической».

Занимая особое место в литературном процессе рубежа XIX – XX веков, творчество А.И.Куприна, как мы полагаем, представляет большой интерес для исследователей, ибо в нём происходит соединение реалистической поэтики и поэтики символизма.

Обращение к культурному прошлому, трансформация общеизвестных сюжетов, попытка реформации существующей литературно-эстетической парадигмы находят отражение в произведениях, написанных в разные периоды творчества писателя («Аль Исса» 1894, «Демир-Кая»1906, «Кисмет» 1923).

Но особую ценность, на наш взгляд, представляют малоисследованные произведения «Психея» и повесть «Суламифь», в которых наиболее ярко выражены особенности переходной эпохи.

На наш взгляд, при размышлении по этому поводу, следует обратиться к работам по интертекстуальности, пародии и стилизации.

Впервые понятие интертекстуальности было сформулировано в работах Юлии Кристевой. Предложенное ею определение с конца 60-х годов XX века стало необходимым для любого литературоведческого анализа. Потребность в таком термине появилась тогда, когда литературоведы обнаружили, что современная литература - это интертексты, которые представляют собой трансформации, прямые и косвенные цитации, реминисценции, аллюзии, пародии, деконструкции известных до этого, сюжетов, сюжетных мотивов, жанровых форм, персонажей [7].

Однако определение Ю. Кристевой характеризует процесс интертекстуальности, границы которого размыты. Исследовательница Н. Пьеге-Гро в своей работе «Введение в теорию интертекстуальности» поставила задачу разобраться в границах интертекста, выявить степени интертекстуальности и тем самым систематизировать, различить модификации данного явления.

Н. Пьеге-Гро пишет о том, что явление интертекстуальности появилось задолго до того, как ему дали определение литературоведы. Тексты постоянно взаимодействуют и взаимопересекаются вне зависимости от эпохи и культурно-исторической парадигмы. Именно выбор этих текстов, их имплицитное или эксплицитное начало указывают на особенности авторского мира писателя.

Г. Гадамер в работе «Актуальность прекрасного» писал:

«...далеко не случайно, что в процессе создания произведения художник преодолевает напряжение, возникающее между ожиданиями, идущими от традиции, и новыми привычками, вводимыми им самим» [5].

Сознательно или подсознательно автор обращается к историческому прошлому, культурным и литературным архетипам, привнося в своё творение черты собственной модели мира. Наличие же этих прецедентных текстов и архетипов свидетельствует о неразрывности с литературной традицией.

Текст может присутствовать в другом тексте в различных формах. Н. Пьеге-Гро выделяет такие формы интертекста: цитата, референция, плагиат, аллюзия, пародия, бурлескная травестия, стилизация, палимпсест, коллаж, бриколлаж и др.

Все перечисленные выше формы интересуют нас с точки зрения механизма интертекстуальности, однако интертекст как объект интересует нас лишь в нескольких его ипостасях – пародия, стилизация, цитата. Приведём определения, данные Н. Пьеге-Гро.

«Пародия (parodie) — в узком смысле слова, такая трансформация текста, при которой высокая тема переносится на низкий предмет, тогда как стиль никак не меняется...» [11].

Пародийное начало присутствует уже в его раннем рассказе «Психея». Что касается стилизации, то определение её таково:

«Стилизация (pastiche) — подражание стилю какого-либо автора» [11].

Стилизация – основной приём, который Куприн использует при создании текста повести «Суламифь». В данном случае мы наблюдаем подражание не стилю другого автора, а стилю Священного Писания. Говоря об этом же тексте, мы затронем и понятие цитации, так как прямые цитаты из Библии в повести Куприна также присутствуют.

«Цитата (citation) — отрывок текста, эксплицитно и дословно воспроизведенный в другом тексте»[11]

Сколь ни множественны бы были интертекстуальные вкрапления в тот или иной текст, они не являются доминантными в прочтении текста. Однако они помогают по-новому взглянуть на него, открыть новые смыслы, которые читатель актуализирует субъективно. В таком случае, интертекстуальность – это то, что связывает между собой тексты, читателей и историю.

Цитирование в тексте «Психея» представлено неатрибутированными цитатами, которые выделила исследовательница Н.Ф. Соценко в статье «Пародийность ранней прозы А. И. Куприна («Психея»)»: [12]

- *«голод – самая плохая пища для вдохновения» (К. Гамсун «Голод»,1890);*

- *«а смешивать два эти ремесла есть тьма охотников – я не из их числа» (А.С.Грибоедов «Горе от ума»,1823);*

- *«человек – венец творения» (У.Шекспир «Гамлет», 1601).*

Отдельно хотелось бы выделить цитату: *«людская честь бессмысленна, как сон»,* так как автор статьи не определил, откуда взята эта цитата. Представляется, что это трансформированная цитата из А.С.Пушкина:

«Я проклял знаний ложный свет, / А слава... луч её случайный/ Неуловим. ***Мирская честь / Бессмысленна, как сон...****» (Сцена из «Фауста». Берег моря. Фауст и Мефистофель).*

Трансформация мифа в данном произведении приобретает форму пародии. Ироническое снижение канона относится, как мы полагаем, к предыдущим трансформациям мифа о Галатее. Следовательно, рассказ «Психея» является переадресованной пародией.

Очевидно, что при трансформации библейских мотивов А.И.Куприн обращается к стилизации.

Начало XX века не зря называли «веком стилизации». Стилизация затронула и музыку, и живопись, и архитектуру, однако ярче всего проявилась в литературе.

Для М.М. Бахтина стилизация связана с пародией, сказом и диалогом. В статье «Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве» исследователь отмечает:

«От гибридизации в собственном смысле отличается внутренне диологизированное взаимоосвещение языковых систем в их целом. Здесь актуализирован в высказывании один язык, но он дан в свете

другого языка. Этот второй язык не актуализируется и остаётся вне высказывания» [2].

Исследователь выделяет такие категории как «изображающее» и «изображаемое». Это типы языковых сознаний, которые взаимодействуют друг с другом. При этом М. Бахтин, отмечая тонкую грань между понятиями стилизация, пародия и вариация указывает, что не стоит путать стилизацию с пародией. Последняя призвана разрушать языковой стиль с целью высмеять или разоблачить явление. В то время как стилизация способствует созданию различных культурных кодов.

Ю.Н. Тынянов, размышляя о творчестве Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, подчёркивает данное различие:

«Стилизация близка к пародии. И та и другая живут двойною жизнью: за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна навязка обоих планов, смещение их, пародией трагедии будет комедия... При стилизации этой навязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нём стилизуемого. Но, всё же, от стилизации к пародии - один шаг; стилизация, комически мотивированная или подчёркнутая, становится пародией» [14].

А.И. Куприн пытается воссоздать стиль библейского письма, тем самым возвращая реципиента к осмыслению первоисточника – Библии. Стилизация здесь используется как феномен авторского мира. Миросозерцание Куприна, его мировидение выражается на страницах «Суламифь» голосом автора. Таким образом, мы имеем два языковых кода в повести. Назовём их код автора и код стилизатора. Отсюда следует, что стилизация в этом произведении неполная. Голос Куприна звучит параллельно с библейским текстом.

«Царь Соломон не достиг еще среднего возраста — сорока пяти лет, — а слава о его мудрости и красоте, о великолепии его жизни и пышности его двора распространилась далеко за пределами Палестины» [9].

Несомненно, начало повести – это голос автора. Куприн создаёт модель пересказа, он повествует о том, что написано в Третьей книге Царств, однако, язык не приближается к библейскому. Так в Библии не указывается промежуточный возраст Соломона, а Израильская земля не упоминается как Палестина.

Но в тексте можно обнаружить больше сходств со стилем Библии, а иногда и цитаты из Священного Писания.

Текст «Суламифь» открывает эпиграф, который автор заимствовал из Песни Песней Соломона:

«Положи мя, яко печать, на сердце твоём, яко печать на мышце твоей: зане крепка, яко смерть, любовь, жестока, яко смерть, ревность: стрелы её – огненные». (9, с.336).

Это не дословная цитата, Куприн пытается передать библейский стиль письма. Сравним эпиграф с оригиналом:

«Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы её – стрелы огненные; она - пламень весьма сильный» [4].

Стоит отметить, что писатель использует стяжённую форму местоимения «мя» вместо «меня», устаревшее «яко» вместо «как», а также заменяет слово «сердце» словом «мышца». Эти особенности указывают на элемент стилизации текста, как на фонетическом, так и на лексическом уровнях.

Данный фрагмент текста встречается ещё раз в самом конце повести, но на этот раз, это не стилизация, как было в эпиграфе, здесь звучит голос автора, более простой и понятный.

Куприн заменяет слова «ибо» и «преисподняя» словами «потому что» и «ад». Он отходит от стилизации библейского текста и возвращается к своей манере письма, что подтверждается кольцевой композицией повести.

Это один из многих примеров сближения стиля автора и стиля Библии. Куприн намеренно, но постепенно заинтересовывал читателя первоисточником, переплетая свою речь и речь стилизатора. Ему было важно показать, что история, о которой он пишет, близка к библейской, но, вместе с тем, не оторвана от действительности, ибо она современна и актуальна. Первое появление Суламифь сделано по такому же принципу. Её песня, которую слышит царь, медленно сближается с оригиналом до тех пор, пока не становится прямой цитатой:

«День дохнул прохладою, / Убегают ночные тени. / Возвращайся скорее, мой, милый, / Будь легок, как серна, / Как молодой олень среди горных ущелий... / Ловите нам лис и лисенят, / Они портят наши виноградники, / А виноградники наши в цвете. / Беги, возлюбленный мой, / Будь подобен серне/Или молодому оленю / На горах бальзамических». (9, с.343-344).

Первые пять строк – парафраз, следующие три – соотносятся с текстом Песни Песней (*«Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете»*). Последние же четыре строки – прямая цитата.

Библейский стиль поддаётся влиянию авторского стиля. Таким образом, мы видим подтверждение теории Бахтина о взаимонаправленности двух речевых стихий, об их взаимодействии и взаимовлиянии.

Итак, трансформация библейских и мифологических мотивов в исследуемых произведениях А.И.Куприна осуществляется при помощи пародии и стилизации. Явления, характерные не только для творчества данного писателя, но и для литературного процесса того времени, дают основание увидеть творчество А.И.Куприна в контексте культурно-исторической эпохи конца XIX – начала XX веков.

Литература

1. Авторские миры в художественном тексте. Стратегии анализа / авт. кол.: Е.М. Черноиваненко, В.Б. Мусий, Н.П. Малютина [и др.]; отв. ред. Н.М. Раковская. – Одесса: Астропринт, 2014. – 360 с.
2. Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С.6- 72.
3. Бахтин М.М. Собр.соч.: В 7 т. / М.М.Бахтин. – М.: Рус. словари, 1996. – Т.5. – 731 с.
4. Библия. Книги Священного Писания // Объединённые библейские общества. – 296 с.
5. Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного: электронный ресурс; режим доступа: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/11.pdf
6. Даракчи М. И. Автоинтертекстуальность творчества А.И.Куприна: электронный ресурс; режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/avtointertekstualnost-tvorchestva-a-i-kuprina-na-materiale-povestey-sulamif-granatovyy-braslet-i-stihotvoreniya-navsegda.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман: электронный ресурс; режим доступа: http://www.libfl.ru/mimesis/txt/kristeva_bakhtin.pdf
8. Куприн А.И. Психея / А.И.Куприн // Собр. соч.: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1970. – Т.1. – С. 119 – 135.
9. Куприн А.И. Суламифь / А.И.Куприн // Повести и рассказы. – Львов.: Каменяр, 1984. – С.336 – 381.
10. Лейдерман Н.Л. Траектории «экспериментирующей эпохи»: электронный ресурс; режим доступа: http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/lei.html.
11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: электронный ресурс; режим доступа: http://abuss.narod.ru/Biblio/piegegro.htm.
12. Соценко Н.Ф. Пародийность ранней прозы А.И.Куприна: электронный ресурс; режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vkhnu/Filol/2010_901/content/sotsenko.pdf.
13. Сподарец Н.В. Поэтическая эпистема серебряного века (теоретический аспект) / Н.В. Сподарец // Проблеми сучасного літературознавства / отв. ред. Н.М. Шляховая. – Одесса.: Маяк, 2004. – Вып.13. – С. 43 – 51.
14. Тынянов Ю.Н. О пародии/ Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. - С. 284-309.
15. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и типов литературно-художественного сознания в русской словесности XI-XX вв.: учебное пособие / Е.М. Черноиваненко. – Одесса: Маяк, 1997. – 712 с.

МИР ПОЭЗИИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

С.К. Шаймарданова
Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан

В настоящее время в стадии интенсивной научной разработки находится коммуникативная концепция языка, это связано с антропоцентризмом современной парадигмы лингвистического зрения. Человек проявляет себя и свое отношение к миру в общении, вступая в диалог с «другими» (М.М.Бахтин) и с окружающим миром. Поскольку общение отражается в текстах, возрастает интерес к текстовой проблематике в аспекте его порождения и восприятия. С этим связано выдвижение текста в качестве главного объекта современных филологических исследований.

Новый системно-деятельностный подход к тексту, основы которого восходят к концепциям В. фон Гумбольдта, А.А.Потебни, Л.В.Щербы, В.В.Виноградова и других, определяет интерес к языковой личности, стоящей за текстом. Следуя этим актуальным современным тенденциям в развитии лингвистики текста, актуальным является обращение к творчеству известного поэта, признаваемого своим как читателями России, так и Казахстана.

Мир художественной литературы – это «перевоссозданный» мир, изображаемая действительность представляет собой в определенной степени авторский вымысел, а значит, в художественном стиле речи главную роль играет субъективный момент. Вся окружающая действительность представлена через видение автора. Но в художественном тексте мы видим не только мир писателя, но и писателя в этом мире: его предпочтения, осуждения, восхищение, неприятие и т.п. С этим связаны эмоциональность и экспрессивность, метафоричность, содержательная многоплановость художественного стиля речи.

Конкретно-ощутимый мир поэзии П. Васильева отличает действенность в высшем ее проявлении, динамизме; действие, состояние, признак, вещность в словах и выражениях доведены до кульминационной, предельной точки, гиперболизации. На наш взгляд, поэт, осознавая себя как частицу природы, окружающего мира, воспринимает все предметы (одушевленные и неодушевленные) реальной действительности как элементы единого живого мира, поэтому всё в его поэтическом мире наполнено огромной жизненной энергией, «перекипает», «бушует».

В центре его художественной системы стоит глагол в различных формах и отглагольные существительные. По своей природе глагол – одно из главных средств выражения динамики. Эта особенность глагола (и его форм) получила широкое использование в авторском контексте.

При описании стремительных социальных перемен («нового мира») в окружающей поэта реальной действительности и в контексте используются следующие примеры: «пена», «кипеть», «бушевать», «бег», «разбег», «скакать», «звенеть», «греметь», «кипенье» и мн. др. «Бушует золотая пурга овса», «И ветви рельс перекипают соком – весеннею кровью яблонь и берез», «…закипевшая листва» «степей разбег», «кипенье судеб», «зеленая пена трав», «бушующий кумыс», «бушуют полыни», «пургой сожжены и застужены ночи», «кипела облачная пена», «трава зеленой пеной здесь перекипала», «кричит над миром петух, клювом впиваясь в небо», «солнце звенит на подковах…».

Таким образом, можно развернуто представить развитие бурно входящего в жизнь нового: все в окружающей действительности «закипает», «кипит», «пенится», перемены идут «кипучим валом», все в авторском понимании, «перекипает», обновляется. П. Васильев – весь во власти ощущений жизни, стремится передать ее запахи и краски, ее живую плоть и даже, по его собственным словам, не только вкус, но и его «вещность», «сытость».

В контексте поэта семантику одушевленности приобретают слова, обозначающие явления неживой природы: «Ветер скачет по стране, и пыль вылетает из-под копыт», «кабаньи загривки осок», «цветы, уставившись в небо, вытянув губы, ждали дождя»; «на цыпочки степь поднялась, нюхала закат»; «августовским днем кривлять дождь канатным плясуном»; «сначала пробежал осинник».

Как явствует из примеров, в контексте преобладают глаголы несовершенного вида в форме настоящего времени, действительные причастия настоящего и прошедшего времени, деепричастия несовершенного вида, что приводит нас к мысли о достоверности происходящего, о реальных действиях и событиях, участником которых является сам автор и по его воле становится читатель.

Отглагольные существительные в авторском контексте выполняют также особую роль; они дополняют, усиливают общую динамику изображаемого, создаваемую глаголами.

С помощью таких художественных приемов, как олицетворение и гипербола поэт передает необыкновенную жизненную силу явлений нового мира, это бьющая через край «горячая», «бушующая» энергия; активное действие, состояние, признак доведены до высшей степени проявления, - в плане света появляются поэтические единицы, выраженные глаголами, глагольными формами либо существительными, имеющими значение активного движения, действия.

Кроме глаголов и отглагольных существительных, большое значение в контексте П. Васильева приобретает и другая часть речи – прилагательное, несущее собственно качественную оценку определяемого объекта. Прилагательные выполняют две основные функции: называют какой-либо

признак предмета или дают ему эмоционально-авторскую оценку разной степени положительности или отрицательности, иногда же совмещают обе эти функции. Как в том, так и в другом случае эти свойства прилагательных могут быть закреплены в общем языковом узусе, если признак сочетается с присущим тому или иному объекту, но могут быть созданы автором на базе их узуального употребления – путем переноса признака объекта одного семантического комплекса на объект другого. Отбор прилагательных, как из ряда собственно номинативных, в качестве признака конкретного или отвлеченного объекта диктуется эмоциональным фоном целого контекста. Поэтому, как прямые номинации, так и номинации вторичные, переносные, в эстетическом отношении несут в художественном тексте равную функцию, что, конечно, никак не отрицает для отдельных текстов большей значимости одних, меньшей – других.

Поэтический контекст П. Васильева отличается высокой эмоциональной напряженностью. Тонкая наблюдательность, часто рефлексия, стремление передать не столько определившееся, сформировавшееся чувство, восприятие чего-либо, но и чувство или ощущение еще не сложившееся и трудно определяемое словами, служат в значительной степени стимулом к усиленному эпитетному обрамлению объектов, крайне разнообразных по отбору признаков.

Ощущение радости жизни, восхищение красотой и щедростью родной земли – это жизненная основа интернационального пафоса творчества поэта.

Уже в юношеских стихах П. Васильева наблюдается основа яркого, метафорического олицетворения, проблески гиперболизма в изображении действительности, азы постижения звуковых и цветовых эффектов.

Эмоциональная напряженность произведений П. Васильева создается обращением к подчеркнуто интенсивным квалификациям признаков объекта, что достигается склонностью поэта к отбору имеющегося языкового арсенала цветовых прилагательных как общеязыковых, так и индивидуальных. Глубоко развитое индивидуально-образное видение мира позволило поэту активно и широко использовать во многих стихах и поэмах красочную палитру прилагательных, приобретающих в его контексте переносные, символические значения и создающие необычные, порой парадоксальные словосочетания: «рыжий буран костра», «синяя пыль», «золотая вода», «зеленая темень», «черный камыш».

По мнению отдельных исследователей (Н.А. Вилор), в лирике П. Васильева выделяются чаще всего три цвета – синий, красный, золотой – главные цветовые оттенки русских росписей, характерные для творчества С. Есенина (А. Марченко). С этим нельзя не согласиться, хотя по своей образно-индивидуальной насыщенности цветовые эпитеты, использованные П. Васильевым, отличаются от эпитетов контекста С. Есенина. Кроме того, следует отметить и целую гамму разнообразных

цветовых оттенков в художественной системе П. Васильева (а не только использование вышеназванных трех цветов).

Контекст поэта отличается необычностью цветовой семантики, вызванной особым восприятием окружающей действительности, во всей ее сложности и динамике, в неразрывном единстве живой и нежной природы: «рябой», «пестрый», «синий», «золотой», «рыжий», «голубой», «желтый», «оранжевый», «ржавый», «алый», «красный», «багровый», «черный», «темный», «белый», «седой» - часто употребляемые им слова. Причем словесные единицы «рябой», «розоватый», «красный», «багровый», «ржавый», «черный», «темный», «зеленый», входя в тематическое поле «Относящийся к смерти», в условиях авторского контекста становятся теневыми поэтическими словами; с другой стороны, поэтические единицы «синий», «золотой», «желтый», «рыжий», «алый», характеризующие явления нового мира (тематическое поле «Относящийся к жизни»), представляют собой контекстуальные поэтические элементы в плане света.

С. Залыгин в своей вступительной статье к сборнику стихотворений и поэм Павла Васильева (1968 г.) пишет: «Во всей Западной Сибири павлодарские степи, вероятно, одно из самых унылых и однообразных мест, но для Васильева это золотая россыпь». Совершенно верно подмечено. Недаром в художественном контексте поэта доминирует золотой цвет и все его оттенки (золотистый, позолоченный, желтый, медовый, горчичный). Это цвет горячо любимой Павлом Васильевым родины, «родительницы-степи». Если другой известный русский поэт Сергей Есенин воспел «голубую Русь», то Павел Васильев – золотую степь.

При внимательном прочтении произведений П. Васильева можно установить удивительную особенность его мировосприятия и миропонимания: поэт смотрит на мир и воспринимает его глазами степняка. Ему претит быть «пленником темноты», ему тесна «узкая щель общежитий», он не желает быть «закован в обруч ледяной», он не может смотреть на мир сквозь «решето решетки» – эти красноречивые примеры из контекста поэта свидетельствуют о тяжелой, трагической обстановке того периода, в котором он жил и творил.

Душе степняка необходимы простор, свобода, движение – в его произведениях, проникнутых любовью к жизни, к родине, к степи, к родной природе, появляются светлые, полные энергии выражения: «широк степей разбег», «сплошное половодье облаков», «журавлей просторный лет», «просторен бег гнедого иноходца», «просторней просторных ветров свободы разгон» и мн. др.

Из достаточно богатой цветовой палитры творчества Павла Васильева мы обратили внимание на слово «золотой», приобретающее особую значимость в контексте поэта. Поэтическое слово «золотой» в художественном контексте Павла Васильева встречается довольно часто в его не-

обычном, индивидуальном употреблении: «И золотыми журавлями промчатся перед нами дни» («Вступление к поэме «Мариэм»»), «Эти песни гульливо-мятежные золотая напела весна» («Распрощалися с зимнею стуженькой…»), «Гляди: слетели кресты с церквей, как золотые птицы» («Провинция - периферия»), «И хмельной, непослушною песней золотые слетали слова!» («Снегом вечер рассыпался синий…»), «Будем думать о старой романтике золотых на ветру берез…» («Дорогому Р.И.Анову»), «Я видел: в золотой пыли у юношей глаза цвели» («Сердце»), «А с баяном парни шли – звонким, тысячным баяном, золотым, обыгранным, по улицам, по полянам…» («Расставание с милой»), «Ямщиковских запевал потомок, ярмарочный, громкий, золотой» («Клятва на чаше»), «Теплую, тяжелую от горя, золотую притянул к себе» («По снегу сквозь темень…»), «… мы одни сохраним железо, и электричество, и трав полуденный дым, и золотое тело, стремящееся к воде, и древнюю человечью любовь к соседней звезде…», «Облака потянулися стройно, точно стаи больших лебедей, опыленные пурпурной пылью в золотую раздольную даль» («Про закат») и др. Последний из перечисленных примеров точно передает авторское видение степи: степь – «золотая раздольная даль», даль, наполненная золотым солнечным светом, жизнью.

Поэтическая единица «золотой» – символ бушующей, «немеркнущей», по выражению самого поэта, жизни. Ему по сердцу золотая степь – земля, залитая солнечной, жизненной энергией, горячий ветер и табуны прекрасных иноходцев, несущихся по полынному пространству родной степи. Всё, полное жизни, свободного движения, есть «золотое». Земля, флора, фауна, люди, наполненные жизненной энергией, бунтарским духом свободы, – активные, энергичные, прекрасные, т.е. «золотые».

Это слово являет собой и символ свободы, свободного полета мысли, речи, творческого полета, что показано мастерски автором через полет птиц, движение облаков, гонимых свежим степным ветром, через расширение пространства от улиц до полян, от полян до бескрайней дали…

Неуемная, бунтарская душа автора пытается прорваться через «звериный уют» мира «мясников» того времени к «золотой раздольной дали». Ему было тесно в огромной Москве, ему было тоскливо в горном Алтае, словом, где бы ни был поэт (а он много странствовал по Союзу), он испытывал глубокую ностальгию по своей малой родине. Об этом свидетельствует, к примеру, его стихотворение «В горах» (1927), начинающееся строками: «В далекий голубой простор Глаза мои смотреть устали, Задымленная осинь гор, отделанная горностаем». И далее идет описание красоты природной в этой горной местности.

В небольшом по объему лирическом произведении используются чисто «васильевские» приемы: сочные метафоры «отделанная горноста-

ем» (Ср. его же пример в другом произведении «Январь, как горностай, морозен, а лето жарче и красней лисиц»), «зеленая пена калин», «кипят ущелья», «шапки молодого хмеля», кроме того, примечателен авторский окказионализм «осинь», развивающий холодную цветовую гамму гор. Прекрасны и величавы горы-громады, чьи вершины устремлены в небесную высь, покрытые снежным пушистым «воротником» - «горностаем», они настолько велики, эти горы, что солнце не в силах проникнуть через эту гряду – поэтому лишь «пятна желтые легли на шапки молодого хмеля». В описании гор преобладают голубой, синий цвета, путем «нагнетения» синего цвета создается тема холода, расширения пространства вертикально («голубой простор»), показа снежного покрова с помощью метафоры «горностай» (пушной зверек с белоснежным мехом), употребления слова «льдина». Почему же глаза лирического героя «смотреть устали» на эту величавую в своей холодной красоте громаду? Стихотворение строится на антитезе, выраженной в антонимической паре «здесь» – «там», сопровождаемой противительным союзом «а»: «А там – и солнечно, и снежно, Мне снова хочется запеть О вечно золотом и нежном…». Лирический герой лишь созерцает холодную красоту гор, констатирует ее, но при этом она не трогает его душу и сердце. «Здесь», среди гор, ему неуютно и холодно, горы давят на него. А его сердцу дорога родная природа – «там», по душе степные просторы, наполненные солнцем, свежестью, ветром, движением, и именно его малая родина – степь – является тем самым «вечно золотым и нежным» для лирического героя и для самого автора, Павла Васильева, и именно при воспоминании о ней ему хочется «запеть». Под влиянием нахлынувших на него ностальгических переживаний «горы уплывают вдаль», оттесненные «прежней печалью». Тепло сердца передается через слова «нежное» и «золотое», а мысль о слезах, наворачивающихся при этом на глаза, возникает, благодаря теме тающей льдины. Сердце «оттаивает» при мысли о родных местах и душе хочется петь.

Павел Васильев создал в своем многогранном творчестве неповторимую степную песнь о своей «малой Родине» – Павлодарском Прииртышье, где прошли его детские и юношеские годы, где рождались его первые поэтические шедевры.

Литература

1. Васильев, П.Н. Собрание сочинений. - Том.1. – Стихотворения. – Алматы, тип. «Таугуль-Принт», 2009.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1984.
3. Чурилина, Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.

СТЕРЕОТИПТІҢ ТІЛТАНЫМДЫҚ ҚЫЗМЕТІ

Ы.Б. Шакаман
Павлодар мемлекеттік педагогтік институты, Павлодар, Қазақстан

Әлем мазмұны, бейнесі, болмысы әр тілдің, ұлттың танымынан, мәдениетінен, тілінен көрінеді. Сондықтан тіл де мәдени ұғым болып табылып, мәдениеттің бір бөлігі ретінде қызмет етеді. Ғалым Л.В.Щерба әлемнің тілдің бейнесі туралы түсінігін түрлі халықтың, ұлттың әлемдің бірдей қабылдауының негізінде белгіленетінін түсіндіреді: «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры…» [1, 10-б.]

Әрбір тіл иесі әлемді қабылдау арқылы, тану арқылы өзінің тіліне ғана тән әлем бейнесін сөзбен жасайды, өзінің тіліне сәйкес әлемнің тілдік бейнесін ашатын ұғымдар, мағыналық жүйе, сөз қорын негіздейді. Бұдан ұлттық тілдік таным негізі белгілене бастайды. Осыдан В.Гумбольдттың «менің ұлтымның тіл шектеулігі менің дүниетанымның шектеулігін көрсетеді» деген сөзінің тереңдігін түсінеміз [2].

Ұлттық тілдік таным этникалық мәдениеттен ғана бастау алмайды; ол (ұлттың, тілдің) өзінің өмір сүру кезеңінен бастап жаһандық деңгейге дейінгі кезеңді қамти береді, бірақ тұтас дүниелік әлемді толық ашып бере алмайды. Ұлттық тілдік таным тек ұлттық деңгейдегі әлем бейнесінің ұлттық категориялық, ұлттық концептілік түрін түсіндіреді. Әрбір өмір сүру кезеңіндегі әлем бейнесінің тілдік негізде жасалуы шартты болып отырады. Бір ғана тілдегі мазмұнда, мағынада жасалған Әлем бейнесі заттардың, құбылыстардың ерекше белгілері мен қасиеттерінің негізіндегі категориялау мен аталуынан, тіл иесінің нақтылық туралы білім қорына қатысты болып келеді.

Тіл адам санасын оятатын әрекеттік мәдени құрал болғандықтан, ұлттық ерекшелікті, жаратылысты жеткізеді. Өмір мазмұнынан,ұғымнан пайда болған атаулар, сөздер ұлт мәдениеті мен жаратылысын жеткізуші қызметті атқарады. Ұлт мәдениеті тілмен ***Кеңістік*** концептісі арқылы қарым-қатынаста көрінеді. Жалпы өмірдің сипатын тілдік танаммен жүзеге асыра отырып, адам әлемді тануын жинақтаған білімімен сөзде негіздеп, белгілеп, шоғырлайды, содан соң сөз мәдениетімен түсіндіреді.

Дүние (әлем) – адам мен оның өмір сүру ортасының өзара әрекеттік көрінісі, ал әлем бейнесі – адам мен оның ортасы туралы ақпараттың жинақталған нәтижесі. Осыдан танымдық (когнитивті) лингвистика ғалымдары әр тілге қатысты әлемнің тілдік бейнесіндегі концептілік жүйе қозалыстық әрекетке және мәдени тәжірибеге байланысты болып табылады деп түсіндіреді.

Тілдің, сөздің ұлттық негізін ашу үшін тек ұлттық сипатты ғана көре білу жеткіліксіз. Бұл үшін этникалық және ұлттық мәдениет ұғымын алға тартып, ажырату қажет. Этникалық мәдениет – ұлттық мәдениеттің бастапқысы. Этникалық мәдениеттен этникалық таңбаларды түсіндіретін сөздер (ұлттық киім атаулары), этникалық жанрларға қатысты атаулық сөздер, этникалық сипат (ұлттық мінез), т.б. танылып, соған қатысты сөздер жинақталады, қалыптасады. Екінші қырынан алғанда, этникалық мәдениет дегеніміздің өзі – таза ұлттық мәдениет. Ендеше сол ұлттық мәдениетті айқындайтын сөздерді, атауларды белгілеу, талдап көрсету, жасалу жолдарын беру, тегін таныту – ұлттық тілдік таным негізін ашу деген сөз. Жалпы ұлттық мәдениет жекелік мәдениеттің түрлі қыры болса, тілдегі, тіл арқылы берілетін ұлттық мәдениет – ұлттық сенім, таңба-белгі, құндылық, жаратылыс, әдет қалып, ереже, үлгі, т.б. ұлттықты сипаттайтын руханилық ұғым түсініктердің атаулық, сөздік белгідегі бейнесі мен көрінісі.

Этникалық мәдениет пен ұлттық мәдениеттің өзара тепе-теңдігі болумен қатар, өзіндік айырымдық белгілері де бар, яғни екеуінің теңесе қоймайтын жігі бар. Ұлттық мәдениет белгілері этникалық мәдениетке негізделіп қалыптасады, этникалық алғашқы жазу мен білім, өнер мен әдебиет, философиялық ғылыми даму, қоғамның саяси-әлеуметтік, ғылыми-техникалық дамуы, т.б. ұлттық мәдениет құндылықтары жасалып, тілде ұлттық мәдениетті ашатын сөз қоры мен құрамы шоғырланады.

Екеуіне қатысты тағы бір айырымдық белгі: этникалық мәдениетке тұрақтылық тән, ал ұлттық мәдениетте қоғамның дамуы, мәдени қозғалыс жүріп отырады. Ұлттық мәдениетте, оның үнемі қозғалыста болуына орай ұлтаралық байланыс, жоғары мәдени даму, бай руханият болады. Сөз қоры да дамып отырады, бірақ этникалық мәдениет негізіндегі сөздерді ажырату немесе табу біртіндеп қиындап отырады.

Тілдік ұлттық мәдениет әлем мазмұнын, сипатын жеткізуде «стереотип» деген ұғымды (қалыпты) назарға алады. Стереотип – әлеуметтік құбылыс пен нысан жайындағы жалпы үлгілік, тұрақты қалыпқа түскен бейне, ой түсінік. Ол тұрақтылығымен, көңіл күйлік бейнелілігімен көрінеді.

Тіл ғылымында стереотип мәселесі негізгі ұғымдық бірлік емес. Бұл психология ғылымымен байланыста туындап, психолингвистика саласынның негізі бірлігі болып қалыптасты.Шетел, одан үлгі алған орыс тіл зерттеушілері бұл бірлікті осы сала арқылы қарастырып, тіл білімінде әлемнің тілдік бейнесін ашуда, мәденитаным ілімінде, тілдің мазмұндық сипатын, қызметтік орнын тереңірек білу үшін зерттеу әдісі ретінде қолдана бастады. Бұл орайда олар тіл арқылы ұлт мәдениетін тану үшін зерттеу жүргізуде туындаған жағдайдың ықпалымен ұлт психологиясын әдет-ғұрпын, жаратылысын сипаттауда стеротип бірлігін ырықсыз қолдана бастады. Сөйтіп стереотип ұғымдық бірлігі тіл білімінде психолингвистикамен қатар тіл мәдениеті, паралингвистика,

этнолингвистика, дінтану, мәдениеттану, т.б. салаларында әлемнің тілдік бейнесін, ұлттық тілдік бейнені ашуда қажеттілігін өтей бастады.

Қоғамдағы әлеуметтік шарттардың, қалыптасып қалған жағдайдың әсерінен адамның белгілі бір құбылысқа әдеттік қатысы, көзқарасы стереотип болып табылады.

Зерттеуші С.Г.Тер-Минасова тіл мен мәдениаралық байланыс туралы мәселені көрсетуде стереотиптің басқа бір жеке ұлттың мәдениетіне де әсері болатынын түсіндіреді: «Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира» [3].

Стереотип түсінігін алғаш рет 1922 жылы У.Липпман деген ғалым қолданған. Ол стереотипті әлемнің күрделі нысандарын қабылдауда адамның күшін үнемдететін адам миындағы реттелген, мәдениет арқылы жобалы жинақталып, әбден қалыптасқан әлем бейнесі деп есептеген [4]. Стереотип адамның өзін, оның тұлғалық ерекшелігін қалыпқа түсіреді.

Тіл білімінде сөзге айналған, шоғырланған стереотип – пайымдау нәтижесі. Әр ұлттың өз пайымдауы, ойлауы сөзбен жетіп, өз стереотипін қалыптастырады, осыдан тілдік мәдениеті, тілдік әлем бейнесі көрінеді. Қазақ халқында ұлттықты айқындайтын, жаратылыспен қалыптасқан стереотиптерге *адамзатты бірінші орынға қою (Адамға ғана кім сұрағын қолданатыны), туыстық қатынасты сақтау, қонақжайлылық, кішіпейілділікті сақтау, үлкенге қарсы келмеу, салмақты болу, сабырлылық сақтау, әдептілік, кеңпейілділік, салт-дәстүрді дәріптеу, тектікті ұстану, т.б.* белгілері аталады. Мәселен, қазақ ұлттық мәдениетінде «**қонақжайлылық қатынасы**» мен «**туыстық қатынасы**» стереотипі негізгі орында болғандықтан, осы стереотиптен туындайтын сөздер басым қолданылады. Қазақтың сөйлеу мәдениетінде *қонақ күту, туыстыққа* қатысты сөздер басым қолданылады, соның негізінде жаңа сөздер, мақал-мәтел, тұрақты тіркес түрлері туындап отырады.

Бұлар тек қарым-қатынас, күнделікті тұрмыстық әрекетте ғана емес, қызмет бабында да, ресми орындарда көрініс тауып жатады. Оларды ұлт өкілдері тілдесіп жатқан жағдайда аңғаруға болады.

Стереотиптің ер адамға, әйел адамға қатысты жағы да бар. Психологиялық ғылымда ол гендерлік стереотип деп аталады. Бұл – әйел мен ер адамның жеке дара ерекшеліктері мен жүріс-тұрысын айырып көрсететін әлеуметтік сипат және осы сипат әлеуметтіліктің гендерлік айырым-белгісі болып табылады. Негізінде стереотип адам өмірі үшін маңызды қызмет атқарады. Ол қоғамда адамның, оның жеке өмірі жағдайының қорғаныс құралы іспеттес, сөйтіп реттелген әлем бейнесін жасайды, өйткені сол жеке әлемде адамның өзі ғана бейімделген, өзін еркін сезінетін, өзіне ғана тән әдеті, қабілеті, үміт-ықыласы, көзқарасы, талғамы, қанағаты қалыптасқан. Оған өзгеріс енгізу мүмкін емес, өзгеріс енгізуге тырысқанда, қалыптасқан әлемге шабуыл жасағанмен бірдей

болады. Осылайша стереотип жеке адамның, қала берді, ұлттың жеке әлемін қадірлеуге, өзін өзі сыйлатуға, құқығы мен қоғамдық жағдайын қорғап, реттеудің дерексіз түрдегі кепілі болады.

Стереотиптік қатынастың түріне қарай тілде сөз қоры жинақталады. Қазір кейбір аталған стереотип түрлері өмірлік дамудың әсерінен өзгеріске түсті, тіпті ұзылды десек те болады.

Ал тіл ғылымында стереотип Әлемдік дүниедегі деректі/дерексіз нәрселер мен құбылыстардың адам санасында, ойында шоғырланып, жүйеленген, бір мазмұнға жинақталған, тұрақталған қатынас түрі түсінігінде қабылданып, қарастырылады. Бұл жағынан алғанда стереотип концепт түсінігімен мазмұндас болады. Бірақ стереотип дүниетанымдық қатынас болса, концепт – жекелеген кіші ұғымдардың жинақталған, иемделген бір шоғырға тұтасқан үлкен ұғым көрінісі.

Стереотип мәні жағынан әлем бейнесінің жағдай, нәрсе-құбылыс арқылы санада өмір сүріп, тұрақталған, дүниетанымдық қалыпқа түскен ұлттық мәдени қатынас көрінісі болып, тілдік қарым-қатынаста нақты сөздермен таныла отырып, дерексіз сипатта ашылып беріледі. Стереотиптің танылуынан әр ұлттың әлемдік бейнесі білінеді, тіпті бір ұлт ішіндегі адамның жеке стереотиптік ерекшелігінен сөз танымы жасалады.

Н.В.Уфимцева стереотипті этникалық пен мәдени түрге бөледі. Оның түсіндіруінде этникалық стереотип қарапайым, аңқау этностың ойлау жүйесі мен жаратылысын, ұжымдық тұрғыдан тереңге ой жүгіртпеуін түсіндірсе, мәдени стереотип жеке тұлғалық, жекелеген жаратылысты айқындап, оның тәрбиеге көнетіндігін білдіреді.

Бұдан тыс стереотипке жалпы тән белгі – оның тек ұлттық негізде болып келетіндігі. Тіпті оның бір ұлттан екінші ұлтқа сәйкестігі, ұқсастығы болып жатса да, әйтеуір бір ерекшелігі айқындалып тұрады. Бұл тұрғыда Н.В.Уфимцева стереотиптің басқа ұлт мәдениетінде ұқсастығының көрінісін квазистереотип деп атайды [5].

Стереотип концепт, лакуна, ақыл-ой жаратылысы (менталитет) сияқты танымдық тіл ғылымында бірдей сипаттауға түскенмен, оның қызметі мен мән-мазмұны олардан мүлде бөлек. Ол әлем бейнесінің, оның ішінде ұлттық әлем бейнесінің, ұлттық мәдениеттің бір көрінісі болып табылады. Әрине, ол да танымдық тіл ғылымында негізгі зерттеу нысаны деп есептеледі. Стереотип концептімен тең түспейді де, бөлек ажыратылмайды да. Керісінше Концепт Стереотипті тарамдатып, саралап түсіндіретін тілдік ұғымдық бірлік болады, ал **Стереотип – кең мазмұндағы қатынасты айқындайтын мәдени ұлттық танымдық ұғым, бірақ тілдік бірлік ұғымы емес.** Осы қырынан алғанда **Стереотип бірінші болса, Концепт екінші орында тұрады.** Сол себептен Стереотип мәселесі әлемнің тілдік бейнесі тақырыбында тілдің (сөздің) пайда болу, жасалу мазмұнының негізгі өзегі ретінде жеке қаралады.

Стереотип әлемнің тілдік бейнесінде сөздердің ұлттық мәдени ерекшелігін сөзжасамдық тұрғыда ашуда, қарастыруда ғылыми әдіс ретінде қажет. Стереотип тек тіл ғылымында ғана емес, басқа ғылым түрлерінде де әдіс-тәсілдік құрал ретінде қолданысқа түсе алады.

Бұдан басқа тіл, дайын болған сөз арқылы стереотиптің концептімен басқа да байланысын аңғаруға болады. Алдында айтқанымыздай, стереотип бірінші болса, концепт оны танытушы болғандықтан, екінші қызметте келеді. Стереотип арқылы әлем концептіленіп, тілмен, сөзбен ашылса, концепт стереотипті түсіндіреді. Екеуінің байланысын қарама-қарсылықпен және белгілі бір жағдайда тепе-теңдікте түсінеміз.

Стеротип психологиялық ұғым бірлігі болғандықтан, оған ол тұрғыдан сипат беру артық. Тілтанымда тілдегі стереотиптің белгілерін көрсету жағы негізге алынады.

Тілдегі стереотип нақты тілдік бірліктермен көрініс табады. Оны ұлттық мәдениет ішінде анық танимыз. Тілтанымда стереотип ұғымының қызметтік мәні жалпы дүниетаным, мифтік таным, діни таным, ұлттық дүниетаным, философиялық таным, жеке тұлғалық таным барысын айқындауда нақты көрінеді.

Әдебиет

1. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1, Ленинград, 1958.
2. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. - М., Наука, 1972. - 566 б.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. www.abroad.ru.
4. Липпман У.Общественное мнение/ауд.Т.В.Барчунова. М.:Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков//Семиотика. Аударма жинағы. Ю.С.Степанова басқ. М.: Радуга, 1982.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ВОКАТИВЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В КАЗАХСКОМ, РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Б.К. Шевчук
Инновационный Евразийский университет, Павлодар, Казахстан

Родство – понятие социальное, историко-этническое, т.к. его развитие обусловлено не только всеобщими закономерностями, но и бытом, культурой, моралью того или иного этноколлектива.

Типология родства и типы номинации родства подтверждают лингвистическую и экстралингвистическую обусловленность формирования и функционирования обозначений родства, прослеживается социально- ис-

торическая обусловленность системы обозначений родства и связь с семейно-родственными институтами.

Подробное рассмотрение терминов родства не является объектом специального рассмотрения в нашей работе. Данная проблема достаточно хорошо разработана на материале одного языка и в сопоставительном плане на материале различных языков, как групп славянских и тюркских языков. В различное время было проведено достаточное количество научных исследований.

Назовем ряд кандидатских и докторских диссертаций, в которых рассматривалась терминология родства с различных позиций это такие, как: М.Ш.Сарыбаева [1]; Х.А. Аргынбаев [2]; А.А. Бурячок [3]; [А.В. Зарецкий [4]; А.М. Кузнецов [5]; А. Кулиев [6]; А.А. Мулдагалиева [7]; О.С. Чеснокова [8]; И.М. Шарапова [9].

Опубликованы монографии по терминам родства: С.М. Абрамзоновым [10]; Х.А. Аргынбаевым [11]; Н.В. Бикбулатовым [12]; В.Д. Бондалетовым [13]; М.М. Гухманом [14]; Н.В. Джавахадзе [15]; Е.П. Карновичем [16]; Л.А. Покровской [17]; Э.Г. Соселия [18]; О.Н. Трубачевым [19]; Ф.П. Филиным [20].

В силу ограниченности объема работы, классифицируемая нами, типология родства с учетом параметра «источник связи», отражена в *приложении Б* данного исследования. В приложении представлена схема – «определенное реальное родство» по параметру «источник связи», которое подразделяется нами на два вида: когнационное (КР) – родство по крови и матримониальное (МР) – родство по браку.

В *приложении В* представлена таблица №1 «Терминосистемы определенного реального когнационного и матримониального родства казахского, русского, английского и китайского языков». Взятая за основу таблица терминосистемы М.Ш.Сарыбаевой дополнена и расширена нами рядом английских терминов, а также полностью нами введены термины родства из китайского языка. В силу технических трудностей весь материал по китайскому языку приводится на латинице.

«Терминосистема определенного реального родства подразделяется на реальное когнационное родство и реальное матримониальное родство, т.к. они являются общечеловеческими категориями и система родственных отношений в анализируемых языках здесь раскрывается полнее.

Реальное когнационное родство образуется в результате установления действительных генетических связей, оно является полнородным типом родства, возникающим вследствие первичного брака» [1, с.79]: каз.: кызым, ұлым; рус.: сын, дочь; англ.: son, daughter; кит.: erzi – сын, nuer – дочь.

«Реальное матримониальное родство образуется в результате юридически закрепленного заключения брака. Оно устанавливается:

а) непосредственно между мужем и женой, а также с кровными родственниками мужа / жены» [1,с.79]: каз.: ене; рус.: свекровь; англ.: mother in law; кит. – gonggong.

«б) с мужем / женой кровного родственника (сына, дочери, брата, сестры), а также с их кровными родственниками» [1,с.79]: каз.: жиен, келін; рус.: жена сына сестры; англ.: daughter in law; кит. – dimei.

Термины родства в казахском, русском, английском, китайском языках отражают определенный тип семейно-родственных отношений, правила и обязательства членов семьи.

Но в отличие от русского, английского, китайского в казахском языке система родственных отношений отличается большей детализованностью, употребляются чаще, т.к. характеризуют национально-специфичные особенности культуры народа, менталитет, глубокие философские традиции, самобытность народа.

В нашем исследовании выявлению семантики терминосистемы определенного реального когнационного и матримониального родства были подвернуты 156 терминов без повторов.

Согласно семантике данной терминосистемы результаты в количественном отношении в казахском, русском, английском, китайском языках располагаются следующим образом, в таблице №1.

Таблица № 1 – Терминосистема определенного реального когнационного и матримониального родства казахского, русского, английского и китайского языков

№ Семантика терминосистемы (156 терминов без повторов)	**Казахские термины и терминосочетания родства**	**Русские термины и терминосочетания родства**	**Английские термины и терминосочетания родства**	**Китайские термины и терминосочетания родства**
Когнационное родство с № 1-109 (по крови)	59	36	45	40
Матримониальное родство с №110 – 156 (по браку)	20	14	6	14
Общее количество	79	50	51	54
Всего	234			

Как видно из приведенной выше таблицы, наибольшее количество терминов родства, выполняющих функции вокативов, прослеживается в казахском языке, и является показателем большей детализованности структуры родственных отношений и сохранившейся их актуальности в жизни казахского общества.

В казахском языке термины родства используются в речи во всех социальных и возрастных группах, и они широко, повсеместно употребляются в речевом обиходе казахов. Говорящий обычно называет

собеседника по родственному отношению. В некоторых случаях подобное обозначение лица представляется единственно возможным, т.к. выступает в роли эвфемизма в тех случаях,когда, например, женщина не смеет называть по имени родственника мужа.

В остальных языках термины родства являются нечастотными в речевом общении. Термины родства, которые используются в казахском языке, не имеют в основном универсальных соответствий в других языках.

«Широкое употребление терминов родства в качестве вокативов в казахском языке объясняется несколькими факторами: 1) значимостью семейно – родственных отношений в жизни казахского народа и его разветвленностью; 2) тот или иной статус в системе семейно – родственных связей обусловливает определенный тип поведения по отношению к другому члену в общении друг с другом. Например, в ситуации муж сестры «*жезде*» и ее сестренка «*балдыз*» – у «*жезде*» по отношению к «*балдыз*» появляются определенные обязанности: он должен опекать, защищать, советовать, направлять и т.д., и в свою очередь *балдыз* воспринимает *жезде* как отца, опекуна и складываются особые отношения между ними; 3) примат родственных отношений в жизни казаха обусловливает тенденцию – все виды общения переводить на тональность семейно-родственных отношений» [21, с.104].

Далее мы приведем примеры вокативов терминов родства в казахском языке, которые наиболее ярко отражают лингвокультурологическую особенность данных языковых явлений.

«1. Вокатив – каз. *ата,* рус. *дед*, англ. *grandfather*, кит. *zufu*, *yeye*.

В обращении к собеседнику – родственнику старшего возраста вокатив *ата* выражает *уважение*: «Не открывая глаз, старик спросил: – Алибай где? – Пошел баранов пригнать поближе к дому. – Вернется – ко мне его пошли. Манал помялась у двери. – *Ата*… У меня чай кончился. Осталось на одну заварку» – по отношению к отцу мужа. (Белянинов Непредвиденные обстоятельства).

Функция казахского вокатива *ата* и русского *дедушка* в целом совпадают, поэтому сохранение казахизма можно объяснить стремлением к отражению того факта, что общение осуществляется на казахском языке.

2. Вокатив – каз. *аға*, рус. *дядя*, англ. *uncle*, кит. *bofu*.

В общении с собеседником – родственником или близким человеком он выполняет гонорифическую функцию – *выражение вежливости, почтительности:* «Может, потому что сын Кусена приходился ему сверстником, или еще по какой причине, только Боздак обращался к нему не иначе, как с уважительным *аға*. Вот и сейчас он спросил, придержав коня: – *Аға*, можно дослушать ваш рассказ». (Муратбеков. Кусен – Кусе – ке).

3. Вокатив – каз. *жеңге*.

Лексема *жеңге* может быть применена по отношению *к женщине, являющейся женой старшего родственника*, и *к замужней женщине, старшей по возрасту, более или менее знакомой собеседнику.* По отношению к родственнице вокатив *жеңге* выражает сему *уважительность, почтительность*: «В полдень приехал брат отца… Вытирая пот с бритой макушки, он принялся утешать маму Амана: – Работайте спокойно, *женге.* Доставим вам Амана в целости и сохранности».

Вокатив *женге* часто встречается в вариантах *жеңеше, жеңгетай,* при этом либо усиливается сема *уважительность*, либо на первый план *выдвигается прагматическая функция:* «Ораз подскочил к ней (жене чабана), стараясь заглянуть в глаза: *Жеңгетай,* зачем же так сердиться! Да мы вам еще один загон поставим. Лучше этого! – уговаривал он» (Нурмагамбетов. Поле детства)

4. Вокатив – каз. *келін*.

Вокатив *келін* имеет следующую особенность: *семантика (невестка, сноха, выполняющая все хозяйственные работы, занимающая низшее положение в семейной иерархии)* позволяет конкретизировать прагматическую функцию вокатива, заключающуюся в стремлении коммуниканта задеть достоинство собеседницы, указав на ее место в семье: «Айтолкын подняла руку, и две молодые женщины двинулись к Улпан, чтобы прикрыть ее занавесью от посторонних глаз, когда она будет идти к дому своего мужа.Улпан тоже подняла руку, останавливая их, и сказала: – Послушай, *келин*… Скажи им, чтобы убрали… Я не стану прятаться, когда иду в свой аул. «*Келин*?...» Для Айтолкын, первой женщины в ауле, такое обращение было похлеще удара плети… (Мусрепов. Улпан – ее имя)» [21, С.104-106].

Для казахов характерно, что родство ведется по трем основным линиям: по линии отца (*өз жұртым*), по линии матери (*нағашы жұрт*), по линии мужа/жены (*қайын жұрт*) и соответственно им используются вокативы. А в китайском языке родство подразделяется на династии.

Определяющим считается родство по линии отца. Через отца каждый казах входит в родовое объединение, обозначаемое понятием ру. Ру – это род поколений, происходящих от общего предка. Ру может состоять из десятков поколений и иметь несколько ответвлений.

В системе ру появляется понятие «*жеті ата*» /буквально: семь отцов/. По казахскому обычаю каждый казах обязан знать и помнить имена своих семерых ближайших, начиная от отца предков. Считается, что поколения, составляющие «жеті ата», связывают узы кровного родства. «Жеті ата» – это терминосочетание родства, с одной стороны, с другой – символ большой патриархальной семьи.

В отличие от казахского языка в остальных языках система родственных отношений, группа терминов родства не играет значительной роли. Терминов родства в анализируемых языках намного меньше, они не

продуктивны, и их значения утрачены. Если у нас каждый казах должен знать своих семерых предков, то у русских это не обязательно. Обычно они знают только кровных родственников двух поколений.

Именно этими факторами объясняется частотность и продуктивность использования казахских терминов родства в функции вокативов, имеющие лингвокультурологические особенности.

Литература

1. Сарыбаева М.Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках: Дисс…канд. филол. наук. – Алматы, 1991.
2. Аргынбаев Х.А. О некоторых пережиточных формах брака у казахов. // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1978. – С. 94-106.
3. Зарецкий А.В. Семантико-функциональный цикл слов с доминантным значением родства: Автореф. дисс…канд. филол. наук. – Киев, 1983. – 19 с.
4. Бурачок А.А. Названия родства и свойства в украинском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Киев, 1954. – 19 с.
5. Кузнецова А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанском языках: Дисс…канд. филол. наук. – М., 1970. – 175 с
6. Кулиев А. Термины родства в туркменском языке: Автореф. дисс… канд. филол. наук. – Ашхабад, 1967. – 15 с.
7. Мулдагалиева А.А. Морфо-семантический анализ терминов родства в современном английском языке: Дисс… канд. филол. наук. – М., 1986. – 167 с.
8. Чеснокова О.С. Русские и испанские обращения – наименование родства: Автореф. дисс… канд. филол. наук. – М., 1985. – 17 с.
9. Шарапова И.М. Терминология родства в рязанских говорах: Дисс… канд. филол. наук. – Рязань, 1976. – 267 с.
10. Абрамзон С.М. О некоторых терминах родства в тюркских языках // Сб. ст. к семидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука, 1976. – С. 204-207.
11. Аргынбаев Х.А. О некоторых пережиточных формах брака у казахов. // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1978. – С. 94-106.
12. Бекболатов Н.В. Башкирская система родства. – М.: Наука, 1981. – 124 с.
13. Бондалетов В.Д. Типология и генезис русских арго. Учебное пособие – Рязань: Ряз. гос. пед. ин-тут, 1987. – 82 с.
14. Гухман М.М. Доиндоевропейские термины родства в германских языках // Сб. тр. памяти академика Марра Н.Я. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 436 с.
15. Джавахадзе Н.В. Система родства осетин (грузинско-осетинские этнографические параллели). – Тбилиси: Мецниереба, 1980. – 123 с.

16. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев в России. – М.: СПб., 1886. – 249 с.
17. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках. // Историческое развитие лексики тюркских языков: – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 1-82.
18. Соселия Э.Г. Анализ систем терминов родства (на материале кратвельских языков) – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 112 с.
19. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 211 с.
20. Филин Ф.П. О терминах родства и родственных отношениях в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. – Т. XI. – Вып.2. – Л.: Наука, 1948. – С. 329-346.
21. Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. Казахское слово в русском художественном тексте. – Алма-Ата: Ғылым, 1999. – 168 с.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Н.А. Яковлева, В.В. Котельников, И.А. Тимофеева
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

В наше время многие понимают, что в век научно-технического прогресса не обойтись без сотрудничества между крупнейшими государствами мира. Люди осознают, что изучение иностранных языков становится явно необходимо. Ведь общий язык, это наиважнейшая ступень в развитии любых политических отношений. Поэтому знать иностранные языки должны не только ученики института языкознания, но и специалисты технических специальностей, так как в будущем данным специалистам, для карьерного роста, возможно, придется найти работу вне своей страны.

Для осуществления диалогов в дипломатических отношениях существует несколько общепринятых языков. Некоторые из них приобретают статус международных, другие же наоборот, теряют силу ввиду географических, культурных и экономических факторов. Однако ряд нескольких иностранных языков укрепил за собой статус международных. Это такие языки как китайский, русский, английский, испанский, арабский, португальский, немецкий и французский [1].

Прежде всего, изучение иностранных языков развивает нас всесторонне. Ученых со всего мира интересует вопрос, чем же так полезно владение языками?

Группа британских исследователей выяснила, что это сопутствует увеличению количества серого вещества в мозге.

При помощи сканеров ученые определяли увеличение количества нейронов. Результаты сканирования мозга показали, что плотность серого вещества в левой париетальной коре мозга была выше у лиц, владеющих вторым языком, чем у тех, кто не говорит ни на одном языке, кроме родного. Причем самая большая плотность была у тех, кто начал учить иностранный язык в детстве. Вывод ученых однозначен: изучение языков меняет плотность серого вещества [2].

Таким образом, изучение иностранных языков повышает в целом способности человека к обучению и интеллектуальному развитию, что особенно необходимо в вузах с техническими специальностями.

Однако владение языками влияет не только на интеллектуальную деятельность человека, но и на эмоциональную, и психологическую, и духовную. После дополнительных исследований ученые пришли к выводу, что некоторые люди стали коммуникабельнее.

Так же эти навыки позволяют нам не только общаться с жителями других стран, они дают возможность проникнуть в культуру народа, понять его менталитет, коснуться реалий той жизни, за границей.

Для специалистов технических вузов изучение иностранных языков будет очень полезно, так как данным людям часто приходиться сотрудничать или советоваться с иноязычными коллегами. А также языковые познания пригодятся при продвижении по карьерной лестнице, ведь зачастую многим достойным специалистам предлагают работу за границей.

В наше время существует множество способов изучения иностранных языков. Выделяют несколько наиболее действенных видов:

1. Метод звуковых ассоциаций. Метод профессора Стендфордского университета Рона Аткинсона подразумевает оригинальный вариант запоминания иностранных слов - по созвучию со знакомыми словами на родном языке. Необходимо составить с прочитанным словом предложение - ассоциацию, включающее в себя и перевод. Метод удобен с точки зрения индивидуального подхода и необходимости свободно мыслить.

2. Стикеры с названием. Данный метод изучения подходит для запоминания существительных применимых в быту. Пишете на стикере «refrigerator» и клеите на холодильник, «door» займет место на двери, а надпись «table» украсит кухонный стол. В процессе обучения листочки можно менять, дополнять и увеличивать их количество. Метод хорош для работы на начальных этапах, впоследствии же все равно придется прибегнуть к коммуникативным наработкам и изучению основных грамматических правил.

3. Метод полного погружения. Данный метод, разработанный лингвистом и педагогом Максимиллианом Дельфиниусом Берлицем. Он предложил эту инновационную методику еще в 1878 году. В соответствии с этим методом, ученик полностью «погружается» в роль иностранного гражданина. Он

может выбрать себе соответствующее имя, сочинить биографию, приписать определенные знания, умения и привычки. Процесс обучения проходит полностью на изучаемом языке, перевод не допускается [3].

Лексика и грамматика изучаются в контексте разговоров, без учебников и подсказок. Таким образом, создается атмосфера, способствующая раскрытию истинного потенциала без скованности и стеснения. У данного метода есть и дополнительные плюсы – развитие социальных навыков и театральных способностей при максимуме позитивных эмоций [4].

Однако для некоторых специалистов технических специальностей данные методы изучения могут быть не актуальны. Проведя собственные исследования, мы выявили несколько причин, которые могут помешать владеть тем или иным языком в совершенстве.

1. Отсутствие цели. Нужно понять для чего необходимо изучение языка. Чёткое понимание человеком, что ему даст знание языка, существенно повысит продуктивность изучения. Ложная мотивация – одна из преград, мешающих человеку освоить английский язык.

2. Владение «разговорным языком». Под данной причиной подразумевается, что человек желает освоить только минимум, необходимый для общения устно, а всё, что касается более глубокого изучения, например, чтения литературы в оригинале, человек будет обходить стороной. Однако прослушав любой разговор, можно понять, что в нем используются цитаты из литературы, кинофильмов, обрывки анекдотов и т.д.

3. Языковая среда. Многие из нас считают, что если мы попадем в среду, где изучаемый язык - родной, то сразу овладеем им в совершенстве. Однако плачевные примеры многих эмигрантов доказывают обратное. Быстро освоив минимум для жизни, человек прекращает повышать свой языковой потенциал.

Таким образом, можно сделать вывод, что знание иностранных языков полезно как специалистам технических специальностей, ведь их ум развивается в сторону математического склада, так и обычным людям, потому что повышаются их коммуникабельные способности. Изучая какой-либо язык, мы открываем новый, неизведанный мир для нас, повышаем свои интеллектуальные способности и коммуникативные навыки.

Литература

1. http://russian7.ru.
2. http://www.ang-det.ru/.
3. Моделирование процесса развития умений самоорганизации студентов технического вуза средствами иностранного языка / Шагбанова Х.С. European Social Science Journal. 2014. № 6-2 (45). С. 171-173.
4. https://ru.wikipedia.org.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Н.А. Яковлева, О.Х. Кузакбердиева
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Язык - это движение. Прогресс и развитие. Язык идет шаг за шагом за развитием человечества, за цивилизации. Он отражает для человека его окружающий мир и открывает новые возможности [2;10].

Его главным назначением является - социальное взаимодействие с другими людьми.

В эпоху глобализации всех сфер в общественном мире, неотъемлемой частью нашей жизни является знание иностранного языка. Это не роскошь или прихоть, как думают некоторые, это необходимость для современного человека [1].

Мы часто сталкиваемся с тем, что знание иностранного языка становится для нас жизненной потребностью. Невозможно переоценить важность иностранных языков для специалистов разных профессий и в частности их значимость для врача - профессионала высокого класса.

С первого курса медицинской академии, мы погружаемся в просторы латинского языка. Это прекрасный язык, обладающий удивительной историей. Наверно не существует другого языка, который оказал непосредственное влияние во всех сферах жизнедеятельности и профессиональности индивида. А особую роль он играет в сфере медицинского здравоохранения - при работе с пациентом, чтении клинических диагнозов и лекарственных препаратов [3].

На втором месте по важности является английский язык. Он является средством межнационального и международного общения. Как известно, приблизительно в 60 странах, английский язык является официальным, что не может не говорить о важности его изучения.

В нашей практике, есть один особенно важный фактор, который заставляет большинство нынешних и будущий врачей изучать иностранный язык – это отсутствие нужной информации на родном языке. Несмотря на то, что Россия великая держава и входит в десятку стран с развитой мировой экономикой, в отношении медицины, к сожалению, такое сказать невозможно.

Отсутствие многих рекомендаций по лечению и диагностике, вынуждает многих специалистов обращаться за помощью к таким иностранным источникам как научные журналы, публикации, статьи.

Большое значение имеют международные конференции, позволяющие врачу узнавать о новых тенденциях в мире. Благодаря им, мы узнаем о появлении новых препаратов на рынке, об их тестировании и благоприятном лечении болезней.

Роль изучения иностранного языка становится очень важной для людей, в частности для медицинских работников, которые стремятся к успешному развитию своей карьеры. Специалист высокого уровня будет более конкурентоспособным, если в его запасе есть знание одного и более иностранных языков, что дает возможность обрести работу в зарубежных клиниках.

Апогеем в профессии врача, является желание поделиться со всем миром со своими наблюдениями, клиническими случаями в практике, возможно и своим изобретением, но именно из-за незнания иностранных языков, существует опасность попадания в тупик при необходимости публикаций в международных изданиях. Для того чтобы донести до читателя или слушателя свою идею, нужно не только обладать знаниями, но и уметь грамотно перевести их на другой иностранный язык. Непонимание или отсутствие навыков правильного перевода может погубить весь труд ученого-медика.

Изучение иностранного языка – это не просто дань моде, а непрерывный процесс получения знаний, без которых не обойтись в современном мире.

Вот почему очень важно изучать языки – ведь это огромный скачок в развитии не только на профессиональном уровне, но и личностный рост индивида, благодаря которому повышается образованность и увеличивается круг интересов, побуждающий на саморазвитие [4;348].

Литература

1. Ученый и время / *Шагбанова Х.С.* страницы жизни и научной деятельности Хамида Ярми / Х. С. Шагбанова, Н. М. Уразова ; Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высш. проф. образования "Тюменский гос. нефтегазовый ун-т". Тюмень, 2009.
2. Бодуэн де Куртенэ, Виноградов, В.В. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / Бодуэн де Куртунэ, В.В. Виноградов.- М.: АН СССР, 1963.- Т.1.- 384 с., Т.2.- 391 с.
3. Грязнова, М. А. Совершенствование иноязычной профессиональной компетенции медицинских специалистов в рамках постдипломного образования/ М. А. Грязнова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология, востоковедение, журналистика. - 2011. - Вып. 1, март. - С.71-80.4. 1. Покровская, З. А. Латинский язык [Текст]: учебник/ З. А. Покровская, Н. Л. Кауман – М: Мир, 1987.
4. Яковлева Н.А Роль языка в формировании личности человека. / Н.А.Яковлева // Вопросы гуманитарных наук. - 2007. - № 3.- С. 347-349.

ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОБОРОТАМИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

С.Ф. Яркаева, Г.А. Басырова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

В школьных грамматиках башкирского языка, вышедших в двадцатых, особенно в тридцатых и сороковых годах, одиночные причастия и деепричастия включались в состав второстепенных членов предложения, а составные или распространенные обстоятельственные (деепричастные) обороты рассматривались как разновидность придаточных предложений.

Правда, по своей синтаксической природе определительный (причастный) и обстоятельственный (деепричастный) обороты напоминают как обособленные второстепенные члены предложения, так и придаточные части сложноподчиненного предложения, так как последний, организующий компонент этих трех синтаксических единиц выражается причастием или деепричастием.

Детально анализируя синтаксическую структуру деепричастных оборотов, характерных для грамматического строя башкирского языка, Г.Г.Саитбатталов придает большое значение последнему, организующему компоненту анализируемых синтаксических единиц.

По мнению ученого, основной, организующий компонент обстоятельственных оборотов, осложняющих простые предложения, выражается следующими словоформами:

1) деепричастием на -п. Например: *Ул, аяҡтарын алға һуҙып, бер ситтәрәк яңғыҙы ҡлән өҫтөндә ултыра ине* (М.Кәрим). Он, протянув ноги вперед, сидел один в стороне, на траве;

2) причастием прошедшего времени в форме местного падежа: *Мәктәпкә килгәндә, Салих рус телен башҡа иптәштәренә ҡарағанда ла насарыраҡ белә ине* (С.Агиш). Когда Салих поступал в школу, знал русский намного хуже других;

3) причастием прошедшего времени с аффиксом дай-дәй: *Элеватор башындағы ҙур электр лампаһы, йондоҙҙарға табан ынтылғандай, үрҙәрәк яна* (С.Агиш). На элеваторе большая электрическая лампа горит все выше, как будто стремится к звездам.;

4) причастием прошедшего времени с послелогами көйөнсә или хәлдә. Примеры: *Мин һаман шул көйөнсә, бер һүҙ өндәшә алмай тороп ҡалдым* (З.Биишева). Я все ещё в таком состоянии, не успел сказать ни одного слова;

5) причастием прошедшего времени с послелогом күрә. Например: *Ғариф ҡарт, һәр кешене бары тик булдыҡлылығына ҡарап баһалағанға күрә, Мәликәне үҙ ҡыҙы урынына ярата ине* (Д.Исламов). Старик Гариф из-за того, что человека оценивал по достоинствам, любил Малику как свою дочь;

6) именем действия в форме исходного падежа и послелогом һуң. Например: *Мырҙаҡай, Тимерғәли ҡарт менән ваҡ-төйәк йорт нәмәләре тураһында һөйләшеп алғандан һуң, һүҙҙе төбәп килгән мәсьәләгә күсерҙе* (Ғ.Дәүләтшин). Мырзакай, поговорив со стариком Тимергали о повседневных нуждах, перешел к тому вопросу, из-за которого пришел;

7) причастием прошедшего времени с послелогом һайын. Например: *Йәшлегем таңына күберәк сәйәхәт яһаған һайын, мин нығыраҡ ҡурҡам* (Д.Исламов). Каждый раз, когда вспоминаю о своей ранней юности, я ещё больше боюсь;

8) глаголом изъявительного наклонения с послелогом өсөн или инфинитивом с послелогом тип. Примеры: *Кәбир, һүҙҙе икенсегә борор өсөн, Ҡыҙрас менән Гөлзифа тураһында һөйләп алды* (Яр.Вәлиев). Кабир стал рассказывать о Кыдрасе и Гульзифе, чтобы избежать разговора на эту тему;

9) деепричастием на -ғас/-гәс. Например: *Ваҡытында, ныҡлап ҡыҫымға алынғас, эмиграция хаҡында ла уйланып ҡуя* (Д.Бүләков). В свое время, от того что стал испытывать притеснение, подумывал и об эмиграции;

10) деепричастием на -ғансы/-гәнсе. Примеры: *Һигеҙ һыйыр аҫырағансы, һигеҙ һыйыр аҫыра* (башҡорт халыҡ мәҡәле). Чем держать восемь коров, лучше одну жирную (башкирская народная пословица);

11) деепричастием на -майынса или -мәйенсә. Например: *Ҡайҙа барыуын да, ни эшләргә йыйыныуын да уйлап тормайынса, Баҡый тышҡа ташланды* (Яр.Вәлиев). Не зная, куда идти, что делать, Бакый вышел на улицу;

12) причастием прошедшего времени и послелогом һымаҡ (кеүек, шикелле, төҫлө). Например: *Нурияның йөҙөндәге шатлыҡ, ҡул менән һыпырып ташлаған һымаҡ, бөтөнләй юғалып ҡалды* (Ш.Насыров). Радость с лица Нурии, совсем пропала, как будто сняли рукой;

13) причастием прошедшего времени с суффиксом -лыҡтан/-лектән. Например: *Әхмүш, бәләкәйҙән үҙенең һәр бер ғәйебенә һылтау табып үҫкәнлектән, шуның өҫтөнә бик кире булғанлыҡтан, һылтау менән үҙен аҡларға тырыша, кирелек менән үс алырға тырыша ине* (Д.Юлтый);

14) редуплицированной формой деепричастия на а или ә. Например: *Ирғәли менән Сафура, аласыҡта илап ултырған Айнур менән Айһылыуҙы йыуата-йыуата, үҙҙәренә алып ҡайтып киттеләр* (Р.Байбулатов). Иргали и Сафура, успокоив плачущих в летнем домике Айнура и Айсылу, взяли их с собой;

15) причастием прошедшего времени с послелогом өсөн. Например: *1941 йылдың ноябрендә гестапосылар, Гитлер армияһына ҡорос иретергә теләмәгән өсөн, Макар Мазайҙы аттылар* (Х.Сафин). В ноябре 1941 года гестаповцы расстреляли Макара Мазая за то, что он не захотел плавить сталь для армии Гитлера;

16) именем действия и послелогом менән. Например: *Амантаев, яр башына килеү менән, түмәләс өҫтөндә торған начальникты күрҙе* (Р.Солтангәрәев). Приблизившись к берегу, Амантаев увидел начальника, стоящего на возвышенности;

17) именем действия с аффиксом направительного падежа. Например: *Шул уйҙарҙы уйлап бөтөүгә, ул ултырған еренән аҙ ғына ынтылып ҡуйҙы* (С.Агиш). Когда он закончил думать обо всем этом, привстал с места;

18) причастием прошедшего времени с аффиксом местного падежа. Этот организующий компонент выражает условное отношение. Например: *Әгәр ҙә хәҙер практик сара күрмәгәндә, бер нисә көн үтеү менән, һуң буласаҡ* (Н.Ҡәрип). Если теперь не предпринимать практических мер, через несколько дней будет поздно.

Таким образом, характерная особенность обстоятельственных (деепричастных) оборотов состоит в том, что они, в отличие от обособленных второстепенных членов, выражаются минимум двумя полнозначными словами и всегда обособляются ввиду относительной самостоятельности.

Литература

1. Абдурахманов Г.А. Изучение синтаксиса тюркских языков. // Советская тюркология. – 1970, № 1. – С.44.
2. Амиров Р.С. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. – Алма-Ата, 1972.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – С.643-647.
4. Дмитриев Н.К., Горский С.П. Краткий грамматический очерк чувашского языка // Русско-чувашский словарь. – М., 1951. – С.895.
5. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958. – С.140.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С.433.
7. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. I том. Ябай һөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 1999. – 325-се бит.
8. Тикеев Д.С. Башҡорт теленең синтаксисы буйынса һайланма хеҙмәттәр. – Өфө: Ғилем, 2003.
9. Тикеев Д.С. Основы синтаксиса современного башкирского языка. – М.: Наука, 2004.

ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ф.В. Ярмухаметов, Г.А. Басырова
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия

Одной из самых отличительных особенностей синтаксиса разговорной речи можно назвать явление присоединения, объяснимое неподготовленностью, естественностью, линейностью, спонтанностью разговорной речи. Присоединение может быть словом, словосочетанием, даже предложением. Присоединения уточняют, поясняют, развивают основное высказывание и всегда следуют за ним.

Присоединительная связь, присоединительная конструкция, или «парцелляция», как называют этот тип связи Г.Г. Саитбатталов, Д.С.Тикеев до сегодняшнего дня специально не исследована в башкирском языкознании, хотя в связи с изучением, синтаксического строя башкирского языка привлекала внимание языковедов [6: 33, 7: 38, 8: 192].

Следует заметить, что обычно термины «присоединительная связь», «присоединительная конструкция», «присоединение», «парцелляция» употребляются в лингвистической литературе как синонимы [7: 39, 8: 192].

Изучая закономерности порядка слов в татарском предложении, Ф.С. Сафиуллина увидела широкое распространение этого явления в языке татарской художественной литературы [4: 18, 5: 193]. Эта идея дальнейшее развитие получила и в трудах М.З. Закиева [3: 263]. Авторы исследований подчёркивают, что присоединительные конструкции характерны разговорной речи, что они образуются как слово, словосочетание и предложение, выражающие дополнительную мысль к основному высказыванию, и следуют за ним. Другими словами, присоединительная конструкция уточняет, дополняет, развивает предыдущую мысль, поэтому в смысловом и грамматическом плане она оказывается связанной с основным высказыванием и возникает в процессе речи или после ее окончания [10: 25]: *Һуғыштан ҡайтҡаны бирле Әҙеһәм был өмәне быйыл тәүгә күрә. Тәүгә ҡатнаша ла* (Аҫылғужа). *Крәҫтиән эшенә тилбер булды ул. Баҫыу батыры, уңған игенсе* (А.Абдуллин). *Ҡыҙҙар йөрәген өҙәр бер егет. Фәрит Байгильдин* (Х.Назар). Как видно из примеров, слова, словосочетания связаны с основным высказыванием присоединительной связью, выделяются особой интонацией, основное высказывание которого произносится с понижением голоса.

Наблюдения над языком башкирской художественной литературы позволяют сделать вывод о том, что присоединительные конструкции и в башкирском языке несут в смысловом отношении функцию пояснения, уточнения, добавочного суждения, развития ранее высказанной мысли: *Бейек аҡ стеналар, шундай уҡ аҡ түшәм. Аҡ тәҙрә* (Р.Хажиев). *Ҡәйнәһе*

менән тәүҙә килешмәне шул Әҙеһәм. Тынышманылар (Аҫылғужа). Как видно из примеров, присоединительные конструкции вместе с основным высказыванием образуют одно целое, являются сжатой, уместившейся в составе основного высказывания характеристикой явлений, предметов, легализацией обстановки, оценкой предшествующего высказывания.

В каждом языке, в том числе и башкирском, содержатся лексико-грамматические средства связи присоединительных конструкций к основной мысли, которые могут быть бессоюзными и союзными. При бессоюзной связи основным средством является присоединительная интонация. За пределы основного высказывания могут быть вынесены как главные члены предложения, так и второстепенные. Например, подлежащее: *Кеше рухын әҙәбиәт, сәнғәт кенә түгел, фәндәр ҙә өйрәнә. Дин дә, педагогика менән психология ла* (журн.); сказуемое: *Ауылым, ауылдаштарым тураһында яҙыу – ғүмерлек хыялым. Хыялым да, бурысым да* (Р.Солтангәрәев)*;* дополнение: *Плутархты уҡыйым. Уның атаҡлы диалогтарын* (Ғ.Хөсәйенов); обстоятельства: *Әҙәм балаһы йыш ҡына, бигерәк тә олоғая төшкәс, артына, йәғни үткән йылдарына әйләнеп ҡараусан. Аңлы рәүештә лә, ирекһеҙҙән дә* (гәз.). Очень часто в башкирском языке встречаются случаи, когда за пределы основного высказывания выносятся части как сложносочиненного: *Төрлө эскадрондарҙан һайлап алды ул. Үҙе һайланы* (Р. Солтангәрәев), так и сложноподчиненного предложений: *Төлкөсура үҙенең йыйылышҡа йөрөгәнен Сажиҙәнән йәшермәй инде хәҙер. Сөнки яратмағаны-алдашыу* (Н.Мусин).

Союзные и предложные присоединительные конструкции в структурном отношении также могут быть не только главными и второстепенными членами предложения, но и простыми и сложными предложениями. В качестве связующего звена в присоединительных конструкциях выступают сочинительные и подчинительные союзы, а также некоторые послелоги: *О, ниндәй аҙ кәрәк кешене бәхетле итер өсөн... Буранлы ҡышты яҙ итер өсөн. Ҡараңғы төндө көн итер өсөн* (И.Абдуллин).

Широко употребляются при присоединительной связи сочинительные и подчинительные союзы, они способствуют развитию мысли основного высказывания, дополняют, уточняют ее. Если же в присоединительной конструкции повторяется слово основного сообщения, то подчеркивается присоединительный характер сообщения и выделяется главная мысль предложения: Муса үҙен шуға ышаныслы тота. *Көслө булғанға ышаныслы тота! (Р.* Солтангәрәев).

Часто встречаются в присоединительной функции присоединительные союзы и союзные сочетания *ләкин, һәм, тик, әммә, сөнки, һәм дә, йә, хатта, ә шуға күрә лә, йәғни и* др., которые продолжают, выделяют, подчеркивают основное высказывание, придают им выразительность, повествовательную ритмичность, а также указывают на характер уточнения высказанной в основном предложении мысли: Был төндә Мария Тереза, татлы өмөттәргә сумып, рәхәт йоҡланы. *Хатта төш тә күрмәне* (М.Кәрим).

Наши наблюдения над башкирскими текстами позволяют сделать вывод: присоединительная связь с помощью подчинительных союзов и послелогов более сильная связь, чем при помощи сочинительных союзов: Ә беҙ хәрәкәт итеүсе армияла. *Йәғни фронтта* (М. Кәрим). Ср.: Асығыуҙы ла, талсығыуҙы ла онотто улар. *Сөнки олаталары илай* (М. Кәрим).

В присоединительном значении употребляются и конструкции с компаративными, условными и уступительными союзами: Эш аты кеүек көн итһендәр ине. *Африкалағы кеүек* (Р. Солтангәрәев).

Присоединительную функцию могут выполнять также наречия с частицами, вводные слова и конструкции: Айырыуса партократия сәскә атҡан ваҡытта тура һөйләү һис мөмкин түгел ине. *Хәйер, хәҙер ҙә* (Б.Ноғоманов). *Үҙем китәм мин Сөнәғәт янына заводҡа. Моғайын, табырмын* (Ж.Кейекбаев).

Присоединение - это удобная форма выражения размышлений, воспоминаний, выделения детали портрета, характера, психологического состояния человека. В этом отношении очень выразительны короткие присоединительные конструкции, создающие отрывистую речь: Мин - ПЭ. ПЭ. Кисель. *Прокопий Прокопьевич Кисель. Мал фельдшеры. Коновал. Полковой. Коновал* (М. Кәрим). *Мин - цивильный Буркин. Ефимий Лукич. Бойормайым. Һорайым (М. Кәрим).*

В языке художественной литературы очень часто встречаются не только отдельные присоединительные слова и конструкции, но и цепочки присоединительных конструкций, позволяющие описать тончайшие оттенки переживаний, создающие напряженность, ритмичность, плавность или противоречивость основного повествования: *Ирҙәрегеҙҙең күңелендә һеҙгә тәғәйенләнгән һүҙҙәр-донъялағы иң яғымлы һүҙҙәр бик күп. Бихисап күп. Уларҙы һеҙгә ғүмер буйы әйтерҙәр. Төштәрендә түгел, өндәрендә әйтерҙәр. Күп әйтерҙәр* (Аҫылғужа).

Таким образом, присоединительная связь – широко распространенное явление в современном башкирском языке, она может быть союзной и бессоюзной, встречается как в диалогической, так и в монологической речи и широко применяется как особый функционально-стилистический прием. В составе присоединительной конструкции могут быть любые члены предложения, простые и сложные предложения, которые выполняют коммуникативную функцию и связаны с проблемой порядка слов в предложении.

Литература

1. Закиев М.З. Татарская грамматика. Т.3. Синтаксис. Казань: Тат. книжное издательство, 1992. С.262-268.
2. Сафиуллина Ф.С. Порядок слов в современном татарском языке: Автореф. дисс. …канд.филол.наук. Казань, 1966. С.18.
3. Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978. С.192-235.

4. Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Парцелляция // Башҡортостан уҡытыусыһы, 1983, № 11. 33-35-се биттәр.
5. Тикеев Д.С. Башҡорт телендә өҫтәмә конструкциялар // Материалы научно-практической конференции факультета башкирской филологии и журналистики. Өфө: Изд-во БГУ, 1997. С.38-40.
6. Тикеев Д.С. Башҡорт теленең синтаксик төҙөлөшөн өйрәнеү. Өфө: Китап, 1996. С.192-235.
7. Тикеев Д.С. Парцелляция // Хәҙерге башҡорт теле / З.Ғ.Ураҡсин һәм К.Ғ.Ишбаев редакц. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1986. 332-се бит.
8. Хатиашвили Л.П. Присоединительные связи в русском языке. Тблиси, 1963. С.25.

КАЧЕСТВО АВТОМАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ

Л.И. Яшина
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия

Современные технологии позволяют автоматизировать любой труд, и профессия переводчика не является в данном случае исключением. Автоматический перевод является самым востребованным видом услуги.

Машинный или автоматический перевод, - перевод текстов с одного языка на другой с помощью автоматических устройств. Такое определение автоматического перевода даёт математический словарь [2].

Автоматический перевод. То же, что машинный перевод. Перевод текста с одного языка да другой с помощью специальной программы для компьютера по заранее составленным алгоритмам. Такое толкование даётся Новым словарём методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [6].

Автоматический перевод осуществляется с помощью алгоритма, правила которого не содержат ссылок на знания и интуицию человека, т. е. строго формальны. Алгоритм автоматического перевода может выполняться любым подходящим устройством, действующим автоматически, например, универсальной цифровой вычислительной машиной.

Проблема автоматического перевода тесно связана с развитием современной структурной и, математической лингвистики, причем с самыми принципиальными и трудными лингвистическими проблемами, многие из которых ранее мало разрабатывались или даже не ставились вовсе.

Алгоритм автоматического перевода состоит из трех основных частей: 1) анализ текста на входном языке, т. е. выявление структуры входного текста на основе заданной грамматики входного языка; 2) преобразование, т. е. переход от структуры текста на входном языке к структуре текста на выходном языке на основе заданного переводного соответствия; 3)

синтез текста на выходном языке, т. е. переход от структуры выходного текста к конкретной последовательности слов.

Стремительное развитие сети Интернет позволило онлайн-переводчикам завоевать первенство. В этом нет ничего удивительного, поскольку больше половины всех текстов в Интернете размещены на английском языке. Однако на этом языке говорит меньше трети всего населения. В России же проблема понимания языков еще серьезнее, чем где-либо: в регионах английским языком пользуются только 7% населения, а в Москве чуть больше – 35%.

Такое положение дел обеспечивает востребованность онлайн-переводчиков. Сегодня мы используем новые каналы и способы общения, главным из которых является Интернет. Даже не зная иностранного языка, можно разговаривать со всем миром, нужно только научиться пользоваться онлайн-переводчиком.

Письменный перевод является наиболее востребованным видом профессионального перевода, т.к. имеет свою специфику. Прежде всего, это творческий вид перевода, в сравнении с остальными видами, основывающимися на интуиции, догадке и т.п. Поскольку время восприятия текста переводчиком не ограничено, то письменный перевод является наиболее обдуманным и поэтому, совершенным видом перевода.

Компьютерный или автоматический перевод—это тоже письменный перевод, так как в итоге получается письменный текст. Однако выполняет его не переводчик, а компьютерная программа. Современные компьютерные программы перевода довольно совершенны, но пока они не могут разрешить самую сложную задачу процесса перевода: выбор контекстуально необходимого варианта, который в каждом тексте обусловлен многими причинами.

Понять значение отдельных слов и определений помогает контекст, с помощью которого можно выяснить, относится ли термин к общелитературному или специальному техническому стилю. В современной лингвистике под контекстом понимается любой фактор – лингвистический, физический, общественный, который влияет на интерпретацию лингвистических знаков. Это может быть языковое окружение, ситуация речевого общения или среда, в которой существует объект. Контекст рассматривается как смыслообразующий фактор, где стоит учитывать критерии для различения контекста и близких ему по смыслу традиционных для лингвистики понятий [3].

Перевод это всегда сложный процесс, для качественного и грамотного осуществления которого не хватает мощности искусственного интеллекта. Автоматический перевод не может отразить даже самые очевидные лингвистические нюансы, а тем более эмоции, экспрессию и т.д. Поэтому применение онлайн-переводчиков может носить только вспомогательный характер, и они никогда не заменят профессионального живого переводчика.

Кроме этого, перевод связан с объектом чрезвычайной сложности – с естественным языком, поэтому с поставленной задачей разработки полно-

ценного перевода при помощи компьютера справиться не так легко. К тому же перевод — это творческая деятельность, и уже только поэтому он не может быть в полной мере заменен машиной. В настоящее время результат этого вида перевода может быть использован как черновой вариант будущего текста, который будет редактировать переводчик, а также как средство, позволяющее получить общее представление о теме и содержании текста.

Хотя автоматический перевод разрабатывается не для перевода художественных текстов или поэзии, он может помочь в рутинной переводческой работе, когда быстрота выполнения перевода важнее его качества. Машинный перевод художественных текстов практически всегда оказывается неудовлетворительного качества. Тем не менее, для технических документов при наличии специализированных автоматических словарей и некоторой настройке системы на особенности того или иного типа текстов возможно получить перевод приемлемого качества, который нуждается только в небольшой редакторской корректировке.

Чем более формализован стиль исходного документа, тем большего качества перевода можно ожидать. Самые лучшие результаты при использовании машинного перевода достигаются для текстов, написанных в техническом (различные описания и руководства) и официально-деловом стиле.

Также, машинный перевод может оказаться полезным для специалиста, не владеющего тем или иным иностранным языком, но на котором ему нужно прочитать интересующий его текст. Несмотря на то, что автоматический перевод, как правило, оказывается полным грамматических и лексических ошибок, синтаксических неточностей, человек вполне может получить общее представление о содержании текста и о том, интересен ли ему данный текст. Это поможет решить, стоит ли заказывать более качественный перевод или попытаться отредактировать уже полученный. Таким образом, машинный перевод позволяет получить то, что И. С. Алексеева условно назвала «сигнальным переводом» [4].

Результаты машинного перевода почти всегда требуют редактирования. Качество перевода зависит от тематики и стиля исходного текста, а также грамматической, синтаксической и лексической родственности языков, между которыми производится перевод. А то, насколько адекватными можно считать результаты перевода на компьютере, определяется не только качеством системы автоматического перевода, но и качеством последующего редактирования [1]. Поэтому переводчик должен быть высококвалифицированным разносторонним специалистом, великолепно разбирающимся не только в вопросах лингвистики, но и в технических дисциплинах.

Основные особенности перевода научно-технических текстов, в первую очередь, проявляются именно в обязательном знании переводчиком всех терминов, касающихся конкретной технической области перевода, он должен понимать не только смысл переводимых слов, но и учитывать все нюансы их применения.

Отличительным признаком языка научно-технической литературы является наличие большого количества специальных терминов. Термин – это слово или устойчивое словосочетание, которое имеет строго определённое значение в той или иной области науки или техники [5].

Недостатком некоторых автоматических переводчиков является неточность перевода слов, имеющих несколько значений. Для более адекватного перевода в дальнейшем можно предложить более глубокий эвристический анализ грамматического построения предложения, с улучшением качества перевода различных частей речи и их грамматических характеристик, а также исключить конфликт словарей при переводе специализированных текстов.

Грамматический анализ текстов показывает, что электронный переводчик справляется с переводом слов во множественном и единственном числе, но имеется определенная трудность в переводе падежей и постановке глаголов в нужное число. Это объясняется различной интерпретацией падежей в русском и иностранном языках: в русском – через окончание, в иностранном – через предлоги.

В настоящее время сфера использования автоматического перевода сводится к промышленному переводу. Это объясняется тем, что в таких текстах используется ограниченная по тематике лексика, а также стандартные синтаксические конструкции [4]. Главное достоинство автоматического перевода – оперативность и доступность. В конце концов, полученный «некрасивый» текст можно вручную доработать, отредактировать и использовать.

Автоматический перевод это пословный перевод, и именно это обстоятельство стоит учитывать при его выполнении. Важным звеном машинного перевода, является словарный запас автомата по переводу текста, но на современном этапе развития, ни один электронный переводчик не в состоянии сделать качественный, и легко читаемый текст. Пока проблема машинных переводов не может быть решена, так как для её решения требуется не только глубокие познания в теории перевода, но и необходимо выполнение масштабной экспериментальной работы.

Литература

1. Васильев А. "Подводная лодка" 6/98 // Компьютер на месте переводчика. URL: http://www.ets.ru/arc07-r.htm
2. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mathematics/48
3. Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Мир русского слова и русское слово в мире: матер. XI Конгресса МАПРЯЛ (Варна, Болгария, 17-22 сентября 2007г.) [Электронный ресурс]. – URL: http:// mapryal. Russkoeslovo.org/content.
4. Компьютерный перевод. URL: http://irinavezner.ru/.
5. Мамичева В.Т. Пособие по переводу технических текстов с французского языка на русский. - М.: Высшая школа., 2003. - 181с.
6. http://methodological_terms.academic.ru/15.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Bob-Milliar Gaspard** – студент Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия.
2. **Абдулова Илюза Сулеймановна** – студентка II курса Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
3. **Абзулдинова Гульсум Кенжебековна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан.
4. **Абильдинова Жанара Беликовна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
5. **Аблямитова Алина Решатовна** – студентка Колледжа отраслевых технологий и сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
6. **Абсалямова Рамзия Ахмаровна -** кандидат филологических наук, доцент Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия
7. **Азылбекова Гуля Олжабаевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова г. Павлодар, Казахстан
8. **Акимова Ольга Анатольевна** – студентка НОЦ «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
9. **Акмалова Зульфия Фаеловна** – студентка Института филологии и межкультурной коммуникации, Отделение татарской филологии и межкультрной коммуникации им. Г. Тукая Казанского федерального университета, г. Казань, Россия
10. **Аминова Ляззат Аманаевна** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
11. **Андрющенко Ольга Константиновна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
12. **Ахметова Айгуль Булатовна** – магистр филологии, старший преподаватель кафедры иностранных языков Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
13. **Ахметжанова Меруерт Маратовна** – студентка II курса специальности история Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
14. **Балабекян Асмик Манвеловна** – студентка II курса Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
15. **Балдина Екатерина Андреевна –** студентка Филиала Тюменского государственного университета, г. Тобольск, Россия

16. **Басырова Гульнара Ахатовна** – кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
17. **Бараненко Юлия Витальевна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
18. **Беспалова Виктория Константиновна –** студентка, Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
19. **Бобрикова Евгения Петровна –** аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Белоруссия
20. **Бойко Ольга Алексеевна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
21. **Болдырева Маргарита Васильевна** – учитель английского языка МАОУ «Гимназия № 1», г. Стерлитамак, Россия
22. **Бондарь Екатерина Вадимовна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
23. **Велиева Айкун Эльшадовна** – студентка Колледжа отраслевых технологий и сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
24. **Гаврилов Антон Юрьевич** – студент НОЦ «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
25. **Гаврилова Елизавета Геннадьевна** – студентка филиала Тюменского государственного университета в Тобольске, г. Тобольск, Россия
26. **Галямова Гульшат Сайфутдиновна** – кандидат филологических наук, доцент Научно-образовательного центра «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
27. **Гарифуллина Эльвира Ильдусовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и экологии, Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ», филиал «Восток», г. Чистополь
28. **Гуливец Наталья Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия
29. **Добробабина Ольга Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
30. **Должикова Людмила Васильевна** – преподаватель немецкого языка кафедры иностранных языков Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
31. **Доронина Светлана Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и прикладного языкознания, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

32. **Дюсекенов Дархан** – студент Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
33. **Есенгалиев Мадияр Ерсинович** – студент II курса стециальности история Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
34. **Есенова Айсара Есеновна** – магистрант программы «Полиязычное образование» Высшей школы образования Назарбаев Университета, г. Астана, Казахстан
35. **Жумадильдин Нурболат Еламанович** – студент II курса специальности история Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
36. **Журавская Анна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
37. **Зангиева Зухра Габибовна** – студентка IV курса Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
38. **Ибрагимов Булат Хакимович** – аспирант Казанского федерального университета (КФУ), г. Казань, Россия
39. **Ивлеваа Наталья Дмитриевна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
40. **Имамбаева Гайша Ертаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры Журналистики и филологии Инновационного евразийского университета, г. Павлодар, Казахстан
41. **Исмагилова Гульнар Маратовна** – магистрант Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия
42. **Камалов Руслан Рустамович –** студент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
43. **Капустина Арина Борисовна** – студентка группы ИА–22 Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
44. **Каримова Асель Орынбаевна** – старший преподаватель Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
45. **Карнаухова Татьяна Анатольевна** – преподаватель Колледжа отраслевых технологий и сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
46. **Карпова Наталья Степановна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
47. **Карташова Анастасия Сергеевна** – студентка I курса Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ, филиал «Восток», г. Чистополь

48. **Кашапова Татьяна Николаевна** – старший преподаватель Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
49. **Кенисханова Акмарал Сериковна** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
50. **Кенжетаев Хаким** – студент Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
51. **Кенбаева Рената Данияровна** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
52. **Ким Елизавета Сергеевна** – студентка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина
53. **Кольцова К.А**. – студентка Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия
54. **Комаров Олег Евгеньевич** – кандидат филологических наук, профессор кафедры философии, основы права и экономики Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
55. **Косенкова Анна Александровна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
56. **Котельников Владимир Вячеславович** – студент Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
57. **Кректунова М.А.** – студентка Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия
58. **Кузакбердиева Оксана Халитовна** – студентка НОЦ «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
59. **Кульбаева Баглан Тасболатовна** – студентка II курса специальности история Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
60. **Кусаинова Даяна Аликовна** – студентка Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия
61. **Лаврова Анжела Александровна** – студентка II курса Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия
62. **Ларцев Сергей Константинович** – студент Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
63. **Лач Дарья Владимировна** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
64. **Литвинова Олеся** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
65. **Ломанченко Дарья Сергеевна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина

66. **Макаренко Алексей Сергеевич** – студент Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
67. **Махметова Айымгуль Жумагалиевна** - студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
68. **Митева Евгения Николаевна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
69. **Михайлова Анастасия Александровна** – студентка III курса филологического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
70. **Мустафин Александр Альбертович** – студент Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
71. **Мурзин Фагиль Кумерович** – студент Тобольского филиала Тюменского государственного нефтегазового университета, Тобольск, Россия
72. **Мухтарова Дильбар Равилевна** – кандидат филологических наук, доцент Научно-образовательного центра «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
73. **Никитина Алёна Синафоновна** – студентка IV курса филологического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
74. **Никитина Юлия Дмитриевна** – студентка Колледжа отраслевых технологий и сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
75. **Нордман Ирина Борисовна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
76. **Нуртаза Сулубике Мурсалкызы** – бакалавр, студентка Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова, г Павлодар, Казахстан
77. **Омаров Нурлан Рамзанович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
78. **Петрова Вера Серафимовна** – студентка 4 курса филологического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
79. **Полетаева Оксана Борисовна** – кандидат филологических наук, доцент Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия
80. **Пьянкова Ирина Анатольевна** – преподаватель Колледжа отраслевых технологий и сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
81. **Рамазанова Евгения А.** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан

82. **Руссева Татьяна Г.** - студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
83. **Садыков Козбай Дауренбекович** – студент НОЦ «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета
84. **Саляхова Зугура Идрисовна –** доктор филологических наук, професор, декан факультета башкирской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
85. **Саурбаев Ришат Журкенович** – доктор филологическихнаук, профессор Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
86. **Сенина Кристина Яковлевна** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
87. **Степанова Надежда Михайловна** – старший преподаватель Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
88. **Стрельцова Екатерина Эдуардовна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
89. **Суюнова Гульнара Сейльбековна** – доктор филологических наук, профессор Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
90. **Татиева Анель Биржановна** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
91. **Ташкеева Гульсина Халиловна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Филиала Тюменского государственного университета в Тобольске, г. Тобольск, Россия
92. **Таштемирова Дилара Наилевна** – студентка II курса Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
93. **Текжанов Кайрат Хафизович** – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и истории Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
94. **Темиргазина Зифа Какбаевна** – доктор филологических наук, профессор Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
95. **Тимофеева Ирина Александровна –** студентка НОЦ «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
96. **Ткач Светлана Андреевна** – аспирант Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
97. **Ткачук Софья Сергеевна** – студентка Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан

98. **Трофимова Ольга Петровна** – студентка IV курса Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
99. **Туляганова Мадина Бахтияровна** – учащаяся лицея ТюмГНГУ
100. **Улыбина Светлана Владимировна** – студентка НОЦ «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
101. **Уразова Насия Мухамедчановна** – кандидат филологических наук, доцент Научно-образовательного центра «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия
102. **Файзуллина Гузель Чахваровна** – кандидат филологических наук доцент Филиала Тюменского государственного университета в Тобольске, г. Тобольск, Россия
103. **Фёдорова Анастасия Вадимовна** – студентка III курса Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
104. **Фокина Светлана Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
105. **Хамитова Ильмира Рафаиловна** – аспирант факультета башкирской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
106. **Хорошилова Валерия Андреевна** – студентка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, г. Одесса, Украина
107. **Черепкова Анна Алексеевна** – студентка НОЦ «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета
108. **Шагбанова Хабиба Садыровна** – доктор филологических наук, профессор, начальник Научно-образовательного центра «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета
109. **Шаймарданова Светлана Кабиденовна** – кандидат филологических наук, доцент ВАК, профессор кафедры русской филологии Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова, г. Павлодар, Казахстан
110. **Шацких Ирина Сергеевна** – студентка НОЦ «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета
111. **Шакаман Ырысгуль Бектемиркызы** – кандидат филологических наук, доцент ВАК, профессор Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Республика Казахстан
112. **Шевчук Борис Кириллович** – старший преподаватель Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Казахстан

113. **Широкова Жанна Константиновна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Республика Казахстан
114. **Яковлева Наталья Александровна** – ассистент Научно-образовательного центра «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета
115. **Яркаева Сумбуль Фанилевна** – студентка IV курса Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
116. **Ярмухаметов Фидан Вилевич –** студент I курса Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия
117. **Яшина Лариса Измайловна** – ассистент кафедры иностранных языков Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень, Россия

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ – 2015

В авторской редакции

Дизайн обложки *А.В. Клеменко*

Подписано в печать 3.06.2015. Формат 60х90 1/16.
Печ. л. 28. Тираж 100 экз. Заказ № 250

Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.